This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 05930190 7

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭПОХА

Digitized by Google

AZOHG

Digitized by Google

ЭПОХА

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЕМЕЙСТВОМЪ М. ДОСТОЕВСКАГО

ІЮЛЬ

№ 7.

ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
1864.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
65908B
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1940 L

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Сентября 1864 г.

Digitized by Google

МУДРЕНОЕ ДѢЛО

очеркъ

ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

—

ЧАСТЬ III

НА ДѢЛѢ.

I.

27-го Марта.

Вчера былъ наконецъ у моей переводчицы. Грязная лѣстница со двора, бѣдная комнатка отъ жильцовъ, ходъ черезъ кухню, тѣсно, темно!... Я засталъ ее за работой. Прищурясь и наклонивъ голову близко къ бумагѣ, она что-то писала.... лицо усталое, волосы на вискахъ измяты, тонкіе пальцы выпачканы чернилами.... Увидѣвъ меня въ дверяхъ она не вдругъ узнала и кажется была нѣсколько удивлена моимъ посѣщеніемъ, но несмотря на то, приняла меня просто и мило. У меня приготовлено было нѣсколько фразъ съ намѣреніемъ объяснить мой визитъ, но съ глазу на глазъ, все это оказалось такъ глупо, что я не рѣшился ихъ выговорить, да и времени не имѣлъ, потому что она сама начала говорить. Я всматривался внимательно въ ея лицо. Въ минуту встрѣчи оно имѣло тотъ же усталый и озабоченный видъ, какъ въ ту пору, когда она ходила ко мнѣ съ своей рукописью, но мало по малу молодость и живой темпераментъ взяли свое. На щекахъ появилась краска, въ глазахъ огонь, въ головѣ звонкія

Digitized by Google

ноты юношескаго одушевленія. Измученный труженикъ превратился въ двадцатилѣтнюю женщину, которая сидѣла со мною рядомъ и болтала простосердечно о всякой всячинѣ какъ съ человѣкомъ давно-знакомымъ.... Всего что было говорено не помню, но разговоръ нѣсколько разъ касался до моего журнала. Сначала она спросила не пишу ли я самъ что̀ нибудь и узнавъ что нѣтъ, что я вовсе не литераторъ и что даже издателемъ сталъ случайно, была сперва очень удивлена, но потомъ разсмѣялась.

— «А!» — сказала она; — «теперь я понимаю отчего вы всегда казались мнѣ такъ не похожи на этихъ господъ!»

На вопросъ: развѣ она имѣла ужъ дѣло съ другими, она мнѣ призналась вздохнувъ, что съ этою маленькою работой, которую я принялъ, она бьется уже давно и прошла цѣлый рядъ мытарствъ, вездѣ получая отказы. «Еслибъ это касалось меня одной,» продолжала она,—«я бы давно ее въ печку бросила и пошла въ прачки или швеи; но...» и при этомъ она оглянулась на ширмы, раздѣлявшія ея комнату по поламъ.... «Имѣя грудного ребенка...» Она не докончила и покраснѣла слегка.

Въ другой разъ, по поводу хозяйскаго мальчика, который твердилъ урокъ за стѣной и голосъ котораго былъ явственно слышенъ изъ ея комнаты, у насъ зашла рѣчь о воспитаніи, а по поводу воспитанія о великихъ задачахъ нашего времени. Подъ вліяніемъ безпрестанныхъ споровъ объ этомъ предметѣ, нѣсколько разъ уже выводившихъ меня изъ терпѣнія, я отозвался о нихъ довольно жестоко, замѣтивъ что мы сбиты съ толку сухимъ филантропическимъ фантазерствомъ, которое льститъ нашему самолюбію, рисуя ему великія цѣли вдали, а на то, что доступно и близко, на простое и скромное дѣло жизни, учитъ смотрѣть съ презрѣніемъ какъ на скучную мелочь, недостойную нашихъ великихъ силъ.

Противъ этого она горячо возстала... — «Не говорите мнѣ, ради Бога, про ваше скромное дѣло жизни! Я этого слушать не могу! Это фразы! Какое тамъ дѣло? Не дѣло, а полный застой, — тина, плесень, гнилое болото, которое добраго слова не стоитъ! И совсѣмъ оно не такъ скромно; съ чего вы ему такой комплиментъ дѣлаете?... Напротивъ; оно нахально, полно нестерпимаго чванства; люди въ немъ задыхаются отъ глупыхъ претензій и мелкой зависти, сходятъ съ ума отъ напряженныхъ усилій перехитрить другъ друга на такихъ вздо-

Digitized by Google

рахъ, въ которыхъ признаться совѣстно!... Что удивительнаго, что мы съ этимъ не можемъ ужиться? Оставьте намъ нашу вѣру въ лучшее, потому что безъ этой вѣры мы нищіе!... Не называйте ее сухимъ фантазеромъ! Это не правда! Это не хорошо! Неужли вы не видите что она не сухая? Что въ ссорѣ съ дѣйствительностію, мы переносимъ всю нашу любовь на наше завѣтное будущее?... Оно придетъ когда нибудь, это будущее, и докажетъ что мы не напрасно вѣрили; и тогда насъ никто не назоветъ больше мечтателями!...

Я слушалъ ее внимательно, не сводя глазъ съ ея исхудалаго личика, на которомъ огонь увлеченія то вдругъ загорался, то угасалъ... Сердечная музыка голоса и вдохновенный взоръ придавали ея словамъ что-то чарующее, какую-то силу и жаръ, которые противъ воли обхватывали слушающаго.

Подъ вліяніемъ ихъ, мнѣ стало стыдно за свою жосткую выходку. Я понялъ, что въ ней не было искренности, что ея холодъ навѣянъ былъ на меня безотчотно Касимовымъ.

— «Я вамъ завидую,» — сказалъ я вздохнувъ.

— «Мнѣ?»

— «Да; — вашей горячей вѣрѣ».

— «Неужли вы сами не вѣрите?» спросила она съ участіемъ.

— «Вѣрю, Лидія Алексѣевна; — но моя вѣра гнется и зябнетъ отъ всякаго вѣтерка.»

— «Отчего это?» спросила она.

— «Не знаю какъ вамъ сказать. Я думаю оттого, что въ жизни моей нѣтъ дѣятельности, которая могла бы служить для нея выраженіемъ, нѣтъ ничего что-бы грѣло и оживляло ее.»

— «А вашъ журналъ?»

— «Да что мой журналъ! Онъ стоитъ мнѣ много денегъ и отнимаетъ у меня много времени, но я въ немъ до сихъ поръ какъ въ лѣсу. Я не готовилъ себя къ этой дѣятельности.... Въ рукахъ у другого кого нибудь, онъ могъ бы служить орудіемъ къ осуществленію ясно опредѣленныхъ цѣлей, а у меня онъ какъ скрипка въ рукахъ никогда не владѣвшихъ смычкомъ!... Я не могу вдохнуть въ него душу живую! Я вамъ со стыдомъ признаюсь, что я до сихъ поръ не рѣшилъ въ какомъ направленіи его издавать....»

— «Вы шутите!» — сказала она смѣясь.

— «Да; оно точно можетъ казаться шуткою,» отвѣчалъ я, если смотрѣть на этотъ вопросъ какъ я прежде смотрѣлъ, на-

Digitized by Google

ивно, издали. Но кто окунулся какъ я, съ головой, въ этотъ омутъ, кто слышитъ вокругъ себя каждый день споры и брань враждующихъ партій, и кому это надоѣло, у кого голова кружится, кто желалъ бы выбраться на просторъ изъ этого лабиринта сомнѣній, противорѣчій и парадоксовъ, переплетенныхъ въ запутанные узлы, — тотъ.... ну, да тотъ согласится конечно, что это не такъ легко!»

— «Но въ чемъ же вы сомнѣваетесь?»

— «Во всемъ, во всемъ на повалъ!... Въ запасѣ моихъ убѣжденій не остается нитки живой, ничего твердаго, ни одной точки, на которую я могъ бы упереться ногой и сказать: это наконецъ прочно! съ этого меня никто въ мірѣ не сдвинетъ!»

— «Это ужасно!» прошептала она. «Но я бы желала знать что нибудь изъ того, что васъ затрудняетъ. Пожалуйста сообщите....»

— «Не теперь Лидія Алексѣевна; когда нибудь въ другой разъ.... Я не готовъ сегодня. Я пришолъ отдохнуть къ вамъ отъ всей этой путаницы.»

— «Отдохнуть?... Ко мнѣ?»

— «Да;... мнѣ почему то казалось, что я найду миръ въ вашемъ маленькомъ уголкѣ.»

— «Миръ?... У меня?» отвѣчала она съ горькой усмѣшкой. «Ну, это едва ли!... Я ужъ давно и съ разныхъ сторонъ стою на военномъ положеніи.»

Это былъ ясный намекъ на ея обстоятельства. Я понялъ и замолчалъ.

II

12 Апрѣля.

Весна.... На улицахъ почти сухо, и мѣстами ужъ пыль; а Нева еще держится и окошки еще не выставлены, и вечеромъ все еще какъ то неловко безъ шубы.... Вчера ѣздилъ загородъ, свѣжимъ воздухомъ подышать и простудилъ себѣ горло.... О! что за климатъ! Апрѣль въ половинѣ, а нигдѣ ни листочка зеленаго! Въ канавахъ снѣгъ, грязь!... гадость!... думалъ пѣшкомъ пройтись и чуть не увязъ по щиколодку; на-силу калоши вытащилъ!... Вернулся не въ духѣ, и цѣлую ночь видѣлъ во снѣ Засядкино.... Тамъ ужъ цвѣты; въ поляхъ ароматъ, лѣса зеленѣютъ; Журавли, гуси, длинными вереницами тянутся по небу и все полно жизни!.. А здѣсь?... Грустно становится какъ сравнишь! Такъ и тянетъ на югъ, въ деревню....

Digitized by Google

Сегодня четвертая книжка вышла; да только ужъ это не производитъ того впечатлѣнія. Смотришь со всѣмъ съ другой точки зрѣнія чѣмъ бывало. Надо признаться, я прежде думалъ что публика больше интересуется нашимъ дѣломъ, и только недавно узналъ сколько глубокаго равнодушія таится у ней на днѣ.... Наша братья редакторы, подвержены странной галлюцинаціи, что всѣ взоры обращены на насъ и что каждая строчка изъ того, что у насъ печатается должна быть извѣстна во всей Россіи и должна возбудить если не общее одобреніе то по крайней мѣрѣ, горячіе споры и толки.... И самъ понимаешь что вздоръ, и что большая часть нумеровъ валяются у читателей неразрѣзанные, а все какъ-то не можешь отдѣлаться отъ иллюзіи;—все чудится тебѣ forum и густая толпа народа нетерпѣливо ожидающая рѣчей.... Я говорю относительно разумѣется, относительно то есть того какъ намъ кажется; потому что съ другой стороны конечно, публика деньги платитъ и нельзя ее упрекнуть, чтобъ у ней не было вовсе сочувствія. Напротивъ, бываютъ минуты и случаи когда она жадно кидается на журнальный продуктъ. Только жаль, угадать трудно, чѣмъ именно, въ данную минуту, ее можно разшевелить. Она любитъ новое безъ сомнѣнія; да откуда же взять столько новаго, чтобы хватило на каждый день? Направленія не мѣняются такъ легко. Мысли не лайковыя перчатки. Онѣ требуютъ времени чтобы ихъ пріобрѣсть и усвоить и высказать и развить какъ слѣдуетъ,— не говоря ужъ о томъ чтобы на дѣлѣ осуществить!... Мнѣ часто приходитъ въ голову, что публика цѣнитъ не только сущность того, что ей говорятъ, сколько то какъ и кто говоритъ. Скажетъ одинъ,—всѣмъ нравится;—начнетъ говорить другой, въ томъ же духѣ и направленіи—никто и ухомъ не поведетъ!... У публики есть любимцы и у этихъ любимцевъ есть нѣчто такое.... какое то особаго рода чутье, тактъ, шикъ этакой значитъ особенный, что о чемъ ни начнутъ говорить, хоть о сапогахъ въ смятку, все нравится!...

Мысли эти приходятъ мнѣ въ голову по поводу нашего *Дѣла*. Подписка идетъ прескверно; до сихъ поръ не доползла до тысячи и дальше конечно ждать нечего, развѣ на будущій годъ; но для этого надо имѣть успѣхъ въ нынѣшнемъ, а будемъ ли мы имѣть его, это еще вопросъ. Иверскій не теряетъ времени; онъ набралъ себѣ цѣлый штатъ сотрудниковъ, заказалъ два романа и цѣлую партію повѣстей; въ каждомъ нумерѣ пишетъ самъ: библіографію, критику и политическіе об-

Digitized by Google

зоры, ну однимъ словомъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы поставить на ноги нашъ журналъ; но.... меня сильно смущаетъ то, что Касимовъ мнѣ говорилъ. Боюсь чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ не сдѣлалъ ошибки, не повелъ насъ въ хвостѣ за другими.... Я вчера ему намекалъ объ этомъ..... не хорошо молъ, если у насъ ничего своего не будетъ, особеннаго, и также о томъ, что въ наше время нельзя хвататься за все, а лучше бы выбрать какую нибудь спеціальную цѣль и держаться ея.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, точно какъ будто дивясь: откуда мнѣ это въ голову забрело.

— «Хорошо-съ», говоритъ; «да какую же?»

— «Какую нибудь дѣловую, нелитературную....»

— «Я васъ не понимаю, Василій Григорьичъ. Какую же это журналъ можетъ имѣть нелитературную цѣль?.... Сапоги что ли шить?»

— «Ну вотъ ужъ и сапоги!.... Я хочу только сказать, что журналъ, въ наше время, долженъ имѣть въ виду не теоретическое рѣшеніе какихъ нибудь высшихъ, всемірныхъ вопросовъ науки, а простую, практическую пользу и положительные, житейскіе интересы людей.»

— «Ну разумѣется.»

— «Да и не всѣхъ людей вообще; а какой нибудь части общества, какого нибудь класса или сословія.... положимъ крестьянскаго....»

— «Гмъ; хорошо сдѣлали-съ, что прибавили это словцо; а то кто нибудь пожалуй подумалъ бы, что мы съ вами.... того!....»

Мнѣ стало немножко досадно на этотъ насмѣшливый, ментерскій тонъ. Что онъ думаетъ? Что я не осмѣлюсь ему возражать? Что противъ его авторитета нѣтъ доводовъ, что ли? Какъ бы не такъ! Жаль что тутъ нѣтъ Касимова! Онъ бы эту спѣсь скоро сбилъ!....

— «Послушайте», я отвѣчалъ. «Вы согласитесь, что одному журналу трудно на всѣхъ угодить.»

— «Конечно; да этого и не требуется. Нѣтъ никакой нужды угождать кому бы то ни было.»

— «Нѣтъ; вы меня не такъ поняли. Я хотѣлъ сказать, что журналъ не можетъ имѣть въ виду такой цѣли, которая была бы дѣйствительно цѣлью для всѣхъ.»

— «Почему же съ?»

— «Да потому что на дѣлѣ, такой цѣли нѣтъ. На дѣлѣ, что для однихъ выгодно, то другимъ вредно.»

Digitized by Google

— «Кто это вамъ сказалъ?»

— «Послушайте, дѣло не въ томъ кто мнѣ это сказалъ, а въ томъ что я вамъ теперь это говорю, и что это правда.»

— «Да полно правда-ли-съ? Это мнѣніе лавочниковъ и той науки, которая у нихъ въ наймахъ; но ни наука, ни лавка не хотятъ взять въ разсчотъ, что обѣ онѣ банкрутятся вслѣдствіе этого мнѣнія! Конкурренція....» и т. д. и т. д.

Замѣтивъ что онъ садится верхомъ на своего боеваго конька, я понялъ, что дѣло плохо, и что въ его элементѣ, мнѣ съ нимъ не подъ силу бороться; а потому оставилъ его говорить что ему вздумается, и уже послѣ, когда его жаръ остылъ, замѣтилъ ему, что онъ ошибается, что я вовсе не думалъ защищать теорію лавочниковъ или другую какую бы то ни было, а говорю совершенно напротивъ: что пора намъ оставить теоретическіе вопросы, до которыхъ, въ дѣйствительности, никому изъ читателей дѣла нѣтъ, и говорить съ ними о томъ, что они лучше могутъ понять, что ихъ ближе интересуетъ, о ихъ насущныхъ занятіяхъ и потребностяхъ, о томъ что они дѣлаютъ каждый день и о чемъ каждый день толкуютъ.

— «То есть о чемъ же это-съ? Объ оперѣ что ли? или объ устрицахъ? о танцклассахъ?»

— «Ну вотъ ужъ и о танцклассахъ!.... Я говорю не о какихъ нибудь тунеядцахъ, обжорахъ, или кутилахъ, а о людяхъ, которые дѣломъ заняты.»

— «Можетъ быть о чиновникахъ?»

— «Э! полноте! Вы очень хорошо понимаете что я хочу сказать.»

— «Не понимаю-съ.»

— «Я хочу только то сказать, что вы плюете на жизнь, потому что она не подходитъ подъ ваши теоретическія воззрѣнія; но читателямъ некогда ждать покуда она подойдетъ; всякій изъ нихъ жить хочетъ и хочетъ чтобы съ нимъ говорили о томъ, что дѣйствительно есть въ его жизни, а не о томъ чего нѣтъ, о какой-то Аркадіи, до которой ему также мало дѣла, какъ до того, что будетъ происходить на лунѣ черезъ тысячу лѣтъ.»

— «Такъ съ», отвѣчалъ онъ. «Оно все къ тому и приходитъ, что лучше печатать афишки объ устрицахъ.»

— «Опять вы объ устрицахъ! Да что вы такъ злитесь на эти несчастныя устрицы? Устрицы очень хорошая вещь! Во

Digitized by Google

всякомъ случаѣ, десятка два свѣжихъ устрицъ у Елисѣева гораздо лучше надеждъ, которыми вы кормите вѣрующихъ.»

— «А что лучше? Чтобъ одни ѣли устрицы, а другимъ нечего было ѣсть, или чтобы всѣ были сыты безъ устрицъ?»

— «Ну ужъ пошли!.... Знаю я это!.... Слыхалъ!»

И дѣйствительно, этотъ тонъ до того мнѣ знакомъ, что я началъ терять къ нему прежнее уваженіе. Всякая вещь хороша въ мѣру, а какъ начнутъ твердить вамъ одно, каждый день, да какъ видишь что дальше изъ этого ни шиша не выходитъ, то воля ваша, пріѣстся, не смотря ни на какое сочувствіе!.... Ктому-же, въ послѣднее время, у меня родилось подозрѣніе, что все это далеко не такъ положительно, какъ хотятъ чтобъ оно казалось, и что если все разобрать какъ слѣдуетъ, то пожалуй концовъ не сведешь.... Въ послѣднее время, я вижусь часто съ Дмитріемъ Петровичемъ у Рыбникова, который зоветъ меня часто къ себѣ обѣдать, и при мнѣ, господа эти очень забавно подсмѣиваются надъ мнимою положительностью нашихъ передовыхъ.... Я, разумѣется, не сочувствую имъ нисколько въ сущности, но я очень люблю хорошую шутку, послѣ хорошаго стакана вина, и не вижу въ томъ никакой бѣды. Вѣдь смѣется же нашъ братъ литераторъ надъ всѣмъ, чго подъ руку попадетъ! Отчегожъ и надъ нимъ не посмѣяться, особенно если это дѣлается безъ всякой огласки, гдѣ нибудь въ кабинетѣ, за чашкою кофе, послѣ обѣда, между двумя или тремя пріятелями, въ полной увѣренности, что изъ избы никто сору не вынесетъ?....

III

17-го Апрѣля.

Вчера засталъ у Рулевой гостью, вертлявую, недурную собой дѣвочку лѣтъ 20, съ маленькой, острой мордочкой, и съ оттѣнкомъ какой-то забавной удали въ обращеніи. Она что-то разсказывала, но когда я вошолъ, остановилась.... Лидія Алексѣевна назвала меня по фамиліи; «редакторъ *Дѣла*», прибавила она.

— «Ахъ, вотъ кстати!» сказала гостья, быстро окинувъ меня глазами и кивнувъ головой. «Скажите пожалуйста, гдѣ вы живете?.... У меня есть одинъ знакомый, который ищетъ занятія. Я его къ вамъ пришлю, вы дайте ему какую нибудь работу.»

— «Какую же именно?» спросилъ я.

— «А я почемъ знаю?.... Какую нибудь, все равно; переводы тамъ, что ли.»

Digitized by Google

— «Переводовъ я не могу обѣщать.»

— «Ну корректуру.»

— «А корректуру, которая у насъ въ редакціи дѣлается, мы не можемъ довѣрить никому постороннему.»

— «О! На него вы можете положиться, я вамъ за него отвѣчаю», продолжала она очень бойко.

Я смотрѣлъ ей въ глаза, не зная что отвѣчать.

«Вотъ вы какіе, господа!» продолжала она пожавъ плечами. «Ораторствовать вы всѣ мастера, а какъ дойдетъ до того, чтобы что нибудь для общаго дѣла сдѣлать, такъ всѣ и прочь!»

— «Какъ такъ—для общаго дѣла?» спросилъ я. «Сколько я васъ понимаю, рѣчь идетъ не объ общемъ дѣлѣ, а просто о вашемъ знакомомъ....»

— «Ну вотъ! Ну вотъ!» перебила она; «я ужъ такъ и знала, что вы это скажете!.... Не говорите пожалуйста, ненужно!.... Я напередъ знаю куда вы хотите придти! Это все философія! все тоже какъ вотъ вчера въ засѣданіи.... Ахъ, да! Я и не досказала вамъ....» Она повернулась къ Рулевой и продолжала разсказъ, неудостоивая меня дальнѣйшаго объясненія.... «Неуспѣли прочесть, какъ вскочилъ этотъ несносный Сушковъ и пошолъ проповѣдывать!.... Говорилъ, говорилъ,— часа два;—всѣ ужъ зѣвать начали.... скука такая!.... Мы съ Софьей Васильевной раза два шумъ поднимали, чтобъ его перебить, сморкались, шаркали, кричали *короче! Довольно!*.... Нѣтъ! Ничего не беретъ!.... Помилуйте; два часа потерять слушая какъ этакой какой нибудь господинъ упражняется въ краснорѣчіи!.... Ужъ я жъ ему задала за то, какъ онъ кончилъ!... Мнѣ говорили потомъ что ужъ слишкомъ рѣзко.... ну да тѣ, кому оно рѣзко кажется, тѣ пусть и слушаютъ этихъ господъ, а мнѣ они надоѣли! Они насъ, женщинъ, считаютъ за какихъ-то дуръ! Этого они, разумѣется, не говорятъ прямо; но это видно, потому какъ они насъ третируютъ свысока.... Эти господа воображаютъ себѣ, что мы безъ нихъ ничего не съумѣемъ сдѣлать, что они насъ должны руководить во всемъ! Кричатъ, что мы женщины не практичны!.... Да сдѣлайте милость, господа, я говорю, покажите вы намъ хоть разъ гдѣ ваша хваленая практичность?.... Куда не вмѣшаетесь, за что не возьметесь, вездѣ только глупостей надѣлаете!....»

Говоря такимъ образомъ, она нѣсколько разъ посматривала на меня съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать: «а вотъ сунься только! А вотъ я тебѣ такого задамъ!....» Но я,

Digitized by Google

признаюсь, струсилъ и не рѣшился поднять перчатку за честь нашего пола.

— «Что жъ это вы?» спросила Рулева смѣясь, когда ея гостья ушла.

— «Да что, Лидія Алексѣевна», отвѣчалъ я; «знаете, я вамъ скажу по секрету, мнѣ кажется, что она права, и что нашъ братъ мужчина дѣйствительно очень плохъ.»

IV

20-го Апрѣля.

Сегодня опять у меня были пренія съ Иверскимъ на счотъ того, что намъ дѣлать, чтобы придать характеръ журналу?.... Да только нѣтъ!.... У! нѣтъ! Куда?... Не подъ силу мнѣ съ нимъ тягаться!.... Мягокъ я слишкомъ, податливъ, мало-увѣренъ въ себѣ; — да и учонъ тоже плохо. А главное нѣтъ у меня этой настойчивости, упорства, этой выправки такъ сказать боевой. Покуда дѣло еще на шуткахъ вертится. держишься какъ нибудь; а какъ только пошло на серьозное такъ и пасъ!... Ничего съ него не возьмешь! Обойдётъ тебя съ разныхъ сторонъ, тутъ высмѣетъ, тамъ пристукнетъ, собственными твоими словами опутаетъ и доведётъ наконецъ до того, что станешь со всѣмъ въ тупикъ; — слова сказать не придумаешь!.... Мнѣ часто приходитъ въ голову: что́ если бы этакъ Дмитрія Петровича на мое мѣсто?... Что́-бы онъ сказалъ?... Дмитрій Петровичъ не такъ-то легко бы поддался!... Надо бы эту штуку смастерить. Да только боюсь, что мой Сергѣй Никаноровичъ озлится крѣпко; потому что я знаю, онъ ненавидитъ Касимова.... Я какъ-то недавно спрашивалъ, что́ онъ объ этомъ человѣкѣ думаетъ? Онъ покосился и началъ отнѣкиваться. Вы молъ, пріятели съ нимъ и сами его лучше знаете... что́ я васъ буду учить?.... Но видя что такъ отъ меня не отдѣлаешься, нахмурилъ брови.

— «Ну,» говоритъ, «ужъ если хотите знать, то я вамъ пожалуй скажу.... Это такой подлецъ, что если бы мнѣ его въ руки, да я бы его на первой осинѣ повѣсилъ; — вотъ что́ я о немъ думаю».

Это меня озадачило и я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не отвѣчая ни слова. — «А! что,» — говоритъ, — «не нравится?.... Ну вотъ я оттого и не хотѣлъ говорить; — зналъ напередъ что вамъ не понравится».

— «Ну, послушайте!» я отвѣчалъ. «Надо же вѣдь и то сказать, что вы крѣпко хватили!»

Digitized by Google

— «Крѣпко-съ?... Нѣтъ, вовсе не крѣпко; а еще мягко слишкомъ...»

— «Помилуйте!» говорю; — «да за что же вы такъ на него?»

— «Гмъ,» говоритъ, — «за что?.... Кабы вамъ разсказать все что я о немъ знаю....»

— «Чтó-жъ это? Что онъ имѣетъ паи въ откупахъ?....»

— «Нѣтъ.... Да....» онъ замялся.... «Нѣтъ, знаете, вы съ ихъ семействомъ знакомы, и я у нихъ жилъ, такъ оно-того-знаете... не приходится....»

Я понялъ что ему непріятны мои разспросы и просилъ его только сказать мнѣ такъ, вообще, что онъ думаетъ объ убѣжденіяхъ Дмитрія Петровича.

— «Убѣжденіяхъ?!...» повторилъ онъ съ презрительною усмѣшкой.... «Развѣ то, что онъ думаетъ, можно назвать убѣжденіями?»

— «Отчего-же нѣтъ?»

— «А отъ того, вотъ изволите видѣть, что убѣжденія, какія тамъ ни на есть, дѣло все таки человѣческое, а у него, хоть вы его на изнанку выверните, человѣческаго не отъищете.... это такая свинья!...»

— «Послушайте!»

— «Чтó-жъ!» отвѣчалъ онъ. «Если вамъ не любо слушать правду, то не за чѣмъ было и спрашивать».

V

24-го Апрѣля.

Чтó за милая барыня эта Лидія Алексѣевна!... Я у ней теперь часто бываю и мы познакомились такъ коротко, что она больше со мной не стѣсняется. Нянчитъ при мнѣ своего малютку и говоритъ со мной обо всемъ откровенно. Положеніе ея очень тяжелое; но она не теряетъ духу и не смотря на возню съ груднымъ ребенкомъ, трудится въ сутки часовъ по восьми. Откуда у ней хватаетъ силъ и бодрости, я понять не могу. Такая худенькая, щедушная, а между тѣмъ сколько жизни!... Правда, иной разъ ей жутко приходится и до того что недавно еще при мнѣ расплакалась.... Сынъ ея былъ нездоровъ.... но эти дожди проходятъ, не оставляя слишкомъ тяжелыхъ слѣдовъ. У ней столько вѣры въ будущее и такая любовь къ труду, такая энерґія, что мнѣ часто стыдно становится за себя, когда я сравню себя съ нею. Какъ хорошо обезпечено мое положеніе! и какъ мало лежитъ у меня на шеѣ обязанностей! а между тѣмъ, я часто падаю духомъ или теряю

Digitized by Google

терпѣніе и выхожу изъ себя по поводу такихъ вздоровъ, что послѣ и вспомнить совѣстно; — а она?... О! она выше меня, — неизмѣримо выше!.... Мнѣ надо учиться у ней, и я таки иногда учусь. Сидя у ней вечеркомъ, за чашкою чая, начнешь иногда говорить съ ней о чемъ нибудь, или заспоримъ, сначала шутя, а потомъ и серьозно. А у нея головка такая горячая, разкраснѣется вся, глаза блещутъ, увлечется, начнетъ говорить, — да такъ складно, умно, что забудешь и отвѣчать ей, заслушаешься.... глядь на часы, — анъ ужъ первый часъ, — уходить пора!... А идти прочь не хочется; такъ бы и просидѣлъ до утра!... А иной разъ почудится что я ей уступаю изъ вѣжливости, — обидится, замолчитъ.... Начнешь спрашивать что съ вами, — а она станетъ колкости говорить.... Что вы, говоритъ, ребенкомъ меня считаете или дурою, что вы со мной спорить серьозно неудостоиваете? Или вы вѣрно думаете что о такихъ вещахъ съ женщиной разсуждать не стоитъ, потому что она ничего не смыслитъ въ нихъ; и т. д. да такъ тебя распечетъ, что не знаешь какъ и оправдываться!... А вчера взяла сына на руки и стала его ласкать.... Мучитъ, цалуетъ; а у самой по щекамъ — слезы катятся.... «Радость моя!» говоритъ, — доживу-ли я до того, какъ ты выростешь? Ты будешь счастливѣе твоей матери! Твое время будетъ не то, что теперь! Весело будетъ тебѣ, привольно на свѣтѣ жить! Не будетъ у тебя моихъ горькихъ заботъ и тяжолыхъ трудовъ, — жизнь иначе устроится! Люди не станутъ прятаться другъ отъ друга, и чуждаться другъ друга, и не будетъ между ними отверженныхъ, заклейменныхъ! А будутъ они любить другъ друга и жить мирно какъ братья! И не будетъ нужды, не будетъ неволи; всѣмъ будетъ мѣсто другъ возлѣ друга.... Спросишь-ли ты тогда что мы вытерпѣли, стараясь для васъ?... Мы, люди больные, измученные, птички подстрѣленныя; цвѣтки надломанные! Кого затопчутъ, а кто зачахнетъ на пыльной дорогѣ: и не увидимъ мы края обѣтованнаго!... Но вы увидите, и вспомните насъ когда будете тамъ, и скажете намъ спасибо, — потому что вѣдь всѣ-же мы не даромъ жили. Мы собирали и припасали для васъ.... мы плакали, чахли, страдали для васъ!...» И говоря это, она прижимала къ лицу малютки свое пылающее лицо; она смотрѣла ему въ глаза улыбаясь и что-то шептала и опять усмѣхалась сквозь слезы.... и меня въ жаръ бросало! Мнѣ самому хотѣлось смѣяться и плакать!...

Digitized by Google

VI

27-го Апрѣля.

Рулева меня удивляетъ. Она вѣритъ серьозно въ близкую полную перемѣну всѣхъ отношеній житейскихъ, въ великій кризисъ, который долженъ быть скоро, и послѣ котораго наступитъ какой то миллепніумъ, золотой вѣкъ!... Нѣчто похожее я замѣчалъ иногда у Сергѣй Никанорыча; но тотъ не высказываетъ своихъ задушевныхъ вѣрованій такъ прямо, да я и не думаю чтобъ онѣ у него были такъ положительны и такъ далеки отъ малѣйшей тѣни сомнѣнія, какъ у этой женщины. О ней мало сказать что она вѣритъ; нѣтъ она ждетъ, и ждетъ въ скоромъ времени, — чего именно, я не могу хорошенько понять, да едва ли она и сама даетъ себѣ въ этомъ отчетъ. Но сколько я въ состояніи заключить по ея словамъ, это должно быть какой то рай земной, какое то царство мира и правды, которое вдругъ наступитъ, какъ день послѣ темной ночи, и откроетъ глазамъ удивленныхъ людей истинный смыслъ ихъ отношеній другъ къ другу.... Все ложное вынужденное, насильственное въ ихъ жизни разсыпется прахомъ: они убѣдятся что не за что враждовать, и не изъ зачего хитрить, другъ друга обманывать;.... что ихъ интересы тождественны и что весь ходъ ихъ жизни, начиная отъ мелкихъ домашнихъ нуждъ, до высшихъ, сложнѣйшихъ задачъ быта общественнаго, можетъ устроиться совершенно легко и просто, такъ что всѣ, съ перваго до послѣдняго, будутъ довольны и счастливы. Какъ это можетъ сдѣлаться и какая теорія общественнаго устройства лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ вѣрованій—объ этомъ она не говоритъ, но она вѣритъ твердо, и это, если не ошибаюсь, даетъ ей ту бодрость, которая меня иногда удивляетъ.... Она считаетъ себя сподвижницею великаго дѣла, форпостомъ великой арміи; она не одна, за нею милліоны..... Она не свои фантазіи высказываетъ, а сообщаетъ пароль и лозунгъ могучаго братства.... Какимъ образомъ все это вяжется у ней въ головѣ съ положительной обстановкой той жизни, которая насъ окружаетъ, какой выходъ видитъ она изъ этой послѣдней, и какія тропы потаенныя, нити для глазъ невидимыя, соединяютъ въ ея представленіе настоящее съ будущимъ, это загадка—которую я не могу объяснить себѣ иначе какъ вспомнивъ что чудится иногда во снѣ. Чувство дѣйствительности и трезвой истины не пропадаетъ совсѣмъ, но на его скромномъ фонѣ рисуются какіе то фантастическіе узоры, присутствіе которыхъ иногда рѣзко про-

Digitized by Google

тиворѣчитъ съ рамкой ихъ умѣщающей, но это противорѣчіе не удовлетворяетъ насъ. Мы видимъ какъ будто бы двѣ картины, одну на другой и одну сквозь другую, но сознаніе этой двойственности такъ слабо, что мы не даемъ себѣ никакого отчота: который образъ принадлежитъ одной изъ нихъ, и который другой?.... Что-то похожее я замѣчалъ и у Лидіи Алексѣевны. Она не всегда фантазируетъ. Вѣрное пониманіе и оцѣнка трезвой дѣйствительности высказываются иногда у ней съ поразительной явственностью; но ей стоитъ только закрыть глаза на одно мгновеніе, чтобы видѣть совсѣмъ не то, что видѣла за минуту, и судить обо всемъ совершенно иначе.... Какія то горы передъ ней разступаются, какія то крылья у ней выростаютъ, и далекое чудится близко, и недоступное подъ рукой!... И эта галлюцинація заразительна; я испыталъ это на себѣ. Слушаешь, слушаешь, иногда даже споришь, да вдругъ и замѣтишь, что самому начинаетъ мерещиться.... у Рулевой оно еще заразительнѣе чѣмъ у Иверскаго, потому что у этого оно не высказывается такъ цѣльно, этотъ какъ будто стыдится, недоговариваетъ..... и только по злости, съ какой онъ отнoко всему существующему, можно догадываться, что онъ вѣритъ во что-то другое. Но когда молодая женщина, съ пылающими щеками и съ пророческимъ взоромъ, начнетъ говорить вамъ, что срокъ на исходѣ, что время близится, что новая жизнь стоитъ у порога и стучится къ намъ въ двери, — вамъ становится какъ то жутко,—вы чувствуете какъ будто бы дуновенье чего то невидимаго у себя на лицѣ;—вамъ чудится что вотъ стѣны убогой комнаты раздвигаются, падаютъ, и какое то новое зданіе поднимается изъ развалинъ, и подъ его высокими сводами, толпятся люди съ веселыми, свѣтлыми лицами. Они встрѣчаются, пожимаютъ другъ другу руки и поздравляютъ другъ друга съ какимъ то великимъ, всемірнымъ праздникомъ!....

«.... Да-съ!.... Оно очень—того—увлекательно!...

«.... Но счастью у меня есть отъ этой заразы противуядіе. Частая встрѣча съ такими людьми какъ Касимовъ и Рыбниковъ отрезвитъ хоть кого.

VII

1-го Мая.

Вчера, въ первый разъ, засталъ у Лидіи Алексѣевны Иверскаго. Я зналъ, что онъ у нея бываетъ довольно часто, и онъ разумѣется зналъ о моихъ посѣщеніяхъ; а между тѣмъ, увидѣвъ другъ друга, мы оба сконфузились. У меня это впрочемъ

Digitized by Google

тотчасъ прошло, но онъ былъ замѣтно стѣсненъ моимъ присутствіемъ и скоро ушолъ. Въ первый разъ я увидѣлъ ихъ вмѣстѣ и нѣсколько сценъ изъ романа Марьи Петровны пришли мнѣ невольно на память. Неужели онъ дѣйствительно былъ влюбленъ въ эту женщину? думалъ я, и рѣшилъ, что вещь сбыточная. — Ну а теперь? подумалъ я вслѣдъ за тѣмъ; и припомнивъ какъ онъ сконфузился, заключилъ, что и это возможно... Ну, а она какъ? Старая связь конечно давно разорвана, иначе она не жила бы въ такой нуждѣ; но старое чувство можетъ быть длится еще? Если такъ, то какую надежду можетъ имѣть этотъ дикарь? Да если бы и не такъ, если бы сердце ея и было теперь свободно, то по мнѣнію Марьи Петровны, такого какъ онъ нельзя полюбить. Отчего?... Это ей кажется, но Рулева можетъ смотрѣть на это другими глазами. Да, можетъ быть; только мнѣ то что до этихъ вопросовъ? Что они пришли въ голову, это не такъ еще удивительно, но странно, что со вчерашняго дня, я не могу ихъ выбить изъ головы!....

VIII

2-го Мая.

Все это вздоръ.... Она говоритъ о немъ съ уваженіемъ, но тонъ ея отзывовъ такъ спокоенъ, что мои подозрѣнія совершенно разсѣялись.... И съ чего это меня такъ встревожило? Ну что я?.... Ну что въ самомъ дѣлѣ?.... Съ чего?.... Эхъ! чортъ побери! Дуришь ты Василій Григоричъ! Ей богу дуришь! Блудливъ! До всего тебѣ дѣло! Вездѣ нужно носомъ сунуться!.... Ну; оно и выходитъ глупо!.... А ты сиди-ка себѣ спокойно, да дурь-то выбей изъ головы.... Вотъ что!»

IX

9-го Мая.

Что за обѣдъ былъ вчера у Рыбникова!.... Это ужъ даже и не обѣдъ, а чортъ знаетъ что!.... Какой-то Лукулловъ праздникъ! Какое-то пиршество Бальтазарово!.... Точно событіе какое нибудь великое совершается! Точно міръ долженъ кончиться, когда встанутъ изъ-за стола, и люди собрались въ послѣдній разъ, и дальше послѣдняго блюда ничего впереди не предвидится кромѣ вѣчности!.... А и все то потому случаю, что Ш* приглашенъ былъ съ своею свитою.... Ну да мнѣ что до Ш*!... Я презираю Ш* и всю буржуазію; но я уважаю хорошій обѣдъ.... Послѣ такого обѣда, чувствуешь на сердцѣ пол-

Digitized by Google

ноту какую-то.... Точно ты подвигъ какой совершилъ и погруженъ въ созерцаніе совершившагося! Только уфъ! Утомили меня въ послѣднее время эти подвиги! Обѣдъ да обѣдъ! То утого, то у другого, третьяго,—просто отбою нѣтъ. Надѣлалъ новыхъ знакомствъ безъ счоту, а какъ и за чѣмъ? до сихъ поръ не могу понять.... И все банкиры какіе-то, заводчики, негоціанты, откупщики, — однимъ словомъ жрецы Маммона, люди къ которымъ я, вообще говоря, не чувствую ни малѣйшей симпатіи, а иныхъ даже вовсе и не уважаю!... Но что будешь дѣлать? Слабъ человѣкъ! Падокъ на прелести дьявольскія!.... Все это Рыбниковъ съ Дмитріемъ Петровичемъ виноваты; — они меня впутали. Я нѣсколько разъ наровилъ на попятный дворъ; но они смѣются; особенно Дмитрій Петровичь.... — «Чего ты боишься ихъ?» говоритъ. — «Что они тебя зачумятъ что ли; или ты думаешь, что ѣздя къ нимъ въ домъ, ты имъ обязываешься чѣмъ нибудь? Помилуй; да это вѣдь все равно что въ трактиръ; — у нихъ цѣлый городъ бываетъ и никто не считаетъ себя обязаннымъ. Они даже рѣдко и помнятъ кто у нихъ былъ....» Ну, оно правда пожалуй, да только ко мнѣ не подходитъ, потому что меня принимаютъ вездѣ самымъ любезнымъ, внимательнымъ образомъ, лично зовутъ и лично потомъ пріѣзжаютъ благодарить, что сдѣлалъ имъ честь, такъ что иной разъ и радъ бы отъ этой чести подальше, да нѣтъ никакой возможности.... Не наплевать же въ глаза человѣку, который тебѣ обѣ руки протягиваетъ. Да и за что? По всей справедливости, можно ли обвинять лицо за то зло, которое вытекаетъ изъ общаго безпорядка людскихъ отношеній? Всѣ мы мошенничаемъ; всѣ загребаемъ жаръ чужими руками, и если кому нибудь удалось загрести себѣ больше другихъ, то это чистѣйшій случай, различіе внѣшнее; а принципъ во всѣхъ случаяхъ одинаковъ: война всѣхъ противъ всѣхъ и каждаго противъ всѣхъ.... Побѣжденному разумѣется непріятно смотрѣть на побѣдителя; его мучитъ зависть, онъ злится, досадуетъ на него, называетъ мошенникомъ, подлецомъ и т. д. — Но если онъ самъ не стоитъ на мѣстѣ его, то это конечно не отъ недостатка желанія. Предложи-ка намъ завтра какой нибудь А*** милліонъ. Что жъ мы поморщимся, что ли, и разсудивъ какими путями милліонъ этотъ нажитъ, откажемся отъ него въ пользу воскресныхъ школъ, или литературнаго фонда, или общества вспоможенія тамъ кому нибудь?.... Да, какъ бы не такъ!....

Digitized by Google

Кстати о предложеніяхъ. Мнѣ сдѣлано было вчера два, очень любезныхъ. Во первыхъ Рыбниковъ мнѣ намекалъ уже нѣсколько разъ, а вчера сказалъ прямо, что если мнѣ деньги понадобятся на мой журналъ, то чтобъ я только слово сказалъ; онъ мнѣ достанетъ сколько угодно, за самый ничтожный процентъ и на какіе угодно сроки. Я отвѣчалъ что не желалъ бы имѣть въ этомъ надобность, но что если она случится, то я напомню ему его предложеніе. Во вторыхъ, С* директоръ этой коммисіи, о которой вчера за обѣдомъ шолъ такой жаркій споръ, уѣзжаетъ на лѣто въ Саратовъ и предлагаетъ мнѣ свою дачу даромъ. Я отказался; но кажется сдѣлалъ большую глупость. Дача на Петергофской дорогѣ, у взморья, отдѣлана какъ дворецъ, — купальня, оранжереи, паркъ и т. д.... Касимовъ меня увѣряетъ, что за нее предлагали въ прошломъ году двѣ тысячи, да что С** отказалъ, — боялся чтобъ мебель его не испакостили....

X

13-го Мая.

Обѣдалъ у Рыбникова и просидѣлъ у него весь вечеръ. Онъ сообщилъ мнѣ прелюбопытную вещь.... А** Б** и еще нѣсколько человѣкъ изъ нашей финансовой аристократіи намѣрены мнѣ предложить очень выгодныя условія съ тѣмъ, чтобы я открылъ у себя въ журналѣ особый отдѣлъ по части промышленной и торговой.

— «Открыть-то не трудно,» —сказалъ я; —«да кто будетъ писать статьи?»

— «Объ этомъ не безпокойтесь,» — отвѣчалъ Рыбниковъ. «За статьи я вамъ отвѣчаю.»

— «Хорошо-съ,» — продолжалъ я; — «но вѣдь и этого мало. Надо еще чтобы онѣ были въ духѣ журнала.»

Онъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на Касимова, какъ будто передавая ему мой отвѣтъ.

— «О духѣ нечего говорить,» замѣтилъ тотъ; «потому что это чистѣйшій вздоръ. Духъ, это оттѣнокъ личнаго настроенія въ мозгу у пишущаго или читающаго, — привычка мысли идти извѣстнымъ путемъ, не болѣе важная какъ привычка гулять по Невскому или по Набережной. Духъ только тамъ играетъ какую нибудь роль, гдѣ нѣтъ дѣльнаго содержанія, гдѣ рѣчь идетъ о фантазіяхъ, не о фактахъ; гдѣ имѣютъ въ виду не цѣль съ ея положительными выгодами, а тенден-

Digitized by Google

цію съ ея романическимъ увлеченіемъ,— короче сказать, гдѣ любятъ игру для игры, а не для выигрыша.»

— «Если бъ это было и правда», отвѣчалъ я — «то все-таки это не объясняетъ мнѣ ничего».

— «А ты что хочешь знать?»

— «А я бы желалъ знать съ какою цѣлью они желаютъ чтобъ я открылъ у себя этотъ отдѣлъ?»

— «Да вѣдь объ этомъ ужъ было говорено. Съ цѣлью печатать статьи по части промышленной и торговой».

— «Нѣтъ братъ, постой!»—перебилъ я. «Ты не отвиливай, а скажи-ка прямо къ чему все это клонится? Если къ реакціи, то объ этомъ и думать нечего. Я не согласенъ печатать ни строчки!»

— «Эхъ! братецъ; выбей ты изъ головы этотъ вздоръ! Что тамъ за реакція?... И какое имъ дѣло до вашихъ литературныхъ дракъ? Они совсѣмъ всторонѣ отъ этой арены. Они заняты своимъ дѣломъ и хотятъ, чтобъ о немъ не кричали безъ толку люди не понимающіе въ немъ рѣшительно ничего. Хотятъ, чтобы публика знала факты въ неискаженномъ видѣ.... ну.... и только.»

— «Хорошо», возразилъ я; — «а кто мнѣ поручится, что они сами не захотятъ исказить фактовъ?»

— «Ваши глаза,» отвѣчалъ Рыбниковъ. «Статьи будутъ идти черезъ ваши руки и вы сами въ состояніи будете судить объ ихъ содержаніи. Если найдете, что факты въ нихъ переданы невѣрно, или какъ нибудь истолкованы въ ложномъ свѣтѣ, отъ васъ будетъ зависѣть не пропустить статью.»

— «Да, это правда; но....»

— «Но, вотъ видите ли, вы не рискуете тутъ ничѣмъ, а можете только выиграть какъ и всякій членъ общества, который дорожитъ гласностью.»

— «Да; оно такъ.»

— «Интересъ всѣхъ сторонъ требуетъ, чтобы ни одной изъ нихъ не зажимали рта. Иначе мы никогда не узнаемъ истины.»

— «Конечно.»

Въ этомъ тонѣ, они меня обработывали довольно долго.... добивались, чтобъ я сказалъ имъ наконецъ положительно, что я согласенъ. Но это не удалось, потому что я имѣлъ сильныя подозрѣнія на счотъ цѣли этихъ господъ и на счотъ добросовѣстности ихъ утвержденій. При Рыбниковѣ мнѣ не хотѣлось

Digitized by Google

въ этомъ признаться, но возвращаясь домой съ Дмитріемъ Петровичемъ, я высказалъ ему откровенно мои сомнѣнія.

— «Ты мнѣ не вѣришь?» сказалъ онъ.

— «Не вѣрю,» отвѣчалъ я.

— «Почему жъ такъ? Развѣ я тебя обманывалъ когда-нибудь?»

— «Нѣтъ.»

— «Вотъ то-то же. Вспомни ка. Каялся ли ты хоть разъ, что послушалъ моихъ совѣтовъ?»

— «Ну, ужъ если на то пошло,» отвѣчалъ я, «то каялся. Я каюсь и до сихъ поръ, что впутался въ это изданіе.»

— «А кто жъ виноватъ? Я развѣ тебѣ совѣтывалъ?»

— «Конечно, совѣтывалъ.»

— «Неправда; — я тебѣ говорилъ всегда, что ты дѣлаешь вздоръ.»

— «Да, но совѣтовалъ его сдѣлать.»

— «Да полно пожалуйста! Нельзя же въ глаза человѣку клепать на него какъ на мертваго!... Вспомни какъ все это было. Ты не слушалъ меня, хотѣлъ непремѣнно отдать свои деньги на это изданіе, а я тебѣ говорилъ, что это глупо; но что если ужъ ты рѣшился сдѣлать такую глупость, то слѣдуетъ дѣлать ее какъ можно толковѣе, такъ чтобъ обезпечить себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть маленькій шансъ барыша.... Что́, правда?»

— «Да, правда,» отвѣчалъ я.

— «Ну вотъ то-то же! Ты только подумай. Ну что если бы ты не послушалъ меня въ ту пору, отдалъ бы деньги безъ всякаго обезпеченія? А они бы ихъ издержали; а журналъ-бы ихъ лопнулъ, и остался бы ты ни причемъ.... Между тѣмъ какъ теперь у тебя все-таки шансъ есть, да еще сверхъ того и занятіе.»

— «Да; это правда.»

— «Вотъ видишь! Самъ сознаешься! Почему же ты думаешь, что я теперь хочу тебя впутать въ бѣду?»

— «Я этого не думаю, Дмитрій Петровичъ,» отвѣчалъ я. Я только думаю, что ты хочешь меня обмануть въ моемъ собственномъ интересѣ, то есть въ томъ, что ты принимаешь ошибочно за мой интересъ.»

— «Да съ чего жъ тебѣ это въ голову вошло? Я кажется говорилъ съ тобой всегда откровенно о томъ, какъ я понимаю твой интересъ?»

*

Digitized by Google

— «Да, говорилъ; — только мы никогда не могли согласиться.»

— «И это неправда. Мы спорили, но въ результатѣ, ты исполнялъ мой совѣтъ. Вспомни Иверскаго. Кто тебя свелъ съ нимъ? И кто убѣдилъ его взять?»

— «Да; оно ловко было подведено!» — отвѣчалъ я. «Ты мнѣ подсунулъ Иверскаго, чтобы вытѣснить старыхъ моихъ редакторовъ; а теперь хочешь вытѣснить Иверскаго. Богъ тебя знаетъ зачѣмъ....»

— «Это съ чего ты взялъ?»

— «Да я уже вижу, что къ этому дѣло идетъ. Ты мнѣ расхваливалъ его прежде, а теперь начинаешь ругать.»

— «Неправда. Я всегда говорилъ и теперь повторяю, что онъ человѣкъ способный; но не могу жъ я признать его совершенствомъ.»

— «Не въ совершенствѣ дѣло, Дмитрій Петровичъ; а въ томъ, что ты прежде указывалъ мнѣ на него какъ на передового, а теперь увѣряешь, что онъ отсталъ».

— «Противорѣчіе объясняется просто. Онъ самый передовой изъ отсталыхъ.»

— «А! вотъ какъ! Ну если и онъ у тебя отсталъ, то ужъ это — мое почтенье!... Кто жъ послѣ этого отсталъ?»

— «Никто.... Вся ваша литература отстала.»

— «Да отъ кого жъ наконецъ?»

— «Отъ жизни.»

— «Ты шутишь, Дмитрій Петровичъ?»

— «Нисколько».

— «Да нѣтъ; право шутишь! Я это не разъ уже замѣчалъ. Со мною вдвоемъ ты говоришъ парадоксы, которые не рѣшился бы повторить при другихъ.»

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. «Это съ чего ты взялъ?» спросилъ онъ смѣясь.

— «Да такъ.... Ты со мною куражишься, потому что я не зубастъ, спорить не мастеръ. А посмотрѣлъ бы я, какъ бы ты это сказалъ, напримѣръ, при Сергѣй Никанорычѣ!...»

— «Эко диво! Сергѣй Никанорычъ!»

— «Ну, да ужъ диво не диво, а онъ бы тебѣ не спустилъ.»

— «Ты думаешь?»

— «Да; онъ бы тебя отдѣлалъ!»

— «О!... въ самомъ дѣлѣ?»

— «Да; я увѣренъ.»

Digitized by Google

— «Гмъ; да скажи пожалуйста, что ты воображаешь о своемъ Сергѣй Никанорычѣ?» произнесъ онъ нетерпѣливо, махнувъ головой. «Что я его не слыхалъ, что ли?»

— Ну, да ужъ тамъ слыхалъ или нѣтъ, а я знаю, что онъ двумя словами уничтожаетъ въ прахъ всѣ твои парадоксы.»

— «Гмъ; вотъ какъ! Это стало быть вы съ нимъ перебираете послѣ все, что со мною было говорено?»

— «Да, мы перебираемъ.... иной разъ. Что жъ дѣлать?... Я не могу безъ него. Онъ у меня редакторъ и всѣмъ завѣдуетъ. Одно изъ двухъ: или мнѣ дѣйствовать съ нимъ согласно, или выгнать его и самому вести все.... а ты знаешь, къ этому я не способенъ.»

Онъ покачалъ головой. «Все пустяки!» произнесъ онъ съ досадою. «Ни выгонять его, ни ставить съ собой на равную ногу нѣтъ надобности. Съ чего? Добро бы еще вы съ нимъ вмѣстѣ дѣло затѣяли, какъ съ Святухинымъ, а то взялъ человѣка съ улицы, да и садишь къ себѣ на шею!... Къ чему это?... Онъ у тебя за деньги работаетъ и долженъ смотрѣть на себя какъ на слугу, не болѣе. Надо его въ рукахъ держать, непозволять ему забываться.... А то эта голь заносчива! Тотчасъ вообразитъ о себѣ Богъ знаетъ что!...»

XI

15-го мая.

Сегодня поутру явился ко мнѣ Сергѣй Никанорычъ. По лицу не трудно было замѣтить что онъ взбѣшонъ. Въ рукахъ у него былъ *Вожакъ* за май мѣсяцъ, только что полученный, и еще совершенно сырой.

— «Ну, что?» спросилъ я. «Есть что нибудь интересное?»

— «Есть», отвѣчалъ онъ, и развернувъ книгу на заголовкѣ какой-то статьи, показалъ мнѣ.

— «Что это?»

— «Ничего-съ. Только насъ съ вами выругали».

— «Какъ? Можетъ ли быть?.. За что?»

— «А вотъ, слушайте....» Онъ сѣлъ и сталъ читать вслухъ.

«... Между новорожденными въ этомъ году, мы встрѣ-«тили нѣкій журналецъ, обёрткой похожій на модные *gris-de-«pérle*, а содержаніемъ не похожій рѣшительно ни на что.... «Или нѣтъ, виноватъ,... похожій на мелочную лавку, въ кото-«рой покупщики могутъ найти все что угодно, отъ затхлой муки

Digitized by Google

«и гвоздей, до паточныхъ леденцовъ и гнилыхъ селёдокъ, — «и всѣ эти вещи пріобрѣтаютъ завернутыми въ печатную бу«магу. Понятно, что дѣло тутъ не въ печатной бумагѣ, а въ «томъ продуктѣ, которому нужно это прикрытіе, чтобы прилич«нымъ образомъ перейти изъ рукъ торговца въ руки его по«требителей. А между тѣмъ, кому можетъ быть нуженъ такой «продуктъ, — этого, признаюсь, мы не въ силахъ понять. «Мы только путемъ умозрѣнія, или какъ нынче говорятъ, по «*дедуктивному методу*, можемъ догадываться, что такіе люди «должны быть, потому что журналъ, о которомъ мы говоримъ, «вѣритъ въ ихъ существованіе, и твердитъ о нихъ безпрестанно, «и кокетничаетъ, и заигрываетъ съ ними, — ну, словомъ, лѣзетъ «изъ кожи, чтобъ имъ угодить. Какихъ усилій ему это стоитъ, «какія уловки употребляются съ этою цѣлію; — это по истинѣ «назидательно и оправдываетъ какъ нельзя лучше пословицу: «*Голь на выдумки хитра!* Одну изъ такихъ хитростей нашей «литературной голи мы позволимъ себѣ сообщить нашимъ чи«тателямъ, конечно мало знакомымъ съ закулисною стороною «мелкихъ журнальныхъ театровъ. Обычай требуетъ, чтобы вся«кое новое изданіе явилось подъ прикрытіемъ сколько нибудь «извѣстнаго имени. Безъ этого, трудно разсчитывать на довѣ«ріе даже самаго легкомысленнаго подписчика. Но откуда взять «этого рода имя? Извѣстныхъ именъ у насъ мало, да и тѣ «лица, которымъ они принадлежатъ, почти всегда уже заняты. «Чтобы пособить этой нуждѣ, придумано средство. Имя даютъ «на прокатъ, или иначе сказать, уступаютъ на подержаніе. «Своего рода торговля, какъ видите; — но до сихъ поръ, она «была ограничена спискомъ сотрудниковъ, въ которомъ печата«лись имена людей ни прямо, ни косвенно не принимающихъ «ни малѣйшаго участія въ новомъ изданіи, часто даже и не «намѣренныхъ вовсе его принимать, а дозволяющихъ или сни«сходящихъ на подобнаго рода невинный обманъ. Все это дѣло «обыкновенное; — но чтобъ оно простиралось далѣе, чтобы не «только для списка сотрудниковъ, но и для самой редакторской «подписи, покупаемы были имена съ единственной цѣлью слу«жить приманкой довѣрію публики, этого мы не помнимъ до сей «поры. Честь этой выдумки принадлежитъ вполнѣ тому жур«налу, о которомъ мы говоримъ, и который, чтобы не оставить «его безъ имени, мы назовемъ *Бездѣльемъ*. *Бездѣлье* выкинуло «предерзкую штуку. Издатели его и дѣйствительные редакторы, «люди вполнѣ неизвѣстные, не дерзая явиться сразу во всей

Digitized by Google

«своей темнотѣ, пріискали себѣ на рынкѣ дешевой извѣстности «(составляющемъ нѣчто въ родѣ литературной *Сѣнной*), два «имени, довольно плохого сорта, но нѣсколько менѣе темныхъ, «и не гнушаясь нимало безстыдствомъ подобной продѣлки, на«няли ихъ дешевизны ради, на ..... какъ бы вы думали, на ка«кое время?... На годъ? На полгода?... Нѣтъ—только на первыхъ «*два мѣсяца* самой горячей подписки!... На сколько имъ удалась «эта штука, не знаю, но въ третьей книжкѣ, уже объявлено было «о *перемѣнѣ редакціи* и вмѣсто заемныхъ именъ, появилось въ «редакторской подписи какое-то новое, нигдѣ до сихъ поръ «неслыханное, при чемъ достовѣрно извѣстно, что лица, от«дававшія себя такимъ образомъ въ именные наймы, кромѣ «двухъ небольшихъ и довольно плохихъ статеекъ, никакого «участія въ журналѣ не принимали, да и не могли принять, «потому что все это время заняты были въ другомъ изданіи, «гдѣ пребываютъ и до сихъ поръ.... Что такое должно быть то «*направленіе*, о которомъ подобнаго рода журналы кричатъ «обыкновенно такъ громко—объ этомъ можно легко догадаться «и не заглядывая въ изданіе; но мы по обязанности загля«дывали, и можемъ сказать, нимало не преувеличивая, что это «такая же безстыдная претензія и такой же пуфъ, какъ имена «ихъ сотрудниковъ и редакторовъ, и какъ все остальное, что «къ нимъ относится. Это удочка, на которую надѣваются «разнаго рода приманки для разнаго рода читателей, съ цѣлью «угодить на всякій вкусъ; другими словами, та же мелочная «лавчонка, въ которой можно найти все, что угодно, но все «это гнило и скверно, и все это фальшъ, поддѣлка, спекуля«ція на карманъ»,... и т. д.; и т. д.

Я не хочу выписывать длиннаго ряда ругательствъ, заключающихъ эту статью!... Я былъ пораженъ и взбѣшонъ до того, что не могъ слова выговорить; — Сергѣй Никаноровичъ тоже. Дочитавъ до конца онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— «Чье это?» спросилъ я.

Онъ назвалъ мнѣ имя, довольно извѣстное.

— «Какъ? Можетъ ли быть?... Да вѣдь это подлѣйшая клевета!»

— «Да, разумѣется», отвѣчалъ онъ. «Но я знаю навѣрно, что это онъ. Вотъ, смотрите: В. Г. . . . это его заглавныя буквы, да и безъ нихъ, я узналъ бы его сейчасъ по манерѣ.»

— «Можетъ быть», отвѣчалъ я;—«но мнѣ какъ-то не хочется вѣрить!... я уважалъ его, считалъ неспособнымъ на этого рода низости!»

Digitized by Google

— «Его?» повторилъ Иверскій съ жолчной усмѣшкой. — «Онъ способенъ на все! Это ехидна, которая ненавидитъ чужой успѣхъ, хотя бы онъ ей ни на волосъ не вредилъ; — завистливая собака, готовая выпустить изо рту свой кусокъ, чтобы только отнять у другого, чтобъ у другого не было!»

XII

17-го Мая.

Еще двѣ статьи противъ насъ, одна въ *Краснобаѣ,* другая въ *Знамени;* и въ обѣихъ насъ ругаютъ на повалъ.... *Краснобай* говоритъ, что мы сунулись было въ реакцію, да увидѣвъ, что плохо везетъ, повернули въ другую сторону, и валяемъ теперь въ хвостъ и въ гриву по этому направленію;—но тотчасъ видно, что направленіе это заемное; что мы летимъ, сломя голову, безъ оглядки, вслѣдъ за другими въ надеждѣ что наши читатели какъ нибудь ошибутся и несъумѣютъ насъ отличить отъ этихъ другихъ; но что эта надежда напрасна, потому что на всемъ, что у насъ печатается, лежитъ печать рабскаго подражанія и т. д. А *Знамя* взъѣлось за нѣсколько словъ, напечатанныхъ еще въ январѣ, въ статьѣ Святухина, и говоритъ что мы напрасно назвали журналъ свой *Дѣломъ;* — что *дѣльнаго* въ немъ нѣтъ ни на волосъ, что въ немъ своего даже нѣтъ ни на грошъ; что это не болѣе какъ *помойная яма литературной выставки* (sic), въ которую эта старуха выбрасываетъ всякій соръ....

Я плакалъ съ досады, читая всѣ эти выходки!... Сколько яду! и какое несправедливое, ничѣмъ не вызванное озлобленіе!... Что мы имъ сдѣлали? И если имъ что не нравится, то отчего не сказать по человѣчески, учтиво, прилично, не ругаясь такъ звѣрски и не забрасывая своего брата грязью?... Но что я говорю: *брата!* Какой я имъ *братъ?*... Касимовъ правду говорилъ, что все это хамьё, отъ котораго всякой порядочный человѣкъ долженъ держать себя на разстояніи.... Конечно хамьё; потому что вѣдь это хамство ругаться такъ какъ они ругаются!... На это конечно не слѣдовало бы и отвѣчать, да что будешь дѣлать? Сергѣй Никанорычъ вышелъ совсѣмъ изъ себя и слушать ничего не хочетъ. Заперся, пишетъ отвѣты всѣмъ.... ну и пусть его пишетъ!... Одно только меня безпокоитъ серьозно. Отчего это всѣ они, въ одно слово, кричатъ, что у насъ нѣтъ своего направленія, что мы вторимъ другимъ, что мы подражатели?...

Digitized by Google

Надо объ этомъ подумать, потому-что Касимовъ мнѣ тоже говоритъ; — стало быть есть же тутъ нѣкоторая доля правды.

XIII

19-ю Мая.

Дмитрій Петровичъ серьозно ко мнѣ пристаетъ, чтобъ я согласился на ихъ предложенье, и открылъ у себя этотъ новый отдѣлъ. Онъ говоритъ, что это разомъ подниметъ журналъ, дастъ ему тонъ, содержаніе, твердую точку опоры, а главное, быстро прибавитъ тысячи двѣ — три подписчиковъ, за это онъ мнѣ ручается. А на счотъ страха попасть въ реакцію, онъ очень умно доказываетъ, что это ребячество, — что тѣ люди, которые хотятъ имѣть со мной дѣло, политическими вопросами не занимаются, и что вообще мое недовѣріе къ нимъ ни на чемъ не основано. Жизнь широка, говоритъ онъ, но ваши литературные педанты этого знать не хотятъ. Они воображаютъ, что всякій, кто ѣдетъ по улицѣ кромѣ нихъ, непремѣнно долженъ на нихъ наѣхать! Они до того одурены политикой и помѣшаны на соціальныхъ вопросахъ, что кромѣ этого ничего не видятъ и все сводятъ къ этому.... Затвердила, говоритъ, сорока Якова, одно про всякаго! О чемъ ни начни говорить, они тебя въ двѣ минуты выведутъ совершенно изъ твоего предмета и собьютъ на свой пунктъ помѣшательства.... Ты имъ толкуешь какъ дѣло устроить, ну тамъ положимъ, заводъ какой нибудь, или поставку, или дорогу куда провести, а они тебѣ вопіютъ противъ ренты!... Ты имъ о Сидорѣ, а они тебѣ о Прудонѣ; ты имъ о Саратовѣ, а они тебѣ объ англійскихъ пролетаріяхъ!... Это похоже на Донъ-Кихота, который видѣлъ вездѣ свои рыцарскія фантазіи, дрался съ мельницами и врубался въ стада барановъ!... Я, говоритъ ничего не имѣю противъ соцьялизма, какъ новаго элемента экономическаго развитія, но ошалѣть до того, что бредить этимъ предметомъ и заводить о немъ рѣчь черезъ два слова на третье, на каждомъ шагу, по поводу всего, что только можетъ въ голову придти, воля твоя, это пахнетъ бритою головою; это дѣлаетъ какое то болѣзненное, непріятное впечатлѣніе на мозгъ; точно ты слушаешь юродиваго или кликушу.... И тѣмъ болѣе, что къ этому примѣшивается какой-то пророческій пафосъ, какой-то оракульскій тонъ, заставляющій думать, что человѣкъ знаетъ больше чѣмъ хочетъ сказать, и что самое главное въ смыслѣ его рѣчей не можетъ быть высказано языкомъ чело-

Digitized by Google

вѣческимъ, что его надо угадать, что въ него надо вѣрить. А разбери-ка въ чемъ суть, такъ и увидишь голь, бѣдность нищенскую.... Вертятся вокругъ себя, переминаются съ ноги на ногу, и впередъ ни на шагъ!... Начнетъ свысока; ты ждешь, что онъ тебѣ цѣлый міръ новыхъ понятій выскажетъ; а онъ на десятомъ словѣ вернется къ тому же, да и пошолъ опять съизнова, точно бѣлка въ своемъ колесѣ. Оно и не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ факты въ презрѣніи и гдѣ ихъ хотятъ замѣнить общими взглядами, потому что на общихъ взглядахъ не далеко уѣдешь!... Что ты смѣешься? Что, вѣрно Сергѣя Никанорыча вспомнилъ?» Я отвѣчалъ ему, что онъ угадалъ и признался, что многое изъ того, что онъ сейчасъ говорилъ очень похоже на то, что я самъ замѣчалъ, и что мнѣ всегда казалось странно.

Немного спустя онъ опять присталъ ко мнѣ пуще прежняго, клялся что онъ мнѣ желаетъ добра и увѣрялъ, что онъ говоритъ со мною безъ заднихъ мыслей, совершенно открыто и искренно.... Я отвѣчалъ, что если ужъ онъ такъ настаиваетъ на этомъ планѣ, то я пожалуй готовъ сдѣлать опытъ, посмотрѣть что это будетъ и какъ пойдетъ; но что прежде всего надо уговорить Иверскаго; что безъ его согласія, я рѣшительно не намѣренъ дѣлать ни шагу.

Онъ разсердился и назвалъ меня колпакомъ, бабой!... «Сѣдлистъ», говоритъ, «ты слишкомъ; всякому ѣздить на себѣ позволяешь!»... Я отвѣчалъ что незнающій дѣла будетъ всегда подъ сѣдломъ у знающаго. — «Э! Что за вздоръ!» Я также мало смыслю въ журнальномъ дѣлѣ какъ ты, пожалуй еще и менѣе, потому что ты ужъ имѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ опытности; а посмотрѣлъ бы я какъ бы твой Иверскій сталъ у меня командывать!.. Да я бы его въ бараній рогъ скрутилъ!... Нищій, каналья, оборвышъ!.... въ разорванныхъ сапогахъ ходилъ!.. Живетъ у тебя на жалованьѣ; квартира, столъ, мебель, все отъ тебя;.... а туда же, свой образъ мыслей хочетъ имѣть!... дѣло вести по своему!».... Но замѣтивъ что этотъ тонъ меня возмущаетъ, онъ тотчасъ перемѣнилъ его и началъ со мной толковать о томъ какъ уладить дѣло... «Дай», говоритъ, «я тебѣ это все устрою. Да будь спокоенъ, небось, необидится. Я знаю какъ съ нимъ говорить; это мое дѣло. Ты только его приведи ко мнѣ на этой недѣлѣ, обѣдать, или пожалуй хоть вечеромъ; скажи что я съ нимъ хочу о дѣлѣ поговорить, да только не предупреждай о какомъ.

Digitized by Google

XIV

21-го Мая.

Полночь.... Только что воротился домой..... Схватка была, да какая еще!.... Спѣшу записать, покуда все въ свѣжей памяти.

Сергѣй Никанорычъ отправился неохотно. Онъ мнѣ заранѣе говорилъ, что не ждетъ ничего хорошаго. Касимовъ принялъ насъ самымъ любезнымъ образомъ и тотчасъ завелъ рѣчь о дѣлѣ..... Такъ и такъ, говоритъ, имѣю вамъ сообщить, господа... (у насъ было условлено сдѣлать видъ, что я первый разъ слышу объ этомъ предметѣ) ...имѣю вамъ сообщить предложеніе;—и въ короткихъ словахъ объяснилъ какое. Я слѣдилъ за малѣйшими оттѣнками выраженія на лицѣ Иверскаго, стараясь заранѣе угадать какъ онъ приметъ это извѣстіе, и опасаясь, что онъ недослушавъ, откажется на отрѣзъ. Но онъ выслушалъ, по наружности совершенно безстрастно и только одна чуть замѣтная, холодно-недовѣрчивая, злобно-насмѣшливая улыбка измѣняла ему раза два.

— «Надѣюсь, что вы не находите тутъ ничего не выгоднаго господа?» сказалъ Дмитрій Петровичъ, кончивъ.

Я отвѣчалъ *нѣтъ* и обратился къ Сергѣю Никанорычу. Тотъ молчалъ.

— «Ну а вы какъ?» спросилъ его Дмитрій Петровичъ.

— «Если Василій Григорьичъ согласенъ продать журналъ», отвѣчалъ онъ угрюмо, «то я ничего противъ этого не имѣю, но въ такомъ случаѣ, я не вижу къ чему намъ оставаться редакторами?»

— «Какъ такъ продать?» возразилъ Касимовъ. «Вы меня худо поняли.... Вамъ предлагаютъ только открыть особый отдѣлъ; больше рѣшительно ничего».

— «Такъ-съ, да вѣдь это все къ одному приходитъ. Продать право печатать у васъ все что угодно, значитъ просто продать журналъ».

— «И! полноте! Что за продажа! Ничего у васъ покупать не хотятъ; а хотятъ только взять на себя часть расходовъ сопряженныхъ съ изданьемъ».

— «Такъ-съ, да вѣдь это все тоже. Дѣло въ томъ, что намъ предлагаютъ деньги за наше согласіе; а на что мы ихъ употребимъ, это все равно-съ. Это вопросъ о томъ, въ которомъ карманѣ онѣ у насъ будутъ лежать?»

Касимовъ пожалъ плечами. «Я право не понимаю о чемъ мы споримъ», отвѣчалъ онъ. «Не хотите брать деньги, такъ

Digitized by Google

не берите ихъ; ваша воля; а имъ нуженъ только отдѣлъ въ вашемъ журналѣ... Смѣшно жъ говорить, что вы несогласны его открыть потому только, что это будетъ вамъ слишкомъ выгодно!... Точно какъ будто бы кто̀ настаиваетъ на вашей выгодѣ!»

— «Да-съ, оно было бы точно смѣшно», продолжалъ тотъ, «если бы мы не имѣли другихъ причинъ.»

— «Какихъ же это, другихъ?»

— «Да вамъ то что-съ? Вы вѣдь не за себя хлопочете?... Ну скажите имъ этакъ, повѣжливѣе, что мы несогласны съ ихъ взглядами что ли тамъ..... или иначе какъ нибудь.»

— «Но вы не знаете еще ни ихъ, ни ихъ взглядовъ?»

— «Знаемъ-съ.»

— «О! въ самомъ дѣлѣ?... Позвольте удостовѣриться..... Какой взглядъ, напримѣръ, имѣетъ А* на интересы приволжскаго населенія въ дѣлѣ саратовской желѣзной дороги?»

— Неинтересно-съ..... Я не объ этого рода взглядахъ вамъ говорю.»

— «Такъ вы и говорите себѣ о вашего рода взглядахъ, а они будутъ говорить о своихъ. Съ чего вы воображаете, что они васъ хотятъ оспаривать? Имъ этими пустяками некогда заниматься. Они хотятъ придать гласность фактамъ, которые имъ извѣстны; вотъ вся ихъ цѣль.»

— «Полноте, Дмитрій Петровичъ! Кого мы будемъ морочить? Неужли вы думаете, что ихъ и съ ихъ цѣлями не видно насквозь? Вѣдь ихъ ужъ давно раскусили. Съ чего имъ такъ вдругъ припала охота къ литературѣ? Прежде небось не думали, а тутъ вдругъ расходились!... Подавай имъ статьи! Отводи имъ отдѣлы въ журналахъ! Да; какъ бы не такъ!... Пусть-ка заводятъ свой, а мы имъ не товарищи! Мы съ ними водки не отравляли, бѣдныхъ людей не обсчитывали, рабочія руки не кабалили наймомъ, такъ нечего намъ съ ними и связываться!»

— «Фразы!» сказалъ усмѣхаясь Касимовъ. «Да что еще хуже и фразы то ужъ подержанныя! За моремъ обносились, прислали къ намъ. На-те, молъ, дѣтушки, позабавьтесь. Оно хоть и ветошь, да вамъ то еще годится.... Но шутки въ сторону; знаете, Сергѣй Никанорычъ, меня удивляетъ, что съ вашимъ умомъ, вы стоите такъ долго на одной точкѣ и не хотите ни шагу сдѣлать впередъ. А ужъ пора, ей Богу, давно бы пора вамъ отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ плоскостей и смотрѣть на вещи не такъ простодушно!»

Digitized by Google

Иверскій вспыхнулъ и началъ что-то ему возражать съ большимъ жаромъ, но тотъ его перебилъ.

— «Позвольте», остановилъ онъ. «Незачѣмъ излагать ваши теоріи; я знаю ихъ наизусть и готовъ допустить, что онѣ очень величественны, да только не въ пору людямъ, уважающимъ, какъ мы съ вами, одно положительное. Все это тотъ же старый идеализмъ, давно обанкрутившійся и потерявшій кредитъ подъ собственнымъ именемъ, а потому перемѣнившій его на другое, которое ему служитъ маскою. Вы говорите, что А** и ему подобныхъ теперь раскусили? Да вѣдь и васъ уже раскусили и по оцѣнкѣ реальнаго вѣса поставили ниже А**; потому что онъ, каковъ бы онъ ни былъ, все таки дѣло дѣлаетъ; а вы только воду толчете. Позвольте, не перебивайте, я сейчасъ кончу. Я хочу у васъ только спросить: что́, вы одного только А** съ компаніей считаете паразитами, съ которыми вамъ неприлично дѣло имѣть, или есть и въ другихъ сферахъ общества люди, живущіе чужими трудами?»

— «Есть», отвѣчалъ тотъ угрюмо.

— «Ну, а позвольте узнать: вотъ его, товарища вашего, Василія Григорьича, вы исключаете изъ числа или нѣтъ?»

Иверскій посмотрѣлъ на меня изъ подлобья и опустилъ глаза.

— «Гмъ; вы боитесь его обидѣть; но я не стою съ нимъ на такой деликатной ногѣ, а потому, позвольте мнѣ отвѣчать за васъ. Исключать его было бы непослѣдовательно, потому что онъ тридцать лѣтъ жилъ на счотъ своихъ крѣпостныхъ, стараясь ихъ убѣдить, что оно такъ и слѣдуетъ. Конечно, теперь, его положеніе измѣнилось нѣсколько; крѣпостные отходятъ; но деньги его развѣ своими трудами нажиты? Развѣ онъ дѣлаетъ самъ что̀ нибудь? работаетъ? трудится?»

— «Я журналъ издаю», замѣтилъ я съ подобающей скромностью.

— «Ахъ да! Я забылъ; ты журналъ издаешь!... Но если ты его издаешь, то почему жъ бы и А** не издавать его также? Почему Сергѣй Никанорычъ съ тобой не гнушается имѣть дѣло, а съ А** гнушается?»

Тотъ вспыхнулъ. «Помилуйте! Какъ вы рѣшились поставить Василья Григорьевича на о́дну доску съ А**?»

— «А почему жъ бы и не поставить?»

— «Помилуйте! Василій Григорьичъ жертвуетъ свои деньги на дѣло общественной пользы...»

Digitized by Google

— «То есть на вашъ журналъ?» перебилъ Касимовъ. «Но вѣдь и А** предлагаетъ такую же жертву?»

— «Сдѣлайте милость! Не говорите мнѣ о ихъ жертвахъ! Неужто ужъ я не вижу чего имъ нужно?... Имъ нужны честныя имена для приманки и честное направленіе въ видѣ вывѣски, потому что съ своими, оплеванными, они не смѣютъ явиться въ печати.... Чтобъ они стали жертвовать!... Да они скорѣе задавятся! У нихъ, съ той поры какъ они, говорятъ, выучились, была только одна цѣль—барышъ!...»

— «А у васъ?... Послушайте, Сергѣй Никанорычъ, будьте же разсудительны, согласитесь, что люди всѣ одинаковы въ томъ, что всѣ думаютъ прежде всего о себѣ, а если кто и мечтаетъ, что онъ заботится о чемъ нибудь выше этого, то ей же ей, самъ себя за носъ водитъ! Бросьте вы вашу соціальную кабалистику! Неужли вы не видите, что она смѣшна?... Мы вотъ смѣемся теперь надъ шутами, два вѣка тому назадъ, искавшими философскаго камня; а я васъ могу увѣрить, что придетъ время, когда и надъ вашими, нынѣшними, величественными задачами, будутъ смѣяться точно такимъ же образомъ!»

— «Дѣло возможное-съ!... Если люди когда нибудь до того оскотинятся, что общая польза станетъ для нихъ безсмысленнымъ словомъ....»

— «Оскотинятся! .. Опять фразы?»

— «Вовсе не фразы!»

— «Нѣтъ—фразы! Это простительно было бы сказать лѣтъ тридцать тому назадъ, а теперь мы съ вами знаемъ, что между скотиной и человѣкомъ, даже и въ смыслѣ общественности, разстояніе очень невелико.»

— «Такъ-съ. А вамъ и этотъ вершокъ кажется лишнимъ? Хотите его совсѣмъ уничтожить? Хотите чтобъ они были довольны своимъ естественнымъ положеніемъ со всѣми его естественными мерзостями, и всякій порывъ къ чему нибудь лучшему, сознательному и разумному, — считаете Донъ-Кихотствомъ?...»

— «Да, я считаю. Я полагаю, что рваться къ *чему нибудь*, не давая себѣ отчота какимъ путемъ и къ чему, есть признакъ умственнаго разстройства какъ въ человѣкѣ, такъ и въ скотѣ.»

— «Словами играете-съ?»

— «Нисколько! Напротивъ, я только того и прошу, чтобы вы не играли ими.... Говорить объ общественности, о соціальномъ началѣ, о сознательномъ и разумномъ порядкѣ вещей—

Digitized by Google

очень легко, да только никто до сихъ поръ не могъ объяснить, что такое слова эти значутъ?»

— «Полно такъ ли-съ?»

— «Увѣряю васъ — такъ. Да и какъ объяснить, когда вы сами не знаете чего вы хотите.»

— «Нѣтъ-съ, знаемъ. Хотимъ чтобы люди не жрали другъ друга.... Чтобы всѣ были сыты безъ этой мерзости.»

— «Что-жъ такъ умѣренно? Отчего жъ бы еще не хотѣть чтобы всѣ были счастливы и богаты, красивы, умны и чтобы все это длилось вѣчно, чтобы никто не былъ боленъ, не умиралъ?»

Никогда не забуду взгляда, которымъ Иверскій отвѣчалъ на эту послѣднюю выходку. Это былъ взглядъ смертельной, неумолимой вражды, отъ котораго на сердцѣ становилось жутко.... «Я съ вами серьёзно говорю», произнесъ онъ, «а вы мнѣ отвѣчаете пошлыми шутками.»

— «Сдѣлайте милость не гнѣвайтесь», продолжалъ тотъ по прежнему совершенно спокойно. «Я отнюдь не шучу, а если оно и выходитъ смѣшно, то въ этомъ не я виноватъ. Я позволю себѣ еще разъ и очень серьозно повторить мой вопросъ: отчего вы еще не требуете, чтобы люди не умирали?»

Сергѣй Никанорычъ молчалъ.

— «Оттого, что оно невозможно, неправда-ли? Но если всякій изъ насъ долженъ когда нибудь умереть, то не все ли равно какъ и когда? Сущность въ томъ, что люди должны уступать другъ другу мѣсто; а какимъ образомъ эта уступка дѣлается: съ бою или безъ бою?—не все ли это равно? Такъ или сякъ, а мы вытѣсняемъ другъ друга, это законъ природы, неизмѣнный какъ дважды два, и кто разъ хорошо убѣдился въ этомъ, тотъ не спроситъ зачѣмъ война?—Онъ пойметъ, что война неизбѣжна, что это единственный путь къ развитію, потому что путемъ войны улучшается раса людей; потому что побѣда всегда достается сильнѣйшему и умнѣйшему, а все слабое и плохое гибнетъ. Съ точки зрѣнія слезливой чувствительности, разумѣется можно жалѣть погибающаго; но если судить безпристрастно, съ точки зрѣнія здраваго смысла, науки, искуства, чего угодно, пожалуй даже хоть общей выгоды, если только ее понимать какъ слѣдуетъ, скажите: на кой чортъ такое множество экземпляровъ одной и той же породы?.. И на что ихъ беречь такъ старательно, зная какъ дважды два, что

Digitized by Google

въ какіе нибудь полъ-вѣка, все это вымретъ само собой, не смотря на всѣ ваши старанія?..»

— «Теорія не дурна,» сказалъ Иверскій «да только отъ нея пахнетъ жаренымъ человѣческимъ мясомъ!»

— «Ну, это ужъ дѣло вкуса,» отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ. «Къ тому же мы не о мясѣ теперь говоримъ. Зачѣмъ брать вопросъ съ этой кухонной стороны? Я вамъ не предлагаю жарить людей вмѣсто барановъ, тѣмъ болѣе, что это и въ сводѣ законовъ не одобряется; а я только то говорю, что если дѣйствительно человѣкъ отличается чѣмъ нибудь отъ барана, такъ это именно тѣмъ, что у него есть амбиція, есть потребность стать выше другихъ и жить лучше ихъ. Только подъ этимъ условіемъ человѣкъ цѣнитъ жизнь. Сведите ее на стадовой уровень и вы совершенно убьете въ ней все человѣческое. Тогда жизнь дѣйствительно будетъ имѣть одну только цѣну: количественную....»

Сергѣй Никанорычъ молчалъ. Я тоже..... Касимовъ зѣвнулъ и потрепавъ меня по плечу:—«Ну что Вася, ты еще не уснулъ?» спросилъ онъ смѣясь.

Иверскій взялся за шляпу.

— «Куда вы?.. Постойте; намъ надо еще поговорить.... Чтожъ вы согласны?»

— «Нѣтъ, не согласенъ.»

— «Да полноте! Что за вздоръ? Чего вы трусите? Чортъ далеко не такъ чоренъ какъ кажется!.. Да и къ тому же вѣдь все это будетъ идти черезъ ваши руки; стало-быть еще будетъ время не соглашаться послѣ, когда увидите.»

Сергѣй Никанорычъ молчалъ.

— «Неужели же изъ за такихъ пустяковъ вы бросите Василья Григорьича?.. Онъ такъ дорожитъ вами, да и не даромъ; потому что, безъ всякой лести скажу вамъ, едва ли онъ съищетъ другого такого редактора.»

Я хотѣлъ говорить, но Касимовъ толкнулъ меня потихоньку ногой, чтобъ я ему не мѣшалъ.

— «Я несогласенъ,» повторилъ тотъ угрюмо.

— «Вы можетъ быть опасаетесь, что вамъ много лишней работы прибудетъ?.. Но вы возьмите въ разсчотъ, что соотвѣтственно съ этимъ и денежное вознагражденіе можетъ быть увеличено; можетъ быть даже удвоено или утроено; — на счотъ этого никакихъ споровъ не будетъ; всѣ ваши условія будутъ приняты.»

Digitized by Google

Иверскій сѣлъ и закрылъ руками лицо. Онъ казалось былъ сильно взволнованъ и озабоченъ.

— «Послушайте,» продолжалъ Касимовъ. «Никто не требуетъ отъ васъ немедленнаго отвѣта; что толку если бъ вы дали его теперь, а послѣ раскаялись?.. Дѣло не къ спѣху... Подумайте, взвѣсьте... А лучше всего подождите, покуда они вамъ статьи пришлютъ. Я увѣренъ, что прочитавъ, вы перемѣните ваше мнѣніе и будете сами смѣяться надъ вашимъ страхомъ. Повѣрьте, онъ совершенно напрасенъ. Я вамъ ручаюсь, что тѣ, которые предлагаютъ вамъ это дѣло, понимаютъ отлично духъ времени и сами не станутъ писать ничего такого, что бы могло вооружить противъ нихъ общее мнѣніе. Они не сдѣлаютъ этого ужъ потому одному, что это было бы слишкомъ глупо. Съ другой стороны, они васъ не просятъ писать въ пользу ихъ; они даже не требуютъ чтобы вы противъ нихъ не писали. Они хотятъ только мѣста въ вашемъ журналѣ. Отведите имъ уголокъ, а тамъ дѣйствуйте какъ вамъ вздумается, пожалуй себѣ хоть ругайте ихъ... Чѣмъ свободнѣе будутъ ваши взаимныя отношенія, тѣмъ лучше для нихъ.»

Иверскій поднялъ голову и посмотрѣлъ на меня очень пристально. Ему очевидно хотѣлось знать, что я думаю объ этихъ вещахъ. Но я не хотѣлъ объясняться съ нимъ при Касимовѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ было совѣстно передъ нимъ; мнѣ казалось, что онъ догадывается на счотъ того, что свиданье это и моя роль въ немъ были заранѣе условлены между мной и Касимовымъ.

— «Прощайте,» сказалъ онъ, и не отвѣчая ни слова на просьбу Дмитрія Петровича остаться еще посидѣть, ушолъ.

Оставшись вдвоемъ, мы долго еще говорили. Касимовъ совѣтуетъ не настаивать слишкомъ круто, а дать ему время надуматься, но при этомъ старательно избѣгать всего, что могло бы его заставить думать, что я колеблюсь и что мое рѣшеніе зависитъ хоть сколько нибудь отъ него. Надо чтобъ онъ считалъ это дѣло рѣшонымъ; это единственное средство заставить его уступить.

— «Хорошо,» сказалъ я; «а какъ онъ не уступитъ?»

— «Ну такъ пусть убирается къ чорту! Можно другого найти.»

— «Да я не хочу другого. Я принимаю твой планъ въ видѣ опыта; но жертвовать для простого опыта такимъ человѣкомъ какъ онъ, я положительно не согласенъ.»

Digitized by Google

— «А, ну это ужъ твоя воля!.. Я тебя только прошу не юли и не волнуйся по пустякамъ до сроку. Дай время вопросу созрѣть и опредѣлиться; тогда самъ увидишь, куда онъ клонится и какого рѣшенія требуетъ.

XV

23 мая.

Сергѣй Никанорычъ что-то нейдетъ.... Вѣрно дуется на меня.... Не былъ ни третьяго дня ни вчера; заходилъ къ нему,—дома нѣтъ.

Вчера вечеромъ я опять видѣлъ Касимова и мы съ нимъ толковали о томъ же. Онъ говоритъ весьма основательно, что во всякомъ дѣлѣ надо имѣть въ виду прежде всего его практическую возможность. Журналъ не можетъ существовать безъ подписчиковъ. Надо начать съ того, что обезпечить себѣ достаточный кругъ читателей, а послѣ ужъ думать о томъ, куда направлять ихъ мнѣніе; иначе оно будетъ похоже на голосъ въ пустынѣ, будетъ какая то шалость, потѣха, диллетантизмъ..... Еще онъ говорилъ, что ригоризмъ возможенъ только въ наукѣ, въ теоріи, а въ сферѣ общественной дѣятельности шагу не сдѣлаешь безъ уступки, и въ доказательство, перебралъ мнѣ поочереди всѣ наши извѣстнѣйшія изданія. Что ты думаешь, говорилъ онъ, они печатаютъ только то, что у нихъ на душѣ лежитъ, не кривя и не поступясь ни на волосъ всторону?... Вовсе нѣтъ.... Всякій принаровляется, всякій идетъ по діоганали между двумя направленіями, своимъ и тѣмъ, противъ котораго ему надо бороться. *Вожакъ* запружаетъ себя беллетристикой, отъ которой его тошнитъ. *Знамя* румянится, между тѣмъ какъ извѣстно, что оно краснаго цвѣта не терпитъ. *День* имѣетъ большой успѣхъ.... отчего? Оттого, что онъ поступился съ своимъ ригоризмомъ, бросивъ тотъ фанатическій тонъ, который такъ рѣзалъ уши въ *Маякѣ*, не имѣвшемъ подписковъ, и въ *Русской Бесѣдѣ*, имѣвшей ихъ мало..... Такъ и тебѣ надо сдѣлать.... Редакторъ твой ригористъ. Его образъ мыслей рѣзокъ до крайности и потому никогда не можетъ быть раздѣленъ, ни даже понятъ массой. Для этой массы, онъ самъ говоритъ, надо имѣть отдѣлъ беллетристики. Но этого мало; потому — беллетристику, и гораздо почище вашей, можно найти у многихъ. Стало быть надо еще что нибудь такое, чего у другихъ не встрѣтишь. Но что-же?... Подумай-ка..... Лучше того, что тебѣ предлагаютъ, едва ли найдешь.... Это вамъ обезпечитъ подпис-

Digitized by Google

чиковъ. Это будетъ приманка на вашей удочкѣ. Это поставитъ васъ сразу на твердую ногу и обратитъ на журналъ вниманіе. Съ этого надо начать, въ это ногой упереться, а тамъ, послѣ, тяните себѣ въ какую угодно сторону.»

Я замѣтилъ, что этакъ пожалуй выйдетъ пестро и что мы будемъ вынуждены очень рѣзко противорѣчить себѣ.

— «Э! Что за вздоръ!» —отвѣчалъ онъ смѣясь. «Наши два направленія совсѣмъ не такъ рѣзко расходятся, какъ ты себѣ представляешь. Разногласіе между ними такъ тонко, что надо нагнуться, да всматриваться чтобъ замѣтить. Диссонансъ можетъ быть ощутителенъ только для изощренныхъ ушей, а изъ читателей на сто и одного не съищешь, который бы тутъ услыхалъ что́ нибудь. Читатели судятъ объ этихъ вещахъ по силлогизму. Журналы ругаются, говорятъ они; стало быть они несогласны въ своихъ направленіяхъ. А возьми ка на выдержку какого нибудь изъ нихъ и спроси: въ чемъ они несогласны? о чемъ споръ идётъ?... Голову даю на отрѣзъ, не скажетъ!... Гдѣ ему?.... Да и на кой чортъ ему все это знать? Неужли у него только и дѣла есть, что разбиратъ журнальныя несогласія? Всякаго изъ нихъ—свои маленькія дѣлишки, свои преферансы, интриги, сплетни, свое соперничество съ какимъ нибудь лилипутомъ изъ за какой нибудь лилипутки, или свой ревматизмъ, своя печень,—интересуютъ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ всѣ ваши величественныя теоріи и громкіе споры. Онъ берётъ въ руки журналъ чтобы тѣшиться, а дѣломъ онъ этого не считаетъ, да онъ и правъ. Какъ онъ ни глупъ, а онъ лучше всякаго литератора понимаетъ, что ему не по росту такія задачи.

XVI

24 мая.

Видѣлъ Иверскаго..... Онъ жестоко взбѣшонъ и объяснялся со мною рѣзко до дерзости...—«Если вы,» говоритъ онъ, «намѣрены перейти на сторону этихъ лавочниковъ, такъ вы мнѣ скажите прямо,—а съ Дмитріемъ Петровичемъ меня не сводите; я съ нимъ говорить не хочу.»

Я началъ его упрашивать, чтобъ онъ не горячился, а вникнулъ спокойно въ дѣло; куда!... и слушать не хочетъ! Кричитъ во все горло! Волосы на себѣ рвётъ!

— «Чего тутъ вникать? дѣло ясно!... Они хотятъ, подъ нашею фирмою, своей сулемой отравлять; хотятъ въ наше пиво своего куклевану подсыпать!

*

Digitized by Google

— «Почемъ вы знаете?» перебилъ я.

— «А потому что̀ онъ говоритъ.... Помилуйте! Надо быть совершенно слѣпымъ чтобы не видѣть чего имъ нужно!... Они хотятъ связать свое подлое направленіе съ нашимъ, и засыпавъ пескомъ глаза, перемѣшать ихъ во мнѣніи публики!... Они насилуютъ наши выводы, доводя ихъ до крайнихъ предѣловъ, до совершенной нелѣпости, и выдаютъ это за дальнѣйшій прогрессъ, за высшую степень развитія нашихъ идей.»

Мнѣ стало досадно. «Что-жъ вы ему не сказали этого прямо въ глаза?» спросилъ я... «Со мной тутъ куражитесь; а въ ту пору молчали!»

— «А что̀-жъ вы хотѣли, чтобъ я его въ глаза назвалъ подлецомъ?» отвѣчалъ онъ бѣшено.

— «Помилуйте! Что̀ вы говорите?... Неужли у васъ кромѣ брани другихъ аргументовъ нѣтъ?»

— «Мои аргументы пришли бы къ тому же выводу?»

— «Это не говоритъ въ пользу ихъ справедливости,» отвѣчалъ я. «Надо толкомъ объяснить человѣку въ чемъ онъ не правъ, а не ругаться!»

— «Нѣтъ-съ; надо ругаться! Надо ихъ оплевать! закидать грязью!... А съ вашими диспутами недалеко уѣдешь!... Съ вашими диспутами они васъ двадцать разъ обойдутъ!»..

— «Деспотизмъ!» сказалъ я.

— «Да-съ! Деспотизмъ нуженъ! Безъ деспотизма у насъ ничего не подѣлаешь!... Что вы будете толковать съ этой публикой, которая ничего не смыслитъ?... Какіе тутъ диспуты? Не доросли мы еще до диспутовъ!... Ей нужно страху задать! Ее надо въ шею толкать, тащить на веревкѣ впередъ; — безъ этого вы ее съ мѣста не сдвинете!»

— «Покорно благодарю!» сказалъ я. «Вы можете это дѣлать съ кѣмъ вамъ угодно, но не со мной! Меня избавьте пожалуйста отъ этого понуканья! Если хотите, чтобъ я васъ слушалъ, то говорите мнѣ дѣло; а ваши ругательства не убѣждаютъ меня ни на волосъ!»

Этотъ отвѣтъ озадачилъ его немного. Онъ покосился и замолчалъ.

Вечеромъ, видѣлъ Касимова.... «Ну что твой Сергѣй Никанорычъ?» спросилъ онъ.

— «Да что — Сергѣй Никанорычъ!... на стѣну лѣзетъ! ругается!...»

— «Ругается?... Ну братъ поздравляю тебя! Если ты это

Digitized by Google

терпишь, то нечего больше и спрашивать!... Помилуй, можно ли такъ распускать поводья?... Какой нибудь хамъ, оборвышъ, голь семинарская!...»

— «Нѣтъ, сдѣлай милость!» я перебилъ. «Довольно я этихъ вещей наслушался!... У меня эта брань вотъ тутъ стоитъ!....»

XVII

26-го Мая.

Сегодня Рулева показывала мнѣ свой альбомъ съ карточками.... Коллекція очень не велика. Нѣсколько женщинъ, изъ которыхъ одну я встрѣчалъ у нея.... портретъ профессора К**... Изъ Касимовыхъ никого.... Разсматривая мужскіе портреты, я мысленно спрашивалъ себя: — *который?*... Но данныхъ къ рѣшенію этого интереснаго вопроса нѣтъ никакихъ, и вообще ни малѣйшихъ слѣдовъ близкой связи съ кѣмъ бы то ни было. Все это, вмѣстѣ съ ея стѣсненнымъ положеніемъ, ведетъ къ той догадкѣ, что она брошена.... Жаль на нее глядѣть!... Бѣдняжка кашляетъ.... Сидитъ за работой цѣлое утро, отъ 9-ти до 3-хъ, почти не вставая съ мѣста!... Я нѣсколько разъ упрашивалъ ее пожалѣть себя; но она отвѣчаетъ, что нельзя иначе, что она вынуждена..... Недалѣе какъ сегодня у насъ былъ объ этомъ споръ. Я ей доказывалъ, что отдыхъ необходимъ, чтобы работа шла хорошо, и что сидѣть какъ она, по цѣлымъ недѣлямъ безъ свѣжаго воздуха, безъ всякаго развлеченія, значитъ губить себя.»

— «Что-жъ дѣлать?»

— «Я вамъ скажу что.... Надо дѣлать прогулки; быть больше на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.... Неужли васъ не давитъ эта тюремная обстановка: — этотъ мракъ, тѣснота, — эта стѣна передъ вашимъ окномъ?... Посмотрите: весна!.. тепло, солнце свѣтитъ.... въ садахъ деревья цвѣтутъ!... Что-бы вамъ стоило раза два, или даже хоть разъ въ недѣлю, поѣхать за городъ и нагуляться тамъ до сыта, до усталости?... Неужли вамъ не хочется?...

— «Какъ не хотѣть?» отвѣчала она вздохнувъ.

— «Такъ что-жъ вамъ мѣшаетъ?... Вотъ напримѣръ, хоть завтра?... Знаете что? Поѣдемте завтра въ Парголово?»

— «Нельзя,» отвѣчала она.

— «Отчего?»

— «Некому Митю оставить.»

— «А вашей хозяйкѣ?»

Digitized by Google

— «У ней своихъ дѣтей много, — и кухня.... Она занята цѣлый день.»

— «Лидія Алексѣевна, — вамъ надо нанять себѣ няньку.»

Она замялась; ей нехотѣлось сказать, что у ней нѣтъ средствъ.... «Послушайте,» продолжалъ я, «если вы не хотите быть откровенны со мною, то позвольте мнѣ отвѣчать за васъ.... Я знаю что́ вамъ мѣшаетъ. Ваши доходы слишкомъ малы, неправдали?»

— «Да,» отвѣчала она.

Въ такомъ случаѣ, намъ, надо подумать о томъ, какъ бы ихъ увеличить».

— «Нѣтъ! ради Бога!.. Не говорите объ этомъ!» просила она. «Я знаю, что вы добры; но я не хочу быть вамъ въ тягость!»

— «Позвольте, выслушайте. Развѣ нельзя такъ сдѣлать, чтобы не было въ тягость ни мнѣ, ни вамъ?

— «Не знаю,» отвѣчала она въ волненіи. «Можетъ быть что и можно, но я не могу положиться, на васъ въ этомъ случаѣ.... Я боюсь.... Кто мнѣ поручится, что вы поступите добросовѣстно; что я не буду обманомъ вовлечена въ обидное положеніе человѣка, которому навязываютъ пустую работу только за тѣмъ, чтобы имѣть предлогъ подарить ему деньги?»

— «Лидія Алексѣевна! Такой отвѣтъ человѣку, который вамъ столько разъ говорилъ, что онъ считалъ бы за счастье стать вашимъ другомъ!...

Она вспыхнула и протянула мнѣ руку. «Не сердитесь!» — просила она. «Будьте ко мнѣ снисходительны!... Въ моемъ положеніи нельзя не быть иногда черезъ-чуръ осторожною.»

— «Мнѣ больно», продолжалъ я, — «что не смотря на всѣ мои усилія, я не могу измѣнить ни на волосъ моего отношенія къ вамъ. Вы до сихъ поръ смотрите на меня какъ на редактора».

— «О! нѣтъ!.... Зачѣмъ говорить такія вещи?... Вы знаете, что я цѣню дорого.... Я бы была дурная женщина, если бы я не цѣнила.... Вѣрьте, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ, отъ котораго я бы охотнѣе приняла помощь, если бы я хотѣла принять ее отъ кого нибудь; но я не хочу!... не могу!... Я должна выбиться изъ зависимаго положенія!...должна!.... Это моя мечта, вѣра.... это условіе, безъ котораго я не могу быть спокойна, не могу уважать себя!...»

Я отвѣчалъ, что для человѣка трудящагося здоровье есть первое условіе независимости, и началъ ее упрашивать, чтобъ она

Digitized by Google

удѣляла часть времени на сбереженіе своихъ силъ.... Мы долго спорили.... Она объясняла, что доходъ ея уменьшится, а расходъ увеличится, если она найметъ себѣ няньку и будетъ работать менѣе, и что все это вмѣстѣ должно запутать ее по шею въ долги; а я ей доказывалъ, что если она будетъ такъ продолжать, то непремѣнно сляжетъ, и что тогда больше времени будетъ потеряно и больше денегъ истрачено.... Она заплакала и спросила, что-жъ дѣлать?... Я отвѣчалъ, что надо искать уроковъ, а переводы устроить такъ, чтобы получать за нихъ плату не по листамъ, а помѣсячно.

— «Ни за что!» говорила она въ слезахъ «Скорѣе въ кухарки пойду!... Это значитъ васъ разорять, брать у васъ деньги даромъ!... Лучше ужъ бросить совсѣмъ переводы и поискать уроковъ...»

Я отвѣчалъ, что переводы можно оставить, когда уроковъ будетъ довольно; а что покуда надо сдѣлать какъ я говорю».

Послѣ долгихъ сопротивленій, мнѣ удалось наконецъ вырвать у ней согласіе.

— «Ну а что-жъ, завтра поѣдемъ за-городъ?» спросилъ я.

— «Нельзя, Василій Григорьичъ;—кому я оставлю Митю?»

— «Если такъ, сказалъ я,—«то поѣзжайте одна;—а Митю оставьте мнѣ.»

Она засмѣялась... «Вы шутите!»—отвѣчала она.

— «Нѣтъ, не шучу.... Почему-жъ не оставить?... развѣ вы мнѣ не довѣряете?... Я буду сидѣть здѣсь все время, и если что-нибудь нужно будетъ, попрошу вашу хозяйку помочь».

— «Полноте; вы меня со смѣху уморите!... Ну какая вы нянька?... Вы не съумѣете его на руки взять!»

— «Да; это можетъ быть; — но если такъ, то я ѣду сію минуту искать вамъ няньку».

Взглядъ, которымъ она отвѣчала на эти слова, останется у меня надолго въ памяти.... Отъ него какъ-то на сердцѣ стало тепло.

XVIII

29-го Мая

Нашолъ уроки и няньку нашолъ!... Женщина лѣтъ сорока, вдова какого-то слесаря, очень опрятная, тихая женщина и сама имѣла дѣтей.... Уроки французскаго языка на Лиговкѣ, у какой-то купчихи.... нашла Марья Петровна. Няньку то же она помогла мнѣ найти. Добрая дѣвушка! Я ей разцѣловалъ сегодня руки,—такъ я былъ радъ. Но Рулева еще ничего не знаетъ; бѣгу

Digitized by Google

ей сказать.... Да надо зайти къ Иверскому, о переводахъ ему сообщить.... Съ этими переводами мнѣ было много хлопотъ! цѣлыхъ два вечера спорились и торговались до слезъ.... Да, кстати: Касимовы завтра переѣзжаютъ въ Стрѣльну, на ту самую дачу, которую мнѣ предлагали. Ѣдутъ впрочемъ однѣ только дамы; а Дмитрій Петровичъ остается еще на долго въ городѣ....

XIX

30-го Мая.

Были въ Парголовѣ.... Ѣздили въ наемной каретѣ.... Взяли и няньку съ Митей. Погода стояла тихая, лѣтняя, и Лидія Алексѣевна была въ полномъ восторгѣ. Она бѣгала по травѣ и рѣзвилась какъ школьникъ. Къ девяти часамъ были обратно въ городѣ и пили чай у нея.

XX

2-го Іюня.

Были опять въ Парголовѣ и Сергѣя Никаноровича брали съ собой.... Думали, что прогулка развеселитъ его, но вышло напротивъ. Никогда я его не видалъ съ такимъ мрачнымъ, угрюмымъ лицомъ, и еще никогда онъ не былъ такъ скупъ на слова. Онъ насъ связалъ, испортилъ намъ удовольствіе.... Понять не могу, что это за человѣкъ! Природа, свѣжая зелень, солнце — точно какъ будто не существуютъ для него; по крайней мѣрѣ не видно, чтобъ они его сколько нибудь радовали или оживляли.... Да онъ и не прячетъ этого. Онъ самъ говоритъ, что ему это все равно.... Вообще говоря, скучнѣе товарища на подобнаго рода прогулки трудно найти.

XXI

16-го Іюня.

Сегодня по утру была у меня Лидія Алексѣевна съ своею работой.... Читали, смѣялись, выпили цѣлый кофейникъ кофею и потомъ вышли вмѣстѣ.... У насъ уже такъ завелось, что я ее провожаю до дому, и если дорогой начнемъ интересный какой нибудь разговоръ, то зажжу къ ней кончить. Такъ было и этотъ разъ; только на этотъ разъ, у самаго поворота въ Кирочную она вдругъ замолчала и сильно перемѣнилась въ лицѣ. Я только что собирался спросить: что съ ней? — Смотрю, намъ на встрѣчу подходитъ Касимовъ.

— «Ба! ба! ба!... вмѣстѣ?... Вотъ что называется двухъ птицъ съ одного выстрѣла!... Давно ли вы познакомились? — сказалъ онъ, кивнувъ мнѣ насмѣшливо головой и протягивая ей руку.

Digitized by Google

Она молча коснулась ея. Лицо у нея было блѣдно какъ восковое. Это меня такъ удивило, что мнѣ и въ голову не пришло отвѣчать; но онъ былъ невозмутимъ и веселъ по обыкновенію.

— «Я догадываюсь»,—продолжалъ онъ смѣясь;—«литература сблизила.... Лидія Алексѣевна всегда имѣла слабость къ редакторамъ, что впрочемъ неудивительно при такомъ тѣсномъ родствѣ литературы съ эманципаціей.... только жаль что это родство удалило ее отъ старыхъ знакомыхъ.

— «Это неправда», произнесла она твердо и сухо.... «Не это меня отдалило отъ нихъ.»

— «Не смѣю спорить», отвѣчалъ онъ; «но я не знаю другихъ причинъ.»

— «Неправда», настойчиво повторила она; «вы ихъ знаете.»

Онъ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой, отъ которой она покраснѣла до самыхъ волосъ, и отвернувшись ускорила шагъ; но онъ взялъ меня подъ руку и пошолъ рядомъ съ нами.

— «Мошенники эти редакторы!» продолжалъ онъ смѣясь. «Подъ видомъ сочувствія къ дѣлу эманципаціи, втираются въ дружбу къ своимъ сотрудницамъ и выживаютъ у нихъ изъ памяти старыхъ друзей!»

— «Перестань глупости врать!» сказалъ я вполголоса.... Онъ улыбнулся на мою сторону, насмѣшливо приподнявъ одну бровь, и толкнулъ меня локтемъ подъ бокъ.

Рулева бѣжала такъ скоро, что мы едва поспѣвали за ней... Въ двѣ минуты мы были ужъ у воротъ Она вошла, не оглядываясь; Касимовъ хотѣлъ за ней; но я его удержалъ.

— «Куда ты? сказалъ я. «Развѣ не видишь, что она отъ тебя бѣжитъ?»

— «Бѣжитъ?» повторилъ онъ машинально, оборачиваясь ко мнѣ и осматривая меня съ насмѣшливымъ любопытствомъ.... «Бѣжитъ?.... Да, твоя правда; она въ самомъ дѣлѣ бѣжитъ.... ....Гмъ; посмотри-ка сюда на меня.... Ахъ ты шельма! шельма!» ....Онъ засвисталъ и пошолъ равнодушно прочь.

Съ минуту я стоялъ въ нерѣшимости: идти-ли за ней или его догонять? Послѣднее, разумѣется, было умнѣе; но грубыя шутки его возмущали меня до крайности, а съ другой стороны, любопытство.... или нѣтъ, это было не любопытство, а что-то другое, все равно что, только мнѣ очень хотѣлось войти.... «Неоглядывается», подумалъ я, смотря ему вслѣдъ и проворно шмыгнулъ въ калитку, но въ эту самую минуту, онъ

Digitized by Google

какъ на зло оглянулся, и я издали, мельномъ успѣлъ замѣтить какъ онъ хохоталъ.

— «Чортъ тебя побери!» думалъ я, опрометью вбѣгая по лѣстницѣ. «Очень нужно тебѣ попадаться навстрѣчу!»

Квартира была заперта на ключъ; ея комната тоже.... Я постучалъ.

— «Кто тамъ?» спросила она не отворяя.

— «Это я, Лидія Алексѣевна.»

— «Одни?»

— «Одинъ.»

Она отворила.... Лицо ея было разстроено.

— «Что съ вами?» спросилъ я, взявъ ее за руку.

— «Такъ; ничего....»

— «Какъ ничего?... Вы плакали?...»

— «Да.... нѣтъ.... это такъ.... у меня нервы разстроены....» Она сѣла.... «Эта встрѣча....» начала она и на полсловѣ вдругъ замолчала. Я стоялъ у окна, смотря на нее въ недоумѣніи.

— «Вы съ нимъ давно знакомы?» спросила она.

— «Съ Касимовымъ? Да лѣтъ двадцать будетъ.»

— «И семейство его тоже знаете?»

— «Знаю!»

— «Сергѣй Никанорычъ мнѣ говорилъ,» продолжала она; «Но я не думала, что вы съ нимъ такъ коротки.»

— «Мы съ нимъ товарищи по гимназіи,» отвѣчалъ я; «и Нина Павловна мнѣ родня.»

Мы замолчали....

— «Василій Григорьичъ,» начала она снова; «скажите мнѣ правду: они говорили вамъ что-нибудь обо мнѣ?»

— «Да, говорили.»

Она подняла на меня быстрый, полный тревожнаго любопытства взглядъ, какъ будто желая узнать еще что-то, но не рѣшаясь спросить.

— «Упоминали то есть,» прибавилъ я. «Серьезно я говорилъ о васъ только съ Марьей Петровной. Она одна знала о нашемъ знакомствѣ.»

Рулева вздохнула. «Какъ я давно не видала Машу!» сказала она задумчиво.... «Милая Маша!... Я ее очень любила!... Чтобъ я дала чтобъ увидѣть ее хоть на минуту!»

— «Это очень легко исполнить,» отвѣчалъ я; «потому что она тоже очень желаетъ васъ видѣть.»

— «Она не сердится на меня?»

Digitized by Google

— «Нѣтъ. Она только жалуется, что вы отъ нихъ прячетесь.»

— «Добрая Маша!»

— «Могу я ей передать это?»

— «Что передать?» спросила она тревожно.

— «Что вы желаете ее видѣть.... Ей стоитъ слово сказать.... она завтра же будетъ здѣсь.

— «Ахъ нѣтъ! ни за что!... ради Бога ни слова!...»

— «Лидія Алексѣевна, это странно!...»

— «Ни за что!» повторила она вскочивъ и подбѣгая ко мнѣ. «Я не могу.... У меня есть причины.... Я не хочу.... Я требую чтобъ вы ей ничего не говорили!»

— «Будьте спокойны,» отвѣчалъ я; «безъ вашей воли, я разумѣется ничего не скажу; но я право не понимаю кчему такія предосторожности съ женщиной, которая знаетъ все?»

— «Какъ все?...» спросила она въ испугѣ, съ какимъ-то растеряннымъ видомъ.

— «Тоже самое что и я знаю,» отвѣчалъ я.

— «Ничего болѣе?»

— «Ничего.»

Она успокоилась.

— «Вы очень дружны съ Дмитріемъ Петровичемъ?»

— «Былъ прежде.... Теперь онъ во многомъ перемѣнился и мы такъ разошлись въ убѣжденіяхъ, что отъ старой, искренней связи, осталась только одна привычка говорить откровенно другъ съ другомъ.»

— «Вы отъ него не имѣете тайны?»

— «Нѣтъ... Впрочемъ не отъ него одного, я вообще не имѣю привычки скрывать того, что касается собственно до меня.»

— «Ну, а онъ?»

— «Онъ говоритъ мнѣ открыто все, что онъ думаетъ обо мнѣ. Дальше этого, я о немъ мало знаю.»

— «Онъ очень любитъ свою жену?»

— «Не замѣтилъ.»

— «А дѣтей?»

— «Не замѣтилъ и этого.»

— «А Марью Петровну?»

Я покачалъ головою.

— «Кого же онъ любитъ?»

— «Ей Богу не знаю... Мнѣ кажется никого особенно.»

— «Онъ всегда веселъ?»

Digitized by Google

— «Сколько я знаю, всегда.»

Она задумалась... «Знаете,» продолжала она въ полголоса, «эта вѣчная ясность, это невозмутимое, ровно-веселое состояніе духа имѣютъ въ себѣ что-то странное!... Точно стѣна какая-то или занавѣсъ, за которой таится Богъ знаетъ что!... Нѣтъ никакой возможности вѣрить людямъ, которые всегда веселы....»

— «Да, это правда,» отвѣчалъ я; «но скажите, Лидія Алексѣевна, «вы кажется очень его не любите?»

— «Было время когда онъ мнѣ нравился,» отвѣчала она опустивъ глаза; «но я давно перемѣнила о немъ свое мнѣніе.»

— «Нѣтъ, этого мало сказать. Судя по сегодняшней встрѣчѣ, мнѣ кажется что вы его положительно ненавидите; даже боитесь....»

Она молчала.

— «И этимъ я объясняю себѣ отчасти то, что всегда мнѣ казалось странно: что вы прекратили всякія отношенія съ семействомъ Касимовыхъ.»

— «Я васъ прошу,» отвѣчала она, «не спрашивайте меня объ этомъ. Я не могу вамъ сказать ничего покуда.... Послѣ, когда нибудь.... вы узнаете.... А теперь я вамъ вотъ что скажу.... Мнѣ надо перемѣнить квартиру.»

— «Зачѣмъ?»

— «Такъ.... надо.... Я ужъ давно собираюсь. Здѣсь темно... холодно....»

— «Но теперь лѣто.»

— «Да.... но....» и опять она начала твердить *надо* да *надо*, не объясняя зачѣмъ. Но я понимаю чего ей надо.... надо чтобъ *онъ* не зналъ ея адреса.... «Ну, это не даромъ!» подумалъ я «Тутъ что-нибудь да неладно!»

XXII

20-го Іюня.

Видѣлъ Касимова.... Съ своимъ безграничнымъ нахальствомъ онъ тотчасъ спросилъ: давно ли я волочусь за Рулевой?.... Отвѣчалъ, что я вовсе за нею не волочусь.

— «Полно такъ-ли?»

— «Положительно такъ.»

— «Что жъ вы съ ней дѣлаете?»

— «Ничего; я съ ней просто знакомъ. Она переводитъ для моего журнала: а я ей за это деньги плачу.... Вотъ и все.»

Digitized by Google

— «Только-то?... Ну братъ, если ты только не врешь, то я о тебѣ лучше думалъ.»

— «Что-же ты думалъ?»

— «Да я думалъ, что не даромъ ты провожаешь ее на улицѣ и заходишь къ ней въ гости и что не такой же ужъ ты человѣкъ, чтобъ отъ хорошенькой женщины добиваться только однихъ переводовъ.»

— «Послушай, Дмитрій Петровичъ, это свинство говорить такимъ образомъ о Лидіи Алексѣевнѣ?... Ты ее знаешь и можешь понять, что она не изъ тѣхъ....

— «Да ну, полно!» прибавилъ онъ смѣясь. «Ты сталъ щекотливъ на слова, точно какая нибудь старая гувернантка. Что я дурного о ней сказалъ? И что за обида для молодой женщины, если кто нибудь ищетъ съ ней сблизиться потѣснѣе?...»

— «Сдѣлай милость оставь эти плоскости!» отвѣчалъ я съ досадою. «Все это само собой разумѣется; но неужли кромѣ глупостей, о молодой женщинѣ ничего и сказать нельзя? Точно какъ будто онѣ только для этого и существуютъ!!!»

— «Ну, ну не сердись! Ну пусть не для этого! Будемъ пожалуй о нихъ говорить, какъ будто это до нихъ вовсе и не касается.»

— «Нѣтъ, братъ!» отвѣчалъ я. «Шутками тутъ не оддѣлаешься! Надо объ этомъ серьозно»..

— «Да ну тебя! отвяжись съ твоею серьозностью! Взъѣлся точно бульдогъ какой нибудь! Вишь какъ выдрессировали; Тронь только, такъ и пошолъ! Какъ табакерка съ музыкой!.. Стюарта Милля чай наизусть выдолбилъ,—а?..»

Я плюнулъ и ушолъ къ Марьѣ Петровнѣ.

XXIII

26 іюня.

Сегодня я наконецъ узналъ то, о чемъ могъ бы давно догадаться по разнымъ случайнымъ намекамъ, сохранившимся у меня въ памяти!... Что со мной сдѣлалось, когда я это узналъ, понять не могу!.. Меня точно въ сердце ударило что нибудь!.. Тошно и больно... голова кружится.... въ мысляхъ все какъ то вверхъ дномъ повернулось... не могу ничего сообразить!... Пробовалъ спать лечь,—не спится. Велѣлъ чай сдѣлать; чай въ ротъ нейдетъ!.... Что я? Чего ожидалъ? На что надѣялся?.... И какъ глупо, неосторожно, безумно позволилъ я себѣ впутаться поуши въ это чувство!... Бьетъ

Digitized by Google

полночь; сна ни въ одномъ глазу.... Запишу все въ порядкѣ какъ было....

Вечеромъ, въ половинѣ 8-го, я отправился къ Лидіи Алексѣевнѣ. Наружная дверь была отперта. Я пошолъ корридоромъ, и былъ уже близко отъ ея комнаты, какъ вдругъ услыхалъ сквозь перегородку, что она говоритъ съ кѣмъ то.

— «Оставь меня! Какъ ты смѣешь. Какое право?... Я позову!..» раздалось очень явственно и вслѣдъ за тѣмъ шумъ, какъ будто что передвинули.... Я кинулся, но въ эту минуту услыхалъ голосъ Касимова.

— «Лили! Не дурачься! Брось этотъ стулъ!... Я не хочу тебя вынуждать ни къ чему.»

Меня какъ огнемъ охватило. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ.. Этотъ тонъ! Это *ты*! Эти два голоса! Что это значитъ?.... Въ эту минуту я былъ у самыхъ дверей и уже взялся за ручку, но что-то остановило меня... Я оглянулся.... Въ корридорѣ темно, и въ добавокъ крутой поворотъ его заслонялъ меня совершенно отъ глазъ... Никто не видалъ какъ я вошолъ. Неодолимая сила приковала меня къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ... «Не ошибся ли я?... Онъ ли это?» было первое, что пришло мнѣ въ голову.

Въ жару, не давая себѣ отчета въ томъ что дѣлаю, я приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ и увидѣлъ *его*... Онъ стоялъ у окна, прямо противъ меня.... ея не было видно. Нѣсколько словъ сказано было съ обѣихъ сторонъ, пока я успѣлъ вслушаться.

. . . «Ссора изъ пустяковъ!» говорилъ онъ.

— «Для тебя все пустяки!» отвѣчала она...—«И наша связь была точно такіе же пустяки какъ все остальное».

— «Это не правда».

— «Не лги, сдѣлай милость!... Мнѣ больно видѣть какъ вы унижаете себя попустому.

— «Повѣрь мнѣ, Лили».

— «Ахъ, Дмитрій Петровичъ,—было время когда я тебѣ вѣрила, слѣпо вѣрила;—теперь не могу».

— «Лидія, я не лгалъ тебѣ никогда, ты не такъ понимала мои слова,—вотъ и все.»

— «Нѣтъ, Дмитрій Петровичъ;—слова твои я хорошо понимала, но я была слишкомъ еще молода, чтобы тебя самого понять... Ты мнѣ казался другимъ человѣкомъ».

— «Я въ этомъ не виноватъ».

Digitized by Google

— «Да, ты конечно не виноватъ, что я была такъ глупа, но ты воспользовался моею глупостью, чтобъ одурачить меня совершенно. Теперь тебѣ это не удалось бы. Я теперь ужъ не тотъ ребенокъ, какимъ была у тебя въ рукахъ, и не стала бы слушать басни, которыми ты морочилъ меня въ ту пору».

— «Какія басни?»

— «А! ужъ забылъ?... Какъ это похоже на тебя, бездушный, пустой человѣкъ!... Ты забылъ, какъ ты лгалъ на жену, будто она не любитъ, не понимаетъ тебя, будто ей все равно кого бы ты ни любилъ, и что она дорожитъ только однѣми приличіями, и что ты никогда не встрѣчалъ женщины искренно тебѣ преданной.... и все это ложь!... Я знаю теперь, что не жена твоя виновата въ томъ, что у васъ дѣло врозь пошло. Вся вина ея, что она не хотѣла вѣрить въ свое несчастіе. Какъ слабая женщина, она утѣшала себя надеждою на какую-то перемѣну въ тебѣ, на возможность вернуть то, чего не было никогда. Она виновата передъ собою, передъ своимъ женскимъ достоинствомъ, вынося терпѣливо ту жалкую роль, которую ты заставляешь ее играть.... Но передъ тобой она права; потому что кто-бъ ни былъ на мѣстѣ ея, — я ли, другая ли, — никто не имѣлъ бы твоей любви!»

— «Что за вздоръ, Лидія! Еслибъ ты обвиняла меня: зачѣмъ для тебя я не бросилъ жены и дѣтей, я бы это понялъ еще, потому, это было-бы хоть и строго, да по крайней мѣрѣ толково.... но утверждать, что я не любилъ тебя...»

— «Покорно благодарю за такую любовь! Черезъ мѣсяцъ послѣ меня ты связался съ какою-то дрянью, которая рисовала себѣ глаза!»

— «Я бросилъ ее давно».

— «Бросилъ бы и меня, мой другъ, если-бы у меня не хватило ума предупредить тебя».

— «Хорошъ умъ!.... Изъ-за пустого страха добровольно идти навстрѣчу тому, что пугало тебя!... Испортить двумъ людямъ жизнь ни за грошъ!...»

— «Въ твоей жизни нечего было портить, Дмитрій Петровичъ», отвѣчала она; — «а моя была раньше испорчена, — испорчена съ той минуты, какъ я полюбила тебя. Какая судьба ожидала меня?... Быть одною изъ полдюжины твоихъ пріятельницъ, и каждый день ждать отставки?... Хороша жизнь!»

— «Полно, Лидинька!» перебилъ онъ. — «Это тебѣ нейдетъ!

Digitized by Google

Это пахнетъ той старою институтской моралью, надъ которою ты прежде сама смѣялась».

— «Ты лжешь!» отвѣчала она горячо. — Я смѣялась надъ лицемѣріемъ и надъ кодексомъ женской неволи; — но я никогда не оправдывала разврата. У меня нѣтъ, какъ у васъ, двухъ мѣрокъ! По моему то, что грязно для женщины, также грязно и для мужчины. Ты первый плюнулъ-бы на меня, еслибъ я вѣшалась безъ разбору на шею всякому встрѣчному; но въ себѣ, ты не только готовъ оправдать тоже самое,—ты хочешь, чтобъ и я оправдывала, хочешь чтобъ и я считала за счастье стоять на ряду со всякой дрянью!»

— «Съ чего ты взяла, что я тебя ставлю на одну доску съ ними?»

— «Ставишь или не ставишь, въ моихъ глазахъ это все равно. Не отъ твой воли зависитъ унизить или возвысить меня въ моемъ собственномъ мнѣніи. Я сама себѣ знаю цѣну и не прошу никого быть моимъ судьей!»

— «Лидія!»

— «Нѣтъ, Дмитрій Петровичъ, довольно! Я не ребенокъ, котораго можно убаюкивать пѣснями.... Я разъ ошиблась въ тебѣ,—довольно съ тебя и этого. Ничто въ мірѣ не заставитъ меня ошибиться въ другой разъ!»

— «Лидинька!»

— «Нѣтъ, ради Бога!... Довольно! Кончи!... Мнѣ больно все это слушать!...»

Онъ замолчалъ.... По сурово-нахмуренному лицу, можно было замѣтить, что онъ раздраженъ. Въ комнатѣ стало тихо, такъ тихо, что маятникъ на часахъ былъ слышенъ.

— «Покажи сына», сказалъ онъ минуту спустя.

Она прошла мимо дверей и вынесла на рукахъ ребенка. Чтó дальше происходило, я не видалъ, потому что они отошли отъ окна. Нѣсколько словъ сказано было между ними, но не довольно внятно.

— «Что онъ у тебя такой блѣдный?» услышалъ я черезъ нѣсколько времени. «Ты вѣрно сама его кормишь?»

Отвѣта неслышно было.

— «Какая глупость!».....

Опять она что-то шепнула.

— «Чѣмъ ты живешь?»

Она отвѣчала довольно подробно; но я уловилъ только

Digitized by Google

слова: .....«продала» .....«очень трудно» .....«привыкла» .....и ....«переводы».

— Лидія! Это безумство!.... Ты себя уморишь! Посмотри какъ ты исхудала за это время! Тебя узнать трудно! У тебя лицо стало какое-то жолтое!»....

По нѣсколькимъ, едва внятнымъ звукамъ, я догадался, что она плачетъ.

— «Не дурачься, пожалуйста; возьми у меня хоть пятьсотъ рублей на первое время».

Отвѣта не слышно было.

— «Что за вздоръ! Ну если не для себя, то для этого мальчугана возьми. Найми ему мамку здоровую, комнату попросторнѣе... Помилуй! Въ этой канурѣ можно задохнуться! А не то хочешь, я мѣсто тебѣ пріищу?»....

— «На какое мѣсто меня возьмутъ съ сыномъ?»

— «А сына мнѣ отдай».

— «Ни за что!»

Онъ топнулъ ногой.... «О! чортъ возьми! Ни изъ коробу, ни въ коробъ! Ничего нѣтъ несноснѣе бабы съ норовомъ!... Слишкомъ много ума, чтобы послушать кого нибудь; слишкомъ мало, чтобы самой разсудить! Что ни придумай, противъ всего сто возраженій сыщетъ, а сама станетъ думать, выдумаетъ такую чушь, что и сказать ничего не найдешься, а только разинешь ротъ!.... Портить себѣ здоровье, просиживая полсутокъ надъ какими нибудь переводами, которые надо выпрашивать, которые никому ненужны, которые едва окупаютъ бумагу, на нихъ употребляемую, которые всякой школяръ, выгнанный изъ гимназіи, можетъ у тебя перебить, и думать, что ты въ независимомъ положеніи, что это эмансипація, самостоятельный трудъ..... можетъ ли быть заблужденіе нелѣпѣе этого?»

— «Я не выпрашивала ни у кого работы», отвѣчала она всхлипывая.... «Я имѣю еще теперь»....

— «Ахъ да! Я было и забылъ», перебилъ онъ, «у тебя новый пріятель съискался? Какимъ образомъ? Кто васъ свелъ?»

Она отвѣчала что-то невнятно.

— «Чтожъ, онъ успѣлъ ужъ влюбиться въ тебя?»

Отвѣтъ, сколько я могъ судить по тону, былъ отрицательный.

— «Ну, если еще не успѣлъ, то я тебѣ отвѣчаю, что не замедлитъ. Я знаю этого человѣка, у него сердце кисельное,

Digitized by Google

и. если ты только маху не дашь, то его скоро можно къ рукамъ прибрать.»

— «Перестань, сдѣлай милость!» отвѣчала она съ досадою. «Ты оскорбляешь его и меня!»

— «Это какимъ образомъ? Если ты ужъ рѣшилась бросить меня совсѣмъ, то я не вижу, почему тебѣ съ нимъ не сойтись. Онъ добрый малый, свѣжъ, молодъ, неглупъ, хорошо обезпеченъ, однимъ словомъ, изъ него можетъ выйти отличный мужъ.»

— «Дмитрій Петровичъ! Ради самаго Бога! Я не могу!... Эти шутки..... такъ грубо!»..... Конца я не могъ разслушать.

— «Я не шучу Лидія», отвѣчалъ онъ. «Совѣтую тебѣ серьозно объ этомъ подумать.... А впрочемъ, какъ знаешь.... Прощай.»

Я только что имѣлъ время сдѣлать шагъ всторону отъ дверей, какъ онъ отворилъ ихъ и прошолъ мимо, въ темнотѣ не замѣтивъ меня....

Нѣсколько времени я колебался, не зная какъ выбраться изъ глупаго положенія. Войти къ ней нельзя; я былъ такъ разстроенъ, что не могъ бы двухъ словъ связать..... Пробравшись по корридору, я выждалъ минуту, когда въ кухнѣ не было никого и потихоньку вышелъ на лѣстницу.

XXIV

2-го іюля.

Вотъ ужъ съ недѣлю какъ я себѣ не принадлежу; сплю мало, не дѣлаю ничего, хожу какъ растерянный.... У Лидіи Алексѣевны не былъ съ тѣхъ поръ; а что мѣшаетъ?... Понять не могу.... Въ чемъ это открытіе измѣнило мои отношенія къ ней?... Не все ли равно съ кѣмъ она имѣла связь, если эта связь порвана, и она больше не любитъ?... Стой! Это вопросъ еще не рѣшонный.... Точно ли она не любитъ его?... Можно ли это заключить изъ того, что я слышалъ?... Съ перваго взгляда оно дѣйствительно кажется, что съ глазу на глазъ, неподозрѣвая свидѣтеля, она не имѣла причины скрывать.... Гмъ!... Такъ ли полно? Ну а что̀ если имѣла? Что̀ тогда?... Женщины очень хитры, очень извилисты. У нихъ побудительныя причины или запрятаны очень глубоко или такъ тонки, что мы, съ нашимъ грубымъ зрѣніемъ, часто не можемъ ихъ разсмотрѣть и тогда, если ихъ вовсе отъ насъ не прячутъ; тѣмъ болѣе если задумаютъ спрятать. Тогда ужъ пиши пропало! Кончено! Не поймешь ничего!...

Digitized by Google

Все это время не былъ ни у кого и не видалъ никого кромѣ Иверскаго. Касимовъ разъ заходилъ, да по счастью, меня дома не было.... Я право не знаю какъ я теперь встрѣчу этого человѣка?... Сергѣй Никанорычъ былъ правъ. Я теперь понимаю его недоговорки и злость. Онъ, бѣдный, тоже того... какъ я!... О! чортъ побери! Что̀ за мука! Любить такъ какъ я люблю.... до зарѣзу, до сумасшествія.... горѣть отъ простого пожатія руки.... ждать какъ голодный пищи—одной усмѣшки, одного ласковаго слова, и знать, что есть человѣкъ, который имѣлъ это все и въ тысячу разъ болѣе и всѣмъ пренебрегъ, на все наплевалъ!... и человѣкъ этотъ твой пріятель! и этотъ пріятель—такая свинья!... Господи!... можетъ ли быть несчастіе хуже этого!...

XXV

3-го іюля.

Сейчасъ приносили листы изъ типографіи.... Отправилъ все къ Иверскому.... Опротивѣло до того, что смотрѣть не хочется. Точно совсѣмъ чужое что-то! Точно ты за десять верстъ отъ всего!... Говорятъ сумасшествіе такъ начинается. Что̀ нибудь новое заберется въ тебя и сдѣлается знакомо, мило; а старое опостылитъ....

Вчера и сегодня разъ десять брался за шляпу, чтобы идти къ ней, и не могъ рѣшиться. Боюсь, что она съ перваго взгляда у меня на лицѣ все прочтетъ....

Цѣлую ночь ломалъ голову: какъ бы такъ сдѣлать, чтобы избавить ее отъ этой дурацкой работы, надъ которою она надрывается.... Разные планы вертѣлись въ умѣ, и все это казалось сбыточно покуда лежалъ въ постели съ закрытыми глазами, а теперь, по утру, все выходитъ вздоръ!... Вотъ ужъ съ недѣлю какъ ее не видалъ и такъ это тяжело становится.... съ каждымъ днемъ тяжелѣе!... Прежде, покуда мы видѣлись съ ней почти каждый день, я безъ нея могъ заниматься еще, могъ думать о постороннихъ вещахъ.... теперь—не могу!... Гони мысли какъ хочешь прочь, направляй ихъ на что угодно, какъ только пустилъ поводья, такъ и наѣдешь опять на нее!... И не то чтобъ я думалъ о ней что нибудь очень мудреное. Нѣтъ; чаще такъ, просто, припоминаешь какой нибудь взглядъ, тонъ голоса, или мерещится тебѣ, какъ у нея волосы на проборѣ вихоркомъ дѣлятся, какъ она ходитъ, стоитъ.... какъ у ней шея выгнута и плечи приподняты, когда она сидитъ за работой.... и эту складочку, этотъ курьёзный, маленькій знакъ удив-

Digitized by Google

ленія между бровями, когда ее что нибудь озадачиваетъ, и все это такъ живо! Стоитъ только задуматься, такъ она тутъ и станетъ передъ тобой, словно писанная!...

XXVI

5-го іюля.

Счастливъ!... Чертовски счастливъ!... И счастье такъ неожиданно привалило, что голова даже кружится!... Вотъ какъ это было: вчера пришолъ ко мнѣ Иверскій и въ разговорѣ, по поводу переводовъ, упомянулъ о Лидіи Алексѣевнѣ. Я слушалъ его разсѣянно, но при этомъ вдругъ поднялъ глаза, и вижу онъ смотритъ на меня какъ-то необыкновенно пристально. Я, вообще говоря, не конфузливъ, но тутъ—не могу объяснить что со мной сдѣлалось, вспыхнулъ весь до ушей и до того смѣшался, что даже не помню теперь, что отвѣчалъ. Должно быть большую глупость, потому что онъ былъ удивленъ, и посмотрѣвъ на меня какъ-то дико, всталъ съ мѣста ни слова не говоря, прошолъ раза два по комнатѣ, потомъ опять сѣлъ.

— «Рулева просила сказать вамъ, что она переѣхала на другую квартиру.»

— «Какъ-такъ?... Когда?»

— «Вчера.»

— «Куда жъ это?»

— «А вотъ, она сама пишетъ вамъ обо всемъ. Она просила отдать вамъ это, когда вы будете у себя одни.»

Онъ передалъ мнѣ записку.

«Ждала васъ, мой другъ, каждый день; но вы нейдете, а «я такъ устала отъ переборки, что едва на ногахъ стою. Я «переѣхала на другую квартиру и живу теперь въ Троицкомъ, «въ домѣ... и проч. Я больна и ужасно скучаю. Приходите «ко мнѣ сегодня.»

Л. Р.

«*P. S.* Ради Бога не сообщайте моего новаго адреса никому.»

Черезъ четверть часа я былъ у нея... «Что барыня?» спросилъ я у няньки, которая отворила мнѣ дверь.

— «Лежатъ-съ... нездоровы;» отвѣчала она. «Съ этой проклятою переѣздкой такая у насъ непріятность была!» объясняла она снимая съ меня пальто.

— «А что?»

— «Да что, сударь, старая-то хозяйка, прости Господи,

Digitized by Google

гадина этакая!—не хотѣла съ квартиры пускать!.. Нанимали говорить помѣсячно такъ и платите за цѣлый мѣсяцъ. Съ третьяго-то числа!.. Ахъ ты, чтобъ-те розорвало!.. Къ дворнику бѣгала. Ничего говоритъ съ нее не возьмешь, потому у квартальнаго дочь крестила... Такъ-то, сударь, всѣ свои денежки Лидія Алексѣевна ей и отдали; опосля уже вспомнили, что извощику заплатить нечѣмъ.... посылали съ запиской къ Сергѣй Никанорычу. Такъ тотъ пришолъ самъ и цѣлый день тутъ возился; вещи таскалъ, въ лавочку бѣгалъ, гвозди вколачивалъ, къ управляющему съ билетомъ ходилъ... Добрый такой господинъ! Безъ него мы бы тутъ до сихъ поръ не управились!»

Зависть меня разобрала... «Отчего она написала ему, а не мнѣ?» думалъ я. «Неужели я не сдѣлалъ бы для нея того же?»

Я вошолъ потихоньку къ ней въ комнату. Она лежала, закутавшись въ старую, чорную шаль; измятые волосы закрывали ей половину лица. Услыхавъ меня, она открыла глаза и хотѣла встать, но я ее удержалъ... Руки у ней были горячія, взглядъ безпокоенъ, лицо въ огнѣ.

— «Что съ вами, Лидія Алексѣвна?» спросилъ я садясь.

— «Да ничего покуда,» отвѣчала она приподнимаясь и отбрасывая руками назадъ свои густые волосы....» Утромъ озябла немножко и сонъ клонилъ; а теперь жарко и голова ломитъ... Боюсь чтобъ не слечь...»

Я предложилъ ей съѣздить за докторомъ, но она на отрѣзъ отказалась.

— «Я боюсь докторовъ,» говорила она. «Они вѣчно предпишутъ такія вещи, которыхъ исполнить нельзя.» Но видя, что я настаиваю,—«полноте!» перебила она; «не сердите меня!.. Я васъ не за этимъ звала!.. Посидите спокойно... поговоримте о чемъ нибудь другомъ... Скажите, отчего вы такъ давно не были?»

Замявшись, я отвѣчалъ, что тоже былъ нездоровъ.

— «Бѣдный, чѣмъ это?»

— «Да какъ вамъ сказать... нестолько физическая, сколько нравственно... Безсонница.... мысли разстроены...»

— «Ну это что-жъ за причина сидѣть у себя запершись?.. Тутъ то бы и придти поболтать... Вамъ вѣдь не скучно со мной?..»

— «Нѣтъ.»

— «Ну вотъ видите-ли!.. Вотъ вы какой милый... добрый!.. Я ужасно рада, что вы пришли... Знаете, мнѣ такъ было не хорошо.... а теперь вотъ... ничего...»

Digitized by Google

Я смотрѣлъ на нее. Она говорила въ сильномъ жару. Дыханье у ней было ускорено и затруднено, тонъ голоса лихорадочный; самый смыслъ рѣчи показался мнѣ несовсѣмъ связенъ... Я хотѣлъ говорить, но страхъ сказать слишкомъ много зажалъ мнѣ ротъ. Между тѣмъ она продолжала:

— «Я... знаете.... мнѣ такія страшныя вещи снились.... я все боялась.... но теперь когда вы здѣсь.. Да вы куда же?.. Неуходите!»

— «Лидія Алексѣевна, я и не думаю уходить.»

— «Нѣтъ?.. Ну, я очень рада... Я васъ такъ ждала!.. Милый Василій Григорьичъ!.. Я васъ очень люблю!.. Уфъ!.. что это?.. жарко такъ!..» Она схватилась руками за голову и привстала. «Что вы на меня такъ смотрите?..» сказала она приходя въ себя... «Я вѣрно бредила?.. Который часъ?.. Хотите чаю?..»

Но мнѣ было не до чаю. Я самъ былъ въ огнѣ. Ни слова не отвѣчая, я взялъ ея руки и нагнувшись надъ ними, началъ ихъ цѣловать.

— «Пустите!..» шепнула она, слабо пытаясь отнять ихъ, и вдругъ замолчала... Я поднялъ голову и увидѣлъ, что она снова въ бреду. Широко открывъ глаза, она смотрѣла на меня съ какимъ то радостнымъ удивленіемъ на лицѣ; потомъ тихо, тихо нагнулась и поцѣловала.

У меня голова закружилась. Я готовъ былъ забыть ея положеніе и надѣлать Богъ знаетъ какихъ дурачествъ; но въ эту минуту дверь скрипнула.

— «Слышите? слышите?» шептала она. «Кто это? кто вошолъ?..»

— «Это я, Лидія Алексѣевна,» отвѣчала нянька.

Она повернулась, и заслоняя рукою глаза, стала вглядываться.

— «Паша?.. Прасковья Васильевна?.. Это вы?..

— «Я, сударыня.»

— «Ну, ничего... а я думала...» Недоговоривъ, она опустила голову на подушку и уснула глубокимъ сномъ.

Нянька ушла.... Я сидѣлъ, какъ пришитый къ стулу, не шевелясь, удерживая дыханіе.... Тревожныя чувства тѣснились въ груди. Я былъ на минуту счастливъ, такъ счастливъ, какъ никогда и во снѣ не мечталъ. Но эта минута прошла, и что отъ нея осталось?... Я не зналъ, радоваться или жалѣть, что Прасковья вошла. Съ одной стороны, все это могло быть не

Digitized by Google

больше, какъ бредъ, и въ такомъ случаѣ безсовѣстно было бы воспользоваться ея безпомощнымъ состояніемъ, чтобы потѣшить себя на минуту какимъ-то призракомъ счастья. Но, думалъ я, что если это не призракъ? Если чувство дѣйствительное вырвалось у нея изъ подъ гнёта, въ бреду?... Какая минута потеряна! и на сколько теперь отсрочена разгадка моихъ сомнѣній?... Припомнитъ ли она что-нибудь послѣ, когда прійдетъ въ себя, и если нѣтъ, то что дѣлать?... «Что дѣлать?» твердилъ я себѣ, облокотясь на колѣна и закрывая руками лицо....

Долго ли я сидѣлъ такимъ образомъ—не знаю; помню только, что время летѣло для меня безсознательно. Помню, какъ сердце билось, виски горѣли, какъ маятникъ на стѣнѣ стучалъ мѣрно и какъ часы пробили нѣсколько разъ.... Смеркалось, свѣчу принесли и свѣча нагорѣла. При слабомъ свѣтѣ ея все въ незнакомой комнатѣ принимало таинственный, фантастическій видъ.... Мысли мои, не выдерживая напряженной дѣятельности, стали терять нить связи и путаться.... Около этого времени глубокій вздохъ заставилъ меня оглянуться. Она сидѣла протирая руками глаза. Съ перваго взгляда ясно было, что она въ полной памяти, и что сонъ ее освѣжилъ.

— «Что это? Сколько времени я тутъ спала?»

Я указалъ ей на свѣчку.

— «Какъ же это не совѣстно? Зачѣмъ вы не разбудили?»

Я отвѣчалъ, что напротивъ, разбудить-то и было бы безсовѣстно.

— «Отчего?»

— «Вы были въ жару.... бредили; вамъ нуженъ былъ отдыхъ.»

— «Бредила?... Быть не можетъ!... Вы шутите?»

— «Спросите Прасковью Васильевну.»

Я сидѣлъ еще съ часъ. Она не хотѣла меня отпустить безъ чаю.... Все это время она была молчалива и часто задумывалась. Нѣсколько разъ я замѣтилъ робко-пытливый, украдкою на меня устремленный взоръ, и раза два при этомъ она краснѣла, очевидно припоминая что-то. Я то же не могъ овладѣть собой настолько, чтобы казаться спокойнымъ, и разговоръ между нами не клеился....

Прощаясь, я взялъ ее за руку и мы стояли съ минуту ни слова не говоря, она — потупивъ глаза, я — не сводя съ нея глазъ. Рука у нея дрожала.

Digitized by Google

— «Что жъ мы такъ стоимъ?» шепнула она, тихо пытаясь освободить ее. «Не уходите, сядьте, поговоримъ еще.... Вамъ скучно было у меня сегодня?»

— «Нѣтъ,» отвѣчалъ я, самъ начиная дрожать.

— «Что жъ вы такъ невесело смотрите?»

— «Могу ли я быть веселъ, когда вы больны?»

— «Да я ничего.... Я теперь хорошо себя чувствую.»

— «Правда ли?»

— «Для чего я вамъ буду лгать?»

— «Если такъ.... то....» началъ я и остановился.

— «Зачѣмъ вы не договариваете?... У васъ что-то лежитъ на душѣ?... Вы что-то прячете отъ меня?» продолжала она печально.

— «Я бы радъ отъ васъ ничего не прятать, мой другъ,» отвѣчалъ я: «да я не знаю, будетъ ли это вамъ пріятно?»

— «Горько или пріятно,» отвѣчала она, «я бы желала знать правду.»

— «Да нужно ли ее выговаривать?... Неужели вы не видите сами!»

Съ минуту она стояла передо мною въ волненіи.... слово не шло у ней съ языка. Я наклонился къ ней ближе.... «Не видите, что я васъ люблю?...» шепнулъ я ей на ухо. Она вздрогнула, и закрывъ рукою лицо, убѣжала за ширмы.

Я остался одинъ и стоялъ весь въ огнѣ, съ жестокимъ, тяжелымъ біеніемъ сердца и съ какимъ-то туманомъ въ глазахъ.... Свѣча потухла, въ комнатѣ становилось темно; за дверями храпѣла Прасковья Васильевна.... За ширмами слышно было порывистое, спазмодическое дыханіе.... Я догадался, что она плачетъ.

— «Лидія Алексѣевна,» произнесъ я.

Отвѣта не было.

— «Лидія Алексѣевна!»

— «Что?»

— «Можно къ вамъ?»

— «Можно.»

Я поднялъ занавѣсъ и увидѣлъ ее надъ кроватью сына, съ лицомъ, прижатымъ къ лицу малютки.

— «Вы плачете?» шепнулъ я: «Вамъ непріятно было услышать то, что вы слышали?»

— «О! нѣтъ! напротивъ!»

— «Вы мнѣ ни слова не хотите отвѣтить?»

Digitized by Google

— «Милый Василій Григорьичъ! Что отвѣчать-то, когда я и такъ ужъ сегодня все высказала; больше чѣмъ высказала!... Поступила какъ дура, какъ сумасшедшая!...»

— «Вы были въ бреду.»

— «Можетъ быть; но я помню все.»

— «И обо всемъ жалѣете?»

— «Нѣтъ.»

Почти обезумѣвъ отъ радости, я протянулъ къ ней руки. Она вскочила, и схвативъ ихъ, почти насильно вытащила меня въ наружную половину комнаты.

— «Нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!» шептала она.... «Я васъ люблю.... слышите ли вы это?... Довольно ли этого съ васъ?... О! будьте довольны, мой другъ, и уйдите теперь! Уйдите!... я васъ умоляю! Милый, добрый Василій Григорьичъ! Уйдите!»

Говоря это, она надѣла мнѣ шляпу на голову и почти вытолкала изъ комнаты. Не помню, что я отвѣчалъ, но минуту спустя, я очутился одинъ, на лѣстницѣ, и слышалъ какъ двери за мною защелкнули на замокъ.... Я кинулся какъ помѣшанный внизъ и у подъѣзда чуть не сбилъ съ ногъ какую-то темную фигуру.

— «Сергѣй Никанорычъ?» сказалъ я, ухвативъ его за руки, чтобы самому не слетѣть, и всматриваясь.

— «Я,» отвѣчалъ Иверскій.

Столкновеніе это отрезвило меня.... «Вы вѣрно пришли узнать о здоровьѣ?»

— «Да,» проворчалъ онъ, замѣтно сконфуженный.

— «Ей лучше. Только вы не ходите теперь на верхъ, потому что она ложится.... Пойдемте.»

Мы вмѣстѣ вернулись домой.... До пяти часовъ глазъ не смыкалъ.... приходилъ то въ восторгъ, то въ неистовство.... мучился какъ окаянный, однимъ словомъ, былъ страшно, невыносимо счастливъ!...

XXVII

6-го іюля.

Только собирался уйти, какъ въ дверяхъ, глядь.... Касимовъ навстрѣчу.

— «А! братъ, постой! постой!... Я у тебя ужъ два раза.... У меня до тебя дѣло есть....»

— «Что такое?»

Digitized by Google

— «А вотъ сейчасъ....» Онъ вернулъ меня въ комнату, и взявъ за плеча, сталъ всматриваться.

— «Чего ты конфузишься? Не бойся, я тебя исповѣдывать не намѣренъ. Я только хочу узнать, куда переѣхала Лидія Алексѣвна?»

— «Не знаю.»

— «Ну полно, голубчикъ Василій Григорьичъ, вѣдь это глупо! Съ старымъ пріятелемъ такъ секретничать не приходится. Ну, говори скорѣй.»

Я потупилъ глаза и молчалъ.

— «Послушай! ты знаешь, нечего запираться, это по рожѣ видно.... меня, братецъ, въ этихъ вещахъ не проведёшь!. А если не хочешь сказать, то или самъ какую нибудь глупость выдумалъ, или она запретила..... А? что́ изъ двухъ?»

Я молчалъ..... Онъ оставилъ меня и началъ ходить по комнатѣ.

— «Скажи пожалуйста, чего ты боишься? Можетъ быть думаешь, что я вамъ мѣшать хочу?... Ну ей же ей нѣтъ! Разыгрывайте какой угодно романъ и сопрягайтесь какими угодно узами,—да чего вы отъ меня прячетесь?»

— «Я отъ тебя не прячусь,» отвѣчалъ я, чувствуя нужду сказать что нибудь.

— «А, ну такъ это она стало быть!... Скажи ты ей, что она дура!»

— «Касимовъ!... Какъ ты осмѣлился?» вскрикнулъ я, бѣшено подбѣгая къ нему... Онъ взялъ меня за руки.

— «Братецъ! Василій Григоричъ! Что ты? Богъ съ тобой!... Опомнись, любезный!... Я вижу, что ты влюбленъ какъ котъ, да съ чего ты съ ума то сходишь? Успокойся пожалуйста... Сядь, выслушай, что я тебѣ объясню..... Ты знаешь, что Лидія Алексѣвна имѣетъ сына?»

— «Да.»

— «И знаешь чей онъ?

— Я хватился руками за голову, не зная, что отвѣчать.

— «Ну, знаешь или не знаешь, это теперь все равно, потому что въ томъ положеньи, въ какомъ ты находишься, я не вижу причины скрывать отъ тебя, что этотъ сынъ мой.» Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и усмѣхнулся... Гмъ; зналъ стало быть? Сказала сама?... Ну это все равно. Дѣло въ томъ, что такъ какъ онъ мой, то я имѣю неоспоримое право заботиться о судьбѣ его матери.»

Digitized by Google

— «Никакого,» отвѣчалъ я.

— «Почемужъ такъ?»

— «А потому что ты ее не любилъ.... ты ее обманулъ, съ пути сбилъ!...»

— «Кто̀ это тебѣ сказалъ?»

— «Все равно.... я это знаю.»

— «Если она это тебѣ говорила, то она лжетъ.»

— «Касимовъ!»

— «Да ну, не донъ-кихотствуй пожалуйста!.... Что ты, министръ, что-ли, что я для тебя стану слова красивыя подбирать? Я ее знаю не хуже тебя и увѣряю тебя, что не имѣлъ надобности ни обманывать ее, ни сбивать съ пути... Не знаю, что она теперь себѣ въ голову вбила, но въ ту пору, когда мы съ нею сблизились, она смотрѣла на эти вещи почти также просто, какъ я смотрю... Сколько разъ мы съ ней вмѣстѣ смѣялись надъ неразрывными связями, которыя люди съ дуру сами на себя накладываютъ и потомъ стараются всѣхъ увѣрить, что ихъ удерживаетъ какой-то священный долгъ.»

— «Но ты не любилъ ее.»

— «Это съ чего ты взялъ?... Конечно я, если хочешь, съ ума не сходилъ, но я былъ къ ней привязанъ, какъ я привязанъ всегда къ женщинѣ, съ которой сближаюсь. Я не такъ грубъ, чтобы находить удовольствіе съ какой нибудь самкой изъ безсловесныхъ. Я цѣню тоже и нравственную сторону. Я люблю въ женщинѣ умъ, грацію, нѣжность, и даже очень разборчивъ на этотъ счотъ; но я не изъ тѣхъ фантазёровъ, которые видятъ въ любви что то неизрѣченное, и эту туманную сторону считаютъ существенною, а все остальное случайнымъ придаткомъ, грязью. Для меня только то и существенно, что я понимаю ясно, а остальное все гиль... Мистицизмъ этотъ!...

— «Постой, братъ,» я перебилъ. «Не о мистицизмѣ идетъ рѣчь, и не Богъ знаетъ что мудреное я тебѣ объясняю. Я говорю ясно: ты ее не любилъ, въ томъ смыслѣ, что ты не искалъ ея счастья.

— «Ну вотъ! Я такъ и зналъ, что у тебя на умѣ философія... Что такое значитъ *не искалъ счастья*? И какъ бы я сталъ его искать? Я дѣлалъ для нее все, что она отъ меня хотѣла, готовъ былъ сдѣлать и больше, да она не хотѣла больше.»

— «Неправда. Ты не хотѣлъ для нея ничѣмъ пожертвовать.»

Digitized by Google

— «Опять вздоръ! Что-жъ, я для ней руку что ли долженъ былъ отрубить? Или дѣтей пустить по міру, жену уморить? Что-жъ, ей отъ этого теплѣе было бы что ли? Что могло быть для ней полезно, то я готовъ былъ сдѣлать. Я предлагалъ ей деньги....

— «Тьфу! Что это за человѣкъ!» перебилъ я съ досадою. «Да развѣ она у тебя денегъ просила?»

— «Такъ чего жъ ей еще нужно было?... жаръ птицу, что ли?»

— «Ей нужна была серьезная привязанность, а ты смотрѣлъ на связь съ ней какъ на шутку.»

— «Какія тутъ шутки! У насъ есть сынъ.»

— Тьфу! мерзость! цинизмъ!... Мало ли у тебя могло быть сыновей, и это все по твоему была бы любовь?»

— «А что-же?»

— «Скотство,—вотъ что! При ней и кромѣ ея, ты былъ близокъ съ полдюжиной другихъ женщинъ! Ты ее унижалъ, ставилъ ее на ряду съ ними!»

— «Нисколько. Онѣ были сами по себѣ, а она сама по себѣ. Я ихъ не сводилъ вмѣстѣ, не заставлялъ дружиться. Она бы о нихъ и не знала, да вольно же ей было шпіонничать... Что она, попъ что-ли, чтобы заботиться о моей нравственности? Да и какая тутъ нравственность? Просто темпераментъ такой.»

— «Постой, братъ! постой!... Ну а если бъ она стала вести себя такъ какъ ты?...»

— «Куда ей!» перебилъ онъ смѣясь.

— «Да ты не ври глупостей, а признайся-ка прямо, что она бы тебѣ опротивѣла.»

— «Можетъ быть;—ну такъ что-жъ?»

— «А то, что ты бъ ее бросилъ.

— «Что жъ за бѣда?»

— «Ну, если и это у тебя не бѣда, то я ужъ не знаю что и сказать!»

— «Да какая жъ бѣда? Непріятность по большей мѣрѣ... Еслибъ она объяснила просто, что я ей опротивѣлъ, такъ я бы и слова противъ этого не сказалъ.... А то несетъ, Богъ знаетъ, какой вздоръ!»

Digitized by Google

— «Дмитрій Петровичъ, она совершенно права. Она говоритъ, что ты ее не цѣнилъ, что тебѣ все равно, она или другая.... Какая женщина, которая уважаетъ себя хоть на грошъ, помирится съ такимъ отношеніемъ?

— «Фразы, братъ! Ужъ если я разъ выбираю женщину, такъ значитъ не все равно. Безъ сомнѣнія, она не одна на свѣтѣ; могу и другую найти,—да что жъ изъ того?... Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что для каждаго изъ насъ только одна и существуетъ, единственная, судьбой предназначенная? Вѣдь этакъ мы прямо придемъ къ Сведенборгу, къ парнымъ душамъ, или къ двумъ половинкамъ души, воплощеннымъ порознь и отъискивающимъ другъ друга на свѣтѣ!... Гдѣ ты видалъ такую любовь? Она только и есть, что въ романахъ да и то въ старыхъ. А посмотри новые. Почитай какую нибудь Лукрецію Флоріани. Тамъ ужъ надъ этой единственностью смѣются и мѣняютъ любовниковъ дюжинами. Да оно такъ и въ жизни есть. Кого судьба или случай свяжетъ насильно съ одной, тотъ и довольствуется одной.... А развяжи-ка намъ руки, такъ мы тебѣ покажемъ такую единственность!...»

— «О! разумѣется, вы покажете! За вами дѣло не станетъ! Да только за чѣмъ вы не договариваете до конца? Зачѣмъ не хотите сознаться, что это гадость?»

— «Что же тутъ гадкаго?»

— «Послѣдствія гадки.»

— «Но вѣдь и тогда родятся дѣти.»

— «А ихъ судьба? А судьба матери?»

— «Нисколько не хуже. Что Лидія потеряла тѣмъ, что она не въ гувернанткахъ, а занимается переводами?»

— «Потеряла.... Потеряла возможность за мужъ выйти.»

— «Полно такъ ли? Не пріобрѣла ли?» сказалъ онъ, смотря на меня насмѣшливо. Я покраснѣлъ.

— «Послушай, Василій Григорьичъ;—будемъ, братъ, говорить откровенно. Она меня бросила, или я ее бросилъ, не все ли это равно? Вѣдь она не пошла жъ въ монастырь, а отъискала себѣ другого.»

— «Какого другого?»

— «А тебя, сокола яснаго».

— «Что за вздоръ!»

— «Да ну, полно секретничать! Вѣдь это глупо наконецъ! Спряталъ, какъ рябчикъ, голову, да и думаешь, что тебя не ви-

Digitized by Google

дать.... Чего ты трусишь? Я тебѣ говорю, что я вамъ не намѣренъ мѣшать. Мнѣ только хочется сына видѣть. И чтожъ изъ того, что ты мнѣ ея адреса не дашь? Вѣдь если ужъ захочу узнать, такъ узнаю. Ну, въ адресный столъ поѣду, или въ кварталѣ за тридцать копѣекъ справку возьму».

— «Ну и бери», отвѣчалъ я.

— «И взялъ бы. Да она отмѣтки до сихъ поръ не даетъ».

— «Я въ этомъ не виноватъ».

— «Но ты можешь сказать мнѣ».

— «Нѣтъ, не могу».

— «Оттего-жъ такъ? Что она, запретила тебѣ?»

— «Можетъ статься».

— «Послушай, я тебѣ повторяю еще, что этимъ меня не удержишь. Я ее отыщу. Я отыскалъ бы ее и прежде чѣмъ я васъ встрѣтилъ, да она съ толку всѣхъ сбила: въ одинъ мѣсяцъ три раза перемѣнила квартиру и въ отмѣткахъ надѣлала путаницу.... Теперь, съ груднымъ ребенкомъ, она этого не сдѣлаетъ».

— «Да, разумѣется».

— «Ну, и не спрячется стало быть отъ меня».

— «Не спрячется».

— «Стало быть не зачѣмъ и секретничать».

— «Не зачѣмъ».

— «Такъ говори же, чортъ тебя побери!» сказалъ онъ, теряя терпѣніе.

— «Не скажу!» отвѣчалъ я упрямо.

Онъ сталъ противъ меня, сложивъ руки, и мы съ минуту злобно смотрѣли другъ другу въ глаза. Не знаю, что онъ прочолъ въ моихъ, но онъ первый не выдержалъ, разсмѣялся.

— «Вишь какъ выдрессировали!» сказалъ онъ. «Ну, поздравляю, изъ тебя выйдетъ отличный мужъ: послушный, буквально исполняющій приказанія, не разсуждающій тамъ, гдѣ не велѣно разсуждать».

Я хотѣлъ отвѣчать и вдругъ замѣтилъ, что мы не одни.... Въ дверяхъ стоялъ Иверскій.

— «А! Сергѣй Никанорычъ, здравствуйте!» сказалъ я, радуясь этому случаю прекратить разговоръ, начинавшій меня выводить изъ терпѣнія.

Иверскій холодно поклонился Касимову; тотъ едва отвѣчалъ ему. Онъ былъ замѣтно взбѣшонъ, и не видя возможности скрыть этого, скоро ушолъ.

— «Что? опять съ предложеніями?» спросилъ Иверскій.

Digitized by Google

— «Да», отвѣчалъ я, не желая ему объяснять, въ чемъ дѣло.

— «Что-жъ, вы принимаете?»

— «Нѣтъ, Сергѣй Никанорычъ, ничего я отъ этого человѣка не приму!.... Я его понялъ теперь и вижу, что вы не ошиблись въ немъ».

Онъ ничего на это не отвѣчалъ. Онъ былъ угрюмъ, озабоченъ, и съ безпокойствомъ посматривалъ на меня.

— «Сейчасъ былъ у Лидіи Алексѣевны», сказалъ онъ минуту спустя.

Я отвѣчалъ, что самъ собираюсь къ ней, и спросилъ: какъ онъ ее нашолъ сегодня?...

— «Да что.... дурно нашолъ-съ», отвѣчалъ онъ потупивъ глаза.

— «Лихорадка опять?» спросилъ я встревоженный.

— «Нѣтъ-съ, лихорадки-то нѣтъ сегодня, да только она на здоровую не похожа....» Опять онъ взглянулъ на меня безпокойно.... «Зоветъ васъ къ себѣ», договорилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.

— Я хотѣлъ тотчасъ идти, но онъ удержалъ меня.

— «Минуточку», сказалъ онъ. — «Позвольте полюбопытствовать:— что, онъ еще чего нибудь отъ васъ требовалъ?»

— «Да», отвѣчалъ я, не видя причины скрывать то, о чемъ онъ очевидно уже догадывался. — «Требовалъ адреса Лидіи Алексѣевны».

— «Вы не дали, разумѣется?»

— «Не далъ. Но онъ грозитъ, что добьется помимо меня, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ это можетъ сдѣлать».

— «Да, если ему не помѣшаютъ».

— «Какимъ образомъ?» спросилъ я.

— «А такъ-съ, просто.... надо.... да что объ этомъ говорить! Я сдѣлаю, что могу.... Недѣли на три во всякомъ случаѣ можно замедлить. А въ три недѣли, обстоятельства Лидіи Алексѣевны могутъ перемѣниться на столько, что ей уже нечего будетъ бояться его посѣщеній».

— «Какимъ образомъ?»

Онъ посмотрѣлъ на меня.... «Вамъ это должно быть лучше извѣстно», отвѣчалъ онъ угрюмо, — «потому что это отъ васъ зависитъ».

— «Отъ меня?»

— «Да-съ. Васъ кажется удивляетъ, что я нахожу нужнымъ говорить съ вами объ этихъ вещахъ», продолжалъ онъ, понизивъ

Digitized by Google

голосъ. — «Но я это дѣлаю не безъ цѣли-съ.... Я.... не для шутки и не изъ любопытства.... Мнѣ дорого счастье Лидіи Алексѣевны....»

— «И мнѣ тоже», отвѣчалъ я тронутый. — «Сергѣй Никанорычъ, я цѣню вашу искренность и готовъ отвѣчать тѣмъ же. Сдѣлайте милость, бросьте всѣ оговорки и говорите со мною прямо».

— «Хорошо-съ, отвѣчалъ онъ, поднявъ на меня свои большіе, задумчивые глаза.... — «Моя рѣчь не длинна. Вамъ конечно извѣстно, что мы съ Лидіей Алексѣевной старые друзья, и что она отъ меня ничего не прячетъ. Поэтому я считаю себя въ правѣ спросить: что вы намѣрены теперь дѣлать?»

— «Что дѣлать?...» Этотъ вопросъ былъ такъ прямъ и такъ озадачилъ меня, что я только могъ повторить его. «Признаюсь, я не думалъ еще объ этомъ», произнесъ я нерѣшительно.

Онъ потупилъ опять глаза, я тоже, и мы сидѣли съ минуту молча.

— «Не успѣли еще?» продолжалъ онъ глухимъ голосомъ.... «Это понятно.... Но когда нибудь вѣдь придется же думать; такъ не лучше ли сдѣлать это теперь?»

— «Вы правы», отвѣчалъ я. «Только теперь у меня еще слишкомъ мало данныхъ къ рѣшенію этой задачи.»

— «Какія же вамъ еще данныя нужны?» продолжалъ онъ. «Вы ее любите и она васъ любитъ.... стало быть....»

Онъ остановился, ожидая по видимому, что я доскажу конецъ; но я молчалъ.

— «Стало быть нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы вамъ....»

— «Жить вмѣстѣ», договорилъ я обрадованный; но онъ поморщился, видимо недовольный этимъ отвѣтомъ.

— «Само собой разумѣется», отвѣчалъ онъ; «да только вопросъ не въ томъ.»

— «А въ чемъ же, Сергѣй Никанорычъ?»

— «Въ томъ: *какъ* жить?»

— «Ну разумѣется, на основаніяхъ полной свободы, равенства и довѣрія.»

— «Эхъ, нѣтъ! Дѣло не въ томъ-съ.... Вы меня не понимаете!...»

И онъ былъ правъ. Я дѣйствительно не могъ понять, чего онъ отъ меня добивается.... Нахмуривъ лобъ, онъ сидѣлъ нѣ-

Digitized by Google

сколько времени, погружонный въ мысли. Голова его, опущенная книзу, очевидно работала надъ чѣмъ-то усиленно.

— «Я вѣрю, Василій Григорьичъ», продолжалъ онъ, «что вы желаете полной свободы съ обѣихъ сторонъ; но вѣдь это опять та же задача, только на шагъ передвинутая; потому что опять вопросъ: какъ осуществить эту свободу?»

— «Очень просто. Не будемъ связывать себя никакими формальными обязательствами.» Онъ покачалъ головой.—«Формальными или нѣтъ, это все равно», отвѣчалъ онъ.

— «Да, это правда. Я значитъ выразился не такъ. Я долженъ былъ просто сказать: Не будемъ связывать себя никакими условіями; будемъ просто любить другъ друга, покуда любится.»

— «Этого мало-съ.»

— «Какъ мало?»

— «Такъ-съ... Не просто будете любить, а—какъ вы сами сейчасъ сказали,—будете еще и жить вмѣстѣ.»

— «Конечно.»

— «А развѣ такая жизнь не связь?»

— «Да, разумѣется», отвѣчалъ я; «но такая, которая вяжетъ равно обѣ стороны.»

— «Полно такъ ли съ?.... Подумайте-ка!... Вы имѣете средства и положеніе въ обществѣ, которыя васъ обезпечиваютъ противъ всякихъ случайностей, а она что имѣетъ?.... Двѣ руки, чтобы работать покуда изъ силъ не выбьется... Но вѣдь это имѣетъ и всякій нищій.»

— «Сергѣй Никанорычъ, вы меня обижаете!... Она будетъ имѣть все, что я имѣю.»

— «До тѣхъ поръ, пока живетъ съ вами.... А если она захочетъ оставить васъ?»

— «Будетъ вполнѣ обезпечена... Неужли вы думаете?»

— «Позвольте», перебилъ онъ. «Я въ вашей щедрости нисколько не сомнѣваюсь; но вы подумайте, Василій Григорьичъ: на какомъ основаніи она приметъ отъ васъ такое обезпеченіе?»

— «Какъ на какомъ?» возразилъ я озадаченный. «На томъ, что мы любимъ другъ друга.»

— «Хорошо-съ; да вѣдь это можетъ служить основаніемъ только до тѣхъ поръ, покуда вы оба любите; ну а если одинъ изъ двухъ перестанетъ любить?.... Положимъ, она перестанетъ и захочетъ оставить васъ,—тогда на какомъ основаніи?»

Я задумался. «Право не понимаю, въ чемъ вы тутъ видите

Digitized by Google

затрудненіе?» сказалъ я. «Развѣ я не могу ее обезпечить ранѣе?... Сдѣлать это теперь же, сейчасъ?»

— «Хорошо-съ. А вы думаете это не свяжетъ ея свободы?»

— «Какимъ образомъ?»

— «Да какъ всякій подкупъ.... За что она деньги отъ васъ возьметъ?... Вѣдь вы бы ихъ не дали, если бъ она не любила васъ?... Стало быть за любовь... Стало быть, когда она перестанетъ любить васъ, она должна будетъ воротить ихъ назадъ, иначе оно выйдетъ еще некрасивѣе..... выйдетъ покупка на срокъ, наемная плата, не такъ-ли?»

— «Нѣтъ, Сергѣй Никанорычъ, совсѣмъ не такъ! Я готовъ хоть сейчасъ подѣлиться съ ней всѣмъ, что имѣю, не потому что она меня любитъ, а потому что я ее очень люблю... Я готовъ бы былъ сдѣлать это даже, если бъ она и не любила меня.

— «А вы думаете, она приняла бы?... Вы на ея мѣстѣ приняли бы?»

— «Нѣтъ.»

— «Ну такъ нечего стало быть и говорить объ этомъ, потому: это будетъ маниловщина, пустая игра въ несбыточныя намѣренія».....

Меня бросило въ потъ... «Уфъ! чортъ возьми!».... сказалъ я, утирая лицо.... «Чтожъ тутъ прикажете дѣлать?... По вашему, какъ ни кинь, все клинъ!»

Онъ съежился и потупилъ глаза.... «Если позволите, я вамъ скажу, что по моему разумѣнію нужно дѣлать?» произнесъ онъ чуть слышно.

— «Сдѣлайте милость.»

— «Нужно жениться».

— «Жениться!!!...» Меня какъ полѣномъ по лбу ударило... Не потому, чтобы я имѣлъ какое нибудь сознательное отвращеніе отъ этой развязки; а потому что мнѣ Иверскій это предложилъ,—Иверскій, за котораго я головой готовъ былъ ручаться, что ему ничто подобнаго никогда и въ голову не могло придти.

— «Жениться нужно», повторилъ онъ немного сконфуженнымъ, но достаточно твердымъ голосомъ.

Я просилъ его объяснить, на какомъ основаніи онъ это находитъ нужнымъ; но онъ почему-то нашелъ неудобнымъ входить въ объясненія.

Digitized by Google

— «Подумайте сами», сказалъ онъ. «Вы сами это легко поймете... А теперь вамъ пора идти.»

Я обѣщалъ подумать и ушолъ къ Лидіи Алексѣвнѣ.... Въ головѣ у меня была такая каша, что вспомнить совѣстно.

Лидію Алексѣвну я засталъ на ногахъ, но въ такомъ раздраженномъ, разстроенномъ состояніи нервъ, какъ я никогда еще ея не видалъ. Съ первыхъ же словъ, и не смотря на то что приходъ мой замѣтно ее обрадовалъ,—она меня распекла... Какъ мнѣ не совѣстно?... Оставилъ ее вчера больную и до сихъ поръ нейду!... «А вы зачѣмъ вытолкали меня вчера?» сказалъ я шутя; но это ее оскорбило кажется, потому что она надулась, и отвернувшись, отерла слезы.... Бросивъ шутки, я ей объяснилъ, что Касимовъ сидѣлъ у меня и выпытывалъ ея адресъ. Но вмѣсто того, чтобъ разсѣять, какъ я надѣялся, это встревожило ее еще хуже, встревожило до того, что руки у ней стали трястись.

— «Что, у васъ лихорадка опять?» спросилъ я.

— «Нѣтъ.»

— «Вамъ холодно?»

— «Нѣтъ.»

— «Чжожъ это съ вами?»

Она отвѣчала, что цѣлую ночь не спала и сегодня ничѣмъ заниматься не можетъ.

Я сталъ ей доказывать, что совсѣмъ и не нужно; она разсердилась....

— «Да что съ вами, Лидія Алексѣвна?» сказалъ я.... «Васъ сегодня узнать нельзя!... У васъ есть что нибудь на душѣ, чего вы не хотите мнѣ сообщить....»

Минутъ пять я ее допрашивалъ, покуда бѣдняжка призналась мнѣ наконецъ, глотая слезы, что у ней молоко пропало... Я началъ ее уговаривать, чтобъ она отпустила няньку и взяла кормилицу.... Объ этомъ и о занятіяхъ мы спорили часа два.... Потомъ я поѣхалъ отъискивать доктора Ниночки и съ докторомъ отправился въ воспитательный домъ.... Послѣ большихъ хлопотъ, мамка была найдена, но понадобилась кровать для нея, съ периной и прочими принадлежностями, и я поскакалъ за кроватью. Часамъ къ шести вечера все это было приведено въ порядокъ, и мы устроили мамку съ Митей въ той маленькой комнаткѣ, гдѣ помѣщалась няня.... Прасковья Васильевна ходила надувшись, но я ей шепнулъ два слова, которыя ее утѣшили.... Все это время Лидія Алексѣевна вела себя очень храб-

Digitized by Google

ро; только когда пришло время кормить и она увидѣла сына на рукахъ у чужой женщины, бѣдняжка не вытерпѣла и всплакнула маленько.... Цѣлый вечеръ ее утѣшалъ, въ награду за что, на прощаньи, получилъ поцѣлуй и тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ былъ опять выгнанъ.

XXVIII

7-го іюля.

Задалъ мнѣ Сергѣй Никанорычъ задачу!... Думаю, думаю и ума не приложу.... *Нужно жениться*, говоритъ!... Оно легко сказать; но я желалъ бы знать, почему именно *онъ* это находитъ нужнымъ?... Сами, говоритъ, найдете.... Чтожъ, я и нашелъ бы пожалуй, еслибъ мнѣ это другой кто нибудь предложилъ; но съ его точки зрѣнія—хоть убей не могу понять!... Опять я скажу: еслибъ *она* этого требовала, о! тогда это имѣло бы совсѣмъ другой смыслъ; но въ томъ-то и дѣло, что она смотритъ на эти вещи такъ же какъ я и какъ онъ до сихъ поръ смотрѣлъ,—съ точки зрѣнія женщины совершенно эманципированной, совершенно свободной отъ предразсудковъ. Мы съ ней говорили о бракѣ часто, и я хорошо знаю, что она никогда не потребуетъ, мало того, едвали даже уступитъ чьимъ бы то ни было требованіямъ въ этомъ смыслѣ.... Да и зачѣмъ?... Вѣдь формальное обязательство отниметъ всю прелесть свободнаго побужденія съ обѣихъ сторонъ, а безъ этого все какъ-то холодно!... Свобода тутъ первое дѣло.... Что можетъ быть выше счастья: знать, что ничто не приковываетъ любимую женщину къ тебѣ насильственнымъ образомъ, что она можетъ во всякую минуту тебя оттолкнуть и бросить, и видѣть, что она этого не дѣлаетъ, что напротивъ она сама, по своей волѣ и по желанію не подкупному, отдается тебѣ всѣмъ существомъ своимъ! О! это верхъ счастья!... и къ этому верху я иду быстрыми шагами!... Я счастливъ! Счастливъ неизмѣримо!... И лучшее доказательство, что это не призракъ, что я дѣйствительно счастливъ, это тó, что я поглупѣлъ ужасно за эти послѣдніе дни.... Да, поглупѣлъ до того, что не могу сообразить двухъ мыслей!... Вотъ, хоть бы эта задача. Отчего Иверскій думаетъ, что мнѣ нужно жениться?... Что такое онъ себѣ въ голову вбилъ?... Недаромъ же онъ мнѣ это говоритъ... Человѣкъ этотъ ничего не говоритъ даромъ и уменъ дьявольски!... Что такое онъ думаетъ?... Онъ меня совсѣмъ съ толку сбилъ.... Еслибъ еще онъ ни слова не говорилъ о свободной связи; но страннѣе всего, что онъ кажется именно это-то и имѣетъ въ виду:

Digitized by Google

По крайней мѣрѣ у насъ объ этомъ шла рѣчь, когда онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, ляпнулъ мнѣ эту загадку.

XXIX

8-го Іюля.

Провелъ опять цѣлый день съ ней. Уговорилъ таки наконецъ отложить занятія на недѣлю... Послѣ обѣда ѣздили на Петровскій и вернулись часамъ къ 9-ти. Прогулка ее освѣжила, и вообще въ этотъ день она замѣтно оправилась, но къ ночи начала опять жаловаться, что голова болитъ, и въ половинѣ 12-го опять меня выгнала. Говорили мы въ этотъ день очень мало и ни о чомъ серьозномъ рѣчи не было, а такъ, больше держались за руки да смотрѣли другъ другу въ глаза...

XXX

10-го Іюля.

Все таже исторія.... только я окончательно оглупѣлъ. Въ ея присутствіи это особенно чувствую... Съ другими еще могу говорить такъ и сякъ.... съ ней нѣтъ... Ничего путнаго въ голову не приходитъ... Сердце полно черезъ край; — хочется высказать, что тамъ дѣлается, а съ языка нейдетъ... Она тоже подмалчиваетъ. А иногда мы начнемъ оба вмѣстѣ, да потомъ какъ посмотримъ другъ другу въ глаза, оба и разсмѣемся..... Если бы записать всѣ наши разговоры за эти пять дней, то я думаю, вышли бы странные образцы краснорѣчія!..

XXXI

11-го Іюля.

Вчера, въ половинѣ двѣнадцатаго, когда она стала меня выгонять, я взялъ ее за руки и нагнулся, чтобы получить уже давно завоеванный поцѣлуй, съ которымъ она меня отпускаетъ на ночь; но въ ту минуту когда наши губы встрѣтились, меня какъ огнемъ охватило... Я обнялъ ее и притянулъ къ себѣ... Она не противилась, но заплакала... «Что съ вами, Лидія?» я шепнулъ.

— «Оставьте меня!» отвѣчала она, да такимъ грустнымъ голосомъ, что у меня сердце сжалось... Я отскочилъ отъ нея какъ уколотый и выбѣжалъ вонъ...

Цѣлую ночь потомъ меня мучилъ вопросъ: что-это?.. безотчетный женскій капризъ, или страхъ, или тутъ кроется какая

Digitized by Google

нибудь серьезная, обдуманная причина, которую она мнѣ не хочетъ сказать?.. Надо съ нею поговорить объ этомъ завтра.

XXXII

12 Іюля.

Сегодня упрашивалъ Лидію, чтобы она переѣхала жить ко мнѣ.

— «Гдѣ жъ я у васъ помѣщусь?» отвѣчала она. «У васъ только двѣ комнаты.»

— «За этимъ дѣло не станетъ, Лидія.... наймемъ другую квартиру.»

— «Вотъ, стану я васъ разворять!»

— «Зачѣмъ разворять?» отвѣчалъ я. «Будемъ жить скромно. Одна квартира немного побольше моей будетъ стоить дешевле нашихъ теперешнихъ двухъ.»

— «Да; если бы только объ одной квартирѣ шла рѣчь; но я знаю, какъ это будетъ... Заведете кухарку и кухню, накупите мебели, а потомъ понадобится тысяча разныхъ вещей, о которыхъ теперь и въ голову не приходитъ, и кончите тѣмъ, что издержите кучу денегъ.»

— «Я ничего покупать не буду.... я отдамъ все на вашу волю. Какъ захотите, такъ мы и будемъ жить.»

— «Нѣтъ, сдѣлайте милость, увольте!.. Я хочу жить такъ какъ теперь живу, своимъ трудомъ... Я не хочу быть у васъ на шеѣ.»

— «Полноте, Лидія! Что за вздоръ! Никто вамъ не будетъ мѣшать трудиться по прежнему. Я не хочу измѣнять ничего въ вашей жизни. Я хочу только жить вмѣстѣ съ вами.»

— «Да, знаю я, какъ вы мѣшать не будете! Это вы такъ теперь только говорите. А тамъ и пойдутъ попрёки... Зачѣмъ я глаза порчу? Да зачѣмъ я сижу такъ долго? да зачѣмъ не хочу отдохнуть?.. Да какъ мнѣ не стыдно о такихъ пустякахъ заботиться!.. Вамъ только дай волю, вы изъ меня въ два мѣсяца сдѣлаете такую же дрянь, такую же лѣнивую, ни къ чему непригодную бѣлоручку, какъ всѣ ваши модныя барыни. А я этого какъ огня боюсь! Я дорого купила свою самостоятельность и цѣню ее выше всего на свѣтѣ!»

Я тяжело вздохнулъ. «Да, я это вижу, Лидія!.. Я вижу, что вы очень многое цѣните выше любви... И то вамъ дорого, и другое дорого; это одно только дешево, и это одно должно уступать всему.»

Digitized by Google

Она вспыхнула, и схвативъ меня за руки, нѣжно прильнула къ плечу... «Ну, полно врать, Вася!» шепнула она, засматривая въ глаза. «Не прикидывайся! Вѣдь ты самъ знаешь, что ты все глупости говоришь!»

— «Я ничего не знаю. Докажи, что ты меня любишь, а не то я совсѣмъ перестану вѣрить.»

— «Душечка, не бѣси меня!.. Я не хочу... Зачѣмъ говорить, что не знаешь, когда ты знаешь?.. Неужели ты не видишь, что я держусь за свою самостоятельность такъ упрямо, потому что она шатается, а за любовь не боюсь, потому что она слишкомъ сильна.»

Говоря это, она крѣпко сжала мнѣ руки, и мнѣ стало вдругъ такъ тепло, такъ хорошо, что кажется вѣкъ бы такъ просидѣлъ, плечомъ къ плечу и рука въ руку!.. Голова моя вдругъ опустѣла. Всѣ заботы, всѣ мысли изъ нея улетали одна за одной какъ птицы изъ своего гнѣзда. Одна только и осталась... Я думалъ: вотъ оно счастье-то!.. Какъ хорошо!.. Только это и думалъ одно; больше рѣшительно ни о чемъ не думалъ.

XXXIII

14-го Іюля.

Имѣлъ по редакціи непріятность, въ которой отчасти и самъ виноватъ.... Въ послѣднее время, за рѣдкостью посѣтителей, я не всегда находилъ нужнымъ дежурить по пятницамъ аккуратно и позволялъ себѣ часто отлучки, иногда до истеченія положеннаго часа, а иногда и все утро насквозь.... Сегодня проспалъ до половины одиннадцатаго и торопился уйти, вдругъ, слышу, звонятъ.... Павлу невелѣно было принимать, а потому я былъ твердо увѣренъ, что онъ откажетъ; но онъ что-то мѣшкалъ въ дверяхъ, и вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ чей-то сердитый голосъ.

— «Да какъ же у васъ тутъ написано: въ пятницу, отъ 11-ти до часу?... Къ чему же писать, когда ни въ пятницу, ни въ субботу, никогда его дома нѣтъ?»

Павелъ что-то шепнулъ въ отвѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ опять тотъ же сердитый голосъ:

— «Это чортъ знаетъ что! Это невѣжество!... Какая это редакція?... Это....»

Съ чѣмъ сравнивали нашу редакцію, я не разслушалъ, но догадался, что дѣло выходитъ неловко.... «Эй, Павелъ!» крикнулъ я. Павелъ вошелъ сконфуженный.... «Кто тамъ?»

— «Да какой-то баринъ, сударь.... Третій разъ ужъ при-

Digitized by Google

ходятъ въ пятницу.... сердятся,» шепнулъ онъ, робко оглядываясь на дверь, за которой былъ слышенъ шумъ посѣтителя, снимавшаго верхнее платье.

— «Проси.»

Едва я успѣлъ сказать, какъ въ комнату влетѣлъ красный отъ гнѣва, маленькій господинъ, среднихъ лѣтъ, въ вицъ-мундирѣ съ большимъ, бѣлокурымъ хохломъ, величественно зачесаннымъ надъ его гладкимъ лбомъ.... Въ походкѣ, въ движеніяхъ, въ томъ, какъ онъ голову откидывалъ назадъ и грудь выдвигалъ впередъ, во всемъ видна была бездна самолюбивой претензіи.

Я принялъ его за какого нибудь начальника отдѣленія и дивился уже: чего ему нужно, тѣмъ болѣе, что съ нимъ не было рукописи; но съ первыхъ словъ оказалось, что я ошибся.

— «Честь имѣю рекомендоваться,» сказалъ онъ расшаркиваясь.... «Статскій совѣтникъ Китовичъ.... Учитель латинской словесности въ ....ской гимназіи.... Третій разъ прихожу сюда въ пятницу, и третій разъ мнѣ отказываютъ!...»

— «Извините,» отвѣчалъ я: «мой человѣкъ спуталъ.... Садитесь, сдѣлайте одолженіе.»

— «Неслѣдуетъ держать такую прислугу, которая путаетъ,» продолжалъ онъ садясь и видимо дѣлая надъ собою усиліе, чтобы успокоиться.... Я промолчалъ.... Мнѣ не понравилась эта настойчивость.

— «Я пріѣхалъ сюда по дѣламъ, на короткое время, и мнѣ каждый часъ дорогъ,» продолжалъ онъ.

— «Если вамъ дорого время,» отвѣчалъ я, «то лучше бы, не теряя его, объяснить: что вамъ угодно?»

— «Гмъ;» произнесъ онъ, кусая губы, вынулъ свою записную книжку и началъ искать въ ней что-то.... «11-го Апрѣля, кажется,» продолжалъ онъ.... «Да, именно, 11-го Апрѣля, я отправилъ къ вамъ статью: *О вліяніи классической словесности на развитіе благонравія въ юношествѣ*. Въ вашемъ журналѣ она до сихъ поръ напечатана не была. Позвольте узнать, что вы съ ней сдѣлали?»

Я мысленно отослалъ къ чорту классическую словесность и отыскавъ на столѣ входящій реэстръ, началъ его перелистывать, — больше для виду, конечно, потому что въ немъ не было записано и 4-й доли всѣхъ поступившихъ рукописей; отъ этого въ нумерахъ вышла путанница и всякая справка подобнаго рода стоила мнѣ неимовѣрныхъ хлопотъ.... Минутъ десять

Digitized by Google

я рылся въ шкапу, пока наконецъ отъискалъ статью и съ торжествующимъ видомъ вытащилъ ее изъ пыльной связки.... На оборотѣ написано было карандашемъ: «*Подлѣйшая чепуха!... возвратить....*» Судя по размаху почерка, Сергѣй Никанорычъ былъ выведенъ изъ терпѣнія тѣмъ, что прочелъ.... Я проворно схватилъ резинку и вытеръ два первые слова.

— «Позвольте, зачѣмъ?... Это не нужно!» заговорилъ мой гость.... Не догадываясь въ чемъ дѣло, онъ подбѣжалъ ко мнѣ, почти вырвалъ статью изъ рукъ и съ непостижимой безтактностью началъ всматриваться въ только что вытертое мѣсто. По краскѣ, которая вдругъ выступила у него на лицѣ, и по его разбѣшенному виду, я догадался, что онъ разобралъ слѣдъ, вдавленный карандашемъ въ бумагѣ.

— «Кто вамъ позволилъ пачкать рукопись?» спросилъ онъ голосомъ, задыхающимся отъ ярости.

— «Что жъ тутъ испачкано? Тутъ только написано: *возвратить....* Это обыкновенно пишется на статьяхъ, признанныхъ неудобными къ напечатанію.»

Онъ посмотрѣлъ на меня такими глазами, какъ будто хотѣлъ меня съѣсть. Я ожидалъ какой нибудь дерзости, но любопытство или чувство приличія удержало его.

— «Не соблаговолите ли объяснить: почему вы нашли ее неудобною къ напечатанію?» спросилъ онъ.

— «Я не вижу никакой пользы отъ подобнаго объясненія.»

— «Покорнѣйше васъ прошу,» продолжалъ онъ настойчиво.

— «Гмъ; убѣжденія, высказанныя въ вашей статьѣ, несогласны со взглядомъ редакціи,» отвѣчалъ я сухо.

— «Понимаю-съ.... Да въ чемъ же? сдѣлайте милость! въ чемъ же?....»

— «Вишь, чортъ тебя подери! Привязался проклятый!» подумалъ я, мысленно выталкивая его въ шею.

— «Они отстали значительно отъ современнаго образа воззрѣнія на вопросъ,» отвѣчалъ я.

— «Да въ чемъ же-съ? И что такое вы разумѣете подъ современнымъ воззрѣніемъ? Сколько извѣстно, вопросъ не рѣшенъ еще окончательно ни у насъ, ни въ Европѣ. Мало того, въ иныхъ государствахъ, извѣстныхъ цѣлому свѣту своей цвѣтущей системою воспитанія, огромное большинство педагоговъ всегда смотрѣло и смотритъ на классическую словесность, какъ на фундаментъ образованія.»

Digitized by Google

— «Знаю-съ; но къ сожалѣнію, мы смотримъ на это иначе.»

— «Позвольте узнать, на чемъ вы основываете вашъ взглядъ?»

— «Господи! Что это за наказаніе!»—думалъ я, посмотрѣвъ на часы.... Было уже 12 и мнѣ до смерти хотѣлось уйдти.

— «Вы извините меня, если я еще разъ откажусь удовлетворить ваше любопытство», отвѣчалъ я. «Во первыхъ, у меня времени нѣтъ; а во вторыхъ, споръ между нами не можетъ быть интересенъ для васъ, потому что я не читалъ вашей статьи.»

— «Какъ не читали?»

— «Такъ-съ.... Этимъ отдѣломъ занимается мой товарищъ.»

— «А! это другое дѣло,»—произнесъ онъ вставая и смотря какъ левъ долженъ смотрѣть на усюльзающую добычу, «въ такомъ случаѣ, передайте отъ меня вашему товарищу, что онъ ничего не смыслитъ въ этомъ вопросѣ.... Мало того....

— «Нѣтъ-съ: слишкомъ много напротивъ!»—перебилъ я, взбѣшонный его нахальствомъ.... «Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я у васъ вовсе не спрашивалъ вашего мнѣнія о познаніяхъ моего товарища.»

— «Мало ли что узнаютъ не спрашивая. Я у него тоже не спрашивалъ его мнѣнія о моей статьѣ, а между тѣмъ это не помѣшало ему написать на оберткѣ брань.»

— «Какую брань?»

— «Помилуйте, да это слѣпой прочтетъ!... Вотъ это!... вотъ, что вы тутъ терли резинкой!...»говорилъ онъ, бѣшено тыкая пальцемъ въ заглавный листъ.

— «Извините», отвѣчалъ я. «Но вольно же вамъ было отнять у меня тетрадь, прежде чѣмъ я успѣлъ хорошенько вытереть.»

— «Сдѣлайте милость,» — перебилъ онъ, возвышая голосъ,—«избавьте меня отъ такихъ оправданій!»

— «Хорошо-съ; но въ такомъ случаѣ позвольте считать наше объясненіе конченнымъ.»

— «Нѣтъ-съ, не позволю.»

— «Чего жъ вамъ еще угодно отъ меня?»

— «Какъ чего угодно?»—закричалъ онъ. «Какъ вы можете спрашивать, чего мнѣ угодно? Порядочный человѣкъ не сталъ бы спрашивать! Порядочный человѣкъ самъ бы понялъ, что обязанъ сдѣлать въ подобномъ случаѣ».

— «Послушайте», перебилъ я, подходя къ нему ближе. «Во первыхъ, мнѣ вовсе неинтересно знать, что вы считаете

Digitized by Google

обязанностію порядочнаго человѣка; а во вторыхъ, я покорнѣйше васъ прошу, не выводите меня изъ терпѣнія: уходите!... уходите по доброй волѣ, безъ принужденія.»

— «Хорошо-съ, я уйду;—только я еще разъ васъ прошу передать отъ меня вашему товарищу, что я считаю его невѣжей.

— «Павелъ!»

«.... и грубіяномъ!»

— «Павелъ!... Проводи этого господина!»

— «Да, грубіяномъ!... а васъ....»

Я бросился на него.... «Что — меня? Что?.... Осмѣльтесь выговорить еще слово, и я васъ спущу внизъ головою по лѣстницѣ!»

— «А! если такъ.... то....» началъ онъ весь взъерошенный и красный какъ ракъ; но на полъ-словѣ вдругъ повернулъ на лѣво-кругомъ и проворно унюлъ.

Съ четверть часа я бѣгалъ по комнатѣ и пилъ холодную воду со льдомъ, покуда наконецъ на сердцѣ отлегло, и я, разсудивъ спокойно, нашолъ, что господинъ этотъ вовсе ни въ чемъ не виноватъ, кромѣ того, что надѣленъ отъ природы вспыльчивымъ темпераментомъ.... Всякій на его мѣстѣ былъ бы взбѣшонъ, три раза являясь въ назначенный день, и три раза выслушивая отказъ.... Это чисто мои вина; а за тѣмъ чортъ же дернулъ Сергѣя Никаноровича сдѣлать такую отмѣтку на рукописи! Это можетъ взбѣсить самаго кроткаго!... Надо ему сказать, чтобъ онъ не писалъ ничего впередъ, да еще попросить, чтобъ онъ хоть на этотъ мѣсяцъ взялъ на себя пріемъ. Я рѣшительно не способенъ теперь ни къ чему и могу только надѣлать глупостей.... Шутка сказать! Чуть не подрался съ этимъ Котовичемъ!... А за что?...»

XXXIV

15-го іюля.

Добрѣйшая душа—мой редакторъ!... Ни слова не возражая, согласился на все, точно какъ будто бы такъ и слѣдовало, чтобы вся работа лежала на немъ, а я ничего не дѣлалъ.... Говорили еще о Лидіи Алексѣвнѣ.... То есть я больше его допытывалъ, а онъ говорилъ мало и не охотно.... О занятіяхъ Лидіи только сказалъ откровенно.... «Между нами», говоритъ, «Василій Григорьичъ, пора согласиться, что все это вздоръ.... Стремленіе благородное разумѣется, и надо его поддерживать; но что эта за работа? переводы-то эти — какую самостоятель-

Digitized by Google

ность они могутъ дать?... Кому они нужны?... Да если и нужны кому, то много ли этого продукта требуется?... На какихъ нибудь два-три десятка рукъ хватитъ, а тамъ и стой!... Ходи, кланяйся по редакціямъ, выпрашивай, перебивай у другихъ!... а тутъ, смотришь, и у тебя перебили!»

— «Да вѣдь и въ другихъ работахъ тоже?»

— «Да-съ, тоже.»

— «Такъ какъ же прикажете дѣлать-то?»

— «Да никакъ-съ. При этихъ условіяхъ, которыми мы обставлены, какъ ни вертись, ничего не подѣлаешь.»

— «Чтожъ вы ей этого не скажете?»

— «Говорилъ ужъ, Василій Григорьичъ.... Не теперь, прежде.... Мы съ ней обо всемъ говорили.... А теперь что ее огорчать попустому?... Она и сама видитъ, что дѣло неладно, да лучше-то ничего не придумаешь.»

Допытывался и на счотъ того совѣта....

— «Какъ это, говорю, вы свои убѣжденія такъ измѣнили?»

— «Ничего», говоритъ, «я не измѣнялъ, и если мы будемъ съ вами теоретически разсуждать, то я вамъ опять повторю тоже.... Но здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, Василій Григорьичъ.»

Я началъ его упрашивать, чтобъ онъ объяснилъ мнѣ о чемъ; но онъ отказался.

— «Нечего объ этомъ говорить много», отвѣчалъ онъ; «потому что тутъ дѣло идетъ не объ общихъ вопросахъ, а о Лидіи Алексѣвнѣ.... Подумайте сами: что для нея лучше будетъ? Просто, безъ всякихъ теорій, лучше, и если вы сами этого не найдете, то я вамъ не могу помочь; потому что тутъ дѣло у васъ съ ней идетъ частное, личное, и судить о немъ съ личной его стороны мнѣ, постороннему, не приходится.»

— «Но какой же вы посторонній, Сергѣй Никанорычъ?... Вы нашъ самый короткій другъ.»

— «Каковъ бы ни былъ-съ, длинный или короткій, а все ужъ въ другаго человѣка не влезешь, и чего ему именно нужно, по умозрѣнію не рѣшишь.... Думайте сами съ нею и сами рѣшайте. Я вамъ не указчикъ.

XXXV

16-го іюля.

Сегодня попалъ таки наконецъ къ Касимовымъ.... Не было никакой возможности дальше откладывать.... третью запис-

Digitized by Google

ку отъ нихъ получилъ!... Распекли меня страшно!... особенно Ниночка. А я, ей Богу, ничѣмъ не виноватъ. Я къ нимъ не ѣхалъ единственно отъ того, что Дмитрія Петровича не хотѣлъ встрѣчать... По счастью, его тамъ не было, и мы провели цѣлое утро втроемъ.... катались на лодкѣ по взморью, гуляли.... При Ниночкѣ разговоръ шелъ все больше о литературѣ, да о политикѣ; но передъ самымъ обѣдомъ она оставила меня съ Марьей Петровной вдвоемъ, на короткое время....

Не успѣла она уйти, какъ Марья Петровна взяла меня подъ руку и потащила въ паркъ.

— «Пойдемте! пойдемте скорѣй!... Мнѣ надо съ вами поговорить.» (Я ужъ догадывался о чемъ).... «Что Лидія?... Говорите скорѣй.»

Я покраснѣлъ и смѣшался. Замѣтивъ это, она ускорила шагъ, и мы очутились скоро въ глухой аллеѣ.

— «Послушайте», сказала она, вдругъ останавливаясь и пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.... «Вамъ грѣшно отъ меня секретничать!... Говорите сейчасъ всю правду!... Я знаю.... Я слышала.... вы влюблены?»

— «Марья Петровна!»

— «Да ну же, скорѣй! Какъ вамъ не стыдно? Чего вы конфузитесь?... Мнѣ-то ужъ можно сказать!... А?... Влюблены?»

Я кивнулъ головой.

— «А она?... тоже?... Ну, я такъ и думала!... Скажите: она вамъ призналась во всемъ?»

— «Я знаю все», отвѣчалъ я. «Отъ этого я и не былъ у васъ такъ долго.... Мнѣ непріятно теперь встрѣчаться съ Дмитріемъ Петровичемъ....»

— «Такъ это стало быть *онъ*?...»

— «А вы развѣ не знали?»

— «Догадывалась», отвѣчала она краснѣя. «Болѣе чѣмъ догадывалась; была почти увѣрена.... Скажите: она сама вамъ открыла все?»

— «Нѣтъ.»

— «Какъ же вы это узнали?»

Я разсказалъ ей какъ.

— «Бѣдная Нина!» шепнула она утирая глаза.... «Вы не повѣрите, Василій Григорьичъ, какого горя стоило это намъ обѣимъ.... О братѣ нечего говорить; онъ одинъ во всемъ виноватъ, и я его защищать не стану.... Скажите: онъ былъ послѣ того опять у Лидиньки?»

Digitized by Google

— «Нѣтъ; она переѣхала на другую квартиру, и онъ покуда не знаетъ адреса. Но онъ ищетъ его и конечно найдетъ, и тогда Богъ знаетъ чѣмъ это кончится, потому что я не позволю ему преслѣдовать эту женщину.... Если я встрѣчу его у Лидіи, у насъ будетъ серьезная ссора.

Она встревожилась.... «Василій Григорьичъ! Ради Бога! Не говорите этого!... Пожалѣйте насъ хоть немного!»

— «Что жъ я могу сдѣлать, Марья Петровна?»

— «Ахъ! милый Василій Григорьичъ, не говорите!.... Отъ васъ все зависитъ теперь.... Вспомните, какъ мы обѣ васъ любимъ, и вспомните, что вѣдь Дмитрій, каковъ бы онъ ни былъ, все-таки намъ не чужой!... Не ссорьтесь съ нимъ!... Повидайтесь дружески; постарайтесь его усовѣстить....»

— «Я ужъ старался, Марья Петровна.... мы съ нимъ недавно видѣлись и говорили долго.»

— И что же?»

— «Да что?.. Ему, какъ говорится, хоть колъ на головѣ теши, все ни почомъ!.. Надо всѣмъ смѣется, на все плюетъ!....»

— «О! нѣтъ! не можетъ быть!.. Я знаю, что въ немъ это есть; но не въ такой же степени!.. Не такой же ужъ онъ дурной человѣкъ!.. Да если бъ и былъ, то вы подумайте только, что онъ вамъ можетъ сдѣлать теперь?.. Если Лидія любитъ васъ, то вамъ нечего за нее бояться... Вы можете быть въ ней увѣрены.»

— «Я увѣренъ въ ней, Марья Петровна; но я никому не позволю ее оскорблять.»

— «Какъ оскорблять? Да кто-жъ хочетъ ее оскорблять?..»

— «Вашъ братъ.»

— «О! полноте! Если вы только этого боитесь, то вы можете быть спокойны... Я вамъ не стану говорить о братѣ, хоть и увѣрена, что онъ этого не сдѣлаетъ; но я знаю Лидію.... Она не изъ тѣхъ, которымъ нужны защитники, чтобъ ихъ оберегать... Она сама за себя постоитъ.»

Я усомнился... «Она очень нервная,» замѣтилъ я... «Малѣйшая непріятность ее разстроиваетъ.»

— «Да, можетъ быть,» отвѣчала она. «Но вы придаете этимъ вещамъ слишкомъ большую важность... Вы всѣ мужчины считаете насъ какими то хрустальными украшеніями, которыя отъ малѣйшаго толчка должны сокрушиться... Повѣрьте, что это вздоръ, и что если мы впечатлительнѣе, то за то мы

Digitized by Google

и гибче васъ, одарены большой живучестью, большею силою противодѣйствія. Единственное, что васъ дѣлаетъ нашими защитниками, это обычай, или лучше сказать наше незнаніе юридическихъ условій защиты; потому что—вы согласитесь: простой перевѣсъ въ силѣ мускуловъ, очень нерѣдко даже сомнительный... Чего вы смѣетесь?.. Это глупо! И вамъ бы это такъ не прошло, но теперь некогда, хочется поговорить съ вами еще о Лидіи. Она славная женщина и вы будете съ нею счастливы, я увѣрена, потому что если такіе милые люди не будутъ счастливы, то кто-жъ будетъ?.. Скажите: какъ вы намѣрены съ нею устроиться?»

Опять тотъ же вопросъ и опять онъ поставилъ меня въ затрудненіе.... Что ей сказать?—думалъ я, когда я и самъ еще ничего не знаю.

— «Женитесь?» продолжала она, бросая на меня украдкой взглядъ, полный неудержимаго любопытства.

— «Не знаю», отвѣчалъ я.

Этотъ отвѣтъ взволновалъ ее до такой степени, что она не пыталась и скрыть своего состоянія. Раскраснѣвшись, она начала говорить горячо и скоро о томъ, что кто истинно любитъ человѣка, тотъ долженъ любить его такъ какъ онъ есть, и что я не имѣю права требовать у нея отчета въ прошедшемъ, потому молъ, что мы вѣдь у васъ не спрашиваемъ, какъ вы себя вели прежде чѣмъ насъ полюбили, и еще потому что настоящій отецъ сыну не тотъ, кто... то-есть не.... ну, вы понимаете, который случайно отцомъ сталъ, а тотъ, который его любилъ человѣчески и сдѣлалъ его человѣкомъ.... и проч.... Все это было весьма умно и мило, но какъ водится, когда женщина начнетъ горячо доказывать что нибудь, не совсѣмъ связно.

— «Марья Петровна», отвѣчалъ я усмѣхаясь;—«Я вижу, что вы меня не такъ поняли. Меня удерживаетъ отъ брака совсѣмъ не то, что вы думаете.»

— «А что-же?» спросила она, и при этомъ опять тотъ же взглядъ неудержимаго любопытства.

— «То, что я не могу себѣ дать яснаго отчета: зачѣмъ я буду связывать себя и ее формальными обязательствами, передъ свидѣтелями, тогда какъ для насъ двоихъ достаточно было бы кажется и той связи, которая устанавливается между любящими свободно, безъ всякаго договора.»

Надо было видѣть, въ какую пассію привелъ ее этотъ отвѣтъ.... Это не было впрочемъ похоже ни на гнѣвъ догматиче-

Digitized by Google

скаго педанта, ни на встревоженный ригоризмъ строгой блюстительницы нравственнаго приличія; это было что-то совсѣмъ особенное и скорѣе напоминало изумленное безпокойство курицы, высидѣвшей утятъ, при видѣ того какъ ея питомцы уходятъ съ твердаго грунта, на которомъ она стоитъ, въ область опасной для нихъ, по ея представленію, коварной, измѣнчивой, зыбкой стихіи. Ей и за нихъ страшно, и за ними хочется, и за себя страшно, а остаться спокойною зрительницею нѣтъ никакой возможности.... Она широко открыла глаза и раскраснѣлась до самыхъ корней волосъ.

— «Какъ вы на это хотите рѣшиться?... Василій Григорьичъ! Подумайте!... Какъ же это такъ будетъ?... Вѣдь это... это...» Она не знала какое слово прибрать, чтобы выразить то сильное, но неопредѣленное ощущеніе тревоги, которое возбуждало въ ней представленіе о безбрачномъ союзѣ.

— «Это пугаетъ васъ?» —сказалъ я.

— О! нѣтъ!... Но вы подумайте—за чѣмъ же это!... Кчему вы хотите идти такъ рѣзко наперекоръ всему принятому?... Это васъ отдѣлитъ отъ всѣхъ.»

— «Да мы ужъ и такъ отдѣлены.... она то-есть; потому что тутъ важно только то, что до нея касается; — а мнѣ будетъ все хорошо, что хорошо для нея.»

— «Что сдѣлано, того не воротишь конечно»,—отвѣчала она;—«но зачѣмъ вы хотите ставить барьеръ между нею и обществомъ? Почомъ вы знаете, что она никогда не захочетъ выйти изъ своего исключительнаго положенія?»

— «Позвольте, Марья Петровна.... Я вижу, вы все-таки меня не понимаете. Я ничего не знаю еще покуда и ничего не хочу. Я вамъ говорю, что я еще не рѣшился.»

Это ее успокоило и она начала систематически допрашивать меня на счотъ причинъ моей нерѣшимости. Одну изъ нихъ я успѣлъ объяснить ей.... «Лидія ничего новаго не ожидаетъ на этомъ пути», говорилъ я.... «Онъ ей знакомъ, и его неудобства вознаграждаются для нея такою долею самостоятельности, какую она едвали могла бы имѣть при другихъ обстоятельствахъ. Двумя дорогами невозможно идти, и это еще вопросъ: можно ли отказаться отъ сопротивленія на одномъ пунктѣ, не уступивъ и на всѣхъ остальныхъ?... Другими словами: возможна ли какая нибудь практически осуществимая середина между полной покорностью требованіямъ общества и открытой войной противъ нихъ?....»

Digitized by Google

Она начала говорить что то; но въ эту минуту раздался нервный дискантъ Ниночки, которая насъ отъискивала... «Маша!» — кричала она....

— «Послѣ поговоримъ, шепнула Марья Петровна, ускоривъ шаги; но послѣ не удалось. Ниночка тоже чуяла что то и любопытство ея было насторожѣ.... Только прощаясь послѣ обѣда, Марья Петровна успѣла шепнуть мнѣ: — «Я къ вамъ пріѣду; мнѣ хочется видѣть Лидію....»

XXXVI

23-го Іюля.

Вотъ ужъ съ недѣлю, какъ я пера въ руки не бралъ... Недо того было... Я сталъ такъ счастливъ, такъ безконечно, невыразимо счастливъ, что ни себя ни другихъ не узнаю! Все получило для меня какой то новый смыслъ, и я самъ какъ будто сталъ новымъ человѣкомъ... Уфъ!.. голова даже кружится какъ припомнишь!..

XXXVII

25-го Іюля.

Лидія мнѣ разсказала все.... Теперь между нами нѣтъ болѣе тайнъ... Роль Дмитрія Петровича въ ея жизни, какъ она ни старалась смягчить ее, оказывается довольно гнусная... Мы говорили о немъ очень долго и она мнѣ призналась, что онъ ей давно опротивѣлъ... Потомъ говорили о Нинѣ и Марьѣ Петровнѣ. О послѣдней Лидія очень высокого мнѣнія, но о Ниночкѣ отзывается сухо и не охотно... Очень обрадовалась, когда узнала, что Марья Петровна хочетъ ее навѣстить, и когда я напомнилъ ей прежній ея отказъ, объяснила причину, удалявшую ее долго отъ старой пріятельницы. Она не знала, какими глазами смотритъ на нее Маша, и боялась упрековъ; но теперь она видитъ... и проч.

XXXVIII

30-го Іюля.

Всѣ эти дни ждалъ Марью Петровну, но ея не было... Сегодня Лидія была чѣмъ то встревожена или огорчена.... не могъ добиться чѣмъ именно... Такъ, говоритъ, нервы... Но ужъ я знаю ее и Богъ знаетъ чѣмъ готовъ отвѣчать, что тутъ не одни нервы!..

XXXIX

2-е Августа.

Прасковья Васильевна до сихъ поръ у Лидіи, подъ тѣмъ

Digitized by Google

предлогомъ, что мѣста еще не нашла; но въ сущности я удержалъ ее тайкомъ отъ Лидіи... Женщина добрая, и Лидія такъ привыкла къ ней, что мнѣ не хочется ее отпускать. Со временемъ, когда мы устроимся, изъ нея можно сдѣлать горничную... но дѣло не въ томъ.... а въ томъ, что сегодня я сдѣлалъ маленькую подлость.... пошпіонничалъ... Догадки и подозрѣнія самаго глупаго рода не давали мнѣ цѣлый день покоя... Сегодня вошолъ тихонько, и отозвавъ Прасковью Васильевну въ сторону, «что?» говорю, «у Лидіи Алексѣвны эти дни былъ кто нибудь?...» «Были съ,» говоритъ, «Сергѣй Никанорычъ были, да еще господинъ какой-то...» «Не знаешь кто?..» «Нѣтъ-съ», говоритъ, «не знаю...» Совѣстно было дольше разспрашивать, а смерть какъ хотѣлось... Что за причина, думаю, что она отъ меня прячетъ?.. Если это Касимовъ былъ, то отчего не сказать?.. Въ результатѣ—я былъ жестоко наказанъ за свое малодушіе, и мысль, что я этимъ обидѣлъ Лидію, и кое какія другія мысли мучили меня цѣлый день, такъ что на этотъ разъ ужъ она спрашивала: что такое со мною сегодня дѣлается?.. но я разумѣется не сказалъ... Чортъ бы побралъ эту жизнь вровнь! И самъ знаешь, что не чужой, а все какъ будто чужой!.. Надо это когда нибудь кончить; а то оно даже неприлично какъ будто выходитъ. Приходишь, уходишь... точно какъ отъ какой нибудь... И все тебѣ чудится, что люди на тебя смотрятъ какъ то такъ... глупо, чтобы не сказать болѣе. Оно можетъ быть и вздоръ,—съ непривычки такъ кажется.... а все жъ непріятно!.. Хочется мнѣ это все ей сказать, да не знаю какъ приступиться... Боюсь, что она это приметъ дурно.

XL

4-го Августа.

Сегодня вхожу въ переднюю, вижу, зонтикъ стоитъ въ углу... «Кто здѣсь?..» «Тотъ баринъ, что въ понедѣльникъ были.»

Не успѣлъ я сообразить, какъ навстрѣчу мнѣ Лидія, замѣтно сконфуженная.

— «Дмитрій Петровичъ здѣсь,» шепнула она.

Меня какъ огнемъ охватило. Вхожу раскраснѣвшись и смотрю: онъ сидитъ у нея на диванѣ, съ сигарой во рту; сидитъ какъ ни въ чомъ не бывало, хоть бы глазомъ моргнулъ разбойникъ.

— «А! Вася!... здравствуй!» говоритъ; а самъ смѣется. «Ну что,» говоритъ, «адресъ то, адресъ!.. помнишь?.. Хотѣлъ

Digitized by Google

было тебѣ вымѣстить, сказать, что узналъ отъ тебя, да жаль стало. Что ужъ, думаю, человѣка топить ни за грошъ! Добро бы по своей волѣ.... а то вѣдь приказано было.»

Я былъ до того взбѣшонъ, что не нашелся ни слова ему отвѣчать и только взглянулъ на Лидію. Она была далека отъ его безпечности, была озабочена и печальна, но владѣла собой въ десять разъ больше меня. Только по легкому дрожанію рукъ можно было замѣтить, что и она тоже встревожена.

— «Что жъ вы молчите?» продолжалъ онъ. «Поссорились, чтоли? Или меня конфузитесь?.. Что-жъ!.. По пословицѣ, третьяго игрока подъ столъ; я вѣдь и уйду пожалуй... А? Вася?.. Ревнивъ мошенникъ!.. Не говоришь ничего, а самъ думаешь: чортъ бы тебя побралъ! Зачѣмъ ты здѣсь?.. Ну, что дашь?.. уйду.»

— «Послѣ поговоримъ», отвѣчалъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и усмѣшка исчезла съ его лица.... «Глупъ ты, братъ!» сказалъ онъ, вставая.... «Пробовалъ я тебя вразумлять, да теперь вижу, что время потратилъ даромъ.... Для такого ребенка какъ ты, нуженъ не гувернеръ, а нянька.... Ну вотъ и пусть Лидія Алексѣвна съ тобой понянчится; авось ей удастся лучше чѣмъ мнѣ.... Прощайте.»

Онъ собирался уйти; но Лидія удержала его.... «Постой, Дмитрій!» сказала она. «Вы были друзьями прежде. Изъ за чего жъ вы теперь ссоритесь?... Если изъ за меня, то вѣдь это глупо!... Дмитрій Петровичъ, сдѣлай мнѣ удовольствіе, я тебя умоляю....»

— «Да ты что ко мнѣ пристаешь?» отвѣчалъ онъ сердито. «Ты вонъ у него спроси, чего ему нужно?»

Лидія бросила на меня тревожный взглядъ, въ которомъ страхъ, стыдъ и любовь, сливаясь, переходили въ нѣмую просьбу. Я былъ не въ силахъ ей отказать. Скрѣпивъ сердце, я протянулъ ему руку.

— «Дудки, братъ! Не прикидывайся! Меня не надуешь!» шепнулъ онъ, пожавъ ее холодно, и ушолъ.

Долго потомъ она читала мнѣ выговоры и наставленія....

— «Да вѣдь ты сама его не хотѣла видѣть!... Чего жъ онъ лѣзетъ сюда на перекоръ намъ обоимъ?»

— «Василій Григорьичъ! Онъ приходилъ къ сыну.... Ты будешь рѣдко его здѣсь встрѣчать.»

— «Да я совсѣмъ его не хочу встрѣчать.»

*

Digitized by Google

— «Ну полно!... Что онъ тебѣ мѣшаетъ?»

— «Я ненавижу его!»

— «Полно! Что за дурачество! Я терпѣть не могу, когда ты прикидываешься злымъ....» и пошли опять увѣщанія.... Но я не прикидывался. Я дѣйствительно ненавидѣлъ его. Это чувство выросло очень недавно; но въ эту минуту оно было ужъ сильно, гораздо сильнѣе чѣмъ я желалъ его обнаружить при ней.

Только что я ушолъ отъ нея, какъ мысль: зачѣмъ этотъ человѣкъ становится у меня на дорогѣ? овладѣла мной съ новою силою. «Чего ему нужно?» спрашивалъ я. «И отчего она прямо не хочетъ ему сказать, что она его болѣе не желаетъ видѣть?... Могу ли я быть увѣренъ, что она не желаетъ дѣйствительно и что остатки старой любви не таятся у ней на днѣ души безсознательно, можетъ быть противъ воли?... Возвращаясь домой, я думалъ и передумывалъ эти вопросы и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ болѣе злился.... Дойдя до Литейной, я остановился и съ минуту стоялъ въ нерѣшимости.... «Нѣтъ, надо это покончить!» думалъ я.

— «Поѣдете?» спросилъ извощикъ.

— «На Конно-гвардейскій бульваръ», отвѣчалъ я, вскочивъ на дрожки, и минутъ черезъ пять былъ у Касимова.

Онъ встрѣтилъ меня очень сухо.

— «Ну», сказалъ онъ, всматриваясь внимательно мнѣ въ лицо, — «что скажешь?»

— «А скажу вотъ что. Я не хочу, чтобъ ты ѣздилъ къ Лидіи Алексѣевнѣ.»

— «О! въ самомъ дѣлѣ?»

— «Да, въ самомъ дѣлѣ.»

— «Почему жъ такъ?»

— «Пустой вопросъ,» отвѣчалъ я. «Не все ли равно почему, если я разъ тебѣ говорю, что я положительно не хочу.»

— «Да ты что́ за ховяинъ? Я ѣзжу къ ней, а не къ тебѣ.»

— «Это все равно.»

— «Давно ли?»

— «Съ тѣхъ поръ какъ я не вижу въ томъ разницы.»

— «А мнѣ до тебя какое дѣло?»

— «Будетъ дѣло, если ты меня не послушаешься и не отстанешь.»

Онъ посмотрѣлъ на меня съ минуту, и хорошо знакомая, циническая насмѣшка промелькнула у него на лицѣ, но съ примѣсью сильной досады.

Digitized by Google

— «Дуракъ!» сказалъ онъ.

— «Ну, это еще неизвѣстно,» отвѣчалъ я. «А вотъ какъ я тебѣ всажу пулю въ лобъ, тогда и посмотримъ: кто изъ насъ двухъ останется въ дуракахъ.»

Онъ засвисталъ. «Ого!... Вонъ ты куда!... Да ты съ чего взялъ, что я съ тобой въ дураки играть стану?... У кого, вмѣсто головы, пустой горшокъ, тотъ пусть и ставитъ его подъ пулю; а я не такъ глупъ!»

— «Если не хочешь,» отвѣчалъ я, «то ты долженъ мнѣ слово дать, что съ этого дня нога твоя не будетъ у Лидіи Алексѣевны.»

— «Не пѣтушись, братъ; не дамъ я тебѣ никакого слова.»

— «Касимовъ!»

— «А я тебѣ вотъ что́ скажу: — поѣзжай-ка домой, да лягъ, выспись порядкомъ. А то ты совсѣмъ ошалѣлъ.... Посмотри, у тебя глаза стали какіе-то сумасшедшіе.»

— «Касимовъ! не выводи меня изъ терпѣнья!... Вспомни:— вѣдь мы товарищи были.... друзья!»

— «Помню, Вася;—еслибъ не помнилъ, я бы тебя давно въ шею вытолкалъ.»

— «Но,» продолжалъ я,—«память прошедшаго не удержитъ меня....»

— «Тѣмъ хуже!... Ступай братъ, ступай! Нечего меня стращать—не застращаешь!... Ступай, выспись.»

Говорить было больше нечего; я ушолъ.

XLI

5-го Августа.

Цѣлую ночь не спалъ.... ревность мучила. ....Нужно же этому дьяволу тутъ соваться!... ....Я былъ такъ счастливъ, а теперь, вотъ опять кошки скребутъ на сердцѣ.... Скверно такъ стало вдругъ.... Мысли такія глупыя лѣзутъ въ голову!... Ну, а что́, думаю, если она меня обманываетъ? И самъ знаю, что подло съ моей стороны такъ думать; и причинъ никакихъ толковыхъ не пріищу, зачѣмъ бы ей это дѣлать, а проклятый вопросъ снова и снова приходитъ въ голову, и какъ ни стараюсь, ничѣмъ его не могу прогнать!... Зачѣмъ она отказалась жить вмѣстѣ? Зачѣмъ скрывала его посѣщенія?... И эта тревога, когда мы съ нимъ встрѣтились у нея?... И отчего бы ей не сказать ему запросто: другъ любезный, такъ какъ теперь все между нами кончено, то ужъ ты сдѣлай милость

Digitized by Google

не ѣзди больше ко мнѣ,—я этого не хочу, потому что Василья Григорьича огорчаетъ... Что онъ бы могъ противъ этого возразить?... Ничего. Потому что если ни я, ни она, никто не хочетъ, чтобы онъ ѣздилъ въ домъ, тогда какъ же онъ будетъ ѣздить?... Тогда вѣдь я просто имѣю право спустить его съ лѣстницы внизъ головой!... Оно не такъ-то легко конечно, потому что онъ дюжъ.... Ну, да вѣдь и я.... въ чемъ другомъ, а въ этомъ я съ нимъ потягаюсь!

XLII.

6-го Августа

Опять просилъ Лидію переѣхать ко мнѣ и опять получилъ отказъ.

— «Не хочу,» говоритъ, «жить на вашъ счетъ.»

Долго ее уговаривалъ и наконецъ не вытерпѣлъ, сдѣлалъ глупость, намекнулъ ей на мои подозрѣнія.... Она вспыхнула, разсердилась страшно и наговорила такихъ вещей, что у меня до сихъ поръ въ ушахъ звенитъ отъ стыда и горя.

— «Да что я,» говоритъ, — «боюсь тебя, что ли?... Развѣ ужь дала я тебѣ какія нибудь права надо мной?... Да если бы я захотѣла сегодня вернуться къ нему, что ты воображаешь — я побоялась бы тебѣ это сказать?... Плохо же ты меня знаешь, если ты это думаешь!... Или ты думаешь, что ты ужъ успѣлъ купить меня?... Я... то есть я, конечно.... я многимъ тебѣ....» Она вдругъ замолчала, покраснѣла вся до ушей и крупныя слезы покатились у ней по щекамъ. Меня такъ это поразило, что въ эту минуту я все забылъ, кинулся къ ней, сталъ руки у ней цѣловать, просить прощенья. Мнѣ и въ голову не пришло въ ту пору, съ чего она вдругъ расплакалась, но теперь я догадываюсь, по разнымъ отрывистымъ возгласамъ и словамъ недосказаннымъ, догадываюсь, что она вспомнила тысячи мелкихъ услугъ, которыя она отъ меня получала съ тѣхъ поръ какъ мы съ ней познакомились, и при этомъ ей могло въ голову придти, что она точно куплена, но куплена такими вещами, которыя дороже денегъ и за которыя кромѣ любви ничѣмъ заплатить невозможно.... Это, по всей вѣроятности, укололо немножко ея самолюбіе со стороны той самостоятельности, за которую она такъ стоитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смягчило ее, потому что она добра, очень добра!... Она все простила мнѣ, и мы помирились, и во все остальное время у насъ больше помину не было о предметѣ ссоры.... И вотъ я опять вѣрю, или вѣрнѣе сказать, я вѣрю, что я ей

Digitized by Google

вѣрю..... Я отворачиваю глаза старательно отъ того уголка, гдѣ засѣло это проклятое подозрѣніе. Я знаю, что оно еще тутъ, на зло разсудку и сердцу, на зло всему, что есть во мнѣ благороднаго и возвышеннаго; но я его выгоню, истреблю такъ, что слѣда отъ него не останется.... и это будетъ легче, если только.... ну, да что тутъ!... если она съ Касимовымъ перестанетъ видѣться. А что она перестанетъ, въ этомъ теперь нѣтъ сомнѣнія, потому что она обѣщала. Она говоритъ: еще разъ или два, не болѣе.... Утѣшительно это, очень! Но вотъ же ей-ей сейчасъ отдалъ бы два пальца съ руки, чтобы и этихъ двухъ разъ не было!

XLIII

7-го Августа.

Какъ я былъ веселъ вчера, послѣ того какъ она меня приласкала, и какъ сегодня все это вдругъ померкло!... Чорныя мысли налетѣли опять, Богъ знаетъ откуда, и на сердцѣ снова тѣсно, снова какъ будто страшно чего, какъ будто поетъ въ тебѣ что-нибудь,—короче, опять малодушіе одолѣло!... Гадко! Такъ гадко, что кофею даже не хочется!... Чу!... Кто это?... Звонятъ кажется....

....Марья Петровна сейчасъ была, пріѣхала съ первымъ поѣздомъ и взяла у меня адресъ Лидіи. Я хотѣлъ съ нею вмѣстѣ, но она стала просить, чтобъ я ее одну отпустилъ. Вы, говоритъ, мѣшать будете, а мнѣ хочется съ ней поболтать безъ помѣхи....

— «Ну, Богъ съ вами,» говорю, «идите однѣ!...»

....То-то, я думаю, вдвоемъ тамъ теперь отзванивають!... Обѣщала заѣхать ко мнѣ отъ Лидіи, да только едва ли ее теперь скоро дождешься.

6 часовъ вечера. Ждалъ, ждалъ, совсѣмъ изъ силъ выбился; легъ на диванъ полежать и заснулъ мертвымъ сномъ.... Въ три часа, Павелъ меня разбудилъ. «Вставайте, сударь,» говоритъ, «барышня здѣсь.»

Я вскочилъ, протирая глаза. «Какая барышня? Гдѣ?...»

— «Марья Петровна съ. Онѣ у васъ тутъ, въ кабинетѣ, давно ужъ сидятъ.... Вошли, посмотрѣли на васъ, какъ вы спите, засмѣялись и не велѣли будить.... «Ничего,» говорятъ, «я подожду.»

Digitized by Google

— «Василій Григорьичъ!» раздался изъ кабинета веселый голосъ....

Мы просидѣли съ ней цѣлый часъ, и слово за слово, по старой привычкѣ, я выболталъ ей все, что у меня на душѣ лежитъ....Долго она меня уговаривала и утѣшала, какъ маленькаго ребенка, но подъ конецъ таки распекла.

— «Полноте,» говоритъ, «Василій Григорьичъ!... Какъ вамъ не стыдно!... Чего вы боитесь?... Какія препятствія мѣшаютъ вамъ быть совершенно счастливымъ? Ваша будущность у васъ самаго въ рукахъ и отъ васъ зависитъ устроить ее прочнымъ образомъ.»

— «Какъ я устрою, когда она не хочетъ жить вмѣстѣ?»

— «Перестаньте пожалуйста! Я и слышать не хочу такого вздору!... Не хочетъ? Я удивляюсь, какъ вы могли ожидать, что она захочетъ!... Послушайте только: ну, что такое вы ей предлагаете?... Развѣ она это можетъ принять?»

— «Да отчего же?»

— «Стыдитесь! Какъ у васъ языкъ поворачивается это выговорить? Право, если бы я не знала васъ слишкомъ хорошо, я бы подумала, что вы грязный человѣкъ, что вы хотите унизить и опозорить женщину искренно васъ любящую, что вы даже не любите ее вовсе?»

— «Я васъ не понимаю, Марья Петровна,» отвѣчалъ я. «Я Лидіи не предлагалъ ничего, что не было бы согласно съ ея и съ моими убѣжденіями.»

— «Хороши же у васъ убѣжденія!... Но я не о васъ хочу говорить. Вы, мужчины, извѣстно, въ этихъ вещахъ ничего не смыслите. Я говорю о ней. Вы подумайте только: если то, что вы ей предлагаете, совершенно согласно, какъ вы говорите, съ ея убѣжденіями, то отчего же она не принимаетъ?»

— «Я это у васъ хотѣлъ спросить,» отвѣчалъ я. «Вы съ ней говорили конечно обо всемъ этомъ; объясните же мнѣ пожалуйста, что она думаетъ и какъ бы она сама желала устроить нашу судьбу?»

Марья Петровна замялась. «Развѣ она сама вамъ этого не объясняла?» спросила она.

— «Нѣтъ.»

— «Странный вы человѣкъ! О чемъ же вы думали все это время и о чемъ вы съ ней говорите вдвоемъ?»

— «Ахъ, Марья Петровна! Вы дѣлаете мнѣ вопросъ, который я самъ дѣлалъ себѣ сто разъ, и который я не могу

Digitized by Google

рѣшить, если вы мнѣ не поможете. Неужели же вы думаете, что я объ этомъ молчалъ? что я не дѣлалъ всего возможнаго, чтобы узнать ея волю, ея желанія на счотъ будущаго?... Но тутъ-то я и встрѣчаю загадку неразрѣшимую. Лидія явно уклоняется отъ всякаго откровеннаго объясненія объ этомъ предметѣ, и я вижу, что оно ей непріятно. Всего раза два, да и то съ трудомъ, я успѣлъ выманить у нея нѣсколько словъ по этому поводу.»

— «Что же она вамъ отвѣчала?»

— Да она отвѣчала весьма коротко.... Дѣлайте, говоритъ, какъ знаете, только я у васъ быть на содержаніи не хочу.»

— «И вы не поняли, что́ это значитъ?»

— «Признаюсь, нѣтъ.... Я понялъ только одно: это, что она боится за свою самостоятельность, за то независимое, какъ она воображаетъ, положеніе, въ которомъ она теперь находится и въ которомъ она живетъ своими трудами.»

Она усмѣхнулась и нетерпѣливо пожала плечами.

— «Марья Петровна,» продолжалъ я: «у меня одна надежда на васъ.»

— «Отчего же на меня?»

— «Оттого, что она вамъ навѣрно сказала все, что она думаетъ.»

Она засмѣялась.... «Почему жъ вы такъ полагаете!» сказала она. «Но оставимте это. Она мнѣ ничего не говорила объ этомъ.... Скажите пожалуйста, вамъ никогда не приходило въ голову жениться на Лидинькѣ?»

Я отвѣчалъ, что приходило не разъ.... «Но мы уже говорили съ вами объ этомъ....»

— «Ахъ да, я помню,» перебила она. «Мы начали тогда говорить, да намъ помѣшали. Но теперь мы одни, и мнѣ хочется толкомъ узнать, что вы объ этомъ думаете?»

— «Да какъ вамъ сказать,» отвѣчалъ я. «Теоретически говоря, я раздѣляю воззрѣніе современныхъ людей на этотъ предметъ.»

— «Гмъ; ну да, теоретически, разумѣется оно.... того.... Ну, а практически?»

— «Практически, Марья Петровна, я вамъ скажу между нами, что я радъ бы душой идти съ ней подъ вѣнецъ и даже считалъ бы это во многихъ отношеніяхъ, практически не забудьте, гораздо удобнѣе для себя; потому что вотъ видите.... Вы только пожалуйста никому....»

Digitized by Google

— «Никому, никому, не бойтесь!»

— «Я хотя и цѣню высоко полнѣйшую свободу связи, но въ сущности, я это больше для ней цѣню. Мнѣ дорого, чтобы она ничѣмъ не была вынуждена; ну, а на счотъ себя, я пришолъ теперь къ убѣжденію, что я собственно, и на сколько то лично до меня касается, никогда этой свободою не воспользуюсь. Для меня это все равно, что свобода горло себѣ порѣзать или всадить пулю въ лобъ. Пусть меня вяжутъ съ ней какъ угодно; чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше! Я такъ люблю Лидію, что мнѣ противно до смерти даже и думать, чтобы я когда нибудь могъ съ ней разстаться!»

У моей гостьи слезы блеснули на глазахъ. «Милый вы человѣкъ!» сказала она.... «Да за чѣмъ же у васъ дѣло-то стало?»

— «А за тѣмъ, Марья Петровна, что я это только для себя такъ думаю. Лидіи я никогда не рѣшусь предложить это.»

— «Да отчего же?»

— «Потому что это значило бы обидѣть ее. Это все равно, что сказать ей: твоя прошлая жизнь была гадость, и я не хочу, чтобы ты ее продолжала. Я стыжусь тебя. Ты замарана; тебя надо очистить — прежде, чѣмъ я рѣшусь передъ всѣми подать тебѣ руку.»

— «Богъ съ вами! Что это вы какія глупости говорите!» возразила она, открывая большіе глаза.

— «Нѣтъ, Марья Петровна; я дѣло вамъ говорю. Мало того: я вамъ скажу, что если бы я и рѣшился ей предложить, то она не приметъ.»

— «Вы думаете?»

— «Я въ этомъ совершенно увѣренъ.»

— «Однако же вы не пробовали?»

— «Нѣтъ.»

— «Знаете, что я вамъ скажу: попробуйте.»

Я покачалъ головой.... «Зачѣмъ я буду смущать ее? Она вѣритъ въ свою самостоятельность; она принесла ей тяжелыя жертвы, и конечно ей утѣшительно думать, что жертвы эти не даромъ брошены. Вспомните вашу Надю, мой другъ; вѣдь это жъ она—ваша духовная дочь, ваша воспитанница, и ратуетъ какъ она за вашу собственную, за вашу родную идею! Изъ-за этой идеи она страдала, терпѣла нужду, оскорбленія, здоровье потратила; но за то она цѣлый человѣкъ, она не изломана, не надорвана, какъ другіе! Вся ея жизнь изъ одного

Digitized by Google

куска!.... А тутъ вдругъ прійдетъ человѣкъ и все это разобьетъ и потянетъ ее за собой насильно въ такой кругъ жизни, гдѣ люди, ея башмаковъ нестоющіе, станутъ смотрѣть на нее съ высока, снисходительно; будутъ ей ставить въ упрекъ ея прошлую жизнь и станутъ учить ее презирать то, во что она прежде вѣровала.... Что вы думаете: она этого не понимаетъ?... Вы думаете: она легко смотритъ на это?»

Марья Петровна слушала пожимая плечами, и какая-то недовѣрчивая улыбка играла у ней на губахъ все время....

— «Послушайте,» сказала она прощаясь: «все это очень хорошо съ теоретической точки зрѣнія, но на практикѣ вы мужчины ужасно какъ близоруки.... Послушайтесь вы моего совѣта: попробуйте, поговорите съ ней объ этомъ. Можетъ быть вы найдете, что она не совсѣмъ такъ смотритъ на это какъ вы полагаете.»

Признаюсь, озадачила она меня этимъ совѣтомъ! Сижу вотъ теперь одинъ и думаю: откуда это идетъ? Если только отъ ней одной, то это еще не много значитъ; но если это послѣдствіе, отголосокъ ея объясненія съ Лидіей.... Нѣтъ!... быть не можетъ!... Прочь отъ меня эта темная мысль!... За нею идутъ такія догадки, о которыхъ мнѣ и подумать больно!...

XLIV

8-го Августа.

Мучился цѣлую ночь и рано поутру, совершенно разстроенный, отправился къ Иверскому.... «Спасите!» говорю.... «я въ отчаяніи!»

Онъ сидѣлъ за работой, но услышавъ эти слова и взглянувъ мнѣ въ лицо, вскочилъ, сильно встревоженный.

— «Что случилось?» говоритъ.

— «Ничего новаго,» говорю, «не случилось, Сергѣй Никанорычъ, а только я самъ упалъ духомъ до такой степени, что просто хоть въ петлю лѣзть!...» Я объяснилъ ему коротко, но совершенно открыто, все, что меня смущало, и спросилъ, что онъ объ этомъ думаетъ?

Что-то похожее на презрительное сожалѣніе было въ томъ взглядѣ, съ которымъ онъ слушалъ меня.

— «Все это пустыя фантазіи, Василій Григорьичъ....» началъ онъ.

— «Постойте,» я перебилъ. «Я понимаю, что для васъ это все пустяки; но поймите жъ и вы, что мнѣ отъ этого

Digitized by Google

вовсе не легче, и помогите мнѣ ради Христа, выйти изъ этого лабиринта!»

— «Что я могу для васъ сдѣлать?»

— «Ничего, Сергѣй Никанорычъ, я ничего у васъ не прошу, только будьте великодушны, разрѣшите мнѣ наконецъ вашу загадку. Скажите: что вы имѣли въ виду, когда вы мнѣ совѣтовали жениться на Лидіи Алексѣевнѣ?»

— «То же, я думаю, что и вы: ея пользу.»

Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза, стараясь прочесть у него на лицѣ его заднюю мысль; но это лицо оставалось для меня, какъ и прежде, закрытою книгой.

— «Послушайте,» онъ продолжалъ: «задачу эту, какъ чисто практическую, я вамъ не могу рѣшить, потому что для этого нужно дѣло, а дѣло отъ васъ зависитъ.... Весь вопросъ въ томъ: что вы любите больше: Лидію Алексѣевну или идею, для которой она собой жертвуетъ?... Если идею, то больше и говорить не о чемъ; но если вамъ дорого счастье женщины, то вы бросьте идею и не безпокойтесь о ней черезъ чуръ.... Подумайте просто, безъ всякихъ умствованій, что лучше для Лидіи Алексѣевны: разбивать стѣну лбомъ, или выйти изъ этой свалки и прожить то, что осталось отъ жизни, спокойно и чисто, въ своей семьѣ, въ своемъ домѣ?... Идея—хорошая вещь, да только идея вѣдь и безъ Лидіи Алексѣевны обойдется, тѣмъ болѣе, что Лидія Алексѣевна ужъ отслужила свое.... она ужъ подъ колесомъ!... Пожалѣйте же вы ее, поберегите ее!... Посмотрите: она вѣдь изъ силъ выбивается, да и силы-то у нея не Богъ знаетъ какъ велики; натерпѣлась, устала, здоровье потратила....»

Меня точно свѣтомъ какимъ озарило при этихъ словахъ и мнѣ стало стыдно.... Вотъ, думалъ я, человѣка аскетомъ считаютъ, фанатикомъ черствыхъ утопій, а вотъ онъ какъ просто смотритъ на вещи и вотъ какъ умѣетъ любить!... А я-то, я-то дубина!... Не могъ до сихъ поръ понять!...

Я горячо пожалъ ему руку и убѣжалъ поскорѣй.... Мнѣ было совѣстно оставаться у него на глазахъ послѣ этого....

Рѣшеніе мое принято.... Сегодня же иду къ ней и выскажу ей откровенно все.

XLV

Далѣе слѣдовать за Васильемъ Григорьичемъ въ его дневникѣ, съ великимъ трудомъ распутывая и приводя въ порядокъ (какъ дѣлалось до сихъ поръ) этотъ сырой коконъ, нѣтъ ни-

Digitized by Google

какой возможности.... Человѣческаго терпѣнія не хватаетъ!... Лѣтопись превращается въ совершенный хаосъ запутанныхъ, сбитыхъ отрывковъ, безъ всякой хронологической связи, безъ всякой попытки разсказать что нибудь путное! Нѣсколько сценъ выдаются еще тамъ и самъ съ прежней яркостью, но это лоскутья, между которыми нѣтъ никакой живой связи.... Вслѣдствіе этого, намъ предстояло на выборъ одно изъ двухъ: или бросить работу и напечатать дневникъ безъ конца, или взять на себя разсказъ и дать менѣе оригинальный, но за то болѣе ясный и полный отчетъ объ исходѣ столичныхъ проказъ этого блуднаго сына Времени. Мы предпочли послѣднее, и тѣмъ охотнѣе, что при этомъ являлась возможность дополнить главную нить событій, кое какими свѣдѣніями, которыя намъ удалось собрать изъ другихъ источниковъ.

Я знаю, найдутся скептики, которые усомнятся въ искренности этой исповѣди, единственно потому, что она имъ покажется черезъ чуръ простодушною для нашего времени..... но вотъ ей же ей!... если бъ они только видѣли рукопись, въ эту минуту лежащую передъ нами, они бы оставили свои подозрѣнія и признали ее за несомнѣнный подлинникъ.... Вотъ листъ прожженный, вѣроятно окуркомъ сигары, брошеннымъ на него въ разсѣянности, а вонъ другой весь закапанный чѣмъ то.... Вотъ женскій профиль, бойко очерченный перомъ и обличающій совершенное незнакомство съ рисункомъ, вмѣстѣ съ весьма замѣчательнымъ даромъ пластической воспріимчивости; а вотъ двѣ страницы вырванныя и очевидно съ размаху, въ припадкѣ досады, потому что оборваны нитки и выхваченъ лоскутъ изъ цѣлаго мѣста тетради, а отъ выдраннаго уцѣлѣлъ клочокъ съ иракулями, содержащій въ себѣ слова: *Подлецъ!.... Мерзавецъ!... Голову размозжу!...* и вслѣдъ за тѣмъ дырка въ бумагѣ, обрызганная чернилами, точно какъ будто писавшій въ сердцахъ хватилъ объ это мѣсто перомъ и сломалъ его.... Вобще говоря, всѣ признаки подтверждаютъ, что около этого времени авторъ рукописи находился въ весьма раздраженномъ состояніи духа. Количество патетическихъ выходокъ и лирическихъ сѣтованій, въ которыхъ оно отразилось, поистинѣ удивительно; но мы не намѣрены повторять ихъ за нимъ, чтобы напрасно не обременять разсказа. Довольно, если мы скажемъ, что не успѣлъ Василій Григорьичъ вернуться отъ Иверскаго, какъ всѣ его недоумѣнія и сомнѣнія возобновились въ немъ съ новою силою. Случайнымъ поводомъ къ этому было письмо изъ де-

Digitized by Google

ревни отъ брата. Николай Григорьичъ писалъ коротко и темно о какомъ то дѣлѣ, по которому онъ можетъ быть скоро вынужденъ будетъ ѣхать въ Питеръ. За тѣмъ, письмо наполнено было жалобами на долговременное молчаніе,—«тѣмъ болѣе насъ «безпокоитъ, что о тебѣ здѣсь ходятъ весьма непріятные слухи.... «Разсказываютъ изъ подъ руки, будто бы ты связался съ какой «то студентшею, женщиною, которая носитъ брюки, стри«жетъ подъ гребенку волосы и ночуетъ въ гостяхъ у то«варищей, и черезъ нее попалъ въ общество неблагонамѣрен«ныхъ лицъ. Мы съ Лизой конечно не вѣримъ этому; тѣмъ «не менѣе эти слухи, при отсутствіи всякихъ прямыхъ о тебѣ «извѣстій въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, не могутъ не безпокоить....» Въ заключеніе, Николай Григорьичъ напоминаетъ брату, что онъ носитъ имя Бубновыхъ и что на немъ лежитъ долгъ беречь семейную честь, «на которой, прибавляетъ онъ, «всякое пятно будетъ вдвое замѣтнѣе съ тѣхъ поръ какъ ты «пріобрѣлъ извѣстность на литературномъ поприщѣ.»

Василій Григорьичъ волосы на себѣ рвалъ, читая это посланіе. Какими судьбами и черезъ кого его связь съ Рудевой стала извѣстна до такой степени, что успѣла даже дойти до Зѣвска и стать тамъ предметомъ сплетенъ?... это во первыхъ,— а во вторыхъ, кто первый осмѣлился выставить Лидію развратною женщиною?... Еслибъ онъ зналъ этого подлеца, онъ не далъ бы ему дожить до завтрашняго утра. Но къ сожалѣнію, онъ не зналъ его и не имѣлъ никакихъ средствъ узнать, а потому вся буря его негодованія обрушилась на Касимова, который одинъ, по его понятію, былъ виноватъ въ томъ, что подобнаго рода мерзости могли быть когда нибудь пущены въ ходъ про Лидію. Достаточно знать этого человѣка, рѣшилъ онъ, достаточно встрѣтить его раза два въ гостяхъ у женщины, не обезпеченной своимъ положеніемъ отъ скандала, чтобы подумать о ней Богъ знаетъ что.... Конечно, есть и другія обстоятельства въ домашней ея обстановкѣ, которыя могутъ дать поводъ; но кто виноватъ во всемъ? Кто первый, не пощадивъ ея молодости, вывелъ ее почти ребенкомъ на эту трудную и извилистую дорогу, гдѣ всякій встрѣчный, всякій мазурикъ сочтетъ себя въ правѣ броситъ въ нее пригоршню грязи?... И кто теперь, на зло всѣмъ просьбамъ и требованіямъ, наперекоръ всѣмъ угрозамъ, не хочетъ оставить ее въ покоѣ, не позволяетъ ей развязаться съ прошедшимъ, бросаетъ тѣнь подозрѣнія и сѣмя раздора между нею и человѣкомъ, любящимъ ее

Digitized by Google

такъ горячо, такъ искренно?... Поджигаемое такими выводами, озлобленіе Василья Григорьевича противъ его стараго пріятеля не находило предѣловъ. Нѣсколько разъ, съ толстой тростью въ рукахъ, онъ караулилъ его у воротъ и на лѣстницѣ Лидіи Алексѣевны. Попадись ему въ эту минуту Касимовъ, онъ бы дорого заплатилъ за свое упорство; но случай спасалъ этого человѣка. Рулеву Василій Григорьевичъ замучилъ ревностью. Гордый характеръ Лидіи и принципы, которые она отстаивала, не допускали съ ея стороны безусловной уступки. Она возмущалась и ссорилась съ нимъ; потомъ мирилась, утѣшала его, уговаривала, упрашивала, умоляла почти и вслѣдъ за тѣмъ опять ссорилась. Безъ сомнѣнія, было что нибудь кромѣ характера и мимо принципа, что мѣшало ей въ ту пору окончательно запереть свои двери Касимову и такимъ образомъ уничтожить причину раздора. По ея увѣреніямъ, это былъ ея сынъ, и Касимовъ ее навѣщалъ только за тѣмъ, чтобы видѣть ребенка, говорилъ только о томъ, какъ обезпечить его судьбу; но Василій Григорьичъ, не смѣя прямо опровергать этого объясненія, втайнѣ не вѣрилъ ему. Онъ зналъ или ему казалось, что онъ знаетъ Дмитріа Петровича слишкомъ хорошо, чтобъ допустить за нимъ такого рода простыя и безкорыстныя побужденія. Это подлецъ, думалъ онъ, который шутя, для одной забавы, готовъ испортитъ другому жизнь? Это собака на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ! Это змѣя, которую надо убить, чтобъ она не ужалила!... И Богъ знаетъ къ чему привело бы его это все, если бы двери Касимова не были заперты для него послѣ недавняго ихъ объясненія.

Препятствіе это однокоже не могло отстрочить развязку на долгое время. Такъ или этакъ, тутъ или тамъ, они должны были встрѣтиться....

Случай ихъ свелъ у Рыбникова, который встрѣтивъ Василья Григорьевича на улицѣ, увезъ его почти силой къ себѣ на Елагинъ, на ботвинью съ какой-то чудовищной рыбою, пойманной гдѣ-то въ гавани и присланной ему въ подарокъ знакомымъ купцомъ. Касимова Александръ Ивановичъ не ждалъ, не отъискавъ его утромъ въ городѣ, и вообще не успѣлъ залучить къ себѣ никого кромѣ двухъ или трехъ товарищей по службѣ, съ Каменнаго, да одного фабриканта съ Гутуевскаго.... Но только что стали садиться за столъ, какъ явился и Дмитрій Петровичъ. Воротившись домой въ половинѣ пятаго, онъ нашелъ у себя записку Рыбникова и разсчиталъ, что поспѣетъ

Digitized by Google

еще къ обѣду.... Онъ былъ очень веселъ, и не обращая никакого вниманія на враждебную мину Бубнова, протянулъ ему руку. Тотъ дотронулся до нея съ видимымъ отвращеніемъ и тотчасъ же отошолъ. За обѣдомъ они сидѣли на разныхъ концахъ стола. Василій Григорьичъ упорно молчалъ. Его честное сердце и богатырская грудь съ трудомъ выносили непривычный для нихъ гнетъ затаенный злобы. Онъ чувствовалъ себя очень неловко, краснѣлъ, кусалъ губы, посматривалъ изъ подлобья на Дмитрія Петровича, и стараясь придать себѣ видъ непринужденной развязности, пилъ безпрестанно вино. Послѣ обѣда гости, одинъ за другимъ, разъѣхались, и они остались втроемъ, въ кабинетѣ у Рыбникова.

Пользуясь этимъ случаемъ, хозяинъ, давно уже замѣтившій, что его гость не въ духѣ, началъ надъ нимъ подтрунивать, но тотъ отвѣчалъ коротко и сухо. Не догадываясь въ чемъ дѣло, Рыбниковъ обратился къ Касимову.

— «Что это съ нимъ сегодня? спросисъ онъ, удерживая изъ вѣжливости улыбку.

— «А кто его знаетъ?» отвѣчалъ тотъ, пожавъ плечами.... «Съ жару должно быть коробитъ.»

Бубновъ покраснѣлъ отъ усилія скрыть свое бѣшенство; но взглядъ, который онъ бросилъ на говорившаго, былъ такъ выразителенъ, что даже Рыбниковъ понялъ его значеніе.

— «Э-хе! Да вы кажется не въ ладу, господа!» произнесъ онъ въ недоумѣніи, посматривая на своихъ гостей по очереди. Одинъ изъ нихъ улыбнулся и засвисталъ, не отвѣчая ни слова, другой отвѣчалъ сухо «*да*» и взялся за шляпу.

— «Прощайте.»

— «Какъ такъ? Куда это?» Хозяинъ вскочилъ и съ своею обыкновенною, липкою, паточною, навязчивою любезностью, бросился его удерживать.

— «Что это вы, Василій Григорьичъ? Что съ вами? Какъ вамъ не стыдно? Останьтесь! Да сдѣлайте милость! Да я васъ прошу! Да скажите пожалуйста, что это такое?.. Пари держу, что какіе нибудь пустяки!.. Признайтесь мнѣ по пріятельски; мы здѣсь потолкуемъ втроемъ и все это уладимъ.»

— «Извините... я не могу... сегодня.... я не здоровъ,» отвѣчалъ тотъ отрывисто, направляясь къ дверямъ; но Рыбниковъ забѣжалъ впередъ и схватилъ его за руки.

— «Да полноте! что за вздоръ!» продолжалъ онъ. «Погодите, выпьемъ еще бутылку шампанскаго, или хотите я луч-

Digitized by Google

ше велю подать коньяку?.. Дмитрій Петровичъ! Да что жъ вы молчите? Неужели и вы тоже дуетесь?.. Уговорите его, чтобъ онъ остался.»

— «Э! бросьте! Чортъ съ нимъ!» отвѣчалъ тотъ оборачиваясь лѣниво. «Пусть убирается къ....»

Эти слова и презрительный взглядъ, сопровождавшій ихъ, подѣйствовали какъ искра въ порохъ... Задыхаясь отъ бѣшенства, Бубновъ бросилъ шляпу на столъ и подошолъ къ нему.

— «Что вы сказали?» спросилъ онъ.

— «Ты слышалъ,» отвѣчалъ тотъ.

— «Да, слышалъ; но я хочу знать, что дало тебѣ смѣлость, тебѣ, подлецу и трусу...?»

— «Бубновъ!» перебилъ тотъ вставая, но онъ не успѣлъ выговорить, какъ сильный ударъ кулака едва не свалилъ его съ ногъ. Ударъ былъ намѣченъ въ лицо, но Касимовъ успѣлъ увернуться на столько, что встрѣтилъ его плечомъ... Онъ пошатнулся, оправился и быстро отскочилъ въ сторону... Рыбниковъ, самъ весь блѣдный отъ страха, кинулся ихъ разнимать, но вмѣсто того, чтобы просто стать между ними, обхватилъ только сзади Бубнова. Эта неловкость дорого обошлась послѣднему. Бронзовый жолобъ для пепла, проворно захваченный со стола, сверкнулъ въ рукѣ у Касимова, и противникъ его, тяжело вздохнувъ, повалился на полъ...

Когда его подняли, вся лѣвая сторона головы его оказалась въ крови... Что было потомъ, неизвѣстно въ точности. Знаемъ только, что посланы были люди за докторомъ, что ему бросили кровь, что онъ всю ночь пролежалъ въ бреду у Рыбникова и что не раньше какъ на другой день по утру, его, по собственному его желанію, отвезли въ городъ... Днемъ онъ былъ въ памяти, но докторъ качалъ головой и опасался горячки. Рыбниковъ, Иверскій, Лидія Алексѣевна не оставляли его ни на минуту. Къ вечеру первый уѣхалъ домой; а ночью у больного опять возобновился бредъ, и дѣло дошло до того, что Иверскій счелъ не лишнимъ телеграфировать его брату. Тотъ страшно перетревожился, въ ту же минуту велѣлъ заложить лошадей, гналъ сломя голову до Москвы и на четвертый день поутру былъ въ Петербургѣ. Мрачныя предчувствія мучили его всю дорогу, но, какъ часто случается, онѣ не сбылись. Первый, кого онъ встрѣтилъ на квартирѣ у брата, былъ самъ Василій, блѣдный, съ обвязанной головой и въ халатѣ, но уже на своихъ ногахъ и внѣ всякой опасности... Василій

Digitized by Google

былъ баловень въ семьѣ брата. Всѣ, начиная съ невѣстки его Лизаветы Ивановны до кривоногаго Феди, пятилѣтняго сына Николая Григорьевича, любили его безъ памяти, и потому радость брата, невидавшаго его цѣлый годъ и напуганнаго короткимъ, зловѣщимъ, сухимъ содержаніемъ телеграммы, была неописанная. Василій Григорьичъ былъ тоже радъ и тѣмъ болѣе, что онъ не могъ знать навѣрно, пріѣдетъ ли Николай; но съ его стороны радость была не безъ примѣси сильнаго безпокойства, потому что онъ не писалъ ничего о своихъ похожденіяхъ за послѣднее время, въ которое совѣсть ему говорила, что онъ подкутилъ порядкомъ. Онъ зналъ, что ему придется выдержать длинный допросъ по весьма щекотливымъ вещамъ, на которыя онъ не могъ угадать какъ посмотритъ братъ, и между которыми непослѣднюю роль играла его недавняя ссора съ Касимовымъ. Дѣло это онъ не считалъ оконченнымъ, и когда послѣ первыхъ, горячихъ привѣтствій и торопливыхъ разспросовъ, братъ наконецъ, понизивъ голосъ, спросилъ у него серьезно: что это съ нимъ случилось? Василій Григорьичъ отвѣчалъ ему сильно краснѣя, что онъ подрался, но что развязка еще впереди и что ему предстоитъ дуель.

— «Какъ такъ дуель? Съ кѣмъ?»

— «Съ Касимовымъ,» отвѣчалъ Василій. Добродушное лицо Николая Григорьича вытянулось и брови приподнялись съ выраженіемъ крайняго удивленія. Онъ отодвинулся и съ минуту смотрѣлъ во всѣ глаза.

— «Что это значитъ, Вася? За что?»

— «Да за разные пакости, а между прочимъ вотъ и за это.» Василій Григорьичъ указалъ на лѣвую сторону головы.

Удивленье сельскаго земледѣльца и хлѣбосола, неимѣвшаго ни малѣйшей догадки о причинѣ болѣзни брата, росло съ каждымъ словомъ и разразилось наконецъ градомъ вопросовъ, на которые Василій Григорьичъ, сильно сконфуженный, отвѣчалъ заминаясь, недоговаривая, перебивая свои отвѣты неловкими комментаріями, еще болѣе затемнявшими смыслъ, и вообще удовлетворяя до крайности плохо законное любопытство брата.

Тотъ слушалъ, слушалъ и напослѣдокъ потерялъ терпѣніе.

— «Ничего, братецъ,—хоть ты убей, не понимаю я ничего!» заговорилъ онъ размахивая руками... «Разскажи ты мнѣ толкомъ, что это за особа такая и въ какихъ отношеніяхъ она

Digitized by Google

къ тебѣ, или къ Касимову, или къ другому кому, — кто васъ знаетъ!... Я тутъ ничего не разберу.»

Василій Григорьичъ опустилъ голову и задумался. Онъ надѣялся скрыть отъ брата, по крайней мѣрѣ хоть на первое время, свою связь съ Лидіей, разсчитывая не безъ основанія, что узнавъ ее лично, братъ лучше пойметъ и можетъ быть оправдаетъ его. Не то чтобы онъ, по собственному понятію, нуждался въ какомъ нибудь оправданіи; но — вы понимаете, въ этотъ годъ онъ ушелъ такъ далеко впередъ отъ брата, который конечно еще стоитъ на своихъ устарѣлыхъ, уѣздныхъ воззрѣніяхъ, и котораго надо исподволь подводить къ новымъ идеямъ, чтобъ яркій ихъ свѣтъ, сразу открытый, не запугалъ его..... Но онъ не съумѣлъ выполнить эту программу съ такимъ искуствомъ, какое для этого требовалось, и теперь, когда его приперли, волей-неволей долженъ былъ откровенно во всемъ покаяться; что онъ и сдѣлалъ, зная заранѣе, до какой степени его исповѣдь возмутитъ брата..... ну, да что-жъ дѣлать?... И дѣйствительно, тотъ его выслушалъ съ явнымъ неудовольствіемъ.

— «А! это, значитъ, та самая потаскуха, про которую намъ разсказывали?...» произнесъ онъ наморщивъ лобъ и пощипывая усы....

Василій Бубновъ вскочилъ съ такимъ видомъ, который весьма убѣдительно говорилъ, что молъ будь ти не братъ, а кто нибудь посторонній, да я бы тебѣ забилъ въ горло назадъ такія слова!..... Но онъ любилъ брата, и отчасти готовъ былъ на жосткія выходки, а потому обуздалъ въ себѣ сколько могъ чувство гнѣва.....

— «Николай!... сдѣлай милость!» произнесъ онъ, дрожа отъ только что сдѣланнаго надъ собою усилія.... «Сдѣлай милость! Ты меня обижаешь! Кто далъ тебѣ право оскорблять такимъ образомъ женщину, которую ты никогда и въ глаза не видалъ?...»

— «Да я и видѣть ее не хочу,» отвѣчалъ тотъ упрямо. «А что я ее назвалъ какъ слѣдуетъ, такъ это я сдѣлалъ не для того, чтобъ ее оскорблять, а для того чтобъ тебя вразумить..... Какъ же прикажешь иначе назвать скверную дѣвку, которая, служа гувернанткой въ порядочномъ домѣ, позволила себѣ завесть связь съ отцомъ семейства?... Это ты, братецъ, спроси кого хочешь, всякій скажетъ тебѣ, что это мерзость!»

Василій кинулся отъ него прочь и сталъ бѣгать по комнатѣ, схвативъ себя за волосы руками... «Ну что ты съ нимъ

*

65908В

Digitized by Google

будешь дѣлать?» думалъ онъ, мало по малу опять приходя въ себя и въ сильной досадѣ кусая себѣ губы до крови. «Съ его точки зрѣнія, нечего удивляться, что оно ему кажется такъ; а чтобъ его до моей дерзости, нужно съ нимъ биться по меньшей мѣрѣ недѣли двѣ. Поди, объясняй ему, что она тутъ ни въ чемъ не виновата, что она во имя идеи дѣйствовала...»

— «Николай!» отвѣчалъ онъ. «Эта узкая мѣрка нравственности, по которой ты судишь о женщинѣ, теперь уже брошена передовыми людьми.»

— «Тѣмъ хуже,» отвѣчалъ Николай.

— «Теперь мы считаемъ варварствомъ,» продолжалъ Василій, «уродовать человѣка, загораживая исходъ естественному стремленію его природы.»

— «Помилуй, братецъ! Да какъ же не загораживать?... Что-жъ это будетъ? Вѣдь этакъ мы сравняемся съ безсловесными животными..... Этакъ вѣдь цѣлый городъ превратится въ какой-то скотный дворъ.

— «О! чортъ возьми! Не превратится!.. Все это пустые страхи, въ родѣ тѣхъ, которыми няньки пугаютъ дѣтей! Пойми ты, что все это устарѣло, отстало!... Пойми ты, что женщина, говоря по вашему, падаетъ не отъ того, что она развратна, а отъ того, что ей ѣсть нечего!...»

— «Ну а эта, твоя.... какъ бишь ее?... Что-жъ и ей развѣ ѣсть было нечего?...»

— «Николай! ради Бога! Къ чему ты о ней это говоришь? Ты не знаешь ея!... Ты ошибаешься въ ней совершенно!... Клянусь тебѣ, если бъ ты зналъ ее, если бъ ты видѣлъ ее хоть разъ, у тебя никогда языкъ бы не повернулся... Погоди хоть немного, удержись до тѣхъ поръ пока я тебя познакомлю съ Лидіей. Ты увидишь, что это за милая женщина!.. Ты никакъ не ожидаешь... Я увѣренъ, что ты представляешь себѣ какую нибудь камелію съ разписанными глазами. Ни чуть не бывало! Честью тебя увѣряю, что это совсѣмъ другое, совершенно противоположное!... Она чиста какъ младенецъ!...

— «Какой младенецъ! Помилуй! Что ты меня морочишь?... Вѣдь ты самъ говорилъ, что у ней уже дѣти есть?...»

— «Такъ что-жъ?... У Лизаветы Ивановны тоже вѣдь дѣти есть...»

— «Ну ужъ, братъ, сдѣлай милость, Лизавету Ивановну ты лучше въ покоѣ оставь!» проворчалъ Николай, посмотрѣвъ на него не очень строго.

Digitized by Google

Меньшой Бубновъ спохватился, что онъ далъ маху, и началъ выпутываться, стараясь всѣми возможными средствами оправдать Лидію въ глазахъ брата и сваливая всю вину на Касимова.

На этотъ разъ Николай оказался сговорчивѣе и согласился охотно съ братомъ, что Касимовъ во сто разъ болѣе виноватъ.... что Касимовъ свинья... и т. д. «Одного только я не могу понять,» заключилъ онъ; «изъ за чего у васъ ссора вышла?»

Братъ замялся. Это былъ весьма щекотливый пунктъ въ его исповѣди, потому что тутъ надобно было объяснять то, въ чемъ онъ самъ себѣ не хотѣлъ признаться, то есть свои подозрѣнія, страхи, сомнѣнія и возникавшую изъ нихъ ревность. Помявшись немного, онъ отвѣчалъ, что Касимовъ не хочетъ оставить въ покоѣ Лидію, которая двадцать разъ мѣняла квартиру чтобъ отъ него избавиться, просила, требовала (на этомъ мѣстѣ Василій прибавилъ немножко)... требовала при немъ; наконецъ что онъ самъ просилъ, потомъ требовалъ...»

— «Очень нужно было тебѣ мѣшаться!» перебилъ старшій Бубновъ.... «Ужъ если что въ вашихъ новыхъ идеяхъ толково, такъ это то̀, что изъ за женщины, распустившей себя на всѣ на четыре стороны, никакой ссоры не можетъ быть, потому что если у васъ всякій имѣетъ право дать полную волю своимъ натуральнымъ стремленіямъ, то никто стало быть и мѣшать ему не имѣетъ права.»

— «Да», отвѣчалъ Василій, не много сконфуженный; «но только въ такомъ случаѣ, если онъ самъ не мѣшаетъ другому... А Касимовъ мѣшалъ ей.... Онъ насильно лѣзъ въ домъ....»

— «Гмъ; онъ свинья, въ этомъ спору нѣтъ..... жену его только жаль!... Но дѣло не въ этомъ.... я все-жъ не могу понять.... Она вѣдь, какъ это у васъ называется, — *эмансипированная?*... Чего-жъ она съ нимъ церемонилась?... Ну, лѣзетъ насильно, такъ призвала бы дворника..... или тамъ иначе какъ нибудь, мало ли какъ это дѣлается.... Я не могу понять, какъ можно насильно лѣзть въ домъ!...»

Василій молчалъ.

— «Какъ же это, Вася?» спросилъ вдругъ старшій Бубновъ, посмотрѣвъ съ безпокойствомъ на брата. «Неужли ты въ самомъ дѣлѣ стрѣляться хочешь?»

— «Непремѣнно.»

— «Да какъ же? Вѣдь ты говоришь, что онъ отказывается?»

Digitized by Google

— «Да, онъ отказывался сначала, но теперь не откажется; потому что иначе при первой встрѣчѣ я ему кости переломаю.»

Николай Григорьичъ почесалъ въ головѣ и задумался... Онъ когда-то служилъ въ гусарахъ и даже былъ разъ секундантомъ въ какой-то встрѣчѣ, которая кончилась безъ большаго шума; но съ тѣхъ поръ прошли годы тихой семейной жизни, и въ теченіе этого долгаго времени дуель стала для него на ряду съ такими вещами, какъ ссылка, холера, война, самоубійство, землетрясеніе и т. д. Съ ней хоть и связывалось представленіе о чемъ то возможномъ, но эта возможность казалась такъ далека отъ его обыденной сферы, что давно перестала считаться сбыточною... А тутъ вдругъ, его собственный, родной братъ Василій, этотъ добрякъ, который во всю свою жизнь не обидѣлъ мухи, хочетъ стрѣляться!... причемъ на его долю выпадетъ безъ сомнѣнія непріятная роль секунданта..... Васю убьютъ.... онъ будетъ его хоронить.... потомъ его арестуютъ... потомъ сошлютъ куда нибудь.... однимъ словомъ исторія во всѣхъ отношеніяхъ самая грустная!...

— Неужли же, думалъ онъ, все это такъ и сбудется?... Неужли нѣтъ возможности кончить иначе?... Онъ началъ разспрашивать брата о подробностяхъ его столкновенья, стараясь найти между ними что нибудь, къ чему можно бы было придраться хоть издали, хоть съ натяжкой, чтобы придать дѣлу характеръ несчастнаго случая и порѣшить его мирнымъ путемъ. Но сколько онъ ни искалъ, ничего не отъискивалось. Ссора была при свидѣтеляхъ, и Василій первый нанесъ оскорбленіе. Стало быть, если онъ и не вызоветъ, то Касимовъ по всей вѣроятности вызоветъ самъ..... Одинъ только шансъ: — братъ говорилъ, что Касимовъ разъ отказался. Можетъ быть онъ и теперь откажется?... Тогда Васю можно будетъ уговорить какъ нибудь, чтобы онъ это дѣло бросилъ на томъ основаніи, что съ человѣкомъ, который два раза отказался отъ вызова, нестоитъ больше и связываться... Шансъ былъ плохой, но онъ былъ единственный, и Николай Григорьичъ ухватился за него какъ утопающій за соломинку;—да только что ухватился, глядь, новая мысль пришла ему въ голову.... Василій ужъ разъ вызывалъ, какъ онъ говоритъ; и еслибъ тогда Касимовъ не отказался, такой грубой драки бы не было. Она собственно изъ того и вышла, что этотъ скотъ не хотѣлъ кончить дѣла приличнымъ образомъ. Къ тому же, онъ первый былъ оскорбленъ, былъ битъ въ собственномъ смыслѣ слова; а Вася былъ толь-

Digitized by Google

ко раненъ пенельницею или линейкою, или чѣмъ то другимъ въ этомъ родѣ, однимъ словомъ оружіемъ, не рукой..... стало быть не зачѣмъ ему первому тутъ и соваться. Онъ можетъ ждать,—пусть вызываетъ Касимовъ, если угодно. А тотъ, легко можетъ статься, что и не вызоветъ, если ему не наступятъ на горло, и если ссора не будетъ имѣть огласки. Послѣднее обстоятельство зависитъ вполнѣ отъ Рыбникова, съ которымъ онъ не знакомъ.... Но Касимовъ за то хорошо знакомъ, и если Касимовъ не хочетъ драться, то безъ сомнѣнія онъ уже принялъ мѣры, чтобы пріятель его не разболталъ.... Какъ бы то ни было, а во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ заѣхать къ Рыбникову, рѣшилъ Николай Григорьичъ; изъ чего мы должны заключить, что несмотря на наружное сходство (съ лица онъ былъ очень поможъ на Василья: тотъ же ясный, здоровый, открытый, истинно русскій типъ, только полнѣе немножко и ростомъ пониже).... должны заключить, говорю, что Николай былъ гораздо толковѣе своего меньшого брата. Тотъ былъ мечтатель, идеалистъ,—этотъ практикъ.

.... Но несмотря на свою практичность, онъ не могъ разумѣется придти къ вышеизложенному рѣшенію такъ прямо и быстро, какъ мы его привели. Онъ долго ломалъ себѣ голову, долго распрашивалъ брата и спорилъ съ нимъ, и старался его вразумить, пока наконецъ тотъ изъ силъ выбился, сталъ жаловаться, что у него опять голова начинаетъ ломить, и сказавъ: «дѣлай какъ знаешь!» растянулся во всю свою богатырскую длину на постели.

.... Тогда только Николай Григорьичъ окончательно пришелъ къ выводу: что не мѣшаетъ, молъ, съѣздить къ Рыбникову. Онъ вымылся, выбрился, переодѣлся, наскоро отобѣдалъ и къ 7-ми часамъ вечера поспѣлъ на Елагинъ.

Рыбниковъ принялъ его самымъ любезнымъ образомъ, разсыпался въ извиненіяхъ и клятвенно увѣрялъ, что не только изъ постороннихъ, а даже въ семействѣ его никто не догадывается о томъ, что случилось. Онъ былъ одинъ свидѣтелемъ и объяснилъ все простымъ ушибомъ.

Значительно успокоенный съ этой стороны, Николай Григорьевичъ благодарилъ его горячо и затѣмъ осторожно спросилъ о Касимовѣ.... Отвѣтъ былъ уклончивый. Рыбниковъ увѣрялъ, что онъ не видалъ Касимова послѣ этого случая и что хотя онъ вполнѣ увѣренъ, готовъ даже ручаться, что Дмитрій Петровичъ не сдѣлаетъ такой глупости, чтобы кому нибудь разболтать; но

Digitized by Google

что онъ уѣхалъ взбѣшенный и что намѣренія его неизвѣстны. Николай Григорьичъ однакоже не удовольствовался этимъ. Онъ попробовалъ вывѣдать дипломатическимъ образомъ, какъ Александръ Ивановичъ самъ смотритъ на происшествіе, случившееся у него въ домѣ, и какихъ ожидаетъ послѣдствій?... Къ сожалѣнію, Рыбниковъ съ этой стороны оказался рѣшительно неприступенъ. Имѣлъ ли онъ или не имѣлъ какія нибудь основательныя причины скрывать свой взглядъ, мы не знаемъ, — но всей вѣроятности не имѣлъ; — но есть люди до такой степени одаренные инстинктомъ дипломатической тонкости, что не имѣя возможности истратить его въ полномъ объемѣ на дѣйствительныя потребности ихъ обыденной жизни, они не знаютъ куда дѣвать избытокъ, и потому готовы употребить его даже и тамъ, гдѣ онъ вовсе не нуженъ.... Для такихъ людей, какъ для лошади, которая ускоряетъ бѣгъ безъ всякой дѣйствительной надобности, если только замѣтитъ, что ее обгоняетъ другая, одной простой попытки вывѣдать что нибудь тонкимъ образомъ достаточно, что-бъ загнать ихъ немедленно въ панцырь дипломатической скрытности.... Рыбниковъ ловко и безъ малѣйшихъ усилій ускользнулъ отъ вопросовъ своего гостя; наговорилъ ему пропасть гладкихъ, ничего незначущихъ фразъ и кончилъ тѣмъ, что онъ не педантъ въ дѣлѣ чести, что онъ считаетъ кодексъ ея случайнымъ сбродомъ чисто-условныхъ требованій, и потому не имѣетъ на эти вещи ни какого за ранѣе опредѣленнаго взгляда, а готовъ смотрѣть на нихъ какъ угодно, рѣшительно какъ угодно....

Отвѣтъ этотъ былъ удобенъ съ одной стороны. Онъ развязывалъ ему руки на счетъ единственнаго свидѣтеля, и за тѣмъ оставался только Касимовъ, къ которому онъ и рѣшился ѣхать немедленно.... Недостатокъ опредѣленныхъ инструкцій со стороны брата не затруднялъ его, потому что съ Васильемъ онъ не привыкъ церемониться. Онъ смотрѣлъ на него какъ на ребенка, которому если дать полную волю распоряжаться собой, то онъ себѣ непремѣнно шею сверщетъ.... Давно-ли онъ отпустилъ его изъ Засядкина, — а вонъ ужъ онъ сколько успѣлъ напрокавить! Заложилъ свою вотчину чортъ знаетъ для какой надобности! Связался съ этою подлою дѣвкой, на которой того и гляди, что женится! Наконецъ подрался какъ 12-ти лѣтній мальчишка и какъ кажется все изъ за той же мерзавки!... Нѣтъ, ему нельзя волю давать! — заключилъ Николай Григорьичъ и тутъ же рѣшилъ, если только Богъ поможетъ выпутать его

Digitized by Google

какъ нибудь изъ всѣхъ этихъ бѣдъ, непремѣнно его увезти назадъ въ деревню. Какъ это все исполнить?... онъ даже и не пытался теперь рѣшить; но онъ утѣшалъ себя мыслію, что если удастся избавить брата отъ той бѣды, которая ближе всего виситъ надъ головою, то остальное сравнительно будетъ легко.

Съ этими мыслями Николай Григорьичъ ѣхалъ обратно въ городъ. Било уже девять часовъ, когда онъ доѣхалъ до конно-гвардейскаго бульвара; но Рыбниковъ ему сказалъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ онъ застанетъ Касимова дома. И онъ не ошибся. Дмитрій Петровичъ былъ дома и принялъ его безъ всякаго затрудненія. Старшій Бубновъ зналъ его очень хорошо, былъ даже на свадьбѣ его шаферомъ Нины Павловны, но никогда терпѣть не могъ этого человѣка, угадывая, гораздо ранѣе брата, его въ ту пору еще несозрѣвшій цинизмъ.

— «А! здравствуйте!» — сказалъ Дмитрій Петровичъ, встрѣчая его въ дверяхъ. — «Вы пріѣхали вѣроятно къ брату, и хорошо сдѣлали; потому что онъ началъ дурить не въ мѣру. Извините, что я говорю это вамъ такъ, запросто.... Мы съ Васильемъ товарищи и были пріятелями еще очень недавно.... Садитесь пожалуйста... Ну что, какъ онъ?»

Все это было сказано самымъ непринужденнымъ и по наружности добродушнымъ тономъ.

— «Да на ногахъ, слава Богу!» — отвѣчалъ Николай Григорьичъ, садясь. «Спасибо, что хоть не до смерти убили.»

— «А что-жъ тутъ, батюшка, будешь дѣлать? Неровенъ часъ, — могъ и до смерти убить, хоть не имѣлъ намѣренія... Вы представьте себѣ, что на васъ человѣкъ его росту съ кулакомъ лѣзетъ! Другого бы я схватилъ просто за руки, да и вытолкалъ вонъ; а съ нимъ это не легко. Онъ могъ меня самъ убить, да и убилъ бы пожалуй, если бы я не имѣлъ осторожности три недѣли его сюда не пускать. Мы и у Рыбникова съ нимъ случаемъ встрѣтились.... Я бъ не поѣхалъ, еслибъ зналъ, что онъ тамъ.... А у меня онъ тутъ и прежде ужъ былъ съ угрозами. — Всажу, говоритъ, тебѣ пулю въ лобъ!... Поди съ нимъ, шути!...

— «Да за что у васъ ссора вышла?»

— «А, это ужъ вы у него спросите. Если онъ не умѣетъ вамъ объяснить, то я и подавно. По-просту ошалѣлъ человѣкъ! Влюбился какъ котъ въ мою отставную любовницу и началъ ее ревновать.... Да не къ кому было, вотъ видите; никто къ ней не ходитъ кромѣ меня. Не ходи, говоритъ, къ Лидіи....

Digitized by Google

А мнѣ что? Я и такъ цѣлый годъ совсѣмъ изъ виду ее потерялъ; чего бы ужъ кажется лучше этого доказательства, что между нами связь кончена? Такъ нѣтъ! вбилъ себѣ въ голову, что я ее у него отнять хочу!... Я ему какъ разсудительному человѣку толкую, что мнѣ, молъ, до нея собственно дѣла нѣтъ, что я хожу къ сыну, котораго она отъ меня родила.... Чего кажется проще?... Такъ нѣтъ, не вѣритъ!»

— «А что это за женщина?» спросилъ Николай Григорьичъ, подстрекаемый любопытствомъ узнать что нибудь мимо брата о его связи.

— «Да ничего,» отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.... «Такъ себѣ, женщина какъ женщина, баба добрая, молодая, недурна, не глупа.... Она у насъ тутъ гувернанткой жила, да жена начала ревновать, такъ я ее и спровадилъ.»

— «Что жъ, она любитъ брата?»

Касимовъ пожалъ плечами.

— «Кто ее знаетъ?» отвѣчалъ онъ.... «Любитъ кажется.... По крайней мѣрѣ, они ужъ съ мѣсяцъ какъ очень сблизились.»

Они замолчали. Николай Григорьичъ смотрѣлъ на Касимова, мысленно пріискивая что нибудь, въ чемъ бы онъ могъ справедливо его обвинить относительно брата, но какъ ни старался, не могъ отъискать ничего. Какъ ни холодно, какъ ни сухо обнаружилъ себя этотъ человѣкъ съ сердечной стороны, а все жъ онъ былъ правъ. Братъ поступилъ какъ сумасшедшій, Дмитрій Петровичъ—какъ разсудительный человѣкъ. Братъ былъ озлобленъ противъ него до послѣдней крайности, не имѣя къ тому никакого повода, кромѣ ревнивыхъ догадокъ, да ссоры, самимъ имъ затѣянной. Касимовъ, не смотря на обиду ему нанесенную, не обнаруживалъ ни малѣйшей злобы, никакого намѣренія вести это дѣло дальше.... Съ такими данными, Николай Григорьичъ не видѣлъ причины откладывать далѣе интересный вопросъ, который давно вертѣлся у него на языкѣ, и мирное разрѣшеніе котораго должно было окончательно его успокоить.

— «Дмитрій Петровичъ,» сказалъ онъ; «ссора ваша съ Васильемъ, благодаря Александру Ивановичу Рыбникову, котораго я сегодня видѣлъ, не имѣла огласки, а потому вы конечно не заподозрите меня ни въ какихъ враждебныхъ затѣяхъ, если я васъ спрошу: какъ вы намѣрены кончить дѣло?»

— «Гмъ; вы боитесь, что я подстрѣлю вашего Васю?... Штука была бы не хитрая! Да только я вамъ признаюсь, что

Digitized by Google

не смотря на всѣ его глупости, я никакъ не могъ до сихъ поръ разсердиться серьезно на этого чудака.... Была разумѣется минута, и если она повторится, то я не могу отвѣчать за себя; но драться теперь, еще разъ, и послѣ того, какъ я разъ уже выпустилъ изъ него съ полфунта крови, я не имѣю охоты.... Къ тому же, вы меня знаете нѣсколько.... я не романтикъ и всю эту ерунду съ барьерами, секундантами, пистолетами считаю китайскими церемоніями.... Съ чего я буду свой лобъ подставлять безъ всякой нужды?... Я это разъ уже говорилъ вашему брату, но онъ кажется думаетъ, что я шучу и что если меня припугнуть хорошенько, то я запою другую пѣсню.... Убѣдите его пожалуйста, что онъ ошибается; скажите, что я съ нимъ стрѣляться не буду ни въ какомъ случаѣ, но чтобы онъ не шутилъ, потому что въ другой разъ онъ не захватитъ меня въ расплохъ, и шутка можетъ ему обойтись дороже, чѣмъ онъ разсчитываетъ.»

Какъ ни былъ, по-видимому, спокоенъ этотъ отвѣтъ, но тонъ голоса и зловѣщій взглядъ, съ которыми Дмитрій Петровичъ его заключилъ, поубавили нѣсколько радость Николая Григорьича. Онъ понялъ, что дѣло можетъ считаться конченнымъ только въ такомъ случаѣ, если ему удастся совершенно обезоружить брата; но какъ это сдѣлать, не уничтоживъ тѣхъ поводовъ къ раздраженію, которые онъ имѣлъ до сихъ поръ,—Николай Григорьичъ не зналъ. Онъ только догадывался, что ключъ къ разрѣшенію этой второй задачи находится совершенно въ рукахъ у той женщины, которая овладѣла братомъ и которой онъ до сихъ поръ не видалъ еще.... Что тутъ дѣлать?... Надо бы съ ней повидаться безъ брата; братъ будетъ мѣшать.... Надо нагрянуть въ расплохъ и какъ можно скорѣе, покуда она не успѣла еще надуматься и заучить роль.... Онъ взглянулъ на часы.... Половина десятаго.... Поздно! подумалъ онъ.

— «Что вы, домой?»

— «Не знаю,» отвѣчалъ старшій Бубновъ. «Хотѣлъ заѣхать еще къ госпожѣ Рулевой, да кажется опоздалъ.»

— «Э! ничего! Поѣзжайте!... Самое время.... Навѣрно застанете дома.»

— «Да ловко ли?»

— «И! полноте!... По дѣлу во всякое время ловко. А она баба толковая; она это сейчасъ пойметъ.»

— «Вы часто съ ней видитесь?» рискнулъ Николай Григорьичъ.

Digitized by Google

— «А что?» Касимовъ слегка усмѣхнулся... «И вы кажется туда же, думаете...? Гмъ; сказалъ бы я вамъ кое что, да вы мнѣ не повѣрите. А вы поѣзжайте; сами увидите....»

Но Николай Григорьичъ этимъ не удовольствовался. Онъ былъ готовъ уцѣпиться за всякій намекъ, въ надеждѣ, что можетъ быть онъ разъяснитъ ему дѣло и укажетъ какой нибудь выходъ изъ труднаго положенія. Поэтому онъ пристаръ къ Касимову съ просьбой быть откровеннѣе и не заставлять его ломать понапрасну его дворянскую голову. «Что вамъ изъ того, теперь или послѣ я вамъ повѣрю....» говорилъ онъ. «Вамъ это вѣдь все равно; а для меня вашъ совѣтъ очень дорогъ.

— «Да это совсѣмъ не совѣтъ. Это такъ.... пустяки,» отвѣчалъ тотъ смѣясь.... «Мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что Василью нянька нужна».

— «Какъ нянька?»

— «Да такъ; подумайте послѣ объ этомъ, а теперь поѣзжайте къ Рулевой».

Николай Григорьичъ поѣхалъ. День былъ удачный для него, а онъ вѣрилъ въ удачные дни.... Дорогой онъ думалъ о томъ, что ему сказалъ Касимовъ.

— «Нянька нужна?... Гмъ; да, пожалуй что и нужна; мнѣ самому это въ голову приходило; но только какая же нянька?... Неужли эта?... Да сохрани-жъ Господи! Мерзость этакая!... Тьфу!...» Николай Григорьичъ даже плюнулъ при мысли ввести въ семейство такую женщину.... «Чтобъ тебѣ лопнуть съ твоимъ совѣтомъ!... Вишь ты, гусь лапчатый!... Совѣсть небось разобрала!... Хочешь ее пристроить съ сыномъ!... А я какъ дуракъ слушаю; чуть спасибо еще не сказалъ этой свиньѣ!... Эхъ, Вася, Вася!... Чортъ тебя дернулъ съ этимъ народомъ связываться!»

Николай Григорьевичъ былъ такъ возмущенъ, что чуть не проѣхалъ мимо Троицкаго, и одна только вѣра въ счастливый день удержала его. Въ какой степени она оправдалась, это мы скоро увидимъ.

Ворча и поплевывая, Николай Григорьевичъ отъискалъ двери Рулевой, позвонилъ и вошелъ.

— «Дома госпожа Рулева?»

— «Дома-съ.»

— «Проводи меня къ ней.

— «Да онѣ вонъ и сами идутъ», отвѣчала Прасковья Ва-

Digitized by Google

сильевна, указывая на свою госпожу, которая вышла узнать, кто звонилъ.

Николай Григорьичъ взглянулъ и—трудно сказать отчего сконфузился.... Передъ нимъ стояла скромно одѣтая, худенькая молодая женщина, съ блѣднымъ, серьознымъ, даже нѣсколько строгимъ лицомъ и съ выраженіемъ тихой грусти въ задумчивыхъ, чорныхъ глазахъ. Ни суетливой усмѣшки, ни любопытства, ни безпокойства, ни дерзости незамѣтно было на этомъ лицѣ, и небыло никакого сомнѣнія, что такъ какъ она теперь стоитъ, точно также она стояла или сидѣла за минуту до этого, одна въ своей комнатѣ. Николай Григорьичъ совсѣмъ иначе себѣ ее воображалъ: въ его головѣ составилось что-то среднее между камеліей въ платьѣ семинариста и медицинскимъ студентомъ въ юбкѣ; однимъ словомъ, какой то монструмъ, химерическое созданіе, въ которомъ несовмѣстимое совмѣщалось и невообразимое было воплощено.... Онъ отступилъ невольно назадъ и вѣжливо поклонился.

— «Имѣю честь рекомедоваться», сказалъ онъ. «Николай Бубновъ, братъ Василья Григорьича.»

Маленькое восклицаніе вырвалось у Рулевой.

— «А!... Николай Григорьичъ!... Войдите.... я рада васъ видѣть.»

Первое побужденье ея было протянуть ему обѣ руки, но что-то ее удержало....

Бубновъ вошолъ, съ любопытствомъ оглядываясь кругомъ... Бѣдная, очень бѣдная комната, старые каленкоровые занавѣсы на окнахъ и такая же перегородка; на стѣнѣ полки съ книгами; у небольшой кушетки столъ; на столѣ свѣчка съ сильно подержаннымъ абажуромъ, кипа тетрадей, чернилица и нѣсколько книгъ.... Ни малѣйшихъ слѣдовъ безпорядочной жизни; все чисто и скромно и больше похоже на келью убогаго труженика, чѣмъ на какой нибудь.... такой.... этакой.... Николай Григорьичъ сбился, пытаясь вспомнить, что именно онъ воображалъ, и ненаходя у себя въ головѣ ничего кромѣ какого-то абстрактнаго безобразія....

Все это однакожъ нисколько не обезоружило его. Это не то, что онъ думалъ конечно... о! нѣтъ!—это далеко не такъ нахально и грубо; но это гораздо хуже.... Ясно, что это хитрая, ловкая женщина и что она опутала брата кругомъ; онъ теперь понимаетъ чѣмъ.... И не такой простякъ какъ Василій могъ бы тутъ ошибиться; онъ самъ, если бы онъ не зналъ ея скандалезной жизни, могъ бы легко принять ее за совершенно-

Digitized by Google

порядочную женщину,—такъ у ней все тутъ шито да крыто.... Но его, Николая Григорьича, мудрено провести!... Онъ не поддастся на всѣ эти штуки! Онъ сразу покажетъ ей, что онъ ее понялъ насквозь....

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ сократилъ всѣ лишнія церемоніи и послѣ нѣсколькихъ словъ о здоровьѣ Василья, перешелъ прямо къ дѣлу.... Онъ объяснилъ, что его очень тревожитъ положеніе брата и не столько болѣзнь, какъ то напряженное состояніе духа, въ которомъ онъ, Николай Григорьичъ, нашолъ его.... Онъ не узналъ Василья.... Назадъ тому съ годъ, когда онъ отпускалъ его въ Петербургъ, это былъ добродушный, здоровый и здравомыслящій, веселый, безпечный молодой человѣкъ; теперь это какой то маньякъ, съ которымъ нельзя разсуждать ни о чемъ спокойно! Онъ раздраженъ, озлобленъ, перессорился съ старыми своими друзьями, подрался и хочетъ драться еще.... стрѣляться хочетъ!... Онъ не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось и кто былъ причиной такой перемѣны?

Тѣнь тоски и страданія, которую Николай Григорьичъ съ перваго взгляда замѣтилъ въ лицѣ Рулевой, опредѣлилась еще сильнѣе: въ глазахъ, особенно въ этихъ чорныхъ, глубокихъ глазахъ отразилась тяжелая мука.

— «Ахъ! Николай Григорьичъ»,—отвѣчала она вздохнувъ,— «я одна виновата во всемъ!... Братъ вашъ былъ дѣйствительно тотъ человѣкъ, какимъ вы его помните, покуда со мною не встрѣтился.»

Опять Николай Григорьичъ былъ удивленъ. Онъ совсѣмъ не того ожидалъ.... «У! да какая же ты штука!»—подумалъ онъ и съ минуту смотрѣлъ на нее ни слова не говоря.... Онъ началъ догадываться, что самая трудная часть задачи была не та, которая ждетъ еще впереди.... Все это посбавило въ немъ самоувѣренности, и онъ продолжалъ ужъ гораздо мягче.

— «Я не имѣю права ставить себя судьей вашего поведенія», отвѣчалъ онъ;—«но такъ какъ вы сами берете вину на себя, то будьте ужъ такъ добры, объясните мнѣ ради Бога, что такое вы сдѣлали съ братомъ?»

— «Я.... любила его, Николай Григорьичъ.» Николай Григорьичъ пожалъ плечами. Это ему показалось ужъ просто нахально. За кого она его принимаетъ съ такими наивностями?

— «Ну съ; а потомъ?

— «Потомъ, онъ меня полюбилъ.»

— «Это я знаю-съ; да только это вѣдь ничего ровно необъясняетъ.

Digitized by Google

— «Оттого, Николай Григорьичъ, что вы не знаете меня.»

— «Да-съ, лично безъ сомнѣнія до сихъ поръ не имѣлъ чести; но кое что слышалъ о васъ...»

Она вдругъ гордо подняла голову и во взглядѣ ея Николаю Григорьичу почудилось что-то другое, чего онъ до сихъ поръ не замѣчалъ.... Но это былъ мигъ, и вслѣдъ за тѣмъ прежнее выраженіе тихой скорби взяло верхъ надъ минутнымъ проблескомъ.

— «Послушайте», перебила она. «Къ чему эти косвенные намеки? Если хотите меня обвинять, то обвиняйте прямо. Я отпираться не стану. Я сама знаю, что не все въ моей жизни было такъ чисто, какъ можно желать. Въ ней были ошибки и заблужденія; но у кого же не было?.... Вы сами,— я васъ не знаю еще,—но развѣ вы такъ чисты, что въ вашемъ прошедшемъ ничего не найдется, въ чемъ ваша жена или дѣти, или другой кто нибудь могъ бы васъ упрекнуть?.... Будьте со мною искренны и если, какъ я догадываюсь, вы что нибудь имѣете на сердцѣ противъ меня, скажите мнѣ прямо. Въ чемъ я дѣйствительно виновата, въ томъ я не буду оправдываться; но мнѣ очень больно, если вы думаете обо мнѣ хуже, чѣмъ я заслуживаю.»

Николай Григорьичъ былъ добрый человѣкъ, и ему стоило нѣкоторыхъ усилій подавить въ себѣ то впечатлѣніе, которое невольно произвели на него эти слова.

— «Очень вамъ благодаренъ, сударыня», — произнесъ онъ, «за позволеніе говорить откровенно; только я вѣдь не духовникъ вашъ, чтобы мнѣ васъ исповѣдывать.... Мнѣ нужно знать только то, что касается до брата, и въ этомъ отношеніи я бы желалъ чтобы вы мнѣ объяснили двѣ вещи. Во первыхъ, онъ изъ за васъ поссорился съ старымъ своимъ пріятелемъ, Дмитріемъ Петровичемъ, который его чуть не убилъ, и подслѣдствія этой ссоры....»

— «Послѣдствій не будетъ», перебила она. «Дмитрій Петровичъ мнѣ слово далъ.»

— «Хорошо-съ;—я самъ знаю, что Дмитрій Петровичъ не придастъ большой важности тому что случилось; но ссора можетъ возобновиться, если не уничтожить причины ея.»

— «Причины никакой не было», отвѣчала Лидія; — «или лучше сказать, она была только въ одномъ воображеніи Василья Григорьича.»

— «Позвольте, сударыня», перебилъ онъ. «Я не знаю о

Digitized by Google

какой причинѣ вы изволите говорить, — ихъ было можетъ быть нѣсколько; но главная, по моему мнѣнію, это связь брата съ женщиной, которая имѣла прежде другаго любовника и которая,—извините, я говорю только то, что я слышалъ,—не находитъ нисколько предосудительнымъ такой образъ жизни, а потому безъ сомнѣнія не считаетъ нужнымъ его измѣнять.»

Лидія опустила голову. Слёзы блеснули у ней на глазахъ. Она отвернулась, чтобъ отереть ихъ украдкой. Бубновъ ждалъ, что она станетъ оправдываться; но она молчала.

— «Гмъ;.... задѣлъ за сердце!» подумалъ онъ про себя;— но чувства глубокой жалости, которая примѣшалась къ этому маленькому торжеству самолюбія, онъ ужъ не могъ прогнать.

— «Понятно», продолжалъ онъ, съ трудомъ стараясь удержать прежній, спокойный тонъ, «понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, ссору предупредить мудрено. Она можетъ возобновиться изъ за всякаго, дѣйствительнаго или воображаемаго повода, просто по той причинѣ, что человѣкъ не можетъ быть никогда увѣренъ въ прочности своей связи. Не сегодня, такъ завтра, женщина можетъ бросить его и перейти къ другому, новому, или опять возвратиться къ старому.»

— «Николай Григорьичъ, вы знаете меня очень худо, если считаете меня способною играть такимъ образомъ привязанностями» — отвѣчала она глотая слезы.

— «Да я, Лидія Алексѣевна, (онъ первый разъ назвалъ ее по имени) — я вѣдь не говорю, чтобы вы хотѣли ими играть.... Я скорѣе готовъ повѣрить, что вы искренно любите брата; но тѣмъ болѣе вы должны понять, что онъ не можетъ быть счастливъ при этихъ условіяхъ.... Правду ли я говорю?»

— «Правду!» прошептала она.

— «Ваша искренность значительно сокращаетъ то, что мнѣ остается сказать», продолжалъ онъ. «Мало того: она мнѣ доказываетъ, что вы знаете брата.... Лидія Алексѣевна, согласитесь, что вы неудачно выбрали, что вамъ нуженъ совсѣмъ не такой человѣкъ какъ онъ; я хочу сказать не съ такимъ характеромъ, потому что Василій, хоть онъ, по наружности, можетъ быть и раздѣляетъ вашъ взглядъ на вещи, въ душѣ никогда съ нимъ не помирится.... Онъ слишкомъ пылокъ, слишкомъ мало владѣетъ собой; онъ будетъ мучиться, будетъ страдать, ревновать, бѣситься, съ ума сходить тамъ, гдѣ другой, болѣе хладнокровный и разсудительный человѣкъ можетъ быть

Digitized by Google

былъ бы доволенъ и даже счастливъ, на сколько счастье возможно съ вашими правилами.... не такъ ли?»

Она ничего не отвѣчала. Слезы катились у ней по щекамъ, и она уже не пыталась удерживать ихъ. Николаю Григорьичу стало неловко и совѣстно. Онъ началъ догадываться, что онъ грубо ошибся, и что вмѣсто повѣреннаго по дѣлу брата, онъ играетъ роль палача. Но дѣлать нечего; онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобъ отступать, да и къ чему повело бы его отступленіе? Къ тому, чтобъ испортить дѣло въ такую минуту, когда по всѣмъ признакамъ оно идетъ отлично на ладъ.... Скрѣпивъ сердце, онъ спѣшилъ кончить.

— «Мнѣ больно видѣть, что это васъ такъ огорчаетъ», продолжалъ онъ; «но вы сами требовали, чтобы я высказалъ прямо то, что я думаю о вашей связи съ Васильемъ. Я думаю, Лидія Алексѣевна, что любя безкорыстно брата и понимая, что онъ не можетъ быть съ вами счастливъ, вы не рѣшитесь продолжать то, что съ самаго начала едва его въ гробъ не свело.... Не правда ли? Вы будете на столько великодушны?...»

Она молчала и плакала. Николай Григорьичъ былъ сильно смущенъ. Договоривъ до конца, онъ сдѣлалъ все, что былъ въ силахъ, и что далѣе дѣлать—не зналъ.... Онъ смотрѣлъ на Рулеву во всѣ глаза и безпокойно вертѣлся на стулѣ.... Раза два ядовитый вопросъ: да не лукавитъ ли ужъ она? забирался къ нему насильно въ голову; но одинъ взглядъ на ея лицо уничтожалъ всѣ сомнѣнія.... «Нѣтъ», рѣшилъ онъ, «такъ притворяться нельзя. Она честная женщина и она любитъ брата. Какъ жаль, что ее эти новыя идеи сбили съ толку!... Еслибъ не это скверное положеніе, изъ котораго ее нѣтъ возможности вытащить, изъ нея можетъ быть вышла бы хорошая мать и жена.... А теперь?....» Онъ посмотрѣлъ на часы; было ужъ четверть двѣнадцатаго. «Надо однакожъ кончить», подумалъ онъ. «Не цѣлую же ночь мнѣ ее тутъ мучить!»

— Вы разстроены, Лидія Алексѣевна», сказалъ онъ вставая. «Оставьте это покуда.... Подумайте послѣ о томъ, что я вамъ говорилъ.»

— «Нечего думать», отвѣчала она: «я ужъ довольно думала.... прежде, безъ васъ.... Николай Григорьичъ, за мной дѣло не станетъ.... Я не хочу портить жизнь человѣку, котораго я люблю.... Пусть онъ найдетъ другую, чище и лучше меня, и пусть будетъ съ ней счастливъ; а обо мнѣ пусть не жалѣетъ, потому что моя жизнь давно испорчена.... Скажите ему это или другое что нибудь.... вы лучше знаете что.... только

Digitized by Google

не требуйте, что бы я сама... я не въ силахъ!...» Она схватилась руками за голову и ушла за ширмы.

Николай Григорьичъ остался одинъ на полѣ битвы.... День былъ удачный, гораздо удачнѣе, чѣмъ онъ могъ надѣяться. Онъ рѣшилъ всѣ задачи и вышелъ неоспоримымъ побѣдителемъ изъ всѣхъ столкновеній.... Чего жъ бы еще кажется? Можно теперь торжествовать; можно вернуться къ Василью съ веселымъ лицомъ и сказать: ну, голубчикъ, ты хоть и крѣпко тутъ накутилъ, но успокойся; я, старый твой братъ, не какой нибудь фантазеръ и мечтатель, а человѣкъ практическій. Я тебя духомъ выпутаю изъ всѣхъ твоихъ шалостей, если ты только самъ будешь умница и не станешь упрямиться....

Дѣло однакожъ было немножко не такъ, и Николай Григорьичъ ушолъ домой далеко не веселый. У него сердце щемило, да и не даромъ. Какъ ни практиченъ будь человѣкъ, но раздавить женщину, стараясь о пользѣ кого бы то ни было, даже роднаго брата, дѣло не шуточное, и послѣ такого подвига очень понятно, что будетъ немножко щемить на сердцѣ, потому что она хоть и *падшая*, а все таки ей также больно, какъ и другой, и все таки ее жаль. Къ тому же и дѣло-то не совсѣмъ еще кончено. Богъ знаетъ какъ Василья удастся еще уломать!... Старые аргументы теперь не годятся.... Василій былъ правъ, когда говорилъ, что она *не такая*.... и Николай Григорьичъ по совѣсти долженъ будетъ ему признаться, что онъ былъ правъ. Съ его стороны подло бы было теперь говорить дурно объ этой женщинѣ.... потому, гмъ!... ну да чтожъ тутъ! Надо правду сказать.... потому что она волей неволей заставила его себя уважать!...

Въ такомъ раздумьи Николай Григорьевичъ воротился домой. Василій ждалъ его.... «Гдѣ это онъ оставался такъ долго?... У кого былъ?... У Рыбникова?... Ну что? Какъ?... Говори скорѣе!»

— «Фу! погоди, дай отдохнуть! Усталъ какъ собака!...»

— «А чай пилъ?»

— «Нѣтъ, не пилъ.»

— «Да какъ же такъ? Гдѣ же ты это сидѣлъ?... Эй! Павелъ!... скорѣй самоваръ!...»

Но самоваръ не успѣли еще подать, какъ Василій Григорьевичъ былъ внѣ себя.... «Какъ! ты былъ у Лидіи? Ты ей говорилъ?... Что ты ей говорилъ?... Да ты съ ума сошолъ?... Ты хочешь меня несчастнымъ сдѣлать!... Да ты знаешь ли, что прежде чѣмъ бросать Лидію, я себѣ двадцать разъ голову разможжу!... Я не могу жить безъ нея! Я готовъ для нея на все!...»

Николай попробовалъ было съ нимъ спорить!... Куда!...

Digitized by Google

И слушать не хочетъ!... На стѣну лѣзетъ! Волосы на себѣ рветъ!...

— «Я сейчасъ къ ней пойду. Буду въ ногахъ у нея валяться, просить, чтобы она меня не бросала!... Я въ Засядкино ее увезу.... запишу за ней все имѣніе!... Ея сынъ будетъ мой сынъ.... Положеніе?... положеніе, ты говоришь?... Да плевать я хочу на ея положеніе!... Да если бъ оно было еще во сто разъ хуже, я бъ и тогда не разстался съ ней! Пусть о насъ думаютъ что хотятъ,—мнѣ дѣла до этого нѣтъ; я мѣднаго гроша не дамъ за все это думанье! Но я кости переломаю первому, кто осмѣлится ее оскорбить, кто на нее хоть посмотритъ косо!...»

Услышавъ такія рѣчи, Николай и рукой махнулъ. Ни разу въ жизни еще онъ не видѣлъ брата въ такомъ неистовствѣ. Онъ понялъ разомъ, что дѣло слишкомъ далеко зашло и что ворочать его назадъ теперь поздно. Все, что онъ могъ надѣяться еще сдѣлать, это дать ему честную, правильную развязку; но какъ это сдѣлать?... Какъ урезонить Васю?...

Онъ бился около часу, прежде чѣмъ ему удалось успокоить брата на столько, что тотъ въ состояніи былъ его слушать.

— «Послушай, Василій,» сказалъ онъ. «Если ужъ такъ, то я тебя уговаривать больше не стану. Дѣлай что хочешь, только дѣлай какъ честные люди дѣлаютъ, а не валяйся публично въ грязи. Любишь женщину, хочешъ съ ней жить, такъ иди съ нею въ церковь, да и обвѣнчайся.»

Василій вытаращилъ на него глаза. Онъ никакъ не ожидалъ отъ брата такой уступки.

— «Гмъ; ты не шутишь, Коля? Ты серьезно мнѣ это говоришь?...»

— «Развѣ такими вещами шутятъ?...» отвѣчалъ Николай... «Да не бѣгай ты ради Бога, какъ ошалѣлый! Сядь, выслушай; ты мнѣ не даешь говорить; а то ты давно бы узналъ, что я вовсе не думаю объ этой женщинѣ такъ дурно, какъ думалъ прежде, покуда ее не увидалъ.... Ее сбили съ толку теоріями, и отъ этого въ головѣ у нея, разумѣется, такая же чепуха какъ и въ твоей; но въ сердцѣ она осталась честною женщиною, и я не теряю еще надежды, что со временемъ....» Но Василій не далъ ему договорить. Онъ бросился къ нему на шею и началъ его обнимать.

— «Вася! Отстань! Пусти! Задушишь, чортъ тебя побери.» кричалъ Николай, пыхтя и стараясь высвободиться.... «Пусти! Ты не знаешь еще.... я тебѣ разскажу:... я былъ у Касимова....»

Они просидѣли до свѣту и кончили тѣмъ, что Василій во всемъ уступилъ Николаю, согласился на все, только съ однимъ

Digitized by Google

условіемъ: чтобы завтра же пойти вмѣстѣ къ Лидіи и сдѣлать ей предложеніе.

Василій долго еще не могъ уснуть; его сильно тревожилъ страхъ: ну а что какъ она разсердится и откажетъ?... Но опасеніе его не сбылось. Его возлюбленная была правда очень удивлена, однакожъ не разсердилась и безъ всякихъ обиняковъ дала согласіе.... Черезъ недѣлю ихъ обвѣнчали въ Знаменской церкви. Свадьба была самая скромная; кромѣ Марьи Петровны, да лицъ прямо участвующихъ въ обрядѣ, да небольшой кучки случайныхъ зрителей, въ церкви не было никого. Шаферомъ молодого былъ Николай Григорьичъ, а молодой Сергѣй Никанорычъ; посаженою матерью Нина Павловна, посаженымъ отцемъ Рыбниковъ. Послѣ вѣнца, всѣ отправились на квартиру Василья Григорьевича, которую трудно было узнать,— такъ онъ ее разукрасилъ по этому случаю. Вечеръ былъ проведенъ очень весело, и гости сидѣли до часу ночи. За ужиномъ Марья Петровна передала Василью Григорьевичу небольшой пакетъ, шепнувъ, чтобы онъ разпечаталъ послѣ. Василій Григорьевичъ понять не могъ, что это такое могло бы быть, и оставшись одинъ, съ нетерпѣніемъ разорвалъ обертку. Изъ нея выпала небольшая записка и какой-то разорванный документъ. Разсматривая этотъ послѣдній, Василій Григорьичъ съ неописаннымъ удивленіемъ узналъ закладную, которую онъ въ прошедшемъ году далъ Касимову въ обезпеченіе сдѣланнаго займа. Записка была отъ Дмитрія Петровича.

«Двадцать пять тысячъ, которые ты у меня занялъ, я дарю «сыну и надѣюсь, что это маленькое имущество сбережено «будетъ до его совершеннолѣтія съ той скрупулезною добро«совѣстностію, какая свойственна всей породѣ Бубновыхъ.

«Твой

«Дмитрій Касимовъ.

— «Лидія!» — закричалъ Василій Григорьичъ; «посмотри!»

Лидія была сильно удивлена, ея мужъ тоже.... Первая мысль Бубнова была ѣхать сейчасъ же къ Касимову и объявить, что сынъ Лидіи теперь его сынъ и что онъ не нуждается ни въ какихъ подаркахъ; но посовѣтовавшись съ женой, онъ бросилъ это намѣреніе. Въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ онъ, — къ чему обижать человѣка напрасно; да и какое право имѣетъ онъ отнимать у малютки то, что стало теперь его законною собственностію? — Не лучше ли обезпечить за нимъ эти деньги? — На другой же день утромъ онъ убѣжалъ куда-то, и воротясь, принесъ Лидіи форменную сохранную росписку, за подписью двухъ свидѣтелей. Она помѣчена была заднимъ чи-

Digitized by Google

сломъ и гласила, что такой-то, Василій Бубновъ, принялъ на сохраненіе отъ Лидіи Алексѣевны Рулевой денегъ, принадлежащихъ ея сыну Дмитрію, 25 т. рублей серебрянною монетою, чеканки такого то года и проч....

Такимъ образомъ всѣ отношенія его къ Касимову развязаны были мирнымъ образомъ, и онъ уже болѣе не сомнѣвался на счотъ цѣли тѣхъ посѣщеній, изъ за которыхъ вышла вся ссора. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ видѣлся съ нимъ, и они помирились.

— Ну что-жъ, теперь можно къ Лидіи?» шутя спросилъ Дмитрій Петровичъ.

Бубновъ покраснѣлъ и замялся.

— «Нѣтъ, — знаешь»..., отвѣчалъ онъ, «ты лучше.... того.... погоди.... Оно пустяки разумѣется; а все таки, знаешь.... на первое время....»

— «Да ну, ну, не приду, не бойся!... Я такъ пошутилъ», перебилъ тотъ смѣясь. — «Ну, а съ журналомъ какъ?» — спросилъ онъ минуту спустя.

Василій Григорьичъ махнулъ рукой.

— «Богъ съ нимъ, совсѣмъ!» — отвѣчалъ онъ. «Сбылъ на руки Иверскому; пусть его дѣлаетъ что угодно.... я ничего и знать не хочу....»

Въ началѣ сентября мѣсяца Бубновы уѣхали изъ Петербурга въ свою деревню. Положено было, неостанавливаясь ни на минуту въ Зѣвскѣ, махнуть прямо въ Засядкино, гдѣ, благодаря неусыпнымъ стараніямъ Лизаветы Ивановны, все приготовлено уже было къ этому времени; но это не удалось. Ихъ караулили въ Зѣвскѣ: литературная слава Василья Григорьича успѣла давно дойти до его земляковъ, сердца которыхъ проникнуты были справедливою гордостью при мысли о томъ, какъ *ихніе* отличаются въ Петербургѣ. Журналъ Бубнова выписывали въ большомъ числѣ экземпляровъ, которые жадно разхватывались и зачитывались въ лоскутья. Вслѣдствіе этого, съ первымъ извѣстіемъ о пріѣздѣ издателя, положено было встрѣтить его торжественно и задать ему что называется *овацію*. Затѣя сохранена была въ строгой тайнѣ, и потому Бубновы не имѣли никакой возможности избѣжать разставленной западни.

Не успѣли они подъѣхать къ городской станціи и выслать свою подорожную, какъ глядь, на деревянномъ крылечкѣ станціоннаго дома появились два господина во фракахъ съ торжественно-улыбающимися физіономіями. Это были двое изъ старыхъ пріятелей и ближайшихъ сосѣдей Бубнова, избранные Зѣвскимъ обществомъ для поздравленія знаменитаго ихъ зем-

Digitized by Google

ляка съ пріѣздомъ и для передачи ему формальнаго приглашенія на обѣдъ, который имѣлъ быть завтра же, въ домѣ дворянскаго клуба... Одинъ изъ нихъ замахалъ руками, другой закричалъ: «Лошадей нѣтъ!... и не будетъ до пятницы!... Не отпрягать!... Вези прямо ко мнѣ!....

Бубновы не вдругъ догадались въ чемъ дѣло; а когда оно разъяснилось, то было ужъ поздно... Пришлось прогостить въ Зѣвскѣ два дня и выдержать званый обѣдъ съ оркестромъ, тостами, спичами, тушами и т. д. Какъ ни конфузно все это было для скромности экс-издателя и редактора *Дѣла*, но онъ не ударилъ въ грязь лицомъ.... Глубоко тронутый общимъ сочувствіемъ своихъ земляковъ, за девятымъ бокаломъ шампанскаго онъ всталъ и сказалъ имъ спичь.

— «Господа!» произнесъ онъ. «Если былъ когда нибудь въ мірѣ человѣкъ награжденный свыше заслугъ, то безъ сомнѣнія это я!...» (Громкіе крики: нѣтъ! напротивъ! нисколько! перебили оратора на минуту, послѣ чего онъ раскланялся и продолжалъ такъ): «Господа! Всякій властенъ конечно думать что ему угодно о моихъ литературныхъ подвигахъ; но никто не можетъ знать лучше меня, какъ ничтожны были они и до какой степени я обязанъ успѣхомъ *Дѣла* многочисленнымъ и даровитымъ сотрудникамъ, принимавшимъ въ немъ дѣятельное участіе. Самаго даровитаго и неутомимаго изъ нихъ, того, который одинъ на могучихъ плечахъ выносилъ, можно сказать, всю тяжесть сложныхъ обязанностей, лежащихъ на представителѣ большаго журнала, къ сожалѣнію съ нами нѣтъ... Господа! Я пью за здоровье моего отсутствующаго товарища и помощника Сергѣя Никаноровича Иверскаго!...»

Всѣ встали; единодушное и могущественное *ура*! потрясло стѣны зданія.... Почтмейстеръ махалъ рукой... Оказалось, что онъ предлагаетъ отправить немедленно телеграфическую депешу въ редакцію *Дѣла*, къ Сергѣю Никаноровичу, съ извѣстіемъ, что за его здоровье пьетъ тостъ все Зѣвское общество... Депеша написана и отправлена въ ту же минуту, покуда громкіе взрывы рукоплесканій заглушали оратора...

— «Господа!» продолжалъ онъ. «Я васъ искренно и горячо благодарю за этотъ лестный для меня знакъ вниманія. Особенно благодарю васъ, добрѣйшій Платонъ Кузмичъ... (онъ протянулъ черезъ столъ руку почтмейстеру, у котораго слезы выступили на глазахъ отъ чрезмѣрной сладости.)... Но если я горько жалѣю, что въ эту торжественную минуту со мною нѣтъ всѣхъ, которые мнѣ помогали въ изданіи *Дѣла*; то я все-таки былъ на столько счастливъ, что одного изъ моихъ сотруд-

Digitized by Google

никовъ и самаго дорогаго для сердца я привезъ къ вамъ сюда.... Господа!... это моя жена, Лидія Алексѣвна!...»

Страшный ревъ заглушилъ его... Послышались крики: Трудъ женщинъ! Эмансипація! Браво! Уррра!... Лидія встала съ ярко-пылающими щеками и раскланялась на всѣ стороны.

Послѣ того, Василій Григорьичь, оставивъ личныя чувства свои на время въ сторону, просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ о цѣли изданія, о направленіи *Дѣла* и проч.... Онъ говорилъ съ полъ-часа и съ большимъ эфектомъ.... говорилъ о прогрессѣ, крестьянской реформѣ и положеніи, о женскомъ трудѣ, о свободномъ трудѣ и наемномъ трудѣ, объ ассоціаціи, общинѣ, о народныхъ школахъ, воскресныхъ въ особенности, и о славной роли, какую играла литература во всѣхъ этихъ важныхъ вопросахъ... Къ сожалѣнію, эта интересная часть его рѣчи была такъ часто и такъ безразсудно перебиваема рукоплесканіями, что никто изъ присутствующихъ не успѣлъ ничего разслушать путемъ. Послѣднее обстоятельство впрочемъ имѣло свою хорошую сторону, потому что издатель *Дѣла* вернулся къ себѣ на родину, зараженный по горло такими идеями, которыя, если бъ ему удалось высказать ихъ на обѣдѣ хоть сколько нибудь понятно и связно, могли бы сильно вооружить противъ него огромное большинство его слушателей. Но судьба, всегда пекущаяся о беззащитныхъ и кроткихъ сердцемъ, спасла его отъ скандала. Онъ миновалъ всѣ подводные камни и достигъ благополучно до пристани. Конецъ его рѣчи былъ заглушонъ неистовымъ взрывомъ восторга. Оркестръ игралъ тушъ; рукоплесканіямъ, возгласамъ, тостамъ казалось конца не будетъ.

Такимъ образомъ встрѣтили въ Зѣвскѣ Василья Григорьича, и подробности этой встрѣчи напечатаны были въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, въ параграфѣ частной корреспонденціи, начинавшемся такъ: «*Намъ пишутъ изъ Зѣвска,*» и проч. и проч.... Съ этой минуты, литературная слава Бубнова была упрочена.... Находились, конечно, завистники и въ Петербургѣ и въ Зѣвскѣ, которые позволяли себѣ сомнѣваться въ ея дѣйствительности, порицая при этомъ, какъ водится, и частную жизнь литератора.... Говорили о немъ напримѣръ, что деньги, употребленные имъ на изданіе, онъ получилъ отъ какого-то золотопромышленника или откупщика, въ видѣ вознагражденія за то, что женился на старой его любовницѣ, и что будто бы за него другіе работали, а онъ самъ не только что не писалъ, но не способенъ и написать ничего; наконецъ, что проживъ цѣлый годъ въ тѣснѣйшей связи съ передовыми людьми нашего времени, онъ въ корнѣ души и въ сущности убѣжде-

Digitized by Google

ній былъ и есть человѣкъ *отсталой*.... Но все это злорѣчіе не выдерживаетъ ни малѣйшей повѣрки. Мы знаемъ, что это былъ за откупщикъ и въ какихъ отношеніяхъ находился къ нему Бубновъ. А что касается до женитьбы его, то объ этомъ можно пожалуй что хочешь думать, но есть одинъ несомнѣнный фактъ, о который всякая клевета должна сокрушиться. Это тотъ фактъ, что зѣвскія дамы извѣстны своею строгою разборчивостью въ дѣлѣ приличія, и что если бы съ этой стороны въ женѣ Бубнова была какая *фальшъ*, то ее не преминули бы отъискать и обнаружить, и тогда никакая литературная слава не купила бы ихъ расположенія. Ходили конечно слухи, которымъ иные вѣрили, ожидая увидѣть какую-то стриженную нахальную бабу въ мужскихъ штанахъ, съ короткими юбками, или даже совсѣмъ безъ оныхъ.... фи! какой ужасъ, и проч.... Но все это оказалось вздоръ, пустыя фантазіи, и достаточно было одного появленія Лидіи Алексѣевны, чтобы разсѣять ихъ совершенно.... Ее увидѣли и не нашли въ ней рѣшительно ничего, не только безнравственнаго, но даже и неприличнаго.... Дама какъ дама; такъ себѣ, молода, недурна, волосы носитъ гладко причесанные, но такія же длинные, какъ и всѣ, и кринолинъ, и юбки длинныя, и обращеніе *комильфо*.... Чего же еще болѣе?... Ее обласкали и полюбили....

Столь же несправедливы и злыя попытки набросить сомнѣніе на литературную способность Бубнова.... Ничего самъ не дѣлалъ, говорятъ, другіе работали за него?... Помилуйте, да чтобъ выбрать этихъ другихъ и сгруппировать ихъ вокругъ себя и связать въ одно цѣлое, развѣ на это не нужно способностей?... Самъ ничего не писалъ?... И то вздоръ. Что онъ былъ способенъ писать, то лучшее этому доказательство двадцать листовъ его дневника, которые не были до сихъ поръ напечатаны разумѣется, но это ужъ не его вина! А что онъ не писалъ для журнала, такъ что жъ изъ того? Не писалъ потому, что въ томъ нужды не было, а вовсе не потому, чтобы не могъ.... Наконецъ, говорятъ—*отсталой*!... Оно легко говорить и говорится часто, а если по правдѣ сказать, то вѣдь кто же изъ насъ не отсталъ, господа?... Вы, что ли, милостивый государь?... А ну-ка, попробуйте, подберите фалды и махните впередъ.... посмотримъ, какъ вы скоро бѣгаете?... Или можетъ быть вы не любите метафорическихъ выраженій?... Въ такомъ случаѣ сядьте и напишите статейку о какомъ нибудь современномъ вопросѣ.... и если вамъ черезъ мѣсяцъ не докажутъ какъ дважды два, что вы отстали, тогда нечего дѣлать, согласимся пожалуй и мы, что Василій Григорьичъ Бубновъ—человѣкъ *отсталой*.

Николай Ахшарумовъ.

Digitized by Google

ДРЕВНІЯ РЕЛИГІИ

Эрнеста Ренана.

Критика родилась въ наше время, и только самая тонкая критика можетъ замѣтить настоящую важность изученія религій, внѣ всякаго догматизма и всякой полемики. Если человѣкъ имѣетъ значеніе, то потому только, что возвышаясь надъ вульгарностью жизни, онъ достигаетъ своими нравственными и умственными способностями до міра высшихъ воззрѣній и безкорыстныхъ наслажденій. Религія—это область идеала въ человѣческой жизни; она вся въ этомъ словѣ: человѣкъ живетъ не единымъ хлѣбомъ.

Знаю, что есть другая сила, имѣющая притязаніе резюмировать въ себѣ духовную жизнь человѣчества, и не время теперь говорить о ней дурно; но сказать, что философія не годится для большинства, не значитъ отрицать философію, напротивъ, ставить ее на настоящее мѣсто, единственное, на которомъ она будетъ высока, сильна, непобѣдима. На сколько философія величественна, если смотрѣть на нее въ сонмѣ мудрыхъ, на столько-же она незамѣтна, если смотрѣть на нее какъ на фактъ исторіи человѣчества. Можно сосчитать облагороженныя ею души, написать на четырехъ страницахъ исторію малочисленной аристократіи, собравшейся подъ ея знаменемъ въ древнемъ мірѣ. Остальные-же, предавшись потоку своихъ мечтаній, страховъ и очарованій, безпорядочно неслись по опаснымъ долинамъ инстинкта и бреда, отыскивая причину дѣйствій и вѣрованій единственно въ призракахъ своего мозга и въ біеніяхъ собственнаго сердца.

Digitized by Google

Такъ какъ религія народа есть полнѣйшее выраженіе его индивидуальности, то въ этомъ смыслѣ, она поучительнѣе исторіи. И дѣйствительно, исторія народа не вполнѣ принадлежитъ ему: она заключаетъ въ себѣ случайную или роковую сторону, не зависящую отъ націи и даже иногда стѣсняющую ея естественное развитіе; религіозное же преданіе есть собственное и исключительное дѣло генія каждаго племени. Напримѣръ, Индія не оставила намъ ни одной строки собственно исторіи. Ученые сожалѣютъ объ этомъ и готовы купить на вѣсъ золота какую нибудь хронику, какое нибудь перечисленіе царей; въ дѣйствительности-же, мы имѣемъ гораздо лучшее: у насъ есть ея поэма, ея миѳологія, ея священныя книги; у насъ ея душа. Въ исторіи, мы нашли бы нѣсколько сухо разсказанныхъ фактовъ, настоящій характеръ которыхъ съ трудомъ-бы схватила критика; басня-же даетъ намъ, точно въ отпечаткѣ, вѣрное изображеніе ея чувствованій и мышленія, ея моральный портретъ, написанный ею самой.

И такъ, то что XVIII вѣкъ считалъ собраніемъ предразсудковъ и мелочей древняго міра, стало, въ глазахъ болѣе полной философіи исторіи, любопытнѣйшимъ документомъ прошедшаго человѣчества. Изученія, считавшіяся прежде принадлежностью поверхностныхъ умовъ, возвысились до уровня высшихъ умозрѣній и книга, служащая истолкованіемъ басенъ, которыя Бель (Bayle) считалъ годными только для забавы дѣтей, заняла мѣсто въ числѣ самыхъ серьозныхъ сочиненій нашего вѣка.

Чтобъ оцѣнить всю важность этой книги,—мы хотимъ говорить о пространной миѳологической энциклопедіи, которую одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей французской учености сгруппировалъ вокругъ недавно оконченнаго перевода *Символики* доктора Крейцера (*) — нужно возвратиться къ тому времени, когда предприняты были похвальныя усилія перенести къ намъ цѣлый рядъ изученій, такъ процвѣтавшихъ у нашихъ сосѣдей и которыми мы такъ пренебрегали. Когда появился въ 1825 году первый томъ *Религій древности*, онъ совпадалъ съ движеніемъ любопытства, волновавшаго тогда умы и понуждавшаго ихъ искать въ лучше-понятой исторіи разрѣшенія задачь, которыя увлекаютъ просвѣщенную часть общественнаго мнѣнія. Подобные труды рѣдко оканчиваются среди движенія, съ которымъ встрѣ-

(*) Religions de l' antiquité considérées principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques, du D-r. Fr. Creuzer, ouvrage traduit et refondu par J. D. Guigniaut. 10 vol in-8° Paris 1825—1851.

Digitized by Google

чено было ихъ появленіе; но если послѣдніе томы *Religions de l'antiquité* не встрѣтили публики, исполненной того-же рвенія и надеждъ, съ какими встрѣчены были первые, то по крайней мѣрѣ доказали, что ничего не измѣнилось въ усердіи ученаго, который, впродолженіи четверти вѣка, былъ истолкователемъ одной изъ важнѣйшихъ вѣтвей нѣмецкой эрудиціи; и никто не станетъ оспоривать у него названія возобновителя миѳологическихъ изслѣдованій во Франціи.

Переводчикъ Символики нашолъ у насъ эти науки на самой низкой степени. Это было время, когда г-нъ Петъ-Радель съ важностію разсуждалъ о приключеніяхъ пѣровы Іо и сводилъ въ своемъ мемуарѣ синоптическую таблицу любовниковъ Елены, сравнивая ихъ лѣта съ лѣтами *de cette princesse*. Германія-же напротивъ, посвященная въ познаніе древности великой генераціей Вольфовъ и Гейне, ктомуже такъ близкая по своему генію къ религіознымъ воззрѣніямъ первыхъ вѣковъ, обладала уже превосходными сочиненіями о древнихъ миѳологіяхъ и о способѣ ихъ истолкованія. Прежде всего, нужно было наверстать пропущенное пол-столѣтіе и сдѣлать доступными сокровища здравой эрудиціи, которыя собрала Германія, между тѣмъ какъ Франція все держалась традицій поверхностной критики XVIII-го вѣка. Символика г-на Крейцера говорила сама за себя своими величественными пропорціями, европейской репутаціей, возвышенностью взглядовъ, высокой философіей и ученостью, которую выказалъ въ ней авторъ. Г. Гиньо понялъ однакожъ, что переводъ одного сочиненія, которое въ нѣкоторыхъ подробностяхъ уже отстало отъ новѣйшихъ трудовъ, не вполнѣ осуществитъ его цѣль. Поэтому онъ рѣшился собрать вокругъ книги Крейцера результаты трудовъ параллельныхъ или позднѣйшихъ, однимъ словомъ,—сдѣлать изъ текста Символики ткань обширнаго синтеза, охватывающую всѣ миѳологическія науки Германіи. Мнѣніе ученой Европы объ этомъ планѣ и его исполненіи произнесено уже давно. Франція признала въ немъ образецъ труднаго дѣла знакомить насъ съ произведеніями нѣмецкой науки; Германія, съ своей стороны, выказала самое сильное одобреніе этому французскому изданію тѣмъ, что сама приняла, во всѣхъ важныхъ пунктахъ, измѣненія внесенныя переводчикомъ. Книга г-на Гиньо, твердо доведенная до конца, не смотря на различныя, иногда весьма трудныя обстоятельства, сдѣлалась настольной книгой, нетолько антикварія и филолога, но и всѣхъ пытливыхъ умовъ, которые признаютъ, что исторія религій есть одинъ изъ

Digitized by Google

существеннѣйшихъ элементовъ исторіи человѣческаго духа, т. е. настоящей философіи.

I.

Религіи такъ тѣсно соединены съ сокровеннѣйшими фибрами человѣческаго сознанія, что почти невозможно разъяснить ихъ при извѣстномъ отдаленіи. Усилія самой утонченной критики не могли-бы исправить ложнаго положенія, въ которомъ мы находимся относительно этихъ первобытныхъ твореній. Полныя жизни, смысла, истины для народовъ оживлявшихъ ихъ своимъ дыханіемъ, въ нашихъ глазахъ онѣ не болѣе какъ мертвыя буквы, іероглифы безъ ключа; созданныя совокупнымъ усиліемъ всѣхъ способностей, дѣйствовавшихъ съ совершенной гармоніей, для насъ онѣ не болѣе какъ предметъ любопытнаго анализа. Чтобы написать исторію миѳологіи нужно не вѣрить ей болѣе, но нерождить вѣру въ нее; хорошо понимается только культъ, вызвавшій въ человѣкѣ первое стремленіе къ идеалу. И такъ, намъ всегда будетъ недоставать самаго существеннаго условія для оцѣнки религій древности; потому что для этого нужно-бы было жить среди этихъ религій или по крайней мѣрѣ возродить въ себѣ представленіе ихъ съ такой глубиною, къ которой едва-ли способенъ самый высшій историческій геній. Какія-бы усилія мы ни дѣлали, намъ никогда не отказаться совершенно искренно отъ всѣхъ новѣйшихъ идей такъ, чтобы не находить нелѣпымъ и недостойнымъ вниманія серьознаго человѣка того собранія басенъ, которое обыкновенно выдаютъ за вѣрованія Греціи и Рима. Людямъ мало знакомымъ съ историческими науками, весьма удивительно видѣть, что народы, которыхъ имъ представляютъ главами человѣческаго развитія, обожали пьяныя и развратныя божества и допускали въ религіозные догматы разсказы скандалёзныхъ похожденій. Самые простоватые считаютъ себя вправѣ пожать плечами при такомъ странномъ ослѣпленіи. Нужно однакожъ отправляться отъ того принципа, что человѣческій умъ никогда не бываетъ намѣренно нелѣпымъ и если самородныя созданія мысли кажутся намъ безсмысленными, то потому только, что мы не умѣли понять ихъ. Если племя выказало настолько смысла, чтобъ оставить намъ такія произведенія, какъ оставила Греція, привести въ исполненіе такой политическій планъ, какъ Римское всемірное владычество, не странно-ли бы было, что съ другой

Digitized by Google

стороны оно остается на уровнѣ народовъ, преданныхъ грубѣйшему фетишизму? Не вѣроятно-ли, что будь мы дѣйствительно поставлены на точку зрѣнія древнихъ, то мнимая нелѣпость исчезла-бы и мы признали-бы, что ихъ басни, какъ и всѣ созданія человѣческой природы, имѣютъ въ чемъ нибудь причину существованія? Здравый смыслъ не бываетъ одностороненъ и невѣроятно, чтобы народы, показавшіе столько силы въ гражданской и политической жизни, въ искуствѣ, поэзіи и философіи, не возвысились въ религіи надъ культами, нелѣпость которыхъ возмущаетъ въ наше время даже дѣтскій разсудокъ.

Впрочемъ, это недоразумѣніе очень старо и не въ одно новѣйшее время паганизмъ началъ быть предметомъ превратнаго пониманія. Очевидно, что сами древніе перестали понимать свою религію и что старые миѳы, возникшіе изъ первобытнаго воображенія, рано утратили всякое значеніе. Мысль составить изъ этихъ почтенныхъ басенъ хронологическій сборникъ, родъ законченной и забавной исторіи, возникла не у Боккачіо или Демутье. Овидій осуществилъ ее и не въ такой плохой книгѣ, какъ *письма къ Эмиліи*. Не хочу отрицать прелести этой безконечной гирлянды остроумныхъ разсказовъ и пикантныхъ метаморфозъ; но какая профанація играть такимъ образомъ символами освященными временемъ и въ которыхъ человѣкъ выразилъ свои первыя воззрѣнія на божественный міръ! Намѣреніе Маскариля переложить въ мадригалы всю римскую исторію было разумнѣе чѣмъ предпріятіе: перерядить древніе теологумены въ двусмысленныя сказки, столь-же похожія на первобытные миѳы, какъ старые бумажные цвѣты, запыленные и пожелтѣвшіе, походятъ на полевые цвѣты.

А между тѣмъ таковъ былъ пріемъ всѣхъ миѳографовъ относительно древняхъ религій, даже почти и въ наше время. *Миѳологія* (этимъ именемъ называли компиляцію смѣшныхъ и почти всегда непристойныхъ разсказовъ) сдѣлалась рядомъ *біографій*, гдѣ подъ извѣстной рубрикой разсказывалась не совсѣмъ поучительная жизнь Меркурія, вѣтренности Венеры, семейныя сцены Юпитера и Юноны. Вмѣсто того чтобы сожалѣть, что нашъ вѣкъ нападаетъ на подобное употребленіе этихъ басенъ, слѣдуетъ удивляться, какъ столько утонченныхъ умовъ XVII-го и XVIII-го столѣтія не почувствовали его пошлости.

Когда наука начала серьозно заниматься разъясненіемъ древнихъ символовъ, попытки ея, по крайней мѣрѣ во Франціи, были несовсѣмъ счастливы. Франція не есть страна миѳологическихъ наукъ: французскому уму не достаетъ той гибкости, той легкости возсоздавать воз-

Digitized by Google

зрѣнія первыхъ вѣковъ, какая необходима для пониманія древнихъ религій. Ученые старой школы, Жанъ Леклеркъ, Банье, Ларше, Клавье, Пети-Радель, не возвышались далѣе грубаго Эвемеризма (*) или системы аллегорическихъ объясненій, не менѣе поверхностныхъ. Критики, вдохновившіеся философіей XVIII-го вѣка, Буланже, Бельи, Дюпюи покинули эту методу для еще менѣе удовлетворительнаго символизма. Сент-Круа внесъ въ изученіе мистерій болѣе основательную учоность, но не менѣе слабую проницательность, какъ и его предшественники. Наконецъ Эмерикъ-Давидъ далъ въ своемъ *Юпитерѣ* лучшій цвѣтъ французской символики. Его система очень проста; это самый крайній *аллегоризмъ*. «Миѳологія есть собраніе загадокъ, способныхъ разъяснить сущность боговъ и религіозныхъ догматовъ людямъ, которые проникнутъ въ ихъ тайну. Слово разгадки—религіозный догматъ. И такъ, если вмѣсто имени Аполлона, мы скажемъ *солнце*, вмѣсто Амфитриды—*море*, все будетъ сказано, потому что слово разгадки всегда одно. Стараясь потомъ найти религіозные догматы, скрывающіеся подъ этими загадками, Эмерикъ-Давидъ находитъ ихъ семь и они-то резюмируютъ всю греческую теологію. Такимъ образомъ миѳологія есть родъ катехизиса *въ ребусахъ*: басни были *выдуманы* только для прикрытія догматовъ; каждая имѣетъ очень ясный и опредѣленный смыслъ. Какимъ образомъ эта энигматическая форма способствовала тому, чтобы сдѣлать догматъ понятнѣе? Для чего человѣческому уму, обладавшему ясной идеей, вздумалось объяснять ее идеей гораздо болѣе темной? Какъ могла цѣлая раса увлекаться этой любовью къ логогрифу единственно ради самого логогрифа? Этого не слѣдуетъ спрашивать у Эмерика-Давида. Развѣ Локке не училъ, что человѣческій умъ переходитъ отъ простого къ сложному, что для соединенія двухъ идей, нужно сперва получить каждую изъ нихъ отдѣльно. Утверждать, что въ человѣческомъ умѣ понятіе объ означаемой вещи не предшествуетъ понятію о знакѣ, что непосредственный человѣкъ создаетъ символъ, не сознавая въ точности, что онъ въ него влагаетъ, разумѣется значило-бы говорить языкомъ непонятнымъ для того времени, когда были убѣждены, что человѣческій умъ всегда дѣйствовалъ по правиламъ, начертаннымъ аббатомъ Кондильякомъ.

(*) Извѣстно, что Эвемеръ видѣлъ въ древнихъ богахъ обоготворенныхъ людей.

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ во Франціи старались разъяснить религіи древности по своей поверхностной философіи, Германія проникала въ нихъ нетолько съ помощью своей основательной учоности, но и по аналогіи своего генія. Гете ставилъ Олимпъ центромъ своей поэтической жизни. Лессингъ и Винкельманъ, даже Іудей Гердеръ открывали въ античныхъ культахъ религію красоты. Герресъ искалъ въ ней основаній своему мистицизму; Шеллингъ не считалъ разсужденія о богахъ Самоѳраційскихъ несовмѣстными съ своими тогдашними трудами по трансцендентальной философіи. Цѣлая толпа филологовъ и антикваріевъ старалась найти въ письменныхъ и аллегорическихъ памятникахъ древности смыслъ великой загадки, завѣщанной наукѣ первобытнымъ міромъ. Совокупленіемъ всѣхъ этихъ фактовъ и системъ явился, въ 1810—1812 годахъ, трудъ, въ которомъ должно было сосредоточиться все первое движеніе миѳологическихъ наукъ, *символика* доктора Крейцера. Великимъ поученіемъ было собраніе въ первый разъ, въ научномъ *Пантеонѣ*, всѣхъ боговъ древняго человѣчества, индійскихъ, египетскихъ, персидскихъ, финикійскихъ, этрусскихъ, греческихъ, римскихъ. Постоянное величіе, пониманіе высшихъ судебъ человѣчества, которыми отличалась вся эта книга, доказывали, что совершился великій переворотъ и что за вѣкомъ, невѣрующимъ вслѣдствіе исключительной потребности анализа, послѣдуетъ лучшая школа, помирившаяся посредствомъ синтеза со всей человѣческой природой.

Справедливо, въ особенности относительно историческихъ наукъ, что достоинства извѣстной манеры бываютъ и ея недостатками, и то, что составляетъ истину и силу системы, составляетъ также ея затрудненіе и слабость. Этотъ мистическій энтузіазмъ, первый порывъ *натурфилософіи*, нарождавшейся тогда въ Германіи, эта симпатическая манера, свидѣтельствующая о настоящемъ прогрессѣ миѳологическихъ наукъ, если сравнить ее съ холодными и поверхностными разсужденіями французской школы, должна была имѣть свои крайности и, нѣкоторымъ образомъ, свое опьяненіе. У г-на Крейцера всѣ недостатки его Александрійскихъ учителей: символическое преувеличеніе, излишкомъ явная тенденція всюду искать таинственнаго, иногда самый неумѣренный синкретизмъ (сближеніе взглядовъ). Ямвлихій рядомъ съ Гезіодомъ, Нонкъ рядомъ съ Гомеромъ являются на одной и той-же страницѣ, для разъясненія одного и того-же миѳа. Александрійцы въ его глазахъ хорошіе истолкователи, настоящіе реставраторы паганизма,

Digitized by Google

часто доходившіе философскими воззрѣніями до первоначальнаго смысла догматовъ; даже и орфики, такъ заподозрѣваемые въ шарлатанизмѣ, сохранили духъ первоначальной религіи. Для г-на Крейцера кажется не существуетъ времени. Онъ слишкомъ высоко ищетъ своихъ разрѣшеній, потому что самъ стоитъ слишкомъ высоко, потому что у него нѣтъ чутья простой, наивной, дѣтской жизни, чувственной и въ то же время божественной, которую вели первыя индоеллинскія племена. Нужно душу, проникнутую поэзіей, чтобы понять восхитительный бредъ, который почувствовалъ въ первый разъ человѣкъ этихъ племенъ при видѣ природы и самого себя. По привычкѣ находить всюду разумное, мы упорно ищемъ глубокихъ комбинацій тамъ, гдѣ былъ только инстинктъ и фантазія; серьозные и положительные, мы истощаемъ свою философію, преслѣдуя нить дѣтскихъ грёзъ.

Греческая миѳологія, или, въ болѣе общемъ смыслѣ, миѳологія индо-европейскихъ народовъ, въ своемъ первомъ стремленіи есть ничто иное какъ отраженіе ощущеній молодыхъ и нѣжныхъ органовъ, безъ всякой примѣси догматическаго, теологическаго, опредѣленнаго. Искать точнаго смысла въ этихъ грёзахъ золотого вѣка почти то же, что объяснять звукъ колокола, искать правильныхъ фигуръ въ облакахъ. Первобытный человѣкъ видѣлъ природу глазами ребенка, а ребенокъ переноситъ на всѣ предметы то чудесное, которое находится въ немъ самомъ. Прелестное маленькое опьяненіе отъ жизни, отъ котораго у него кружится голова, заставляетъ его видѣть міръ сквозь нѣсколько цвѣтной туманъ; бросая на все любопытный и радостный взоръ, онъ всему улыбается и все ему улыбается. Охлажденные опытомъ, мы не ждемъ уже ничего слишкомъ необыкновеннаго отъ безчисленной комбинаціи вещей; но ребенокъ не знаетъ, что̀ можетъ выйти изъ партіи костей, которыя передъ нимъ бросаютъ—онъ болѣе вѣритъ въ возможное, потому что менѣе знакомъ съ дѣйствительнымъ. Отсюда его радости и его опасенія; онъ создаетъ себѣ фантастическій міръ, который то восхищаетъ, то пугаетъ его. Онъ вѣритъ своимъ мечтамъ; у него нѣтъ того настойчиваго анализа, который въ лѣта разсудка дѣлаетъ насъ холодными наблюдателями дѣйствительности. Такимъ былъ первобытный человѣкъ. Еще тѣсно связанный съ природой, онъ разговаривалъ съ нею и слышалъ ея голосъ; эта праматерь, съ которой онъ еще соединенъ былъ по естеству, казалась ему живой и одушевленной. При видѣ явленій физическаго міра, онъ ощущалъ различныя впечатлѣнія, которыя, вылившись въ его воображеніи,

Digitized by Google

становились его богами. Онъ обоготворялъ свои ощущенія, или, лучше сказать, темный и неизвѣстный предметъ своихъ ощущеній, потому что, при его неумѣньи отличить объектъ отъ субъекта, міръ былъ онъ самъ, а самъ онъ былъ міромъ.

При видѣ моря, напримѣръ, его чарующихъ линій, его то блестящихъ, то мрачныхъ цвѣтовъ, чувства неопредѣленности, тоски, безконечности, страха и красоты возникавшія въ его сердцѣ, открывали ему цѣлый сонмъ боговъ меланхолическихъ, капризныхъ, многообразныхъ, неуловимыхъ. Совершенно различны были впечатлѣнія и божества горъ отъ впечатлѣній земли, огня, волкановъ, атмосферы и ея разнообразныхъ явленій. Вся природа отражалась такимъ образомъ въ первобытномъ сознаніи посредствомъ божествъ еще безъ названія.

«Кажется, говоритъ г-нъ Крейцеръ, что имѣешь дѣло не съ людьми подобными намъ, а со стихійными духами, одаренными чудеснымъ провидѣніемъ самой сущности вещей, какъ бы магнетическою силою все чувствовать и все понимать! Отсюда таинственныя племена Телхиновъ Радосскихъ, Куретовъ Критскихъ, Дактиловъ Фригійскихъ, Карциновъ и Синтійцевъ Лемносскихъ, Кабировъ Самоѳракійскихъ, племена экстатическія и магическія, состоящія подобно Скандинавскимъ Trolls, въ прямомъ сношеніи съ силами природы.—Все, что поражало человѣка, возбуждало въ его душѣ впечатлѣніе божественнаго, было богомъ или элементомъ бога: большая рѣка, высокая гора, замѣчательная звѣзда по своему блеску или особенностямъ пути, тысячи предметовъ, символическій смыслъ которыхъ исчезъ для насъ. Разсмотрите мѣста, которыя въ древности считались священными: вамъ почти всегда будетъ невозможно опредѣлить, почему бы присутствіе божества могло предполагаться здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Эти мѣста, независимо отъ соединенныхъ съ ними воспоминаній, не многое говорятъ намъ. Капитолій, какъ простой холмъ, не имѣетъ характера. Авернское озеро, такъ поразившее воображеніе древнихъ, производитъ на насъ только впечатлѣніе граціознаго маленькаго ландшафта.

Пытаться схватить нить первыхъ религіозныхъ воззрѣній и описать капризные изгибы воображенія въ этихъ нѣжныхъ созданіяхъ, для которыхъ человѣкъ и природа поставляли матеріалы съ самымъ неразрывнымъ согласіемъ, было бы также невозможно, какъ отыскать слѣды птицы въ воздухѣ. Историческій фактъ, нравственная мысль, взглядъ на явленія атмосферическія, геологическія, астрономическія, сильное ощущеніе, страхъ, выражались миѳомъ. Самый языкъ, какъ говоритъ

Digitized by Google

г—нъ Крейцеръ, былъ отцомъ боговъ и героевъ. То, что по видимому есть черта утонченнаго ума, игра словъ, каламбуръ были обыкновенными пріемами первобытной миѳологіи. Многіе важные миѳы древности основываются только на фальшивыхъ этимологіяхъ, на искаженіяхъ подобныхъ тѣмъ, какими иногда забавляется воображеніе дѣтей: доказательство—плечо изъ слоновой кости Пелопса, *Дрепанъ* и серпъ Цереры, Тарсъ и крылья на ногахъ Персея. Иной разъ безсмыслицы, очевидныя ошибки порождали фантастическіе разсказы. Такимъ образомъ египетская урна, *Канопъ* съ человѣческой головою, изображеніе которой вѣроятно поразило первыхъ грековъ, путешествовавшихъ по Египту, обратилась въ греческаго героя, помогавшаго при осадѣ Трои. Герой Кантаръ тоже ведетъ начало отъ кантара или кружки для питья и былъ въ одно время сосудомъ и товарищемъ Бахуса.

Часто наконецъ, сцѣпленіе идей почти неуловимое, требованія гармоніи, подобныя тѣмъ, которыя опредѣляютъ контуры арабесковъ, служили поводомъ къ составленію этихъ странныхъ басень. Почему Нептунъ и лошадь, Венера и море всегда соединяются вмѣстѣ? Быть можетъ причиной этого соединенія безконечная грація водяной стихіи, колебанія ея контуровъ, гармоническое соотношеніе, въ которомъ ея полукруги сходятся съ гибкими линіями самаго красиваго типа животной природы.

Очевидно невозможно установить какую-либо классификацію между этими богами, собранными со всѣхъ концовъ вселенной. Неопредѣленность смысла при совершеннѣйшей опредѣленности формы, таковъ существенный характеръ греческаго искусства и миѳологіи. Миѳологія есть второй языкъ, возникшій подобно первому изъ отголоска природы въ сознаніи, столь же недоступный анализу, какъ и первый, но тайна котораго открывается тому, кто умѣетъ понимать скрытыя силы творчества, невидимую связь природы и души, постоянный іероглифизмъ, на которомъ основано выраженіе человѣческихъ чувствъ. Каждый богъ является намъ такимъ образомъ какъ оконченный циклъ, рядъ идей, тонъ гармоніи вещей. Не достаточно говорить съ старой аллегорической школой: *Минерва есть мудрость, а Венера красота*. Минерва и Венера это женская природа, взятая съ этихъ двухъ сторонъ, стороны спиритуалистической и уважаемой, и стороны эстетической и сладострастной. Еслибы Меркурій былъ только богомъ воровъ, а Бахусъ богомъ вина, какъ обыкновенно говорятъ дѣтямъ, это были-бы очень посредственные вымыслы, бѣдныя реторическія фигуры, которыя слѣ-

Digitized by Google

дуетъ предоставить Буало; но древность никогда не поклонялась такимъ грубо-ничтожнымъ божествамъ. Меркурій есть человѣческая природа, взятая въ ея дѣятельности и промышленности, это богъ прекрасный по своей силѣ и ловкости. Напротивъ всѣ идеи юности, удовольствія, сладострастія, смѣлыхъ похожденій, легкихъ побѣдъ, ужасныхъ вспышекъ группируются вокругъ Бахуса. Это блестящая сторона жизни, это любимое дитя нимфъ, всегда молодой, прекрасный, счастливый, осыпаемый ласками и поцѣлуями; его томность, не столь чистыя формы, его полнота и женственный типъ указываютъ на менѣе благородное происхожденіе. Сравнительно съ греческимъ богомъ по преимуществу, Аполлономъ, это иностранецъ, не смотря на долгое пребываніе въ Греціи не утратившій своего азіатскаго вида; онъ одѣтъ въ длинной мантіи, потому что боится ходить нагимъ; на головѣ у него восточная шапка, потому что однихъ волосъ не достаточно чтобы увѣнчать его.

Одинъ изъ миѳовъ, по моему мнѣнію всего болѣе способный объяснить эту крайнюю сложность, эти безчисленныя противорѣчія античныхъ басенъ, есть миѳъ Главка, миѳъ скромный, миѳъ бѣдныхъ людей, но именно поэтому болѣе сохранившій свой первобытный и популярный характеръ. Тѣ, которые провели дѣтство на берегу моря знаютъ, какое сцѣпленіе идей глубокихъ и поэтическихъ является при видѣ оживленной картины берега. Главкъ есть олицетвореніе и совокупленіе этихъ впечатлѣній и вѣрованій, богъ, созданный матросами, въ которомъ соединяется вся поэзія морской жизни, въ томъ видѣ какъ она представляется бѣднякамъ. Онъ удрученъ старостью; въ отчаяніи онъ бросается въ море и дѣлается прорицателемъ несчастія, печальнымъ старикомъ, котораго встрѣчаютъ иногда съ тѣломъ измытымъ водою, покрытымъ раковинами и морскими растеніями. По другимъ сказаніямъ, онъ бросился въ море, потому что не могъ доказать своего безсмертія. Съ этой поры онъ ежегодно появляется на берегу и на островахъ. Вечеромъ, когда поднимается вѣтеръ, Главкъ (т. е. сѣроватая волна) встаетъ и произноситъ громкія прорицанія. Рыбаки ложатся на дно своихъ лодокъ и стараются отвратить грозящія имъ бѣдствія молитвою и куреніями. Между тѣмъ Главкъ, взобравшись на утесъ, на языкѣ воловъ, посылаетъ угрозы ихъ полямъ и стадамъ и сѣтуетъ на свое безсмертіе. Повѣствуютъ также и о его любви, любви печальной, окончившейся какъ дурной сонъ. Онъ полюбилъ прекрасную морскую дѣву, по имени Сциллу;

Digitized by Google

однажды, чтобъ умилостивить ее, онъ принесъ ей раковинъ и маленькихъ неоперившихся птицъ. Она видѣла его слезы и сжалилась надъ нимъ; но Цирцея, изъ ревности, отравила воду, въ которой купалась Сцилла, и она сдѣлалась лающимъ чудовищемъ, олицетвореніемъ естественнаго ужаса, внушаемаго опасностями Сицилійскаго моря. Съ этой минуты, бѣдный Главкъ остался навсегда человѣкомъ, злымъ, ворчливымъ, недоброжелательнымъ. Статуи его дѣлаются съ бородою изъ морскихъ травъ, съ тупымъ взглядомъ и нахмуренными бровями. Амуры потѣшаются на его счетъ — одинъ дергаетъ его за волосы, другой даетъ ему пощечину. Иногда онъ бываетъ Главкой, *glauce*, т. е. зеленовато-голубымъ цвѣтомъ, который имѣетъ море въ неглубокихъ мѣстахъ, на бѣломъ пескѣ. Цвѣтъ моря дѣлается такимъ образомъ женщиной, какъ курчавая верхушка волнъ сѣдою головою Грей, путающихъ матросовъ. Иной разъ, онъ обращается въ Сирену, привлекающую людей своими прелестями и держащую въ каждой руки по юношѣ, или въ ястреба, спускающагося въ море за добычей.— Соберите всѣ разсказы приморскихъ жителей, примѣшайте къ нимъ отрывочныя грёзы матроса и вы получите миѳъ Главка: меланхолическую сосредоточенность, тяжелые и безобразные сны, живое ощущеніе всѣхъ явленій, зарождающихся въ волнахъ, постоянное безпокойство, опасность всюду, искушеніе всюду, невѣрную будущность, сильную вѣру въ фатумъ. Главкъ есть и цвѣтъ и шумъ моря, бѣлѣющая волна, отраженіе неба на гребняхъ волнъ, вечерній вѣтеръ, предсказывающій завтрашнюю бурю, неизвѣстная личность моряка, неудовлетворенное желаніе, тоска одинокой жизни, сомнѣніе, ропотъ, отчаяніе, столкновеніе давней увѣренности съ софизмомъ, и грустное безсмертіе, которое не можетъ ни утвердиться въ вѣрѣ въ себя, ни избавиться отъ самаго себя; такая загадка, отголосокъ того меланхолическаго чувства, которое говоритъ человѣку о его неизвѣстномъ происхожденіи и божественной будущности, истина, которой къ несчастію онъ не можетъ доказать, потому что она выше его пониманія.—Легко понять, что эти тонкіе и почти неуловимые очерки, эти остатки мимолетныхъ впечатлѣній должны были казаться непонятными въ лѣта болѣе зрѣлаго размышленія. Часто древніе испытывали передъ своей миѳологіей тоже недоумѣніе, какое испытываемъ мы сами. Пытались найти дѣйствительность въ темныхъ образахъ, воплотить грёзы. Между тѣмъ таковъ былъ неопредѣленный характеръ древнихъ басенъ, что каждый могъ найти въ нихъ то, чего искалъ. Одни приняли плоско-нечести-

Digitized by Google

вую систему Эвемера, который объяснялъ всѣ чудесныя преданія историческими фактами. Другіе, проникнутые болѣе возвышенной философіей, искали въ миѳахъ символическаго переложенія этой философіи. Боги наивной древности ѣдятъ и пьютъ, раздѣляя нужды и удовольствія людей.—Это значитъ, говоритъ Прокъ, что они постоянно творятъ посредствомъ конечнаго и безконечнаго: амброзія, пища твердая, представляетъ конечное; нектаръ, пища жидкая, выражаетъ безконечное.—Уранъ, Сатурнъ и Юпитеръ суть, по мнѣнію Платона, три принципа умопостигаемаго міра: *единое*, *умъ* и *душа*.

Юпитеръ рождающій Венеру, это душа міра во внѣшнемъ проявленіи. Сатурнъ пожирающій своихъ дѣтей, это разумъ, законъ котораго постоянно возвращаться къ самому себѣ. Такимъ образомъ, все было аллегоріей или метафорой. Цвѣты, распустившіеся на солнцѣ первыхъ дней, прелестное ребячество возникающаго сознанія сдѣлались въ рукахъ философскаго педантизма холодными загадками, лишенными граціи. Если есть миѳъ, въ которомъ сохранились со всею прозрачностью, сквозь антропоморфическую оболочку, слѣды первоначальнаго культа природы, это безъ сомнѣнія миѳъ Ниѳъ. Почти не нужно измѣнять ихъ именъ и аттрибутовъ, чтобъ увидѣть источники водъ въ этихъ божествахъ свѣжихъ, живыхъ, нѣжныхъ, прыгающихъ, смѣющихся, то видимыхъ, то невидимыхъ, которыя скользятъ между скалами съ пѣснями, кружась какъ дѣти, голосъ которыхъ сладокъ и таинственъ, которыя никогда не спятъ, прядутъ шерсть цвѣта морской воды или ткутъ пурпурныя ткани; милосердыя богини, излѣчивающія болѣзни, но иногда уносящія и убивающія. А между тѣмъ, вотъ откуда Порфирій извлекъ цѣлую философію въ своей *Пещерѣ Нимфъ*. *Нимфы* это души; ихъ *покрывало* — тѣло; *пещера*—міръ; *внутренность* пещеры представляетъ сторону духовную, темную; *внѣшность*—сторону постигаемую, свѣтлую и т. д.

Существенный недостатокъ системы Крейцера въ томъ, что онъ смотрѣлъ на паганизмъ съ слишкомъ мистической и философской точки зрѣнія. Миѳъ имѣетъ дѣйствительное значеніе только въ тѣ эпохи, когда человѣкъ живетъ въ мірѣ безъ опредѣленныхъ понятій о законахъ природы. Но еще задолго до уничтоженія паганизма, исчезла эта первобытная наивность. Сверхъестественнымъ считалось уже только *чудо*, т. е. уклоненіе отъ общаго порядка по волѣ божества—понятіе радикально противоположное понятію первобытнаго человѣка, для котораго не существовало естественнаго порядка, но постоянная игра живыхъ и свободныхъ

Digitized by Google

свѣтъ. Въ этотъ античный вѣкъ не было ничего, что могло бы назвать-ся догматомъ, положительной религіей, священной книгой. Ребенокъ не споритъ; ему не нужно разрѣшенія, потому что онъ и не ставитъ себѣ задачи; для него все ясно. Ореолъ, которымъ міръ окруженъ въ его глазахъ, обоготворенная жизнь, поэтическій крикъ души, вотъ его культъ, культъ заключающій въ себѣ безапелляціонное обожаніе, свободное отъ всѣхъ хитростей размышленія.

Стало быть, очень важное заблужденіе предполагать, что въ очень отдаленную эпоху человѣчество создавало символы для прикрытія догматовъ, ясно различая и догматъ и символъ. Все это возникало непосредственно, разомъ, въ нераздѣльный моментъ, какъ мысль и слово, идея и ея выраженіе. Миѳъ не содержитъ въ себѣ двухъ элементовъ— оболочки и сущности; онъ неразлагаемъ. Вопросъ: понималъ или не понималъ первобытный человѣкъ смыслъ создаваемыхъ имъ миѳовъ?— совершенно лишній; потому что въ миѳѣ намѣреніе не отдѣлялось отъ самаго предмета. Человѣкъ понималъ миѳъ, не думая ни о чемъ другомъ, какъ простую вещь, а не какъ двѣ вещи. Отвлеченный языкъ, который мы принуждены употреблять для объясненія античныхъ басенъ, не долженъ вводить въ заблужденіе. Наша привычка къ анализу обязываетъ насъ отдѣлять знакъ отъ выражаемой имъ вещи; но для непосредственнаго человѣка, нравственная и религіозная мысль представлялась вложенною въ миѳъ, какъ въ свою естественную форму. Первобытный вѣкъ не былъ подъ вліяніемъ грубаго фетишизма, потому что для него все имѣло значеніе, но также и не доходилъ до утонченнаго спиритуализма, потому что ничего не понималъ абстрактно, внѣ видимой оболочки. Это былъ вѣкъ нераздѣльнаго единства, когда человѣкъ видѣлъ одинъ въ другомъ и выражалъ одинъ посредствомъ другого оба міра, открытые передъ нимъ.

Неоспоримо, что и въ древности были аллегоріи въ собственномъ смыслѣ, олицетворенія моральныхъ существъ, какъ побѣда, патриціанское цѣломудріе, счастье женщинъ, сонъ и т. д. что были миѳы придуманные или по крайней мѣрѣ развитые съ намѣреніемъ, какъ миѳъ Психеи и т. д. Но существуетъ ясная раздѣляющая черта между этими ясными, простыми, остроумными аллегоріями и античными загадками, настоящими произведеніями сфинкса, въ которыхъ идея и символъ совершенно нераздѣльны. Г-нъ Крейцеръ очень хорошо видѣлъ, что смыслъ античныхъ символовъ затерялся еще въ далекую эпоху, что Гомеръ уже очень плохой теологъ, что его боги уже ничто иное,

Digitized by Google

какъ поэтическія личности въ уровень съ людьми, ведущіе благородную и веселую жизнь, раздѣленную между удовольствіями и дѣятельностью, какъ у начальниковъ эллинскихъ племенъ; что самые почтенные миѳы становятся въ его рукахъ пикантными исторіями, хорошенькими темами разсказовъ съ сильно человѣческимъ оттѣнкомъ. Имѣлъ-ли онъ однако право заключить изъ этого, что до времени эпопеи былъ великій теологическій вѣкъ, въ который Греція чуть не сдѣлалась страною глубоко-религіозной, съ священными символами, іерархическими учрежденіями и задаткомъ монотеизма, занесеннаго съ Востока? Не думаемъ. Хотя и говорятъ, что эллинскій періодъ былъ временемъ упадка религіи, преобладанія героя и поэта надъ жрецомъ, временемъ религіи популярной, явной, легкой, но лишонной смысла; изъ этого всетаки не слѣдуетъ, чтобы Пелазги имѣли опредѣленную теологію, учоную символику, организованную іерархію. Отфридъ Мюллеръ говоритъ: «Всегда отправляются отъ предположенія, будто болѣе древній поэтъ или мудрецъ съ намѣреніемъ облекалъ ясныя идеи въ аллегорическіе символы и миѳы, которые впослѣдствіи приняты были за дѣйствительные факты и развиты въ исторической формѣ. Но такъ какъ разсматриваемая эпоха представляла себѣ всѣ отношенія божества, природы и человѣка въ видѣ отдѣльныхъ лицъ, знаменательныхъ дѣйствій, то то̀, что̀ мы называемъ ошибкой или недоразумѣніемъ, существовало въ принципѣ въ сердцѣ самаго миѳа, а не вносилось въ него извнѣ».

Было бы преувеличеніемъ столь же противнымъ исторической истинѣ сколько и здравому пониманію человѣческой природы, еслибы мы стали утверждать, что религія Еллиновъ была совершенно свободна отъ всякаго догматическаго и духовнаго устройства. Оракулы, въ особенности Дельфійскій были постояннымъ прорицаніемъ, уважаемымъ даже политикой, которая извлекала изъ него пользу. Что такое *Теогонія* Гезіода, если не первое основаніе національной теологіи, опытъ устроить область боговъ и ихъ исторію, совершенно какъ племена и области Греціи старались сами соединиться въ одну націю. Имя Орфея безъ сомнѣнія послужило для прикрытія попытки такого-же рода. Мистеріи сосредоточили въ себѣ впослѣдствіи элементы самой развитой религіозной жизни. Тѣмъ не менѣе, нужно признаться, что судьбы Греціи не влекли ее сдѣлаться страною священноначалія. Всѣ великіе перевороты въ Греціи, послѣдовательныя побѣды Еллиновъ, Гераклидовъ, Дорійцевъ были торжествомъ мірскаго духа, возмущеніями

Digitized by Google

народной энергіи противъ насильственно навязываемой духовной формы. Жрецъ былъ ничто за предѣлами храма. Поэтъ не имѣлъ съ нимъ ничего общаго. Въ Гомерѣ поэтъ является намъ постоянно возбужденнымъ противъ жрецовъ и прорицателей. Мірская жизнь проснулась, человѣчество выступало на поле военной дѣятельности, на арену героическихъ подвиговъ.

Тоже произошло и въ искуствѣ. Священное искуство, ограниченное въ употребленіи типовъ, жертвовавшее формой смыслу, красотой мистицизму, уступаетъ мѣсто искусству, цѣль котораго возбуждать чувство красоты. Индія не нашла ничего лучшаго для украшенія своихъ боговъ, какъ громоздить знаки на знаки, символы на символы; Греція же, подъ вліяніемъ лучшаго вдохновенія, создавала ихъ по своему образу, какъ Елена, которая чтобы почтить Минерву Линдоскую, поднесла ей янтарную чашу, сдѣланную по мѣркѣ ея груди.

Разумѣется символизмъ утратилъ кое-что отъ этого преобразованія. Цѣломудренная Венера первыхъ вѣковъ имѣла болѣе важный характеръ, чѣмъ обоготворенная куртизанка, появившаяся на алтаряхъ, когда Праксителъ уничтожилъ, вмѣстѣ со складками одежды, видъ сдержанности, возвышавшій богиню. Понятно, что по чувству, проявляющемуся во всѣ эпохи упадка, набожные люди послѣднихъ временъ паганизма пристрастились къ строгимъ формамъ священнаго искусства. Г-нъ Крейцеръ преувеличиваетъ идею, справедливую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣмъ, что видитъ упадокъ, профанацію въ преобразованіи, по которому боговъ лишали ихъ высшаго физическаго значенія и облекли въ чисто человѣческія формы. Легко доказать, что даже съ религіозной точки зрѣнія, это былъ настоящій прогрессъ. Фидій не былъ безбожникомъ, какъ стараются увѣрить, потому только, что искалъ не въ преданіи, а въ своей собственной мысли типа для своего Юпитера. Достойныя уваженія свидѣтельства показываютъ напротивъ, что это измѣненіе въ искусствѣ совпадало съ религіознымъ возрожденіемъ и способствовало оживленію набожности. Считали несчастными тѣхъ, кто умиралъ не увидавъ изображенія Юпитера Олимпійскаго, и созерцаніе высочайшаго осуществленія идеала было пополненіемъ религіознаго настроенія. Развѣ человѣческая форма не есть самый выразительный символъ? Неужели канопы, боги—урны, спеленатые карлики вѣка Кабировъ были выразительнѣе боговъ рѣзца Праксителя и Фидія? Ктому же, нужно припомнить, что Греція находила между человѣческими формами и чистыми идеями тысячи аналогій, ко-

Digitized by Google

торыя отъ насъ ускользаютъ, что у ней не было понимѣнія дѣйствительной природы, а все превращалось въ живыя существа. Страна, въ которой Филиппа Кротонскаго помѣстили въ разрядъ полу-боговъ за то, что онъ былъ красивѣйшимъ изъ Еллиновъ своего времени, не иначе выражала сельскую мѣстность, какъ въ видѣ Фавна; для выраженія фонтана, вмѣсто воды, тѣни и деревьевъ, представляла женскую голову съ рыбами въ волосахъ, и не нашла лучшаго эпитета для рѣки, какъ καλλιπάρθενος (прелестныхъ дѣвъ). Бѣлизна волнъ разрѣшалась въ ея воображеніи въ молодыхъ дѣвушекъ.

II.

Главная ошибка Крейцера въ заглавіи его книги. Онъ слишкомъ *символиченъ*. Онъ всегда занятъ древней теологіей и ея учрежденіями, упускаетъ изъ вида наивную и вульгарную сторону древности, ищетъ абстрактныхъ и догматическихъ идей въ легкихъ созданіяхъ, гдѣ часто бывали однѣ только шалости дѣтства. Онъ убѣжденъ, что греческая религія должна была имѣть какъ и другія, іератическій вѣкъ и, не находя этого характера въ непосредственныхъ созданіяхъ греческаго генія, обращается къ колоніямъ и вліянію Востока. Этому двойному преувеличенію въ движеніи миѳологическихъ наукъ въ Германіи, соотвѣтствовали двѣ реакціи: противъ крайняго символизма возстала школа совершенно отрицающая и анти-символическая; представителями ея были Фоссъ, Германъ и Лобекъ; противъ чрезмѣрнаго злоупотребленія восточными вліяніями, ополчилась чисто еллинская школа Отфрида Мюллера, Велькера и другихъ.

І. Г. Фоссъ былъ безспорно самымъ сильнымъ противникомъ, котораго прежде всего встрѣтила *Символика*. Отъявленный партизанъ раціонализма, онъ нашолъ въ сочиненіи доктора Крейцера опасную тенденцію къ мистическимъ доктринамъ, которыя пускали тогда отпрыски въ Германіи. Эта книга, которую многіе пугливые люди во Франціи считаютъ нестерпимо смѣлой, считалась въ Германіи въ 1820 году манифестаціей мистицизма. Жосткій тонъ этой критики раздражилъ друзей г-на Крейцера. Авторъ *Символики* отвѣтилъ на нападенія Фосса короткой брошюрой, въ которой надмѣнно отказывался вступить въ споръ съ противникомъ неспособнымъ понять духъ его теорій, для уразумѣнія которыхъ столько же необходимы вкусъ и поэ-

Digitized by Google

ческое чутье, сколько учоность и анализъ. Фоссъ не оставилъ дѣла и напечаталъ въ 1824 году въ Штутгартѣ свою *Анти-Символику*, учоный памфлетъ, исполненный самыхъ прискорбныхъ личностей. Со всѣхъ сторонъ возмутились противъ такой неприличной полемики; г-нъ Крейцеръ счолъ за лучшее не отвѣчать.

Символика нашла въ Лобекѣ болѣе воздержнаго противника по формѣ, но не менѣе исключительнаго. Его *Aglaophamus* (1829) есть полнѣйшее отрицаніе системы Крейцера. Никогда критика такъ быстро не переносилась отъ одного полюса къ другому; никогда противоположныя качества и недостатки не производили между двумя личностями болѣе полнаго разногласія. Введенный въ заблужденіе нео-платоническими истолкованіями, г-нъ Крейцеръ предположилъ въ древности болѣе мистицизма, нежели сколько въ ней было; умъ положительный, аналитическій, убѣжденный, что отвращеніе къ мистицизму есть начало мудрости, г-нъ Лобекъ съ наслажденіемъ находитъ его почти несуществовавшимъ. Всюду, гдѣ Крейцеръ хотѣлъ найти честную и нравственную мысль, священные и достойные уваженія обряды, Лобекъ видитъ только непристойныя шутовства и ребячества. Древняя религія Пелазговъ, въ которой Крейцеръ старался найти струю восточнаго символизма, въ глазахъ Лобека только нелѣпый и грубый фетишизмъ; эти таинства, по мнѣнію Крейцера, остатки чистаго первобытнаго культа, по мнѣнію Лобека фарсы, подобные шарлатанству масонскихъ ложъ. Полный священнаго негодованія противъ того, что Фоссъ называлъ *аллегорическимъ* соромъ, *враньемъ Платона*, онъ смѣло отвергаетъ всякое истолкованіе, носящее печать религіозности. Крейцеръ, увлекаемый живымъ воображеніемъ, безпрестанно переступаетъ границы того, что́ позволено знать. Лобекъ съ упоеніемъ отрицаетъ и доказываетъ, что его предшественники слишкомъ поторопились утверждать. Никакой миѳологъ не сравняется съ нимъ въ критикѣ оригинальныхъ текстовъ; но сближаетъ онъ тексты не для того, чтобы изъ нихъ блеснулъ свѣтъ, а для того чтобы разбить ихъ другъ о друга и показать, что останется темнота. Заключеніе его книги таково, что никто ничего не знаетъ о древнихъ религіяхъ, и нечего даже дѣлать предположеній. Впрочемъ, нападенія его касаются не однѣхъ религій древности. Ограниченный Лобекъ насмѣшливъ и непочтителенъ не къ одному только Элевзису и Самофракіи. Всякая религіозная форма, предполагающая іерархію и таинства, ему антипатична. Неумолимый къ народнымъ суевѣріямъ, онъ еще неумолимѣе къ истолкователямъ, по-

Digitized by Google

торые хотятъ найти въ нихъ возвышенный смыслъ. По его мнѣнію, религія и философія несовмѣстимы; нео-платоники безстыдные лгуны, успѣвшіе только разрушить физіономію древней религіи, не сдѣлавъ ее доступнѣе. Для чего стараться быть нелѣпымъ вполовину? Для чего выбиваться изъ силъ, чтобы отыскать смыслъ тамъ, гдѣ его никогда не было?

Хотя Лобекъ обладаетъ въ высшей степени достоинствами критика, однако нужно признаться, что ему недостаетъ чутья для разъясненія миѳологіи. Читая его, можно подумать, что человѣчество выдумало религіи, какъ выдумывало шарады и логогрифы, чтобы подурачить себя. Лобекъ считаетъ себя правымъ, когда доказываетъ, что древняя религія была рядомъ анахронизмовъ и противорѣчій, что не найдешь двухъ миѳографовъ, которые сходились бы въ означеніи времени, мѣста и генеалогій; но что же онъ въ сущности доказалъ этимъ? Только одно: что на миѳологію не нужно смотрѣть какъ на нѣчто реальное, что противорѣчіе ей прирожденно. Но потому-то именно и не права критика, что требуетъ исторіи отъ неисторическаго и разумности отъ того, что не имѣло намѣренія быть разумнымъ.

Конечно хорошо, что есть умы и такого закала, какъ умъ Лобека; но все таки такая метода не удовлетворитъ ни философа, ни критика. Нельзя ничего доказать, нападая на религію съ положительнымъ взглядомъ, потому что религія принадлежитъ другой области. Религіозное чувство носитъ увѣренность въ самомъ себѣ, и разсудокъ не можетъ ни ослабить, ни укрѣпить ее. Совершенно безполезно ставить въ упрекъ древнимъ религіямъ ошибки, которыя онѣ могутъ иногда представлять съ точки зрѣнія здраваго смысла — это тоже, что читать наставленія любви и доказывать страсти, что она не совсѣмъ благоразумна. Если бы драма Элевзиса разыгрывалась передъ нами, то безъ сомнѣнія произвела бы впечатлѣніе жалкаго фарса. А между тѣмъ, можно ли сомнѣваться въ правдивости тысячи очевидцевъ, которые увѣряютъ въ благодѣтельномъ нравственномъ дѣйствіи этихъ священныхъ церемоній въ тогдашнее время. Развѣ не серьозно говорилъ Пиндаръ о таинствахъ Цереры: «Счастливъ тотъ, кто послѣ этого таинства сходитъ въ нѣдра земли! Онъ знаетъ конецъ жизни, онъ знаетъ ея божественное начало?» Развѣ Андокидъ шутилъ съ Аѳинянами, когда говорилъ, стараясь внушать имъ строгость и справедливость: «Вы видѣли священные обряды богинь, для того чтобы умѣть наказать нечестіе и спасти тѣхъ, кто страдаетъ отъ несправедливости?»

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ скептическій профессоръ Кенигсберга истощалъ всѣ запасы учености и критики, чтобы лишить боговъ ихъ ореола и разоблачить таинственность таинствъ, миѳологическая наука все болѣе и болѣе стремилась укрѣпиться на безпристрастномъ базисѣ исторіи, въ одинаковомъ разстояніи отъ мистическихъ порывовъ Крейцера и анти-религіозныхъ предразсудковъ Лобека. Бюттманъ, Фолькеръ, Швенкъ, посредствомъ филологіи и изученія текстовъ; Велькеръ, Гергардъ, Панофка, посредствомъ археологіи и изученія памятниковъ, пытались схватить между этими крайностями настоящій оттѣнокъ истины. Всѣ или почти всѣ признаютъ, на перекоръ Крейцеру, оригинальность греческой миѳологіи. Всѣ отвергаютъ какъ кощунство предположеніе, будто Греція была когда нибудь Азіатской провинціей, что греческій геній, столь свободный и ясный обязанъ чѣмъ нибудь генію Востока. Конечно, первобытные народы Греціи и Италіи, какъ всѣ вѣтви индо-европейскаго семейства, сохранили въ своихъ религіозныхъ идеяхъ и языкѣ общія черты расы, къ которой принадлежали и это первобытное родство узнается въ поразительныхъ сходствахъ (*); но вопросъ не въ этомъ, потому что эти тождественныя начала, которыя всѣ народы великой расы унесли съ собою, какъ дорожный запасъ, открываются также и у Германцевъ, Кельтовъ и Славянъ, которыхъ не думаютъ-же подчинять опекѣ Востока. Важно признать независимость развитія еллинскаго духа въ его существенныхъ частяхъ; исключая первой искры и нѣкоторыхъ заимствованій второстепенной важности, Греція всѣмъ обязана только своимъ богамъ, своимъ морямъ, своему небу, своимъ горамъ; этотъ привилегированный уголокъ міра, этотъ божественный шелковичный листъ, брошенный посреди морей, самъ породилъ призванду человѣческаго сознанія въ ея наивной красотѣ. Вотъ почему

(*) Важнѣйшія открытія, основанныя главнымъ образомъ на изученіи Ведъ, пролили на этотъ пунктъ новый и неожиданный свѣтъ. Мы хотимъ говорить о трудахъ Кюна, Ауфрехта, А. Вебера, Рота, трудахъ еще едва извѣстныхъ во Франціи и къ которымъ слѣдуетъ прибавить умныя замѣчанія барона д'Экштейна. Эти превосходныя изслѣдованія произведутъ въ миѳологическихъ наукахъ такой-же переворотъ, какъ въ изученіи языковъ произвелъ сравнительный методъ, т. е. возникнетъ *сравнительная миѳологія*, въ которой религіи будутъ раздѣлены по племенамъ и семействамъ, а преобразованіе первобытныхъ миѳовъ можно будетъ объяснить чисто органическими процессами, въ которыхъ произволъ не будетъ имѣть мѣста.

Digitized by Google

Греція дѣйствительно священная земля для того, чей культъ цивилизація; въ ней истинные зародыши человѣческаго ума; всѣ умственные аристократы находятъ въ ней родину своихъ отцовъ.

— Во главѣ этой исключительно еллинской школы (*) стоитъ рѣдкій человѣкъ, котораго Дельфійское солнце слишкомъ скоро отняло у науки. Въ свою сорокалѣтнюю жизнь, онъ успѣлъ съ удивительной разумностью указать или разрѣшить самыя тонкія задачи исторіи еллинскихъ племенъ—я хочу говорить объ Оттфридѣ Мюллерѣ. Допуская подобно Крейцеру таинственный культъ у самыхъ древнихъ народовъ Греціи, Мюллеръ совершенно расходится съ представителемъ символической школы, отвергая отсталую гипотезу восточныхъ колоній и теологическій и іерархическій характеръ этихъ первобытныхъ культовъ. Религія Пелазговъ была культомъ природы, воспринимаемымъ въ особенности чувствами и воображеніемъ. *Мать-Земля* (Da-Mater) и *Хтонійскія* божества, какъ-то Персефона, Гадесъ, Гермесъ, Геката, поклоненіе которымъ продолжалось въ таинствахъ, были боги племенъ ѳракійскихъ и Пелазговъ, у которыхъ Еллины заимствовали свои миѳологическія вѣрованія и измѣнили ихъ по своему способу пониманія, болѣе моральному и менѣе космическому. Эти культы не были учрежденіемъ занесеннымъ изъ чужихъ странъ, но именно выраженіемъ генія, нравовъ, политической жизни каждаго изъ населеній Греціи. Различіе племенъ сдѣлалось также въ рукахъ Оттфрида Мюллера базисомъ миѳологическаго разъясненія. Отсюда превосходныя монографіи Дорійцевъ, Минійцевъ, Этрусковъ, тонкія изслѣдованія національности каждаго бога и то послѣдовательныхъ побѣдъ. Борьба Гермеса и Аполлона — это борьба сельскихъ божествъ Аркадіи съ болѣе благородными богами побѣдителей; подчиненіе побѣжденныхъ племенъ выражается во второстепенности ихъ боговъ; допущенные въ Олимпъ изъ милости, они никогда не достигаютъ тамъ высокихъ степеней, а остаются только герольдами и посланниками другихъ. Что такое Аполлонъ, если не во-

(*) Мы можемъ сказать теперь *слишкомъ исключительно еллинской*, потому что Оттфридъ Мюллеръ, справедливо отвергая восточныя вліянія въ неопредѣленномъ смыслѣ, который Крейцеръ придавалъ этому слову, не признаетъ также и безспорной связи первоначально соединяющей религіозныя преданія Грековъ съ преданіями Азіатскихъ народовъ индо-европейскаго корня. Правда, что факты доказавшіе эти отношенія еще не были извѣстны во время Оттфрида Мюллера.

Digitized by Google

площеніе дорійскаго генія? Въ его культѣ нѣтъ ничего мистическаго, нѣтъ того дикаго энтузіазма, который характеризуетъ фригійскіе культы. Врагъ торговыхъ и земледѣльческихъ боговъ Пелазговъ, этотъ идеальный типъ Дорійца имѣетъ на землѣ одну миссію воина—мстить, покровительствовать и наказывать; онъ выше всякаго труда. А что такое Артемида, если не выраженіе того же генія въ женскомъ родѣ, дорійская дѣва, которую мужское воспитаніе сравняло съ мужчинами, цѣломудренная, гордая, не нуждающаяся ни въ господинѣ, ни въ покровителѣ? Какъ мы далеки отъ пелазгическихъ боговъ, едва отдѣляющихся отъ вселенной, покрытыхъ сажей и дымомъ, точно они вышли изъ мастерской природы, наивно выставляющихъ на показъ свою непристойность! Здѣсь боги чистые, не знающіе труда и усилій; физическія явленія не составляютъ уже матеріала для божественныхъ миѳовъ: человѣчество беретъ рѣшительный перевѣсъ.

Одаренный удивительнымъ историческимъ чутьемъ, тонкимъ и здравымъ умомъ, Оттфридъ Мюллеръ намѣтилъ путь для настоящей научной миѳологіи и конечно, еслибы не несчастный случай, такъ рано отнявшій его у науки, (*) онъ исправилъ бы все, что было слишкомъ утвердительнаго въ его первой манерѣ. Такова уже неустойчивость и непослѣдовательность античныхъ миѳовъ, что никакая исключительная система къ нимъ не примѣнима. Если и можно позволить себѣ какое нибудь утвержденіе, то за нимъ должно слѣдовать безчисленное множество оговорокъ.

Если скажутъ напримѣръ: Аполлонъ богъ дорійскій, Аполлонъ не представляетъ сначала никакого солнечнаго характера—прекрасно, если этимъ хотятъ заявить не болѣе какъ общую мысль. Но Крейцеръ покажетъ вамъ, что тождество Геліоса и Аполлона, хотя и не столь сильное по внѣшности, какъ впослѣдствіи, уже существовало въ идеѣ Грековъ, что стрѣлы божественнаго стрѣлка могутъ быть и лучами свѣтила дающаго жизнь и смерть. Увы! несчастный Оттфридъ долженъ былъ провѣрить это на опытѣ. «Злополучный», писалъ Велькеръ переводчику *Символики*, «онъ никогда не признавалъ Аполлона солнцемъ и вотъ этотъ богъ отмстилъ ему, доказавъ даже на развалинахъ своего храма, какъ еще опасны его стрѣлы для тѣхъ, кто осмѣливается непризнавать ихъ!»

(*) Онъ умеръ въ Аѳинахъ въ 1849 г. отъ солнечнаго удара въ Дельфійскихъ развалинахъ.

Digitized by Google

Г. Преллеръ (*) можетъ во многихъ отношеніяхъ считаться продолжателемъ методы Мюллера.—По его мнѣнію, мистическій элементъ греческой религіи также принадлежитъ Фракійцамъ и Пелазгамъ. Основная идея пелазгическаго культа была обожаніе природы, которую считали живой и божественной, земли и въ особенности Хтонійскихъ божествъ. Натурализму Пелазговъ Преллеръ противополагаетъ антропоморфизмъ Еллиновъ, представляемый гомерическимъ вѣкомъ, въ который окончательно основалась національная и популярная миѳологія; но когда протекла эта воинственная эпоха, въ вѣкъ Солона и Пизистрата началась какъ будто реакція въ пользу прежнихъ культовъ и выразилась въ двухъ формахъ — въ *орфизмѣ* и *таинствахъ*. Обѣ довольно новы, въ обѣихъ нѣкоторая примѣсь шарлатанства, обѣими впослѣдствіи поспѣшили воспользоваться нео-платоники.

И такъ, различеніе эпохъ есть базисъ изслѣдованій Преллера; боги имѣютъ свою хронологію, какъ и свою національность. Вообще, древности скоро надоѣдали ея символы; культъ продолжался не болѣе ста лѣтъ; мода играла тутъ довольно большую роль. Такъ какъ языческая религія была живымъ продуктомъ человѣчества, то и должна была жить, т. е. измѣняться вмѣстѣ съ нимъ. Греція часто почитала своихъ боговъ не за ихъ давность или достоинства, а за молодость и красоту. Всякій богъ, явившійся изъ чужихъ странъ, вскорѣ могъ пріобрѣсть гораздо болѣе вниманія, чѣмъ тѣ, за которыми было давнее владычество. Такимъ-то образомъ Кабиры, безобразные самоѳракійскіе карлики, были отправлены въ свои кузницы къ своимъ кузнечнымъ мѣхамъ. Почти всѣ Пелазгическія божества потерпѣли эту обиду. Старикъ Панъ съ трудомъ попалъ въ свиту молодого модного бога Діониса. Гермесъ, великій богъ Пелазговъ, вынужденъ былъ охранять дороги и указывать путь путешественникамъ. Честный Вулканъ, этотъ добросовѣстный работникъ, входитъ на Олимпъ только за тѣмъ, чтобъ получать пинки отъ Юпитера и дерзости отъ Венеры, онъ, такой услужливый и трудолюбивый! Всѣ эти древніе боги промышленнаго народа—боги пастуховъ, земледѣльцы, пастухи, скучные, серьезные, полезные и неодаренные большой граціей, становятся полу-богами, спутниками или слугами болѣе благородныхъ божествъ. Вообще, *герои* представляютъ иностранныхъ боговъ, неумѣвшихъ занять мѣста между національными божествами, или боговъ, разжалованныхъ, существую-

(*) Demeter und Persephone. Hamburg 1837.

Digitized by Google

щихъ только въ народныхъ суевѣріяхъ. Впрочемъ, свергнутые боги рѣдко оставались безъ вознагражденія. Новые культы не уничтожали прежнихъ, но отодвигали ихъ на второй планъ; всего-же чаще, они поглощали ихъ, становясь обширнымъ горнуломъ, гдѣ старые миѳы и аттрибуты боговъ расплавлялись и получали новое имя. Такъ миѳы Цереры и Прозерпины поглотили почти всѣ другіе; такъ фригійскія таинства вошли въ моду, привившись къ таинствамъ Вакха.

Въ VII-мъ вѣкѣ до нашей эры, особенно обнаружилось у Грековъ странное любопытство относительно чужеземныхъ обрядовъ, которое апостолъ Павелъ приводитъ какъ черту ихъ характера. Культы Атиса, Цибелы, Адониса, съ ихъ шумными оргіями, дикимъ характеромъ и безчинствами, поразили чистый вкусъ Греціи. Въ особенности несчастливилось одному мертвому богу, Загреусу. Это былъ самъ Діонисъ, вѣчноюный богъ, котораго считали погибшимъ во цвѣтѣ лѣтъ, какъ Адонисъ, и чтили его кровавымъ культомъ. Съ презрѣніемъ отвергаемые умными и честными людьми, эти культы эксплуатировались грубыми шарлатанами (мисты, метрогирты, орфеотелесты, теофораты), подражателями постыднаго разврата фригійцевъ. Они бѣгали по улицамъ и предмѣстьямъ и набирали послѣдователей въ довѣрчивой черни.

Вотъ настоящее значеніе того восточнаго вліянія, которое такъ преувеличилъ Крейцеръ. Если исключить природные зачатки, то это вліяніе начинается только со времени уже относительно новѣйшаго и означаетъ скорѣе упадокъ нежели прогрессъ еллинскихъ культовъ. Варварскій элементъ втирается сперва подъ личиной и оттѣнкомъ греческаго миѳа. Впослѣдствіи, чужеземные культы уже не заботятся вощѣнять одежду. Изида, Сераписъ, Минерва водворяются въ Греціи въ своемъ полномъ экзотическомъ одѣяніи.

И такъ, мы видимъ, что весь прогрессъ миѳологическихъ наукъ со времени Крейцера ограничился различіемъ временъ, мѣстъ и племенъ, которыя такъ часто смѣшивалъ знаменитый авторъ *Символики*. Г. Крейцеръ пишетъ исторію миѳологіи какъ исторію совокупности ученій, остающихся одними и тѣми-же и, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, не подвергающихся никакимъ перемѣнамъ, кромѣ перемѣнъ, проистекающихъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; между тѣмъ, если новая критика открыла намъ что нибудь, такъ именно то, что въ ученіяхъ человѣческихъ, при безконечномъ разнообразіи временъ и мѣстъ, нѣтъ ничего до такой степени неподвижнаго, чтобы соотвѣтствовало подобному взгляду, и что исторія миѳологіи, чтобы быть правдивою, должна представлять картину безпрерывной подвижности.

Digitized by Google

III.

При такомъ сильномъ движеніи науки, г-ну Гиньо нечего было долго затрудняться выборомъ методы. Ученый жаденикъ могъ-бы прибавить еще систему къ тѣмъ, которыя уже создала Германія, но предпочолъ стать внѣ гипотезъ и приняться за болѣе тонкій трудъ разсмотрѣть ихъ; не съ цѣлью дѣлать мелочныя опроверженія, а съ намѣреніемъ быть вполнѣ безпристрастнымъ и въ видахъ разумнаго примиренія. Для этого, онъ пошелъ по пути всѣхъ серьезныхъ умовъ Франціи XIX-го вѣка. Характеръ девятнадцатаго вѣка критика. Исторія доказываетъ, что системы были полезны и необходимы, что сильное развитіе идей въ извѣстномъ направленіи обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ борьбы школъ; но состояніе умовъ нашего вѣка доказываетъ съ несомнѣнной ясностью, что время системъ миновалось, такъ какъ учители не обладаютъ достаточнымъ авторитетомъ чтобы образовать школу, а ученики не имѣютъ уже столько смиренія, чтобы подчиниться исключительному руководству. Въ этомъ смыслѣ, эклектизмъ есть неизбѣжная метода нашего вѣка и въ особенности Франціи. Умственный темпераментъ Франціи есть средина между противоположными качествами, компромисъ между крайностями, нѣчто ясное, простое, умѣренное. Не будемъ жаловаться; потому что это быть можетъ именно такая комбинація умственныхъ способностей, которой суждено стоять всего ближе къ истинѣ. Школы въ наукѣ тоже, что партіи въ политикѣ;—каждая права въ своемъ родѣ, и просвѣщенному человѣку невозможно исключительно сосредоточиться въ одной изъ нихъ, закрывая глаза на все, что другія содержатъ въ себѣ разумнаго.

Г. Гиньо счолъ нужнымъ направить усилія своей критики именно на вопросы относящіеся къ языческому культу и его таинствамъ. Эти вопросы дѣйствительно съ одной стороны важнѣе, чѣмъ вопросы касающіеся миѳовъ. Чисто миѳологическая часть древнихъ религій даже для самой древности не имѣла ничего догматическаго и опредѣленнаго. Одинъ и тотъ-же миѳъ никогда не представляется совершенно одинаково двумя авторами; каждый имѣлъ въ этомъ отношеніи свободу фантазировать по своему, и довольно рано миѳы сдѣлались романическими темами, которыя художникъ обработывалъ по своему вкусу. Таинства же напротивъ, повидимому были дѣйствительно серьозной частью древнихъ религій. Что-же такое были эти таинства, вокругъ кото-

Digitized by Google

рыхъ воображеніе, духъ системы и ошибочная учоность собрали столько облаковъ? Что такое въ особенности эти *Элевзинскія таинства*, о величіи которыхъ единогласно завѣряетъ вся древность? (*)

Теперь уже невозможно имѣть сомнѣній на этотъ счотъ; мы можемъ почти такие какъ и посвященные описать различныя сцены, которыя Климентъ Александрійскій называетъ *мистической драмой Элевзиса*.

Присутствуя при таинствѣ древнихъ, мы увидали-бы въ немъ— символическія зрѣлища, въ которыхъ мистъ былъ актеромъ и въ тоже время зрителемъ; легенду въ лицахъ, повѣствующую почти всегда о приключеніяхъ какого-нибудь бога на землѣ. Это было то смерть Адониса, то убійство Аттиса, или Загреуса, или Сабазіуса. Одна легенда въ особенности была удобна для этихъ представленій; это легенда Цереры и Прозерпины. Всѣ обстоятельства этого миѳа, всѣ подробности поисковъ матери Прозерпины послужили матеріаломъ для живописнаго символизма, сильно дѣйствовавшаго на воображеніе. Подражали всѣмъ поступкамъ богини, возбуждали въ себѣ непремѣнно чувства радости и горя, которыя она должна была испытывать. Сначала была длинная процессія, прерываемая шуточными сценами, очищеніями, гимнами; потомъ увеселенія, ночные походы съ факелами, изображавшіе поиски Цереры, хожденіе въ потьмахъ, страхъ, безпокойство, потомъ вдругъ ослѣпительный свѣтъ. Пропилеи храма растворялись, мисты допускались въ жилища блаженства, гдѣ слышали голоса. Внезапныя перемѣны декорацій усиливали иллюзію; декламаціи (типомъ которыхъ можетъ служить гомерическій гимнъ Церерѣ) прерывали циклъ представленій. Каждый день имѣлъ свои упражненія, свои игры, свои мѣста для остановки, и это исполнялось всѣми мистами. Въ одинъ день была маленькая война или *литоболія*, и другъ въ друга бросали камнями; на другой поклонялись статуѣ Цереры. На слѣдующій пили *цицеонъ*; подражали шуткамъ, которыми старая Янбе успѣла развеселить богиню; совершали процессіи въ мѣста сосѣднія Элевзису, къ священному дереву, къ морю; совершали мистическіе обряды, смыслъ которыхъ рѣдко бывалъ извѣстенъ тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ. Сюда-же примѣшивались оргіи, танцы, ночныя празднества, музыка на символическихъ

(*) Въ нашей литературѣ есть замѣчательное, европейски-извѣстное сочиненіе покойнаго графа С. С. Уварова объ Элевзинскихъ таинствахъ.

Ред.

Digitized by Google

инструментахъ. По возвращеніи, вполнѣ предавались радости; начинались *гефиризмы или фарсы на мосту*. Какъ только посвященные подходили къ цефизскому мосту, жители сосѣднихъ мѣстъ, сбѣгавшіеся отовсюду взглянуть на процессію, разражались сарказмами и непристойными шутками, на которыя идущая труппа отвѣчала съ такою же свободою. Безъ сомнѣнія къ этому прибавлялись комическія сцены, маскарады, вліяніе которыхъ замѣтно въ первыхъ проявленіяхъ драматическаго искусства. Церемоніи, содержащія въ себѣ такой отвлеченный символизмъ подъ формой такого грубаго реализма, имѣли большую прелесть для древнихъ и оставляли по себѣ глубокое впечатлѣніе; онѣ соединяли въ себѣ то, что всего болѣе нравится людямъ въ созданіяхъ воображенія — очень опредѣленную форму и не слишкомъ опредѣленный смыслъ. Успѣхъ ихъ зависѣлъ бо́льшею частію отъ того, какъ онѣ исполнялись, и Элевзинскія таинства своимъ великолѣпіемъ затмѣвали всѣ другія и возбуждали зависть цѣлаго свѣта.

Вотъ каковы были эти таинства. Нельзя назвать ихъ совершенно мистическими въ смыслѣ г-на Крейцера, ни совершенно лишенными значенія въ смыслѣ Лобека. Не нужно искать въ нихъ ни нравственнаго ученія, ни философіи. Въ нихъ символъ былъ все. Невозможно, чтобы женщины, принимавшія участіе въ празднествахъ Адониса, много думали о внутреннемъ смыслѣ своихъ дѣйствій. Развѣ все объяснится тѣмъ, что Адонисъ солнце, текущее шесть мѣсяцевъ по верхнимъ знакамъ Зодіака, и другіе шесть мѣсяцевъ по нижнимъ; что вепрь пожирающій его есть зима; что самъ онъ, съ другой стороны, есть ежегодная растительность съ ея различными періодами, расцвѣтомъ и увяданіемъ и т. д.? Сомнительно, чтобъ эти отвлеченныя понятія имѣли столько прелести для греческихъ женщинъ. Что же заставляло ихъ собираться толпами оплакивать Адониса?—Желаніе поплакать о юношѣ слишкомъ рано поблекшемъ, въ цвѣтѣ юности, окружонномъ скоро увядающими растеніями, переходить отъ отчаянія къ радости, словомъ, вкусить всѣ мимолетныя радости и грустныя превратности, сгруппированныя вокругъ миѳа Адониса.

Нетолько не всегда культъ бывалъ слѣдствіемъ мистической легенды, обращенной въ догматъ, но часто самый миѳъ подчинялся инстинктамъ толпы и служилъ предлогомъ культа.

Впечатлѣніе происходитъ отъ цѣлаго, а не отъ пониманія каждой частности. За драмой поражающей глазъ охотно слѣдишь, и заботясь о метафизическомъ смыслѣ; правда, въ нихъ все имѣетъ смыслъ, но

Digitized by Google

не прямой. Синезій говоритъ: «по мнѣнію Аристотеля, посвященные не учились собственно ничему, а только воспринимали впечатлѣніе, приводились въ извѣстное душевное настроеніе.» Итакъ таинства язычниковъ были родомъ косвеннаго ученія. Это былъ родъ силы, дѣйствующей непосредственно. Г. Любекъ показалъ, что условія, налагаемыя на посвящаемыхъ въ мистеріи, были такъ неопредѣленны и несерьозны, что мистеріи скоро потеряли всякую привиллегію, всякую тайну. Настала полная неурядица. Чтобъ имѣть на посвященіе право, нужно было только быть Аѳиняниномъ или имѣть поручителя изъ Аѳинъ. Впослѣдствіи двери растворились для всѣхъ, и всѣ кто былъ въ состояніи совершить путешествіе, включались въ число посвященныхъ.

Не преувеличивая нравственной и философской стороны таинствъ, о которой древніе не много заботились, не останавливаясь также и на томъ, что́ намъ должно казаться ничтожнымъ и пошлымъ въ этихъ обрядахъ, мы все-таки должны признать, что они сильно содѣйствовали поддержанію религіозныхъ и нравственныхъ преданій въ древнемъ человѣчествѣ. «Долгое время, говоритъ Гиньо, таинства умиротворяли души величественными церемоніями, въ которыхъ раскрывалась судьба человѣка въ прозрачной исторіи великихъ богинь, и очищая его, дѣлали достойнымъ жить подъ ихъ покровительствомъ и раздѣлять ихъ безсмертіе.... Достовѣрно, что́ въ особенности Элевзинскія таинства имѣли нравственное и религіозное вліяніе, утѣшали въ настоящей жизни, указывали по своему на будущую жизнь, обѣщали посвященнымъ награды подъ условіями нетолько чистоты и благочестія, но и справедливости. Если они не учили монотеизму, то потому только, что онъ былъ-бы отрицаніемъ самаго паганизма, однако приближались къ нему настолько, на сколько это могъ допустить паганизмъ. Онѣ поддерживали, питали въ душахъ, подъ видомъ таинства, очищеннаго культа природы, чувство безконечнаго, идею Бога, всегда присущую въ глубинѣ народныхъ вѣрованій, но которую постоянно стремился уничтожить миѳологическій антропоморфизмъ.»

Впрочемъ языческія таинства въ особенности заслуживаютъ вниманія философа и критика совершенно въ другомъ отношеніи: нужно взглянуть на нихъ какъ на великое измѣненіе, происшедшее въ древнихъ религіяхъ, въ то время какъ дѣтскія созданія воображенія первыхъ вѣковъ перестали уже удовлетворять новымъ потребностямъ сознанія. Первобытный политеизмъ, смутный, неопредѣленный, всегда допускающій произвольныя истолкованія, не годился уже для мыслящей

Digitized by Google

земли. Съ одной стороны, невѣріе Эпикурейцовъ легко боролось съ этими наивными божествами, съ другой, болѣе тонкія и возвышенныя чувства брали верхъ надъ античной простотою. Стремленія къ монотеизму, къ религіи нравственной, всюду одерживали побѣду. — Сколько первобытная миѳологія была привлекательна по своей наивности, столько *нео-паганизмъ*, эта религія археологовъ и софистовъ была нелѣпа и лишена всякаго смысла. Смыслъ красоты, составлявшій основаніе еллинской религіи, очевидно утратился. Чудовищные боги Востока, задуманные внѣ всякой пропорціи, замѣнили гармоническія созданія Греціи. Какой-то Deus magnus Pantheus, богъ безъ имени и предковъ, грозитъ завладѣть всѣмъ. Культъ доходитъ до кровавыхъ жертвъ, религіозное чувство находитъ мѣсто на бойнѣ; прибѣгаютъ къ кровопролитію, чтобъ умилостивить злыхъ и завистливыхъ боговъ; очевидно, глубокій ужасъ диктовалъ всѣ мольбы, дошедшія до насъ въ надписяхъ (*). Со всѣмъ этимъ, совершенная невозможность основать нравственное ученіе, сколько нибудь удовлетворяющее человѣчество.

— О древней религіи потому и судили такъ дурно, что смотрѣли на нее въ этотъ моментъ упадка. Нужно признаться, что въ тѣ времена паганизмъ уже палъ, а всѣ попытки къ возстановленію его не привели ни къ чему.

Конечно, многіе упреки паганизму и въ особенности его мистеріямъ имѣютъ основаніе; но нельзя брать паганизмъ только съ его слабыхъ сторонъ, въ его популярномъ толкованіи? Самыя серьозныя идеи, въ рукахъ чувственныхъ народовъ, переходятъ въ сенсуализмъ и суевѣріе. Изображеніе *тесмофорій* и *празднествъ Адониса* у Аристофана и Теокрита не имѣетъ чего нибудь особенно безнравственнаго, а только легкій и не серьозный характеръ. На пьянство тамъ указывается какъ на самое сильное излишество. Что-же касается многихъ символовъ паганизма, которые были-бы въ нашихъ глазахъ самой сильной непристойностью, то нужно говорить съ г. Крейцеромъ: «Изъ того, что цивилизованный человѣкъ цѣломудренно скрываетъ отъ глазъ, простой и прямой человѣкъ природы дѣлалъ символы, назначенные для общественнаго культа. При томъ вѣрованіи, которое предполагало божество въ природѣ, при болѣе свободныхъ нравахъ южныхъ народовъ, въ особенности грековъ, не могло существовать различія между приличнымъ

(*) См. Journal des Savants. Janvier 1850 article de M. Hase.

Digitized by Google

и неприличнымъ, достойнымъ и недостойнымъ божественнаго величія. Потому-то эти народы, съ невинностью, уже незнакомою Римлянамъ временъ имперіи и новѣйшей Европѣ, допускали въ свои религіи священныя легенды, которыя намъ кажутся скандалезными, эмблемы, которыя мы называемъ непристойными.» Дѣйствительно, нужно предполагать, что эти эмблемы возбуждали въ древнихъ совершенно другія идеи, чѣмъ могутъ возбудить въ насъ, потому что наводили ихъ только на чувства почтенія. Что̀ можетъ быть возмутительнѣе съ нашей точки зрѣнія, какъ встрѣчать на каждомъ поворотѣ улицы непристойную фигуру? А между тѣмъ это такъ мало возмущало древнихъ, что Гиппархъ приказывалъ вырѣзывать на Гермесахъ нравственныя изрѣченія въ поученіе проводящимъ.

Тоже нужно сказать и о гротескѣ, занимающемъ такое значительное мѣсто въ еллинскомъ пантеизмѣ. Такъ какъ языческія религіи должны были представлять самымъ полнѣйшимъ образомъ всѣ фазисы человѣческаго духа, а смѣшная сторона есть одинъ изъ видовъ, въ которыхъ намъ является жизнь, то гротескъ и былъ существеннымъ элементомъ всѣхъ этихъ религій. Мы съ удивленіемъ видимъ на памятникахъ серьезной Этрурія какъ самыя достойныя уваженія сцены обращаются въ карикатуру; мы не понимаемъ, какъ народъ, осудившій Сократа по одному подозрѣнію въ невѣріи, позволялъ Аристофану стегать Бахуса плетью на сценѣ и наряжать поверенкомъ Геркулеса. Южные народы, болѣе фамиліарные съ своими божествами, чѣмъ народы разсудительнаго сѣвера, испытываютъ по временамъ потребность побалагурить съ ними. И мы не должны удивляться что тысячу восемсотъ лѣтъ назадъ, жители Помпеи, желая получить что либо отъ своихъ боговъ, дѣлали письменныя условія и для бо́льшей безопасности, грозили имъ наказаніемъ.

Монотеизмъ сдѣлался такимъ существеннымъ элементомъ нашей умственной конституціи, что всѣ наши усилія постигнуть политеизмъ древности почти безполезны. Достигнувъ извѣстной степени развитія, человѣкъ можетъ ощущать склонность къ монотеизму; но едва-ли это представленіе божества можетъ проявляться въ равной степени во время младенчества всѣхъ народовъ. Были и есть языческія племена монотеистическія, какъ и племена политеистическія, и это различіе происходило въ нихъ отъ врожденнаго расположенія такъ или иначе смотрѣть на природу. Въ понятіи арабовъ напримѣръ, природа не живетъ. Пустыня вселяетъ монотеизмъ. Высокая въ своемъ громадномъ однообразіи, она съ перваго дня открыла идею безконечнаго, но не то чувство производительной дѣятельности, которое внушила индо-

Digitized by Google

европейскому племени неустанно творящая природа. Вотъ почему Аравія всегда была мѣстомъ монотеизма. Природа не играетъ тутъ никакой роли тутъ все создано метеоризмомъ и психологіею. Совершенная простота арабскаго духа, безъ миѳовъ, безъ разнообразія безъ пластическихъ искусствъ, безъ философіи и миѳологіи, безъ политической жизни и движенія, не имѣетъ другой причины. Исключительно пораженные единствомъ, проявляющимся во вселенной, эти народы видѣли въ развитіи вещей лишь исполненіе воли высшаго существа. Богъ есть, Богъ создалъ небо и землю—вотъ вся ихъ философія. Не таково было воззрѣніе другого племени, предназначеннаго исчерпать всѣ сокровища жизни, которое отъ Индіи до Греціи, отъ Греціи до крайнихъ предѣловъ сѣвера и запада, повсюду обоготворяло природу, начиная съ живой статуи Гомера до живого корабля Скандинавовъ. Для него различіе между божествомъ и небожествомъ всегда оставалось неясно. Явившись въ міръ, его боги должны были раздѣлять его заботы — они имѣли свою исторію, послѣдовательныя генераціи, династіи, сраженія. Теперь Юпитеръ царь боговъ и людей; но его царство будетъ также невѣчно, какъ и царство Кроноса. Прикованный Прометей предсказалъ, что его мудрость не будетъ сильнѣе Времени и что онъ принужденъ будетъ уступить Необходимости.

Религія древности, какъ и древнее общество, была основана на исключеніи; это была либеральная и національная религія; она не была создана для рабовъ и чужестранцевъ. Первымъ условіемъ для посвященія въ таинства было не принадлежать къ варварамъ. Древняя Греція была еще исключительнѣе. Тамъ, каждый мысъ, каждое селеніе, каждый ручей, каждая гора имѣли свои легенды. Культъ женщины не былъ культомъ мужчины, культъ моряка не былъ культомъ землепашца, культъ землепашца не былъ культомъ воина. Геркулесъ и Діоскуры должны были заставить Аѳинянъ признать себя, чтобы получить право участвовать въ элевзинскихъ таинствахъ.

Равенство покупалось дорогою цѣною, и понятно, что консервативная партія IV-го и V-го вѣка, состоявшая изъ людей хорошо воспитанныхъ и привязанныхъ къ преданіямъ прошлаго, безпрестанно повторяла: «О, какъ наши отцы были счастливы. О, въ какое благопріятное время жили наши отцы (*)!» Либеральная жизнь лучшихъ эпохъ древности сдѣлалась невозможна съ того дня (но да благосло-

(*) См. соч. Г. Бёньо Destruction de paganisme en Occident. Paris 1837:

Digitized by Google

вѣкъ будетъ этотъ день), когда рабъ признанъ былъ существомъ религіознымъ и способнымъ къ человѣческому достоинству.

Паганизмъ лучше понятій, благодаря обширному собранію трудовъ, для которыхъ Франція и Германія такъ счастливо соединили свои усилія, не долженъ быть въ нашихъ рукахъ ни орудіемъ для полемики, ни простой пищей любопытства. Для возвышеннаго ума изъ зрѣлища столь долгихъ заблужденій, выносится не презрѣніе или жалость, но сознаніе великаго факта, что *человѣчество религіозно*. Не нужно разумѣется и говорить, что символъ, по своей натурѣ, долженъ быть недостаточенъ и ниже представляемой имъ идеи; это ясно само по себѣ; попытка опредѣлить безконечное и сдѣлать его очевиднымъ невозможна. Всякое объясненіе есть уже предѣлъ, и единственный языкъ, достойный божественныхъ вещей, есть молчаніе. Но человѣческая природа не подчиняется этому. Если древній философъ въ присутствіи тайны вселенной міра невольно и дѣлалъ себѣ вопросъ: не лучше-ли бы было оставить символы и отказаться выражать невыразимое? то древнее человѣчество, руководимое инстинктами, все таки никогда не останавливалось передъ такимъ сомнѣніемъ,—ему казалось лучше несовершенно говорить о Богѣ, нежели молчать; оно нашло лучшимъ начертать себѣ фантастическую карту божественнаго міра, чѣмъ противиться неодолѣнимому влеченію къ невидимымъ областямъ.

И такъ, громадный трудъ, исторію котораго мы здѣсь пытались набросать въ общихъ чертахъ, приводитъ къ утѣшительному заключенію; ибо, если человѣкъ по непосредственному влеченію стремится понять конечную причину и добивается перешагнуть за предѣлы природы, не есть-ли это большой признакъ того, что по своей судьбѣ и происхожденію онъ выходитъ изъ предѣловъ вещей конечныхъ? При видѣ этихъ постоянно возобновляющихся усилій начинаешь уважать человѣческую натуру, убѣждаешься, что эта натура благородна и что ею можно гордиться. Тогда успокоиваешься и на счетъ угрозъ будущаго. Очень возможно, что все намъ дорогое, что составляетъ въ нашихъ глазахъ украшеніе жизни, либеральная культура ума, наука, великое искусство обречены существовать только извѣстный срокъ; но религіозное чувство не умираетъ. Оно будетъ вѣчнымъ протестомъ духа противъ систематическаго или грубаго матеріализма, который вздумалъ-бы заключить человѣка въ низшій слой вульгарной жизни. Цивилизація можетъ перемежаться, но религія никогда.

Digitized by Google

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ И ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Должны ли естественныя науки входить въ составъ общаго образованія? Вотъ вопросъ, который понемногу выдвинулся на очередь въ настоящее время.

А если такъ, то это уже много значитъ. Если несомнѣнно, что естественныя науки заявляютъ *притязаніе* на мѣсто въ общемъ образованіи, что уже настоитъ надобность серьозно разобрать ихъ права на такое мѣсто, то едвали можно сомнѣваться, что рано или поздно онѣ добьются своего и займутъ это мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ притязанія являются не даромъ и не легко бываютъ выслушиваемы и принимаемы въ соображеніе; онѣ всегда свидѣтельствуютъ о возрастающей силѣ, возрастающемъ правѣ, и о сознаніи своей силы и своего права.

Въ отношеніи къ естественнымъ наукамъ дѣло здѣсь вполнѣ ясное. Нельзя никакъ сказать, чтобы ихъ сила была чѣмъ-то фальшивымъ и призрачнымъ, чтобы ихъ притязанія были самообольщеніемъ и преувеличеніемъ. Непоколебимая твердость ихъ пріемовъ и результатовъ, безпрерывные успѣхи, безчисленныя приложенія, наконецъ выводы и открытія, имѣющія величайшую важность для умственнаго міра человѣка, — все это ясно и извѣстно всѣмъ и каждому. Недаромъ духъ нашего времени питаетъ къ естествознанію какое-то особенное предпочтеніе; очевидно въ этой области наукъ умъ человѣческій тотчасъ чувствуетъ себя на твердой почвѣ, тотчасъ сознаетъ свою полную силу. Сила естествознанія вполнѣ соотвѣтствуетъ самому идеальному

Digitized by Google

понятію о силѣ наукъ; это сила твердая, ясная. Обходить эту силу, незамѣчать ее — не поведетъ ни къ чему.

И такъ возрастающее значеніе естественныхъ наукъ не есть миражъ, или прихоть или мода; это фактъ правильнаго развитія, законной силы. Натуралисты, которые долго считались чудаками, простяками, невѣждами, заняли почетное мѣсто въ ряду ученыхъ; на труды ихъ обращено вниманіе всего образованнаго міра; образованные люди всѣхъ странъ требуютъ какъ постоянной умственной пищи, сочиненій по вопросамъ естественныхъ наукъ. Наконецъ является требованіе — ввести эти науки въ общее образованіе. По всему можно заключать, что рано или поздно это требованіе будетъ исполнено.

Какъ бы то ни было, но въ виду этого требованія, чрезвычайно важно и любопытно разсмотрѣть естественныя науки именно съ этой точки зрѣнія, т. е. по отношенію къ общему образованію. Нужно бы строго и ясно анализировать тѣ свойства и особенности естественныхъ наукъ, которыя имѣютъ значеніе для общаго образованія. Настоящая статья имѣетъ цѣлью представить нѣкоторыя замѣчанія по этому предмету.

Прежде всего ограничимъ строго предметъ, о которомъ будемъ говорить. Естествознаніе, взятое во всемъ его объемѣ, представляетъ многія обширныя области, различныя даже по самой существенной своей сторонѣ, то есть по научнымъ своимъ пріемамъ. Напримѣръ, на основаніи своихъ элементарныхъ методовъ естествознаніе очень обыкновенно раздѣляется на *науки наблюдательныя* (астрономія, анатомія, систематика тѣлъ природы и пр.) и на *науки опытныя* (физика, физіологія, химія). По другому, болѣе правильному основанію, именно по существеннымъ понятіямъ, руководящимъ каждою наукою, и по различію предметовъ, совпадающему съ различіемъ этихъ понятій, естествознаніе можно раздѣлить на три великія области: 1). На *науки механическія* (физика, астрономія), 2) на *науки химическія* (химія, минералогія) и 3) на *науки органическія* (анатомія, физіологія, зоологія, ботаника, палеонтологія и пр.).

Понятно что эти отдѣлы по своимъ особымъ свойствамъ и по той степени развитія, на которой каждый изъ нихъ находится, должны имѣть различное отношеніе къ общему образованію. Такъ напримѣръ, нѣкоторыя изъ названныхъ наукъ, вслѣдствіе значительной степени своего совершенства, вслѣдствіе научной строгости, которой онѣ успѣли достигнуть, завоевали себѣ прочное мѣсто въ общемъ образованіи, считаются въ немъ весьма полезными предметами. Таковы физика и

Digitized by Google

астрономія (послѣдняя подъ болѣе скромнымъ названіемъ космографіи). Весьма замѣчательно, что обѣ эти науки относятся къ отдѣлу наукъ механическихъ, т. е. къ области, развившейся легче и раньше другихъ, къ наукамъ болѣе простымъ въ существенныхъ своихъ понятіяхъ. Какъ противоположное явленіе можно замѣтить, что ни одна наука изъ круга органическихъ не успѣла занять сколько-нибудь прочнаго положенія въ общемъ образованіи. Казалось бы, что могло быть важнѣе и ближе къ намъ по своему предмету, какъ анатомія и физіологія? Между тѣмъ, за исключеніемъ главы о глазѣ, которая обыкновенно вносится въ физику, анатомія и физіологія не имѣютъ хода въ общемъ образованіи. Причина этому—очевидно—малое научное достоинство, которымъ до сихъ поръ отличались эти отрасли естествознанія.

И такъ если теперь дѣло идетъ объ отношеніи естественныхъ наукъ къ общему образованію, то въ вопросъ входятъ собственно не всѣ ихъ области. Науки механическія уже признаны общеобразовательными; ихъ считаютъ и неизбѣжными и полезными въ этомъ дѣлѣ. Далѣе—если мы не хотимъ быть непослѣдовательными, то мы должны распространить всѣ права наукъ механическихъ на науки химическія. Если физика заслуживаетъ мѣсто въ общемъ образованіи, то не возможно придумать ни одной причины, почему бы химіи не принадлежало совершенно такого же мѣста. Вся разница въ томъ, что химія позже достигла своего блестящаго развитія, что мы еще не привыкли къ ея достоинствамъ.

Остаются слѣдовательно — науки органическія, или науки, которыя обыкновенно и разумѣются подъ именемъ *естественныхъ наукъ*, когда это названіе понимается въ тѣсномъ смыслѣ. Если говорятъ о введеніи естественныхъ наукъ въ общее образованіе, то имѣются въ виду именно эти науки; другія отрасли естествознанія имѣютъ болѣе ясное положеніе въ этомъ дѣлѣ и самый вопросъ о нихъ имѣетъ совершенно другой характеръ. Въ отношеніи къ нимъ дѣло идетъ только о томъ, въ какой степени, въ какихъ *размѣрахъ* должны механическія и химическія науки входить въ общее образованіе. Но что въ той или другой мѣрѣ они должны входить въ него, въ этомъ едвали возможно сомнѣніе. Что же касается до органическихъ наукъ то здѣсь считается еще не рѣшеннымъ даже то, должны ли они хоть сколько-нибудь участвовать въ общемъ образованіи, или же ихъ слѣдуетъ вовсе исключить?

Digitized by Google

Объ нихъ-то слѣдовательно и нужно говорить, какъ о дѣлѣ еще спорномъ и требующемъ разъясненія.

Для ясности сдѣлаемъ сперва нѣкоторыя замѣчанія. Какъ уже сказано, эти науки не вошли въ общее образованіе главнымъ образомъ по причинѣ своего малаго научнаго совершенства. Всѣ органическія науки принадлежатъ къ отдѣлу такъ называемыхъ *наблюдательныхъ* или *описательныхъ* наукъ. Въ нихъ нѣтъ или почти нѣтъ возможности производить опыты и потому онѣ, по внѣшнимъ пріемамъ, несравненно проще и такъ сказать грубѣе наукъ опытныхъ. Исключеніе отсюда составляетъ одна физіологія, которая принадлежитъ къ опытнымъ наукамъ; но замѣчательно, что въ какой мѣрѣ эта наука опытная, въ той же мѣрѣ она теряетъ свойства органической науки. Какъ извѣстно современная физіологія имѣетъ большею частью механическій и химическій характеръ.

Во вторыхъ, по своему предмету науки органическія или науки естественныя въ тѣсномъ смыслѣ обнимаютъ самые важные и самые обширные предметы. Сюда относится все, касающееся организма человѣка и безчисленныхъ организмовъ животныхъ и растеній. Сравнительная анатомія, растительная морфологія, систематика царствъ животнаго и растительнаго, исторія развитія организмовъ, палеонтологія, географія животныхъ и растеній, — всѣ эти науки имѣютъ огромный объемъ и представляютъ множество развѣтвленій; всѣ онѣ содержатъ въ себѣ задачи величайшей важности. По богатству научнаго матеріала, по обширности и важности своихъ цѣлей, органическія науки неизмѣримо выше наукъ механическихъ и химическихъ.

Объ этихъ-то обширныхъ и важныхъ, но по обыкновенному взгляду несовершенныхъ наукахъ мы и будемъ говорить.

I.

Если мы желаемъ опредѣлить, въ какой степени нужны и годны извѣстныя науки для общаго образованія, то прежде всего намъ нужно конечно уяснить себѣ идею общаго образованія. Какой предметъ заслуживаетъ быть общеобразовательнымъ? Какія свойства и особенности требуются отъ учебнаго предмета, входящаго въ общее образованіе?

Всегда и вездѣ, гдѣ было образованіе, существовала конечно и

Digitized by Google

идея *общаго образованія*, т. е. образованія для всѣхъ годнаго и для всѣхъ желательнаго. Содержаніе этой идеи всегда опредѣлялось тѣмъ *идеаломъ образованнаго человѣка*, который составляли себѣ люди въ данную эпоху. Не смотря на разныя уклоненія и колебанія, въ сущности и въ главныхъ чертахъ такъ это было и такъ конечно будетъ впередъ. Таковъ естественный и прямой ходъ дѣла. Что́ люди считаютъ своимъ главнымъ достоинствомъ, своимъ лучшимъ украшеніемъ, то они стараются передать и внушить своимъ дѣтямъ. Воспитаніе и обученіе не могутъ имѣть другого смысла; онѣ суть не что иное, какъ помощь, которую люди взрослые оказываютъ людямъ возрастающимъ, чтобы дать имъ такое же развитіе, какого успѣли достигнуть сами.

Но если въ общихъ чертахъ дѣло идетъ такъ, какъ ему слѣдуетъ идти, то въ частностяхъ встрѣчаются безчисленныя уклоненія. Каждая мысль при своемъ осуществленіи раздробляется на всѣ возможныя свои формы, допускаетъ всевозможныя искаженія и только мало по малу выясняется и находитъ свое настоящее выраженіе. Такъ точно и мысль общаго образованія. Неправильные и односторонніе выводы изъ нея безпрестанно дѣлались и дѣлаются, и безпрестанно приводятся въ исполненіе.

Возьмемъ напримѣръ, ту обыкновенную форму, которую часто принимаетъ въ настоящее время идея общаго образованія. Въ чемъ состоитъ въ настоящее время идеалъ образованнаго человѣка? Не будемъ пока касаться содержанія, а возьмемъ только внѣшнія черты. Человѣкъ вполнѣ образованный есть тотъ, кто имѣетъ обширный и возможно полный взглядъ на міръ. Все ему знакомо, все для него не чуждо. Литература, науки, искуства, исторія современная и прошедшая — все это имѣетъ для него глубокій смыслъ и интересъ, во всемъ онъ въ большей или меньшей степени принимаетъ мысленное участіе.

Идеалъ хорошъ, но мы легко можемъ ошибиться въ его приложеніи. Въ самомъ дѣлѣ казалось бы, что сообразно съ этимъ идеаломъ всего лучше дать общему образованію характеръ энциклопедическій, т. е. постараться внести въ него всѣ существенныя свѣдѣнія, всѣ главныя понятія, какими по нашему мнѣнію долженъ обладать человѣкъ вполнѣ образованный. А такъ какъ эти свѣдѣнія и понятія обширны, разнообразны, трудны, то задача обученія будетъ состоять въ томъ, чтобы ихъ сосредоточить, уяснить и упростить. Все дѣло

Digitized by Google

сводится къ тому, чтобы сдѣлать *доступными* ребенку то, чѣмъ онъ непремѣнно долженъ обладать, чтобы какъ можно *раньше* дать ему то, что составляетъ принадлежность образованнаго человѣка.

Таковъ очень обыкновенный взглядъ на дѣло общаго образованія. Неправильность его зависитъ отъ ошибки весьма обыкновенной и часто повторяющейся, именно отъ склонности человѣческой мысли къ законченнымъ и неподвижнымъ формамъ понятій. Во что бы то ни стало мы хотимъ подвести идеалъ образованнаго человѣка подъ опредѣленныя, вполнѣ отчетливыя черты. А какъ скоро мы воплотили его въ томъ или другомъ образѣ, то обученіе уже неизбѣжно становится въ нашихъ глазахъ ни чѣмъ инымъ, какъ стараніемъ приблизить ученика къ этому образу. Между тѣмъ столь грубыя понятія ни какъ не могутъ быть прилагаемы къ человѣческимъ отношеніямъ. Человѣкъ прежде всего есть существо *развивающееся*, слѣдовательно подвижное, измѣнчивое, не подходящее подъ твердыя формы. Идеалъ образованнаго человѣка не долженъ быть воображаемъ, какъ опредѣленное состояніе, какъ нѣчто осуществленное въ извѣстное мгновеніе; въ настоящемъ своемъ смыслѣ онъ есть *идеалъ образованной жизни*. Воспитаніе не есть приготовленіе къ извѣстному состоянію, а есть начало правильнаго развитія, первый періодъ образованной жизни. Вообще нельзя дѣлить жизнь на собственно жизнь и на приготовленіе къ жизни, нельзя думать, что въ годы ученія человѣкъ долженъ пріобрѣсти все, что ему понадобится въ послѣдствіи, такъ чтобы потомъ ему уже не приходилось учиться. Ученіе и образованіе не можетъ и не должно ограничиваться школою: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Точно также годы ученія не составляютъ простого приготовленія къ жизни, а суть часть самой жизни. Вообразимъ себѣ всю область умственной, нравственной и эстетической дѣятельности, весь міръ наукъ, искуствъ, литературы и пр. Очевидно человѣкъ въ каждую эпоху своей жизни долженъ находиться подъ дѣйствіемъ этого міра, долженъ имѣть къ нему опредѣленныя отношенія, дышать его атмосферою и питаться его соками. Въ каждую эпоху своей жизни онъ долженъ учиться, размышлять, воспитываться. Годы собственнаго ученія составляютъ только первый періодъ этого воздѣйствія общей жизни людей на отдѣльнаго человѣка. Этотъ періодъ отличается весьма важными особенностями, но ни въ какомъ случаѣ неисчерпываетъ собою всего воспитанія и образованія.

Если мы отступимъ отъ такого взгляда на дѣло, взгляда, вытекающаго изъ самой природы вещей, то мы неминуемо впадемъ въ ошибки разнаго рода.

Digitized by Google

Мы можемъ дать всему дѣлу совершенно противоестественный ходъ; въ большей или меньшей степени обыкновенно такъ и бываетъ. Чтобы сдѣлать изъ ребенка образованнаго человѣка, къ нему приступаютъ съ цѣлою системой готовыхъ понятій и взглядовъ, свойственныхъ зрѣлому человѣку. То самое знаніе и пониманіе, какое имѣетъ или можетъ имѣть взрослый человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, мы стараемся внушить и передать только что разумѣющимся отрокамъ. Вообще въ этомъ дѣлѣ, какъ и вообще въ дѣлахъ умственной сферы, въ областяхъ, гдѣ главную силу составляетъ мысль, мы не боимся уродствъ и искаженій, не видимъ нужды въ правильности и порядкѣ. Чѣмъ больше ребенокъ знаетъ, тѣмъ лучше; чѣмъ раньше онъ знакомится съ извѣстными предметами, тѣмъ для него выгоднѣе: вотъ обыкновенныя правила многихъ. За тѣмъ, если во всемъ этомъ дѣлѣ будетъ путаница, хаосъ, безобразіе, мы утѣшаемъ себя такъ: ничего, развитіе возьметъ верхъ, мысль рано или поздно распутаетъ всякую путаницу и исправитъ всякое безобразіе, все пойдетъ въ прокъ.

Легко убѣдиться однакожъ, что уродливости и искаженія въ умственной жизни учащихся вовсе не легко исправляются. При поспѣшности, съ которою мы спѣшимъ сдѣлать изъ отроковъ образованныхъ людей, при отсутствіи порядка и строгой соразмѣрности съ возрастомъ мы доходимъ до самыхъ печальныхъ результатовъ. Мы научаемъ дѣтей говорить и читать прежде чѣмъ они умѣютъ мыслить и чувствовать; мы пріучаемъ ихъ постоянно прикидываться взрослыми и доводимъ ихъ въ этомъ искуствѣ до того, что наконецъ сами обманываемся и думаемъ что они дѣйствительно такъ развиты, какъ кажутся на словахъ. У насъ выходятъ образованные люди, которымъ не больше шестнадцати лѣтъ, но которые обо всемъ имѣютъ понятіе, читали книги во всевозможныхъ родахъ и могутъ судить о всевозможныхъ предметахъ. Случается встрѣчать и двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, которые толкуютъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи человѣчества. Въ сущности все это глубокая фальшь, неизобразимо оскорбляющая здравое человѣческое чувство. Въ сущности тутъ нѣтъ никакихъ твердыхъ и ясныхъ понятій, никакого правильнаго настроенія мысли; въ сущности все это — безплодный и безсодержательный миражъ, отъ котораго потомъ приходится отдѣлываться иногда полнымъ перевоспитаніемъ самого себя.

Уродливости этого направленія въ воспитаніи обнаруживаются также чрезвычайно ясно на тѣхъ средствахъ, которыя въ немъ употребляются;

Digitized by Google

для этого направленія существуетъ цѣлая особая литература, самая безобразная изъ всѣхъ возможныхъ литературъ, именно литература *дѣтскихъ книгъ* и *учебниковъ*. Такъ какъ обыкновенная цѣль этой литературы состоитъ въ томъ, чтобы приспособить къ силамъ и понятіямъ дѣтей то, что вполнѣ доступно и вполнѣ ясно только для взрослыхъ, то вся она получаетъ неизгладимый характеръ дѣланности, искусственности, всевозможныхъ отголосковъ извращенія и жеманства. Большой и трудный предметъ нужно сократить, уяснить, упростить, но не ради самого предмета, а съ цѣлью—сдѣлать его удобнымъ для дѣтей. При этомъ допускаются всяческія хитрости и уловки—лишь бы достигнуть цѣли. Понятно что тутъ могутъ быть сдѣланы, и на самомъ дѣлѣ дѣлается, всѣ искаженія, какія только допускаетъ предметъ.

Очень не рѣдко смотрятъ на это дѣло такъ, что винятъ исполнителей. Если учебники большею частію плохи, если дѣтскія книги, по выраженію одного умнаго человѣка, или занимательны, но непонятны для дѣтей, или же понятны, но за то ужъ занимательны развѣ для собакъ, а не для дѣтей, то все это считается только неудачными попытками, неумѣньемъ составителей и т. п. Между тѣмъ кажется вѣрнѣе видѣть причину всѣхъ бѣдъ въ самой цѣли, которою въ этомъ случаѣ задаются. Принаряжается ли взрослый человѣкъ ребенкомъ, старается ли онъ легко изложить то, что въ сущности трудно, дать краткое понятіе о весьма обширныхъ предметахъ—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ очевидно дѣло имѣетъ противоестественный характеръ и слѣдовательно немудрено, что оно не удается.

Какъ одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ, укажемъ здѣсь на статью *Магометъ*, помѣщенную въ «*книжкахъ*», которыя прилагались къ журналу Л. Н. Толстаго *Ясная Поляна*. Примѣръ этотъ тѣмъ поучительнѣе, что явился въ журналѣ, отличавшемся умомъ, поэтическою чуткостію, свѣжею и живою мыслью. Что же это за статья? Ни больше ни меньше, какъ жизнь Магомета, разсказанная языкомъ и понятіями яснополянскихъ учениковъ. Дѣло образцовое въ своемъ родѣ. Не возможно читать этой *книжки* безъ крайняго изумленія. Контрастъ между важностію и серьозностію предмета и совершеннымъ отсутствіемъ *надлежащаго* содержанія въ изложеніи—вышелъ такой полный, какого только можно пожелать. Не оказалось ни одной точки, гдѣ бы могло хоть прикоснуться, хоть мелькомъ явиться, дѣйствительное понятіе о Магометѣ. Такъ и вышла одна пустая шелуха.

Выпишемъ нѣсколько строкъ:

Digitized by Google

«Въ городѣ Меккѣ, въ землѣ Аравіи, жилъ одинъ арабъ, звали его *Абдаллахъ*. Отецъ его очень любилъ и, когда ему вышли года, женилъ его на *Аминѣ*. Абдалахъ былъ изъ себя красавецъ, и въ ту ночь, какъ онъ женился, двѣсти дѣвокъ умерли въ Меккѣ съ досады, что онъ не на нихъ женился.»

«У Абдалаха родился сынъ, назвали его Магометомъ. Магометане разсказываютъ, что когда Амина родила его, то не мучилась, и въ ту ночь свѣтъ съ неба сошолъ на городъ Мекку, затряслась земля, и рѣка Тигръ разлилась и потопила кругомъ землю. А Магометъ будто-бы родился и закричалъ: великъ Богъ! Нѣтъ другого Бога, а я пророкъ Божій!».

«А этого ничего не было: Магометане все это ужъ послѣ придумали.»

Въ такомъ духѣ и тонѣ идетъ весь разсказъ. Понятно, что разсказъ не можетъ имѣть никакого смысла, никакой занимательности, какъ скоро въ немъ нѣтъ его главнаго содержанія, существенной мысли, т. е. идеи религіи вообще и потомъ идеи именно магометанской религіи.

На этомъ предметѣ весьма удобно остановиться долѣе. Чужая религія есть вообще предметъ самый трудный для пониманія. Въ сущности наша мысль едва-ли можетъ когда нибудь овладѣть всѣмъ объемомъ и нашей родной религіи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы предаемся вольнодумству и невѣрію, едва ли и тогда мы уходимъ вполнѣ отъ глубокой, полной жизненнаго могущества власти нашихъ религіозныхъ понятій. Но еще труднѣе постигнуть духъ, который въ насъ самихъ не дѣйствовалъ, духъ чужой религіи. Между тѣмъ не понимая религіи извѣстнаго народа, мы никогда не будемъ въ состояніи вполнѣ понять исторію этого народа, а если это народъ еще живой, то не будемъ въ состояніи вполнѣ понять и его современной жизни. Слѣдовательно настоящее пониманіе исторической и современной жизни не доступно для мысли еще не созрѣвшей и не развившейся. Отсюда понятно, какой не полный и не правильный видъ должны имѣть попытки изложить эту жизнь для пониманія дѣтей. Въ каждомъ учебникѣ исторіи мы найдемъ параграфъ о Магометѣ; въ каждомъ курсѣ географіи описаніе магометанскихъ странъ. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что изъ этихъ учебниковъ ученики выносятъ не болѣе глубокое понятіе о Магометѣ и его религіи, чѣмъ изъ книжки Ясной Поляны.

Отъ предъидущихъ замѣчаній, которыя можно бы было пояснить и подкрѣпить многими частностями, перейдемъ теперь къ положитель-

Digitized by Google

нымъ выводамъ. Если нѣтъ никакой нужды въ томъ, чтобы общее образованіе имѣло энциклопедическій характеръ, то въ систему общаго образованія должны войти только нѣкоторые, особенно годные для этого предметы. Эти предметы безъ всякаго особаго ихъ приспособленія должны быть годны для отроческаго возраста; они должны представлять правильную умственную пищу, не нуждающуюся въ подслащиваніи или нарочномъ раздробленіи и измѣненіи. Естественнымъ слѣдствіемъ изученія такихъ предметовъ будетъ весьма сильное, такъ называемое *образовательное вліяніе* ихъ на умственныя силы учащихся, т. е. правильное и сильное начало умственнаго развитія.

На этихъ основаніяхъ весьма справедливо издавна причисляются къ общеобразовательнымъ предметамъ—математика и чужіе языки (всего лучше греческій и латинскій). Эти предметы конечно суть образцовые предметы общаго образованія, всего ближе подходящіе къ его идеѣ и цѣли.

Возьмемъ напримѣръ математику. Вслѣдствіе простоты ея научныхъ пріемовъ мы можемъ знакомить съ нею учащихся вполнѣ сохраняя ея научную форму; а вслѣдствіе строгости и совершенства этой формы мы даже и не можемъ знакомить съ нею иначе. Сохранился анекдотъ, что какой-то царь просилъ Эвклида упростить для него изученіе геометріи. Математикъ отвѣчалъ, что путь ведущій къ познанію этой науки одинъ и тотъ же и для царей и для простыхъ смертныхъ. Это изрѣченіе можно примѣнить и къ настоящему случаю. Ребенокъ входитъ въ познаніе математическихъ истинъ точно тѣмъ же путемъ какъ и взрослый. Учебникъ геометріи имѣетъ тотъ же смыслъ, тоже значеніе для ребенка, какъ и для взрослаго. Онъ не представляетъ ничего фальшиваго, искаженнаго, искусственнаго—что̀ такъ обыкновенно въ другихъ учебникахъ. Самыя попытки пойти противъ Эвклидова изрѣченія и упростить геометрію для дѣтей и для свѣтскихъ людей (тоже дѣти своего рода) встрѣчаются очень рѣдко, и тотчасъ падаютъ по причинѣ своей явной уродливости.

Такъ какъ наука въ этомъ случаѣ предлагается въ настоящей, такъ сказать, дѣйствительной своей формѣ, то она сохраняетъ всѣ свои достоинства и преимущества. Кто изучилъ геометрію, тотъ *знаетъ* ее, вполнѣ владѣетъ ею. Этого никогда нельзя сказать о такихъ предметахъ, какъ напримѣръ исторія, географія, словесность и т. п. Если же кто владѣетъ наукою, тотъ можетъ упражняться въ ней, можетъ самъ производить научныя операціи. Математика допускаетъ *упраж-*

Digitized by Google

ненія, то есть она представляетъ возможность умственной *дѣятельности*, а не простаго воспріятія и запоминанія. А всякія силы крѣпнутъ и развиваются только вслѣдствіе дѣятельности.

Тоже самое должно сказать объ изученіи чужихъ языковъ. Грамматика чужого языка есть анализъ его формъ, одинаково годный и необходимый для взрослаго и для ребенка. И тотъ и другой для изученія языка должны усвоить тотъ же научный матеріалъ, въ томъ же порядкѣ и въ той же строгости. Затѣмъ точно также является возможность самостоятельной дѣятельности, возможность читать и писать на изучаемомъ языкѣ.

Такимъ образомъ эти два предмета, математика и изученіе чужого языка, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ общаго образованія. Въ этомъ образованіи они занимаютъ свое настоящее мѣсто и къ нимъ нельзя отнести ни одного изъ упрековъ, справедливо падающихъ на другіе предметы, которые будучи введены въ общее образованіе, очевидно попадаютъ въ фальшивое положеніе. Исторія, географія, словесность подвергаются въ общемъ образованіи всяческимъ искаженіямъ. Ученики проходившіе эти предметы, часто не выносятъ изъ обученія ни правильнаго историческаго взгляда, ни вѣрной картины современной жизни, ни пониманія литературныхъ произведеній. Мысль ученика при этомъ обученіи часто вовсе не трогается съ мѣста. Когда она заговоритъ въ юности, онъ принужденъ бываетъ снова изучать и исторію и современную жизнь народовъ и поэтическія произведенія.

Ничего подобнаго не можетъ быть съ математикой и языками. Они безопасны отъ искаженій; твердость научныхъ формъ не допускаетъ полнаго извращенія дѣла, и математикѣ и языкамъ можно хорошо выучиться даже у дурного учителя. Мысль спать здѣсь не можетъ; ученикъ не можетъ обмануть учителя поддѣлкой подъ пониманіе; онъ или дѣйствительно учится и работаетъ умомъ, или же онъ явно лѣнится и неспособенъ. Далѣе — кто изучилъ какую-нибудь часть математики или какой-нибудь языкъ, тому не приходится дѣлать исправленія или даже переворачивать все вверхъ дномъ въ своихъ пріобрѣтеніяхъ; онъ обладаетъ доброкачественнымъ знаніемъ и умѣньемъ и можетъ не оглядываясь назадъ смѣло идти впередъ.

II.

Всѣ эти преимущества математики и языковъ, вся годность и

Digitized by Google

умѣстность ихъ для общаго образованія, принадлежатъ въ такой же степени и естественнымъ наукамъ. Вотъ тезисъ, въ которомъ мнѣ кажется можно вполнѣ убѣдиться, если вникнуть въ дѣло.

Во первыхъ естественныя науки (разумѣемъ здѣсь описательныя и органическія) обладаютъ чрезвычайно простою и вполнѣ строгою методою. Метода эта такъ проста, что многіе не замѣчаютъ ея и ставятъ весьма низко научное достоинство этихъ наукъ. Только этой простотою можно объяснить себѣ напримѣръ то высокомѣріе, съ какимъ почитатели древнихъ языковъ и математики смотрятъ иногда на естественныя науки. По ихъ мнѣнію эти науки—одна забава, грубое собираніе матеріала, дѣтское раскладываніе раковинъ, перечисленіе ногъ, тычинокъ и т. п.

Между тѣмъ грубые пріемы натуралистовъ въ сущности совершенно строги, и если результаты ихъ не кажутся блестящими, то только потому, что ихъ не умѣютъ цѣнить. Какъ мы уже замѣтили, науки эти касаются важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ предметовъ внѣшняго міра—именно обнимаютъ царство организмовъ. Это царство почти не допускаетъ опытовъ, а въ тоже время представляетъ задачи такія огромныя и многосодержательныя, что для него почти невозможны общія гипотезы или теоріи, которыми бы руководилось изслѣдованіе. «Дайте мнѣ вещество и движеніе, говорилъ уже Декартъ, и я построю вамъ міръ.» Эта мысль была руководною нитью для астрономіи, физики и другихъ подобныхъ наукъ. Но никакого подобнаго предъугаданія и руководства не могло быть сдѣлано относительно организмовъ. Въ своихъ безчисленныхъ формахъ и во главѣ своей — въ человѣкѣ они представляли такую очевидную и разительную загадочность, что мысль отказывалась передъ ними отъ своей смѣлости. Если и дѣлались дерзкія попытки сразу схватить сущность организмовъ, то они ни къ чему не приводили и очень скоро падали. Итакъ нужно было отыскать строгій пріемъ, который бы ничего не предрѣшалъ заранѣе, а между тѣмъ могъ бы овладѣвать этимъ огромнымъ и темнымъ матеріаломъ. Долгое время натуралисты жили такъ сказать одной жаждой наблюденія, однимъ простымъ созерцаніемъ разнообразія природы и ея красотъ. Наконецъ, въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, почти безсознательно (Бернаръ Жюссье) мелькнули первыя черты правильной методы. Постепенно эти черты выяснились, опредѣлились и наконецъ составили строгую научную методу, ставшую образцомъ для многихъ другихъ отраслей знанія.

Digitized by Google

Эта метода какъ извѣстно состоитъ въ *естественной системѣ* и въ способѣ *сравнительнаго изученія*.

Въ сущности все дѣло здѣсь сводится на искусство—*сравнивать* и *группировать* явленія. Сравнивать значитъ находить единство или тождество между явленіями. Группировать значитъ опредѣлять ихъ разнообразіе. Этотъ пріемъ есть очевидно простѣйшій и неизбѣжнѣйшій пріемъ мысли; онъ можетъ годиться для всего на свѣтѣ. Вотъ почему научныя формы, выработанныя натуралистами, такъ охотно прилагаются ко множеству другихъ областей знанія: ученые, прежде блуждавшіе среди нестройнаго матеріала своихъ познаній, вдругъ получаютъ возможность придать всѣмъ своимъ сокровищамъ строго-научный видъ.

Чтобы понять, почему этотъ пріемъ могъ показаться чѣмъ-то новымъ, своего рода открытіемъ, почему правильное его развитіе могло совершиться только въ естественныхъ наукахъ, нужно вспомнить, что обыкновенно пріемъ мысли, приступающей къ изученію какихъ-либо предметовъ бываетъ другой, хотя столь же простой, но прямо обратный. Обыкновенно мы принимаемся за дѣло съ готовыми, уже вполнѣ опредѣленными понятіями и думаемъ, что объяснимъ себѣ предметъ, какъ скоро подведемъ его подъ эти понятія. Такъ физика принимаясь за изслѣдованіе какихъ нибудь явленій, имѣетъ уже готовыя *механическія понятія* и формы, подъ которыя и старается подвести взятыя явленія. Такъ математикъ, стараясь рѣшить свою задачу, съ полной увѣренностію употребляетъ въ дѣло знакомыя ему неизмѣнныя свойства величины, числа, пространства и пр. Такъ точно происходило дѣло и въ отношеніи къ исторіи, къ медицинѣ и т. д. Мыслить готовыми понятіями и говорить готовыми словами — вотъ самый обыкновенный пріемъ, который долго считался единственнымъ и конечно никогда не выйдетъ изъ употребленія. Было напр. время, когда образованный человѣкъ считалъ своимъ долгомъ писать и говорить не иначе какъ цицероновской латынью, т. е. не употреблять ни одного слова и ни одного оборота, которыхъ бы не было у Цицерона. Какъ поступали въ отношеніи къ языку, точно также поступали и въ отношеніи къ мысли.

Такой взглядъ на мышленіе и познаніе имѣлъ тѣсную связь со всѣмъ міросозерцаніемъ этого времени, предшествовавшаго развитію естественныхъ наукъ. Это было время полной вѣры въ силу мысли, въ доступность абсолютнаго знанія, въ близость человѣка къ сущно-

Digitized by Google

ств вещей. Тогда возможны были напримѣръ такія убѣжденія, что не существуетъ въ мірѣ ни одного произведенія природы, о которомъ бы не упоминалось у древнихъ, у Аристотеля или у Плинія. Извѣстно, какъ иного изслѣдованіе природы способствовало къ разрушенію авторитета древнихъ. Оказалось, что у древнихъ нельзя найти *всего* что есть въ природѣ; тогда стали сами дѣлать опыты и наблюденія, отважились на собственныя мысли и собственныя выраженія.

Мы упомянули объ авторитетѣ древнихъ только для примѣра. Мы хотѣли только указать на то, что естественныя науки вообще противоположны такому догматическому настроенію мышленія. Именно они отрицаютъ всякія готовыя, предвзятыя понятія; метода ихъ прямо противоположна и состоитъ въ томъ, чтобы *постепенно образовать новыя понятія годныя для изучаемыхъ ими предметовъ.*

Работа образованія новыхъ понятій имѣетъ множество степеней, которыя она и проходитъ одну за другою, стремясь къ полной ясности понятія. Эта цѣль, т. е. понятія вполнѣ ясныя, вполнѣ твердыя и опредѣленныя, разумѣется не достигается; совершенное достиженіе ея было бы концомъ науки; но наука все больше и больше приближается къ этой цѣли.

Работа начинается съ установленія простого, вполнѣ очевиднаго тожества и различія. Это установленіе совершается посредствомъ наименованія, обозначенія словомъ. Первое правило натуралистовъ состояло въ томъ что *вещи одинаковыя должны называться одинаково, а вещи различныя различно.* Отсюда тотчасъ является безчисленное множество *именъ*; каждое животное и растеніе и каждая часть животнаго и растенія, и каждое подраздѣленіе каждой части получаетъ особое названіе. При богатствѣ накопляющихся матеріаловъ очень часто случается, что натуралисты останавливаются на этой первой степени, на приданіи имени. Убѣдившись въ томъ, что найденное имъ растеніе или насѣкомое, или что другое есть дѣйствительно новое, т. е. *различное* отъ извѣстныхъ прежде, натуралистъ ставитъ его приблизительно на мѣсто и даетъ ему названіе, оставляя до другого времени его описаніе, сравненіе и болѣе точное опредѣленіе.

Такимъ образомъ происходитъ на свѣтъ *терминологія*, огромный искуственный языкъ, превосходящій объемомъ каждый изъ естественныхъ языковъ. Языкъ этотъ отличается отъ цицероновскаго и вообще отъ всякаго другого естественнаго языка прежде всего своимъ безобразіемъ; иначе это и не можетъ быть при искуственномъ его

Digitized by Google

происхожденія. Но терминологія тѣмъ не менѣе имѣетъ драгоцѣнныя научныя свойства; во первыхъ она одна для цѣлаго міра, она есть *общій* языкъ; какъ наука есть единая и общая для всѣхъ наука. Во вторыхъ, этотъ безобразный языкъ выкупаетъ свое безобразіе *совершенной опредѣленностію*, точностію значенія. Наше отношеніе къ терминологіи совершенно обратное въ сравненіи съ отношеніемъ къ какому-нибудь естественному языку, родному или чужому. Въ языкѣ мы стараемся понять смыслъ словъ и выраженій, созданный и установленный не нами. Въ терминологіи наоборотъ — мы формируемъ какое-нибудь слово и сами придаемъ ему извѣстный смыслъ. Языкъ есть явленіе, которому мы подчинены; терминологія есть наше созданіе, которымъ мы вполнѣ распоряжаемся.

Сначала терминологія обыкновенно представляетъ хаосъ, пеструю массу словъ; но по мѣрѣ уясненія понятій эти слова измѣняются или замѣняются другими, и тогда слова терминологіи представляютъ между собою извѣстное сродство и группировку, подобно словамъ естественнаго языка. Сначала термины имѣютъ смыслъ простого обозначенія, слѣдовательно подобны собственнымъ именамъ; постепенно они пріобрѣтаютъ смыслъ отвлеченный, какъ имена нарицательныя и глаголы. Однимъ словомъ терминологія постоянно стремится осмыслиться, стать такимъ же воплощеніемъ мысли, какъ и естественный языкъ.

Какъ мы уже замѣтили, дѣло это происходитъ посредствомъ *группировки*. Группировка эта совершается отнюдь не по какимъ нибудь готовымъ и заранѣе опредѣленнымъ схемамъ; напротивъ вся задача и состоитъ въ томъ, чтобы открыть тѣ схемы, которыя въ этомъ случаѣ годятся для предмета. Натуралисты выражаютъ это говоря, что они хотятъ открыть *то то порядокъ, который существуетъ въ природѣ*.

Обыкновенная, готовая логическая схема, съ которой мы приступаемъ къ группировкѣ какихъ нибудь предметовъ или явленій состоитъ, какъ извѣстно, въ дѣленіи и подраздѣленіи, или же обратно въ постепенномъ объобщеніи. Посредствомъ этого пріема получаемъ группы меньшія и частныя, и группы все болѣе и болѣе общія. Но эта схема есть нѣчто столь же общее и ничего не опредѣляющее, какъ и форма слова, одинаково принадлежащая и термину и слову естественнаго языка. Ни раздѣленіе, при которомъ мы идемъ сверху, ни отвлеченіе, при которомъ восходимъ снизу, не могутъ совершаться безъ

Digitized by Google

руководящихъ идей, безъ нѣкотораго постиженія предмета, къ которому прилагаются. Оказалось въ самомъ дѣлѣ, что эти формы логики суть дѣйствительно *голыя* или пустыя формы; онѣ не выражаютъ собою природы предметовъ, точно также какъ слова естественнаго языка не обозначаютъ всего ихъ разнообразія.

Часто утверждаютъ, и въ послѣднее время чаще прежняго, что мышленіе есть нѣкоторый механическій подборъ частностей, что оно идетъ слѣпо отъ мелкихъ фактовъ и подробностей, что оно обработываетъ ихъ само не зная, что изъ нихъ выйдетъ, но послѣдствіе этой обработки доходитъ наконецъ до общихъ выводовъ и понятій. Исторія естественныхъ наукъ какъ нельзя лучше опровергаетъ такое пониманіе дѣла. Натуралисты, которые первые занялись изученіемъ органическихъ предметовъ и явленій, конечно отлично владѣли механическими пріемами логики, наведеніемъ, отвлеченіемъ, дѣленіемъ и т. п.; между тѣмъ очень долгое время они были положительно въ отчаяніи отъ невозможности совладать съ предметомъ. Безчисленныя попытки оказывались неудовлетворительными и неудачными; множество самыхъ усильныхъ трудовъ пропало даромъ. Дѣло пошло на ладъ только тогда, когда это пристальное и такъ сказать страстное вниманіе къ природѣ породило наконецъ въ умахъ искателей нѣкоторыя идеи, которыя и стали руководить изысканіемъ.

Эти идеи часто были не ясны, односторонни, преувеличены; но тѣмъ не менѣе только они одни дали развитіе наукѣ. Полная исторія ихъ была бы весьма поучательна. Въ видѣ примѣра укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно руководившія натуралистовъ въ такомъ, по видимому, механическомъ дѣлѣ, какъ группировка фактовъ. Сюда принадлежатъ:—идея естественнаго *сродства*; идея о восходящей *линіи*, или большемъ и меньшемъ *совершенствѣ* организмовъ; Лейбницевская мысль о непрерывности, о томъ, что природа *не дѣлаетъ скачковъ*; идея о большей или меньшей *важности* органовъ; идея *гомологій*, или такъ называемаго единства органическаго состава; идея законовъ сосуществованія и т. д.

Чтобы понять, какъ зараждались и дѣйствовали эти идеи, вспомнимъ исторію перваго появленія понятій о естественномъ сродствѣ, этой первой основѣ естественной системы. Въ то время когда уже существовало множество классификацій растительнаго царства, нѣкоторые великіе натуралисты стали находить, что растенія имѣютъ какую-то особенную *физиономію*, невыразимую словами, и что если руководиться

Digitized by Google

этою физіономіею, то можно расположить ихъ въ группы, въ которыхъ члены будутъ сходны между собою, какъ бываютъ сходны люди одного *семейства*, люди связанные *родствомъ*. Очевидно природа говорила въ этомъ случаѣ слишкомъ рѣзко и ярко, такъ что внимательные люди не могли не услышать ея таинственнаго голоса. Бернаръ Жюссье, смотритель сада въ Тріанонѣ, сталъ разсаживать разводимыя тамъ растенія по указанію этого сродства, въ которомъ не умѣлъ дать себѣ отчета. Точно также Линней до самой смерти составлялъ и переправлялъ списки растеній, расположенные по этой *естественной системѣ*, но до самой смерти не могъ найти *общихъ признаковъ* для группъ, которыя такимъ образомъ получались, и потому не давалъ имъ опредѣленія и не дѣлалъ ихъ описанія. «Нужно», говорилъ онъ, «тайно, про себя (occulte) вникать въ форму растенія, для того чтобы *отгадать* (divinare) его природу».

Такимъ образомъ натуралисты, по свидѣтельству этого удивительнаго генія, суть *отгадчики* природы. Мало по малу то, что́ было отгадано, становилось яснымъ и понятнымъ для всѣхъ, находило себѣ выраженіе въ опредѣленныхъ словахъ. Нѣкоторыя естественныя группы опредѣлились и выяснились съ большою отчетливостію. Онѣ послужили образцомъ, на основаніи котораго сформировывались другія группы. Главное же — натуралисты скоро отказались отъ желанія вдругъ и сейчасъ найти естественную систему въ цѣломъ ея составѣ. Они поняли, что на этомъ пути, на пути отысканія *порядка существующаго въ самой природѣ*, нельзя слишкомъ скоро достигнуть конца, что природа не отгадывается вдругъ. Самая постепенность выясненія естественныхъ типовъ стала правиломъ въ изученіи природы.

Если растенія могли говорить такъ громко и явственно, то еще громче и явственнѣе говорили глазамъ натуралиста формы и явленія животной жизни. Постиженіе животныхъ было легче вслѣдствіе сродства ихъ жизни съ человѣческою жизнью. Вотъ почему всѣ главныя формулы и пріемы органическихъ наукъ были найдены при изученіи животнаго царства, и отсюда уже перенесены и переносятся на царство растительное.

Въ животныхъ прямо открывалась возможность судить о бо́льшемъ или меньшемъ *совершенствѣ* организмовъ; животное тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ближе къ человѣку. Такимъ образомъ получалась восходящая линія, *рядъ степеней*, образуемый различными формами.

Digitized by Google

Точно также въ организмахъ животныхъ ясно обнаруживалась разница между частями болѣе существенными и менѣе существенными.

Органы непремѣнно разсматривались въ извѣстномъ *подчиненіи* и въ извѣстной *связи*, потому что всегда существовало хотя понятіе темное объ ихъ отправленіи, объ ихъ значеніи для цѣлаго организма. Такимъ образомъ на примѣръ отъ древности было ясно и извѣстно, что наружныя части животныхъ суть только служебныя, менѣе существенныя, а что главныя, господствующія части содержатся внутри. Аристотель считалъ главнымъ органомъ животныхъ сердце. Линней, несмотря на почти совершенное отсутствіе въ его время сравнительной анатоміи, полагалъ однако же общимъ правиломъ, что раздѣленіе животныхъ должно основываться на ихъ внутреннемъ устройствѣ: divisio naturalis animalium ab interna structura indicatur. Сообразно съ тогдашнимъ состояніемъ физіологіи и сообразно съ механическимъ воззрѣніемъ на жизнь тогдашней философіи, онъ приписывалъ крови и кровеобращенію огромное значеніе и потому раздѣлялъ животныхъ по крови и по устройству сердца. Въ послѣдующее время Кювье дѣлилъ животныхъ уже по другому органу, который оказался самымъ существеннымъ, по нервной системѣ.

Замѣчательно и поучительно при этомъ то, что Аристотель не имѣлъ никакого понятія о кровеобращеніи и слѣдовательно о значеніи сердца. Поэтому, признавая сердце главнымъ органомъ, онъ слѣдовалъ только простой потребности—найти въ животномъ главную, существенную часть. Животное есть очевидно существо сосредоточенное; слѣдовательно гдѣ нибудь у него долженъ быть центръ; Аристотель назначилъ сердце по тому рѣзкому признаку, по которому и всякая народная физіологія приписываетъ этому органу центральное значеніе — по безпрерывному движенію. Важности мозга Аристотель и не подозрѣвалъ.

Линней уже зналъ кровеобращеніе. Но онъ не имѣлъ никакого понятія объ устройствѣ кровеносной системы у низшихъ животныхъ; онъ не зналъ хорошенько даже устройства сердца у высшихъ животныхъ; и однако же онъ рѣшился основать свое раздѣленіе на такомъ мало извѣстномъ признакѣ. Очевидно это сдѣлано было вслѣдствіе той важности, которую онъ приписывалъ кровеобращенію.

Когда наконецъ оказалось, что наибольшая важность принадлежитъ органу, не поражающему насъ никакимъ движеніемъ, никакимъ внѣшнимъ проявленіемъ, —нервной системѣ, Кювье сталъ дѣлить жи-

Digitized by Google

вотныхъ по этому органу. Не нужно однакоже забывать, что отправленія нервной системы были для Кювье загадкою, точно также какъ онѣ остаются загадкою и для насъ. Относительно кровеобращенія мы уже многое знаемъ; значеніе различнаго устройства сердца, бывшее неизвѣстнымъ Линнею, намъ извѣстно. Но относительно нервной системы мы не можемъ этого сказать; значеніе ея различныхъ формъ— тайна. Одно мы знаемъ несомнѣнно—что она есть дѣйствительно центральный органъ животныхъ; слѣдовательно различіе ея формъ *должно имѣть* главное значеніе, хотя *какое*—мы не знаемъ.

Вотъ нѣкоторыя указанія на тѣ пути, которыми идутъ натуралисты. Очевидно, если бы мы вздумали слѣдить за ними подробнѣе, то мы должны бы были войти въ частности и приняться строить ихъ науку съ основанія. Поэтому скажемъ лучше въ общихъ словахъ о результатѣ, котораго они достигли. При непрестанныхъ усиліяхъ, впадая во всякія ошибки и разнорѣчія, но постоянно сглаживая и исправляя ихъ наблюденіемъ фактовъ, а главное — руководясь той проницательностію, которая дается всякой истинной страсти, они создали цѣлую *систему особыхъ понятій,* выражаемыхъ особыми словами и вполнѣ годныхъ для своей цѣли, т. е. для пониманія природы. Эта система, безпрестанно совершенствующаяся и пополняющаяся, представляетъ удивительную гибкость и разнообразіе формъ, ни мало однако не теряющихъ строгой опредѣленности. Возьмемъ напримѣръ формы *дѣленія*. Дѣленіе обыкновенно понимается механически, какъ простое раздробленіе на одинаковыя части, или какъ простое расположеніе предметовъ въ разные ящики, различающіеся только своимъ мѣстомъ. Натуралисты же нашли для дѣленія разнообразнѣйшія формы, въ которыхъ различіе и отношеніе вещей выражается съ величайшею точностію. Два организма не разсматриваются просто какъ двѣ различныя вещи, которыя нужно положить въ два различные ящика; натуралисты опредѣляютъ, что одинъ изъ нихъ *совершеннѣе* другого, что одинъ составляетъ *зачаточную*, или *переходную*, или *вырождившуюся*, или *параллельную*, или *викарную* форму другого и т. д., и т. д.

Эти понятія, *новыя* понятія, не существующія въ обыкновенномъ составѣ языка, мало по малу входятъ въ общее употребленіе и служатъ для болѣе яснаго пониманія, для болѣе правильнаго формулированія всякаго рода мыслей. Такъ, если кто приводитъ въ порядокъ какіе бы ни было предметы, распредѣляетъ и классифицируетъ какіе

Digitized by Google

бы то ни было факты, то онъ не можетъ лучше похвалить и опредѣлить свой трудъ, какъ сказавши, что онъ старается расположить предметы и факты *по ихъ естественной системѣ*. Если кто устраиваетъ какое нибудь обширное и сложное дѣло, тотъ всего лучше выразитъ свои старанія сказавши, что онъ *организуетъ* дѣло. Точно также употребляются, какъ правильныя и ясныя формулы множество другихъ словъ: *разновидность*, *метаморфоза*, *типъ* и его *уклоненія*, формы *зачаточныя*, и *зрѣлыя*, и т. д. Всѣ эти понятія суть отвлеченія отъ явленій органической природы; въ наукахъ объ организмахъ они имѣютъ свое точное, наглядное приложеніе; онѣ здѣсь воплощены въ безчисленныхъ примѣрахъ.

Чтобы понять всю важность этой системы особыхъ понятій, замѣтимъ, что главная ихъ нить, та идея, которая ихъ связываетъ, та метода, по которой они образуются, есть принципъ *развитія*; а содержаніе, которое развивается въ этой системѣ, которое воплощается во всѣхъ ея частностяхъ и развѣтвленіяхъ, есть ничто иное какъ содержаніе *человѣческой жизни*, какъ самъ человѣкъ въ полномъ объемѣ его сущности. *Развитіе* есть главное понятіе наукъ объ организмахъ; всѣ органическія тѣла и явленія могутъ быть понимаемы не иначе, какъ различныя степени, формы, остановки, уклоненія и т. д. въ развитіи нѣкоторой одинаковой сущности. Только такимъ образомъ органическая природа получаетъ единство и связь во всѣхъ частяхъ. Содержаніе же, которое такимъ образомъ развивается, имѣетъ свое полное воплощеніе въ человѣкѣ. Всѣ другіе организмы представляютъ только большую или меньшую частицу этого самаго содержанія. Безчисленныя формы организмовъ суть только видоизмѣненія, только разнообразныя варіяціи на одну и туже тему.

Такова цѣль, таково направленіе и настроеніе органическихъ наукъ, хотя они еще далеки отъ полнаго осуществленія этихъ своихъ стремленій. Тѣмъ не менѣе указать на эту цѣль мы можемъ съ полною увѣренностію, съ такою же увѣренностію, съ какою нѣкогда Линней говорилъ, что *естественная система есть и будетъ крайнею цѣлью Ботаники*. Понятія, которыя образуются органическими науками, проясняются медленно, постепенно; но, на какой бы степени ясности мы ни нашли ихъ въ данное время, мы должны признать, что ихъ цѣль, тотъ видъ, къ которому стремится привести ихъ наука, есть полная ясность, совершенная прозрачность. Возьмемъ для примѣра понятіе *млекопитающихъ*, которое было установлено уже

Digitized by Google

Линнеемъ. Линней могъ только весьма поверхностно знать признаки этого понятія, могъ только весьма слабо понимать связь между этими признаками. Онъ ничего не зналъ о кислородѣ, объ источникѣ животной теплоты, объ исторіи развитія и т. д. Мало по малу мы узнали, что устройство легкихъ, теплота крови, сила мышцъ, крѣпость и величина костей, а слѣдовательно и величина нервной системы, что все это тѣсно связано между собою. Мы умножили и безпрестанно умножаемъ число признаковъ, свойственныхъ млекопитающимъ; мы чѣмъ дальше, тѣмъ больше открываемъ взаимную связь этихъ признаковъ; такимъ образомъ это понятіе становится для насъ все яснѣе и яснѣе. Полное же его уясненіе совершится тогда, когда мы будемъ въ состояніи смотрѣть на млекопитающихъ какъ на извѣстную *степень* животной организаціи, которая, по самой сущности этой организаціи могла явиться только въ этихъ, а не въ другихъ формахъ.

Такого рода уясненіе всей системы понятій, образуемыхъ органическими, науками составляетъ конечную цѣль этихъ наукъ, подобно тому какъ конечною цѣлью физики полагается механическое объясненіе всѣхъ разсматриваемыхъ ею явленій.

Вотъ главныя характеристическія черты того метода, который господствуетъ въ естественныхъ наукахъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ наукахъ, занимающихся организмами и носящихъ скромное названіе описательныхъ или наблюдательныхъ. Безъ пониманія этого метода не возможно понять настоящаго достоинства этихъ наукъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Между тѣмъ нельзя не сознаться, что этотъ методъ весьма мало извѣстенъ, весьма рѣдко правильно понимается и что сами натуралисты большею частію не приводятъ себѣ въ ясное сознаніе этого метода, составляющаго душу ихъ работъ. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ; можно дѣйствовать въ наукѣ весьма плодотворно и успѣшно, не отдавая себѣ яснаго отчета въ методѣ, точно также, какъ можно обладать большою физическою силою и совершать большія физическія работы, не имѣя никакого понятія о физіологіи мускуловъ и костей. Въ Математикѣ почти вовсе нѣтъ вопроса о методѣ; къ чему въ самомъ дѣлѣ спрашивать о немъ, когда математикъ чувствуетъ себя на вполнѣ твердой почвѣ, когда его разсужденія имѣютъ сами по себѣ характеръ полной очевидности, совершенной убѣдительности. Нѣчто подобное случилось и съ естественными науками; и это обстоятельство скорѣе составляетъ хорошій при-

Digitized by Google

знакъ, признакъ внутренней живучести метода, признакъ его не зависимости отъ того, какъ его понимаетъ тотъ или другой.

Между тѣмъ когда дѣло идетъ о значеніи предмета въ преподаваніи, объ образовательномъ вліяніи предмета, ясное понятіе о его методѣ необходимо. Въ этомъ отношеніи естественныя науки гораздо менѣе щастливы, чѣмъ математика и языки. Строгость математическихъ пріемовъ ни кѣмъ не подвергается сомнѣнію, хотя руководящая нить этихъ пріемовъ обыкновенно вовсе не сознается, вовсе упускается изъ виду. Доказательства у насъ на лицо. Казалось бы что можетъ быть *строже*, чѣмъ элементы Эвклида? Между тѣмъ покойный Остроградскій, задумавъ писать *основанія*, *Геометріи*, рѣшился перемѣнить методъ, слѣдовательно нашелъ методъ Эвклида не достаточнымъ. Многимъ это можетъ показаться страннымъ, именно потому, что имъ кромѣ *строгости* казалось бы больше ничего не нужно.

Точно также изученіе языка имѣетъ въ свою пользу основанія, ясныя съ перваго взгляда. Метода языка есть метода мысли; грамматика есть воплощенная логика; формы рѣчи изображаютъ собою формы мышленія.

Въ естественныхъ же наукахъ, т. е. именно въ наукахъ органическихъ и описательныхъ, гораздо труднѣе усмотрѣть ихъ внутреннюю душу, ихъ существенный методъ. Для этого нужно быть довольно тѣсно знакомымъ съ самими науками. Поэтому до сихъ поръ здѣсь господствуютъ величайшія недоразумѣнія. А именно—одни вовсе не признаютъ въ этихъ наукахъ *никакого* метода; другіе же воображаютъ, что въ нихъ господствуетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ господствовать тотъ же самый методъ, какъ въ наукахъ химическихъ и механическихъ, — методъ менѣе трудный и глубокій, и потому легче понимаемый.

Для первыхъ естественныя науки кажутся просто собраніемъ фактовъ, наборомъ безчисленныхъ описаній. Понятно, что при такомъ взглядѣ эти науки теряютъ всякое достоинство, какъ знанія еще не осмысленныя, еще чуждыя настоящаго научнаго элемента. Дѣло выходитъ нисколько не лучше, если такимъ научнымъ элементомъ считаютъ здѣсь *индукцію*, именно разумѣя подъ индукціею *подведеніе частныхъ случаевъ подъ общія понятія* (См. статью г. *Бекетова*: О приложеніи индуктивнаго метода мышленія къ преподаванію естественной исторіи въ Гимназіяхъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1863 Декабрь). Методъ естественной исторіи будто бы состоитъ въ томъ,

Digitized by Google

что *по данному описанію* учащійся можетъ узнавать предметы, подходящіе подъ описаніе. Я знаю, напримѣръ, признаки *птицы* вообще и потому, встрѣтивъ какую-нибудь птицу, отыскиваю въ ней эти признаки и дѣлаю заключеніе: *вотъ птица*. Въ этомъ будто бы заключается наведеніе, и въ такомъ наведеніи будто бы состоитъ существенный методъ естественной исторіи. Если такъ, то это равняется полному отсутствію всякаго метода. Всякій методъ состоитъ въ пріемахъ, посредствомъ которыхъ *образуются* понятія или *находятся* сужденія: употребленіе же *готовыхъ* понятій и сужденій можетъ совершаться и часто совершается безъ всякаго пониманія того метода, по которому эти понятія образованы и эти сужденія найдены. Такъ можно дѣлать вычисленія при помощи логариѳмическихъ таблицъ, не имѣя понятія о теоріи логариѳмовъ. Точно также можно очень хорошо *опредѣлять* животныхъ и растенія, нисколько не понимая сущности метода и научнаго значенія дѣла. Только при ясномъ пониманіи метода это опредѣленіе можетъ составить дѣйствительное упражненіе въ методѣ, поясненіе его частными примѣрами.

Другіе, какъ я сказалъ, смѣшиваютъ естественноисторическій методъ съ методомъ наукъ механическихъ и химическихъ, не полагая впрочемъ никакого различія и между этими науками, т. е. признавая и химическія явленія механическими. При такомъ взглядѣ органическія науки теряютъ свою самостоятельность, свое научное достоинство, и въ отношеніи къ общему образованію оказываются въ одно время и трудными и излишними. Они излишни, если научные пріемы ихъ тѣже, какъ въ физикѣ и химіи; и они трудны, если для изученія ихъ необходимо прежде знать физику и химію. И то и другое одинаково несправедливо. Сведеніе органическихъ явленій на химическія и физическія есть обыкновенный пріемъ, по которому мы всегда стараемся свести высшее на низшее, разложить сложное на его элементы, многообразное на простое. Это анализъ, который не сознаетъ еще необходимости синтеза. Рано или поздно но почувствуется потребность вернуться назадъ и тогда окажется, что высшія явленія природы суть вмѣстѣ и существеннѣйшія явленія, что въ нихъ-то и нужно искать ключа къ разгадкѣ другихъ явленій. Еще недавно думали строить органическую химію по подобію неорганической; теперь же оказалось, что нужно наоборотъ неорганическую химію перестроить по подобію органической, что химическія явленія мертвыхъ тѣлъ составляютъ только частный случай химическихъ явленій, совершающих-

Digitized by Google

ся въ организмахъ. Точно также можно надѣяться, что со временемъ не органическія науки разрѣшатся въ физику и химію, а обратно химія и физика будутъ преобразованы и оплодотворены органическими науками. Какъ бы то ни было въ настоящую минуту тѣ и другія науки существуютъ отдѣльно, самостоятельно и слѣдовательно могутъ быть самостоятельно изучаемы.

III.

Теперь мы уже можемъ видѣть, на сколько естественныя науки удовлетворяютъ требованіямъ, какія дѣлаются относительно общеобразовательнаго предмета. Онѣ имѣютъ или способны имѣть всѣ тѣ свойства, какія мы считали нужными и важными въ предметѣ входящемъ въ общее образованіе, такъ что ихъ несомнѣнно можно поставить наряду съ математикой и языками.

Прежде всего онѣ въ высокой степени *элементарны*, т. е. въ нихъ научное дѣло начинается съ начала, съ научныхъ элементовъ. Поэтому они не требуютъ подготовки и вмѣстѣ не допускаютъ искаженія. Для изученія физики нужна математическая подготовка; для изученія исторіи и географіи нужно весьма обширное развитіе понятій; напротивъ для геометріи не нужно никакой подготовки; ей ничего ненужно, кромѣ представленія пространства. Такъ точно и естественныя науки начинаютъ съ простѣйшихъ формъ и представленій и только постепенно усложняютъ свои понятія. Другіе предметы дѣлаются элементарными насильственно, ихъ нарочно *приводятъ въ элементарный видъ*; для естественныхъ наукъ, точно такъ какъ для геометріи, элементарный видъ есть ихъ естественный натуральный видъ. Краткая исторія есть во всякомъ случаѣ исторія *сокращенная*, исторія сжатая и скомканная для извѣстной надобности. Между тѣмъ даже таблицу животнаго царства, помѣщающуюся на одной страницѣ, уже нельзя назвать сокращеніемъ; форма таблицы есть натуральная, научная форма. Вотъ почему въ естественныхъ наукахъ почти вовсе нѣтъ различія между учебниками и учоными книгами; перевороты въ наукѣ, совершенные Линнеемъ, Жюссье, Кювье были совершены посредствомъ тѣхъ учебниковъ, которые они написали. Такъ естественно учебная форма совпадаетъ здѣсь съ строгою формою науки. И такъ естественныя науки вполнѣ обладаютъ тѣмъ преимуществомъ, что могутъ войти

Digitized by Google

въ общее образованіе не въ видѣ искаженномъ, упрощенномъ, такъ или иначе измѣненномъ, а въ настоящемъ научномъ своемъ видѣ. Учащіеся, занимаясь ими, будутъ питаться настоящею, здоровою умственною пищею, а не разжиженными и разсыропленными крохами науки.

Отсюда слѣдуетъ само собою, что естественныя науки суть предметъ *строгій*, т. е. способный къ отчетливому преподаванію. Въ исторіи или въ той наукѣ, которая называется Русской Словесностью, никто не станетъ требовать отъ ученика вполнѣ яснаго пониманія историческихъ событій или словесныхъ произведеній; неисполнимость требованія слишкомъ очевидна и потому допускаются всевозможныя снисхожденія, признаются законными всевозможныя степени пониманія, такъ какъ нѣтъ возможности достигнуть настоящей степени, т. е. полнаго пониманія. Совершенно другое дѣло въ геометріи или въ языкахъ; тутъ знаніе отъ незнанія отдѣляется рѣзко; тутъ есть возможность совершенно правильнаго пониманія, полнаго владѣнія предметомъ и потому ошибки и промахи ясны, легко указываются, легко исправляются и ни въ какомъ случаѣ не считаются законными и простительными. Совершенно тоже и въ естественныхъ наукахъ. Одно изъ двухъ—ученикъ или съумѣлъ опредѣлить данный органъ, данный организмъ, или не съумѣлъ; онъ нашолъ его мѣсто и названіе, или же не нашолъ и поставилъ на чужое мѣсто, назвалъ чужимъ именемъ. Никакая неопредѣленность невозможна.

Если же такъ, то отсюда слѣдуетъ далѣе, что естественныя науки суть предметъ *трудный*, не менѣе трудный, чѣмъ математика и языки. Другіе предметы легче именно потому, что допускаютъ всякого рода поверхностность пониманія и изложенія. Поэтому ими можно бываетъ иногда овладѣть вдругъ, въ короткое время; въ нихъ многое можно взять одною памятью, схватывая слова и выраженія и упуская внутренній смыслъ. Естественныя науки не поддаются поверхностному изученію и потому берутъ много времени; въ нихъ нужно идти шагъ за шагомъ и нужно отдавать себѣ отчетъ въ каждой подробности. Многіе ставятъ въ упрекъ естественной исторіи эту видимую безсвязность подробностей, эти безчисленные термины и подраздѣленія; такой упрекъ всего лучше показываетъ, какъ мало доступенъ смыслъ этой науки для поверхностнаго взгляда. Такъ люди, не знакомые съ математикой смѣются надъ алгебрическими знаками и формулами; что ясно для знающаго, то часто кажется безсмысленнымъ и страннымъ для незнающаго.

Digitized by Google

Далѣе—не смотря на свою трудность или скорѣе именно по своей трудности, естественныя науки представляютъ предметъ, *которому можно научиться*, который возможно въ школѣ усвоить себѣ въ значительной степени. Такъ точно можно научиться языку или геометріи, между тѣмъ какъ нельзя въ томъ же самомъ смыслѣ слова *научиться* исторіи, или географіи, или русской словесности. Настоящее, зрѣлое пониманіе такой науки, какъ напримѣръ исторія, въ школѣ не можетъ быть достигнуто. Между тѣмъ естественную исторію можно узнать столь же ясно, глубоко, опредѣленно, можно понимать ее столь же отчетливо, какъ мы понимаемъ геометрическія теоремы. Настоящій учебный предметъ тѣмъ и отличается, что въ немъ можно достигнуть настоящаго изученія. Такъ, обучая языку, мы можемъ добиваться полнаго владѣнія этимъ языкомъ, возможности читать и говорить на немъ. Подобное обладаніе предметомъ возможно и въ естественныхъ наукахъ. Можно научиться этому языку природы и достигнуть возможности читать ея произведенія.

Такимъ образомъ мы приходимъ наконецъ къ тому, что какъ всякій настоящій учебный предметъ, естественныя науки не только допускаютъ *упражненія*, но даже непремѣнно ихъ требуютъ. Упражненія составляютъ необходимое слѣдствіе полнаго усвоенія предмета; ими усвоеніе укрѣпляется, развивается и повѣряется. Въ естественныхъ наукахъ упражненія также возможны и необходимы, какъ въ языкахъ и математикѣ. Учащійся можетъ и долженъ самъ собирать животныхъ и растенія, самъ наблюдать и сравнивать, самъ дѣлать ихъ анализъ или анатомію, самъ находитъ ихъ мѣсто въ системѣ. Какая разница напримѣръ съ исторіею, въ которой ученикъ ничего самъ не дѣлаетъ, а только пассивно воспринимаетъ слова учителя!

Ко всѣмъ этимъ условіямъ, по которымъ естественныя науки ставятся вполнѣ въ разрядъ предметовъ учебныхъ, общеобразовательныхъ, нужно прибавить еще одно обстоятельство, обыкновенно упускаемое изъ виду. Именно — естественныя науки, подобно математикѣ и языкамъ, суть предметъ отвлеченный, далекій отъ жизни, отъ практическихъ житейскихъ отношеній. Поэтому изучать ихъ удобно именно тогда, когда человѣкъ, какъ обыкновенно говорятъ, еще только готовится къ жизни, а правильнѣе сказать — живетъ преимущественно отвлеченной, умственной жизнью. Для взрослаго человѣка математика кажется сухою, изученіе спряженій и склоненій—несносною работою; точно также для него будутъ скучны безчисленныя подробности есте-

Digitized by Google

ственныхъ наукъ. Для ума же только что пробуждающагося все это можетъ имѣть весьма живой интересъ, даже именно по своему элементарному характеру. Что касается до естественной исторіи, то извѣстно, что при хорошемъ преподаваніи, она увлекаетъ дѣтей необыкновенно, что ей предаются со страстью.

Совершенно обратно должно сказать о другихъ предметахъ. Изучать исторію, географію, словесность, вообще все то, что́ касается формъ человѣческой жизни, несравненно удобнѣе и интереснѣе въ то время, когда человѣкъ уже развился, уже самъ вступилъ въ нѣкоторыя практическія отношенія къ жизни. Для мальчика же всѣ эти предметы могутъ имѣть не настоящій полный интересъ, а только интересъ умаленный и въ извѣстной степени извращенный. Кто не изучалъ и не обдумывалъ исторіи уже въ зрѣлыя лѣта, въ возрастъ сложившихся понятій, тотъ едва ли что-нибудь понимаетъ въ исторіи. Обратно, кто не изучалъ математики, языковъ, естественныхъ наукъ въ школьномъ возрастѣ, для того будетъ необыкновенно трудно усвоить себѣ эти предметы въ зрѣлыя лѣта.

До сихъ поръ мы доказывали только то, что естественныя науки совершенно *годны* для общаго образованія; прибавимъ къ этому наконецъ, что ихъ никакъ нельзя считать лишними, что неправильно было бы, если бы мы вздумали ограничиться языками и математикой. Міръ человѣка какъ извѣстно двоякій: внутренній и внѣшній. Упражненіе въ языкахъ есть упражненіе въ формахъ внутренняго міра. Математика конечно занимается формами внѣшняго міра; но тѣ формы, которыми она занимается, суть наиболѣе субъективныя, суть столько же формы нашего пониманія, какъ и формы вещей. И такъ необходимо ввести еще науки, предметомъ которыхъ былъ бы дѣйствительно внѣшній міръ; которыя бы занимались внѣшнимъ созерцаніемъ и отъ такого созерцанія исходили.

Механика, физика, астрономія не могутъ удовлетворять этому требованію, потому что онѣ вполнѣ подчинены математикѣ, подводятъ свои явленія подъ математическія формы. Слѣдовательно для всесторонняго умственнаго развитія нужно обратиться къ наукамъ естественнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. къ наукамъ по преимуществу органическимъ. Здѣсь господствуетъ полная объективность и учащійся научится видѣть природу въ ея настоящемъ свѣтѣ, то есть не какъ голый и грубый механизмъ (пониманіе, основанное на субъективномъ по-

Digitized by Google

строеніи природы), а какъ сферу явленій, исполненныхъ жизни и глубокой самостоятельности.

IV.

Вотъ краткая характеристика естественныхъ наукъ, какъ общеобразовательнаго предмета. Точка зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ на дѣло, есть по моему крайнему разумѣнію—единственно вѣрная точка. Какъ бы она не казалась странною, однимъ слишкомъ новою, другимъ вѣроятно слишкомъ старою, я убѣжденъ, что только съ ней одной можно какъ слѣдуетъ понять и рѣшить вопросъ.

По случаю преобразованія нашихъ гимназій у насъ въ литературѣ давно уже ведется споръ о значеніи естественныхъ наукъ въ общемъ образованіи. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ г. Бекетова, наши натуралисты не принимали никакого участія въ этомъ спорѣ, такъ что и защитники естественныхъ наукъ и ихъ противники были люди, совершенно незнакомые съ тѣмъ предметомъ, о которомъ спорили. Отъ этого произошло, что споръ шолъ не о настоящемъ дѣлѣ, а о какомъ-то фантастическомъ предметѣ, который спорящіе создали въ своемъ воображеніи и подставили на мѣсто настоящаго предмета. Хотя и нельзя согласиться со взглядомъ г. Бекетова, но нельзя не видѣть, что онъ одинъ покрайней мѣрѣ говорилъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ, разсуждалъ о настоящихъ естественныхъ наукахъ, а не о фантастическихъ, и правильно указалъ на тѣ упражненія, которыя возможны и необходимы при преподаваніи естественной исторіи.

Для другихъ сторонниковъ естественныя науки были исполнены какихъ-то чудесъ, въ которыхъ они не умѣли дать себѣ хорошенько отчета. Имъ мечтались какія-то очень легкія и быстрыя проницанія въ таинства природы; они толковали и о новомъ міросозерцаніи, и о жизни цѣлой природы, излагаемой въ общей картинѣ, и о новой гуманности и т. д. Общій характеръ этихъ толковъ состоялъ въ томъ, что естественнымъ наукамъ приписывалась какая-то небывалая стройность и законченность; дѣлалось же это именно потому, что упускалась изъ виду трудность и сложность ихъ настоящей задачи, а слѣдовательно не было и мысли о тѣхъ дѣйствительныхъ научныхъ пріемахъ, посредствомъ которыхъ они овладѣваютъ своею задачею.

Противники говорили совершенно въ томъ же духѣ какъ защит-

Digitized by Google

ники. Они видѣли въ естественныхъ наукахъ или одно грубое скопленіе фактовъ, чуждое научнаго элемента, или же какую-то общую теорію, доступную въ настоящемъ ея смыслѣ только умамъ развитымъ и хорошо приготовленнымъ. Изъ этого слѣдовало, что преподаваніе естественныхъ наукъ или ничтожно въ образовательномъ отношеніи или же недоступно. Поэтому безпрестанно слышались рѣчи о какомъ-то *верхоглядствѣ*, которое будто бы порождается естественными науками, подобно тому какъ фразерство и верхоглядство часто порождаются преподаваніемъ исторіи, словесности, и вообще предметовъ, несоотвѣтствующихъ умственнымъ силамъ учащихся. Все это можно сказать только о фантастическихъ а никакъ не о дѣйствительныхъ естественныхъ наукахъ; упрекъ въ верхоглядствѣ будетъ совершенно справедливъ, если его отнести къ нашимъ защитникамъ естествознанія, а не къ тому вліянію, которое оно дѣйствительно производитъ на учащихся. Преподаваніе естественныхъ наукъ представляетъ трудное и постепенное введеніе учащихся въ цѣлый міръ особыхъ понятій; въ этихъ наукахъ нѣтъ никакихъ предвзятыхъ теорій (какъ напримѣръ въ физикѣ); напротивъ всѣ ихъ пріемы ведутъ къ возможному расширенію взгляда, къ большей и большей гибкости категорій.

Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ введенія естественныхъ наукъ въ общее образованіе состоитъ конечно въ томъ, что эти науки еще не достигли той полной оконченности и строгой обработки, какую имѣютъ напримѣръ элементарная геометрія или грамматика, положимъ, латинскаго языка. Нельзя не видѣть, что въ естественныхъ наукахъ многое еще только установляется, еще не успѣло вполнѣ установиться и принять строгую форму. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ вспомнить недавнее появленіе теоріи Дарвина. Конечно эта теорія не представляетъ переворота, не становится въ противорѣчіе съ прежними пріобрѣтеніями науки; напротивъ она составляетъ ихъ правильное и неизбѣжное послѣдствіе. Но очевидно также, что Дарвинова теорія еще не уложилась въ строго-научныя формы, что она еще носитъ на себѣ печать борьбы съ гипотезами, имѣвшими ходъ до нее, и сама является подъ покровомъ новыхъ, хотя противоположныхъ гипотезъ.

Кромѣ того, какъ предметъ новый для элементарнаго преподаванія, естественныя науки еще не имѣютъ окончательной, вполнѣ твердой учебной обработки, т. е. правильнаго и стройнаго сведенія въ одно цѣлое даже того, что уже прочно установилось и близко къ строгимъ

Digitized by Google

формамъ. Наибольшаго совершенства въ этомъ отношеніи достигла систематика отдѣльныхъ организмовъ, разсматриваемыхъ отвлеченно, то есть описательная зоологія и описательная ботаника. Другія части представляютъ еще нѣкоторую шаткость въ изложеніи, шаткость, которая впрочемъ, какъ обыкновенно бываетъ съ новыми предметами, далеко не означаетъ шаткости самаго научнаго содержанія.

Такимъ образомъ преподаваніе естественныхъ наукъ гораздо труднѣе, чѣмъ преподаваніе другихъ, болѣе установившихся предметовъ. Для того чтобы оно вполнѣ достигло своей цѣли, преподаватель долженъ владѣть наукою нѣсколько болѣе, чѣмъ мы обыкновенно привыкли требовать отъ преподавателя общеобразовательныхъ заведеній. Прибавимъ къ этому, что естественныя науки вообще весьма обширны, весьма сложны, а между тѣмъ извѣстная полнота знанія въ нихъ необходима для того, кто учитъ. Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые въ нашемъ спорѣ утверждали, что учителей филологовъ у насъ найти трудно, тогда какъ учителей натуралистовъ будто бы найти легко. Хорошіе натуралисты, вполнѣ годные для преподаванія естественныхъ наукъ у насъ большая рѣдкость, и виною въ этомъ конечно большое несовершенство нашего университетскаго преподаванія.

Все это совершенно справедливо и однако же составляетъ не болѣе какъ трудности, сопровождающія начало всякаго дѣла. Если мы вспомнимъ, какъ быстры успѣхи естественныхъ наукъ, съ какою удивительною скоростію они развиваются, то мы убѣдимся, что находимся на порогѣ времени, когда эти науки будутъ имѣть вполнѣ строгую, ясную, отчетливую форму. Съ каждымъ днемъ ихъ научная форма твердѣетъ и уясняется; вмѣстѣ съ этимъ изученіе и преподаваніе ихъ становится легче и легче; и скоро не останется и тѣни тѣхъ сомнѣній и недоразумѣній, которыя существуютъ въ отношеніи къ этимъ наукамъ.

Есть еще одинъ разрядъ возраженій противъ естественныхъ наукъ, который нельзя упустить изъ виду, такъ какъ онъ прекрасно характеризуетъ дѣло. Говорятъ что естественныя науки неудобны для школьнаго изученія, потому что требуютъ особыхъ средствъ и условій; для нихъ нужны собранія естественныхъ предметовъ, гербаріи, коллекціи чучелъ, скелетовъ, насѣкомыхъ; кромѣ того анатомированіе, хотя бы и въ очень простомъ видѣ, есть дѣло мѣшкотное, хлопотливое; на-

Digitized by Google

конецъ изученіе естественныхъ наукъ всего удобнѣе лѣтомъ, а наши учебные курсы бываютъ зимою.

И это совершенно справедливо; другіе предметы дѣйствительно несравненно удобнѣе для школьнаго изученія. Напримѣръ для изученія языка нужна только грамматика, лексиконъ и книга, написанная на этомъ языкѣ.. Для изученія математики нужно и того меньше: достаточно руководства и грифельной доски. Но спрашивается, гдѣ же причина такой разницы между этими предметами и естественными науками? Совершенно ясно, что причина, почему языки и математика такъ удобны для изученія, состоитъ въ томъ, что это предметы *субъективные*, предметы, углубляясь въ которые человѣкъ обращается внутрь себя, а не къ внѣшнему міру. Понятно, что изучать такіе предметы возможно сидя на одномъ мѣстѣ и даже для большаго удобства по временамъ закрывая глаза или затыкая уши. Естественныя же науки потому и не могутъ быть изучаемы подобнымъ образомъ, что имѣютъ характеръ *объективности*. Предметы ихъ изученія суть внѣшніе предметы, слѣдовательно многообразны, сложны, обширны, разбросаны въ пространствѣ и растянуты во времени. Поэтому изученіе ихъ требуетъ не сидѣнья, а ходьбы, движенія въ пространствѣ; точно также оно не можетъ совершаться во всякое время, а должно приспособляться къ временамъ явленій. Изъ всего этого конечно правильнѣе вывести заключеніе въ пользу естественныхъ наукъ, чѣмъ противъ нихъ. Они выводятъ человѣка изъ его внутренняго міра и обращаютъ его къ внѣшнему міру—такъ это и должно быть, въ этомъ и заключается ихъ значеніе. Сказать, что естественныя науки неудобны для изученія, значитъ просто сказать, что внѣшній міръ не удобенъ для изученія, значитъ пожалѣть, что растенія не растутъ всѣ въ одной кучѣ и цвѣтутъ не зимою, а лѣтомъ. Въ нашихъ печальныхъ странахъ субъективность развивается весьма сильно; мертвый сонъ природы, который называется зимою, загоняетъ насъ внутрь насъ самихъ, и мы привыкли среди этого сна и безмолвія и жить и дѣйствовать и учиться. Понятно, что естественныя науки должны нарушить такой порядокъ дѣлъ и связанныя съ нимъ привычки. За то они нарушатъ и наше исключительно субъективное настроеніе; они уравновѣсятъ его своимъ вліяніемъ и такимъ образомъ будутъ способствовать болѣе полному и гармоническому развитію душевныхъ силъ.

Если посмотрѣть на дѣло съ этой стороны, если при томъ вспомнить, что на естественныхъ наукахъ явнымъ образомъ лежитъ печать

Digitized by Google

новаго духа, что въ нихъ выражается новая глубокая черта умственной жизни человѣчества, то нельзя будетъ не желать, чтобы они вошли, какъ новый элементъ въ общее образованіе.

1864 г.
26 Авг.

Н. Страховъ.

Digitized by Google

ЕРАЛАШЪ.

(ОЧЕРКЪ)

Скучно въ городкѣ Копыловѣ, и не оживляется онъ даже присутствіемъ полкового штаба. На дворѣ зима, грязная, сырая, гнилая. Апатія тяготѣетъ надъ этимъ царствомъ мрака, жизнь здѣсь притаилась и молчитъ. Кипитъ только дѣятельность утромъ въ манежѣ, да вечеромъ тамъ и сямъ играютъ въ ералашъ...

— Въ нашей изолированной жизни, ералашъ отрада, «цвѣтокъ въ пустынѣ горной бытія!» говоритъ поручикъ Змѣевъ усаживаясь за покрытый зеленымъ сукномъ столикъ и пока усядутся прочіе игроки, тасуя карты.

— А любовь? спроситъ кто нибудь зѣвая и разсѣянно, лежа на кровати въ фуражкѣ, въ сапогахъ, съ хлыстикомъ.

— Miłość, to jest marzenie głupie! (*) отвѣчаетъ Змѣевъ извѣстною польскою пословицей.

Змѣевъ — человѣкъ своего времени, хотя нѣкоторымъ образомъ времени уже прошедшаго. Нѣкогда онъ былъ юнкеромъ, былъ юнымъ корнетомъ... Пропустимъ эту чудную эпопею медовыхъ мѣсяцевъ служебной дѣятельности героя нашего!

Любовь—глупая мечта.

Digitized by Google

Теперь Змѣевъ уже поручикъ и ему двадцать семь лѣтъ, живетъ онъ на поприщѣ службы, изощряется въ верховой ѣздѣ, совершенствуется въ воинскомъ ремеслѣ. Славно ѣздитъ онъ на конѣ, ловко стрѣляетъ изъ пистолета, волосокъ повѣсь—срѣжетъ пулею; мастеръ лихо пообѣдать, выпить здорово въ веселый часъ, пропонтировать до разсвѣта. Живетъ онъ, ничѣмъ не тревожа сердца, и жизнь его не богата приключеніями... Нѣтъ въ ней ни бурь, ни катастрофъ, ничего такого, что называется драмою, что зовется борьбою. Борется онъ только порою съ кредиторами,

Поступилъ онъ на службу, какъ поступала въ былыя времена большая часть братіи нашей, ей же имя легіонъ... то есть безъ опредѣленной цѣли, безъ яснаго сознанія объ избираемомъ поприщѣ.

Вижу: осень глубокая. Снѣгу еще нѣтъ, но уже суровый морозъ сковалъ землю, дремлетъ инеемъ покрытый боръ. Морозный туманъ стоитъ въ воздухѣ, сонныя вороны сидятъ неподвижно на сучьяхъ сосенъ и елей, спитъ вся природа. Узенькою полоскою вьется безконечная дорога среди безконечнаго лѣса. Глушь, тишина.

Чу!... слышенъ колокольчикъ!.. Вотъ бойкая тройка несется на полныхъ рысяхъ. Бѣлоруссъ ямщикъ монотонно покрикиваетъ на коней и систематически, однообразно постегиваетъ ихъ своею длинной *тугою*. И какъ-то странно раздаются эти звонкіе удары конскихъ копытъ о мерзлую землю, этотъ грохотъ колесъ, этотъ крикъ ямщика, это хлопанье бича его, среди всеобщей тишины и безмолвія.

Путникъ дремлетъ. Его фуражка съ цвѣтнымъ околышомъ сбилась на бекрень; его затылокъ колотится о задокъ повозки, а онъ спитъ сномъ праведника, спитъ такъ сладко, какъ только можетъ лишь спаться въ молодые, почти отроческіе годы, все равно, чтобы ни было подъ затылкомъ— пуховая ли подушка, кусокъ дерева, или ворохъ грязной соломы. Лицо его молодо и свѣжо, румяно какъ крымское яблочко, губы алы какъ малина, на щекахъ ямочки... въ рукѣ замеръ кусочекъ баранки.

«Кто жъ сей странникъ, и откуда?
«И далече-ль путь ему?....

Digitized by Google

Путникъ—Змѣевъ. Не тотъ впрочемъ Змѣевъ, который нынѣ «не вѣруетъ въ любовь», играетъ въ ералашъ и протестуетъ противъ современнаго направленія литературы,—Змѣевъ еще юный, еще невинный, отъ древа жизни не вкусившій и отъ чаши не испившій, еще такъ сказать распуколка цвѣтка, долженствующаго разцвѣсть современемъ.

Ѣдетъ Змѣевъ на службу, везетъ съ собою запасъ свѣжаго здоровья, силъ молодыхъ, рой надеждъ золотыхъ. Вотъ уже блеснула издалека глава костёла, вонъ зáмокъ на горѣ окруженный бойницами, еще уцѣлѣвшими въ развалинахъ, вонъ и застава съ соломенной будкой, въ которой дремлетъ таинственная личность, опершись на желѣзный щупъ. Вотъ уже до слуха Змѣева доносятся откуда-то рѣзкія гаммы. Странно дѣйствуетъ на непривычное ухо звукъ трубы сигнальной!... А по улицамъ снуютъ торопливо Шлёмы и Янкели, Фейги и Суры, стучитъ по мерзлой землѣ тяжелый солдатскій сапогъ, звякаетъ шпора, развѣвается усъ... Вотъ и площадь: пестрѣетъ гауптвахта; мѣрно ходитъ по плацформѣ часовой...

И вотъ твой полкъ Змѣевъ!... И приростешь къ полку ты всѣми живыми силами души своей, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ, и,—если ты человѣкъ съ сердцемъ,—отречешься для него, и во имя его, отъ всего остального міра.

Часу въ седьмомъ утра деньщикъ поручика Змѣева, Кирила, вошолъ въ комнату барина своего съ готовымъ самоваромъ и зажогъ свѣчи. Разбудилъ онъ Змѣева среди сладкаго, роскошнаго сна: снилось между прочимъ ему что умеръ у него, никогда однакожъ въ дѣйствительности не существовавшій дядя, что оставилъ онъ ему славное наслѣдство, что перешолъ онъ, Змѣевъ, на службу въ Петербургъ. Улыбаются ему разныя Люси и Минны, Аделины и Шарлоты, обѣдаетъ онъ у Дюссо... По своей господской привычкѣ Змѣевъ хотѣлъ уже ругнуть Кирилу.

— Вставать баринъ пора! Въ калавуръ идти!! осадилъ его Кирила. И Змѣевъ спасовалъ. Служба—дѣло святое, успокоиваетъ онъ себя мысленно.

— А что на дворѣ? спрашиваетъ онъ уже въ слухъ у

Digitized by Google

своего Кирилы, потягиваясь на своей походной желѣзной кровати.

— Погода!

— Хм!.... Погода!.. саркастически бормочетъ Змѣевъ. То есть, какъ же это погода?

— Та гуде, гуде!! поспѣшаетъ отвѣтить Кирила болѣе обстоятельнымъ образомъ.

И дѣйствительно гуде. Освободивши голову изъ подъ краснаго шерстяного одѣяла своего, Змѣевъ уже явственно слышитъ вой вѣтра въ трубѣ и гулъ бушующей непогоды кругомъ. Ветлы, осѣняющія крышу жилища его, плохо прикрѣпленныя ставни, колодезь съ журавлемъ, помѣщающійся рядомъ съ окошкомъ, все это стонетъ и скрипитъ, наводитъ на душу тоску невыразимую.

«Буря мглою небо кроетъ,
«Вихри снѣжные крутя,
«То какъ звѣрь она завоетъ,
«То заплачетъ какъ дитя

Декламируетъ Змѣевъ

«То по кровлѣ обветшалой
«Вдругъ соломой зашумитъ,
«То какъ путникъ запоздалый
«Къ намъ въ окошко застучитъ,

— Давай, однако жъ сапоги! говоритъ скороговоркою въ антрактѣ Змѣевъ, и потомъ опять продолжаетъ:

«Выпьемъ добрая подружка
«Бѣдной юности моей,
«Выпьемъ съ горя...

— Та ще рано! вдругъ отзывается Кирила, профанъ не знакомый съ созданіемъ поэта, принимающій слова, звучныя строфы за чистую монету.—Ще рано! чаю прежде накушайтесь, умойтесь, Богу помолитесь!...

Вставши и выбрившись изъ любви къ порядку, выпивши чаю, облачившись въ соотвѣтственную обстоятельствамъ форму, Змѣевъ собирается наконецъ въ путь.

Digitized by Google

— Книжку возьмите! говоритъ Кирила.

— Зачѣмъ?

— А бы морнòтно не було...

И Кирила вскидываетъ на Змѣева сѣдыми широкими бровями своими, протягиваетъ руку къ пузатенькому уставу, который во свидѣтельство усердія къ службѣ Змѣева, всегда лежитъ на письменномъ столикѣ его.

— Возьми Лермонтова!

Кирила знаетъ и Лермонтова и смѣло протягиваетъ за нимъ руку: Беретъ кожаную подушку, коверъ, подсвѣчникъ, захватываетъ спички, даже зеркало.

— Ну, пойдемъ, Кирила! говоритъ Змѣевъ.

— Съ Богомъ! Хòдымò.!!

По колѣна въ грязи Змѣевъ съ Кирилою держатъ путь на гауптвахту. А непогода гуде. Вѣтеръ тормошитъ и развѣваетъ капюшонъ шинели Змѣева, нагло накидываетъ ему на голову; а снѣгъ хлещетъ ему въ лицо, садится на золотую перевязь лядунки, на шнуры мундира.

— Еще простудишься, жабу схватишь, говоритъ Змѣевъ въ бѣшенствѣ, неистово защищаясь разными способами отъ порывовъ вихря.

— Та и муницу скапостишь! поддакиваетъ Кирила, и по всему лицу его разливается что-то въ родѣ не то жолчи, не то сугубаго сердечнаго огорченія.. Взоръ съ тоскою устремляется на лядунку Змѣева....

Но вотъ наконецъ и гауптвахта. Сквозь движущуюся пелену снѣжной мятели, рисуется фигура часавого. — Фантастическій образъ, оправленный въ фантастическую раму.. Въ тулупѣ, подъ кровомъ пестрой форменной будки, стоитъ онъ недвижно, буйство стихій презирая. Плацформа — какъ пустыня; дремлютъ въ сошкахъ карабины.

Кирила взбирается на ступени и отворяетъ дверь гауптвахты.

Караулъ поднялся на ноги, шпоры, сабли зазвякали.

— Здорово, ребята! крикнулъ Змѣевъ молодцомъ-чальникомъ,

— Здрррравія желаемъ! загремѣлъ въ отвѣ

Digitized by Google

полнымъ хоромъ; четыре десятка глазъ впилось въ Змѣева, и слѣдуютъ за нимъ...

Гауптвахта была въ одномъ изъ отдѣленій стараго полуразрушеннаго зданія, нѣкогда принадлежавшаго іезуитамъ. Преданьями, исторіей, интригами вѣетъ подъ этими мрачными сводами.

«Теперь» думаетъ Змѣевъ, бросая мимолётный взглядъ кругомъ,» теперь... на верху полиція, внизу гауптвахта: Sic transit gloria mundi.

Съ незапамятныхъ временъ существуетъ гауптвахта эта. Множество полковъ смѣнилось въ городкѣ Копыловѣ, множество офицерскихъ поколѣній заплатило дань службѣ въ этихъ мрачныхъ, плесенью и сыростью и копотью табачной покрытыхъ стѣнахъ. И только въ офицерской комнатѣ коегдѣ на темномъ фонѣ стѣнъ виднѣются болѣе или менѣе явственно надписи; стекла оконъ тоже изпещрены узорами. Вотъ строфы Пушкина и Лермонтова, вотъ самодѣльныя военныя вирши. Вотъ таинственное число, вотъ имя... И цѣлый романъ сказывается словомъ «Ольга!!!!!,

Змѣевъ усѣлся въ вольтеровскомъ креслѣ, закурилъ сигару и погрузился въ думу. Много, очень много приходитъ иногда въ голову мыслей человѣку, когда онъ одиноко сидитъ въ караулѣ, на полковой гауптвахтѣ, читатель... Въ этомъ положеніи смертный, кажется какъ будто отъ міра отрѣшоннымъ и изолированнымъ. Вдругъ раздались на плацформѣ порывистые, горячешные удары караульнаго колокола.» Боги! Полковникъ ѣдетъ!!, восклицаетъ Змѣевъ и вотъ уже онъ съ быстротою молніи срывается съ своего сѣдалища, летитъ сломя голову, цѣпляется за саблю, спотыкается.

— Шай! на кра...» скомандовалъ Змѣевъ... Увы! Волна холоднаго рѣзкаго вѣтра хлынула ему въ глотку и судорожный кашель чуть не разорвалъ ему лёгкихъ...—улъ! докончилъ онъ уже шопотомъ, какъ будто для того только, чтобы ни одного слога не оставалось за нимъ въ долгу, на его совѣсти.

Гроза удалилась. Цѣлый день до самаго вечера проводитъ Змѣевъ потомъ въ тревожномъ ожиданіи вторичнаго посѣ-

Digitized by Google

щенія. Мучительное ожиданіе!.. ни раздѣться, ни заснуть. Змѣевъ не снимаетъ даже киверa. А ну, какъ вдругъ пожалуетъ... и то осмотритъ часовыхъ, то подтянетъ кому нибудь изъ солдатъ портупею, то поправитъ галстукъ, то заглянетъ въ арестантскую. Пообѣдалъ на скоро, ждетъ не дождется благословеннаго вечера.

Вотъ наконецъ вѣстовой принесъ для караула сальную свѣчку и водрузилъ её въ бутылку.

Затопилъ вѣстовой и печи. Свѣтлое яркое пламя обливаетъ мрачныя стѣны гауптвахты, весело трещатъ дрова, является Кирила съ самоваромъ.

— Уѣхалъ! слышится вдругъ изъ солдатской караульни голосъ вслѣдъ за стукомъ только что отворенной двери.

— Куда?.

— Къ Бригадъ—Начальнику!.

У Змѣева радостью вспыхнуло сердце. Онъ снялъ свой киверъ, придвинулъ кресло къ печи и взялъ Лермонтова. Задорно шипитъ пузатенькій самоварчикъ, товарищъ походовъ Змѣева, весело играютъ огненные язычки въ печкѣ. Пріятная теплота разливается по всему тѣлу Змѣева, а въ душѣ начинаетъ водворяться миръ и спокойствіе, и весь предается онъ обаянью строфъ любимаго поэта.

Змѣеву двадцать семь лѣтъ. Многіе въ этотъ возрастъ уже покончиваютъ разсчеты съ молодою жизнью, разстаются съ увлеченіями, вырываютъ изъ сердца надежды, начинаютъ жить разсудкомъ, заключаютъ жизнь въ правильныя формы, дѣлаютъ карьеру и проч. и проч., а Змѣевъ, какъ уже сказано, живетъ спустя рукава, и никакое тягостное чувство не прошло по сердцу его, не провело бороздъ по немъ. Любовь онъ знаетъ только по теоріи, по книгамъ по разсказамъ, и еще ни разу судьба не поставила его лицомъ къ лицу ни съ одной женщиной на этомъ скользкомъ опасностей и тревогъ исполненномъ пути...

И однако жъ порою, помимо воли находятъ на него странныя минуты: забьется, затрепещетъ сердце не понятной жаждой чего-то неяснаго, неопредѣленнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладкаго, невыразимо-отраднаго, возникнутъ и по-

Digitized by Google

несутся вереницей неясные образы, воображеніемъ созданные идеалы.

— Змѣевъ! что лежишь?. О чемъ фантазируешь?! окликнетъ его кто нибудь, входя въ фуражкѣ, съ сигарою въ зубахъ и заставая его среди подобныхъ грёзъ. — Вставай! пойдемъ, сыграемъ въ ералашъ! Пора!.

И разлетятся образы, изчезнутъ идеалы, разсѣятся сладкія грезы, успокоится и притихнетъ растревоженное сердце.

Долго Змѣевъ читалъ Лермонтова. Былъ уже поздній вечеръ, проиграли зорю. Заснулъ городокъ Копыловъ, успокоилась и гауптвахта... Уже тамъ и сямъ раздается протяжная зѣвота, индѣ лёгкій храпъ. Изъ арестантской послышится порою тяжолый вздохъ или шопотъ молитвы. Тускло свѣтитъ нагорѣвшая свѣча, водружонная въ бутылк ... Змѣевъ вышелъ на плацформу подышать воздухомъ. Мятель уже утихла, морозъ становился крѣпче, и на ясномъ небѣ горѣлъ золотой мѣсяцъ. Городокъ Копыловъ спалъ уже окончательно и только въ трактиришкѣ, на другой сторонѣ площади, еще свѣтился огонёкъ... Долго смотрѣлъ Змѣевъ на свѣтлый мѣсяцъ и на ярко мерцающія звѣзды, и вдругъ ни съ того ни съ сего, подъ вліяніемъ только что прочитаннаго стихотворенія Лермонтова, заговорилъ въ слухъ:

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ.
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно.
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ.

Вдругъ, среди безмолвной тишины, раздался протяжный бой часовъ на башнѣ городского костела, и какъ-то странно отозвался въ ушахъ Змѣева. Звукъ давно уже замеръ, а Змѣевъ все еще стоялъ погрузившись въ думу, опершись грудью на барьеръ плацформы, позабывши свою импровизацію, весь отдавшись наплыву новыхъ чувствъ, новыхъ мыслей.

Разскажемъ маленькую исторію.

Было свѣжее утро. Городокъ Копыловъ начиналъ просы-

Digitized by Google

петься. Уже шныряли торопливою побѣжкою жидки, тянулись по улицамъ на базаръ возы, на башнѣ городского костела звякалъ колоколъ, а поручикъ Змѣевъ только что возвращался домой. Началъ онъ вчерашній вечеръ ералашемъ, а кончилъ штосомъ.

Змѣевъ изъ числа тѣхъ смертныхъ, которымъ вѣчно уждено проигрываться... Есть на бѣломъ свѣтѣ люди въ этомъ родѣ, особо отмѣченные перстомъ судьбы. Слѣдующее утро послѣ проигрыша онъ обыкновенно проводитъ въ чистосердечномъ раскаяніи, въ негодованіи на себя, въ зарокѣ никогда не брать картъ въ руки, но выспавшись послѣ обѣда и успокоившись физически, а слѣдовательно и нравственно, онъ уже снова хлопочетъ о возстановленіи своихъ фондовъ. Приглашается Берко—Слѣпой, общій офицерскій кредиторъ, дѣлается заемъ у Казначея и у квартермистра, однимъ словомъ прибѣгается къ тѣмъ извѣтнымъ политико-экономическимъ мѣрамъ, которыя имѣютъ практическое приложеніе въ офицерской, кризисовъ финансовыхъ исполненной жизни. А въ вечеру онъ уже снова первый усаживается за покрытый зеленымъ сукномъ столикъ.

Змѣевъ шолъ и посвистывалъ, какъ человѣкъ, который привыкъ уже къ ударамъ судьбы, котораго ничто не можетъ погрузить въ уныніе, ничто не можетъ повергнуть въ мрачное настроеніе духа. Весь ensemble его, какъ будто говорилъ: все ничто противъ вѣчности! Зацѣпилъ поволокъ, сорвалось— не спрашивай! На совѣсти упрека ни малѣйшаго: онъ понтировалъ и хладнокровно и умно; не пускалъ брандеровъ не въ пору, и не жалоя, какъ аптекарь. Виновата лишь судьба.

И въ отсутствіи капиталовъ въ своемъ карманѣ, Змѣевъ нашолъ вдругъ даже свою долю поэзіи, безсребренничества... И онъ почти весело запѣлъ:

«Я всё отцовское имѣнье,
«Еще корнетомъ прокутилъ!.

А на башнѣ городского костела звякалъ колоколъ, и до слуха Змѣева доносились торжественные звуки органа. Вслѣдъ за веселымъ двустишіемъ, Змѣевъ невольно вспомнилъ вдругъ объ отцѣ своемъ. Давно уже герой нашъ

Digitized by Google

позабылъ слова молитвъ, которыя когда-то знавалъ въ дѣтствѣ, которымъ нѣкогда учила его набожная мать. Совѣсть, стыдъ, заговорили въ сердцѣ Змѣева, и онъ тутъ же чистосердечно, искренно ругнулъ себя.

Органъ звучалъ. Звуки его уже отдавались въ самой груди Змѣева, странно потрясая какіе-то тамъ нервы... Черезъ минуту Змѣевъ снялъ фуражку и сталъ креститься, креститься такъ набожно, какъ давно, давно уже не крестился.

«Помяни, Господи, во Царствіи твоемъ, души усопшихъ рабовъ твоихъ, началъ онъ, чувствуя наплывъ въ серце какихъ-то давно небывалыхъ чувствъ... Рой образовъ неясныхъ и позабытыхъ пронесся передъ нимъ, и все дорогое, чистое, невозвратное дѣтство его воскресло, ожило и повторилось въ душѣ его... Вѣки его покраснѣли еще больше, а къ горлу, откуда-то, изъ глубины груди подступило что-то такое горячее, такое больное, чего и разсказать нельзя.

Едва послѣднее слово молитвы, едва послѣднее имя замерло на дрожащихъ устахъ его, какъ съ противоположной стороны улицы показалась высокая стройная женщина. Лицо ея было закрыто вуалью, но по граціозной, благородной и легкой походкѣ ея можно было судить, что она молода. Змѣевъ встрепенулся и почти инстинктивно надѣлъ фуражку на бекрень, покрутилъ усики, принялъ на скоро шиковный видъ и тронулся впередъ.

Незнакомка подошла къ паперти костела и откинула вуаль. Змѣевъ былъ отъ нея уже въ нѣсколькихъ шагахъ, и буквально какъ говорится, пожиралъ взорами. Передъ нимъ была женщина въ полномъ разцвѣтѣ молодости, и можно бы сказать красоты, еслибъ только красота не была вещью слишкомъ условною. Что-то до чрезвычайности полное женственности и благородства дышало во всѣхъ чертахъ лица ея, во всѣхъ движеніяхъ ея.

Змѣевъ остановился и раскрылъ ротъ... кажется даже ростопырилъ руки отъ восторга, отъ удивленія.

И вдругъ Змѣева, какъ кипяткомъ обдало!.. Незнакомка подняла свои темносиніе, бархатными рѣсницами опушенные глаза и устремила ихъ на него. При видѣ фигуры, съ рази-

Digitized by Google

мутымъ ртомъ, съ растопыренными руками легкая улыбка еложилась было на одно мгновеніе на устахъ ея. Змѣеву показалось, что вотъ—вотъ, она сейчасъ расхохочется громкимъ, звонкимъ смѣхомъ. Черезъ секунду однакожъ она сурово сжала розовенькія губки, гордо, строго сдвинула брови, накинула вуаль и быстро стала подниматься на ступени лѣстницы.

Видѣніе изчезло... Змѣевъ покраснѣлъ отъ внутренняго негодованія на себя и снова ругнулъ себя энергически. Слишкомъ поздно понялъ онъ все неприличіе своихъ безцеремонныхъ взглядовъ, всю наглость своего восторга. Онъ поплелся на квартирку свою, поджавши, какъ говорится, хвостъ.

Вечеромъ онъ впрочемъ игралъ по обыкновенію въ ералашъ, и игралъ такъ разсѣянно, какъ никогда не игралъ. Пробовалъ послѣ понтировать на даму—дама не везла... Змѣевъ разсердился на даму и махнулъ рукой. Мало по малу онъ совсѣмъ позабылъ объ этой встрѣчѣ.

Бой часовъ на башнѣ костела оживилъ однакожъ это воспоминаніе. А кругомъ тишь, не слышно ни звука. Ярко теплятся звѣзды Божіи на ясномъ небѣ. И загрустилъ Змѣевъ тоской непонятной!... Наконецъ онъ воротился на гауптвахту.

Онъ задремалъ въ своемъ креслѣ, но какимъ-то своимъ чуткимъ, лихорадочнымъ. Фантастическіе, безпокойные сны цѣлую ночь кружились надъ нимъ вереницею. Событія, дѣйствительно случавшіеся съ нимъ, мѣшались, переплетались со сценами, созданными его воображеніемъ; лица, образы знакомые, смѣнялись призраками. То ему снится, что онъ ѣздитъ въ манежѣ на какомъ-то крылатомъ конѣ, котораго никакъ не можетъ онъ заставить сдѣлать контра-вольтъ, при чемъ лопается у него штрипка; то грезятся ему горы Карпатскія, покрытыя снѣгами вѣковѣчными, окруженныя пропастями бездонными, бурными потоками прорытыя, а онъ шагаетъ черезъ нихъ, словно исполинъ, въ своихъ лакированныхъ сапожкахъ; порой проносится передъ нимъ образъ незнакомки съ темносиними очами и бархатными рѣсницами, то вдругъ слышится ему: «глаза на лѣ-во!» Командуетъ не

Digitized by Google

то инспекторъ гимназіи, въ которой нѣкогда просвѣщался Змѣевъ, не то полковникъ... Суровые два образа таинственно сливаются во едино... Въ карцеръ!!! подъ арестъ его!!! раздается въ ушахъ Змѣева, и онъ вздрагиваетъ, просыпается.

Вдругъ Змѣевъ почувствовалъ, что что-то какъ будто кольнуло его въ грудь... Онъ на минуту приподнялся съ кресла... Потомъ онъ опять задремалъ... но и сквозь сонъ онъ продолжалъ еще ощущать какую-то острую боль, словно конецъ копья торчалъ въ груди у него... Приснилася ему долина Дагестана и будто онъ съ свинцомъ въ груди лежалъ въ долинѣ той.

А къ утру онъ проснулся изнеможенный съ пересохшимъ языкомъ, съ страшнымъ жаромъ во всемъ тѣлѣ. Онъ хотѣлъ привстать съ кресла, и чуть не вскрикнулъ отъ новой жгучей боли. «Вѣстовой! хотѣлъ онъ закричать. Но гортань его вмѣсто звука издала лишь одинъ хриплый шопотъ—голосъ его изчезъ. Вчерашній порывъ вѣтра не прошолъ даромъ.

Онъ едва могъ дождаться смѣны караула и поспѣшилъ домой. Тамъ онъ раздѣлся и легъ на кровать.

— Занедужали? спрашивалъ Кирила съ участіемъ. Сходить бы до штабъ—лѣкаря?... Може пропише що-сь?!..

Вечеромъ дѣйствительно явился штабъ-лекарь, какъ яблочко румянъ, одѣтъ весьма безпечно.

— Comment?... Est ce que vous-êtes malade?

— Боленъ! Не шутя, говорю, боленъ.

— Жаль!... Пріѣхали Бѣлобородовцы!...

— Что же, пропишите что нибудь?...

— Avec plaisir!

Навѣстили Змѣева человѣкъ пять-шесть и другихъ товарищей—та же исторія. На слѣдующее утро Змѣевъ уже окончательно не всталъ; самъ штабъ-лѣкарь принялъ дѣятельныя мѣры, назвалъ болѣзнь по латынѣ, но уже было поздно. Сильнѣйшее воспаленіе развивалось въ груди у героя нашего съ ужасающею быстротой. Наконецъ болѣзнь приняла совершенно безнадежный характеръ.

Грустно смотрѣть, милостивые государи, когда умираетъ молодой человѣкъ на чужой сторонѣ!

Digitized by Google

Змѣевъ умиралъ, а въ двери квартиры его толпились жиды-кредиторы, врывался Берко—Слѣпой, въ страхѣ за свои *кербеле*. Шумъ, крикъ, гвалтъ... Изнемогаетъ Кирила въ борьбѣ съ этой публикой!!!

Молва о приближающейся кончинѣ Змѣева уже пронеслась по всему городу и... и странно оживился этотъ маленькій, скучный городокъ Копыловъ... Будетъ церковный парадъ съ музыкой, будутъ нести гробъ на кладбище съ церемоніей, опустятъ прахъ въ могилу съ выстрѣлами.

Уже Добрженецкій, владѣлецъ трактира, гдѣ Змѣевъ такъ часто закусывалъ, обѣдалъ и ужиналъ, такъ часто каталъ шары на билліардѣ, бѣжитъ спѣшной побѣжкой къ подполковнику условиться на счотъ похороннаго обѣда. Уже жидъ Вульфъ, жидъ Хаимъ, жидъ Мовша Шпицъ и Ицко Перецъ, разсчитываютъ сколько будетъ выпито шампанскаго въ память усопшаго. Уже штабъ-трубачь предусмотрительно собралъ хоръ и дѣлаетъ репетичку похороннаго марша. Вѣстовой Змѣева съ горя запилъ, бросилъ коня. Уже въ полковой плотнѣ мѣряютъ и строгаютъ доски, дѣлаютъ, по солдатски: *строятъ* гробъ. Принесли къ казначею штуку чорнаго сукна на траурную попону для коня: стоитъ закройщикъ съ ножницами, пальцами шевелитъ, въ свою пользу три вершка выгадываетъ... Пришла Фейга съ позументомъ, Гольда съ бархатомъ.

А тамъ и сямъ играютъ въ ералашъ!... Зайдутъ, посмотрятъ, покиваютъ головами, покурятъ... и пойдутъ...

Одинъ Пересвѣтовъ не отходилъ почти ни на шагъ отъ постели страдальца. Онъ похудѣлъ и позеленѣлъ отъ этихъ безсонныхъ ночей, отъ этого заражоннаго дыханіемъ больного воздуха, по обыкновенію всецѣло забывая себя для другихъ; съ участіемъ, съ тоскою вглядывался онъ въ [illegible] изнеможеннаго болѣзнію лица Змѣева, жадно ловя какой нибудь проблескъ мысли въ этихъ угасавшихъ, лишенныхъ сознанія взорахъ... Жаль, невыразимо жаль было Пересвѣтову, этой безвременно отлетающей, молодой жизни. Как[illegible] хотѣлъ онъ словомъ участія и сожалѣнія облегчить послѣд[illegible]нія минуты умирающаго...

Змѣевъ бредилъ. Душа въ предсмертной агоніи отлетала

Digitized by Google

въ вѣчность, а коснѣющій языкъ лепеталъ имена товарищей, произносилъ командныя слова. Вся внѣшняя жизнь, сказывалась въ этомъ послѣднемъ лепетѣ умирающаго...

А тамъ стучатъ шары на билліардѣ.

— Три и девять!..

— А что Змѣевъ?

— Умретъ!

— Шесть и девять!

— Бѣдный Змѣевъ!

— Бѣдный!

— По девяти!

— Много тебѣ долженъ?

— Не знаю!

. . . . . .

Есть въ городкѣ Копыловѣ глухая улица. Въ этой глухой улицѣ есть маленькій бѣленькій домикъ. Лѣтомъ такъ совсѣмъ почти его не видно, прячется онъ въ густыхъ кустахъ бузины и сирени, что кругомъ разрослись сплошной стѣной въ палисадникѣ, и только изрѣдка сквозь всю эту массу зелени послышится молодой, поющій голосъ, или раздастся звонкій смѣхъ и затрепещетъ отъ звуковъ его случайный прохожій, изъ улицы въ улицу странствующій корнетъ или поручикъ, вздрогнетъ, остановится въ раздумьи и вздохнетъ глубоко суровый штабсъ-ротмистръ. Покоробитъ и усатаго ротмистра, всецѣло проникнутаго ревматизмами и что то скажется въ его сердцѣ, во всемъ существѣ, такое больное, что и разсказать нельзя.

Въ слабо освѣщенной комнатѣ, убранной не роскошно, не богато, но съ тѣмъ вкусомъ который обличаетъ присутствіе и владычество хорошенькой женщины, откинувшись на спинку креселъ, закутавшись въ шаль, опустивши темносиніе глаза, совсѣмъ почти накрывшись длинными рѣсницами своими, сидѣла.. догадаться конечно не трудно. Знакомая намъ незнакомка. Вглядываясь въ черты прекраснаго, благороднаго лица ея, можно было сказать навѣрное, что еще никакое сильное чувство, никакая серьозная страсть не возмутили покоя души ея... Лицо ея было миловидно,

Digitized by Google

съ тѣмъ именно оттѣнкомъ спокойствія, какой только можетъ быть у женщины не извѣдавшей еще тревогъ и бурь сердечныхъ. Все въ ней было такъ хорошо, такъ цѣломудренно и чисто, что смутился бы предъ этимъ яснымъ взглядомъ, предъ этимъ спокойствіемъ чела, самый отъявленный циникъ, спасовалъ бы самъ побѣдитель сердецъ Бурмашистовъ. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, на которое кажется смотрѣлъ бы цѣлый вѣкъ и не насмотрѣлся, безъ всякихъ особыхъ помысловъ, безъ всякихъ ухищреній.

И однакожъ сильный оттѣнокъ грусти лежалъ на этомъ миломъ непорочномъ лицѣ. Съ тѣмъ участіемъ, съ тѣмъ состраданіемъ, къ которому способно только женское сердце, только женская натура, горевала эта женщина объ участи чуждаго, даже незнакомаго ей человѣка... Живо рисовался передъ нею образъ этотъ, блѣдный, изнемогающій въ борьбѣ предсмертной, сходящій въ хладную могилу, еще недавно молодой, свѣжій, беззаботный... Его фигура представлялась воображенію ея точно такъ, какъ когда-то видѣла она ее близь паперти костёла, но не улыбалась она теперь такъ весело, какъ улыбнулась тогда... Она вспомнила этотъ неудержимый восторгъ, блеснувшій въ глазахъ Змѣева, при встрѣчѣ съ нею, эту невольную дань красотѣ своей, эти растопыреныя отъ восхищенія руки, вспомнила эту симпатичную, честную, добродушную физіономію.

А имя его она знала уже давно. Полгода тому назадъ въ одну темную, непроглядную, бурную ночь, Змѣевъ возвращался домой. Вдругъ въ одной изъ улицъ Копылова вспыхнулъ пожаръ. Змѣевъ бросился на гауптвахту и собственноручно ударилъ въ караульный колоколъ. «Тревогу!» крикнулъ онъ часовому, и снова съ быстротою молніи понесся далѣе. Пока онъ добѣжалъ до мѣста, двѣ или три еврейскія лачужки, крытыя соломою, были уже охвачены пламенемъ. Испуганные среди глубокаго сна страшнымъ звукомъ трещотокъ, ударами набатнаго колокола и рёвомъ трубъ, огласившими въ одно мгновеніе весь Копыловъ, бѣдные жидки съ криками ужаса, полунагіе, босые, выскакивали изъ огня въ безпамятствѣ захватывая съ собою перины, подушки и разный прочій хламъ. Вой и гвалтъ бы-

Digitized by Google

ли ужасные. Кое-гдѣ показывался полусонный народъ съ ведерками, съ чашечками.... Змѣевъ летѣлъ сломя голову.. Вдругъ среди этого хаоса раздался ужасный, потрясающій, раздирающій душу вопль...

Змѣевъ, самъ не зная почему бросился на этотъ крикъ, и вдругъ на всёмъ бѣгу натолкнулся на какое-то распростертое на землѣ тѣло...

— *Mein Kind*! раздалось вдругъ подъ его ногами... *Mein Kind*! повторилъ голосъ протяжно, какъ будто замирая въ страшной предсмертной мукѣ..... Геваааалтъ!..

— Гдѣ? Гдѣ? воскликнулъ Змѣевъ громовымъ голосомъ, останавливаясь на одну секунду!

— Dahin! вскрикнула отчаяннымъ голосомъ бѣдная жидовка, показывая рукою на одну изъ горящихъ хижинъ, на мгновенье приподнявшись съ земли, и снова грохнувшись въ безпамятствѣ....

Змѣевъ ринулся впередъ — и скрылся въ морѣ пламени.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ на рукахъ еврейскаго ребенка... Фалды мундира его уже совсѣмъ почти сгорѣли, изъ сапоговъ тоже начинало дѣлаться что-то въ родѣ жаркого, волосы на затылкѣ совсѣмъ были опалены.

Черезъ недѣлю потомъ, этотъ самый Змѣевъ чуть не пострѣлялся съ помѣщикомъ, вступившись за его же мужика. Однимъ словомъ, Змѣевъ имѣлъ уже нѣкоторую извѣстность.

Герои однакожъ не умираютъ. Не умеръ и Змѣевъ. Молодость взяла свое—послѣдовалъ благодѣтельный переломъ. Отлегло на душѣ у Пересвѣтова, искренно обрадовались всѣ товарищи и гурьбой валятъ въ квартиру Змѣева, наносятъ грязи, курятъ. Чтобы не скучно было Змѣеву тутъ же устраиваютъ ералашъ. Самъ онъ интересно блѣдный, однакожъ полу-сидя, полу-лежа на кровати, слабою рукою пошлепываетъ по столу. Ликуютъ жиды кредиторы, принесъ денегъ Берко самъ, торжествуетъ штабъ-лѣкарь.

Донеслась радостная вѣсть и до бѣленькаго домика... Принесъ ее человѣкъ добрый, уѣздный почтмейстеръ... Змѣевъ выздоравливалъ, хотя медленно. О, если бъ зналъ онъ какъ тепло, какъ горячо молилисъ за него гдѣ-то тамъ,

Digitized by Google

въ глухой улицѣ, въ маленькомъ бѣленькомъ домикѣ!... А онъ, сказать ли читатель?... Онъ совсѣмъ позабылъ о своей встрѣчѣ и мимолетное чувство, два раза которое когда-то пронеслось по душѣ его, исчезло безъ слѣда.

Наступила наконецъ и весна. Змѣевъ совсѣмъ оправился, и въ одинъ свѣтлый, праздничный день вышелъ наконецъ на свѣтъ Божій. Точно снова родился онъ, перешагнувъ порогъ квартиры своей, дохнувши свѣжаго, животворящаго весенняго воздуху... Съ какой любовью окинулъ онъ взоромъ чистое, ясное, голубое небо; съ какимъ восторгомъ потонулъ онъ взглядомъ въ безпредѣльной, далекой степи. Первый разъ въ жизни, можетъ быть, въ эту минуту Змѣевъ понялъ жизнь и оцѣнилъ этотъ великій, этотъ безцѣнный даръ небесъ.

А изъ садика квартирки его дышалъ бальзамическій запахъ цвѣтовъ и травъ пригрѣтыхъ теплыми лучами весеннаго солнца. Чирикали весело кругомъ воробьи, щебетала въ кустахъ пѣночка, ворковалъ сизый голубь на соломенной крышѣ жилища Змѣева, жужжали кружась на окнѣ весеннія, зеленыя мухи, горланилъ пѣтухъ, раздавался смѣхъ и визгъ и звонкіе голоса маленькихъ жиденятъ, игравшихъ на сосѣднемъ дворѣ. Веселыя, перепачканныя медовымъ *кулешемъ*, свѣжія, румяныя рожицы, съ быстрыми глазками, выглядывали изъ-за плетня, указывая крошечными пальчиками на Змѣева, пронзительно заливаясь истерическимъ дѣтскимъ звонкимъ смѣхомъ, и восклицая: «А гон! а гон! Официрь! Хозяйскій песъ бросился къ нему на грудь и началъ ласкаться; выскочилъ изъ конюшни вѣстовой въ красной рубахѣ, въ жилетѣ, принаряженный, любовно ухмыляясь; громко и радостно заржалъ Принцъ, увидавши изъ конюшни своего хозяина, навострилъ уши, впился чорными глазами въ Змѣева, поднялъ шею, широко раздулъ благородныя ноздри, затопалъ копытами въ землю.

У суроваго поручика чуть-чуть не брызнули слезы отъ наплыва ощущеній... ощущеній быть можетъ тебѣ непонятныхъ, добрый читатель... Было тяжелое время; много труда, много недоли, много опасностей дѣлилъ когда-то конь этотъ со Змѣевымъ... И цѣлая, безконечная поэма пронеслась въ

Digitized by Google

эту минуту передъ Змѣевымъ, при взглядѣ на милое сердцу его благородное животное.

И еще разъ окинулъ онъ взоромъ и ясное небо и далекую, синѣющую, широко раскинувшуюся степь, еще разъ полною грудью вдохнулъ въ свои легкія воздуху, умилился духомъ, вынулъ послѣдніе три рубля и отдалъ вѣстовому... Потомъ онъ вошолъ въ конюшню и началъ ласкать Принца, цѣловать его и въ очи и въ уста.

Натѣшившись, Змѣевъ направилъ путь свой дальше въ центръ города. Глаза его разбѣгались на встрѣчные предметы, сердце какъ будто хотѣло выскочить изъ груди отъ какого-то радостнаго, непонятнаго чувства, и билось и трепетало... Если бъ не было совѣстно, онъ-бы кажется бѣгомъ побѣжалъ, если бъ крылья были—полетѣлъ бы какъ птица!.. Весело выздоравливать, господа!...

А на базарной площади толпился народъ, сновали жидки между возовъ, тараторили деревенскія бабы между собою, съ пѣтухами и курами, съ мотками нитокъ подъ мышкой, рисовались гордо принафабренные солдатики въ шапкахъ на бекрень, уперши правую руку въ бокъ, какъ это требуется въ конномъ строю. Стоялъ стонъ и гамъ надъ всей окрестностью.

А на башнѣ городского костела благовѣстилъ колоколъ; изъ растворенныхъ дверей его неслись звуки органа; свѣжая трава и полевые цвѣты густымъ слоемъ покрывали ступени лѣстницы, далеко разнося свой свѣжій запахъ, дыша на встрѣчу Змѣеву своимъ благоуханіемъ. Змѣевъ не задумался на этотъ разъ и смѣло сталъ взбираться вверхъ... Онъ спѣшилъ, дорожилъ каждою минутой, чтобы принести Всевышнему благодарственную молитву за свое чудесное изцѣленіе... Онъ вошолъ въ притворъ храма и опустился на колѣна.

Служба кончилась. За толпою народа сходилъ Змѣевъ со ступеней лѣстницы.

— Пане коханый! Поручнику!! Добродзею!!! окликнулъ его вдругъ знакомый голосъ.

Змѣевъ поднялъ глаза: передъ нимъ стояла улыбающаяся фигура уѣзднаго почтмейстера, въ фантастическомъ, коро-

Digitized by Google

тенькомъ легонькомъ сюртукѣ, въ воротничкахъ a l'enfant, въ соломенной шляпѣ, съ ослѣпительно бѣлымъ, свѣжимъ гладко выбритымъ лицомъ, хотя съ сѣденькими волосиками даже съ лысинкой. «Цо? выздровялъ? Южь? И онъ сжалъ Змѣева въ объятіяхъ.

Старый *кавалеръ*, старый холостякъ почтмейстеръ Пршегембальскій былъ единственный почтмейстеръ въ своемъ родѣ, какой-то диллетантъ почтового дѣла. Довольно будетъ, ежели мы скажемъ, что онъ всѣмъ знакомымъ, а—знакомъ ему былъ цѣлый городъ,—лично разносилъ письма, сокрушался когда кто долго не получаетъ денегъ... Въ полку онъ былъ свой человѣкъ. Подхвативши подъ руку Змѣева онъ затарантилъ безъ умолку.

— Выглендашь якъ аніолъ! Якъ херубинъ!! Якъ паненка!!! Хвала Богу!

Вдругъ онъ на минуту пріостановился.

— Патшай! Ладна осубка!! (*) шепнулъ онъ въ тоже время склонившись къ самому уху Змѣева, и легонько толкая его въ бокъ. Вся лучезарная физіономія его улыбнулась, какъ говорится по польски *фиютэрне* — игриво, шаловливо, многозначительно.

— Гдѣ? спросилъ Змѣевъ разсѣянно.

— О! на пршодѣ!.. Слична!! Пенькна!!!.. Нужки!!!... Цозанибицъ Очки!!!... (**) Почтмейстеръ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

Змѣевъ по инстинкту угадалъ свою незнакомку... Да, это ея ростъ, ея славная талія, граціозная, исполненная благородства поступь... это она, она! подсказало сердце...» Жаль, что глазъ не видать! подумалъ Змѣевъ.

— Кто это? спросилъ онъ, однакожъ по возможности стараясь скрыть свое волненіе...

— «Доктóрова!.. Вдувка! (***) шепнулъ таинственно почтмейстеръ.

Вь это мгновеніе докторша обернулась...» Боже, что за очи!!!

(*) Смотри! хорошенькая особа!

(**) Вотъ! впереди! Хороша! Прекрасна!! Что за талія! Ножки! очи!

(***) Докторша! Вдова!!

Digitized by Google

— Дрога пана! Падамъ до нужекъ! (*) воскликнулъ почтмейстеръ въ мгновеніе ока снимая шляпу и обнажая свою свѣтящуюся лысину. И онъ двинулся впередъ увлекая за собою Змѣева... — » Она знаа пана! шепталъ онъ скороговоркою. — » мувилэмъ ей, же-сь хорóвалъ. Жаловáла бардзо!.. (**) Черезъ секунду они уже стояли лицомъ къ лицу.

Докторша улыбнулась и вскинула темносиними глазами на Змѣева. И опять героя нашего какъ варомъ обдало.. Легкая улыбка расцвѣла на прекрасныхъ устахъ женщины, и было что-то странное въ этой улыбкѣ: было въ ней и какъ будто что-то похожее на иронію и что-то какъ будто похожее на сдержанную, невольно вспыхнувшую въ сердцѣ радость. Почтмейстеръ продолжалъ раскланиваться...

— О то бѣдáчекъ!.. Хорóвалъ! брякнулъ онъ вдругъ указывая на Змѣева. Ледво цо *ad patres* не вырушалъ!!!..: Мамъ гоноръ рекомендóвать: поручникъ Змѣевъ... годный человѣкъ! (***)

Змѣевъ желалъ провалиться въ эту минуту сквозь землю отъ такого неожиданнаго пасажа... Правая рука его однакожъ по привычкѣ, по инстинкту, приложилась къ козырьку фуражки... Потомъ правая ножка его дернула немного въ сторону, и хлопнула объ лѣвую. Шпоры звякнули и покраснѣлъ Змѣевъ какъ вареный ракъ.

Ему улыбнулись, преприветливо, превѣжливо. Рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ какъ жемчугъ зубовъ сверкнулъ изъ подъ раскрытыхъ розовыхъ губокъ и густыя рѣсницы на минуту прикрыли темносиніе очи... Змѣевъ успѣлъ однакожъ уловить взглядъ... но... Боже, что за взглядъ!.. мягкій, ласковый...

Почтмейстеръ уже пошолъ рядомъ съ докторшей, продолжая тащитъ Змѣева.. Онъ закидалъ ее вопросами, осыпалъ комплиментами... Змѣевъ плелся въ какомъ-то страдательномъ положеніи, и если правду сказать, былъ очень неловокъ въ эту минуту. Непривычна быть въ обществѣ

(*) Дорогая Пани!.. Падаю къ ножкамъ!

(**) Она знаетъ, васъ.. Я говорилъ ей что ты былъ боленъ. Очень жалѣла.

(***) Вотъ бѣдный! Былъ!, боленъ!. Едва къ праотцамъ не отправился, Честь имѣю представить! Поручикъ Змѣевъ!. достойный человѣкъ!

Digitized by Google

съ женщинами, воспоминаніе о первой встрѣчѣ, вопросъ— какъ повести самому рѣчь, недостатокъ практики въ этомъ родѣ затрудняли, безпокоили его... Вотъ уже прошли площадь, вотъ и глухая улица, а онъ успѣлъ сказать не больше двухъ словъ... Его спросили, чѣмъ онъ былъ боленъ—онъ отвѣчалъ, что простудился въ караулѣ... Полюбопытствовали узнать какъ чувствуетъ себя теперь — сказалъ: слава Богу! А почтмейстеръ такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ... Змѣевъ рѣшился разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ.

— До свиданья! произнесъ онъ на минуту останавливаясь и освобождая свою руку изъ подъ руки почтмейстера.

— Янъ-что?! воскликнулъ тотъ. Ховай Боже!! До мне пуйдзешъ Кавы се напіешъ!

— Не могу! отвѣтилъ Змѣевъ.

— Зе сметанко!! снова воскликнулъ Пржегембальскій торжественно, и даже причмокнулъ губами.—«Зе сметанко!» повторилъ онъ еще рѣшительнѣе, и подмигнулъ глазомъ.

— А може пуйдзешъ до мне?!.. стыдливо шепнула докторша... Змѣевъ не слыхалъ этого вопроса... Онъ только слышалъ, какъ почтмейстеръ, любезно пробурчалъ «и сешъ», да на ходу какъ то признательно подшаркнулъ ножкой... Змѣевъ шелъ точно увлекаемый какою-то сверхъ естественною силою... Непонятное волненіе, непонятная дрожь прохватывала все существо его. Сердце билось, ноги путались. Раза два онъ уже зацѣпилъ шпорою сапогъ, чуть-чуть не разорвалъ его.

Наконецъ вотъ и онъ... онъ, бѣленькій домикъ, стыдливо прячущійся за кустами бузины и сирени, подъ навѣсомъ стройныхъ тополей... Вотъ они уже у крыльца. Вотъ уже ея ножка ступила на первую ступеньку... У Змѣева дрогнуло сердце.. На этотъ разъ онъ не приложилъ уже руки къ козырьку фуражки.. Онъ снялъ её по французски—немножко на отлётъ, въ сторону—и только ножка его не утерпѣла, по прежнему шаркнула въ сторону, и стукнула шпорой о шнору... Такова рутина!

— Пане Пржегембальскій, проше, произнесла докторша, и вдругъ, съ одною изъ тѣхъ улыбокъ, изъ-за которыхъ смертный готовъ броситься въ морскія пучины, прыгнуть

Digitized by Google

на костеръ, влѣзть въ непріятельскую пушку, выпить скверного вина, обратясь къ Змѣеву прибавила: «Пане!.. Чи не бендзе ласковъ панъ?. Проше!!.»

Предоставляю тебѣ судить читатель что сталось съ Змѣевымъ въ эту минуту... На блѣдномъ еще отъ болѣзни лицѣ его вспыхнулъ яркій, густой румянецъ, обхватилъ щоки и уши. И у докторши, Богъ вѣсть съ чего, заиграла на личикѣ заря... Если правду сказать, Змѣевъ былъ очень хорошъ въ эту минуту, но не той красотой, что бьетъ въ глаза смѣлымъ, бойкимъ взоромъ, гордостью чела, чернымъ усомъ, свѣжестью и энергіей лица, красотой гвардейской, но другой красотой, той наивной, полной цѣломудрія и милой застѣнчивости, свойственной лишь степнымъ поручикамъ, проводящимъ жизнь «въ чистомъ полѣ у бивака, у пылающихъ огней,» и случайно попавшимъ въ общество хорошенькой женщины, лицомъ къ лицу съ ней поставленнымъ.

Змѣевъ вѣсь превратился въ поклонъ...

И онъ перешолъ черезъ Рубиконъ. Вступилъ въ заповѣданный чертогъ, куда не вступалъ еще ничей сапогъ со шпорою.

Докторша овдовѣла два года тому назадъ... Какъ добрая жена, она въ свое время поплакала, сносила по мужѣ трауръ, чтила его память, порой ходила на его могилу... Но вѣдь ей съ небольшимъ двадцать лѣтъ, вьется въ кольцы темнорусая коса, поднимается высоко, жарко пышетъ молодая грудь, сердце бьется горячо, проситъ счастья и любви....

Не будемъ описывать всѣхъ подробностей перваго визита. Черезъ часъ Змѣевъ спѣшнымъ шагомъ шолъ изъ бѣленькаго домика. Онъ получилъ приглашеніе бывать. Кровь его волновалась отъ восхищенія. Бесѣда съ хорошенькой женщиной благодѣтельно подѣйствовала на его нервы, явился дьявольскій аппетитъ и онъ спѣшилъ въ трактиръ.

— Господа! Змѣевъ идетъ, Змѣевъ! раздались оттуда восторженныя восклицанія... Замахали оттуда руками, платками.. Человѣка три выскочило даже на улицу безъ шапокъ.

— Змѣевъ! Змѣевъ! А! а—а! А—а—а! Змѣевъ! уже загудѣла толпа, едва онъ ступилъ на порогъ пиршественнаго зданія, и нѣсколько десятковъ обхватило его, нѣсколько усъ

Digitized by Google

протянулось къ нему цѣловаться.—«А! Вышелъ наконецъ!? вышелъ?! поздравляемъ, поздравляемъ братъ!! Змѣева душили, обнимали, цѣловали.

— А выпить бы шампанскаго на радостяхъ, господа! крикнулъ кто-то.

— А выпьемъ, выпьемъ! раздаются одобритетьно голоса.— Конечно выпьемъ.

— Добровенецкій, шампанскаго!

— Шампанскаго!

— Шампанскаго!!!

Szampanskiego!!!!

Трамъ—тамъ—ти—ри—ри тамъ—тамъ
Рамъ—ти—и—и—ри—ри
Тримъ—ти—ри—ри—ри!

Затягиваетъ уже кто-то еще ничего не видя, *качучу*, становясь въ позицію и поднимая руки къ верху...

— Трубачей!

— Труба—чей!!!!

— Тру—ба—чей—й—ий!!!!

И начался обѣдъ веселый..

Качаютъ Змѣева на рукахъ облили новенькій мундиръ ему весь шампанскимъ! Качаютъ другъ друга, танцуютъ польку кругомъ билліарда, мазурку...

«Не за тѣмъ хозяинъ звалъ,
«Чтобы мы молчали,
«Что бъ бутылки на столѣ,
«Праздными стояли!
Праздными стояли!
«Не хозяюшку смотрѣть
«Мы пришли сюда толпой
«Мы пришли смотрѣть вино,
«Не прокисло-ли оно?
Не прокисло-ли оно????

Поздно вечеромъ Змѣева провожаютъ съ церемоніей домой и укладываютъ на походную желѣзную кровать... Потомъ, усѣвшись на заваленкѣ квартирки его поютъ ему серенаду, и далеко-далеко несется эхо нестройныхъ голосовъ...

Digitized by Google

Проклинаетъ въ душѣ веселую молодежь мирный, сидѣть желающій горожанинъ.....

— Какъ ваше здоровье послѣ вчерашняго бала? спрашиваютъ на другой день другъ у друга.

Лѣто, густою зеленью покрылись сады. Зацвѣлъ какъ оазисъ, скучный до нельзя зимою городокъ Копыловъ... Встанетъ Змѣевъ утромъ, не дождется вечера.

— Змѣевъ, а ну!

— Что?

— Пойдемъ, срѣжемся!

— Некогда!

— Вздоръ! Пойдемъ,

— Не могу.

— Чудакъ! Что же дѣлать будешь?

— Письма писать!

Знаетъ Змѣевъ офицерскій обычай. Бѣда сказать истину: проходу не дадутъ добрые товарищи; притаился и таитъ онъ какъ сокровище, какъ святыню знакомство свое. Переулками, закоулками, спѣшитъ вечеромъ онъ въ знакомую намъ глухую улицу въ бѣленькій домикъ, гдѣ ждетъ его привѣтъ и ласка, чай съ ромомъ и малина со сливками..... Хорошо Змѣеву! Не ушолъ бы оттуда!

А въ трактирѣ раздается стукъ шаровъ на билліардѣ. Полонъ неизъяснимо сладостныхъ чувствъ возвращается Змѣевъ. Душа такъ полна, черезъ край льется блаженство, разрывается грудь отъ счастья, отъ восторга.. Хочется весь міръ обнять и хочется напиться!!

— А—а а!!!.. Гдѣ пропадаешь? Что-то ужъ часто!! . Гдѣ былъ??

Змѣевъ конфузится.

— Ааа!. Вѣрно интрижка?!

— Ага! ага!!.. интрижка, интрижка!! Ага! интрижка!!!

— Господа! краснѣетъ!!

— Краснѣетъ! Краснѣетъ!!!

— На ворѣ шапка горитъ!!

Дерзкій отвѣтъ готовъ вспыхнуть на устахъ Змѣева, но онъ боится выдать свою дорогую тайну, и хитритъ, хитритъ недостойно.

Digitized by Google

— Какая къ чорту интрижка! говоритъ онъ выпивая залпомъ рюмку жесточайшаго бальзаму, желая скрыть свое замѣшательство.

— Гдѣ же пропадаешь?.. Гдѣ?

— Да ужъ нечего, братъ!.. Влюбленъ!

— Ага! ага! Влюбленъ, влюбленъ!!! подхватываетъ десятатъ голосовъ.

— Ха—ха—ха—ха. Amoureux ce qu'on appelle!!!

— Закохàнный!!

— Милосць то естъ маржане глупе!

— Любовь зла.. влюбишься въ козла!

— Ха—ха—ха—ха!!!!

— Ну, говори! въ кого влюбленъ? Признавайся!!

И Змѣева мучатъ, тормошатъ, градомъ сыплются легкомысленныя шутки, оскорбляя наивно, безъ задней мысли, святыню чувства, издѣваясь и профанируя все, чѣмъ жизнь красна.

Змѣевъ привязался къ обласкавшей его доброй женщинѣ, безъ всякихъ цѣлей, безъ всякихъ помысловъ.. Онъ полюбилъ и владычицу бѣленькаго домика и самый домикъ, и эти цвѣты, которые растутъ въ немъ, и эти дорожки, по которымъ гуляетъ ея маленькая ножка..... Сидитъ-сидитъ до полночи, все глядитъ въ темносиніе очи, любуется—не насмотрится.. А попрощается пойдетъ—силъ нѣтъ удалиться. Ночь цѣлую сидитъ гдѣ нибудь на плетнѣ, да смотритъ на знакомую трубу.

А рѣчи о любви еще и не было. Легче бы кажется батарею взять, чѣмъ слово смѣлое сказать.

А между тѣмъ маленькій полковой Мефистофель, уже выслѣдилъ его словно краснаго звѣря... Уже громко толкуютъ и въ манежѣ и въ кандитерской, и на улицѣ и въ трактирѣ и гдѣ попало, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, объ интрижкѣ Змѣева, называютъ *ее* по имени громко, терзаютъ легкомысленно это доброе, честное имя... Знаетъ объ интрижкѣ Змѣева и трактирщикъ Добрженецкій, знаетъ и сладенькій кандитеръ—швейцарецъ... Забѣжитъ Змѣевъ, спроситъ *абсенту*, а онъ ему съ сахарной улыбкой суетъ коробочку съ конфектами... Жидъ Перельманъ, день-деньской

Digitized by Google

ходитъ слѣдомъ съ кольцами, съ серьгами, а жидовка Гольда зазываетъ взглянуть на атласы, аксамиты и «ружне ёдвабы (*) Понимаетъ всякъ по своему любовь!!!

Появится Змѣевъ среди товарищей,—насмѣшки, шутки, намеки сыплются со всѣхъ сторонъ... Иной подскочитъ да обнюхаетъ: духами пахнетъ!.. въ дамскомъ обществѣ былъ!!!

Вспыхнетъ Змѣевъ какъ порохъ—на всё готовъ!..

— Тш! тш!.. Что ты, что ты?!!! За юбку?!! За женщину?!! Товарища мѣнять хочешь?.. Фуй!.. Стыдись, братъ!.. Полно!!!

— Стыдись, стыдись, стыдись!!!

И Змѣевъ стыдится, пасуетъ передъ словомъ *товарищъ*, умолкаетъ безъ отвѣта... Все общество немножко какъ будто надувается, какъ будто считаетъ себя даже обиженнымъ... Наступаетъ довольно тягостное молчаніе.

— Что жъ, господа, сыграемъ въ ералашъ?! процѣживаетъ кто нибудь сквозь зубы.

— Сыграемъ.

Ставятъ столъ, приносятъ карты. Ералашъ въ присутствіи Змѣева, но безъ участія его, само собою разумѣется, не мыслимъ.

— А ну, Змѣевъ!..

— Что?

— Играешь?

— Играю.

— Ну, садись.

И шлепаетъ Змѣевъ въ ералашъ день, другой, третій... Ждетъ не дождется добрая докторша своего любимца... Только что Змѣевъ за шапку, десять паръ глазъ смотрятъ ему въ глаза, десять злыхъ, ядовитыхъ улыбокъ обдаютъ его кипяткомъ...

. . . . . .

— Господа! новость!!

— Что такое?..

— Походъ!

— Походъ???

— Походъ!!!

(*) Атласъ, бархатъ и разный шолковый товарецъ.

Digitized by Google

— Уррррааааа!!!
— Когда?
— Завтра!.. Пришла эстафета!
— Слава Богу!.. Надоѣлъ проклятый Копыловъ!!!
— Чортъ съ нимъ!!!
— Три леве и четыре онёра!
— Какъ тутъ, однакожъ, раздѣлаться съ Беркой?!.
— А у меня ни повозки, ни лошадей!
— Хочешь возьми изъ моихъ одну?
— Сдѣлай милость!..

Такій люсъ
Чека насъ
Дзисяй—ту,
Ютро—тамъ!!!

— Ну, а Змѣевъ?!. Какъ же съ интрижкой?!.
— «А кеды одъѣзжать, то бондзь же здрувъ!»
— Чортъ возьми, ни гроша денегъ нѣтъ на походъ!..
— Пойдемъ ковать казначея.

—«Прости, прости родное племя,
«Прости мой милый городокъ,
«Какъ ловко здѣсь убилъ я время,
«Счастливый въ мірѣ уголокъ.

«Прости, прости; лишь наслажденья
«Къ тебѣ приду искать я вновь,
«Прости, merci за угощенье,
«За пирожки и за любовь.
За пирожки и за любовь
За пирожки и за любовь!!!

Поднялось солнце. Утро свѣжее, раннее, а уже городокъ Копыловъ весь на ногахъ, кипитъ какъ муравейникъ.

«Царя бѣлаго солдаты,
«Собираются въ походъ.

Вотъ наконецъ грянулъ въ утреннемъ воздухѣ *генералъ-маршъ* и задрожали сердца въ Копыловѣ. Есть въ этихъ звукахъ, то что-то мучительно грустное и тоскливое, то нѣчто торжественное и подмывающее... Вотъ уже фурштатъ провелъ коней къ полковому ящику... Уже бьетъ крѣпкимъ копытомъ звонко въ землю, у крыльца квартиры Змѣева, знакомый намъ Принцъ. Хозяйскій пёсъ съ тоскою смотритъ

Digitized by Google

на Кирилу, укладывающаго чемоданы въ повозку и жалобно воетъ.

Вотъ уже грозной массой оттуда и отсюда выдвигаются на сборный пунктъ эскадроны... На башнѣ городскаго костёла звякаетъ колоколъ... Еще торопливѣе, еще лихорадочнѣе снуютъ жидки; собрался на стогнахъ Копылова разный людъ. Плачетъ горько молодица пригорюнясь за плетнемъ. Сапожника штабнаго Чебатуру ведутъ изъ шинка, къ лазаретной фурѣ...

Вотъ наконецъ и къ конямъ! Вотъ ужъ и сѣли наконецъ... Вотъ уже вынесли и штандарты!.. Прощай, прощай Копыловъ!

А на паперти костёла стоитъ молодая, стройная, прекрасная женщина. Принапухли темносинія, добрыя ласковыя ея очи, и всё смотрятъ, все смотрятъ въ даль на движущуюся массу, какъ будто желая отыскать въ тысячѣ образовъ одинъ, дорогой и милый, и какъ-то странно сложились густо какъ будто желая сказать послѣднее слово, послать кому-то еще разъ привѣтъ и ласку.

Благослови однакожъ, судьбу свою, милая докторша! Поблагодари ее, что она прервала романъ вашъ на первыхъ страницахъ, иначе пропало-бъ можетъ быть твое честное, до сихъ поръ не запятнанное имя, а рано-ль поздно-ль, точно также пришла бы эстафета, и грянулъ генералъ-маршъ... И тогда, быть можетъ, отъ звуковъ его совсѣмъ разорвалось бы твое доброе сердце.

Поклонись и ты судьбѣ Змѣевъ. Хорошо что случился этотъ внезапный, нежданный-негаданный далекій походъ. Въ будущемъ по крайней мѣрѣ однимъ упрекомъ въ душѣ твоей будетъ меньше. А то почемъ знать, что бы еще могло случиться? Можетъ быть въ горячій часъ, за праздное слово, легъ бы ты пластомъ, на чертѣ роковой, кровью облитый, или самъ бы уложилъ и ко праотцамъ друга отправилъ, и пропалъ бы ни за грошъ мѣдный, ни «за нюхъ табáки» какъ говорятъ поляки.

А. Фатѣевъ.

Digitized by Google

ТЕОРІЯ БЕЗОБРАЗІЯ (*).

Въ отношеніяхъ нашихъ къ искусству происходитъ какая-то перемѣна. Вмѣсто прежняго розоваго взгляда на поэзію и художниковъ теперь смотрятъ на нихъ сухо и недовѣрчиво. На рельефность, ти-

(*) Съ удовольствіемъ печатаемъ эту статью (изъ губерніи), хоть и не во всемъ согласны съ ея почтеннымъ авторомъ. Но не согласны мы, говоря относительно, только въ мелочахъ, напримѣръ въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ его о нашихъ современныхъ литераторахъ и проч.; но главная, основная идея его совершенно раздѣляется нами. Намъ особенно пріятно указать читателямъ на твердый, искренній и благородный тонъ этой статьи; такъ можетъ выражаться только твердое убѣжденіе и искреннее желаніе добра.

Статья эта до крайности наивна, — не можемъ этого не замѣтить. Принимать сколько нибудь за серьозное *нѣкоторыя* мнѣнія эксцентрическаго, хотя и уважаемаго нами, талантливаго г. Писарева, и совершенно уже странныя мнѣнія г. Зайцева, — положительно невозможно. Никто не виноватъ, что эти господа не знаютъ азбуки во многомъ изъ того о чемъ они берутся судить... Но не смотря на эту странную наивность, или лучше сказать, можетъ быть черезъ эту-то именно наивность,—статья г. Соловьева намъ особенно симпатична. Слышенъ голосъ свѣжій, голосъ далекій отъ литературныхъ сплетенъ и отъ всей этой литературной каши. Это голосъ самого общества, голосъ тѣхъ *всѣхъ*, которые ужь конечно имѣютъ право имѣть о насъ свое мнѣніе... Мы помѣщаемъ статью г. Соловьева почти безъ измѣненій и просимъ его сотрудничества.

Ред.

Digitized by Google

пичность изображенія, энергію, энтузіазмъ слова мало обращаютъ вниманія. Безпощадная критика, строгій анализъ и осмысленіе фактовъ— вотъ что болѣе всего нужно для современнаго человѣка; стремленіе къ истинѣ, ненависть къ злу такъ въ немъ сильна, что ему какъ-бы некогда кланяться красотѣ.

Отнюдь не думая чтобы подобный радикализмъ литературы остался безъ пользы, мы все таки увѣрены, что онъ есть явленіе преходящее. Объясняется онъ очень просто. Толкаясь въ тѣснотѣ туда и сюда, человѣкъ невольно теряетъ спокойствіе и настраивается на исключительно отрицательный тонъ. Чѣмъ больше препятствій тѣмъ неизбѣжнѣе отрицатели и тѣмъ естественнѣе ихъ увлеченіе. Вслѣдствіе привычки или пожалуй необходимости отрицанія они доходятъ наконецъ до того, что нападаютъ и на самыя естественныя явленія жизни, считая ихъ какъ-бы помѣхой. Мы не осуждаемъ ихъ дѣятельность, мы не говоримъ, что въ сущности, въ главномъ мы съ нею не согласны, а утверждаемъ, что половина этой дѣятельности пропадаетъ даромъ, направляется противъ того, что никакіе прогрессисты въ Европѣ не отвергаютъ. Уничтожать предразсудки, уменьшать легковѣріе, бороться съ насиліемъ, лицемѣріемъ и невѣжествомъ—дѣло разумное; но возставать противъ поэзіи и искусства, отрицать все изящное, граціозное и свѣтлое въ жизни—это абсурдъ и непониманіе природы. Природа столько же разумна, сколько хороша. Красота и истина—два идола, которымъ люди будутъ вѣчно поклоняться. Отрицатели искусства думаютъ не такъ. Замѣтивши, что исключительная дѣятельность воображенія и односторонняя жизнь сердца деморализируетъ человѣка, они утверждаютъ, что воображеніемъ и сердцемъ совсѣмъ не нужно жить, что фантазія есть сонъ, а сердце глупость, поэтъ же нѣчто въ родѣ гороховаго шута. Чтобъ обвиненія наши не были голословны, мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ критическихъ статей г. Писарева, котораго въ этомъ отношеніи можно назвать самымъ даровитымъ представителемъ подобыхъ ученій. «Плохо приходится въ наше время поэтамъ—наступитъ со временемъ драматическая минута, когда послѣдній поэтъ бросится на шею послѣднему эстетику и рыдая скажетъ: «другъ мы съ тобой одни... спрячемся и притворимся натуралистами»... Окончательный шагъ еще не сдѣланъ, искусство для нѣкоторыхъ читателей, а особенно для читательницъ все еще сохраняетъ кой какіе блѣдные лучи ложнаго ореола... Эстетикамъ и въ голову не приходитъ, что трагическое происшествіе почти всегда бы-

Digitized by Google

вость также глупо, какъ и комическое и что глупость можетъ составлять единственную пружину разнообразнѣйшихъ драматическихъ коллизій. Жестокость семейнаго деспотизма, фанатизмъ старой жажды и несчастная любовь дѣвушки къ негодяю, кротость терпѣливой жертвы, порывы отчаянія, ревность, и т. д... вся эта пестрая смѣсь чувствъ, качествъ и поступковъ, все это различное проявленіе—неисчерпаемая глупость... Въ средніе вѣка глупости совершались чаще и были гораздо крупнѣе чѣмъ въ наше время, это ужъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; но средневѣковымъ людямъ и даже Шекспиру было извинительно принимать большія человѣческія глупости за великія явленія природы, а нашъ людямъ девятнадцатаго столѣтія пора называть вещи ихъ настоящими именами».

Изо всего этого выходитъ, что человѣчество до сихъ поръ ошибалось, живя не только мыслію, но и фантазіею и чувствомъ и что наша литература, или только часть ея, есть исходная точка для уничтоженія цѣлой половины человѣческой дѣятельности—искусства. Что-то невѣроятно. Фантазія и чувство все таки существуютъ; они феномены психической жизненой дѣятельности, какъ же не жить ими? Жить исключительно воображеніемъ конечно глупо; но жить только умомъ значитъ совсѣмъ не жить. Умъ только прокладываетъ дорогу къ нашей дѣятельности; фантазія же даетъ содержаніе ей; умъ открываетъ, фантазія изобрѣтаетъ. Самый практическій и дѣятельный въ мірѣ народъ имѣетъ въ то же время и самыхъ геніальныхъ поэтовъ. Какъ скоро человѣкъ даетъ исключительный перевѣсъ мыслительной, анализирующей сторонѣ нашихъ способностей, производительная сторона его сейчасъ слабѣетъ. Еще Шекспиръ въ Гамлетѣ показалъ, что для того чтобы дѣйствовать не нужно слишкомъ много думать, и для насъ теперь понятно почему великіе и благородные характеры не всегда были великими мыслителями. Гёте своимъ Фаустомъ рѣшилъ другую сторону этого вопроса; онъ объяснилъ, что одного знанія не достаточно, что отъ знанія, хоть бы слишкомъ большого но исключительнаго, человѣкъ какъ-бы хромѣетъ для жизни. Тургеневскіе лишніе люди то же черезъ чуръ умные и черезъ чуръ свѣдующіе люди. Послѣдняго изъ нихъ, Базарова, правда нельзя назвать лишнимъ, но нельзя его принять за положительно полезнаго человѣка. Онъ положителенъ только отрицательно, какъ прокладывающій дорогу; онъ самъ не знаетъ куда пойдетъ. Базаровы тѣже лишніе люди съ немного только бо́льшимъ просторомъ передъ собой.

*

Digitized by Google

Если-бы просторъ этотъ увеличился въ значительной степени,—оказались бы ненужными и они. Разница все таки между настоящими лишними людьми и отрицателями огромная. Тѣ лишніе люди только тосковали, нося въ себѣ манфредовскую муку знанія; эти уже не горюютъ, а злятся, негодуютъ. Злоба ихъ зашла слишкомъ далеко, потому что обратилась и на такіе предметы, которые бы ихъ могли поддержать, а не помѣшать имъ.

Нападать на поэзію и искусство — дѣло въ высшей степени неблагодарное. Ни одного поэта, художника или музыканта не обратятъ въ ученаго, если у него нѣтъ способности къ наукѣ; искуство всегда останется для него первымъ дѣломъ. Думаютъ, что искуство вмѣстѣ съ паденіемъ мистическаго начала потеряетъ свою таинственную прелесть и потому должно пасть. Искуство напротивъ должно теперь расширить свою сферу. Когда средневѣковый мракъ разсѣялся люди опять возвратились къ натурализму грековъ. Что считалось порожденіемъ темной силы, снова было признано за естественныя явленія жизни. Аѳродитъ прежнихъ, передъ которыми греки падали въ своихъ храмахъ, не явилось; за то явились другіе идолы, другіе идеалы, которые поэтическій геній открылъ въ человѣческой природѣ. Въ послѣднее время мы видимъ, что нѣкоторые поклонники науки опять какъ будто отворачиваются отъ природы, то есть отъ ея изящной стороны и вмѣсто средневѣковаго аскетизма жизни впадаютъ въ аскетизмъ мысли. Но природа, повторяемъ, столько же разумна сколько хороша. Самыя нравственныя чувства есть ничто иное какъ чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни. Если для человѣка есть всѣ выгоды солгать или обмануть и онъ все таки не лжетъ и не обманываетъ, то онъ руководствуется не какимъ нибудь умственнымъ выводомъ а тѣмъ, что лгать ему кажется гадко, противно. Тоже можно сказать и о бѣднякѣ, который находитъ случайно деньги и отдаетъ по принадлежности. Если онъ начнетъ думать и соображать, онъ ихъ ни за что не отдастъ. Въ «Современникѣ» былъ когда-то разсказанъ случай какъ во время пожара, угрожавшаго цѣлому городу, одинъ распорядитель партіи арестантовъ рѣшился отпустить для спасенія города преступниковъ, взявши съ нихъ слово воротиться по окончаніи дѣла. Арестанты дали слово, исполнили съ страшнымъ самопожертвованіемъ свое дѣло и всѣ до одного возвратились. Чѣмъ тутъ руководились и арестанты и распорядитель какъ не нравственнымъ чувствомъ, какъ не безконе-

Digitized by Google

чнымъ уваженіемъ передъ достоинствомъ, красотою человѣческой природы?

Бокль смѣшиваетъ нравственное чувство съ религіознымъ, но это не вѣрно. Религіозное чувство вытекаетъ изъ отношеній человѣка къ высшему существу. Нравственное же чувство есть болѣе земное чувство и оно въ самой тѣсной связи съ природой, есть ощущеніе красоты въ ней и стремленіе осуществить красоту эту въ жизни. Много конечно совершается ошибокъ и преступленій изъ невѣденія или бѣдности, но еще болѣе дѣлается ихъ по неразвитости и искаженію нравственнаго чувства. И самые свѣдующіе и обезпеченные люди безобразничаютъ если у нихъ нѣтъ въ душѣ чувства красоты и благородства, или идеала, какъ высшаго собственнаго представленія этой красоты и благородства. Блаженъ тотъ, у кого есть идеалъ! Нравоученія дѣйствительно мало принесли пользы, но, какъ прекрасно доказалъ Бокль, поэтическіе идеи и образы всегда были двигателями человѣчества. Шлоссеръ не даромъ связалъ исторію литературы съ исторіею человѣчества.

И какъ бы человѣкъ ни хитрилъ, онъ не убьетъ въ себѣ стремленія къ наслажденію. Стремленіе это въ немъ совершенно равносильно стремленію къ истинѣ и желанію пользы. Онъ хочетъ для себя не только довольства но и счастія; чѣмъ легче, поверхностнѣй станетъ онъ смотрѣть на наслажденіе, тѣмъ оно будетъ ядовитѣе. Убить страсть—это аскетизмъ; оставить ее на произволъ—безобразіе. Наука со страстью ничего не подѣлаетъ, не ея сфера. Она можетъ только ее удержать или обуздать; такъ что человѣкъ все таки не гарантируется отъ внезапныхъ и иногда безобразныхъ вспышекъ страсти. Только поэзія можетъ регулировать страсть. Чѣмъ бы была напримѣръ любовь, если бы отъ нея отнять ея поэтическую сторону и искать въ ней одной страсти и никогда чувства? Изъ нея выходила бы только проституція. Когда же это половое влеченіе отражается на всемъ человѣкѣ, идеализируется, то оно дѣлается самымъ нравственнымъ влеченіемъ. И въ этомъ идеализированіи нѣтъ ни капли лжи. Это истина; это естественно. Можетъ ли поэтому человѣкъ быть чистымъ и не безнравственнымъ въ любви, если онъ станетъ смотрѣть на все изящное, поэтическое свысока. Онъ сейчасъ отступитъ отъ природы, нарушитъ законъ ея; онъ даже и не узнаетъ, что такое наслажденіе и вмѣсто рая пожалуй попадетъ въ адъ. Ограниченны такіе люди и достойны сожалѣнія, а не уваженія; тутъ развратъ, а

Digitized by Google

нимъ представляютъ ихъ какъ разумныхъ людей. Развратный не разуменъ. Существованіе оргій, пьянства, азартныхъ игръ и тому подобныхъ забавъ, губящихъ и очень умныхъ людей только и условливается тѣмъ, что люди не умѣютъ серьозно и правильно смотрѣть на наслажденіе. Всѣ эти забавы суть только плохіе замѣнительные суррогаты эстетическихъ удовольствій. Для необразованнаго они положительно незамѣнимы—ему какъ и всякому хочется быть не только сытымъ но и веселымъ; въ образованномъ же они показываютъ на недостатокъ эстетическаго развитія. Возставать по этому противъ эстетическихъ удовольствій это почти тоже, что защищать оргіи и игры; на послѣднія у насъ дѣйствительно смотрятъ съ какимъ-то непростительнымъ снисхожденіемъ. Давно ли «Русское Слово», теперь ратующее противъ эстетики, издавало Шахматный листокъ, гдѣ слово геній и талантъ примѣнялось къ какимъ нибудь фокусникамъ? Скажутъ что многіе поэты и художники были страшные сенсуалисты, но это опять крайность: они сдѣлались жертвами своего исключительнаго служенія красотѣ. Ихъ и винить въ томъ нельзя. Гейне не былъ бы Гейне, а Байронъ Байрономъ, если бы страсть, подорвавши ихъ организмы, не положила основанія мрачному, разрушительному началу. На другихъ людей они дѣйствовали иначе и думаемъ что никого не развратили.

Отрицатели искуства обыкновенно не нападаютъ на него прямо, а говорятъ, что они не признаютъ только искуства для искуства. Но искуство для искуства тоже, что наука для науки,—два понятія почти немыслимыя съ тѣхъ поръ какъ поэзія разсталась съ романтизмомъ, а наука съ метафизикой. Наше искуство менѣе всего можно упрекнуть, что оно живетъ для себя, потому что въ высшей степени реальное. Оно имѣло много ложныхъ взглядовъ на жизнь, узко и криво смотрѣло на нее, но никогда отъ жизни не отрывалось. Быть можетъ наука не сдѣлалась столько практической у насъ сколько искуство реальнымъ. У насъ почти нѣтъ повѣсти, которая бы не составлялась на болѣе или менѣе подробномъ изученіи жизни; въ иностранной же, особенно во французской литературѣ, еще сплошь да рядомъ пишутся романы безъ малѣйшаго признака наблюдательности, въ прежнемъ романтическомъ вкусѣ. Дюма и Феваль у насъ невозможны. Тѣ, которые нападаютъ на искуство для искуства не то хотятъ сказать, что думаютъ. Они желаютъ, чтобы искуство было не изображеніемъ а служанкой науки. По мнѣнію ихъ кажется не природа и жизнь, а наука должна вдохновлять поэтовъ. «Дарвинъ, Лайэль и подобные мыслители—вотъ ви-

Digitized by Google

лософы, вотъ поэты, вотъ мыслители нашего времени» выражается г. Писаревъ. Дѣятельность ума только и признается и ставится надъ всѣмъ. Оно быть можетъ и хорошо бы было, если бы всѣ люди были мыслителями, да природа-то не такъ распорядилась; у ней нѣтъ такой умственной централизаціи. Философы на что смѣлы и тѣ не брались рѣшать которая способность выше, которая ниже; физіологи и подавно. Всѣми своими способностями человѣкъ обыкновенно не дѣйствуетъ заразъ, но можно также сказать и не бездѣйствуетъ ими безусловно. Разговоръ есть тоже своего рода трудъ особенно у тѣхъ, которые живутъ исключительно умственною жизнью. Отдыхъ извѣстной способности возможенъ тогда вполнѣ, когда работаетъ другая. Кто работаетъ чувствомъ, тотъ отдыхаетъ умомъ и на оборотъ. Поэтому, какъ съ физіологической такъ и съ гигіенической точки зрѣнія необходимо чтобы человѣкъ не жилъ исключительно мыслію или исключительно воображеніемъ. Ученые, трудясь надъ наукой должны отдыхать на поэзіи; поэты на оборотъ. Да такъ и въ дѣйствительности: Самое завлекательное въ наукѣ для великаго ученаго—это ея поэзія. Самое поражающее и вдохновляющее поэта дѣло — это сокровенныя тайны природы, это наука о мірѣ. Въ наукѣ, въ настоящей наукѣ — бездна поэзіи. Все это слито химически. Все это умные люди давно понимаютъ вездѣ. Но понимаютъ только у насъ; не потому ли что у насъ до сихъ поръ еще не было настоящей науки?

Но что лучше всего доказываетъ самостоятельность сферы искуства, такъ это сама природа, которой оно есть прямое и естественное явленіе. Риттеръ, связавши исторію съ природой, Кетле, подчинившій жизнь цифрамъ и Бокль, открывшій въ ней историческіе законы все таки не отвергли своими изслѣдованіями историческаго прогреса и измѣняемости. Теорія Дарвина о происхожденіи видовъ какъ нельзя болѣе это потверждаетъ. Организмъ, по его выраженію, есть величина непостоянная, вѣчно измѣняющаяся; незнаніе наше законовъ этой измѣняемости такъ глубоко, что ограничивается только указаніемъ на нѣсколько частныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ измѣняются организмы. Борьба за существованіе и половой подборъ не законы, а только способы, которыми идетъ природа. Законовъ измѣняемости значитъ нѣтъ, да и едва ли можетъ быть; законъ и измѣняемость есть слова до нѣкоторой степени противоположныя. Сущность закона есть повторяемость явленій, сущность измѣняемости не повторяемость, новизна. Открыть законъ—это значитъ открыть неизмѣнное

Digitized by Google

въ природѣ; признать же измѣняемость въ ней значитъ утверждать что феномены природы, вслѣдствіе многосложности и столкновеній не всегда сохраняютъ равновѣсіе, не изъяты отъ случая. Случай—эта фантазія природы, имѣетъ въ этомъ отношеніи роковое значеніе; въ силу его отъ самыхъ по видимому ничтожныхъ причинъ бываютъ великія послѣдствія, не только въ жизни но и въ природѣ. Все по видимому идетъ такъ и такъ по извѣстнымъ путямъ, а потомъ вдругъ и выдетъ какая нибудь диковина, въ родѣ напримѣръ того необыкновеннаго случая въ Петербургѣ, когда у одного субъекта сердце и селезенка оказались въ правой сторонѣ, а печень въ лѣвой. Статистическія цифры конечно довольно точно опредѣляютъ повторяемость явленій жизни, да не совсѣмъ; и эта-то малая разница и несходство въ числѣ случаевъ за извѣстные годы и есть причина, почему жизнь не всегда остается одной и той же, а вѣчно движется впередъ. Возьмемъ еще примѣръ. Организмъ человѣческій состоитъ изъ множества элементовъ и силъ въ нихъ проявляющихся. Если бы элементы эти были въ вѣчномъ равновѣсіи, люди были бы похожи другъ на друга, какъ два кристала или двѣ капли воды; но мы не видимъ даже и двухъ физіономій одинаковыхъ, а тѣмъ болѣе двухъ характеровъ. Есть подобіе, но нѣтъ идентичности. Каждый индивидуумъ есть въ своемъ родѣ новость въ природѣ. Природа, можно сказать, по извѣстнымъ законамъ идетъ къ неизвѣстнымъ результатамъ. Жизнь въ тѣсномъ случаѣ болѣе всего представляетъ намъ этихъ неразрѣшимыхъ ребусовъ, непредвидѣнныхъ случаевъ и безконечной измѣняемости и разнообразія формъ. Изслѣдовать эту измѣняемость и разнообразіе также невозможно, какъ описать и узнать причину почему листья на одномъ и томъ же деревѣ всѣ неодинаковы. Будь они одинаковы, впечатлѣніе на наши нервы было бы другое. А между тѣмъ изъ тысячи такихъ впечатлѣній и рефлексовъ, болѣе или менѣе измѣняющихся и похожихъ другъ на друга, выростаетъ жизнь. Наука въ этомъ хаосѣ ничего не можетъ объяснить кромѣ физіологической сущности явленій. Группировать же и уловить эти явленія и опредѣлить ихъ жизненный смыслъ можетъ только искуство. Оно только даетъ намъ средство къ высшему уразумѣнію жизни. Художникъ или поэтъ, умѣющій схватывать типы или характеры, или вѣрно очерчивать разные кружки и слои общества, со всѣми волнующими ихъ идеями и интересами, оказываетъ такую же заслугу людямъ какъ ученый, дѣлающій открытіе. Призваніе художника не популяризировать науку, а объяснять жизнь.

Digitized by Google

Для отрицателей искуства мы всѣмъ этимъ конечно ничего не объяснимъ: искуство не только понимается, но и чувствуется; а кто лишонъ какого нибудь органа отъ природы или жизнію—на того и пенять нельзя. Мы знали одного очень умнаго господина, отличавшагося совершеннымъ отсутствіемъ музыкальнаго слуха, который опредѣлялъ музыку такъ: тили-ли, тили-ли, вотъ вамъ и музыка. Почти также смотрятъ нѣкоторые на поэзію. Объ этихъ господахъ можно сказать, что они не видали жизни. Всѣ теоріи противъ искуства вышли у насъ или изъ кабинета или изъ бурсы. Подъ гнётомъ самыхъ безобразныхъ условій росли благороднѣйшіе порывы; такъ же развились и первые неловкіе нападки на все изящное. Великое добро часто идетъ рука объ руку съ великимъ зломъ. Страданіе не только ожесточаетъ человѣка, но и убиваетъ въ немъ всякое чувство радости и красоты. Каждый человѣкъ впрочемъ похожъ въ извѣстномъ отношеніи на бурсака. Жизнь насъ столько же давитъ сколько и извращаетъ. Отсюда та суета и раздраженность, которую мы замѣчаемъ въ насъ самихъ. Образовалось мало по малу огромное число писателей, которые стали какъ-бы между наукой и искуствомъ. Отъ одного не отстали, къ другому не пристали. На основаніи извѣстнаго изрѣченія, что всѣ роды хороши кромѣ скучнаго, роды эти у насъ до того перемѣшались, что опредѣлить часто нельзя: мыслитель это или поэтъ, публицистъ или критикъ, обличитель или юмористъ, фельетонистъ или свистунъ. Такая дѣятельность конечно необходима какъ необходима мелкая монета, безъ которой крупную трудно-бы было пустить въ ходъ; но это смѣшеніе дѣятельности имѣетъ также и вредъ. Она выдвигаетъ во первыхъ посредственность впередъ, а во вторыхъ отнимаетъ много силъ у науки и искусства. Отсюда—безчисленное множество повѣстей съ приклеенными къ нимъ въ видѣ мысли ярлыками; драмъ съ проповѣдями вмѣсто монологовъ и стихотвореній въ родѣ ломоносовскаго сочиненія о пользѣ стекла. И все это дѣлается большею частію во имя глупости общества, которое будто-бы требуетъ, чтобъ осмѣивалась въ рифмахъ всякая, пошлая дребедень. Въ послѣднее время эта безразличная дѣятельность дошла до того, что Гейне назвали свистуномъ (Зайцевъ) — какъ будто геніальныя сатиры и грубое шиканье одно и тоже. Бездарность дошла до такой смѣлости, что стала говорить противъ таланта; всѣ ошибки поэтовъ приписываются не природѣ человѣка, а природѣ художника; но говорить противъ таланта тоже что обезоруживать себя. Если Бёрне и былъ болѣе твердъ въ убѣжденіяхъ на

Digitized by Google

томъ будто бы основаніи, что онъ имѣлъ менѣе художественную натуру чѣмъ Гейне, все таки онъ не произвелъ и сотой доли того глубоко-нравственнаго впечатлѣнія, какое оставилъ по себѣ Гейне. Перо талантливаго человѣка иногда хватаетъ дальше чѣмъ онъ ожидаетъ; этому живой примѣръ Донъ-Кихотъ Сервантеса. Г. Зайцевъ говоритъ, что онъ ни за какого художника не ручается, чтобъ онъ не укралъ, изъ кармана платка; да вѣдь и за публициста пожалуй нельзя ручаться, и за ученаго также. Бэконъ—лучшій примѣръ. Всѣ люди съ великими достоинствами имѣли и великіе недостатки. Что намъ за дѣло что Бэконъ былъ подлецъ, Гёте—аристократишка, Шиллеръ—идеалистъ, Гейне—развратникъ, Гоголь и Руссо—ненавистники женщинъ и себялюбцы! Они своими недостатками вредили только себѣ, а на насъ дѣйствовали своими достоинствами. Легко говоритъ г. Зайцеву противъ Гёте; а между тѣмъ этотъ поэтъ-язычникъ и ввелъ искуство въ міръ натурализма и вліяніе его до сихъ поръ еще отражается на всѣхъ литературахъ. Не забудемъ также, что его Баядерку индѣйскій богъ унесъ на небо, а его Иѳигенія тоскуетъ по дѣятельности, которая доступна мущинѣ.

Такой же точно аршинъ, какимъ мѣряются у насъ міровые геніи, прикладывается и къ нашимъ талантливымъ писателямъ. Критика точно за задачу себѣ положила—порицаніе всего талантливаго. Тургенева напр. поставили ниже Асоченскаго — этого паразита русской литературы и до сихъ поръ не могутъ говорить о немъ равнодушно. Какъ художникъ, спеціально изучавшій нашъ образованный людъ, Тургеневъ не оставилъ кажется въ сторонѣ и литераторовъ; Базаровъ не столько похожъ на медика сколько на публициста. Кто желаетъ учиться, тотъ конечно долженъ читать учебники и ученыя сочиненія; кто же хочетъ знать какъ наука и образованіе входятъ въ нашу жизнь, тотъ пусть читаетъ Тургенева. Онъ конечно много способствовалъ нашему общественному самосознанію. Его жестокіе упреки въ безсиліи и неумѣньи примѣнить къ дѣлу благородные порывы и разносторонніе свѣдѣнія уже принесли свой плодъ: онъ не только окрестилъ нигилизмъ по имени, но и способствовалъ его происхожденію. Его выставка лишнихъ людей такъ сильно подѣйствовала, что Базаровыхъ можно считать почти дѣтьми, когда-то изображаемыхъ имъ героевъ. Не лучше поступали наши критики и съ Гончаровымъ. Изъ за какой нибудь выпускной куклы — Штольца не хотѣли видѣть великаго бюста Обломова. Талантъ не производилъ еще болѣе силь-

Digitized by Google

наго оптическаго обмана. Тѣ, которые говорятъ, что Обломовъ не живое лицо,—не знаютъ жизни или знаютъ ее и изучали только въ суетѣ Невскаго проспекта. Вся провинція полна еще такихъ даровитыхъ и симпатичныхъ лѣнтяевъ, едва начинающихъ пробуждаться. Нельзя болѣе кстати нарисовать эту эпопею русской лѣни какъ въ то время, когда мы ее только что стряхиваемъ съ себя. Если Гончаровъ оказался плохимъ моралистомъ, то это еще не бѣда. Читатели не дѣти, ихъ не совратишь какой нибудь односторонней и не ясно высказанною мыслію. Да и что за ребячество искать во всемъ мысли, теоріи да нравоученія. Жизнь интереснѣй всякой теоріи, если она изображена вѣрно. Та же исторія, что съ Гончаровымъ повторилась у насъ и съ Писемскимъ за его послѣдній романъ. Упрекъ въ неискренности убѣжденій, хотя и преувеличенъ, въ сущности справедливъ. Какъ Гончаровъ возсталъ противъ апатіи, Тургеневъ противъ безсилія такъ и Писемскій противъ фальша. Дурно только, что онъ впалъ въ тотъ раздражительный и неспокойный тонъ, которымъ полна вся наша литература; и оттого вторая половина его романа имѣетъ чисто полемическій характеръ. Писемскій въ этомъ случаѣ походилъ на тѣхъ натуралистовъ, которые при недостаточности фактовъ, при неполнотѣ наблюденій дѣлаютъ уже общіе выводы и на выводахъ этихъ преимущественно останавливаются. Если бы критики отнеслись къ нему съ этой стороны, то нанесли бы ему болѣе чувствительный ударъ, чѣмъ теперь, когда они стали распространяться объ упадкѣ его таланта, объ ошибкахъ прежнихъ его сочиненій, которыми сначала восхищались и о томъ, что Писемскій «не развитъ и не образованъ». Островскаго то же не пощадили за то, что онъ осмѣлился подмѣтить, по выраженію Добролюбова, свѣтлые лучи въ темномъ царствѣ. Среда изображаемая Островскимъ въ «Грозѣ», до такой степени грязна, говорятъ они, что въ ней не можетъ быть мѣста свѣтлому явленію. Естественно ли это? Темнота и свѣтъ, добро и зло—не разлучны. Говорить, что есть такіе характеры, которые не обнаруживаютъ никогда свѣтлыхъ сторонъ или утверждать, что существуетъ такая среда, которая бы не заключала ни одной хорошей личности, значитъ не знать человѣческую природу. Какими бы оковами не была опутана жизнь, какими бы призраками не наполнена, она не можетъ сдѣлаться абсолютнымъ зломъ; это было-бы противъ природы. Гоголь, и тотъ наконецъ повѣрилъ, что есть свѣтлая сторона жизни, трудно только поддающаяся изображенію. Въ сочиненіяхъ Достоевскаго мы встрѣ-

Digitized by Google

чаемъ еще болѣе вѣры въ человѣческую природу. И всѣ эти нападки на талантъ и даровитость обыкновенно дѣлаются у насъ на основаніи непризнанія авторитетовъ. Но непризнавать авторитетъ не значитъ только его опровергать. Это дѣло болѣе трудное — это почти тоже, что прокладывать новую дорогу. У насъ же непризнаніе авторитетовъ заключается въ свистѣ, шиканьи и брани. Расколъ какой-то произошолъ въ нашей литературѣ; самые энергическіе мыслители отдѣлились отъ самыхъ даровитыхъ художниковъ. Послѣдніе, что всего хуже, струсили...

Теперь наконецъ произошолъ разладъ и въ той партіи, гдѣ менѣе всего его можно было ожидать. Г. Писаревъ съ особенною рѣзкостію напалъ на Щедрина, называя его то поклонникомъ чистаго искусства, то человѣкомъ, пишущимъ для своего удовольствія. На него, говоритъ онъ, опирается симпатія молодежи и потому нужно его уронить. Худо дѣлаетъ г. Писаревъ. Щедрина менѣе всего можно назвать пишущимъ для своего удовольствія; онъ былъ первый писатель, создавшій дѣловую практическую литературу: всѣ сотни обличительныхъ статей, весь этотъ тщательный перечень злоупотребленій) всѣ «Искры», «Заноэы» и «Свистки» — все это дѣти Щедринскихъ разсказовъ. Щедринъ какъ и всякій беллетристъ много говорилъ пустяковъ, но кто же ихъ не говоритъ: сколько ошибокъ въ выраженіяхъ, числахъ и фактахъ употребляютъ наши публицисты, распространяясь о физіологіи, физикѣ, химіи, такъ какъ будто этихъ наукъ никто и не знаетъ. «Если бы Щедринъ писалъ не разсказы, а научныя и критическія статьи, то его безукоризненность скоро бы надоѣла; ему пришлось бы за неимѣніемъ своихъ оригинальныхъ идей популяризировать чужія идеи, еще неизвѣстныя русской публикѣ, переводить, извлекать, компилировать, давать не мудрствованія а дѣйствительные факты». Что за странная замашка уговаривать идти по проложенной дорожкѣ. Переводить, компилировать, извлекать — экая диковинка! Около этого и безъ того вертится дѣятельность многихъ ученыхъ, которые проявляютъ свою ученость одними переводами. Самостоятельной дѣятельности а не пережовованія до тошноты Бокля, Льюиса и Дарвина,—вотъ чего намъ нужно. Г. Писаревъ до того заговорился въ одной изъ своихъ статей, что родительская палка у него вышла родительской лаской. «И то и другое изъ рукъ вонъ худо, но родительская палка все таки лучше родительской ласки... Палка дѣйствительно развиваетъ до нѣкоторой степени умъ, замѣчаетъ Г. Писаревъ

Digitized by Google

глубокомысленно (и почему бы вы думали?), потому что она развиваетъ чувство самосохраненія, а самосохраненіе составляетъ первую основу человѣческаго прогресса». Вотъ вѣдь до чего можно зарапортоваться, если держаться одной только грубой откровенности. Мы не заподозриваемъ въ прямотѣ убѣжденій, Г. Писарева, но онъ легче чѣмъ кто впадаетъ въ парадоксъ, критическій лиризмъ, граничащій съ грубостію. Все нѣжное, мягкое, сколько нибудь приличное, онъ до такой степени ненавидитъ, что даже и женскую грацію опредѣляетъ не иначе какъ соединеніемъ слабости, глупости и жеманства.

Въ концѣ одной изъ своихъ статей г. Писаревъ говоритъ: «Если читатель уловилъ существенныя черты дарвиновскихъ идей... то это уже на первый разъ черезъ чуръ достаточно. Объ одномъ только тебя и просятъ матушка, наша русская мысль, шевельнись ты хоть сколько нибудь, почувствуй хоть твою собственную неудовлетворительность, узнай, что есть на свѣтѣ, во первыхъ интересныя вещи, а во вторыхъ умные люди, (кто же это?) которые умѣютъ надъ ними задумываться. Вотъ узнай только — *умница будешь!* А впрочемъ я тутъ еще не все сказалъ. Будетъ продолженіе и пребольшое». Точь въ точь съ малыми дѣтьми разговариваетъ, оканчивая урокъ.

Вообще въ послѣднее время грубость, рѣзкость и безцеремонность слова какъ-то особенно вошли въ моду. И такъ-ли всѣ эти качества нужны въ жизни какъ часто употребляются въ литературѣ? конечно нѣтъ. Нравы у насъ и безъ того грубы и полны насилія и деспотизма. Между грубостью, насиліемъ и деспотизмомъ нѣтъ рѣзкой разницы; это только переходы. Никто такъ легко не можетъ впасть въ деспотизмъ какъ человѣкъ, привыкшій къ грубости; Тургеневъ былъ правъ отчасти, говоря что всѣ наши прогрессисты деспоты. Съ грубостію конечно не разлученъ и цинизмъ, которымъ тоже щеголяетъ наша литература. Можно привести цѣлую талантливую личность, которая, мы думаемъ, сдѣлалась жертвою презрѣнія къ изящному. Мы говоримъ о Помяловскомъ. Талантъ его не росъ, а уменьшался послѣ его первыхъ произведеній. Очерки бурсы носили уже чисто обличительный характеръ и отличались почти безпримѣрнымъ цинизмомъ. Отчехвостить, стилабонить, сдѣлать вселенскую смазь, бить по брюху зорю, мордобитіе, трехсаженныя салазки и тому подобныя выраженія мало кому понятны. Это слова скорѣй копіиста чѣмъ художника. Подъ—конецъ безцеремонность въ немъ росла и въ послѣднихъ сочиненіяхъ встрѣчается наконецъ фраза съ новымъ словомъ: сипон-

Digitized by Google

драція». Безобразное это слово такъ понравилось автору, что онъ его нѣсколько разъ повторяетъ. «И она, вспоминая прежніе годы своей съ нимъ синондраціи вѣнчала ему препорадочную безсму». Мы нарочно обратили вниманіе на эти слова и фразы: ими выражалось паденіе очень замѣчательнаго таланта. Помяловскій, что называется измѣнилъ поэзіи. Описаніе его жизни потверждаетъ это. Помяловскій, говорятъ пилъ и кутилъ съ лицами при разсказѣ о которыхъ ужасъ беретъ и отворачивался съ презрѣніемъ отъ аллегантнаго общества; но общество это, котораго и мы признаться знать не знаемъ, не могло бы ему повредить такъ, какъ тѣ личности, которыя доводили его до съѣзжей и два раза заставляли впадать въ бѣлую горячку. Нельзя безъ глубокаго сочувствія читать разсказъ о его жизни, но нельзе въ тоже время не видѣть, въ немъ презрѣнія ко всему, что носило на себѣ хоть лоскъ красоты. Онъ, говорятъ, любилъ сперва театръ, имѣлъ природное влеченіе къ музыкѣ; не подавя онъ всего этого въ себѣ и не живи онъ по чужой мѣркѣ, страстность его приняла бы другое направленіе. Одна трезвость ума и грубость привычекъ не въ силахъ были защитить его отъ страшной болѣзни. Отъ грязи, которая его загубила могла спасти его только красота: «въ тѣ дни, когда я любилъ, я не пилъ», говоритъ самъ Помяловскій. Разказываетъ, что онъ жилъ въ вертепѣ, искалъ тамъ приключеній, потому что не могъ освободиться отъ гнетущей его тоски. Плохое средство; простые люди и тѣ знаютъ что горе можно разпыкать не однимъ виномъ но и пѣснею. Тяжолое испытаніе, которое Помяловскій вынесъ въ школѣ, тануло его къ оргіямъ и цинизму, таланъ въдругую сторону. Если бы онъ послушался самаго себя, своего собственнаго призванія онъ бы не погибъ.

И замѣчательно, что между всѣми этими отрицаніями искуства и презрѣніемъ къ таланту,—съ деспотизмомъ мысли и съ цинизмомъ слова страшная послѣдовательность: одно какъ бы вытекало изъ другого. Люди, дѣйствовавшіе въ этомъ направленіи шли съ такой логической смѣлостью, что стали наконецъ писать повѣсти, не выходя изъ кабинета и не сознавая въ себѣ даже и признаковъ таланта. Мысль принялась розыгрывать роль чувства, догадка замѣнила собой наблюдательность. Главнѣйшимъ сочиненіемъ въ этомъ родѣ, мы рѣшаемся назвать романъ «Что дѣлать». Сочиненіе это было явнымъ, наглымъ нарушеніемъ правды и искуства. Ученый публицистъ брался за беллетристику; это почти тоже какъ если бы г. Щедринъ, послушавшись

Digitized by Google

совѣта Писарева, взялся за науку. Въ этомъ лирическо-философскомъ романѣ, гдѣ всѣ лица говорятъ почти однимъ языкомъ, а болѣе всего говоритъ самъ авторъ, мы видимъ, какъ нельзя яснѣе, что одной мыслію въ дѣлѣ жизни пробавляться нельзя, что такая односторонняя дѣятельность приводитъ только къ тому, что называютъ простолюдины: умъ за разумъ заходитъ. Жизнь въ этомъ сочиненіи отдана какъ бы на произволъ мысли, на жертву теоріи; чувство, изъ котораго и сама мысль-то исходитъ, какъ будто не существуетъ для автора. Разберемъ для примѣра хоть его понятія о ревности. Умъ автора въ своемъ кабинетѣ не понялъ, что ревность отвергать нельзя и что она не можетъ быть чувствомъ фальшивымъ, такъ какъ она есть чувство естественное. Въ цѣляхъ, такъ сказать, самой природы, чтобъ люди ревновали. Ревность какъ и всякая страсть можетъ доводить до страшныхъ ошибокъ, но когда ее совсѣмъ нѣтъ въ человѣкѣ, тогда еще хуже—страсть останется безъ границы. Отвергать ревность это почти тоже что выставлять себя неспособнымъ любить, не только нравственно но и физически. Это уже нездорово. Это нравственность калѣкъ. Человѣкъ вполнѣ здоровый и любящій не можетъ не ревновать, не оберегать предмета своей страсти. Женщина, говорятъ теперь повѣствователи—философы, не должна задумываться ни передъ чѣмъ въ дѣлѣ любви и смѣло, какъ мущина бросаться на подвигъ наслажденія. Возможно-ли это? Не противно-ли это женской природѣ? Женщина всегда будетъ консервативнѣе въ любви; этого природа отъ нея *требуетъ*. Жизнь конечно нельзя подвести подъ извѣстныя рамки; въ извѣстныхъ случаяхъ онѣ всегда должны быть расторгаемы. Но повтореніе и разнообразіе въ любви все таки не сдѣлается идеаломъ. Это пóшло. Любить въ жизни вполнѣ можно только одинъ разъ, говоритъ физіологъ Сѣченовъ, вторичная страсть есть признакъ неудовлетворенности первой. Тѣ, которые говорятъ о смѣлости въ любви и о широкой свободѣ нравовъ мнѣ кажется бездѣтны; потому что кто хоть разъ въ жизни узнаетъ, что такое любовь къ своимъ дѣтямъ, тому едва-ли придетъ охота влюбиться еще разъ, разумѣется если только онъ занятъ дѣломъ. Дѣти дѣлаютъ людей какъ бы цѣломудреннѣй, а иногда примиряютъ и самыхъ несчастныхъ супруговъ. Вообще, о положеніи дѣтей у насъ никто не думаетъ; во всѣхъ романахъ съ современными цѣлями какъ-то обходятъ этотъ вопросъ; всѣ герои повѣстей почти всегда у насъ бездѣтны. Дѣти въ воспитательный домъ — не это-ли нравственность? Нормально не понимать любви къ

Digitized by Google

дѣтямъ можно только до извѣстной поры; у насъ же непониманіе это, неразвитость, продолжается всю жизнь. И въ какой гармоніи это страшное равнодушіе къ дѣтямъ и циническія отношенія къ женщинамъ—съ тѣмъ неуваженіемъ къ эстетической изящной сторонѣ жизни, которая у насъ распространена! Ясно что одна наука не можетъ дать намъ всѣхъ принциповъ для жизни.

И съ какой быстротою возникаютъ и падаютъ всѣ эти убѣжденія. Не успѣли еще забыть о смерти Добролюбова, какъ ужъ заговорили объ его отсталости, объ его неумѣньи отказаться отъ эстетическихъ тенденцій. Этимъ только г. Писаревъ и объясняетъ почему Добролюбовъ восхищался грозою Островскаго. «Если бы Добролюбовъ былъ живъ... онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризированіе естествознаній и антропологіи». Что-то подозрительна эта горячка мѣняющихся симпатій, эта поспѣшность въ высказываніи убѣжденій. Самъ г. Писаревъ говоритъ уже не то, что говорилъ прежде. Если мы будемъ бранить то, что вчера хвалили и опровергать завтра то, что сегодня находили хорошимъ, то не далеко мы уйдемъ. Прогрессъ есть движеніе а не бѣготня. Это кажется, менѣе всего у насъ помнятъ, наши такъ называемые «передовые литературные дѣятели»...

Николай Соловьевъ.

Digitized by Google

ЗНАЧЕНІЕ ОСТРОВСКАГО ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ

(Письмо къ редактору эпохи)

М. Г.! Я постоянный читатель вашего журнала и постоянно слѣжу за мнѣніями вашего критика Ап. Ал. Григорьева, гдѣ бы они не появлялись. Я даже «Якорь», сей мертворожденный «Якорь», читалъ пока въ немъ участвовалъ г. Григорьевъ.

Г. Григорьеву конечно, мы всѣ кой чѣмъ обязаны, ну хоть кой чѣмъ, на прим. хоть правильнымъ взглядомъ на Пушкина и Лермонтова, на комедію Грибоѣдова. Вѣдь это не совсѣмъ шутка-съ? Его взглядъ на искусство, какъ на дѣло народное, вѣрность и меткость его соображеній, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить органическое-ли произведеніе данное, или искуственное, дѣланное,—все это не мало прельщало меня и находило во мнѣ преданнаго читателя. Но вотъ съ прискорбіемъ я сталъ замѣчать, что онъ уклонился какъ будто въ сторону. Куда-же обратиться, гдѣ высказать свои недоразумѣнія? Долго я думалъ объ этомъ. Конечно, г. Григорьева только лѣнивый не бранитъ; только лѣнивый не издѣвается надъ нимъ и часто самымъ пошлѣйшимъ образомъ.

Возьметъ одинъ, выхватитъ выраженіе изъ его статьи (а *курьезныхъ* выраженій у г. Григорьева дѣйствительно много и, какъ я замѣчаю, чѣмъ дальше тѣмъ больше) обезсмыслитъ его (потому что въ этомъ обезсмысленномъ видѣ оно для него понятнѣе) и носится съ нимъ какъ курица съ яйцомъ, статьи три по поводу сего напишетъ. Оно, конечно, хлѣбъ; и «съ малыми дѣтками» сытъ будетъ.

Другой возьметъ изъ стихотвореній вашего критика выраженіе, что «жизнь хороша» и разъ пятьсотъ его употребитъ (вѣдь это пятьсотъ строкъ, кладите хоть по три копѣйки, такъ и то пятнадцать рублей выйдетъ) для показанія, что все въ нашей жизни гнусно, а хорошъ одинъ онъ, *обличитель*, наставляющій насъ, грѣшныхъ подписчиковъ.

Ну что мнѣ къ нимъ обращаться? Что у меня съ ними общаго? Я люблю искуство, потому что люблю народъ, а они терпѣть его не могутъ, потому что для нихъ народъ «грубая масса», спасеніе которой въ пяти умныхъ книжкахъ. Не вѣрю я этому-съ. У насъ на Руси не проживешь щедушными теорійками, и золотушными мечтаньицами.

Такъ вотъ, м. г. въ какомъ я затрудненіи находился и надумалъ я обратиться съ своими замѣчаніями прямо къ вамъ. Не можетъ быть, думаю, чтобы имъ было важно одно свое, личное мнѣніе. Вѣроятно, имъ важно разъяснить явленіе, оцѣнить его достодолжно и потому они выслушаютъ возраженія и со стороны. Не дураками-же они насъ, своихъ подписчиковъ, считаютъ?

Притомъ-же, самое ваше направленіе подавало мнѣ надежду. По-

Digitized by Google

рядочные журналы никогда не замыкались и охотно помѣщали у себя замѣчанія людей постороннихъ.

Подпишите мою статью, какъ угодно, хоть Китъ Китычъ Брусковъ. По моему это личность весьма въ своемъ родѣ почтенная. Или подпишите просто: «*Одинъ изъ почитателей Островскаго*».

Островскій, какъ извѣстно, камень преткновенія нашихъ критиковъ. Не говорю уже о тѣхъ, которые до сихъ поръ все еще разводятъ водицей остроумныя замѣчанія Добролюбова о темномъ царствѣ и о свѣтломъ лучѣ въ ономъ. Нѣтъ, люди почтенные, люди безспорно умные, стали говорить, что Островскій, собственно говоря, не драматургъ. Кажется самое наглядное доказательство: сценичность произведеній Островскаго, ихъ успѣхъ на театрѣ,—должны-бы убѣдить ихъ въ противномъ, но по ихнему выходитъ не такъ, а почему не такъ—я никакъ въ толкъ взять не могу. Замѣчу кстати, что изъ произведеній Островскаго на сценѣ успѣха имѣть не могутъ (развѣ только исключая московской) единственно тѣ сцены изъ замоскворѣцкой жизни (напр. *Утро молодого человѣка*, вторая часть трилогіи о Бальзаминовѣ, именно *Свои собаки грызутся*), которые не возведены имъ на степень типической комедіи, хотя можетъ быть въ нихъ и заключаются черты, весьма знакомыя и потому любезныя сердцамъ нѣкоторыхъ москвичей.

Съ другой стороны, настоящій критикъ Островскаго, Ап. Ал. Григорьевъ, уклонился нѣсколько въ сторону. Онъ конечно много сдѣлалъ для пониманія этого писателя, и по поводу его выставилъ весьма важный вопросъ объ отношеніи народнаго поэта къ изображаемымъ имъ типамъ, при чемъ, по моему крайнему пониманію, критикъ рѣшилъ этотъ вопросъ яснѣе поэта; т. е. Островскій послужилъ для критики болѣе поводомъ, чѣмъ былъ дѣйствительно рѣшителемъ этого вопроса въ своей художественной практикѣ.

Далѣе г. Григорьевъ не только разсматривалъ Островскаго, какъ поэта вполнѣ народнаго, но даже высказалъ (хотя и не на страницахъ этого изданія), что Островскій равенъ Шекспиру, что это русскій Шекспиръ. Вѣдь это страшно вымолвить, вѣдь это не пустое слово—Шекспиръ!

Что такое Шекспиръ? Вѣдь онъ не только полнѣйшій выразитель англійскаго народнаго духа, но въ тоже время выразитель внѣшней, практической жизни всѣхъ среднихъ вѣковъ, подобно тому, какъ Дантъ былъ выразителемъ внутренней, религіозной жизни этихъ вѣковъ. Вѣдь въ Шекспирѣ мы видимъ, по словамъ Карлайля, всю внѣшнюю жизнь нашей Европы, какъ она развилась тогда въ рыцарствѣ, при-

Digitized by Google

дворной жизни, честолюбіяхъ, свычаяхъ и обычаяхъ; какіе имѣли тогда люди практическіе пути мышленія, дѣйствованія, воззрѣнія на міръ. Какъ по Гомеру мы до сихъ поръ можемъ построить древнюю Грецію; такъ, черезъ много вѣковъ, въ Шекспирѣ и Дантѣ, будутъ все еще читать, чѣмъ была наша новая Европа въ вѣрѣ и практической жизни (Lectures on heroes, 260).

Стало быть, называя Островскаго русскимъ Шекспиромъ, г. Ан. Григорьевъ хотѣлъ сказать этимъ, что Островскій не только полнѣйшій выразитель русскаго народнаго духа, но и выразитель жизни новыхъ вѣковъ, этого богатаго наслѣдія, доставшагося намъ отъ Запада. Это не только не справедливо, но даже просто непростительно. Гдѣ-же новые вѣка, ихъ вѣрованія и стремленія, ихъ радости и горе, ихъ пылкія мечты и ихъ безпощадное сомнѣніе въ произведеніяхъ г. Островскаго? Всякому извѣстно, что даже и намека на это у него нѣтъ. И будто Островскій полнѣйшій выразитель нашего народнаго духа, нашъ высшій поэтъ? О, конечно нѣтъ! Нашъ высокій выразитель, высшій поэтъ и единственный великій русскій поэтъ (въ полномъ смыслѣ этого выраженія),—Пушкинъ. И такъ, для того чтобы разъяснить значеніе Островскаго, нашему критику слѣдовало-бы его сопоставить съ Пушкинымъ. Быть колоссомъ между нашими современными драматургами, право не великая еще заслуга; если на Островскаго смотрѣть *только* по отношенію къ нимъ;—но врядъ-ли такая точка зрѣнія по сердцу самому критику и его любимому поэту! Ну, вотъ и сопоставимъ Пушкина съ Островскимъ и посмотримъ: кто перетянетъ? Окажется-ли Островскій ручьемъ передъ этимъ моремъ, или оно изсякнетъ передъ нимъ? (*).

Во первыхъ, не только внутренній смыслъ, но даже *внѣшее* проявленіе нашей жизни нашли въ Пушкинѣ полнѣйшаго представителя, чѣмъ въ Островскомъ. Островскій изобразитель по преимуществу купеческаго быта; принимаемъ объясненіе критика почему онъ выбралъ этотъ именно бытъ для изображенія, а не другой. Объясненіе прекрасное, но сущность дѣла этимъ объясненіемъ не исчерпывается. Пусть г. Григорьевъ вспомнитъ, что онъ говорилъ о значеніи *барства* въ нашей жизни, какъ явленія *коренного*, *бытового*, при разборѣ дѣя-

(*) Наше мнѣненіе—что никому даже и въ голову не придетъ сопоставлять Островскаго съ Шекспиромъ или Пушкинымъ, не смотря на все значеніе Островскаго въ нашей литературѣ. Но такъ-какъ по поводу этого сопоставленія авторъ статьи говоритъ довольно любопытныя и дѣльныя вещи,—то мы и помѣщаемъ всю его статью цѣликомъ и допускаемъ условно возможность подобныхъ вопросовъ и сопоставленій. *Ред.*

Digitized by Google

тельности Пушкина. Гдѣ-жъ это *бытовое* явленіе у Островскаго? И намека на него даже нѣтъ, а не безъ внутренней силы и достоинства это явленіе, — не даромъ-же явился изобразитель этого быта, изобразитель, одаренный огромнымъ талантомъ, г-жа Кохановская. Вотъ вамъ одинъ пропускъ внѣшняго выраженія народнаго духа, и конечно только прогрессивные историки могли задавать себѣ глубокомысленный вопросъ: народно-ли наше дворянство?—включая сюда не только новое дворянство служилыхъ людей, но и коренное боярство, то боярство, которое имѣло такое огромное значеніе даже въ жизни Господина Великаго Новгорода, какъ это прекрасно разъяснено г. Бѣляевымъ. И этого одного пропуска довольно; далѣе, говоря о значеніи Минина, я укажу на другой, важнѣйшій.

Теперь о внутреннемъ. Будто Островскимъ исчерпанъ весь внутренній міръ русской души? Конечно, нѣтъ. Стоитъ только развернуть лирическія сочиненія Пушкина, чтобы почувствовать на сколько онъ богаче Островскаго мотивами; не только богаче, но и глубже. Гдѣ у Островскаго это спокойно-грустное, полное внутренней силы, почти эпическое впечатлѣніе народной былины и пѣсни—міросозерцаніе Пушкина, которое такъ полно и закончено выразилось напр. въ стихотвореніи: «Опять на родинѣ?» Гдѣ глубина его религіозныхъ мотивовъ? Наконецъ, гдѣ у Островскаго этотъ человѣкъ, который хочетъ жить для того, чтобы «мыслить и страдать»? Вѣдь ненароднымъ это все можетъ показаться только г. Дудышкину, изучающему народность по книжкамъ и лишонному чутья живой жизни; только тому, кто видитъ въ народныхъ пѣсняхъ одни *слова*; тому, кого они не охватываютъ, не побѣждаютъ духовно! Все это конечно прекрасно извѣстно вашему критику. все это онъ не разъ высказывалъ,—какъ-же по временамъ онъ забываетъ это?

Вспомнимъ еще совершенно русскія отношенія Пушкина къ западной жизни. Его рыцаря, которому было видѣнье

Непостижное уму,

его Донъ-Жуана и донну Анну, его Моцарта и Сальери. Вѣдь въ послѣднемъ произведеніи рѣшается одинъ изъ величайшихъ вопросовъ психологіи—отношеніе таланта къ генію. И какъ рѣшается! совершенно художнически, безъ малѣйшаго намека на *задачу*! А самъ г. Григорьевъ долженъ былъ согласиться, что Бѣдная Невѣста напр. только *задача* глубокаго характера, а не типъ, не живое лицо. Когда-же это у Шекспира бываютъ задачи? Есть-ли у Пушкина хоть одна

Digitized by Google

такая задача? А у Островскаго такихъ задачъ—типовъ множество: Жадовъ, учитель Ивановъ и его дочка, Вышневскій, Вышневская, даже, можетъ быть, самъ Лёвъ Красновъ. По крайней мѣрѣ, въ этомъ послѣднемъ ясно намѣреніе *исправить ошибку* Писемскаго въ изображеніи Ананія Яковлева. Наконецъ Досужевъ, который изъ типическаго лица въ «Доходномъ Мѣстѣ» является какимъ-то смѣшнымъ разрѣшителемъ всякихъ препятствій въ «Тяжелыхъ Дняхъ».

Посмотримъ теперь на отношеніе Пушкина и Островскаго къ изображенію нашей исторической жизни. Не будемъ говорить уже объ отношеніи Пушкина къ Петру Великому, котораго онъ глубоко оцѣнилъ и къ которому позже онъ обратился въ Мѣдномъ Всадникѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

О мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты, надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Возьмемъ *Бориса Годунова* и *Кузьму Минина* и посмотримъ на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Если намъ скажутъ, что «Борисъ Годуновъ» не драма, то мы и спорить не будемъ. Эпическое значеніе этого великаго произведенія указано Хомяковымъ уже давно, еще въ то время, когда Бѣлинскій развивалъ свою преславутую теорію *реализма* въ русской допетровской жизни. Прибавимъ, что эта драматичность формы этого великаго эпоса весьма близка къ формѣ нашей народной былины. Какъ часто былина переходитъ въ драматическую форму и характеры рисуются преимущественно въ этой формѣ; наконецъ, въ самомъ разсказѣ, какъ часто это обращеніе къ слушателямъ, это «какъ у насъ, братцы». Точно разсказчикъ самъ дѣйствующее лицо, связывающее, объясняющее то, что происходитъ за сценой. Въ эпическомъ характерѣ «Бориса Годунова» его сила, а между тѣмъ «Кузьма Мининъ» носитъ характеръ простого сценическаго представленія, въ чемъ, конечно, силы нѣтъ никакой. Недостатокъ въ планѣ (т. е. въ глубочайшемъ, сокровеннѣйшемъ напряженіи поэтической мысли) »Минина» очевиденъ съ перваго раза; въ ней одинаковую роль, роль равнозначительную, играютъ и великое земское дѣло и щедушная любовь щедушнаго Поспѣлова къ Марѳѣ Борисовнѣ! Диви-бы Поспѣловъ еще сильный характеръ имѣлъ, или его любовь имѣла какое нибудь отношеніе къ земскому дѣлу, какъ любовь Андрія къ прекрасной полячкѣ въ «Тарасѣ Бульбѣ», — а то ничего этого нѣтъ; вѣдь это одинъ изъ тѣхъ лингамчиковъ, которые, по собственному сознанію

Digitized by Google

г. Григорьева, такъ часто встрѣчаются въ произведеніяхъ Островскаго. А вѣдь изложеніе нѣжныхъ чувствій сего субъекта прерываетъ подъ народныхъ приношеній; отстраняетъ земское дѣло на второй планъ.

Но—увы!—не въ этомъ главный недостатокъ Минина; это только слѣдствіе главной ошибки, ошибки капитальной; той ошибки, которая не замѣчена ни г. Григорьевымъ, ни тѣми, которые встрѣтили Минина холоднымъ (весьма впрочемъ благоразумнымъ) молчаніемъ. Дѣло въ томъ, что Мининъ Островскаго не «есть выборный всей Земли Русской». А почему онъ не имѣетъ этого характера? Потому, что у Островскаго нѣтъ этой Земли Русской, нѣтъ этого великаго народа. Что-жъ это стадо было что-ли? Почему-же Мининъ сталъ его выборнымъ? Погналъ онъ его, какъ пастухъ стадо? У Островскаго выходитъ почти что такъ. Ужъ если сравнивать съ чѣмъ народъ, такъ съ чѣмъ нибудь грандіознымъ, стихійнымъ. Это скорѣе море—океанъ. волнующійся и тихій, приливающій и отливающій! У Островскаго на первомъ планѣ *его* Мининъ; этотъ Мининъ скорѣй распоряжается, чѣмъ служитъ народу; скорѣй народъ его слушаетъ, дѣлаетъ по его замышленію, чѣмъ *онъ* служитъ земскому дѣлу. Этотъ «великъ человѣкъ—міръ» у Островскаго на заднемъ планѣ. Личность болѣе изъ него выдающаяся—это скупердяй Лыткинъ, помѣха земскому дѣлу, язва народнаго дѣла,—а Мининъ поставленъ особнякомъ. Есть правда въ рѣзкомъ сравненіи г. Писарева, что постройка Минина напоминаетъ лубочныя картины, гдѣ полководецъ въ три аршина, а воины пренакомѣкіе, въ видѣ насѣкомыхъ какихъ-то. Величіе настоящаго Минина именно въ томъ, что онъ человѣкъ земскій, что онъ *выборный*, въ полномъ смыслѣ этого слова; человѣкъ—*излюбленный* всею Землею Русскою.

На отношеніи этого выборнаго къ излюбившему его міру—и должна была-бы основаться драма. Это наше родное отношеніе отдѣльной личности къ міру должно-бы быть на первомъ планѣ. Личность Минина крѣпка излюбившимъ его народомъ. Обратное отношеніе будетъ не народное, не русское, а западно-европейское. Такъ-ли долженъ былъ отнестись народный поэтъ, *равный Шекспиру*, какъ отнесся Островскій?

Какъ-же народъ является у Островскаго? Единственно живая сцена, это раскладка, кому сколько платить на общее дѣло. Но вѣдь это дѣло чисто внѣшнее, второстепенное, и живо написать такую народную сцену ей-Богу еще не великое дѣло. А гдѣ эта питающая думы Минина струя? Что она дѣлаетъ? Она машинально повторяетъ слова все-

Digitized by Google

званія Минина; нѣтъ въ ней того одушевленія, которое показывало-бы, что это волнуется народъ, что онъ освящаетъ такъ сказать думу Минина, потому что эта дума *его* сокровенная дума, святая святыхъ *его* души. О слезахъ, о покаянныхъ слезахъ народа передъ совершеніемъ великаго дѣла *только разсказывается*! Наконецъ, ради канареичныхъ чувствій Поспѣлова этотъ народъ отодвигается на задній планъ.

Но можетъ быть скажутъ, что Островскій не нашолъ въ источникахъ дѣяній этого народа. Плохо-же онъ смотрѣлъ. Да вотъ вамъ дѣло; оно и въ пятомъ актѣ Минина является, только въ ложномъ свѣтѣ. Мининъ беретъ весь народъ въ кабалу, требуетъ отъ него записи. Какъ-же это выставляется Островскимъ? Слабо съ обоихъ сторонъ, и со стороны Минина, и особенно со стороны народа. Мининъ Островскаго не вѣритъ народу, боится, что народъ отступится отъ дѣла своего освобожденія и только. Конечно, Мининъ Островскаго въ пятомъ актѣ выигрываетъ со стороны полноты изображенія, со стороны жизненности типа, выступаетъ на видъ то, что это купецъ, даже отчасти кулакъ, — но умѣстно-ли же *здѣсь*? Не умѣстнѣе-ли эти черты были раньше вмѣсто лирическаго восторга Минина, который выдержанъ только въ двухъ мѣстахъ (въ монологѣ 2-го акта и въ одномъ разсказѣ о явленіи Св. Сергія)? Тутъ-то, въ этомъ пятомъ актѣ, особенно ясно, что Мининъ Островскаго не выборный, а распорядитель народа; что онъ на него смотритъ, какъ на средство, какъ на стадо. Недовѣріе Минина, по нашему, въ данномъ случаѣ проистекало изъ сознанія великости дѣла и это недовѣріе къ народу имѣло источникомъ своимъ не одно убѣжденіе, что *онъ* лучше всѣхъ сдѣлаетъ требуемое, но и любовь къ народу, а этого-то послѣдняго въ 5-мъ актѣ и нѣтъ. Вѣдь это кулачество—высокая черта; она показываетъ сознаніе громадности дѣла. Но гораздо важнѣе то обстоятельство, что *добровольнаго* подчиненія народа, его самопожертвованія—нѣтъ; оно является какъ будто вынужденнымъ упорствомъ Минина, но, конечно, не таково оно на самомъ дѣлѣ. Это согласіе народа дать на себя запись—великое дѣло; оно показываетъ глубокое сознаніе важности дѣла; здѣсь, для исполненія задуманнаго дѣла, народъ жертвуетъ *всѣмъ*; онъ добровольно вполнѣ подчиняется своимъ излюбленнымъ людямъ. А это у Островскаго все происходитъ за сценой; онъ искусно *обошолъ* изображеніе этой великой минуты, какъ и во все продолженіе хроники не менѣе искусно обходитъ изображеніе народа. Въ этомъ, по нашему, главная ошибка всей хроники; отъ этого

Digitized by Google

Мининъ не является *выборнымъ* Земли Русской; исчезаетъ глубокій смыслъ самаго событія.

Конечно, въ «Борисѣ Годуновѣ» захватъ гораздо шире. Стоитъ припомнить только заключительныя слова этой великой эпопеи это глубокознаменательное: «народъ безмолвствуетъ», чтобы понять какое значеніе народный поэтъ придаетъ этому безмолствующему народу. А главное то, что этотъ народъ составляетъ фонъ, основу всего эпоса; онъ, хотя и не вездѣ осязательно,—главное дѣйствующее лицо въ ней. Скажутъ, что многія мѣста у Островскаго *колоритнѣе,* напр. даже самый языкъ—Богъ знаетъ такъ-ли! (*) Припомнимъ отца Пимена, разсказъ Патріарха о чудѣ у гроба царевича Димитрія, наконецъ Юродиваго, который поглубже изображонъ, чѣмъ юродивый Островскаго. А польскіе паны, а Марина! И у каждаго свой языкъ; свой свойственный колоритъ. Притомъ колоритность не главное свойство. И Рафаэля упрекаютъ въ недостаткѣ колоритности, а тѣмъ не менѣе *онъ* величайшій живописецъ—художникъ, а не колоритный Тиціанъ. Кстати: Если кого изъ поэтовъ можно сравнять съ Рафаелемъ, то ужъ конечно Пушкина. Въ душѣ Пушкина носился высочайшій идеалъ нравственной красоты. Конечно, независимо отъ главной ошибки Островскаго, въ его хроникѣ остается много прекрасныхъ подробностей, напр. сцены съ Марьей Борисовной.

И не только съ «Борисомъ Годуновымъ» нельзя поставить на равнѣ «Кузьму Минина», но даже съ 3-мъ и 4-мъ актомъ «Псковитянки» Мея. Эти два акта безъ сомнѣнія можно разсматривать, какъ одно геніальное цѣлое, какъ трагедію о «*Послѣднемъ Вѣчѣ.*» Вотъ гдѣ народъ является живымъ лицомъ, со всѣми своими великими достоинствами и недостатками; то выростающій въ грознаго мужа, то слабый, какъ ребенокъ. И что самое главное: народъ у Мея есть фонъ, основа, и на этой-то основѣ, какъ узоры ткани, встаютъ образы и смѣлаго Михайлы Тучи, его товарища Четверки и всей скопляющейся около нихъ вольницы, и стараго посадника Михайла Илларіоновича, съ его безнадежно-грустной рѣчью, и слабаго князя Токмакова. И всѣ эти выдающіяся изъ народа лица кровными, органиче-

(*) Объ этомъ и вопроса не можетъ быть. Пушкинъ угадалъ самую основную суть того, что народъ нашъ считалъ и считаетъ за самую высшую нравственную красоту души человѣческой; это—тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) *смиреннолюбіе*—если такъ можно выразиться; «Что-то младенчески-чистое и ангельское живетъ въ представленіи народномъ о томъ, что народъ считаетъ своимъ нравственнымъ идеаломъ. Этою кроткою, смиренною и ничѣмъ непоколебимою любовью проникнута у Пушкина русская рѣчь въ Годуновѣ. Далеко не такъ у Островскаго *Ред*,

Digitized by Google

сними нитями связана съ нимъ; видно почему народъ *полюбилъ* ихъ и почему великица полюбила Тучу.

По стопамъ Пушкина должна идти наша поэзія; а не противъ него. Припомню еще важное замѣчаніе, и совершенно справедливое, высказанное П. В. Анненковымъ въ его отвѣтѣ Павлову, по случаю памятной бури изъ за «Грозы», именно, что Островскій, по мимо его художественной дѣятельности, важенъ для насъ въ отношеніи *этнографическомъ*. Типы всякаго великаго поэта до того ясны и прозрачны, что этнографическаго значенія для своихъ современниковъ-соотечественниковъ имѣть не могутъ.

Этихъ сравненій, кажется, достаточно для показанія какое мѣсто занимаетъ Островскій относительно Пушкина; постараемся теперь опредѣлить это мѣсто по отношенію къ Гоголю и Грибоѣдову. Мнѣ кажется, что и въ этомъ случаѣ Ап. Ал. Григорьевъ перешолъ должную грань.

Самъ-же г. Григорьевъ прекрасно разъяснилъ, что есть два рода комедій: *комедія сатира* и *комедія бытовая*.

Первая имѣетъ своимъ прототипомъ Аристофана; вторая Шекспира. Не споримъ, что важно опредѣлить: какая комедія принадлежитъ къ этому изъ двухъ типовъ? Не станемъ также, подобно нѣкоторымъ, разсказами объ анекдотахъ, случившихся съ нашими пріятелями, доказывать, что «Ревизоръ» есть комедія бытовая; согласимся, что это комедія сатира. Но что же изъ этого? Неужели мы станемъ унижать одинъ родъ комедіи передъ другой? Оба они равно велики и равно художественны. Вѣдь самъ Ап. Ал. Григорьевъ посмѣется надъ тѣмъ, кто станетъ отвергать комедіи Мольера, даже надъ тѣми, кто будетъ кавалерски относиться къ Корнелю и Расину. За чѣмъ-же онъ отдаетъ предпочтеніе одному роду передъ другимъ, Островскому передъ Гоголемъ? Замѣчу кстати, что Гоголь въ тоже время великій *бытовой* писатель и истинный запрaвскій поэтъ по отношенію къ Малороссіи; тутъ нечего ссылаться на мнѣніе г. г. Кулиша и К° — они выдумали себѣ малороссійскаго *обще-человѣка* и гнутъ все на свою мѣрку. Имъ и битва въ «Тарасѣ Бульбѣ» не нравится, хотя она прямо, кровно связана съ малороссійскими народными историческими пѣснями!

Наконецъ, есть у насъ великая бытовая (хотя и не народная, а барская) комедія Грибоѣдова. Мнѣніе Бѣлинскаго объ отношеніи Гоголя къ Грибоѣдову должно быть принято совершенно обратно. Что-

Digitized by Google

же, будто комедіи Островскаго выше комедіи Грибоѣдова по замыслу и исполненію? Конечно, нѣтъ, Островскій не касался даже той сферы, которой коснулся Грибоѣдовъ; у него нѣтъ своего Чацкаго, а самъ-же г. Григорьевъ такъ прекрасно доказалъ, что Чацкій *единственное* истинно-героическое лицо (хотя не русское) (*) во всей нашей литературѣ. Кромѣ, прибавимъ, того, который хотѣлъ жить для того чтобъ мыслить и страдать, кромѣ самого Пушкина въ его лирическихъ стихотвореніяхъ.

И насколько этотъ герой, явившійся какъ поэтъ, выше Чацкаго, который въ концѣ концовъ идетъ не къ «умному и доброму народу», а искать по свѣту

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

Значеніе писателя, по нашему, опредѣляется правильнымъ отношеніемъ критики къ его произведеніямъ. Г. Григорьевъ, исходя изъ вѣрнаго принципа, по отношенію къ Островскому, развилъ его слишкомъ односторонне; онъ видѣлъ передъ собой одного своего любимаго писателя, забывъ, что сравнительно — физіологическій пріемъ одинъ изъ могущественныхъ пріемовъ органической критики, и пренебреженіе имъ ведетъ неминуемо къ страшнымъ ошибкамъ.

Русскій Шекспиръ! Назвать Шекспиромъ живаго писателя, не достигшаго еще полнаго раскрытія своихъ силъ, — значитъ, по нашему, кровно обидѣть его. Хорошо еще, что Островскій дарованіе окрѣпшее, а что если бы въ своемъ одностороннемъ увлеченіи г. Григорьевъ примѣнилъ этотъ эпитетъ къ дарованію не столь сильному? Печальныя были-бы послѣдствія. Сталъ-бы такой писатель валить все съ плеча; у меня дескать все хорошо выйдетъ: «я ровенъ Шекспиру»? Еслибъ Островскій былъ дѣйствительно Шекспиромъ, то у него была-бы своя, до того опредѣленная физіономія, что не зачѣмъ было-бы называть его такъ. Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ, Гоголь — вотъ имена не нуждающіяся въ эпитетахъ, не нуждающіяся въ томъ, чтобъ ихъ называли Шекспирами. Они сами по себѣ; назвать, и довольно; всякій знаетъ о комъ идетъ рѣчь. Пушкинское міросозерцаніе, Байроновское міросозерцаніе — это ясно. Но міросозерцаніе Шекспира, не настоящаго Шекспира, а дѣланнаго русскаго — это что-то страшное.

(*) Почему-же *нерусское*? Или все, что у насъ есть оторваннаго цивилизаціей отъ народнаго быта, — уже не русское? Напротивъ типъ Чацкаго только и дорогъ намъ тѣмъ, что это изображеніе *русскаго*, оторваннаго отъ народнаго быта. Иначе, что-жъ бы онъ для насъ значилъ? Это доказывается отчасти уже симпатичностью для насъ этого типа и безпрерывною его повторяемостью въ нашей литературѣ. *Ред.*

Digitized by Google

Да и манера Островскаго нисколько не похожа на Шекспировскую, и отнюдь оправдать сравненія нельзя.

Между тѣмъ, неправильное отношеніе къ такому огромному таланту, какъ Островскій, влечетъ за собой неминуемыя неправильныя отношенія ко всѣмъ литературнымъ дѣятелямъ. Притомъ, вотъ еще чего страшусь я въ данномъ случаѣ: мы боимся не есть-ли это пристрастіе къ *послѣднему новому слову*? Тутъ предстоитъ въ такомъ случаѣ великая опасность. За увлеченіемъ *новымъ*, можетъ послѣдовать увлеченіе *новѣйшимъ*. Все это поведетъ къ необыкновенной запутанности мнѣній вашего критика. Но будемъ надѣяться, что такой опасности нѣтъ.

Самъ-же г. Григорьевъ навѣрно посмѣялся-бы отъ души надъ тѣмъ, кто не захотѣлъ-бы признавать романсовъ Глинки потому, что въ романсахъ Даргомыжскаго много *своихъ*, *незнакомыхъ намъ* по Глинкѣ красотъ. Или кто въ увлеченіи Юдиною Сѣрова сталъ бы говорить противъ оперъ Глинки.

А не то-ли же дѣлаетъ онъ самъ, называя Островскаго величайшимъ изобразителемъ нашего народнаго духа? Безъ сомнѣнія, въ произведеніяхъ Островскаго много новаго, оригинальнаго; безъ сомнѣнія заслуги его, какъ драматурга, велики, — но нельзя-же на все смотрѣть сквозь призму его произведеній?

Островскій еще далеко не развернулъ всѣ свои силы. Мы вправѣ ожидать отъ него произведенія, гдѣ всѣ лица будутъ изображены съ той-же поэзіей, съ тѣмъ-же увлеченіемъ, съ той-же смѣлостію какъ напр. Дуня въ «Бѣдной Невѣстѣ», или Груша въ «Не такъ живи, какъ хочется»?

Кчему стараться скрашивать недостатки Островскаго? Кчему блѣдность изображенія Бориса въ «Грозѣ» оправдывать тѣмъ, что надо-же Катеринѣ въ кого-нибудь влюбиться? Кчему не сказать прямо, безъ всякихъ оговорокъ, что изображеніемъ Досужева въ «Тяжелыхъ Дняхъ» Островскій пошолъ назадъ противъ изображенія этого-же Досужева въ «Доходномъ Мѣстѣ»? Будто Островскій нуждается въ подобныхъ *поощреніяхъ*? Скорѣй, напротивъ, ему необходимо строгое осужденіе его недостатковъ. Характеръ Бальзаминова, явившійся эскизно въ первыхъ двухъ частяхъ трилогіи, въ третьей доросъ до живого, типическаго изображенія. Отчего же не тоже произошло съ Досужевымъ? Не будетъ-ли признаніе Островскаго русскимъ Шекспиромъ своего рода *идолоскорственной требой*? Какъ въ такомъ случаѣ г. Григорьевъ станетъ говорить о пристрастіи «Дня» къ г-жѣ Кохановской?

Вотъ что давно хотѣлось высказать мнѣ. Я самъ люблю Островскаго; люблю его — скажу откровенно — больше всѣхъ русскихъ пи-

Digitized by Google

сателей, послѣ Пушкина. Я выставилъ выше Гоголя и Грибоѣдова, но они собственно въ сравненіе не идутъ. Мнѣ хотѣлось только показать, что Гоголь имѣетъ свое опредѣленное значеніе; русскій бытъ изображался имъ единственно отрицательно; онъ не бытовой писатель русскій; положительныя попытки во 2-й части «Мертвыхъ Душъ» положительно не удались. И что главное, на чемъ нагляднѣе всего рѣшается вопросъ о бытовомъ писателѣ,—Гоголь не могъ даже вещно нарисовать ни одного образа *русской* женщины. Грибоѣдовъ также занимаетъ мѣсто исключительное; это скорѣе стремленіе, чѣмъ достиженіе; въ Грибоѣдовѣ, какъ и въ его Чацкомъ, важно *зеленое еще* уваженіе къ народу и нашей старинѣ. Но Чацкій уходитъ, въ концѣ концовъ, на Западъ. Я выставилъ его единственно для опредѣленія *объема* таланта Островскаго.

За что-же я люблю такъ горячо Островскаго? За то, что онъ русскій бытовой писатель. Люблю его за поэзію, которая часто брызжетъ живой струей въ его комедіяхъ. За его женщинъ, за его Дунь и Грушъ, за его масляницу и главное, что особенно приходитъ на умъ по поводу этой масляницы, — за попытку идеала, за попытку положительныхъ формъ русской красоты, которая только еще брезжится нашимъ поэтамъ, какъ ранній утренній свѣтъ прекраснаго грядущаго дня, но которая еще далеко не настала въ искусствѣ, хотя мы и имѣли Пушкина, и ждетъ для этого большой отъ насъ вѣры въ себя и въ наши русскія силы и великаго будущаго русскаго генія, если мы только заслужимъ его у Бога. Люблю я, наконецъ, Островскаго за его правильныя, художественныя отношенія даже къ *задачамъ*, даже къ неудавшимся типамъ, кромѣ Минина. Да и какъ мнѣ не любить его! Я самъ изъ того сословія, изображенію котораго Островскій посвятилъ свою лучшую дѣятельность. Пусть говорятъ, что онъ обличилъ купечество. Мы *гордимся* этимъ обличеніемъ. Пусть говорятъ, что мы самодуры; мы знаемъ что и въ Китѣ Китычѣ есть смиреніе передъ правдой, что и онъ, безобразникъ, поклонился самъ своей волей и совѣстью, изъ смиреннаго сраза передъ правдой, учителю Мелнову. Только учитель-то, къ несчастію, не понялъ этого. Не понимаютъ и наши литературные учителя, какъ не понялъ и очень умный изъ нихъ Добролюбовъ. Пусть, пусть говорятъ, что мы Темное Царство, — изъ этого темнаго по вашему царства выдвигъ великій выборный всей земли Русской!

Однимъ изъ почитателей Островскаго.

Digitized by Google

ОТЖИВАЮЩІЯ

ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ ЯВЛЕНІЯ.

Prolegomena.

Когда то, -а именно тогда, когда намъ, какъ всякому только-что поднимающему голосъ направленію, еще

.... были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія

когда выходя на арену словесности россійской, мы несли въ душѣ множество надеждъ и между прочимъ, надежду на скорое возстановленіе въ ней правильныхъ отношеній критическаго сознанія къ явленіямъ литературы,—готовы были даже говорить съ Тютчевымъ:

Жди яснаго назавтра дня

мы завели у себя особую рубрику, хоть и необязательную, не постоянную, но все таки — болѣе или менѣе заявлявшую притязаніе на прочное существованіе — именно рубрику: «незамѣченныхъ нашей критикою явленій». Выборъ нашъ палъ съ перваго разу на явленіе вовсе не крупное, но во всякомъ случаѣ крайне несправедливо незамѣченное нашей тогдашней критикой — на разсказъ г. Н. Д. «Лѣсъ»;—потомъ на явленіе въ высшей степени важное въ литературѣ, на такое явленіе, которому, хоть и не въ цѣлости его — но въ отдѣльныхъ частяхъ суждено прожить столь же долго, сколько и самой русской литературѣ, на «Псковитянку» покойнаго Мея — и наконецъ на дѣятельность уже безспорно очень крупнаго, перворазрад-

Digitized by Google

наго писателя, котораго однако критика наша условилась хвалить какъ-то огульно, не входя въ разборъ его существенныхъ достоинствъ и недостатковъ, міросозерцанія и манеры — на дѣятельность Л. Толстаго.

На томъ мы и остановились. Авторъ «Лѣса» написалъ послѣ «Воду» и еще кажется что-то: вещи уже вовсе незамѣчательныя и притомъ отзывавшіяся повтореніемъ «Лѣса» — стало-быть на первомъ шагѣ и остановился. Во всякомъ случаѣ, мы нисколько не раскаявались, что съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ первой его вещи, потому что въ ней были задатки чего-то очень поэтическаго и хорошаго, а по нашему крайнему, какъ тогдашнему такъ равно и теперешнему разумѣнію, — прямое дѣло литературной критики — спеціальное, единственно даже важное ея дѣло — отмѣчать все хорошее, хотя бы даже въ его задаткахъ. Выйдетъ или нѣтъ изъ этихъ задатковъ что нибудь дальнѣйшее, это ужь не ея забота. Авторъ означенныхъ статей—онъ же былъ и *изобрѣтателемъ* рубрики незамѣченныхъ критикою явленій, — не раскаивается даже и въ томъ, что когда-то высказалъ свое сочувствіе къ сильнымъ задаткамъ лиризма, поразившимъ его въ г. Случевскомъ — ибо до сихъ поръ убѣжденъ — да и не одинъ, а многіе съ нимъ втихомолку — что если были въ комъ дѣйствительные задатки дѣйствительнаго и яркаго лиризма, такъ это въ г. Случевскомъ. Онъ не раскаивается притомъ и въ самомъ азартѣ, съ которымъ высказалъ онъ такое свое сочувствіе, — ибо если г. Случевскій (о которомъ между прочимъ такъ и замолкъ слухъ въ литературѣ, развѣ только изрѣдко напомнитъ о немъ лай «Абличителей»), талантъ,—то рано или поздно оправдаетъ его ожиданія; если же онъ миражъ, то все-таки критикъ нисколько не виноватъ въ отношеніи къ его много обѣщавшимъ задаткамъ; если наконецъ даже и ошибся критикъ, то въ видѣ «облегчающихъ вину обстоятельствъ» онъ можетъ указать не на одно изъ своихъ дерзкихъ увлеченій — вполнѣ оправдавшееся. И наконецъ, изобрѣтатель «допотопныхъ формацій» и рубрики «незамѣченныхъ критикою явленій» просто принадлежитъ къ числу нераскаянныхъ грѣшниковъ...

Второе явленіе, подошедшее подъ странную рубрику—было, какъ уже сказано: «Псковитянка» Мея; за дерзость сочувствія къ ней, и критикъ и журналъ допустившій такую дерзость, разумѣется, были «воздѣланы» по достоинству въ теоретическомъ лагерѣ — замѣтьте, за дерзость одного только сочувствія: «стоитъ ли дескать говорить о Псковитянкѣ?—другое вотъ дѣло «Мининъ»... Буквально такъ: тамъ только что при словѣ Мининъ не прибавлено было для ясности

Digitized by Google

дѣла: «потому, молъ, что онъ помѣщенъ у насъ.» — И хорошо что воздѣлавшій насъ столь крѣпкимъ и энергическимъ образомъ теоретикъ, по всей видимости, не прочелъ «воздѣлываемой» статьи. Вѣдь въ статьѣ — такъ таки нахально и дерзко — третій актъ «Псковитянки» ставится наравнѣ съ лучшими сценами «Бориса Годунова» т. е. съ капиталами словесности, и еслибъ вышелъ уже тогда «Мининъ» статья не усумнилась бы нисколько поставить третій и четвертый актъ драмы Мея «въ уровень съ Мининымъ» и съ его лучшими мѣстами... И между тѣмъ, авторъ статьи о «Псковитянкѣ» тоже нисколько не раскаявается въ своей дерзости — ибо за эту его дерзость все, что только читаетъ «въ сурьезъ» — и на литературу смотритъ сурьезно, т. е. какъ на литературу. А вотъ въ чемъ онъ разскаявается, въ чемъ онъ виноватъ передъ памятью дорогого ему покойника, такъ это въ томъ, что до сихъ поръ не написалъ еще обстоятельной статьи о всей дѣятельности Мея....

Ну — въ статьяхъ о графѣ Л. Толстомъ ему кажется тоже раскаяваться нечего. Тутъ на его сторонѣ — даже и та часть читающаго люда, къ которой всякій «резонный» мыслитель относится съ тайнымъ, а всякій дерзкій мыслитель съ явнымъ презрѣніемъ — т. е. публика (не масса, не sainte populace), а публика, — кругъ читателей всего что пишется, отъ сочиненій Пушкина до романовъ и фельетоновъ Ѳаддея Булгарина, или, что все равно, до стихотвореній и фельетоновъ двухъ нашихъ головешекъ: «абличительно»—увеселительной и обскуранто назидательной

Предстояло еще не мало отмѣтить литературныхъ явленій, незамѣченныхъ нашею критикой, лѣтъ десять уже ничего иного недѣлающей, какъ только жующей и смакующей пять умныхъ книжекъ,— предстояло бы конечно даже и въ будущемъ много подобныхъ задачъ, ибо есть не малая надежда, что критика будетъ лѣтъ пять жевать и смаковать еще шестую... Передъ многими — сказать къ чести литературы—явленіями за десять лѣтъ, осталась въ долгу смѣло поставленная рубрика журнала, который имѣлъ и имѣетъ самъ тоже дерзкія притязанія смотрѣть на литературу сурьезно т. е. какъ на литературу... Но увы:

... бываютъ времена
Совсѣмъ особеннаго свойства,

бываютъ времена, когда какая хотите энергія утомляется безплодной борьбою, какая хотите вѣра въ положительныя стороны жизни — если не слабѣетъ, то на время перестаетъ побуждать къ дѣятельности... а въ подобныя времена, въ которыя даже капиталь-

*

Digitized by Google

мыя литературныя силы, въ родѣ напримѣръ хотя бы г. Писемскаго, приносятъ «идоложертвенныя требы» потребностямъ минуты, и наша вѣчная скороспѣлая отзывчивость влечетъ всякія, и значительныя и незначительныя силы, то въ слѣпую реакцію то въ не менѣе слѣпыя странствованія по бѣлымъ Арапіямъ; — въ которыя наконецъ едва на двухъ — трехъ художниковъ, относящихся вполнѣ честно къ своему дѣлу указать можно,—въ такія напряженныя времена, что ужъ понапрасну отмѣчать незамѣчаемое!..

Изъ этого никакъ конечно не слѣдуетъ, чтобы мы отрекались отъ нашего убѣжденія въ значеніи многаго незамѣченнаго и незамѣчаемаго,— а слѣдуетъ то только, что мы откладываемъ толкъ объ этомъ до будущаго времени. Мы по старому вѣримъ что

... благъ Господь: Онъ знаетъ срокъ
И вышлетъ утро на востокъ,

что придетъ это будущее, что оно даже не далеко — по крайней мѣрѣ несравненно ближе того будущаго, о которомъ мечтаютъ «съ заскокомъ» искатели и искательницы «бѣлой Арапіи». Ужъ потому самому ближе наши желаемое будущее — что оно вовсе не утопія и никакого соединенія луны съ землею не предполагаетъ. Это просто время разъясненія и сознанія, время, когда спутавшіяся шашки станутъ на свои мѣста, когда литература будетъ литературой, соціальная наука соціальной наукой и т. д. Что это будетъ непремѣнно, въ этомъ едвали кто, кромѣ теоретиковъ, можетъ сомнѣваться,—ну, а очень ли близко или далеко такое время, — зависитъ это отъ порѣшенія весьма многихъ вопросовъ и въ особенности конечно отъ большаго и большаго, хотя конечно постепеннаго развитія разумной свободы слова.

Когда этотъ свѣтъ разсѣетъ таинственный *нимбъ*, за которымъ простодушные адепты и почтеннѣйшая публика подозрѣваютъ и невѣсть какія важныя истины въ ученіи теоретиковъ — и когда, тоже при этомъ свѣтѣ, окончательно осканДалятся наши «Абличители» — тогда естественнымъ образомъ литература получитъ свое, ей самой, а не постороннимъ обстоятельствамъ присущее значеніе: явленія ея за неизвѣстную эпоху потребуютъ оцѣнки, за другую переоцѣнки и т. д. Дѣло совершенно простое и ясное.

А пока мы не только что не слѣдили и не слѣдимъ *всѣхъ*, литературныхъ фактовъ, но даже напримѣръ и насчетъ такихъ крупныхъ фактовъ, какъ «Мининъ» Островскаго — ни pro ни contra не высказались. Потому, мало кого это въ настоящую минуту интересуетъ, т. е. не «Мининъ» или другія подобныя крупныя явленія литера-

Digitized by Google

туры, — для которыхъ на Руси найдется многое множество охотниковъ и читателей, — а толки критики даже и о такихъ большихъ какъ «Мининъ» не то что ужъ о просто—порядочныхъ явленіяхъ, мало кого интересуютъ. Повторяемъ: все это, по убѣжденію нашему только на время и до времени. Придетъ неминуемо насъ повѣрка и оцѣнка, даже перевѣрка и переоцѣнка литературной. Не нами такъ другими воздастся по заслугамъ всему, за чѣмъ есть какія либо заслуги: и литературнымъ фактамъ и литературнымъ направленіямъ и литературнымъ дѣятелямъ. Вѣдь читающая масса, — которой мы какъ-то привыкли мало придавать вообще значенія — читаетъ и читаетъ съ толкомъ и читаетъ не одни наши «абличенія» или мечты о бѣлыхъ Арапіяхъ. Вѣдь на нашихъ же глазахъ, лѣтъ въ пятнадцать какихъ нибудь, въ ней, въ этой читающей массѣ (опять таки только не въ публикѣ, Бога ради не въ публикѣ) — совершилось немало переворотовъ вкусовъ и мнѣній. Вѣдь напримѣръ, вы все таки теперь никого изъ серьезно-читающихъ людей не увѣрите ни въ тѣхъ нелѣпостяхъ насчотъ славянофильства, которыя преспанивно печатались въ концѣ сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ... вѣдь уже теоріи хоть бы родоваго быта что ли, еслибъ они вздумали появиться теперь заднимъ числомъ, встрѣчены были бы общимъ смѣхомъ; — вѣдь тоже — въ области литературы — немыслимы больше скучныя, хоть и талантливыя «полежанія» Обломова; и тѣмъ менѣе еще мыслимы скучные и уже совершенно безталанные романы г-жи Евгеніи Туръ... Ну, будемъ надѣяться — что черезъ какихъ нибудь пять — шесть лѣтъ, также смѣшны какъ теоріи родоваго быта, какъ возведенія въ боги пѣтуха, кочерги и ухвата, совершонные нѣкогда во славу все того же родоваго быта г. Аѳанасьевымъ — будутъ фантазіи хохломановъ, отыскивающихъ въ Новгородѣ Малороссіи, вакхическій бредъ «поморныхъ« историковъ о расколѣ и проч. — будутъ такъ же немыслимы не только повѣсти г. Леона Бранди, но даже и самый прототипъ ихъ—знаменитая эпопея о бѣлой Арапіи.

А покамѣстъ, покамѣстъ — мы займемся работою чисто отрицательною. Отрицаніе ужъ вопервыхъ тѣмъ хорошо и выгодно что съ нимъ всегда всѣ согласны, а во вторыхъ и то, что оно никогда смѣшно быть не можетъ. Надъ первымъ, кто сказалъ напримѣръ, что Гоголь — одинъ изъ величайшихъ художниковъ (это былъ Бѣлинскій) смѣялись, да еще какъ! Надъ первымъ же, кто произвелъ Пушкина въ поэты «побрякушекъ» — смѣяться не посмѣли. Размышленіе мосекъ Крылова:

Digitized by Google

Ай, Моська! Знать она сильна
Коль лаетъ на слона.

постоянно руководитъ «публику». Мнѣ замѣтятъ можетъ быть, что не всегда же такъ; — что напримѣръ рецензентомъ хриплаго «Голоса», поставившимъ сухую и довольно-между нами сказать-пошлую компиляцію г. Галахова, извѣстную подъ именемъ исторіи русской словесности, — на ряду съ исторіей Карамзина — не смѣялись же — что вотъ дескать и похвалить черезъ мѣру («хвать друга камнемъ въ лобъ») можно иногда совершенно безопасно для собственной чести и личности. То-то что *иногда*, надобно знать это: *иногда*; — надобно, главное, совѣтъ Тредьяковскаго хорошо помнить:

Держись черни,
А знай штуку.

А штука то вся въ томъ, что достойный рецензентъ «падая до ногъ» передъ компиляціей г. Галахова—намѣренно игнорировалъ честный трудъ, трудъ цѣлой жизни покойнаго Шевырева и очень хорошо понималъ пользу такого игнорированія въ настоящее время. Ну, а что тамъ въ будущемъ... Всѣ мѣщане, какъ вамъ извѣстно, говорятъ: après moi le deluge!..т

Во всякомъ случаѣ, отрицаніе выгодно и безопасно. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Послѣдуемъ же и мы духу времени, займемся отрицаніемъ...

Но прежде чѣмъ примемся за какую либо изъ будущихъ литературныхъ жертвъ такого выгоднаго и безопаснаго занятія, — авторъ этой статьи долженъ разсказать обстоятельство, подавшее ему первый поводъ къ сомнѣнію въ назначеніи положительной критической дѣятельности въ наше время.

Послѣднее явленіе, занесенное подъ старую рубрику «явленій незамѣченныхъ нашею критикою» была дѣятельность одного изъ самыхъ яркихъ и своеобразныхъ талантовъ современной литературы, графа Л. Толстаго. Статьи о немъ не имѣли конечно никакихъ претензій учить его или указывать ему его литературный путь — претензій вообще не свойственныхъ органической критикѣ, хотя соблазниться нѣкоторымъ учительствомъ было очень легко. Послѣ «Семейнаго счастія» Л. Толстой замолкъ довольно надолго какъ художникъ, — ударился даже въ «полезную» педагогическую дѣятельность, которая и выразилась въ изданіи «Ясной Поляны«. Этою педагогическою дѣятельностію могъ онъ обмануть развѣ однихъ теоретиковъ. Для насъ она была только органически необходимымъ исходомъ крайне своеобразнаго и даже капризнаго таланта, который запутался

Digitized by Google

въ анализѣ до психическихъ «чортиковъ» — до «Альберта» и «Трехъ смертей» и «Люцерна», до невѣрія въ жизнь человѣка въ обществѣ, въ цивилизацію, и до пантеизма по рефлексіи. Насъ не удивило бы нисколько, если бы Л. Толстой выпустилъ въ свѣтъ нѣчто въ родѣ «Эмиля» Руссо или даже его contrat social; и въ его крайне интересныхъ, оригинально умныхъ и парадоксально капризныхъ статьяхъ въ «Ясной Полянѣ» — намъ чуялось не безъ основаній только продолженіе психическаго момента, выразившагося въ его послѣднихъ до того времени произведеніяхъ.

Разсмотрѣніе этого момента завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону — и мы оставимъ его опять таки до будущаго времени. Дѣло въ томъ, что художникъ, т. е. выразитель жизни съ ея стремленіями и типами, въ Л. Толстомъ — какъ въ талантѣ настоящемъ, а не эфемерномъ взялъ все таки верхъ надъ аналитикомъ; и хотя міросозерцаніе его нисколько не расширилось, но мы вновь имѣли наслажденіе любоваться его мастерствомъ художественнымъ и въ «Казакахъ» и въ «Поликушкѣ». Мастерство все тоже что и въ прежнихъ его произведеніяхъ: тонкость анализа и чутье человѣческой натуры все тѣ же — краски такія же (припомните — ну, хоть ночь — когда удавленникъ Поликушка смирно и смиренно виситъ себѣ на чердакѣ, а всѣ живые въ домѣ ходятъ подъ какимъ-то зловѣщимъ вѣяніемъ). Однимъ словомъ — качества таланта все тѣ же что и были. Пожалуй что и движенія впередъ нѣтъ, — ни въ основномъ мотивѣ творчества, ибо герой «Казаковъ» — близкая родня и Нехлюдову и другимъ лицамъ, съ которыми, какъ съ основными мотивами анализа, привыкли мы встрѣчаться въ литературной дѣятельности писателя, — да ужь за то нѣтъ и шага назадъ. Ну, — да вѣдь двигаются все впередъ и впередъ, осмысливаютъ все яснѣе и яснѣе окружающую жизнь только таланты геніальные, таланты съ такимъ своимъ словомъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть и слово цѣлаго періода, развитія цѣлаго цикла... Бываетъ притомъ въ другихъ такое насильственное движеніе впередъ, которое хуже всякихъ шаговъ назадъ. Какъ примется иногда непрошенный—то просвѣтитель осмысливать жизнь въ ея напряженные моменты, хотя напримѣръ Писемскій въ своемъ «Взбаламученномъ морѣ», — результаты дѣла взятаго не посиламъ человѣкомъ, хоть и въ высшей степени талантливымъ, но не геніальнымъ, окажутся діаметрально противоположны задачамъ, которыя имѣлись имъ въ виду.

Это чувство діаметральной противоположности задачъ, поставляемыхъ себѣ писателями, съ результатами, производимыми ихъ продуктами, — испытываешь какъ-то особенно часто въ настоящую минуту.

Digitized by Google

Благодаря опять все тому же, уже названному нами свойству нашей скоростѣлой отзывчивости—мы не даемъ даже и разнымъ «маревамъ» окружающей насъ жизни устояться въ какіе нибудь опредѣленныя — не то что ужь типическія, а просто опредѣленныя, распознаваемыя очертанія,—а бухъ ихъ прямо на бумагу, съ безцеремонною беззастѣнчивостью суздальскаго живописанія... Ну и выходитъ всегда какъ то такъ, что серьезно мыслящій человѣкъ—читая нашихъ «красныхъ»—становится на сторонѣ реакціонеровъ, а читая нашихъ реакціонеровъ — обращается въ совершеннѣйшаго скептика, въ отношеніи какъ къ той, такъ и къ другой сторонѣ. Результаты конечно полезные,—но согласитесь же, что діаметрально противоположные задачамъ писателей.

И такъ, только порадоваться въ сущности за Толстого можно было, что не дѣлая насильственныхъ шаговъ впередъ, онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, — глубокимъ, хоть и капризнымъ, но слишкомъ тонкимъ и вмѣстѣ яркимъ живописцемъ жизни. Притомъ же — такъ нова и свѣтла полоса жизни, изображенная имъ въ «Казакахъ», такъ вѣрна его рука и колоритна кисть въ ея изображеніи, такъ артистически-могущественно схвачены ея типы—что, какъ говорится, читаешь и не начитаешься...

Ну-съ, нашолся однако журналъ и нашолся писатель — оба крайне недовольные творчествомъ художника, даже нѣкоторымъ образомъ обидѣвшіеся на это простое, крѣпкое, безпритязательное творчество.

И притомъ не въ лагерѣ «Теоретиковъ» — нѣтъ! — «Тушинскій станъ», какъ зоветъ ихъ въ шутку одинъ нашъ пріятель, видящій въ нашемъ теперешнемъ умственномъ, нравственномъ и литературномъ процесѣ повтореніе старой эпохи,—смолчалъ—потому собственно, что какое ему дѣло до художества?

Журналъ, недовольный творчествомъ Толстого — читатель можетъ быть уже угадалъ. Старая руина сороковыхъ годовъ, храмъ покинутый давно уже духомъ, нѣкогда его одушевлявшимъ, и давно уже живущій только гальванически, несчастный органъ никому — тѣмъ паче самому ему, невѣдомаго направленія, — въ послѣднія времена, онъ сталъ болѣе извѣстенъ подъ именами «старухиныхъ записокъ» или «родительскихъ поминаній», чѣмъ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Увеселялъ онъ себя съ тѣхъ поръ, какъ его покинулъ Бѣлинскій т. е. съ самаго начала сороковыхъ годовъ, сначала печатаніемъ «капитальныхъ статей» о русской литературѣ г. Галахова и иныхъ дѣятелей, о которыхъ всегда невольно какъ-то повторишь злые стихи Вольтера на счетъ аббата Трюбле:

Digitized by Google

Au peu d' esprit que le bonhomme avait,
L' esprit d' autrui par complement servait...
Il compilait, compilait, compilait...

Да для того чтобы угодить «духу времени и вкусу»—печатаніемъ «пѣтуховъ» и «очаговъ» г. Аѳанасьева, казавшихся ему, по извѣстному чутью его въ отношеніи къ духу времени, едвали не вѣрхомъ человѣческой премудрости. Вообще, — отсутствіе того, что называется чутьемъ и нюхомъ, чрезвычайно замѣчательно и было и есть и должно быть пребудетъ въ достопочтенномъ органѣ: по этому отсутствію, многіе до послѣдняго времени умозаключали даже объ отсутствіи у него какого либо голоса, кромѣ способнаго издавать не членораздѣленные звуки въ родѣ: ги! ги! и тому подобныхъ — и мы до сихъ поръ еще не знаемъ, насколько появленіе газеты «Голосъ» разубѣдило этихъ многихъ. Во всякомъ случаѣ — тò несомнѣнно, что достопочтенный органъ, если и подымалъ когда голосъ, то крайне не впопадъ.. Сначала пятидесятыхъ годовъ, онъ постоянно занимается, невиннымъ конечно, но вмѣстѣ и крайне скучнымъ дѣломъ: тыкаетъ пальцемъ въ небо. Уставши самъ отъ капитальныхъ статей разныхъ аббатовъ Трюбле и пресытившись «пѣтухами» г. Аѳанасьева — онъ, отъ нечего дѣлать принялся — съ усердіемъ и постоянствомъ достойными поистинѣ лучшей участи, за вражду со всѣми живыми и свѣжими силами литературы, — но увы! кто-то чрезвычайно ловко окрестилъ эту вражду сразу же именемъ «тупой», да тупа она оказалась и дѣйствительно, такъ тупа, что самъ же журналъ ругалъ—ругалъ Писемскаго, да потомъ и платилъ ему же не малыя, по всей вѣроятности деньги, за помѣщеніе его произведеній... Не зная должно быть: «что дѣлать, что начать?»— онъ, этотъ маститый, но во что бы то ни стало хотѣвшій и доселѣ хотящій жить Маѳусаиловы вѣка органъ — принялся за штуки блаженной памяти Маяка: началъ сочинять свою литературу, *въ пику* той, новой и свѣжей, неимѣвшей несказаннаго счастія ему нравиться;— ну и началъ онъ помѣщать по большей части такія отребья, которыя всѣми другими журналами были отвергнуты, — что и до сихъ поръ съ успѣхомъ продолжаетъ дѣлать. Въ немъ обрѣли себѣ пріютъ гг. Горевъ, Потѣхинъ junior, Ѳ. Устряловъ, авторы разныхъ драмъ и повѣстей изъ простонароднаго быта подъ названіями: «Горя-доля» «Лихая судьба, и т. д. — которыя горами наносятся въ каждую редакцію, мало мальски имѣющую порядочное количество подписчиковъ, и которыхъ, какъ содержаніе, такъ и форма — такъ уже казенно-общи, что редакторы и сотрудники, уполномочиваемые редакторами на просмотръ матеріаловъ, нюхаютъ въ нихъ обыкновенно только три страницы: первую, серединную и послѣднюю, — и за тѣмъ съ безжалостнымъ

Digitized by Google

спокойствіемъ пишутъ карандашомъ на заглавномъ листѣ извѣстную формулу: «*Возвр.*» Но куда жъ имъ послѣ такихъ неблагопристойныхъ поступковъ разныхъ редакцій, — куда-жъ имъ, «горькимъ долямъ», дѣваться бѣднымъ, какъ не въ великодушно простирающій къ нимъ свои объятія пріютъ «Старухиныхъ записокъ»? Органъ хочетъ во что бы то ни стало существовать — и стало быть, долженъ же чѣмъ нибудь наполняться. Иногда впрочемъ, онъ пытался показывать и другіе признаки существованія, кромѣ однихъ матеріальныхъ. Въ потѣ лица, съ нѣжною материнской заботливостью курицы, высиживающей яйца — высиживалъ онъ глубокомысленые вопросы à la Кифа Мокіевичъ, вродѣ: «Народный ли поэтъ — Пушкинъ?.. — но самъ же скоро и забывалъ свой вопросъ, принимаясь корить Островскаго за его «Минина» — *ненароднымъ* Борисомъ Пушкина. Игривость мысли даже нѣкоторую пытался онъ показывать, — но и тутъ какъ то не оставляло его свойственное ему великодушіе: такъ онъ, игривости ради, и помѣстилъ, напримѣръ недавно повѣсть покойнаго Чернышева, въ которой нещадно и остроумно мѣтко продернутъ и за игру и понятія объ искуствѣ одинъ изъ корифеевъ Россійской сцены, г. С**, но вслѣдъ затѣмъ великодушный журналъ въ той же книжкѣ воспѣлъ гимны россійскому Леметру г. Б**, — именно потому вѣроятно, что Леметра даже въ провинціяхъ не переваривали.

Ну, вотъ этотъ-то самый журналъ и обидѣлся крайне на послѣднее произведеніе графа Л. Толстаго, т. е. напечаталъ статью крайне обидѣвшагося на нихъ писателя.

Но еще смѣшнѣе представится намъ дѣло, когда мы познакомимъ васъ, тоже называя по имени, съ писателемъ, «вломившимся въ амбицію» на «Казаковъ» или по ихъ поводу,

Скажите прежде всего ради Бога — кому, читая эту мастерскую картину свѣжаго и оргинальнаго быта во всей его непосредственности, силѣ, красотѣ — и почти неизбѣжной съ такими отличительными качествами всего типическаго въ жизни — грубости, — можетъ придти въ голову мысль, что для художника этотъ бытъ, который онъ взялъ какъ художникъ, есть нѣчто въ родѣ общественнаго и нравственнаго идеала, — и кому придетъ въ голову винить художника въ обскурантизмѣ за то, что передъ этимъ органически-сложившимся крѣпкимъ и яркимъ, хоть и грубымъ бытомъ — *стушовывается* такъ сказать герой изъ другого, совершенно дѣланнаго, искуственнаго, миражнаго быта, случайно пришедшій съ нимъ, съ этимъ бытомъ въ столкновеніе... Ну, кому? скажите. Вѣдь такъ должно было быть, такъ непремѣнно должно было быть и быть иначе не могло. Никто тутъ невиноватъ, тѣмъ менѣе виноватъ авторъ. Бытъ его поразилъ

Digitized by Google

своей яркостью и особенностью, бытъ самъ ложился подъ кисть и уловляя его типы во всей ихъ простотѣ и мощи, — онъ, какъ художникъ, выполнялъ настоящую, существенную задачу художника...

Ну, вотъ авторъ статейки по поводу «Казаковъ», напечатанной въ «Отечественныхъ запискахъ»—обидѣлся, да еще какъ обидѣлся-то, совсѣмъ по женски, выражаясь цивилизаціоннымъ слогомъ — и на то, что непосредственный и непосредственно изображенный бытъ могучъ въ своей замкнутости и особенности; и на то, что герой Толстаго — весь, какъ вообще его герои, съ одной стороны искалѣченный морально средою пустѣйшей великосвѣтской жизни, а съ другой — подорванный вѣчнымъ безсодержательнымъ анализомъ, — оказался крайне несостоятеленъ въ столкновеніи съ неподорванною жизнію. И какія это — авторъ яровитой статейки — краснорѣчія пустилъ насчотъ того, что онъ принялъ въ Толстомъ за тенденціи къ невѣжеству и грубости — и какъ это онъ, посему съ здравой точки зрѣнія неудобному поводу, просвѣщеніе отстаиваетъ — и какъ ужь онъ героя-то за пустоту его кастить — страхъ просто... Азартъ, просто азартъ и притомъ явно азартъ женскій, такой же неугомонный, съ какимъ во дни оны наша знаменитая писательница, г-жа Евгенія Туръ, отстаивала свою независимость и цѣлость отъ злокачественныхъ, ужасныхъ и даже циническихъ покушеній на эту цѣлость редакторовъ «Русскаго Вѣстника».

Всяко—бываетъ. Пришло же вотъ въ голову автору статейки — опасеніе насчотъ цивилизаціи при чтеніи повѣсти Толстаго, — и такъ какъ цивилизація давно уже принята этимъ авторомъ подъ защиту и покровительство, то и понятное, пожалуй, дѣло что онъ такъ и ловитъ случай защищать ее—бѣдную, отъ разныхъ грезящихся ему враговъ. Равно понятно кажется и то, что не имѣя болѣе подъ руками — органа цивилизаціи и «женскаго ума» — покойной Русской Рѣчи, опекунъ цивилизаціи бросился въ объятія «Старухиныхъ Записокъ»...

Всяко—бываетъ и удивляться тутъ нечему. Но намъ, читая, яровитую статью и читая ее въ «Отечественныхъ запискахъ», невольно пришло въ голову: что дескать это? Мертвые—которымъ слѣдуетъ «погребсти своя мертвецы» принялись воевать съ живыми? Отжившій, гальванически продолжающій существовать органъ, — отжившій авторъ скучнѣйшихъ и неодолимѣйшихъ, даже въ былую пору романовъ, въ родѣ «Племянницы», которую допечатать у себя всю нехватило терпѣнія даже у бываляго, совершенно безцвѣтнаго «Современника», — заявляютъ свои права на жизнь защитою цивилизаціи отъ небывалыхъ ея враговъ и тупой враждой, къ одному изъ самыхъ яркихъ нашихъ талантовъ...

Это показалось намъ въ высшей степени комично...

Digitized by Google

Но такъ какъ долго и серьозно надъ этимъ фактомъ задумываться было нечего — и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ мышленіи нѣтъ скачковъ — и мыслятся большею частью съ извѣстнымъ фактомъ или факты однородные, или прямо ему противуположные... то мы невольно остановились на отживающихъ вообще въ литературѣ явленіяхъ...

Мы, признаемся, пришли въ немалое удивленіе, когда начали припоминать множество такихъ явленій еще доселѣ упорно хотящихъ жить, вопреки законамъ природы и исторіи... и не только явленія, т. е. факты частные, но цѣлыя группы явленій, связанныхъ какимъ-то единствомъ т. е. направленіями...

И внезапная мысль озарила автора этой статьи. Хоть и не было у него никакого Ноздрева, который бы сказалъ ему, какъ тотъ Чичикову: «вотъ бы пища для твоего сатирическаго ума» — хоть даже сатирическаго склада не признаетъ онъ въ своемъ умѣ, — но ему невольно припомнились остроумные стихи Адамантова на погребеніе «Русской рѣчи» въ которыхъ онъ — т. е. вашъ покорнѣйшій слуга

Взоръ вперяя изступленный
Въ сѣроватый небосклонъ

и обуреваемый пиѳическимъ азартомъ служенія «демоническимъ началамъ», представленъ въ видѣ нѣкоего врана, кидающагося на трупы:

И съ усердіемъ немалымъ
За паденьями слѣжу...

Ну что жъ? — слѣдить за паденьями — такъ слѣдить за паденьями... И то задача.

Задача во всякомъ случаѣ, какъ уже сказано — гораздо болѣе безопасная, чѣмъ стремленіе отмѣчать незамѣченное нашей критикой — и даже, могущая расчитывать на гораздо бо́льшее сочувствіе.

Мало ли вокругъ васъ ихъ, этихъ такихъ покойниковъ, по временамъ силящихся: «Vydac znak zycia» по выраженію поэта — и направленій, когда-то нужныхъ, но совершившихъ, въ большій или меньшій срокъ свое дѣло, и направленій вовсе никогда не нужныхъ; и талантовъ, сказавшихся разъ и потомъ безплодно повторяющихся — какъ напримѣръ г. Гончаровъ; и талантовъ, которые считались за что то, когда была мода на извѣстный *жанръ*, ими себѣ присвоенный во владѣніе и оказавшихся чѣмъ-то весьма малымъ по прошествіи моды, какъ г. Григоровичъ; — и борзописателей или борзописательницъ въ родѣ г-жи Евгеніи Туръ, печатавшихся нѣкогда журналами, потомучто нечего было печатать — а на безрыбьи и ракъ рыба — и умныхъ, весьма честныхъ писателей, вродѣ автора множества романовъ В. Крес-

Digitized by Google

товскаго (не поэта), доказывающихъ постоянно своею дѣятельностью, что одного ума и одной честности весьма недостаточно для прочной литературной жизни; и дѣйствительныхъ, но совсѣмъ замершихъ въ маленькой раковинкѣ лириковъ, однообразно тянущихъ одну и ту же, данную имъ природой ноту; и сильныхъ талантовъ уродливыхъ, талантовъ дикихъ, такъ сказать пополамъ съ дичью — какъ напримѣръ г. Дріанскій, авторъ «Квартета» «Записокъ Мелкотравчатаго», — въ которомъ фонду несравненно больше, чѣмъ въ хваленыхъ когда-то талантахъ въ родѣ г. Григоровича, — но фондъ этотъ, эта руда — вслѣдствіе обстоятельствъ — такъ и остались къ неразработанномъ видѣ...

Всѣ эти покойники ужасно не хотятъ умереть, и при всякомъ удобномъ случаѣ заявляютъ, хотя тщетно, свои права на жизнь. И нѣкоторые изъ нихъ — какъ лирики, заглохщіе въ своей раковинкѣ — и уродливые таланты, пожалуй и правы... но что жъ дѣлать?

Спящій въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

Два генерала. Эпизодъ изъ романа. (Русск. Вѣстникъ 1864 г.)

Скажите намъ прежде всего, читатель, какого рода представленіе соединяете вы умственно съ именемъ *Д. В. Григоровича*, т. е. какого рода и качества писатель является, — говоря словами Гамлета — «передъ очами души вашей», — когда, вы и сами встрѣтите гдѣ нибудь эту подпись и произнесете это имя, или кто нибудь другой произнесетъ имя или прочтетъ передъ вами подпись?.. Ну, вотъ напримѣръ — произнесутъ передъ вами имя Островскаго, и конечно въ умѣ вашемъ пробуждается — или идея о творцѣ русскаго народнаго театра, если вы простой и только здраво читающій человѣкъ, — или по крайности идеи о «темномъ царствѣ» — если вы нигилистъ; имя Тургенева — и передъ вами возникаетъ, хотя и непластически опредѣленный, но очерченный достаточнымъ контуромъ обликъ писателя, отражавшаго сочувственно и высоко-поэтически различныя впечатлѣнія, которыя переживались вами и вашими предшественниками; имя Некрасова — нечего и говорить, что съ этимъ именемъ очерчивается очень оригинальная поэтическая физіономія... ну какое хотите имя, хоть имя г-жи Евге-

Digitized by Google

ніи Туръ — и вамъ рисуется родъ, въ которомъ она — выражаясь тонкимъ языкомъ Осрика «превосходствуетъ» — именно родъ литературнаго толченія воды въ ступѣ, хоть В. Крестовскаго поэта — и сей часъ вамъ кидаются *гиривые* «испанскіе мотивы»—хоть В. Крестовскаго—романиста—и вамъ напоминаются цѣлые томы весьма удобочитавшагося резонерства. Однимъ словомъ, какая нибудь да есть физіономія у всякаго писавшаго и пишущаго человѣка, какой нибудь да есть родъ, въ которомъ онъ «превосходствуетъ» — отъ первостепенныхъ талантовъ, которыми мы начали, до порченныхъ талантовъ, золотыхъ посредственностей и бездарностей, которыми...» Но «пусть» какъ говоритъ Гамлетъ, «окончаніе рѣчи явится само собою... Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право спросить васъ, какого рода литературное представленіе соединяется у васъ умственно съ именемъ Д. В. Григоровича? И тѣмъ паче имѣемъ мы на это право, что нѣкогда—не болѣе даже лѣтъ восемь—семь тому назадъ, это имя красовалось на оберткѣ «Современника» наряду съ именемъ такого безспорно высокаго художника, какъ Островскій, такого безспорно—же, яркаго самобытно колоритнаго и сильнаго таланта какъ Л. Толстой—красовалось, такъ сказать, въ исключительную похвальбу нѣкую—что вотъ-де, только у насъ и будетъ такое диво, какъ Д. В. Григоровичъ.

Вы можетъ быть ждете послѣ такого вопроса, что мы вдругъ объявимъ Д. В. Григоровича писателемъ безъ опредѣленной физіономіи, безъ рода дѣятельности, въ которомъ бы онъ «превосходствовалъ»—и конечно тотчасъ же вооружитесь на насъ. «Какъ дескать,—скажете вы — безъ физіономіи? Д. В. Григоровичъ — писатель изъ народнаго быта, и въ этомъ родѣ дѣятельности превосходствовалъ; Д. В. Григоровичъ въ нѣкоторомъ родѣ даже писатель — гражданинъ, писатель—дѣятель, съ заслугами въ великомъ вопросѣ крестьянскаго дѣла!.. Разувѣрьтесь пожалуйста! мы и не думаемъ говорить что Д. В. Григоровичъ не имѣетъ литературной физіономіи, чтобы за нимъ не было рода, въ которомъ бы онъ «превосходствовалъ» — чтобы мы ставили его на одну доску съ абсолютными безцвѣтностями вродѣ.. ну, положимъ хоть г. Гербеля, который вопреки извѣстному литературному сонинку,—изрекшему, что «видѣть во снѣ г. Гербеля—ничего не значитъ» — грезится многимъ и въ томъ числѣ пишущему эту статью по крайности хоть въ видѣ воинственнаго Пиндара, воспѣвающаго пѣснь своимъ погибшимъ, живущимъ и начинающимъ жить сотоварищамъ... Разувѣрьтесь слѣдовательно. Не для того предложили мы вамъ вопросъ о физіономіи г. Григоровича, и не имѣете вы права какъ Лазарь Подхалюзинъ сказать: «вы можетъ быть на счотъ физіономіи сумлѣваетесь?» Для того напротивъ предложили мы вамъ

Digitized by Google

такой вопросъ, чтобы сейчасъ же вызвать со стороны вашей рѣшительный отвѣтъ, именно такой, какой мы и вложили вамъ въ уста, т. е. что Д. В. Григоровичъ писатель изъ народнаго быта и что въ этомъ родѣ литературной дѣятельности онъ..... Ну однако какъ поставить правильно:

1) превосходствовалъ?
2) превосходствуетъ?—или
3) превосходствовалъ и превосходствуетъ?..

Прибѣгая опять къ рекомендуемому Посошковымъ «народосовѣтію» — и полагая твердо, что «міръ» въ своихъ рѣшеніяхъ всегда справедливъ (хоть Ахиллесъ—Рой г-жи Кохановской и поправляетъ его рѣшенія своимъ авторитетомъ, ну да на то онъ Рой—Ахиллесъ, богатырь и помѣщикъ), мы съ твердой увѣренностью—изъ трехъ предложенныхъ нами формулъ выбираемъ формулу прошедшаго времени — ибо, не скажете же вы, что теперь, когда писателей, и притомъ чрезвычайно талантливыхъ изъ народнаго быта—расплодилось столь же много, какъ грибовъ въ дождливое время и что рѣшительно становиться втупикъ, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе: г. ли Слѣпцову передъ г. Н. Успенскимъ или на оборотъ, — г. ли Н. Успенскому передъ г. Г. Успенскимъ; г. ли Левитову передъ всѣми — не скажете же вы, что Д. В. Григоровичъ «*превосходствуетъ*» въ этомъ родѣ литературной дѣятельности. Вѣдь вы знаете очень хорошо, такъ же хорошо какъ и мы, насколько далѣе впередъ ушли отъ Д. В. Григоровича всѣ эти, поименованные нами талантливые писатели — и въ знаніи и въ изображеніи быта, и въ полнотѣ этого знанія и въ свободѣ изображенія. Стало быть, мы по неволѣ и должны остановиться на формулѣ: *Д. В. Григоровичъ превосходствовалъ нѣкогда какъ писатель изъ народнаго быта*». Это будетъ и вѣрно и правильно и съ міромъ согласно...

Когда же и долго ли было это. — *нѣкогда*? воспослѣдуетъ сейчасъ съ нашей стороны вторичный вопросъ — и мы опять сами отвѣтимъ на него — за васъ читатели, какъ читавшіе Д. В. Григоровича, такъ и нечитавшіе его...

Это *нѣкогда*—правду сказать было очень недолго, а именно съ 1847 года, когда начался Современникъ и напечатался въ немъ знаменитый «Антонъ Горемыка» до 1859 года включительно, когда на оберткѣ того же Современника воскрасовалось исключительное участіе Д. В. Григоровича, «яко дива какова». Двѣнадцать лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ было всего такое «превосходствованіе» Д. В. Григоровича въ родѣ народнаго бытописанія. Весьма не много — но увы! и изъ этого немногаго надобно вычесть покрайней мѣрѣ лѣтъ шесть,

Digitized by Google

въ которыя Д. В. Григоровичъ позналъ себѣ соперниковъ на семъ поприщѣ—лѣтъ шесть, въ которыя слава его жила болѣе прошедшими, чѣмъ настоящими доблестями. Ибо — тоже кажется дѣло уже рѣшонное, что когда явился г. Потѣхинъ (т. е. г. Потѣхинъ А. ибо о г. Потѣхинѣ Н. въ статьяхъ литературныхъ говорить вообще не принято) — Д. В. Григоровичъ съ его народнымъ бытописаніемъ, былъ, не говоримъ затемненъ, а просто стушованъ новымъ бытописателемъ—хотя и борзописцемъ, но безспорно даровитымъ борзописцемъ, хотя и грубымъ маляромъ но безспорно маляромъ съ натуры, хотя слѣдовательно не художникомъ, но за то полнымъ хозяиномъ въ томъ быту, въ которомъ Д. В. Григоровичъ былъ заѣзжимъ любознательнымъ гостемъ иностранцемъ,—свободнымъ обладателемъ той рѣчи, которую Д. В. Григоровичъ видимымъ образомъ записывалъ въ свою livre de voyage... Что же сталось со славою Д. В. Григоровича какъ писателя изъ народнаго быта, когда появились истинно—художественные разсказы въ этомъ родѣ Писемскаго: «Питерщикъ» «плотничья артель?..» Что же сталось потомъ еще съ этою, болѣе чѣмъ сомнительною славою, когда одинъ за другимъ начали появляться писатели молодые, вродѣ выше нами упомянутыхъ...

Д. В. Григоровичъ вѣроятно и самъ увидалъ непрочность своей славы—и съ горя принялся за прежній родъ свой, въ которомъ онъ вовсе не «превосходствовалъ» особенно, въ которомъ по крайней мѣрѣ не признавался «превосходствующимъ», за родъ фельетонныхъ романовъ и расказовъ изъ петербургской или провинціальной жизни... Однимъ изъ нихъ, мечатавшимся долго въ Отечественныхъ Запискахъ и истощившимъ терпѣніе читателей до того, что авторъ и журналъ не дали ему даже окончиться, — онъ скандализировался несравненно болѣе, чѣмъ выведенный тамъ какой то провинціальный авторъ «непризнанной индѣйки»; —затѣмъ Д. В. Григоровичъ началъ передавать публикѣ свои путешествія и вообще послѣ «*рыбаковъ*» и «*переселенцевъ*», утомившихъ читателей не менѣе упомянутого романа изъ провинціальной жизни, — исчезъ окончательно съ поприща народнаго бытописанія.

Стало быть въ сущности, настоящаго литературнаго житія его, какъ народнаго бытописателя,—было три года и нѣсколько мѣсяцевъ, отъ напечатанія повѣсти «Антонъ Горемыка» до появленія первой повѣсти г. А. Потѣхина.

Теперь мы должны читателямъ, читавшимъ сочиненія Д. В. Григоровича, сдѣлать другой вопросъ: хватитъ ли въ нихъ силъ, героической рѣшимости, прочесть вторично, не говоримъ уже—«рыбаковъ» или «переселенцевъ» — ибо было-бы крайне безпалостно вызывать

Digitized by Google

на вторичное прочтеніе этихъ длинныхъ и скучныхъ компиляцій всякой всячины изъ народнаго быта, попавшихъ въ записную книжку туриста, компиляцій, разбавленныхъ притомъ дешовою и приторною сентиментальностію—но даже, сравнительно болѣе краткую, но все таки ужасно длинную элегію объ украденной пѣгой кобылѣ т. е. знаменитаго «*Антона Горемыку*?»

Едва ли найдутся въ этомъ дѣлѣ много храбрыхъ — а тѣхъ, въ которыхъ станетъ энергіи — мы не поздравляемъ. Перечитывая по обязанности всѣ бытописанія Д. В. Григоровича, мы лично скучали невыносимо, и притомъ совершенно безплодно.

Въ отношеніи Д. В. Григоровича мы доходили, при перечитываніи его «сочиненій» изъ народнаго быта, при повѣркѣ его отличительной физіономіи до того, что чуть не говорили съ Самсономъ Силычемъ Большовымъ—«ну ее физіономію!»—при оцѣнкѣ его рановременно скончавшейся славы мы доходили до печальнаго убѣжденія, что слава эта была не что иное какъ пуфъ, порожденный на эфемерное существованіе прихотливою модою... И мы увѣрены, къ сожалѣнію, что это не наше только личное мнѣніе а мнѣніе всякаго, кто задастъ себѣ трудъ повѣрить свои бывалыя впечатлѣнія—и при томъ мнѣніе, основанное на несоборимыхъ данныхъ...

Найдется ли въ наше время кто нибудь, кто станетъ утверждать что Д. В. Григоровичъ воспроизвелъ какіе либо типы изъ народнаго быта?

Найдется ли кто нибудь, кто мозаически—складную рѣчь Д. В. Григоровича, — чудную и наборную этимологически и несвободную синтаксически, сочтетъ за народную?

Найдется ли наконецъ кто нибудь, кто наивно повторитъ, что Д. В. Григоровичъ серьозно а не по прихоти и не по модѣ удостоивалъ заниматься народнымъ бытомъ?

На всѣ таковые вопросы — можно не колеблясь дать отрицательные отвѣты, изъ чего выходитъ конечно результатъ крайне не утѣшительный—а именно: съ именемъ Д. В. Григоровича, для всякаго читателя соединяется представленіе о писателѣ, «превосходствовавшемъ» въ изображеніяхъ народнаго быта, — а какъ о таковомъ, о немъ—отлагая въ сторону галантерейность обращенія—говорить въ настоящее время не стоитъ, да и сказать—то, кромѣ сказаннаго, нечего. Не разсказывать же содержанія почившихъ въ мирѣ его произведеній, не выписывать же, съ подчоркиваніями разныхъ мѣстъ для доказательства, что онъ не свободный хозяинъ народной рѣчи; все это—будетъ только пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее, уже и потому только, что все это всякому безъ нашихъ указаній извѣстно.

Digitized by Google

Но мы смѣло дали отрицательный отвѣтъ и на третій, поставленный нами вопросъ, вопросъ о серьезности отношеній Д. В. Григоровича къ народному быту—и на счотъ этого обязаны конечно объясниться нѣсколько поподробнѣе.

Есть писатели, которые не дѣлали народный бытъ (въ такомъ смыслѣ крестьянскаго быта) исключительнымъ предметомъ своей литературной дѣятельности: Пушкинъ, С. Аксаковъ, Островскій, Ѳ. Достоевскій, Тургеневъ, Писемскій, Л. Толстой — въ которыхъ глубокаго сочувствія какъ къ народу вообще, такъ и къ крестьянству въ особенности—а равно и глубокаго же пониманія народности, какъ въ обширномъ такъ и въ тѣсномъ смыслѣ — заподозрить нельзя; ибо вездѣ гдѣ они касались типовъ народнаго въ тѣсномъ смыслѣ быта,—они изображали ихъ какъ истинные мастера — въ лѣтописи-ли села Горохина, въ запискахъ-ли Охотника, въ Мертвомъ-ли домѣ, въ Плотничьей-ли артели, въ Севастопольскихъ-ли воспоминаніяхъ. Потому они органически дѣлали органическое дѣло — уловляли типы и выраженіе въ нихъ національной индивидуальности, — не сочиняя въ себѣ сочувствій вообще и не ограничивая насильственно сочиненныхъ сочувствій какою либо стороною національнаго быта: они «не брали на откупъ народныхъ слезъ», а съ равною любовью относились ко всему народу и ко всему въ народѣ.

Появились въ наше время и другіе писатели, (это отчасти — такъ названная недавно какъ-то въ Современникѣ — «Новая литература»), которые спеціально обратили свою литературную дѣятельность на народный бытъ въ тѣсномъ смыслѣ, по той простой причинѣ, что только его и знаютъ. И благо имъ; и хорошо они дѣлаютъ, что пишутъ только о томъ, что знаютъ — лишь бы только: 1) въ угоду разнымъ теоріямъ они не гнули хорошо знакомыхъ имъ явленій этаго быта подъ мѣрку «бѣлой Аранія». 2) Не дѣлали изъ этого ремесла — ибо такимъ образомъ они всѣ могутъ истощиться, какъ истощился одинъ изъ дароватѣйшихъ у нихъ, г. Н. Успенскій, доведшій цѣховую работу до разсказовъ о ни чемъ, 3) не лѣзли бы вопреки своимъ симпатіямъ, въ угоду газетчикамъ и журналистамъ, въ сатирическую и отрицательную манеру, какъ даровитѣйшій изо всѣхъ этихъ, г. Левитовъ, а равно и не писали бы какъ онъ въ послѣднее время, ради приумноженія печатныхъ строчекъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти господа произошли въ литературѣ органически и дѣлаютъ органическое, хотя узко-спеціальное дѣло, и уже сами будутъ виноваты, если погубятъ въ себѣ живыя органическія начала ради теорій или ради счота печатныхъ строчекъ. Одна бѣда, которая съ «этой новой литературой», можетъ приключиться — это то, что она скоро набьетъ оскомину.

Есть еще писатели, — не у насъ впрочемъ, а на западѣ,

Digitized by Google

которыхъ или душа страшно наболѣла отъ всякихъ общественныхъ вопросовъ, отъ благъ и язвъ цивилизаціи, ими на себѣ до полнѣйшаго пресыщенія изношенныхъ (какъ напримѣръ Зандъ и Ламартинъ)— или особенно-идиллически построенные отъ рожденія, какъ Ауэрбахъ напримѣръ, — которые во что бы то ни стало, хотятъ простоты, «непосредственности» и стародавнія отраженія XVIII вѣка, отъ «природы» переносятъ «по духу времени и вкусу на простонародье». Они, обыкновенно въ такомъ случаѣ или губятъ какъ Зандъ, свои высокія дарованія въ сочиненіяхъ идеальныхъ «пейзанчиковъ», или изуродованныхъ Пьеровъ Гюгеневъ, — или пишутъ какъ Ламартинъ сантиментально — напыщенную ерундищу, въ родѣ Le tailleur de pierre de saint Point... Что же касается до нѣмца Ауербаха — то онъ, лѣтъ семдесятъ назадъ, по идиллическимъ своимъ наклонностямъ, былъ бы непремѣнно Августомъ фонъ Лафонтеномъ, и написалъ бы «Природу и любовь». Вообще это таже страсть къ «дикимъ» XVIII вѣка, только не та страсть къ нимъ, какъ къ типамъ, какую питалъ художникъ Куперъ. Порѣшаетъ эту тоже «новую литературу» обыкновенно великій поэтъ въ родѣ Гюго, который создавая великую эпопею о Франціи новой, какъ нѣкогда создалъ — едвали въ художественномъ отношеніи не высшую-эпопею о Франціи средневѣковой, — уловляетъ какъ художникъ *типы* національности вообще, относясь съ равною художественною и человѣческою любовью и къ гамену Гаврошу и къ старому буржуа, дядюшкѣ Марьюса — равно мастерски изображая эпопею баррикадъ и буржуазныя подробности Марьюсовой свадьбы. Потому, это поэтъ настоящій, органическій продуктъ своей націи, могучій носитель всей національной индивидуальности.

Есть наконецъ писатели, одаренные извѣстной, но не особенно яркой степенью наблюдательности и легкой—болѣе обезьянной чѣмъ человѣческой воспріимчивостью, — которымъ писать хочется потому, что и способность—то нѣкоторая есть, и славы то хочется, да и выгоды не малыя писательство представляетъ, а писать-то нечего. Писать человѣкъ можетъ только о человѣкѣ — а о человѣкѣ у насъ крайне-сбивчивое и мизерное понятіе. Въ области живописи, такіе *способные* субъекты склонны очень къ ландшафтному роду, да не къ тому, въ которомъ есть мрачная или свѣтлая поэзія, вносимая въ природу человѣческимъ духомъ, а такъ, просто къ ландшафтному роду, или къ изображенію сценочекъ съ натурки,—но дѣло въ томъ, что у нихъ идеала нѣтъ и даже смутнаго представленія объ идеалѣ нѣтъ: въ избранной сценѣ какой нибудь, они видятъ только возможность эффектно расположить фигурки... въ ландшафтахъ они тоже пожалуй человѣческую фигурку влѣпятъ, но тоже ради эффекта и притомъ самаго мизернаго рода. Въ литературѣ — они преимущественно на *чудное*

Digitized by Google

на что нибудь надѣются — и нѣкоторые изъ нихъ съ немалымъ успѣхомъ цѣлую жизнь до старости разные *чудные* анекдоты разсказываютъ. Отношеніе же ихъ къ этому *чудному* бываетъ adlibitum, каковъ вѣтеръ подуетъ, симпатическое или отрицательное. Потому — имъ это совершенно все равно. Многіе изъ нихъ изображаютъ — изображаютъ идиллически и «со слезой» — ces bons mougiks напримѣръ, да коли надоѣстъ это публикѣ, готовы, пожалуй, воскликнуть такимъ же голосомъ, «будетъ намъ цвѣтами убирать!»

Мы не говоримъ конечно, чтобы Д. В. Григоровичъ прямо принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи писателей изъ народнаго быта, — но погрѣшимъ противъ критической совѣсти, если признаемъ органическія начала за его дѣятельностью на этомъ поприщѣ.

Д. В. Григоровичъ началъ свою литературную дѣятельность разсказами въ родѣ *шарманщиковъ* — до сихъ поръ лучшаго и самаго искренняго изъ всего что написалъ онъ; началъ самымъ маленькимъ жанромъ — жанромъ одинаково мелкимъ съ тѣмъ напримѣръ, которому отдался въ наше время г. Генслеръ — и если и не превосходствовалъ, въ этомъ жанрѣ — ибо у него нѣтъ той оригинальности и колоритности маленькаго таланта, которыя даны г. Генслеру — то все таки былъ бы по сіе время весьма сноснымъ и удобочитаемымъ писателемъ жанристомъ. Обладая извѣстной степенью воспріимчивости, или лучше сказать переимчивости, свойственной вышеозначенной нами породѣ, онъ могъ бы дагеротипно вѣрно — разумѣется безъ особенной глубины — передавать разныя сценки съ натуры. Разумѣется такъ же, что ему слѣдовало прежде всего избѣгать какой либо претензіи на какую либо серьезную мысль и на какое либо серьезное чувство:— какъ подобная претензія проглянула разъ въ одномъ изъ первоначальныхъ его разсказовъ въ «Неудавшейся жизни» — такъ и обличила несостоятельность автора по части самобытности; это были въ сущности нѣсколько строкъ Гоголевскаго «портрета», да его же двѣ страницы, о петербургскихъ художникахъ изъ «Невскаго проспекта» разведенныя въ мутной водѣ сантиментализма, да приправленныя паѳосомъ художническихъ драмъ г. Кукольника и нелѣпѣйшими, безгранично узкими взглядами на искусство Во всякомъ случаѣ, Д. В. Григоровичъ и самъ бы, какъ писатель обладающій отзывчивостью на требованія минуты — не пошолъ бы далѣе въ этомъ скучномъ родѣ и остановился бы на такъ называемыхъ тогда, и бывшихъ въ ходу,— физіологическихъ очеркахъ разныхъ *чудныхъ* сторонъ петербургскаго быта; именно на петербургскомъ бытѣ — какъ мы постараемся доказать реактически — и слѣдовало бы ему остановиться; потому что *чудныя* стороны этого быта доступны поверхностной воспріимчивости и могутъ быть записываемы въ памятную книжку любознатель-

Digitized by Google

наго наблюдателя, не требуя хозяйскаго и свободнаго собою распоряженія—какъ сами неимѣющіе въ себѣ органически глубокихъ, типически національныхъ свойствъ.

На бѣду случилось вотъ какое обстоятельство. Д. В. Григоровичъ началъ свою дѣятельность во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, въ эпоху — когда анализъ различныхъ тонкихъ и глубокихъ чувствованій, создавшихся по иноземнымъ выкройкамъ героевъ и героинь нашего времени, понадоѣлъ уже достаточно; когда уже начинали понемногу сомнѣваться въ томъ, чтобы такъ абсолютно правы были разные Романы Петровичи («Послѣдній визитъ») и «Чистоплотныя» Наташи (одна изъ героинь бывалыхъ, неудачно — трагическихъ разсказовъ покойнаго, даровитѣйшаго какъ фельетонистъ, Панаева), въ ихъ борьбѣ съ *невѣжественною* (conditio sine quâ non) и *грязною* (тоже conditio sine quâ non) тиною уѣздной или губернской дѣйствительности — и даже въ томъ, чтобы дѣйствительность была кругомъ виновата противъ такой развившейся и изящной личности... Пресыщеніе вызывало реакцію... россійская отзывчивость не замедлила отвѣтить на вызовъ и съ одной стороны, въ противуположность изображенію тонко развитыхъ личностей, явились идиллическія или элегическія изображенія простого быта,—а съ другой, въ пику сухому идеализму, дошедшему до своихъ крайнихъ и даже уже смѣшныхъ граней — сухой прозаизмъ — полированный, чистенькій, съ иголочки утѣшилъ извѣстную часть общества дѣятельностью писателя, который въ «Обыкновенной исторіи» отдалъ ему, этому сухому прозаизму свой яркій талантъ и остался вѣрнымъ ему по гробъ своей славы въ «Обломовѣ».

Была и другая реакція, независимая отъ вліянія моды, вышедшая изъ несравненно болѣе глубокихъ источниковъ, искренняя и чистая въ своемъ протестѣ за униженныхъ и оскорбленныхъ — реакція органическая, хотя на первый разъ еще лишонная самообладанія и обладанія жизнію — реакція «сентиментальнаго натурализма», — но о ней говорить здѣсь не мѣсто, ибо дѣятельность писателя, о которомъ мы говоримъ теперь — не была ничѣмъ съ нею связана.

Д. В. Григоровичъ, по роду своей воспріимчивости обозначенной нами — поспѣшилъ отвѣтить на вызовъ духа времени и заблагоразсудилъ избрать себѣ въ предметъ литературныхъ занятій «простой», «непосредственный» бытъ. За недостаткомъ подъ рукою «дикихъ« — онъ взялъ крестьянъ.

Это далось ему вѣроятно очень легко при его воспріимчивости: онъ записывалъ *чудной* бытъ и *чудной* языкъ шарманщиковъ, салонницъ, мелкаго чиновничества — съ большимъ успѣхомъ; отчего же не записывать ему было и столь же *чудныхъ* для него,—быта и и языка «de ces bons mougiks». *Картинки* тоже онъ могъ найдти и

Digitized by Google

въ этомъ *чудномъ* быту, картинки даже очень эффектненькія и въ родѣ жалостномъ и даже пожалуй въ граціозномъ: особенно если изобразить напримѣръ — ну хотя очагъ курной избы и здоровую крестьянку, освѣщенную огнемъ — или таковую же, пощипывающую передникъ сарафана въ разговорѣ съ милымъ человѣкомъ; оно, — особенно если немножко подкрасить — будетъ и чудно̀ и мило... а жалостнаго — нечего ужъ и говорить — не оберешься...

И дѣйствительно все сіе не только казалось легко, но и было на первый разъ очень легко... И отношеніе къ изображаемому быту и даже формы — все это было готовое, давалось тотчасъ же потребностями минутъ.

Жоржъ-Зандъ уже въ «Compagnons du tour de France», перемѣнившая — отчасти по капризу огромнаго таланта, — любимыхъ своихъ героевъ тонкаго развитія, на увріеровъ философствующихъ «a la Pierre Leroux» какъ ея Гюгененъ, — въ la Marre au Diable перешла уже прямо въ простой, непосредственный бытъ и принялась казнить его идиллическими изображеніями цивилизованное общество. Правда, что великій талантъ ея и тутъ умѣлъ иногда — крѣпостью силы и жизненности выкупать приторность — правда, что натура могучая и живая, и при томъ одна изъ глубокихъ представительницъ національности — она не имѣла нужды записывать *чудные* обычаи и *чудну́ю* рѣчь въ зяписную книжку, а обнаруживала напротивъ чередою (какъ въ «Maitres sonneurs», напримѣръ) глубочайшее и инстинктивное разумѣніе своей народности съ ея отливами и мѣстностями — и хоть бы самому Мишле можно было бы признать у нея за свои — удивительныя страницы объ «Hommes de la Plaine» и «Hommes de la montagne» — мѣткія замѣчанія о типическихъ особенностяхъ Турени или другихъ областей сложной и тремя революціями еще не амальгамированной національности; правда тоже что какъ высоко даровитый художникъ, Зандъ всюду искала типовъ и возвышалась въ нихъ нерѣдко до поэзіи... Но у насъ, на первый разъ можно было обойдтись и безъ всего этого. Было бы только съ одной стороны жалостно а съ другой чудно̀...

Но правда тоже и то, что въ это же самое время выступалъ съ своими «Записками Охотника» высоко талантливый, симпатичный писатель, которому быть геніальнымъ мѣшалъ только недостатокъ силы и то, можетъ быть, что онъ, послѣдній представитель тѣхъ «quelques gentilshommes, qui se sont occupés de la litterature en Russie, по словамъ одного Француза, былъ въ сущности—повтореніемъ въ слабыхъ очертаніяхъ натуры Пушкина—точно національной нашей жизненной силѣ жаль было разстаться съ своимъ любимымъ порожденіемъ и захотѣлось попытать-

Digitized by Google

ся вновь его воспроизвести... «Органическое порожденіе почвы и мѣстности Великорусской Украйны, въ которомъ такъ же по мимо его вѣдома сидѣли и разгулъ Чертопхаева и мистическій пантеизмъ «Касьяна съ красивой Мечи» — какъ въ Пушкинѣ Бѣлкинъ и Великорусскій аскетизмъ (выражавшійся и въ молодую пору стихотвореніями въ родѣ «Монастырь на Казбекѣ» — и въ зрѣлую цѣлымъ рядомъ глубокихъ стихотвореній), — баричь-охотникъ не имѣлъ нужды отмѣчать въ записной книжкѣ *чудной* быть, и чудную *рѣчь* — потому что ни быть ни рѣчь чудны ему не были. И онъ медленно, лѣниво, беззаботно писалъ разсказъ за разсказомъ — удивительную книгу, которая проживетъ столько же какъ сама русская литература — внося въ нее и самаго себя, свое моральное разногласіе и сомнѣніе «Гамлета Щигровскаго уѣзда», свой болѣзненный и вмѣстѣ добродушный юморъ, отъ котораго порою сжимается сердце и у читателя,— изображая человѣка, а не эффектненькія картинки и самую природу обливая тѣмъ фантастическимъ мерцаніемъ, которое есть у нея тамъ, въ той сторонѣ, и которое такъ доступно человѣку той стороны...

Все это такъ, все это правда, но Д. В. Григоровичъ и не имѣлъ вѣроятно большихъ притязаній, а билъ на успѣхъ и не ошибся.. Ему главное, нужно было попасть въ тонъ минуты — онъ и попалъ.

Отношенія къ избранному имъ въ «воздѣлываніе» предмету опредѣлялись сразу. Не воспроизводить многообразные типы русскаго человѣка, не брать его такимъ, каковъ онъ есть въ этомъ быту — было задачею Д. В. Григоровича. Такая задача потребовала-бы отъ писателя много такого, что натура его дать не могла — прежде же всего потребовала бы рисовки человѣка — а Д. В. Григоровичъ умѣлъ только вставлять фигурки, съ виду похожія на людскія въ свои ландшафтики — умѣя замѣчать, и стало быть и отмѣчать только три рода вещей: *чудныя*, миленькія и жалостливыя.

Минута требовала притомъ *непремѣнно* симпатическаго отношенія къ быту «дикихъ» и въ особенности паѳоса противъ неправаго, философски и исторически, положенія.

Но какъ *симпатія*, такъ и *паѳосъ* бываютъ разныхъ сортовъ — и въ особенности рѣзко отличаются симпатія и паѳосъ врожденныя отъ таковыхъ же, сочиненныхъ искуственно.

Любить извѣстный бытъ, хоть бы народный напримѣръ, тоже можно двояко т. е. или можно любить самый бытъ, какимъ его создали жизнь и исторія — причемъ является непремѣнно любовь къ его типовымъ особенностямъ, кореннымъ чертамъ и пожалуй даже къ самымъ безобразіямъ. Это — широкая любовь, для которой любимое имъ есть святыня, предметъ поученія а не изученія. Этою широкою любовью

Digitized by Google

любилъ напримѣръ народъ и его бытъ Пушкинъ, отчего и создалъ онъ лѣтопись села «Горохина», «Пугача» и «Соломоновъ судъ» капитанши въ «Капитанской дочкѣ», кузнеца въ «Дубровскомъ». Этою любовью любитъ народъ въ его многообразныхъ типахъ Островскій — что и доказываетъ своими многообразными типами. Другаго сорта любовь та, которая все хотѣла вывести изъ дикаго состоянія «Ces bons et malheureux moujiks russes», — сострадательно относясь къ ихъ «невѣжествамъ», «суевѣріямъ» и проч. — сострадательно до поры, до времени, — готовая, конечно для ихъ же блага, исправлять таковыя невѣжества, суевѣрія, закоснѣлости хоть какими угодно мѣрами...

Читали вы напримѣръ наивную исповѣдь одного изъ почтенныхъ собирателей сокровищъ народнаго быта, г. Безсонова, или таковую же и таковаго же, г. П. Рыбникова — помѣщенныя въ «Днѣ», прошлаго года? Труденъ доступъ къ народу и сокровищамъ его души — любителямъ, и боится народъ своихъ *любителей*.

И вѣдь не безъ основанія боится, должно сказать правду. Большая часть любителей — особенно въ бывалую пору — любили въ немъ или «пейзанчиковъ», созданныхъ ихъ узенькимъ воображеньицемъ или *коммуны* и *фаланстеры* — столько же этому быту свойственные какъ коровѣ сѣдло. На глубь его, на его, религіозную, семейную и нравственную подкладку они смотрѣли (нѣкоторые и до сего дня смотрятъ) съ высоты величія, развѣ — развѣ что только снисходя къ ней. Съ существенными и коренными основами его, этого, крайне любимаго ими быта, они находились въ разобщеніи и мудрено ли, что они навязывали быту свои идеальчики, — не понимали его органическихъ явленій, обходили ихъ или растолковывали вкривь и вкось и великодушно желали исправить. Ну что напримѣръ, съ точки зрѣнія такой любви — слѣпые пѣвцы нищіе, столь любимые г. Безсоновымъ? — Шатуны — по политической экономіи — да еще въ добавокъ вредные распространители всяческихъ суевѣрій и безобразій, по ученію бѣлой Арапіи. — Но мало того что они шатуны и еще вредные,—они въ добавокъ еще воры и мошенники, каковыми являются они у Д. В. Григоровича въ его «Переселенцахъ».

Да что Д. В. Григоровичъ. Онъ—въ сущности, по натурѣ своего талантика и по сути своего жанрика, болѣе былъ способенъ уморительно передразнивать, какъ нѣкоторые, смерть мужика напримѣръ, или разсказывать — какъ съ успѣхомъ разсказываютъ другіе — анекдоты о томъ, какъ простой народъ глупъ и какъ бабѣ никакъ нельзя втолковать зачѣмъ «деньги жгутъ, на дворѣ Банка»... Онъ предназначенъ былъ подмѣчать разныя чудѝты и только «по духу времени», а не «по вкусу» занялся — и притомъ, занялся только нарочно, а не взаправду симпатіею и разсказами жалостными о

Digitized by Google

краже пѣгой кобылы... Поэтъ, поэтъ настоящій, поэтъ котораго стихъ

Ударилъ по сердцамъ невѣдомою силой,

поэтъ, способный возвышаться до великаго и чистаго лиризма въ поэмѣ о Волгѣ, Некрасовъ—и тотъ *душегуба* какого то взялъ въ представители обрядовъ на церковное строеніе, — какостную исторію какую то привязалъ къ свадьбѣ простаго человѣка съ простою женщиной, — въ великой эпохѣ народной борьбы увидалъ только гнусную рѣзню какъ нѣчто типическое...

И нельзя иначе. Къ этому великому таланту пристало столько петербургской всякой ржавчины, что ее, какъ говорится, въ семи водахъ не отмоешь. Такъ вѣдь это все таки великій талантъ, который умѣетъ же и вставать порою до высоты и чистоты народнаго міросозерцанія... ну, а Д. В. Григоровичъ... и не падалъ и не вставалъ, а такъ себѣ «стяжалъ мзду свою», — имѣлъ эфемерный успѣхъ и будетъ съ него.

Съ нерешенымъ «творчествомъ«, Д. В. Григоровича мы покончили. Увы! для него въ этомъ отношеніи слишкомъ рано настало потомство!

Но есть, какъ мы сказали уже, другая сторона у Д. В. Григоровича—сторона, въ которой онъ никогда не признавался «превосходствующимъ»—и которая тѣмъ не менѣе, занимаетъ по крайней мѣрѣ треть полнаго собранія его сочиненій, — а если бы въ это полное собраніе включенъ еще былъ романъ, тянувшійся нѣкогда нѣсколько книжекъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»—то пожалуй заняла бы съ половину.

Въ этой части своей дѣятельности Д. В. Григоровичъ является просто, безъ претензій на идеи и симпатіи, разсказчикомъ различныхъ петербургскихъ и губернскихъ сплетенъ—и, признаемся, можетъ быть къ стыду нашему, что эту полосу его «творчества» пересмотрѣли мы съ несравненно бо̀льшимъ удовольствіемъ и съ несравненно же меньшимъ утомленіемъ чѣмъ ту, въ которой онъ признавался нѣкогда «превосходствующимъ». Потому мы говоримъ: къ стыду нашему, что удовольствіе доставляемое такимъ времяпрепровожденіемъ, — въ сущности ужасно пустое и праздное удовольствіе. И это конечно не по причинѣ предметовъ избираемыхъ для разсказовъ писателемъ — а по мелочности таланта, недостаточности глубины анализа и поверхностности или даже низменности отношенія къ предметамъ.

Въ сущности всѣ эти произведенія—слишкомъ длинныя для фельетона и слишкомъ пустыя для повѣстей и разсказовъ — связаны одною задачею. Вездѣ и всюду Д. В. Григоровичъ изображаетъ болѣзнь моральнаго лакейства, свирѣпствующую въ столичномъ или губернскомъ мѣщанствѣ,—тоже что изображалъ покойный И. И. Панаевъ въ фельетонахъ «Новаго поэта» и въ своихъ сатирическихъ разсказахъ; но Панаевъ былъ дѣйствительно замѣчательнымъ наблюдателемъ, вѣрно,

Digitized by Google

жно и не рѣдко даже глубоко захватывающій психическія пружины мелкихъ букашекъ, которыхъ сажалъ на шпильки—и его очерки, въ особенности фельетоны «Новаго поэта» имѣютъ доселѣ свою игру, и — не смотря на свою легкость—будутъ имѣть и послѣ нѣкоторое историческое значеніе. Вѣдь всѣ эти различныя марева петербургской жизни — фешенебельный міръ и бюрократическій міръ чиновничества, особеннаго, почти уже исчезнувшаго — и міръ нежелій — все это было же — и все это схвачено на лету своей эфемерной жизни талантливымъ фельетонистомъ, который хоть и не бегъ знаетъ съ какими глубокими задачами, но все таки вглядывался въ человѣка, уловляя явленія этого марева... Д. В. Григоровичъ просто разсказываетъ похожденія разныхъ хлыщей, живущихъ въ Петербургѣ, въѣзжающихъ въ него или проѣзжающихъ въ провинціяхъ, разсказываетъ съ сластью и зоскомъ, даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ къ г. Бондаревскому и восторгомъ отъ Клоры Петровны или княжны Зизиневой — внутреннее раздѣляя съ поклонами Бондаревскими ихъ глубокое уничтожающее презрѣніе къ не комильфотности Нашатовыхъ, Сенстульниныхъ и другихъ несчастныхъ лицъ; какъ ихъ несчастныхъ, этихъ жертвъ осмѣлившихъ вѣчно стремиться къ одному высшаго общества и никогда не достигать цѣли, но какъ не за пошлость этого стремленія, а именно за отсутствіе идеальнаго начала комильфотности. Бондаревскихъ же и Скавронскихъ конечно не можетъ коснуться ножъ анализа писателя: они разгуливаютъ въ такомъ же недосягаемомъ величіи, какъ разные великосвѣтскіе герои покойныхъ повѣстей графа Сологуба и въ мірѣ погибшихъ романовъ г-жи Евгенія Туръ... Въ контрастъ имъ рисуются разные уроды разныхъ мѣщанскихъ сферъ.

Отъ абсолютнаго нечего дѣлать—все это чинается. Д. В. Григоровичъ—надобно отдать ему справедливость—иногда забавно разсказываетъ.

Но ужъ нисколько не забавенъ эпизодъ изъ романа, который напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ названіемъ «Два генерала». Положимъ, что онъ тутъ «по духу времени, и по любостямъ журнала» перемѣнилъ такимъ, выставилъ хлыща отца, полагающаго всю жизнь въ достодолжномъ пріемѣ какого то важнаго родственника, и, поучающаго родителя, дѣльнаго и умнаго сына — польстивши такимъ образомъ молодому поколѣнію — и съ другой стороны нигилистку съ прорванными чулками выставилъ — угодивши такимъ образомъ Русскому Вѣстнику — но все это ужасно, вяло и скучно, невыносимо вяло и скучно...

Увы! Увы! Увы! Sic transit gloria mundi.

Аполлонъ Григорьевъ.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ ЛѢТОПИСЦА

ІЮЛЬ

Опредѣленіе нигилизма.

Въ іюньской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* находится слѣдующее опредѣленіе нигилизма:

Извѣстно, что ничего бывшаго, ничего сущаго и даже осуществляемаго ортодоксальный нигилистъ признавать хорошимъ не долженъ: онъ обязанъ сочувствовать только тому, чего нѣтъ, стремиться къ тому, что̀ еще возбуждаетъ сильныя сомнѣнія насчотъ своего существованія въ самой утробѣ временъ, особенно къ тому, что не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ своего несуществованія даже и въ этой утробѣ; ибо только этимъ способомъ онъ можетъ улепетывать отъ стрѣлъ, пускаемыхъ въ него здравымъ смысломъ, и только это улепетываніе и поддерживаетъ въ немъ ту рѣзвость фантазіи, при которой становится понятнымъ, почему онъ свои неалюбивые и отчасти даже милые пишпи, посылаемые въ безпредѣльное пространство, считаетъ разрушительными гранатами.

Рѣзкость выраженій этой характеристики вполнѣ выкупается ихъ несомнѣнной меткостію. А вотъ и другое, болѣе серьозное опредѣленіе нигилизма, сдѣланное редакціею *Дня*, № 31.

Нигилизмъ есть естественный, законный, историческій плодъ того *отрицательнаго* отношенія къ жизни, въ которое стала Русская мысль и Русское искусство съ перваго шага своей дѣятельности послѣ Петра. Вспомнимъ, что исторія нашей «литературы» (въ тѣсномъ смыслѣ) на-

Digitized by Google

чинается *сатирой!* Это отрицаніе должно дойдти наконецъ до отрицанія самого себя. Таковъ процессъ нашего общественнаго сознанія и таково историческое оправданіе нигилизма. Въ частности же онъ имѣетъ значеніе протеста, не всегда справедливаго, но полезнаго уже тѣмъ, что съ одной стороны воздерживаетъ отъ примиренія со многою ложью и пошлостію, а съ другой—нападеніями на истину—вызываетъ ея приверженцевъ на болѣе разумную, строгую, критическую ея повѣрку и защиту.

Прибавимъ къ этому, что дѣятельныхъ *приверженцевъ истины* оказывается гораздо меньше, чѣмъ можно бы было желать и надѣяться, и что вообще размѣры явленія указываютъ на неясность и бѣдность формъ той, въ сущности могучей внутренней жизни, къ которой нигилисты ставятъ себя въ отрицательное положеніе.

Въ чемъ заключается верхъ безобразія.

Читалъ я іюньскую книжку «Современника». Я люблю читать «Современникъ», какъ вообще люблю все ясное, опредѣленное, все то, что отчетливо понимаю и къ чему могу поставить себя въ несомнительное и твердое отношеніе. Пріятно мнѣ наблюдать въ «Современникѣ» постоянно веселый и бодрый тонъ, тонъ людей, очевидно довольныхъ собою, ни мало не колеблющихся въ сознаніи своего ума и превосходства. Совершенно ясно мнѣ, какъ отсюда проистекаетъ та постоянная насмѣшливость, которая господствуетъ въ этомъ журналѣ и которая живо напоминаетъ мнѣ рѣчи петербургскихъ чиновниковъ и вообще большинства петербургскихъ людей. Нужно отдать полную справедливость — «Современникъ» есть журналъ петербургскій въ полномъ смыслѣ этого слова. Петербургъ же, какъ извѣстно, есть городъ просвѣщенный и образованный до высочайшей степени. Чтобъ убѣдиться въ этомъ стоитъ только послушать бесѣду его жителей, даже самыхъ маленькихъ, какихъ нибудь титулярныхъ совѣтниковъ или губернскихъ секретарей. Просвѣщеніе необыкновенное! Все-то они пересмѣютъ, все поддѣнутъ на зубокъ, вездѣ найдутъ пятно; чего лучше—многіе глумятся даже надъ строгимъ соблюденіемъ постовъ. Такъ что слушаешь—слушаешь и думаешь себѣ: чортъ возми, какіе однакожъ образованные люди! Какое отсутствіе предразсудковъ!

Вотъ точно также и читая «Современникъ» постоянно чувствуешь, что пишутъ здѣсь люди просвѣщенные, чуждые предразсудковъ и по-

Digitized by Google

тому отлично себя чувствующіе. Но кромѣ этого бодраго и веселаго тона, свидѣтельствующаго о пріятномъ душевномъ настроеніи, я люблю «Современникъ» также за его направленіе. Направленіе это все состоитъ изъ тончайшей гуманности, изъ непрерывныхъ мысленныхъ заботъ о *меньшемъ братѣ*. Правда образъ, въ которомъ представляютъ себѣ этого меньшаго брата писатели «Современника», не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. Голова меньшаго брата наполнена сплошь густою тьмою, въ которой не проглядываетъ ни одного свѣтлаго луча. Сообразительности у меньшаго брата нѣтъ ни капли, особенно если взять въ сравненіе ту высокую сообразительность, какою отличаются писатели «Современника». Сердце меньшаго брата живетъ и движется одними фальшивыми потребностями, напускными и извращенными чувствами. И чтоже? Не смотря на все это «Современникъ» не отрицаетъ у меньшаго брата ни единаго права, никакихъ возможностей и преимуществъ. А именно—главнѣйшимъ и существеннѣйшимъ образомъ по его мнѣнію меньшій братъ имѣетъ право на то, чтобы люди просвѣщенные и образованные очистили его голову отъ хлама предразсудковъ, ее наполняющихъ, и чтобы они изгнали изъ его сердца всѣ фальшивыя и напускныя чувства, которыми одними оно одушевляется. За этимъ главнымъ правомъ слѣдуютъ и всѣ другія права, какія только возможны. Такъ напримѣръ одинъ изъ писателей «Современника» объявилъ однажды весьма твердо и рѣшительно, что каждый нищій имѣетъ право ѣсть такія же кушанья, какія ѣстъ какой-нибудь богатый лакомка, и одѣваться въ такое же платье, какое носитъ какой-нибудь изысканный щеголь. Вотъ какъ далеко простирается гуманность въ направленіи «Современника!»

И такъ я люблю читать «Современникъ»; отъ него такъ и вѣетъ—во первыхъ образованностію, а во вторыхъ гуманностію. Образованность и гуманность, просвѣщеніе и человѣколюбіе—что можетъ быть лучше? Съ такими чувствами я началъ читать въ іюньской книжкѣ «Замѣтки изъ общественной жизни,» новый отдѣлъ, очевидно составляемый писателемъ, который прежде его не составлялъ и можетъ быть даже въ первый разъ выступаетъ на литературное поприще. Я говорю *новый отдѣлъ*, ибо не должно смѣшивать этихъ *замѣтокъ изъ общественной жизни* съ тѣмъ, что называлось просто: *наша общественная жизнь*; замѣтки имѣютъ и болѣе скромное заглавіе, да и печатаются не тѣмъ гордымъ крупнымъ шрифтомъ, какимъ красовалась *наша общественная жизнь*.

*

Digitized by Google

И такъ читаю я *замѣтки*—въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Авторъ разсуждаетъ о пароходахъ и сильно возстаетъ противъ нѣкоторыхъ капитановъ, которые обходятся деспотически, начальнически съ своими пассажирами. Гуманность, подумалъ я, неизвѣнная, неистощимая гуманность!

И вдругъ мнѣ попадается страница, которая нарушаетъ мое благодушное настроеніе, которая отзывается не гуманностію и образованностію, столь мнѣ любезными, а чѣмъ-то совершенно противоположнымъ. Выписываю ее вполнѣ:

«Въ Николаевѣ, на Днѣпрѣ, входитъ въ каюту второго класса пассажиръ въ шляпѣ (*пассажиръ въ шляпѣ*!) Къ нему подходитъ *лакей изъ прислуги* парохода и проситъ снять шляпу, говоря, что *это* правилами парохода не дозволяется. Пассажиръ отвѣчаетъ, что читалъ правила и въ правилахъ этого не видѣлъ, и продолжаетъ сидѣть въ шляпѣ. Лакей идетъ жаловаться капитану. Прибѣгаетъ капитанъ и *прямо* къ пассажиру: «Вы почему не снимаете шляпы?»—«Не хочу.»—«Но правилами парохода требуется, чтобы пассажиры сидѣли въ каютахъ безъ шляпъ.»—«Я читалъ правила и такого не нашелъ.»—«*Но этого правила не было нужно и писать; оно требуется самымъ приличіемъ.*»—«Г. капитанъ, я не мальчикъ, и что прилично, что неприлично—знаю самъ. И вамъ моимъ менторомъ быть въ этомъ случаѣ не приходится. Если же вы хотите, чтобы пассажиры ваши сидѣли безъ шляпъ, то напечатайте объ этомъ въ правилахъ. *Почему вы знаете, можетъ быть если бы такое правило существовало я вовсе не нашолъ бы для себя удобнымъ ѣхать на вашемъ пароходѣ?* Во имя приличія вы, пожалуй, будете требовать, чтобъ я не сидѣлъ въ каютѣ въ сапогахъ.» — «Но, если вы будете почитать себя въ правѣ дѣлать все, что не написано въ правилахъ, то вы начнете, пожалуй, дѣлать Богъ знаетъ что, о чемъ можетъ быть и въ правилахъ написать неловко.»—«А, въ такомъ случаѣ вамъ принесетъ на меня жалобу *общество*, съ которымъ я ѣду, и *по его иниціативѣ* вы получите право быть моимъ судьею. Тогда и за то, что я сижу въ шляпѣ, вы можете осудить меня, если кто принесетъ вамъ на меня жалобу. Но являться ко мнѣ ни съ того ни съ сего съ наставленіями о томъ, что прилично и что неприлично, *давать волю даже лакеямъ* дѣлать мнѣ указанія, какъ я долженъ вести себя,—это, г. капитанъ, какъ хотите, *верхъ безобразія*. И хоть мнѣ никакой нѣтъ пріятности сидѣть въ шляпѣ въ каютѣ, но на досаду вамъ, я буду ѣхать не иначе, какъ въ шляпѣ до самой Одессы. Высаживайте меня за непослушаніе—и будемъ судиться.» Капитанъ увидѣлъ, что *сдѣлъ срибъ* и удалился *сконфуженный*.»

Браво! Молодецъ пассажиръ въ шляпѣ! Натянулъ носъ капитану!

Кто правъ однакоже въ этой удивительной исторіи? Побѣжденный

Digitized by Google

капитанъ, или побѣдоносный пассажиръ? Очевидно, нашъ пассажиръ вошолъ со шляпою на головѣ туда, гдѣ всѣ другіе сидѣли безъ шляпъ; очевидно все это *общество*, и слуги парохода, и самъ капитанъ были твердо увѣрены, что *само приличіе* требуетъ сидѣть въ каютѣ безъ шляпы. Спрашивается, былъ ли совершенно правъ человѣкъ, вздумавшій не соблюдать приличій, признаваемыхъ на пароходѣ?

Но положимъ онъ правъ; въ правилахъ не написано, публика не жалуется, значитъ онъ имѣлъ полное право сидѣть въ шляпѣ. За то же онъ и остался побѣдителемъ въ возникшемъ недоразумѣніи; онъ заставилъ капитана *съѣсть грибъ*, и остался сидѣть въ шляпѣ тамъ, гдѣ другіе сидѣли безъ шляпъ. Если такъ, то на что же онъ жалуется? На то, изволите видѣть, что его обезпокоилъ капитанъ безъ *инициативы общества*. Пуще же всего на то, что къ нему обратился *лакей*. А вѣдь что сдѣлалъ этотъ лакей? Онъ, сказано, *просилъ снять шляпу, говоря, что это правилами парохода не дозволяется*. И только! Но *лакей, лакей!* Этого нашъ баринъ вынести не можетъ; въ этомъ онъ видитъ *верхъ безобразія*. Какъ, восклицаетъ онъ, *давать волю даже лакеямъ дѣлать мнѣ* (очевидно великому барину) *указанія!...*

Ой, какія нехорошія выраженія! Я увѣренъ что на пароходахъ и лакеевъ-то не существуетъ; просто слуги, и словцо это вставлено ради пущаго барства. *Давать волю* тоже старинное выраженіе, замѣчательное своею крѣпостію. Не нужно давать имъ воли ни въ чемъ; стоитъ дать имъ волю, такъ что изъ этого будетъ! Кому не знакомы такія выраженія, такой тонъ?

Этотъ маленькій случай, какъ будто нарочно, переноситъ мою мысль въ Испанію. Оказывается, что и въ Испаніи бываютъ подобные же маленькіе случаи, разумѣется съ нашими русскими путешественниками. Такъ что, если взять въ разсчотъ разстояніе и разнообразіе мѣстъ и обстоятельствъ, то можетъ быть изъ этихъ маленькихъ случаевъ составится и нѣкоторый большой случай.

Дѣло вотъ въ чемъ. По Испаніи путешествуетъ нѣкто *Вадимъ*, нашъ соотечественникъ; свои путевыя впечатлѣнія онъ печатаетъ въ газетѣ «Голосъ». Въ 227 № этой газеты я и прочиталъ разсказъ о маленькомъ происшествіи, которое меня заинтересовало. Путешественникъ говоритъ о томъ, что дѣти въ Испаніи безпрестанно поютъ и даже импровизируютъ, и разсказываетъ свою встрѣчу на улицѣ съ мальчишкою лѣтъ 12-ти.

Digitized by Google

Представьте себѣ смуглую рожицу, съ глазами какъ уголь, съ лохматой головой, подъ ухарски-надѣтымъ маленькимъ sombrero. Увидѣвъ меня, онъ пересталъ пѣть и прыгать и, сдѣлавъ плутовскую печальную рожу, запищалъ:

— Senorico, un chavico. Tengo hambre! Mi padre esta enfermo. Senorico... (Господинчикъ, грошикъ! Я голоденъ. Отецъ боленъ....)

Я *не разнѣжился*, потому что это извѣстная фраза мальчишекъ, которую слышишь разъ двадцать въ день. Едва я прошолъ, *обѣщая ему вмѣсто* chavico—uno paliza, то есть *ударъ трости*, онъ вдругъ захохоталъ и запѣлъ мнѣ въ слѣдъ:

No temo la paliza
Que lo dice usted de risa
Y con sonrisa
Y alejandose de prisa.

—

Не боюсь палки,
Ибо говорите ради смѣха,
И съ улыбкой,
И поспѣшно отходя.

Это, ясно, была импровизація. Я остановился.

Кто *васъ* выучилъ этой пѣснѣ? Сами *вы* ее сочинили, сейчасъ же?

Но импровизаторъ видя, что я возвращаюсь, запрыгалъ снова и перебѣжалъ на другую сторону, *оглядываясь чтобы не получить обѣщанную paliza.*

Напрасно я увѣрялъ его въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и пр.

Словомъ путешественникъ съ большимъ трудомъ добился признанія, что пѣсенка была импровизирована. Ничего нѣтъ мудренаго, что мальчикъ испугался. Гдѣ же бѣдному испанскому мальчику понять то удивительное сочетаніе гуманности и грубости, просвѣщенія и потемокъ, которое нѣтъ — нѣтъ да и выкажется у насъ въ полномъ своемъ блескѣ. Человѣкъ грозитъ ему палкой; но вдругъ разнѣживается при одной *мысли* объ импровизаціи, начинаетъ заговаривать, говоритъ ему *вы* (это *вы*—прелестно! особенно послѣ палки!) и пр. Какъ тутъ не испугаться! Мальчикъ думалъ что это западня, что его хотятъ прибить; а выходитъ не западня, а тончайшее просвѣщеніе, любовь къ импровизаціямъ и къ изученію народной жизни. Но главное: *вы* и *палка*. Обѣ эти противоположности совершенно гармонируютъ одна съ другой у нашихъ путешествующихъ Вадимовъ и въ петербургскомъ «Голосѣ.»

Digitized by Google

Мракъ неизвѣстности.

Начало междоусобія, возникшаго между *Современникомъ* и *Русскимъ Словомъ*, было мною своевременно занесено въ сіи замѣтки. Уже тогда, при самомъ началѣ этихъ громкихъ событій, взволновавшихъ и донынѣ волнующихъ петербургскую журналистику, я выразилъ убѣжденіе, что читателямъ нечего ждать отъ этой полемики, что она ничего не уяснитъ, ничего не разрѣшитъ, ибо нѣтъ въ ней зерна, которое могло бы принести какой либо существенный плодъ. Предсказаніе мое оправдалось самымъ блистательнымъ образомъ. Полгода полемики ничего не принесли, не дали ни единой крупицы пищи для ума и сердца. Была пища только для одного смѣха, да мы нынче что-то не такъ веселы, чтобъ охотно смѣяться.

Тѣмъ не менѣе я, отчасти по обязанности, отчасти по самой невозможности на моемъ мѣстѣ уклониться отъ зрѣлища, прилежно слѣдилъ за этими событіями, ознаменовавшими текущій годъ въ исторіи нашей словесности. Съ той или другой стороны, но зрѣлище могло же представить что нибудь любопытное.

И дѣйствительно, въ настоящую минуту напримѣръ, дѣло имѣетъ самый необыкновенный и странный видъ. Именно, все поле междоусобной битвы вдругъ покрылось непроницаемою завѣсою. Гдѣ, что и какъ, ничего не видно; все окружено глубокимъ мракомъ неизвѣстности.

Всѣ вѣдь знаютъ въ чемъ дѣло. Дѣло въ томъ, расходится ли г. Щедринъ съ «Современникомъ», или не расходится? Дѣйствительно ли онъ сперва не имѣлъ своихъ мыслей, а потомъ откуда-то ихъ набрался? Согласенъ ли «Современникъ» съ тѣмъ, что говорилъ г. Щедринъ противъ романа «Что дѣлать?», или же «Современникъ» не отступаетъ отъ этого романа и потому изгоняетъ г. Щедрина?

Опять повторяю, эти вопросы по моему мнѣнію не имѣютъ ни малѣйшей важности и существенности; но вѣдь въ нихъ и только въ нихъ все дѣло, изъ за нихъ поднялась вся эта буря. И что же? Вдругъ, передъ глазами нетерпѣливой публики рѣшеніе этихъ вопросовъ застилается непроницаемымъ туманомъ. Въ Іюльской книжкѣ «*Современника*» есть по этому поводу двѣ полемическія статьи противъ Эпохи. Чего только тамъ не наговорено! Но о дѣлѣ — ни гугу, ни слова. Мерзкое молчаніе, полный мракъ неизвѣстности.

Digitized by Google

Одна только фраза показалась мнѣ какъ будто слабымъ лучомъ, блеснувшимъ въ этомъ мракѣ. Именно, говоря о полемикѣ съ Эпохой, Современникъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «г. Щедринъ можетъ поступить, какъ ему угодно, или *плевать* на васъ, или отвѣчать вамъ.» Эта фраза, какъ мнѣ показалось, подаетъ нѣкоторую надежду въ пользу г. Щедрина. Въ ней есть нѣчто подобострастное, какъ бы лакейское.

Впрочемъ можетъ быть я слишкомъ тонко толкую слова «Современника» Во всякомъ случаѣ на такія соображенія твердо полагаться нельзя. Ну, я ничего болѣе положительнаго въ статьяхъ нѣтъ, такъ что судьбы нигилистическаго раскола сокрыты въ мракѣ грядущаго.

Кстати скажу ужъ и объ этихъ двухъ статьяхъ. Взятыя сами по себѣ они составляютъ также весьма замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ, стоющее занесенія въ лѣтопись не менѣе, чѣмъ расколъ въ нигилистахъ. По фразѣ, которую я сейчасъ привелъ, читатель уже можетъ судить о тонѣ, которымъ статьи написаны. Тонъ этотъ мнѣ кажется можно вполнѣ изобразить такою рѣчью: «вы насъ бьете по лицу (буквальныя слова одной изъ статей), а мы плюемъ на васъ.» Все это метафоры, читатель, разумѣется метафоры!

Но я вовсе не хотѣлъ сдѣлать замѣтку о смѣлости метафоръ. Тонъ конечно прежде всего бросается въ глаза; но не онъ составляетъ самое замѣчательное въ этихъ статьяхъ. Всего замѣчательнѣе въ нихъ—ихъ совершенное безсиліе, ихъ полная несостоятельность. Отвѣчать на эти полемическія статьи нѣтъ никакой нужды; не настоитъ ни малѣйшей надобности защищаться противъ нихъ; они сами себя побиваютъ, сами собою падаютъ.

Дѣло стоющее нѣкотораго вниманія. Каждый писатель конечно дорожитъ своей литературной и общественной репутаціей; каждому конечно желательно сохранить чистою свою репутацію. Мало того, защищать и оберегать свою репутацію не только желательно, но и должно, но и составляетъ обязанность каждаго. Ибо каждый долженъ дорожить общественнымъ мнѣніемъ, долженъ уважать общество, среди котораго живетъ; а тотъ, кто небрежетъ своею репутаціею, очевидно этимъ мнѣніемъ не дорожитъ и этого общества не уважаетъ.

Что же случается однакоже? Являются вдругъ статьи, наполненныя самыми тяжкими обвиненіями на васъ, всевозможными укорами и обличеніями вашихъ публичныхъ дѣлъ. Казалось бы тутъ-то и защи-

Digitized by Google

щаться; между тѣмъ вы ясно видите, что никакой нужды въ защитѣ нѣтъ. Нападки до того яростны, обвиненія до того притянуты за волоса, преувеличены и спутаны, во всемъ слышно столько злости, столько желанія выбраниться а не сказать дѣло, что первая мысль ваша будетъ: зачѣмъ же тутъ защищаться? Не всякій ли читатель тотчасъ пойметъ, въ чемъ дѣло? Не всякій ли тотчасъ замѣтитъ ярость и преувеличеніе? Нужно же надѣяться и на читателей; необходимо полагаться на ихъ здравое пониманіе. Иначе отвергая эту надежду и опору мы тоже обнаруживаемъ неуваженіе и недовѣріе къ тому обществу, среди котораго дѣйствуемъ и которое насъ судитъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ ставимъ себя въ слишкомъ шаткое и непрочное положеніе.

Такимъ образомъ, если вы не хотите писать чтобы посмѣяться, писать только за тѣмъ, чтобы уколоть вашихъ злыхъ противниковъ, вы получаете полную возможность молчать и заниматься своимъ дѣломъ.

Читатель согласится, что подобныхъ случаевъ не мало въ нашей литературѣ. Люди самые скромные, отнюдь не высокомѣрные молчатъ среди самыхъ жестокихъ публичныхъ порицаній. Къ числу такихъ порицаній, заслуживающихъ полнаго молчанія, принадлежатъ и указанныя статьи «Современника». Признаюсь, я никогда не могъ хладнокровно помириться съ такимъ ходомъ дѣлъ и нахожу его глубоко ненормальнымъ. Важны тутъ не личности, важно значеніе печати, значеніе публичнаго слова. Ужели простительно ронять его до такой степени? Ужели простительно до того его опошлить, что оно теряетъ всякую силу и можетъ быть пропускаемо мимо ушей? Слово, произносимое публично, должно быть слово обдуманное, не легкомысленное, должно носить на себѣ печать искренняго убѣжденія. Тогда оно будетъ имѣть вѣсъ; тогда на его вопросъ каждый почувствуетъ необходимость отвѣчать, противъ его порицанія защищаться, отъ его обвиненія оправдываться. Вотъ къ какому значенію должна стремиться печать и достиженіе этого значенія зависитъ также и отъ самихъ пишущихъ. Вотъ почему становится досадно за литературу, когда вслѣдъ за яростными выходками раздается въ отвѣтъ ненарушимое молчаніе; вотъ почему яростныя выходки вообще есть вещь опасная, скользкая, требующая осторожности и умѣнья. Въ настоящую минуту все чаще и чаще случается слышать, какъ люди, читая выходки такого рода, замѣча-

Digitized by Google

ютъ: мало ли что пишутъ! Бумага все терпитъ! Это очень нехорошее слово, слово обидное для литературы; не нужно, чтобъ объ насъ говорили: мало ли что пишутъ!

Вотъ читатель вся та важность, которую я нашолъ въ фактѣ появленія двухъ полемическихъ статей «*Современника*». Если она не велика, то ты съ меня не взыскивай; я вѣдь лѣтописецъ и притомъ веду не лѣтопись, а замѣтки.

Для меня конечно, какъ для лѣтописца «Эпохи», есть въ этихъ статьяхъ еще одна любопытная черта; но съ общей точки зрѣнія это черта совершенно побочная и маловажная. Дѣло въ томъ, что означенныя статьи очевидно стараются воспользоваться прикрытіемъ постороннихъ обстоятельствъ; воспользовавшись же прикрытіемъ этихъ постороннихъ обстоятельствъ, они употребляютъ всѣ усилія, чтобы совершить дѣло, которое весьма сильно напоминаетъ собою желаніе *утопить человѣка въ ложкѣ воды*. Что касается до меня, то я совершенно убѣжденъ, что и воды-то тутъ вовсе не имѣется. Но имъ почудилось, что есть вода, что хоть на ложку да воды хватитъ; и вотъ они силятся утопить въ этой ложкѣ человѣка. Столь сильное и слѣпое зложелательство, произведетъ конечно на читателей, если они его замѣтятъ, весьма непріятное впечатлѣніе. Но такъ какъ это фактъ весьма обыкновенный и часто повторяющійся; желаніе же, по своей неудобоисполнимости, совершенно безвредно, то, опять повторяю, я не приписываю этому обстоятельству никакой важности, а потому и не стану о немъ распространяться.

Вообще упомянутыя статьи ни для кого не имѣютъ такой важности и силы, какъ для журнала, который помѣстилъ ихъ у себя. Журналъ долженъ чувствовать себя послѣ нихъ весьма не хорошо; онъ вѣроятно будетъ долго ихъ помнить, долго вспоминать о нихъ съ несовсѣмъ покойнымъ настроеніемъ. Ощущеніе это, я полагаю, должно имѣть нѣкоторое сходство съ тѣмъ, о которомъ такъ выразительно говоритъ Гоголь: «невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ не кстати какую-нибудь глупость, однимъ словомъ—не хорошо.»

Г. Троицкій о Тренделенбургѣ.

Тренделенбургъ, профессоръ философіи въ берлинскомъ университе-

Digitized by Google

тетѣ и членъ берлинской академіи наукъ, пользуется у насъ весьма значительною репутаціей. Онъ прославился своимъ сочиненіемъ: *Логическія изслѣдованія* (Logische Untersuchungen), вышедшимъ въ 1840 году. (Второе изданіе въ 1862 г.). Слава объ этихъ изслѣдованіяхъ была такая, что въ нихъ низпровергается система Гегеля; такъ что съ тѣхъ поръ часто можно было встрѣчать фразу такого рода: всякому свѣдущему въ философіи извѣстно, что послѣ Тренделенбурга невозможно уже держаться Гегеля, и пр.

Г. Троицкій есть одинъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, отправленныхъ года два назадъ за границу для приготовленія себя къ профессурѣ въ нашихъ университетахъ. Онъ слушалъ между прочимъ и Тренделенбурга и въ августовской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв., въ своемъ отчетѣ министерству, произноситъ надъ берлинскимъ профессоромъ слѣдующее весьма рѣшительное сужденіе:

Въ своемъ отношеніи къ логикѣ формальной, проф. Тренделенбургъ сходится съ Гегелемъ; вся разница между ними состоитъ въ томъ, что проф. Тренделенбургъ не признаетъ чистаго или творческаго мышленія, производящаго изъ себя бытіе, и всѣ категоріи гегелевой логики (и отчасти философіи природы) выводитъ изъ чистаго или творческаго воззрѣнія.

Въ основаніи этого вывода лежатъ два понятія или, *по мнѣнію проф. Тренделенбурга*, два факта: движенія, какъ дѣятельности, лежащей въ основѣ мышленія, и цѣли, какъ осуществленія божественной мысли о мірѣ.

У Аристотеля, котораго проф. Тренделенбургъ являлся не разъ вѣрнымъ толкователемъ, понятія движенія и цѣли играютъ преобладающую роль, но только въ физикѣ и метафизикѣ; проф. Тренделенбургъ распространяетъ господство этихъ понятій и на логику.

Пространственное движеніе, какъ основная дѣятельность мышленія и бытія, есть понятіе очень давнее; мы застаемъ его въ самомъ младенчествѣ греческой философіи. *Спрашивается: что новаго даетъ въ защиту этой теоріи логика проф. Тренделенбурга?*—Не лучшій ли разборъ мышленія, бытія и движенія?—Но проф. Тренделенбургъ оставляетъ эти коренныя понятія безъ всякаго опредѣленія, какъ простыя и непосредственно извѣстныя предположенія. А пока намъ не дано болѣе глубокое изслѣдованіе мышленія, гипотеза пространственнаго движенія, какъ его сущности, остается неубѣдительною.

Взглядъ проф. Тренделенбурга на мышленіе не отличается глубиною; все содержаніе его ограничивается воззрѣніями и представленіями и ихъ сочетаніемъ и раздѣленіемъ. Спрашивается: неужели сочетаніемъ и раз-

Digitized by Google

дѣленіемъ представленій можно исчерпать всю силу нашей разсудительности, толковости и здравомыслія и все безсиліе тупоумія, легкомыслія и напыщенныхъ взглядовъ? И какимъ образомъ сочетаніе и раздѣленіе представленій есть пространственное движеніе? Я различаю напр. между болью головы и болью груди; въ чемъ же тутъ пространственное движеніе? Или тѣ воспоминанія, которыя хранитъ моя грудь и голова, въ то время какъ я различаю ихъ, спѣшатъ удалиться другъ отъ друга? Но въ такомъ случаѣ требуется доказать, что до того времени они находились гдѣ-нибудь вмѣстѣ, напр. въ какой-нибудь части моей шеи.

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ взгляда проф. Тренделенбурга на мышленіе, и думаемъ, что его логическія изслѣдованія *въ целомъ — почтенная, но неудачная попытка.*

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы не можемъ не признать, что психологическій анализъ воззрѣнія, данный проф. Тренделенбургомъ, показываетъ до очевидности, что критика Канта далеко не рѣшила вопроса объ этой дѣятельности, и его понятія о пространствѣ и времени не выдерживаютъ строгой оцѣнки. Поэтому, не придавая особенной цѣны изслѣдованіямъ проф. Тренделенбурга какъ логикѣ, мы уважаемъ ихъ какъ трудъ поучительный для психолога.

Отзывъ этотъ интересенъ самъ по себѣ, такъ какъ основанъ на тщательномъ изученіи, и касается философскаго явленія, имѣющаго въ настоящее время весьма значительный авторитетъ. Но кромѣ того онъ показался намъ любопытнымъ по нашимъ внутреннимъ, такъ сказать домашнимъ обстоятельствамъ.

Во первыхъ г. Троицкій очевидно ставитъ себя въ положеніе судьи относительно Тренделенбурга; онъ произноситъ ему не похвалу, которая бываетъ также и знакомъ подчиненія, а строгій приговоръ, который подобаетъ только человѣку власть имущему. Между тѣмъ г. Троицкій, какъ и другіе наши молодые ученые, посланъ за границу съ тѣмъ, чтобъ учиться; а этимъ молодымъ ученымъ, посланнымъ для того, чтобы учиться, было сдѣлано въ нашей литературѣ, если помнятъ читатели, строгое наставленіе, чтобъ они вели себя смирно, не пересуживали профессоровъ, у которыхъ учатся, не смѣли бы *упражнять надъ ними своихъ критическихъ способностей* (таково было буквальное выраженіе). И такъ г. Троицкій явно нарушилъ мудрое наставленіе; онъ оказался дерзкимъ вольнодумцемъ.

Трудно однакоже не видѣть, что г. Троицкій совершенно правъ, давая волю своимъ критическимъ способностямъ. Его примѣръ какъ

Digitized by Google

нельзя лучше показываетъ, что бываетъ множество случаевъ, когда русскій молодой ученый не только можетъ, но и необходимо долженъ поставить себя въ положеніе судьи въ отношеніи къ иностраннымъ знаменитостямъ. Смѣшно воздерживаться отъ сужденія, когда для него есть надлежащая сила и основа. Не великій же нѣмецкій профессоръ полонъ недосягаемой мудрости.

Во вторыхъ намъ пришло на мысль вообще отношеніе нашихъ русскихъ людей и нашей русской дѣятельности къ заграничнымъ авторитетамъ. Вотъ г. Троицкій увѣряетъ, что *взглядъ Тренделенбурга на мышленіе не отличается глубиною*. Сужденіе смѣлое, сужденіе, которое предполагаетъ, что г. Троицкій самъ достигъ бо̀льшей глубины во взглядѣ на мышленіе. Мы не находимъ однакоже въ этомъ ничего невѣроятнаго; мы думаемъ, что многіе русскіе люди способны достигнуть гораздо бо̀льшей глубины взгляда, чѣмъ берлинскій профессоръ и академикъ Тренделенбургъ. А между тѣмъ для сколькихъ это покажется страннымъ! Какъ мы привыкли вѣрить превосходству всего нѣмецкаго! Своего мы не цѣнимъ, не обращаемъ на него вниманія, не ставимъ ни во что; чужое же, самое плохое, имѣетъ для насъ какой-то таинственный авторитетъ. Плохую иностранную книгу мы охотно изучаемъ, переведемъ ее на русскій языкъ, будемъ запоминать и разбирать ея мнѣнія; свой же трудъ, хотя бы въ тысячу разъ дѣльнѣе, пропустимъ мимо ушей.

У иностранцевъ дѣло идетъ наоборотъ и въ этомъ великая выгода для ихъ умственнаго движенія. У нихъ все на счету, все цѣнится самымъ точнымъ образомъ. Каждой вершокъ, на который подвинулся нѣмецкій ученый, замѣчается всѣми, и если онъ потомъ не подвинется ни на іоту дальше, его вершокъ все таки за нимъ останется. Отъ этого каждый дорожитъ своимъ вершкомъ, отъ этого тамъ легче и охотнѣе работать. Мы удивляемся иногда ограниченности тѣхъ иностранныхъ людей и книгъ, которые представляютъ однакоже нѣчто значительное въ какомъ-нибудь извѣстномъ отношеніи. Что-же мудренаго? Люди весьма ограниченные легко могутъ произвести что-нибудь значительное, когда чувствуютъ, что окружены общимъ вниманіемъ, что все, въ чемъ они дѣйствительно сдѣлали успѣхъ, будетъ какъ слѣдуетъ оцѣнено, что никакое ихъ усиліе не пропадетъ даромъ. При такихъ условіяхъ скорѣе можно удивляться малопроизводительности европейцевъ; при такихъ условіяхъ казалось бы мы, русскіе чего

Digitized by Google

бы не надѣлали! Профессоръ Троицкій, глубже понимающій мышленіе, чѣмъ профессоръ Тренделенбургъ, написалъ бы можетъ быть что-нибудь получше *Логическихъ изслѣдованій!*

Но глухо и холодно въ нашемъ обществѣ; нѣтъ охоты работать, и много силъ самыхъ прекрасныхъ пропадаетъ даромъ.

Лѣтописецъ.

Digitized by Google

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНІЕ

Въ іюльскомъ номерѣ «Современника» помѣщены двѣ чрезвычайныя статьи, направленныя противъ «Эпохи», очевидно въ отмѣстку моей статьѣ: «*Господинъ Щедринъ или расколъ въ нигилистахъ*» (Эпоха № 5). Одна статья: «*Торжество ерундистовъ*» не подписана, стало быть отъ редакціи; другая: «*Посланье оберъ-стрижу, господину Достоевскому*», подписана псевдонимомъ: «Посторонній сатирикъ» и снабжена слѣдующимъ, весьма замѣчательнымъ примѣчаніемъ редакціи «Современника»:

«Мы рѣшительно не одобряемъ ни черезъ-чуръ рѣзкаго тона этого «посланія», ни его безцеремонныхъ полемическихъ пріемовъ, а печатаемъ его единственно во уваженіе его цѣли, которая дѣйствительно стоитъ того, чтобы *для ея достиженія употребить даже тѣ неодобрительныя средства*, какія употребилъ авторъ посланія». *Ред.*

Это значитъ: «Цѣль оправдываетъ средства»,—правило старинное, всѣмъ извѣстное и въ добавокъ западническое, слѣд. ни съ какой стороны не противорѣчитъ направленію «Современника».

Цѣль эта достигается въ обѣихъ статьяхъ личными ругательствами, но совершенно ужъ прямыми и попреимуществу такими, какихъ еще не бывало въ русской печати,—(«плюнуть на васъ» «дуракова плѣшь» и проч.). Лично-же противъ меня употреблено столько сплетенъ, что отвѣчать на это мнѣ нѣтъ уже никакой возможности, а послѣ теоріи «*неодобрительныхъ средствъ*», такъ простодушно провозглашонной «Соременникомъ», — нѣтъ и надобности (*). Но все таки я не могу не

(*) Въ обѣихъ статьяхъ «Современника» есть только одно серьозное мѣсто: Это знаменитый пунктъ—«о яблокѣ натуральномъ и яблокѣ нарисованномъ»,—составляющій почти всю сущность нигилистическаго воззрѣнія на искусство,

Digitized by Google

сдѣлать, теперь-же, одного заявленія публикѣ, къ которому нахожу себя рѣшительно вынужденнымъ.

Я понимаю, что можно смѣяться надъ болѣзнію какого-нибудь больнаго человѣка, т. е. я этого вовсе не понимаю, но я знаю, что извѣстнаго развитія человѣкъ можетъ сдѣлать это изъ мщенія, въ припадкѣ ужъ очень сильнаго гнѣва. «Посторонній Сатирикъ«, (не знаю кто онъ именно) увѣряетъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи, что знаетъ меня лично. Онъ говоритъ: «Я самъ лично слышалъ отъ отъ меня) такія слова»... и т. д. Значитъ онъ былъ знакомъ со мною, коли разговаривалъ со мной, а можетъ и теперь знакомъ. И такъ, дѣйствительно можетъ быть ему подробно извѣстно, что у меня есть болѣзнь и что я лѣчусь. Знаетъ, можетъ и то, какъ и когда получилъ я болѣзнь и т. д. одкимъ словомъ въ подробности. И вотъ, въ своей статьѣ онъ коритъ меня нѣсколько разъ тѣмъ, что я больной, а въ одной, выставленной имъ каррикатурной сценѣ,—гдѣ я изображонъ лично, смѣется надъ тѣмъ, что я больной. Повторяю, все это возможно въ извѣстномъ человѣкѣ и при извѣстной степени гнѣва, и дивиться тутъ нечему. Но за чтоже онъ доктора-то моего обругалъ?—вотъ чего я рѣшительно не могу понять и каждый день дивлюсь этому.

Вотъ въ чемъ дѣло: «Посторонній сатирикъ», въ одномъ мѣстѣ своей статьи,—(перепечатавъ и присвоивъ себѣ изъ одной моей прошлогодней, полемической статьи противъ г. Щедрина нѣсколько строкъ цѣликомъ, но безъ всякаго обозначенія вводнымъ знакомъ заимствованнаго мѣста)—обращаясь ко мнѣ прямо, лично, съ такими словами:

«Статья ваша точно докторомъ вамъ прописана по рецепту»

вдругъ, ни съ того ни съ сего, прибавляетъ отъ себя:

«И докторъ-то вашъ, видно, такая-же «дуракова плѣшь» (Соврем. Іюль Стр. 158) (*).

Что-же это наконецъ такое? Скажите чѣмъ тутъ виноватъ мой докторъ?

«Современникъ» выказалъ въ своемъ возраженіи всю бѣдность своего пониманія этого вопроса. А между тѣмъ вопросъ слишкомъ важный и мы непремѣнно намѣрены, въ скоромъ времени поговорить о немъ обстоятельнѣе—собственно ради важности вопроса.

(*) Выраженіе: «Дуракова плѣшь» было употреблено однажды прошлаго года, неизвѣстно для какой красы, въ «Современникѣ». Одинъ изъ сотрудниковъ нашихъ, И. Г. Долгомостьевъ, написалъ тогда-же противъ нѣкоторыхъ мнѣній «Современника» научнополемическую статью, нарочно назвалъ ее, пародируя «Современникъ»: «Сказаніе о дураковой плѣши», подписался псевдонимомъ: *Издевъ*, и помѣстилъ ее, прошлаго-же года, въ нашемъ журналѣ. Современникъ, какъ я догадываюсь, приписываетъ эту статью мнѣ, и вотъ почему, при обругиваніи моего доктора употребилъ слово: «дуракова плѣшь» а не другое какое ругательство. Но дѣло не въ ругательномъ словѣ, а для чего ругать моего доктора?

Digitized by Google

Въ журнальномъ спорѣ нашемъ онъ никогда, ничѣмъ,—(вотъ ужъ ровно ничѣмъ!)—не участвовалъ! Въ прежнихъ полемическихъ статьяхъ между нами и «Современникомъ» о немъ никогда не упоминалось, (да и какъ могло упоминаться?) Замѣтьте, что тутъ, въ этихъ чрезвычайно странныхъ словахъ «Посторонняго сатирика», нѣтъ ни малѣйшаго иносказанія: Онъ прямо, лично, упорно обращается въ своей статьѣ ко мнѣ и нѣсколько разъ называетъ меня по имени, говоритъ: «вы... вы, Ѳедоръ Достоевскій», и т. д., нѣсколько разъ повторяетъ это. Тутъ именно разумѣется мой докторъ, тотъ, который меня лѣчитъ. Злость конечно можетъ бывать безпредѣльною, но можетъ-ли она выражаться до такой степени неожиданно?

Я видалъ иногда и знаю, что ругающійся человѣкъ можетъ, если ужь очень золъ, выругать заразъ вмѣстѣ съ вами и кого-нибудь изъ вашихъ родственниковъ: «если и теща есть, такъ чтобъ и тещѣ!» какъ говорится у Гоголя въ комедіи. И потому, еслибъ «Посторонный Сатирикъ» выругалъ за одно со мною кого-нибудь изъ моихъ родственниковъ или родственницъ, то это было-бы хоть сколько-нибудь понятно: они мнѣ родственники, слѣдовательно ужъ тѣмъ и виноваты. Тутъ хоть и безконечно-малая доля какой-то логики, но все-же логики. Но докторъ, докторъ, о которомъ прежде никогда и никто не упоминалъ, который подвернулся потому только что подвернулось слово докторъ,—за что доктора-то? Неужели за то что я и семейство мое пользовались иногда его совѣтами? Какая-же это наивная злость!

Во всемъ этомъ случаѣ меня конечно не злость удивляетъ, (мало-ли какая бываетъ злость!)—но именно вся эта загадочная неосновательность. Ничего не могу отгадать...—Не встрѣчался-ли какъ-нибудь «Посторонній Сатирикъ» съ моимъ докторомъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ, и тотъ, какъ-нибудь въ разговорѣ, чѣмъ-нибудь ему не понравился? И вотъ, выругивая меня теперь, «Посторонній Сатирикъ» можетъ быть вдругъ вспомнилъ, что и тотъ тоже ему не понравился и, чтобы не терять времени и не забыть выругаться, за одно и рѣшился его обругать вмѣстѣ со мной. Тѣмъ болѣе что тотъ меня лечитъ. Прекрасно-съ. Но опять-таки кому не покажется, что въ такомъ случаѣ, естественнѣе было-бы распорядиться особой статьею чтобы было не такъ отрывочно и неожиданно; или покрайней мѣрѣ тутъ-же объяснить чѣмъ-нибудь, хоть двумя-тремя словами въ выноскѣ, для связи, — что вотъ дескать есть и еще человѣкъ, который тоже мнѣ не понравился, а я и забылъ его обругать, такъ ужъ и его тутъ заразъ... Но нѣтъ. «Посторонный Сатирикъ», изругавшись, тутъ-же сейчасъ и забываетъ совсѣмъ моего доктора, совсѣмъ бросаетъ его и уже болѣе не поминаетъ о немъ ни разу, какъ не поминалъ никогда и прежде...

Digitized by Google

За чѣмъ же онъ ругалъ его! Неужели и вправду только за то, что тотъ меня лечитъ? Удивительно!

Редакція «Современника» хоть и упомянула въ своей замѣткѣ, внизу статьи, что не одобряетъ такихъ *безцеремонныхъ* полемическихъ пріемовъ, но очевидно она надѣется что такіе именно пріемы и будутъ ей способствовать къ *достиженію ея цѣли*. Неужели могутъ способствовать? И зачто, зачто, скажите, обругали они совсѣмъ посторонняго человѣка! Ну много-ль имъ изъ этого выгоды?

Ѳедоръ Достоевскій.

Digitized by Google

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПЕРВЫЯ ТРИ НЕДѢЛИ СЕЗОНА

I. Открытіе сезона. Липочка, комедія г. Острогорскаго.

Сезонъ открылся комедіей г. Острогорскаго «Липочка», напечатанной еще въ 1861 г. во «Времени». Эта комедія является на сцену только черезъ *три* года послѣ появленія ея въ печати? Можетъ быть самъ авторъ виноватъ? Не знаемъ. Но нельзя не замѣтить, что такія *странности* повторяются отъ времени до времени. И всегда это случается или съ комедіями Островскаго («Доходное Мѣсто», «Воспитанница», «Свои люди сочтемся»), или съ вещами, хоть сколько нибудь выдающимися изъ обычной колеи нашего репертуара.

Между тѣмъ *иногда* очень важно, чтобы піеса была поставлена во-время, особенно если она не произведеніе чисто-художественное, а бьётъ на вопросъ дня. Такихъ піесъ избѣгать не слѣдуетъ, особенно если онѣ отдѣланы опрятно, хотя бы вопросъ и ставился въ нихъ слишкомъ наголо (какъ напр. въ *Липочкѣ*); на безрыбьи и ракъ рыба. Но этого нѣтъ. И потому, многія піесы теряютъ при несвоевременной постановкѣ; изъ модныхъ они становятся просто скучными.

Это тѣмъ несправедливѣе, что издѣлія гг. Погосскихъ, Дьяченокъ, и прочей братіи не успѣютъ такъ сказать высохнуть,—глядь ужъ и на сценѣ явились. Въ нынѣшнемъ году, по отношенію къ

*

Digitized by Google

нимъ, мы замѣтили прелюбопытное явленіе. Чуть воскресенье, или праздникъ, когда слѣдовательно есть разсчотъ, что въ театрѣ, что ни давай, будетъ много всякаго народа, много *гулящей* публики,— глядь,—на афишѣ красуется какое нибудь изъ подобныхъ произведеній. Преостроумно, право! И волки сыты, и «видимости спасены», какъ говорятъ французы.

О *Липочкѣ* собственно,—распространяться нечего. Г. Васильевъ 2-й изъ роли пьяницы-чиновника съ благороднымъ сердцемъ, сдѣлалъ все, что было можно. Онъ оживилъ это лицо и даже придалъ ему типичность. Роль Липочки исполняла г-жа Нейманъ. Говорятъ, что мы къ ней несправедливы, что она играла, по крайней мѣрѣ эту роль, просто и даже показала «ту искру огня, который зовется талантомъ». Должно быть, искра эта весьма не велика. И добро бы это повѣдала С.-Петербургская Нѣмецкая Газета, фельетонистъ которой столь легкомысленъ, что Острогорскаго съ Островскимъ смѣшалъ, — а то напечатано это въ русской серьозной газетѣ. «Г-жа Нейманъ держала себя просто.» Что за особенное достоинство эта простота? Добро бы она врожденная была, а то эта простота есть по нашему мнѣнію просто новый родъ рутины. Да, ко всевозможнымъ рутинамъ, теперь прибавился новый: простота à la г-жа Снѣткова 3-я. Это была актриса не безъ таланта, хотя мы рѣшительно не понимаемъ тѣхъ голубино-нѣжныхъ воркованій, которыми до сихъ поръ еще угощаютъ нѣкоторые фельетонисты своихъ читателей, по случаю оставленія г-жой Снѣтковой сцены. Мы сказали что она была актриса не безъ таланта; разъ въ жизни онъ сколько нибудь проявился при исполненіи ею роли «Катерины» въ «*Грозѣ*». На сколько ей удалась эта роль,—говорить здѣсь не мѣсто, но дѣло въ томъ, что разъ выучившись *тону*, г-жа Снѣткова уже не могла избавиться отъ него и всѣ роли пѣла на *этотъ* тонъ. Многіе и многія подумали, что вся суть именно въ этомъ тонѣ; пріобрѣсти себѣ тонъ и манеры г-жи Снѣтковой и ладно будетъ и будешь имѣть ты успѣхъ. Къ числу этихъ многихъ принадлежитъ и г-жа Нейманъ. Въ *Липочкѣ* она старалась и ходить, и глазами поводить, и руки на груди складывать, и томно голову на бокъ держать, какъ это дѣлывала г-жа Снѣткова 3-я. Въ этомъ, должно быть, и заключается та «искра того огня, который называется талантомъ». По нашему этотъ огонь называется рутиной. Впрочемъ, толковать объ этомъ много нечего; благо г-жа Нейманъ не кричала и не ломалась? Такая скром-

Digitized by Google

ность похвальна, но она не можетъ назваться скромностью таланта. Пусть себѣ г-жа Нейманъ изображаетъ Липочекъ; надо же отдыхъ давать актрисамъ талантливымъ;—но пусть она откажется отъ того, что ей очевидно не подъ силу, особенно отъ роли Катерины въ *Грозѣ* (*).

Липочка прошла вообще довольно сносно, благодаря игрѣ (о г. Васильевѣ 2-мъ мы уже упоминали) г-жи Линской и г-на Зуброва. Г. Горбуновъ изображалъ лакея и не смотря на всѣ усилія ничего сдѣлать изъ роли не могъ, потому что изъ ничего—ничего и не выйдетъ. Роли этой ему играть не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что есть роли, которыя играть ему слѣдуетъ, а онъ въ нихъ не появляется.

II. Бѣдная Невѣста Островскаго.

Возобновленіемъ *Бѣдной Невѣсты* мы обязаны г-жѣ Брошель; кромѣ нея, роль Марьи Андреевны играть некому, т. е. *рѣшительно* некому. Это говорится на тотъ случай, чтобы не вздумали завести чередовокъ; чтобы не отдали—избави Боже!—этой роли наприм. г-жѣ Нейманъ, для показанія той искры огня и т. д.

Личность самой бѣдной невѣсты, по справедливому замѣчанію Ап. Ал. Григорьева, есть только *задача* глубокаго женскаго характера, а потому актрисѣ исполняющей эту роль предстоитъ великое дѣло: восполнить эту задачу, оживить ее, одѣть плотью и кровью. Есть надъ чѣмъ потрудиться! Въ то же время, малѣйшій пересолъ, нерасчотливость въ веденіи роли,—погубятъ ее. Одна невыдержанность тона, несвоевременный порывъ чувства—и все дѣло пропало. Сыграй напр. актриса сцену 2-го акта, въ саду съ Милашинымъ, слишкомъ патетически—трудно ей будетъ идти crescendo до четвертаго акта, не говоримъ уже о томъ, что слишкомъ рѣзкое выраженіе страсти повредитъ глубинѣ изображаемаго характера.

Такія трудности предстояло побѣдить г-жѣ Брошель. Не забудемъ еще, что это была *первая* большая роль, доставшаяся на долю этой

(*) Очень рады, что подтвержденіе своего мнѣнія о рутинѣ à la Снѣткова 3-я нашли въ «Русской Сценѣ», именно по поводу изображенія Липочки г-жею Нейманъ.

Digitized by Google

даровитой артистки. И г-жу Брошель можно поздравить съ побѣдой. По первымъ двумъ актамъ мы боялись за г-жу Брошель и только въ четвертомъ убѣдились, что играя ихъ необыкновенно сдержанно, она доказала несомнѣнное художественное чутье. Въ первыхъ двухъ она была слаба и по другимъ причинамъ, которыя мы объяснимъ ниже. Но за то четвертый актъ былъ истиннымъ торжествомъ г-жи Брошель. Эта постепенность веденія роли, это горе, которое становится все горше, все безутѣшнѣй, этотъ надорванный голосъ—объ этомъ можно говорить съ серьезной похвалой! Да, большой талантъ обнаружился въ этомъ четвертомъ дѣйствіи. Та «умѣренность», которую рекомендуетъ принцъ Гамлетъ актеру, и «которую, по его словамъ, долженъ *пріобрѣсти* и *рождать*» всякій актеръ во время осуществленія замысла поэта, которая придаетъ «кротость самому потоку, бурѣ и такъ сказать урагану страсти»,—этой умѣренностью, говоримъ мы, свойственной только большимъ талантамъ, обладаетъ и г-жа Брошель. О, мы можемъ вообразить себѣ какъ бы играли роль Марьи Андреевны наши заслуженныя артистки въ родѣ г-жи Ѳедоровой! Знаемъ какими ломаніями и кривляніями сопровождалась бы сцена истерики и игры въ карты. Пусть *безпристрастные* фельетонисты упрекнутъ театральное обозрѣніе «Эпохи» въ новомъ увлеченіи. Что дѣлать... Ужъ несчастіе у насъ такое увлекаться талантами.

Да, истинно прекрасна была г-жа Брошель въ четвертомъ актѣ. Одинъ голосъ чего стоитъ, этотъ задушевный контральтъ, отъ котораго въ душѣ накипаютъ слезы! Это энергическое и выразительное лицо? Особенной красотой поражаетъ оно въ нѣкоторыхъ сценахъ; живой, сердечной красотой, если такъ можно выразиться!

Талантъ г-жи Брошель растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ Пушкинской «Русалкѣ» еще много не доставало ей со стороны чисто внѣшняго исполненія роли; въ «Бѣдной Невѣстѣ» эти недостатки побѣждены. Ни одной рутинной ноты, ни одного заучоннаго движенія. И то сказать, что «Русалка» можетъ быть только *вѣнцомъ* созданія актрисы опытной, и не подъ силу—актрисѣ начинающей.

И такъ, г-жѣ Брошель остается только идти впередъ. Мы не станемъ, подобно нѣкоторымъ, отговариваться, что г-жа Брошель еще дебютантка; для насъ она актриса серьозная; болѣе,—единственная вполнѣ серьозная женьпремьерка (выражаясь на варварскомъ театральномъ жаргонѣ) и потому мы обращаемся къ ней съ требованіями серьоз-

Digitized by Google

ными. Мы видѣли въ исполненіи роли Марьи Андреевны горячее, неподдѣльное, молодое чувство; мы видѣли умъ, но этого еще мало. «Чего-жъ вы еще хотите?» спросятъ насъ. Мы хотимъ *бездѣлицы*, можетъ быть по вашему, а по нашему главной задачи театральнаго искусства, мы хотимъ живаго лица, типа. «Но г-жа Брошель еще такъ молода, это со временемъ еще придетъ»! Дай Богъ! Но тѣмъ неменѣе этотъ недостатокъ г-жи Брошель мы высказываемъ прямо и конечно это обусловливается нашимъ глубокимъ уваженіемъ къ ея прекрасному дарованію.

Марья Андреевна, какъ мы сказали выше, есть задача глубокаго характера: сильной, умной и высоконравственной женщины. Это выступаетъ особенно въ пятомъ актѣ. Говорятъ этотъ актъ лишній; дѣйствіе оканчивается въ четвертомъ. Но что-бы была Марья Андреевна безъ этого пятаго акта? Какая глубокая задача была положена авторомъ? Вѣдь это была-бы просто обыкновенная дѣвушка, ничего особеннаго въ себѣ не заключающая. Пала-ли она передъ бѣдой, или нѣтъ? Убиты-ли ее нравственныя силы или хотятъ найти себѣ исходъ? Неужели рѣшеніе этихъ вопросовъ лишнее дѣло? Въ томъ то и дѣло, что она не пала, что несчастіе не ослѣпило ее, что оно породило въ ней

Иныя строгія заботы,
Иныя строгія мечты.

Изъ дѣвушки доброй и увлекавшейся Меричемъ, (но увлекавшейся потому, что нечѣмъ и не кѣмъ было ей больше увлечься; потому что молодыя, богатыя силы просились наружу), она становится женщиной. И эта женщина вноситъ весь свой пылъ, всю свою страсть въ стремленіе сдѣлать изъ Беневоленскаго человѣка. Она выростаетъ; ее узнать нельзя; она иначе говоритъ, иначе смотритъ; она полна великости своей задачи. «Не онъ, такъ дѣти», утѣшаетъ она себя сама. И эта женщина, эта полная самоотверженія и любви женщина, не такъ рѣдко встрѣчается въ русской жизни, какъ вы думаете. И вездѣ она встрѣчается, *во всѣхъ классахъ*, и *ею крѣпка наша русская семья*. Вы улыбаетесь? «Какъ это благородно съ вашей стороны!» отвѣтимъ мы вмѣстѣ съ Марьей Андреевной и вмѣстѣ съ Добротворскимъ утѣшимъ ее тѣмъ «что звѣри лютые—и тѣ укрощаются».

Такъ понимаетъ и такъ исполняетъ эту задачу, помѣченную ав-

Digitized by Google

торомъ, геніальная русская актриса К. В. Васильева въ Москвѣ. А такъ-ли поняла эту роль г-жа Брошель? Нѣтъ, у нея пятый актъ вышелъ слабъ, вышелъ лишнимъ. Голосъ Марьи Андреевны долженъ звучать тутъ смѣло и сознательно; уже не слышно въ немъ тѣхъ надорванныхъ нотъ, что въ четвертомъ актѣ, и горе, охватывающее ее въ концѣ, сильнѣе и глубже прежняго. И предчувствіе этого, возможность этого, должна быть ясна въ исполненіи всей роли.

Вотъ къ чему должна стремиться г-жа Брошель. «Неумѣренныя требованія»! Пусть неумѣренныя! Думаемъ, что даровитая артистка не посѣтуетъ на насъ за эту неумѣренность.

Попытку на созданіе живого лица мы замѣтили у г-жи Брошель при исполненіи ею роли Даши въ «Мишурѣ».

Именно въ началѣ, при первомъ появленіи Даши на сцену, но дальше ничего не вышло. А не вышло потому, что изъ ничего—ничего не сдѣлаешь и конечно актриса вездѣ была выше автора. (Да и вообще скучную «Мишуру» актеры гг. Шумскій, Васильевъ 2-й, Зубровъ, Сосницкій, Малышевъ и г-жи Брошель и Александрова 1-я вынесли, что говорится, на плечахъ).

Что значитъ живое лицо, типъ—г-жа Брошель можетъ видѣть въ исполненіи г-жой Линской ролей старой Кабанихи, и Лукерьи Даниловны и Василисы Перегриновны. Вѣдь этихъ образовъ, созданныхъ высокодаровитой актрисой, во вѣкъ не забудешь. Что касается до исполненія роли Хорьковой,—то исполненіе г-жи Линской было слабо. Правда, у Островскаго это лицо очерчено не ясно, но г-жѣ Линской слѣдовало, по нашему, основаться не на одномъ только: что Хорькова «женщина хотя необразованная, но чувства имѣетъ деликатныя и можно даже сказать облагороженныя», а на любви къ сыну. «Вѣдь любятъ»! какъ говоритъ самъ Хорьковъ.

Да что далеко ходить, въ той-же Бѣдной Невѣстѣ г-нъ П. Васильевъ создалъ изъ Милашина *лицо* въ высшей степени комическое и типическое. Это надутое, глупое самодовольное лицо, это неугомонное задорное самолюбіе, ни на чемъ неоснованное, это неумѣстное сованіе носа во все гдѣ его не спрашиваютъ,—неужели это не лицо, не типъ? Вѣдь такіе типы создаютъ только геніальные актеры; вѣдь такъ выдерживаютъ до конца роль только немногіе избранные.

Вспомните его послѣдній монологъ, вспомните, какъ онъ бросалъ «злостные» взгляды на Беневоленскаго! Вѣдь это лицо до того глубоко задумано П. В. Васильевымъ, что невольно спрашиваешь себя:

Digitized by Google

«кто изъ насъ, хоть разъ въ жизни, не былъ Милашинымъ»? И это игралъ актеръ, который такъ трагически хорошъ въ Львѣ Красновѣ.

А сцена игры въ карты! *Новый* театральный обозрѣватель «Голоса», начало дѣятельности котораго мы отъ души привѣтствуемъ, прекрасно замѣтилъ, что эта сцена обязана успѣхомъ не одной г-жѣ Брошель, но и г. Васильеву 2-му. Да, эта сцена производитъ впечатлѣніе дуэта хорошо разучённаго; П. Васильевъ оттѣнялъ необыкновенно искусно игру г-жи Брошель. Эта «милашинская» грусть, эта ложная печаль (ложная, по возможности основнаго чувства, хотя и дѣйствительно чувства) была передана превосходно. Вотъ что значитъ создавать типы; не-бось, не сбился актеръ; есть у него сердечныя, трагическія ноты; страсть главное основаніе его таланта, и эту-же страсть онъ можетъ заставить служить отрицательно; на-ровнѣ съ глубокопотрясающими нотами, онъ умѣетъ извлекать и глубоко-комическія!

Г-жа Брошель, снова возвращаемая къ ней, изъ этого примѣра можетъ наглядно понять чего именно мы отъ нея требуемъ. И вотъ что еще: ей необходимо надо по возможности разнообразить свой репертуаръ. Отчего-бы ей не попробовать напр. сыграть роль Полины въ «Доходномъ Мѣстѣ»? Пора, наконецъ, бросить рутинныя дѣленія амплуа; пора раздѣлять роли по внутреннимъ свойствамъ талантовъ, а не по внѣшнимъ ерлыкамъ рутины. Сія рутина причиной того, что роль Полины напр. полагается на долю водевильныхъ канареекъ. Вѣдь не на Лизахъ-же Ѳоминыхъ, не на мишурныхъ Дашахъ, не на роляхъ болотнаго репертуара развиваться молодому, сильному дарованію! Тѣмъ, что будешь участвовать въ «Танѣ» не далеко уйдешь.

Г-нъ Малышевъ исполненіемъ роли Хорькова показалъ, что идетъ впередъ. Роль, скажемъ откровенно, исполнена не удовлетворительно; актеръ былъ ниже роли. Но намъ дорого то, что въ четвертомъ актѣ звучали настоящія ноты, хотя и въ перемѣжку съ ложными. Нѣкоторое было произнесено вполнѣ прекрасно. Еще болѣе понравился намъ г. Малышевъ въ Мишурѣ, въ роли молодого Зайчикова. Эту роль игралъ онъ вполнѣ просто и высказалъ много неподдѣльнаго чувства.

За то другая *нѣкогда надежда* нашей сцены, г. Нильскій, чѣмъ дальше, тѣмъ становится плоше. И счастье еще, что порой онъ бываетъ не въ ударѣ, играетъ блѣдно, и чувствій своихъ не высказываетъ. А то просто хоть изъ театра бѣги вонъ. Нѣкоторые находятъ, что г. Нильскій играя дурно роли, подобныя роли «Мерича», возбуждаетъ къ симъ персонажамъ отвращеніе и симъ приноситъ нѣкоторую

Digitized by Google

моральную пользу. Мы не изъ числа такихъ утилитарныхъ моралистовъ. Г-нъ Нильскій изображалъ, конечно, того «миленькаго штатскаго», къ изображенію котораго онъ такъ привыкъ. Но въ такого молодца развѣ старуха Уланбекова влюбиться можетъ, а никакъ не Марья Андреевна.

Г-жа Громова (мать) и г-жи Волкова и Рамазанова — дѣла не портили и играли вообще весьма удовлетворительно, но за то г. Шемаевъ въ роли Добротворскаго былъ зѣло неудовлетворителенъ, какъ вообще во всѣхъ исполняемыхъ имъ ролях. Г-нъ Шемаевъ актеръ по неволѣ; потому что окончилъ курсъ въ театральномъ училищѣ. Игралъ онъ, конечно, безцвѣтно,—но и этого *довольно*. Какъ довольно? Да такъ. Вообразите, что роль Добротворскаго игралъ-бы г. Бурдинъ, или г. Яблочкинъ, или г. Марковецкій,—Боже, какого трагизма напустили-бы они! Особенно въ концѣ третьяго акта. Увы! наша труппа столь небогата что счастье если роль занимаетъ скромная бездарность.

Роль Беневоленскаго игралъ г. Зубровъ, и во 2-мъ актѣ не безъ успѣха, — но въ пятомъ ясно обнаруживалъ, что роль имъ совершенно необдумана. Г. Зубровъ схватилъ одну внѣшнюю комичность и вышелъ Беневоленскій однимъ изъ подставныхъ жениховъ нашихъ драматуровъ. А на Островскаго въ этомъ случаѣ пожаловаться нельзя: онъ очертилъ Беневоленскаго съ разныхъ сторонъ. Онъ показалъ, что его любили; онъ показалъ, что Марья Андреевна нѣкоторое вліяніе начинаетъ имѣть на этого «звѣря лютаго»; онъ показалъ, что умомъ добился всего этотъ секретарь, что трудную и тяжолую жизнь велъ и имѣетъ право, по своему, гордиться этимъ. Ни одна изъ этихъ чертъ не была принята въ соображеніе г. Зубровымъ; даже солидности въ немъ не было; солидности, которая такъ комически разъигрывается въ желаніи поучиться танцовать, чтобы не имѣть никакихъ недостатковъ. Вотъ еще одна изъ причинъ почему пятый актъ показался лишнимъ. Особенно непростительно это такому умному актеру, какъ г-нъ Зубровъ.

А Дуня, спросите вы? Дуни—увы!—не было. Мы уже не разъ упоминали, что театральное приличіе не дозволяетъ поэтическимъ созданіямъ появляться на сценѣ александрынскаго театра. Въ Отелло вычеркивается Бьянка; въ Царской Невѣстѣ портится роль Любаши. Неприлично, согласитесь сами, неприлично. Вѣдь во всѣхъ этихъ личностяхъ есть поэзія, есть жизнь; вѣдь они съ любовью, съ горячей любовью очерчены поэтами. Нѣтъ—съ. Не прилично. Но въ Москвѣ

Digitized by Google

была-же Дуня? То въ Москвѣ; тамъ другое дѣло, то городъ русскій, не цивилизованный, простой. А у насъ образованіе, цивилизація—съ, *парке* и *сосьете*, какъ говоритъ гоголевская чуйка въ Разъѣздѣ. У насъ за то канканъ въ «Десяти Невѣстахъ», у насъ за то камеліи г-на Дьяченко, камеліи г-на С. Соловьева; у насъ за то сцена соблазна въ «Друзьяхъ — Пріятеляхъ». Вотъ наша поэзія, вотъ наши «загулявшія» женщины! И мы довольны. И наша критика довольна. Ну, кто изъ нашихъ театральныхъ обозрѣвателей, кромѣ вашего покорнѣйшаго слуги, обратитъ вниманіе на такую *мелочь?* Въ газетахъ и не упомянули даже объ этомъ. Да и стоитъ-ли? Вѣдь у насъ *фельетонъ* собственно. Гдѣ намъ театромъ серьозно заниматься? Намъ надо поговорить о скачкахъ, съ восторгомъ разсказать какъ гнѣдой жеребецъ оставилъ за флагомъ сѣрую кобылу; мы съ восхищеніемъ говоримъ о статьяхъ скаковыхъ и рысистыхъ лошадей, и если останется мѣсто въ фельетонѣ, то мы проведемъ черту и напишемъ: Теперь о театрѣ. И начнемъ съ тѣмъ-же жаромъ и одушевленіемъ, какъ о скачкахъ, говорить и о театрѣ.

Да и чего, скажутъ намъ, вы выдумали, что театромъ надо заниматься серьозно, что это дѣло народное? Мы о народномъ театрѣ не прочь потолковать, но въ качествѣ просвѣтителей грубой массы, въ качествѣ patres conscripti; въ качествѣ, наконецъ, людей читавшихъ французскія и всякія другія брошюры.

Въ Петербургѣ театръ развлеченіе, какъ скачки, какъ фейерверкъ. А теперь еще г. Блонденъ, его *аттическія* позы на канатѣ, его значеніе во всемірной исторіи! Мы смотримъ на театръ съ точки зрѣнія петербургскихъ дамъ (дамъ милыхъ и очаровательныхъ, но нѣсколько... Какъ бы это такъ сказать... Ну, однимъ словомъ милыхъ и очаровательныхъ); мы такъ, отъ скуки ходимъ въ театръ. О серьозныхъ требованіяхъ жизни мы мастера поговорить, потому это мода. А о театрѣ серьозное говорить? Избави Боже. Все серьозное, да серьозное, это наконецъ скучно. Но взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Выставивъ своею задачею народный, серьезный театръ,—мы должны напоминать объ этомъ; должны бороться противъ театральнаго дилетантизма, противъ легкомысленныхъ отзывовъ о театрѣ. Не пропащее-ли это дѣло?

Ну, кто подумалъ о Дунѣ? Кто заступался за нее? Кому жаль, что эта роль вычеркнута? Что черезъ это теряетъ пятый актъ «Бѣд-

Digitized by Google

ной Невѣсты»? Кромѣ насъ, объ этомъ пожалѣетъ развѣ та талантливая актриса, у которой такимъ образомъ отнята одна изъ лучшихъ ролей.

Еще не мало способствовало неуспѣху пятаго акта—нетипичность лицъ являвшихся смотрѣть свадьбу (развѣ кромѣ барышень), этого своеобразнаго русскаго хора. Обставить это вовсе не мудреное дѣло; тутъ можно и даже должно выучить исполнителей тону. Это дѣло г. режиссера, но г. Вороновъ, какъ видно, на это не мастеръ. Ну, отчего г. Горбуновъ не является въ пятомъ актѣ, напр. въ роли одного изъ молодцовъ? Вѣдь играетъ онъ лакея въ «Липочкѣ»—а роль тамъ ему пустая, нисколько не типическая, и сдѣлать изъ нея онъ ничего не можетъ.

Изъ этого разбора читатель видитъ, что хотя, по видимому, «Бѣдная Невѣста» обставлена хорошо, но въ сущности это случайность, игра отдѣльныхъ актеровъ, а обстановки-то не было. Обстановка важное дѣло.

III. Шумскій въ Петербургѣ.

Шумскій въ Петербургѣ—и наша критика оживилась; появились подробные разборы его игры; мы стали ходить въ театръ. Наша критика, являющаяся обыкновенно единственно на бенефисы, за матеріалами для фельетона,—посѣщаетъ прилежно театръ. Радуетъ-ли насъ это оживленіе? Нисколько. Это все искусственное возбужденіе.

Для Шумскаго забывается все. Въ «Голосѣ» намеки на г. Самойлова, именно что онъ плохой актеръ. Въ «Сынѣ Отечества» — намеки въ другую сторону.

Остановимся на минуту на этомъ. Мы уже упомянули, что въ «Голосѣ»—новый театральный обозрѣватель. Это видно по тону. Мы конечно рады, что избавлены отъ чтенія произведеній прежнихъ театральныхъ обозрѣвателей «Голоса».

И такъ, сочувственно встрѣчая дѣятельность *новаго* фельетониста, мы прямо выскажемъ о немъ наше мнѣніе. Съ одной стороны онъ явилъ строгость непомѣрную, съ другой мы боимся, что къ театральной рутинѣ онъ будетъ относиться снисходительно, что онъ будетъ напр. сквозь пальцы смотрѣть на бенгалику г—на Бурдина на томъ основаніи, что «онъ у насъ одинъ». Преслѣдовать надо эту

Digitized by Google

рутину; въѣдается она во все, тормозитъ театральное дѣло. Строгость дѣлу хорошее, да не совсѣмъ. Кчему такъ строго и пренебрежительно смотрѣть на г-на Самойлова? Ужъ будто онъ и безъ таланта? Будто въ немъ погибель нашей сцены? Что за кавалерскія отношенія! Къ чему въ тоже время не назвать его прямо, по имени, а ограничиться намекомъ? И будто ужъ никто изъ игравшихъ съ Шумскимъ не стоитъ разбора? И П. В. Васильевъ въ роли напр. хоть Расплюева? Строгость ужасная! Эпитеты «пошлѣйшій» и тому подобные такъ и летятъ (*).

Увы! *вообще* отношенія нашей критики къ театру ужасно внѣшнія. Ну, постаралась-ли критика, напримѣръ, опредѣлить сущность и свойства огромнаго таланта, г. Шумскаго? Ничуть. Все что мы читали ограничивается тѣмъ, что Щумскій *умный* и *талантливый* актеръ. Но къ кому нельзя примѣнить этихъ эпитетовъ. Почти ко всѣмъ актерамъ выдающимся изъ общей среды. Опредѣляется-ли этимъ не только сущность, но даже объемъ таланта?

Постараемся, по мѣрѣ силъ, опредѣлить свойства таланта г. Шумскаго. Необыкновенная обдуманность, простота и благородство движеній, звучный, обработанный голосъ, тонкая расчетливость въ веденіи роли, вѣрность задуманному типу до конца и нѣкоторая холодность въ исполненіи, которая является иногда неизбѣжно, какъ слѣдствіе расчотливой сдержанности — таковы, по нашему мнѣнію, главныя основы дарованія Шумскаго. Игра Шумскаго никогда не поражаетъ съ перваго взгляда, какъ всякая необыкновенно умная игра; Шумскій постоянно хочетъ постепенно раскрывать роль, развертывать свои силы все больше и больше; въ послѣднемъ актѣ ярче и очевиднѣе представить тѣ черты, которыя намѣчены въ первомъ. Иногда это поразительно: таковъ онъ именно въ Кречинскомъ, лучшей его роли по исполненію. Въ первомъ актѣ, его отношенія къ Лидочкѣ просто

(*) Этотъ эпитетъ приложилъ между прочимъ фельтонистъ и къ комедіи покойнаго М. М. Достоевскаго «Старшая и Меньшая». Мы сами знаемъ, что она не великое произведеніе, да и покойный авторъ никогда не считалъ ее серьознымъ дѣломъ. Надо помнить время ея появленія. Она явилась вмѣстѣ съ комедіями Дружинина, вмѣстѣ съ Провинціалкой. Тонкій анализъ составлялъ тогда задачу подобнаго рода произведеній; то, что покойный Панаевъ называлъ *финесами*. Эта тонкость проявляется въ характерѣ «Меньшой» (чего не поняла г-жа Денисова) и Кубышкина, что понялъ г. Шумскій и проявляется вовсе не хуже, чѣмъ напримѣръ у г. Дружинина и другихъ.

Digitized by Google

любезны; онъ ей желаетъ нравиться внѣшними пріемами, внѣшними блестками ума; но въ тоже время видно, что за этимъ кроется что-то болѣе привлекательное для женщины. Во второмъ: онъ въ плохихъ обстоятельствахъ, опустился, но энергія и умъ, нашедшій себѣ исходъ въ плутовствѣ, несовсѣмъ покинули его. И какъ онъ оживляется въ концѣ! Но при всемъ томъ внѣшніе, условные пріемы барства не покидаютъ его; онъ не забывается отъ радости; онъ по прежнему холодно вѣжливъ; прежде всего и паче всего—онъ человѣкъ высшаго общества; всесовершенный comme il faut. Въ третьемъ актѣ Кречинскій является въ полномъ блескѣ; у Лидочки онъ затрогиваетъ самыя нѣжныя струны; змѣемъ-искусителемъ смотритъ онъ, когда спрашиваетъ: «гдѣ бьется?» А какая энергія просыпается въ немъ, когда является Нелькинъ. Какъ благородно, въ тоже время какъ прилично онъ негодуетъ! Въ игрѣ Шумскаго становится понятнымъ поступокъ Лидочки и слова: «опять женщина!»

Если роль Кречинскаго замѣчательнѣйшая по исполненію, то для опредѣленія объема Шумскаго таланта очень важна роль Жадова, которую по мнѣнію нѣкоторыхъ ему вовсе играть не слѣдовало. О Жадовѣ толковали много, но правильнаго взгляда, какъ кажется, еще никто не высказывалъ. Жадова разсматриваютъ какъ попытку Островскаго создать положительный типъ. Задача Островскаго была поглубже: онъ хотѣлъ изобразить слабаго человѣка, «сердце котораго размягчено образованіемъ», по его собственнымъ словамъ, въ столкновеніи съ *орлами* стараго чиновничества. Задача жизненная, а не головная, хотя и неудавшаяся автору. Громкія фразы о гражданской доблести, по случаю Жадова раздающіяся еще до сихъ поръ, по нашему, крайне смѣшны и доказываютъ, что Жадовъ меньше фразёръ, чѣмъ тѣ, которые столь яро нападаютъ на него за фразёрство. Что-же слѣдовало сдѣлать актеру? Понять задачу автора и по возможности восполнить ее. Такъ и поступилъ Шумскій. Тѣ, которые хотѣли видѣть въ Жадовѣ фразёра — конечно остались недовольны игрою Шумскаго. У Шумскаго Жадовъ явился именно слабымъ, но мягкосердечнымъ человѣкомъ. Это было ясно вездѣ. Онъ не говорилъ громко, не забрасывалъ словами; скорѣй напротивъ было очевидно, что онъ не можетъ передать того, что чувствуетъ. Онъ мягкій человѣкъ; какой-то необыкновенной кротостью, переходящей въ слабость, дышутъ его отношенія къ Полинѣ. Привязанность къ Полинѣ на первомъ планѣ; онъ и Полинѣ совѣтуетъ руководиться влеченіями сердца. Это было

Digitized by Google

основнымъ мотивомъ Жадова-Шумскаго. Оттого онъ не кричалъ въ пятомъ актѣ; заключительная рѣчь его не была грозной филиппикой.. Оттого онъ такъ глубоко понялъ значеніе третьяго акта. Безъ сомнѣнія, самыя сердечныя ноты, звучавшія когда-либо изъ устъ Шумскаго, звучали именно здѣсь. Какой глубокій смыслъ онъ придалъ этимъ заключительнымъ словамъ; слезами звучали они, эти «Лучина, лучинушка, березовая!» Да, какъ лучинушка не ясно горитъ и не вспыхиваетъ, — такъ не горятъ думы, не вспыхиваетъ энергія у этого слабаго человѣка. Кто умѣетъ такъ понимать роль, кто умѣетъ придавать такое глубокое значеніе сценѣ, — про того нельзя сказать, чтобъ ему не слѣдовало играть роли Жадова. Мы понимаемъ почему г. Шумскій игралъ эту роль дважды. Мы не знали-бы, безъ этой роли, къ какой задушевности способенъ этотъ актеръ! А неужто задушевность малое свойство? Не ее-ли мы должны цѣнить въ актерѣ выше всего?

Высокой и тонкой игрѣ Шумскаго въ Жадовѣ недоставало обстановки. Ну какой орелъ г. Григорьевъ? Какой онъ баринъ въ Вышневскомъ? Во всемъ сквозитъ его единственно годная спеціальность: играть отставныхъ солдатъ. Роль Юсова, какъ извѣстно, совершенно не въ средствахъ П. Васильева. Онъ играетъ ее потому, что другіе, создавая, будутъ несноснѣе, чѣмъ онъ, плохо исполняя эту роль. А если-бъ у насъ былъ актеръ, какъ Садовскій, для подобныхъ типовъ. А еслибы П. Васильевъ игралъ, какъ ему и слѣдуетъ, Досужева! Какъ-бы тогда вышла сцена въ трактирѣ! Но «замѣчательнаго юриста и веселаго человѣка» играетъ г. Горбуновъ, и играетъ безцвѣтно, но это еще слава Богу, а то взялся эту роль играть г. Озеровъ. Начиталъ онъ гдѣ нибудь вѣроятно, что положеніе Досужева одно изъ трагическихъ и вздумалъ изобразить его трагически, т. е. по-просту пустилъ въ ходъ трагическое ржаніе. Мало этого, передавая рѣчи московскихъ купчихъ, онъ напиралъ въ выговорѣ на *о*. Скоро ли это *о* выведется! Въ отношеніяхъ Жадова-Шумскаго къ Полинѣ также не доставало поддержки со стороны актрисы. Г-жа Подобѣдова 2-я вездѣ одинакова и вездѣ говоритъ заучонымъ тономъ, также какъ и г-жа Денисова, игравшая Юленьку, и которая очевидно начинаетъ поглощать роли. Является она часто, и вездѣ одинаково плоха и безцвѣтна. Роль Юленьки играла прежде, сошедшая со сцены, г-жа Спорова; играла, правда, грубовато и рѣзко, но не безъ таланта. Есть актрисы на эту роль поталантливѣе г-жи Денисовой,

Digitized by Google

напр. г-жа Стрѣльская. Чтобъ оцѣнить по достоинству г-жъ Денисову и Подобѣдову 2, стоитъ походить по любительскимъ спектаклямъ. Тамъ въ водевиляхъ, часто являются воспитанницы—экстерны театральнаго училища. И говорятъ они тѣмъ-же тономъ, какъ двѣ названныя актрисы, и держатъ себя также на сценѣ—что́ выучка-то значитъ! Органчикъ, чистѣйшій органчикъ!

Но возвратимся къ Шумскому. Выше выставленная нами характеристика его игры, по нашему, объясняетъ многіе изъ его недостатковъ. Такъ, сдержанность и расчотъ въ веденіи роли нѣсколько повредили третьему акту Ревизора. Шумскій развернулся только въ четвертомъ и тамъ дѣйствительно былъ истиннымъ Хлестаковымъ, милѣйшимъ и пустѣйшимъ малымъ. Одна сцена прощанья чего стоитъ! Сколько увлеченія! Видишь, что Иванъ Александровичъ съ полной увѣренностью прощается съ Анной Андреевной какъ съ маменькой, и съ Марьей Антоновной какъ съ невѣстой. Впечатлѣнію игры Шумскаго въ роли Хлестакова мѣшаетъ еще то обстоятельство, что *печатный* Хлестаковъ во многомъ отличается отъ *сценическаго*. Дѣло въ томъ, что роль Хлестакова передѣлана Гоголемъ вся цѣликомъ. Особенно, *третій* актъ. Надо бы, конечно, играть по новому изданію,—но это не отъ актеровъ зависитъ. Надо, чтобы комитетъ утвердилъ передѣлку Гоголя. Вѣдь не хотѣли же вставить при первой постановкѣ сцену въ началѣ IV акта, на что жалуется Гоголь. И вотъ черезъ 28 лѣтъ все еще сцена не включена.

Въ роляхъ стариковъ, напр. Кубышкинъ (въ «Старшая и Меньшая») учителя Иванова и Добротворскаго, Шумскій былъ также великолѣпенъ. Но знаете ли что? По нашему, эти роли не суть важнѣйшія роли Шумскаго. Какъ ясно, что ему ихъ играть такъ легко; просто ничего не стоитъ. Не въ эту сторону долженъ развиваться талантъ Шумскаго. Не Добротворскаго слѣдуетъ играть ему, а Мерича. Вотъ роль, надъ которой ему стоитъ поработать; и онъ единственный актеръ въ настоящее время, на обѣихъ столичныхъ сценахъ, который можетъ исполнить эту роль какъ слѣдуетъ. Точно также не Загорѣцкаго слѣдуетъ играть ему въ «Горе отъ Ума», а Чацкаго; онъ также единственный возможный въ настоящее время Чацкій. И за Шекспира слѣдовало бы ему приняться. Роль Кента въ Лирѣ, про которую Дружининъ совершенно справедливо замѣтилъ, что хорошій актеръ въ ней убьетъ маломальски слабоватаго Лира—роль Кента, говоримъ мы, стоитъ того, чтобы Шумскій занялся ею. Не

Digitized by Google

говоримъ уже о Бенедиктѣ въ «Много шуму изъ Пустяковъ»; кстати: эта піеса не играется, а прекрасно переведена Кронебергомъ. А еще жалуются, что нечего играть!

И даже—пусть ужасается рутина!—на роль Ромео нѣтъ лучшаго исполнителя, какъ Шумскій. Тѣ задушевныя ноты, которыя звучали въ Ждановѣ, подтверждаютъ наше мнѣніе. Право, Шумскому стоитъ подумать о развитіи своего огромнаго таланта. И жаль, что въ Петербургѣ Шумскій не попробовалъ себя въ какой нибудь новой роли. А то онъ выбралъ для своего бенефиса произведеніе болотнаго репертуара «Таню»-архистраннѣйшую драму г. С. Соловьева. Неужто нужно было не, премѣнно *новую* піесу, т. е. новую по заглавію? Вѣдь вся она созданіе рутины; вѣдь въ такихъ піесахъ подъ—стать отличаться только г. г. Бурдинымъ, Марковецкимъ и компаніи. И диви-бы у Шумскаго была здѣсь особенно удавшаяся ему роль, а то нѣтъ; роль безъ сомнѣнія самая неудачная изъ всѣхъ игранныхъ г. Шумскимъ; роль, какъ говорится въ футлярѣ; внѣшняя роль. Скучна эта «Таня» до одури; только и есть одна сколько нибудь живая сцена, но сцена чисто водевильная, — какъ благодѣтельная особа заставляетъ своего благодѣтеля согласиться на свадьбу его сына. Сцена водевильная и разыграна она была г. Шумскимъ и г-жею Брошель такъ, какъ хорошіе актеры въ водевиляхъ разыгрываютъ сцены. Намъ случилось встрѣтить въ печати мнѣніе, что г-жа Брошель оттѣнила, въ изображаемой ей благодѣтельной камеліи, *русскую, неграмотную камелію*. Удивляемся, какъ это удалось ей оттѣнить несуществующій типъ. Русская камелія, да еще неграмотная! Сколь это трогательно и нѣжно! Вотъ что значитъ, когда нѣтъ пищи ни уму, ни сердцу, поневолѣ приходится сочинять воображенію. Есть у насъ «загулявшія» женщины въ родѣ Дуни, да онѣ неприличны на сценѣ.

Но что, одинъ вечеръ куда ни шло! А то «Таню» играли въ пятницу, играли въ воскресенье; и на слѣдовавшей недѣлѣ назначена она два раза. А «Бѣдную Невѣсту» дали два раза и шабашъ. Скажутъ: «Таня» вещь новая; да и «Бѣдная Невѣста» смотрится заново. Нечего сказать, можно развиться таланту г-жи Брошель въ подобныхъ роляхъ! А тутъ еще г. М. Р., въ своей розовой заботливости о всѣхъ юныхъ талантахъ, совѣтуетъ осторожно обходиться съ талантомъ г-жи Брошель, т. е. по-просту не выпускать ее на сцену. Мало того, репертуаръ почти всей будущей недѣли состоитъ изъ піесъ болотнаго репертуара. Ставятъ какую-то «Разбитую жизнь», драму

Digitized by Google

россійскую съ французскаго переложенную, гдѣ вѣроятно, какъ и въ «Танѣ», будутъ барышни умирать самымъ благороднѣйшимъ образомъ, подъ музыку.

Кстати, кончимъ ужъ за упокой. Обстановка многихъ піесъ, гдѣ участвовалъ Шумскій пошла до крайности. Особенно неудачно поставлена въ «Чужомъ пиру похмѣлье». Г. Бурдинъ, въ роли Кита Китыча, ломается до ужаса. Прочіе актеры, какіе-то Башкировы и Сашнуговы, просто невыносимы. Какъ-то странно было видѣть посреди такой обстановки Шумскаго и г-жу Линскую, И вотъ наша покорнѣйшая просьба: Недавно въ одномъ изъ парижскихъ театровъ ограничено употребленіе кринолиновъ на сценѣ. Нельзя-ли въ pendant къ нему запретить при изображеніи московскихъ купцовъ говорить на *ò*. Это *ò* рѣжетъ уши. Гдѣ-же въ Москвѣ говорятъ на *о*? Кто это выдумалъ! Въ Москвѣ именно на *а*, а не на *о* говорятъ. Мало того, что на *о* упираютъ, г-жа Воронова умудрилась произносить *вòренье*, *розгдваривать?* «Нехорошо, безобразно».

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что молодые актеры вообще стремятся къ простотѣ и правдѣ. Таковы г. г. Душкинъ, Петровскій и Ѳедоровъ. Всѣ они явились въ роляхъ г-на Бурдина (Бѣлогубова, Большова и Неглигентова) и всѣ они игрой своей доказали, что безъ г. Бурдина обойтись весьма легко. Особенно порядоченъ былъ г. Душкинъ въ роли Бѣлогубова. Неужели нѣтъ между молодыми актерами кого нибудь для замѣны г-на Нильскаго? Какъ, чай, не быть!

Но избавитъ-ли насъ сіе отъ лицезрѣнія г. всероссійскаго Леметра? Сомнѣваемся. Особенно, если г. Островскій не перестанетъ ставить онаго на равнѣ съ П. В. Васильевымъ. Непростительно было г. Островскому отдать роль Льва Краснова на искаженіе, потому только что Васильевъ заболѣлъ. Непростительно было г. Островскому, одинъ изъ удачнѣйшихъ своихъ типовъ, Кита Китыча, отдавать на ломаніе. Равно, г. Петровскій можетъ замѣнить г. Григорьева во многихъ роляхъ, хоть Русакова въ «Саняхъ», гдѣ г. Бурдинъ ломаетъ Бородкина, тогда какъ эта роль по всѣмъ правамъ принадлежитъ П. В. Васильеву. А ужъ безъ г. г. Марковецкаго и Яблочкина обойтись весьма легко, потому, что есть таланты, которые могутъ насъ избавить отъ *бурдинизма*. Потому, что можно пригласить г. г. Виноградова, Браво и другихъ провинціальныхъ актеровъ.

A bon entendeur salut!

Digitized by Google

IV. НОВОСТЬ РУССКОЙ ОПЕРЫ.

Эта новость — возобновленіе «Руслана» и дебютъ г. Кондратьева въ роли Руслана. Мы просто заявляемъ этотъ фактъ, не вдаваясь въ разборъ. Дебютомъ г. Кондратьевъ показалъ, что у него не только прекрасный голосъ, но что онъ также умный и опытный актеръ. Вообще «Русланъ» обставленъ старательно. Нашлись же пѣвцы и пѣвицы — стоило только поискать. Отчего же не поищутъ драматическихъ талантовъ? Отчего Александрынскій театръ, долженствующій быть *народнымъ*, въ такомъ забросѣ? Вѣдь было время когда и русская опера была въ забросѣ. Вѣдь исполняла же партію Гореславы г. Лилеева,—а нашолся свѣжій и звучный голосъ даровитой актрисы г-жи Михайловской (которой, между прочимъ, не слѣдовало бы пѣть fortissimo, тамъ гдѣ это не требуется, напр. «О, мой Ратмиръ!). Вѣдь вмѣсто г-жи Булаховой нашлась же г-жа Платонова, вмѣсто г. Артемовскаго г-нъ Кондратьевъ. Ищите и найдете.

Конечно, обстановка не обошлась безъ нѣкоторыхъ недосмотровъ. Неужели нельзя избѣгнуть морщинъ на заднихъ декораціяхъ? Неужели у Черномора не было своей софы и онъ занялъ ее у Наины; неужели и тамъ и здѣсь танцовщицы однѣ и тѣже и въ однѣхъ и тѣхъ же костюмахъ? Неужели въ балетной трупѣ нѣтъ танцовщицы талантливѣе г-жи Игнатьевой, чтобы проплясать лезгинку какъ слѣдуетъ? Все это мелочи, скажутъ. Но если мелочи, зачѣмъ ихъ не избѣгать?

Если обстановка «Руслана» порядочная, то нельзя того же сказать о другихъ русскихъ операхъ. Войско Олоферна изображается тремя верблюдами, двадцатью солдатами и четырьмя лошадьми. Пируетъ онъ въ такой маленькой палаткѣ, что совѣстно за него. Кстати, о «Юдиѳи». Г. Сарріоти разъ отъ разу становится невыносимѣе; вмѣсто того, чтобы пѣть, онъ начинаетъ кричать; вмѣсто того, чтобы играть— ломаться. Въ сценѣ оргіи онъ ведетъ себя просто неприлично. Носится слухъ, что г. Кондратьевъ хотѣлъ-бы исполнить роль Олоферна. Въ добрый часъ! Авось мы увидимъ и услышимъ порядочнаго Олоферна. Не мѣшало бы также г-жѣ Леоновой взять партію Авры. Г-жа Латы-

Digitized by Google

шева конечно актриса старательная, но голосовыя средства ея ужъ черезъ чуръ слабы и слабѣютъ все больше. Хоть чередовку завести-бы.

Вотъ все, что мы скажемъ по случаю возобновленія «Руслана». Немного, но наша цѣль была именно взглянуть на дѣло съ чисто внѣшней стороны. Именно съ той, что стоитъ *заняться* дѣломъ и дѣятся таланты.

Спасибо тому, кто позаботился о русской оперѣ и великая просьба позаботиться о русской драматической трупѣ.

Сентября 7.

Дм. Аверкіевъ.

Digitized by Google

ГОЛОСЪ СТАРАГО КРИТИКА.

Занявшись исключительно (на время конечно) развитіемъ слишкомъ близкаго душѣ моей предмета, парадоксовъ органической критики—потому что надобно хоть разъ въ жизни договориться до *сути* вопроса, составляющаго главнѣйшую задачу мышленія—я оставилъ на время въ покоѣ—«театръ россійскій».

А между тѣмъ на сценѣ такая дорогая душѣ старая новость какъ «Бѣдная невѣста», съ ярким дарованіемъ г-жи Брошель и съ новымъ торжествомъ П. Васильева; на сценѣ—такой дорогой для меня артистъ, какъ г. Шумскій... Наконецъ, «Русланъ» возобновленъ.

Но есть вещь, уже столь дорогая, что на нее не могу я не отозваться. Я говорю о *Юдиѳи* Сѣрова и ея готовящейся въ Москвѣ постановкѣ. Слухи объ этихъ приготовленіяхъ идутъ крайне и крайне неутѣшительные. Олофернъ—г. Артемовскій—да это бъ еще ничего; я не могу тутъ по совѣсти сказать ни да, ни нѣтъ; можетъ быть что нибудь и будетъ. Но Юдиѳь—лучезарный центръ всего созданія, по однимъ газетамъ—г-жа Анненская, по другимъ какая-то посредственность, съ разбитѣйшими голосовыми средствами.

Вѣдь какъ ни велики сами по себѣ красоты оперы моего знаменитаго друга, да вѣдь исполненіе-то, сценическое-то осуществленіе созданія—что нибудь да значитъ!

Общее мнѣніе знатоковъ и любителей дѣла,—и великолѣпныя молодыя средства голоса, и значительные успѣхи въ концертахъ, и недавній furore на Кронштадскомъ театрѣ—указываютъ прямо на готовую, самой судьбою данную новую Юдиѳь, на г-жу Ильину—Кирилову,—которая еще вдобавокъ такъ трудилась и трудится постоянно, съ энтузіазмомъ, надъ глубоко любимымъ ею созданіемъ маэстро.

Да онъ-то, онъ самъ-то тутъ что же дѣлаетъ? Или онъ будетъ отличаться такимъ же благодушествованіемъ, какъ тезка собратъ его, властелинъ другой полосы искусства—Островскій, который поистинѣ-изумительно-хладнокровно:

Digitized by Google

Какъ старый дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно.

И съ невозмутимымъ спокойствіемъ вручаетъ роли Тита Титыча и Льва Краснова—россійскому Леметру,—про игру котораго, какъ сказывалъ мнѣ недавно одинъ бывшій содержатель провинціальнаго театра—ходитъ премилая поговорка что онъ «*лампы глотаетъ*»—такъ азартенъ!

Но шутки въ сторону. Вспомните, маэстро, что опера идетъ въ Москвѣ, гостепріимной, но строгой и внимательной ко всякому *настоящему* дѣлу.

Сентября 4.

Аполлонъ Григорьевъ.

Digitized by Google

ЗАМѢТКА СОВРЕМЕННАГО ЗНАМЕНИТАГО МЫСЛИТЕЛЯ.

(ИЗЪ НЕ-МУЗЫКАНТОВЪ)

О ДЕВЯТОЙ СИМФОНІИ БЕТХОВЕНА.

Переводъ и коментарій А. Сѣрова.

Къ читателямъ.

Знакомясь съ одною недавно вышедшей въ свѣтъ книгою Д. Ф. Штрауса: я случайно заглянулъ въ помѣщенное на оберткѣ объявленіе о другихъ сочиненіяхъ Штрауса, и тутъ бросилось мнѣ въ глаза одно заглавіе статьи, самое въ такомъ случаѣ неожиданное: «Beethovens neunte Simphonie und ihre Bewunderer»—! Какъ!! Есть на свѣтѣ музыкально-критическая статья, или хоть статейка писанная Штраусомъ? Какъ?! одно изъ высшихъ въ свѣтѣ музыкальныхъ твореній подведено подъ безпощадный анатомическій ножъ одного изъ самыхъ глубочайшихъ изслѣдователей логической истины—?! При этомъ самое заглавіе статьи или статейки выказываетъ уже нѣкоторую враждебность автора къ предмету. По меньшей мѣрѣ должно быть въ высокой степени курьозно, и—во всякомъ случаѣ—поучительно! Между тѣмъ въ музыкальномъ германскомъ свѣтѣ на все это, сколько мнѣ извѣстно, впродолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ не обращено ни малѣйшаго вниманія!—Поскорѣе пріобрѣтаю себѣ «мелкія сочиненія» Штрауса (kleine Schriften), гдѣ въ числѣ смѣси (Miscellen von D. F. Strauss) находится столько интригующая меня статья. Вышло и въ правду, и курьозно и поучительно, такъ что и самою статьею Штрауса и мыслями своими по ея поводу считаю нужнымъ подѣлиться съ читателями «Эпохи».

Digitized by Google

ДЕВЯТАЯ СИМФОНІЯ БЕТХОВЕНА И ЕЯ ПОКЛОННИКИ.

(МУЗЫКАЛЬНОЕ ПИСЬМО ОГРАНИЧЕННАГО ЧЕЛОВѢКА). 1853.

Вы покачиваете головою,—дивитесь этому курьозному заглавію въ скобкахъ; находите тутъ лишнюю, даже афектированную скромность; мы другъ друга знаемъ. Но, право, должно быть, что Вы меня еще не довольно знаете, если въ настоящемъ случаѣ не видите, что я вполнѣ правдивъ. Послѣ одного повода, мнѣ такъ часто и такъ ясно истолковали, до какой степени я ограниченъ по музыкальнымъ дѣламъ, что я и самъ сталъ вѣрить въ эту ограниченность.

«Послѣ одного повода»—! Да! это было на одномъ музыкальномъ вечерѣ. Шолъ разговоръ о бетховенской девятой симфоніи, незадолго передъ тѣмъ исполненной.

Удивленіе, восхищеніе со всѣхъ сторонъ, безъ различія пола, возраста, состоянія, на всѣ тоны и на всѣ лады. Мое молчаніе непріятно поразило моего сосѣда, одного изъ знаменитыхъ виртуозовъ. «Вы надѣюсь тоже восхищаетесь этимъ дивомъ, послѣднею и первою нашего первѣйшаго маэстро—?» спросилъ меня сосѣдъ довольно явственно. «То есть» — отвѣчалъ я, когда всѣ внимательно ожидали отвѣта на такой вопросъ — «*то есть*....» сказалъ я и больше ничего не сказалъ. Вотъ именно съ этимъ-то двухъ словечекъ «то есть» порѣшена моя ограниченность въ музыкальныхъ кругахъ. Дѣйствительно пренаивно было на такой вопросецъ сказать—«то есть»—да потомъ и замолчать. Сотню разъ послѣ того, — какъ честный нѣмецъ, — упрекалъ я себя мысленно зачѣмъ я тогда такъ сдѣлалъ. Мнѣ надобно было высказать мысли по этому предмету: — это бы вышло нѣчто въ родѣ цѣлой лекціи. Хотите ее выслушать?

Когда за нѣсколько лѣтъ передъ симъ — такъ бы я началъ свою рѣчь, — на Бетховенскомъ празднествѣ въ Боннѣ, Францъ Листъ включилъ девятую симфонію въ программу фестиваля, которымъ дирижировалъ, эта симфонія была для Германіи почти новостью. Ее исполняли еще до-крайности рѣдко — по причинѣ ея трудностей, и поклонниковъ себѣ она не находила по причинѣ своей странности. И на томъ празднествѣ слушатели утомились отъ мрачныхъ лабиринтовъ перваго аллегро, дичились демонскихъ скачковъ второй части (т: е: скерцо) и едва только начинали таять подъ звуки глубоко-душевной

Digitized by Google

жалобы въ адажіо, какъ вдругъ Бетховенъ будто окатилъ всѣхъ холодной водой — при неожиданномъ вступленіи басового речитатива со словами! Этого ужаса не могла заглушить въ слушателяхъ и самая «пѣсня радости»; напротивъ — все подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ чего-то ужаснаго публика и по домамъ розошлась. Впечатлѣніе испуга, страха! А всѣ разсчитывали на такое тонкое, возвышенное наслажденіе!

Съ тѣхъ поръ, конечно, многое перемѣнилось. Оркестры наши выучились преодолѣвать (или мимо обходить) трудности этой симфоніи, публика прислушалась и попривыкла къ ея странностямъ. Девятая симфонія стала любимою, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже и популярною. То достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что концертная зала всегда полна, когда эта симфонія на афишѣ. При вступленіи человѣческихъ голосовъ, послѣ $3^1/_2$ долей изъ 4-хъ музыки чисто-инструментальной; тамъ, гдѣ у всѣхъ слушателей въ прежнее время волосы отъ ужаса поднимались дыбомъ, тамъ теперь раскрываются сердца всѣхъ къ наслажденію. Глубокій символизмъ, который долженъ тутъ находиться, скрытый таинственный смыслъ, что только чрезъ человѣка, среди человѣчества, разрѣшаются человѣку всѣ его скорби — въ радость (homo homini deus, Фейербаха); эта «отгадка» великой загадки данной Бетховеномъ въ его «девятой», теперь сдѣлалась чуть не тривіальностью; любой юноша въ концертѣ нашептываетъ это значеніе симфоніи своей дамѣ. Такимъ образомъ, въ то время какъ между развитыми, между «прогрессистами» давно уже дѣло рѣшонное, что въ этомъ произведеніи Бетховенъ превзошолъ самъ себя и открылъ для всей музыки новыя, негаданныя стези, — масса публики навязываетъ себѣ симпатію, любовь къ этой симфоніи, такъ какъ никому не хочется не считать себя въ числѣ «развитыхъ».

Но что жъ вы подумаете обо мнѣ,—если и послѣ этого переворота въ музыкальномъ вкусѣ Германіи, а за нею и цѣлаго свѣта,— я опять сознаюсь, что всё-таки принадлежу къ тѣмъ, которые «ничему не научились и ничего не забыли» (Die nichts gelernt und nichts vergessen haben:) —? Не забыли того ушата холодной воды, не выучились пользоваться тѣмъ ключемъ къ этому таинству, который теперь раздается публикѣ вмѣстѣ съ концертною программою—? Не правъ ли я, что во мнѣ ни мало нѣтъ преувеличенной или афектированной скромности?

Богъ да проститъ моему учителю, который заставлялъ меня въ школѣ долбить наизусть Горація! Съ тѣхъ поръ навсегда засѣлъ въ

Digitized by Google

моей головѣ одинъ стишокъ, который такъ и жужжитъ во мнѣ и при этомъ случаѣ: Humano capiti cervicem pictor equinam....

И пусть ужъ я себя больше опозорю, всё-таки долженъ высказать, что если тою формулою таинственнаго глубокаго смысла должна оправдаться уродливость девятой симфоніи, какъ цѣлаго, то по моему убѣжденію, точно также должны быть оправданы *съ эстетической стороны* и боги съ собачьими головами у египтянъ и быки съ человѣческою головою у ассирійцевъ. Вѣдь и въ этихъ изваяніяхъ есть свой, и глубокій, пожалуй,—символизмъ. Тѣмъ не менѣе не остаются ли они *чудовищами—?* — Вотъ главный пунктъ моего убѣжденія: доказательствомъ символическаго значенія, художественному произведенію можетъ быть придано качество разумной важности, глубокости, но.... не красоты, а красота эстетическая въ каждомъ произведеніи искуства, — не исключая высочайшихъ по идеѣ, — всё-таки составляетъ главное требованіе. Знаю въ какой невыгодный свѣтъ ставлю самъ себя въ наше время, которое послѣ неудачныхъ попытокъ изломать всѣ историческія преграды на аренѣ политической, всю свою ярость нововведенія обратило на искуство; знаю что самъ причисляю себя къ отсталымъ, если напомню о старинной границѣ, которую исторія музыки провела между инструментальною музыкою и вокальною. Кромѣ своего чистаго, несмѣшаннаго проявленія, инструментальная музыка, конечно, встрѣчается какъ сопровожденіе (акомпаниментъ) или подготовленіе (прелюдія) вокальной музыки, — въ такомъ родѣ какъ напримѣръ, въ исторической картинѣ человѣческія фигуры бываютъ окружены ландшафтомъ. Инструментальная музыка, какъ введеніе въ вокальную музыку, бываетъ или, *интродукціею»*, т: е: подготовленіемъ того душевнаго строя (Stimmung), который раскрывается и развивается тотчасъ вскорѣ, по вступленіи человѣческихъ голосовъ—здѣсь я для примѣра напомню меланхолическое фугато, которое служитъ вступленіемъ въ ораторію Генделя «Мессія» и подготовляетъ первый хоръ (Tröstet, tröstet mein Volk); или бываетъ—увертюрою, т: е: такимъ инструментальнымъ сочиненіемъ, которое своими чисто-инструментальными средствами (in der Weise der reinen instrumental Musik) выражаетъ ту же самую поэтическую задачу, которую не много послѣ выразитъ опера или ораторія средствами драматической или же лирико-эпической вокальной музыки (причисляя туда и несамостоятельную инструментальную музыку, въ видѣ акомпанимента). Примѣры этому всѣмъ извѣстны и потому здѣсь будутъ излишни. Все это формы и сочетанія

Digitized by Google

звуковъ оправдываемыя самою сущностью дѣла. Этою же сущностью оправдывается, что второстепенную, несамостоятельную и приготовительную роль можетъ играть музыка инструментальная,—вокальная никогда: пѣніе человѣческихъ голосовъ какъ интродукція для симфоніи было бы — нелѣпостью. Въ человѣческомъ голосѣ, въ связи *со словомъ* и больше ясности, опредѣленности, и больше непосредственной душевности.

Въ девятой симфоніи точно также, согласно здѣсь изложенному эстетическому требованію, инструментальная часть предпослана вокальной; только не въ видѣ интродукціи, и не въ видѣ увертюры — которыя обѣ, взятыя съ внѣшней стороны, не должны же быть длиннѣе чѣмъ самое дѣло, которое онѣ подготовляютъ. Притомъ, увертюрою эти $3^1/_2$ инструментальныя доли всей симфоніи не могутъ считаться въ отношеніи вокальнаго финала, потому что внутреннее содержаніе 3-хъ первыхъ частей вовсе не то, что́ въ финалѣ, напротивъ только стремится къ финалу, ищетъ его. Не могутъ считаться и интродукціею, такъ какъ не подготовляютъ вокальную пьесу, а самостоятельно развиваютъ рядъ мыслей и душевныхъ строевъ, и на долю вокальнаго финала достается тоже не болѣе какъ *еще одно только* душевное настроеніе, въ придачу къ предъидущимъ.

Всякая чисто-инструментальная музыка, въ особенности симфонія, исходитъ изъ слѣдующаго принципа: цѣлый кругъ нѣсколькихъ душевныхъ ощущеній и настроеній (Gefühle und Stimmungen), необходимый для каждаго органически-расположеннаго и замкнутаго въ самомъ себѣ художественнаго произведенія, можетъ найти въ музыкѣ выраженіе посредствомъ сочетаній различныхъ инструментовъ, безъ пособія голоса человѣческаго.

Напротивъ того вокальная музыка исходитъ совсѣмъ изъ другого, прямо противоположнаго принципа: какъ человѣческія ощущенія и движенія души неразрывны съ мыслію, а естественный органъ мысли—человѣческая рѣчь, то и для полнаго музыкальнаго выраженія можетъ служить только голосъ человѣческій въ связи со словомъ. Каждый изъ этихъ принциповъ хорошъ и вѣренъ—на своемъ мѣстѣ, и музыкантъ свободно, по своему выбору, можетъ держаться то одного принципа то другаго, смотря по характеру произведенія, но въ одномъ и томъ же произведеніи не долженъ смѣшивать принциповъ столь различныхъ, изъ опасенія нарушить единство въ своемъ созданіи.

Когда оперный композиторъ предпосылаетъ своей оперѣ увертюру,

Digitized by Google

онъ этимъ какъ будто хочетъ сказать: вотъ смотрите, то что я вамъ представлю музыкальною драмою, я могу вамъ еще до поднятія занавѣса предварительно показать въ музыкальной туманной картинѣ; полное осуществленіе будетъ за нею слѣдовать. Такимъ образомъ композиторъ нисколько въ этомъ случаѣ не переходитъ съ одного штандпункта на другой; онъ все-таки остается на своемъ принципѣ полнаго т: е: вокальнаго выраженія. Бетховенъ напротивъ того въ девятой симфоніи прямо становится на противоположную точку. Онъ придаетъ инструментальной музыкѣ полную важность, полное значеніе, такое глубокое, что будто она одна можетъ служить органомъ для передачи всей его мысли, всего задуманнаго имъ поэтическаго содержанія — и послѣ всего этого вдругъ отбрасываетъ инструментальную музыку въ сторону, чтобы схватиться за голосъ человѣческій, опять какъ за единственно-возможный органъ, чтобы высказать то, что ему хотѣлось высказать. За единственно-возможный достаточный органъ для чего? — для полнаго выраженія человѣческаго чувства вообще?—Нѣтъ; для выраженія цѣлаго ряда ощущеній Бетховенъ находитъ совершенно достаточными средства чисто-инструментальныя, именно для выраженія печали, скорби во всѣхъ ея формахъ и оттѣнкахъ; только для выраженія противоположной области ощущеній, ощущеній радостныхъ, понадобилась подмога голоса человѣческаго. Такого рода требованіе удѣляетъ голосу человѣческому въ связи со словомъ и слишкомъ много и слишкомъ мало: нѣтъ, не одну только радость и печаль во всей ея глубинѣ и искренности можетъ выразить вполнѣ только пѣніе; но за то, если инструментальная музыка, въ состояніи выразить одно, то въ состояніи выразить и другое; для того чтобы развязать узелъ, завязанный въ предѣлахъ чисто-инструментальной музыки вовсе не требуется «deus ex machina» средствъ музыки вокальной. Если же это такъ, то почему же Бетховенъ самъ не написалъ вокальныхъ финаловъ для своей симфоніи C-moll или A-dur?

Для поясненія отношеній вокальной музыки къ инструментальной я намекнулъ выше на отношеніе исторической живописи къ ландшафту. Теперь напомню объ отношеніи живописи вообще къ пластикѣ.

Въ скульптурѣ принято, что многосторонняя красота и осмысленность тѣла человѣческаго можетъ быть передана одними осязательными формами, безъ красокъ. Съ другой стороны живопись говоритъ: ну нѣтъ! прежде чѣмъ я откажусь отъ магіи красокъ, я лучше пожертвую осязательными формами. И обѣ—правы! Обѣ, каждая въ своемъ

Digitized by Google

родѣ, могутъ давать полныя художественныя произведенія. Но не могутъ состязаться *вмѣстѣ*, въ одномъ и томъ же произведеніи. Чтобы сказали объ художникѣ, который сдѣлалъ бы ноги, корпусъ и руки человѣческой фигуры изъ безцвѣтнаго мрамора, а дойдя *до головы*, сказалъ бы себѣ: нѣтъ, такъ не годится, голова должна быть въ краскахъ! Непремѣнно этого художника сочли бы за помѣшаннаго. Но развѣ не точно такой случай съ распорядкомъ девятой симфоніи?

Вотъ отчего (теперь ужъ все равно, и я ужъ лучше выскажу все напрямикъ) вотъ отчего это несносное для меня впечатлѣніе, при вступленіи голоснаго речитатива въ финалѣ. Каждый разъ я долженъ спрашивать самъ себя: что это? я-ли одурѣлъ или эта музыка—сумасшедшая? Впечатлѣніе это такъ тяжело отъ того, что тутъ разомъ художественное произведеніе перемѣняетъ свой центръ тяжести такъ, что какъ будто опрокидываетъ и слушателя. И непонятно для меня, зачѣмъ Бетховенъ, настолько безъ сравненія сильнѣйшій въ сочиненіи для оркестра, нежели для голосовъ,—употребившій и въ этомъ финалѣ голоса не иначе какъ инструменты оркестра,—при отсутствіи той кряжевой контрапунктной силы, которою блистаютъ хоры Генделя, зачѣмъ именно Бетховенъ, въ такомъ критическомъ мѣстѣ, рисковалъ этой перемѣной центра тяжести (Antiklimax)? — Право, при всемъ безконечномъ уваженіи моемъ къ великому художнику, долженъ сознаться, что именно этотъ финальный хоръ считаю самою слабою, самою плоскою частью изо всей симфоніи.

Но вы уже восклицаете: «Ohe, jam satis est»—и теперь, вмѣстѣ со всею нынѣшнею концертною публикою, не будете уже больше оспаривать правъ моихъ на выставленный мною титулъ.

Вотъ какъ говоритъ извѣстный Давидъ Фридрихъ Штраусъ въ статейкѣ помѣщенной на стр. 411—420 въ *kleine Schriften*, (Miscellen), въ изданномъ въ 1862 г. сборникѣ мелкихъ работъ, перепечатанныхъ со статей разныхъ періодическихъ изданій, преимущественно въ Аугсбургской газетѣ Allgemeine Zeitung». Статьѣ, переведенной здѣсь съ дипломатическою точностью, въ прошломъ году минуло десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ прогрессъ въ отношеніи пониманія 9-й симфоніи и симпатіи къ ней сдѣлалъ еще нѣсколько и весьма важныхъ шаговъ. Взгляды Штрауса на это произведеніе, какъ и самъ онъ очень ясно предвидитъ, поступаютъ — на общій взглядъ — въ категорію болѣе и болѣе отсталыхъ. Но—какъ и надо было ожидать отъ *такого* мыслителя — Штраусъ, выражая свою *не-симпатію* къ 9-й симфо-

Digitized by Google

ніи затронулъ, и глубоко затронулъ, самые существенные музыкально-эстетическіе вопросы. Вопросы эти—какъ вы тотчасъ увидите—и со стороны людей спеціально посвятившихъ свое мышленіе музыкѣ еще вовсе не близки къ окончательному разрѣшенію. Между тѣмъ именно послѣдняя симфонія великаго (и единственнаго) симфониста, по глубинѣ своей задачи, — глубинѣ нисколько не отрицаемой и Штраусомъ — столько же какъ по неисчерпаемому богатству собственно-музыкальныхъ формъ и музыкальной разработки должна служить полнѣйшимъ выраженіемъ могучаго Бетховенскаго генія и всѣмъ *организмомъ своимъ* должна приковывать къ себѣ постоянное, изощреннѣйшее вниманіе тѣхъ, кто хочетъ музыкальную эстетику возвести на степень истинной серьозной науки. Почти каждое изъ твореній Бетховена — обильная пища для думъ и наблюденій надъ музыкальнымъ творчествомъ вообще, надъ музыкальными *организмами*, въ ихъ неисчерпаемомъ разнообразіи, подводимомъ однако подъ основные общіе законы формы, склада, въ сущности чрезвычайно простыя. Все это — точно какъ въ *природѣ*, потому-что геніальный художникъ-творецъ есть *продолженіе* творческихъ силъ самой природы, — высшій расцвѣтъ высшаго въ природѣ созданія. Складъ организмовъ въ мірѣ животныхъ, напримѣръ, нашолъ себѣ глубочайшаго изслѣдователя въ Кювье; окомъ обогащеннымъ наблюденіями онъ съумѣлъ снять завѣсу тысячелѣтій съ природы, уже отжившей, не существующей; съумѣлъ примѣнить законъ организмовъ существующихъ къ организмамъ съ лица земли исчезнувшимъ; съумѣлъ проникнуть глубокимъ взглядомъ въ міръ «допотопныхъ» формацій; уразумѣлъ, что и тогда природа въ творчествѣ своемъ дѣйствовала по тѣмъ же самымъ законамъ, которые и теперь въ своей силѣ; постигъ самую «*суть*» этихъ законовъ *единства*, съ безконечными варіаціями, метаморфозами одной и той же темы постигъ и возсоздалъ «a priori» весь внѣшній видъ исчезнувшихъ породъ животныхъ по одной данной косточкѣ. Полные остовы этихъ жильцовъ допотопнаго міра, найденные *впослѣдствіи*, вполнѣ подтвердили апріорическіе выводы великаго натуралиста. Торжество науки! Торжество мысли человѣческой! Музыка еще ожидаетъ своихъ Кювье! А поработать есть надъ чѣмъ, если взять въ разсчетъ творенія Себастіана Баха и творенія Лудвига Бетховена! (я прибавилъ бы, нисколько не женируясь, къ этимъ двумъ великимъ именамъ *третье* имя — Рихарда Вагнера, но онъ еще слишкомъ близокъ къ намъ, еще живетъ и творитъ среди насъ. Музыкальная сравни-

Digitized by Google

тельная анатомія должна еще повремѣнить, пока пора будетъ научно анализировать, напримѣръ Тристана и Изольду).

Девятая Симфонія Бетховена яснѣе *всѣхъ* другихъ его твореній представляетъ собою любопытнѣйшій для науки о музыкальныхъ организмахъ фактъ, феноменъ: торжество *органичности* въ складѣ и *единствѣ* творческой мысли. Фактъ этотъ ясный какъ день, никѣмъ еще до сихъ поръ, ни даже самимъ Вагнеромъ, замѣченъ не былъ (а онъ дирижировалъ этою симфоніею много разъ наизусть, безъ партитуры). Фактъ такого свойства, что вызываетъ цѣлую отдѣльную книгу (или брошюру) *спеціально о 9-й симфоніи*. Такъ я *нотными примѣрами* докажу «неопровержимо», что *вся 9-я симфонія, отъ начала до конца* отъ 1-го Allegro ma non troppo, un poco maestoso до послѣднихъ взрывовъ prestissimo въ Финалѣ, *во всѣхъ частяхъ, во всѣхъ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ выстроена на одной только музыкальной мысли, на одной темѣ*. Тема эта — *пѣснь о радости* мотивъ финальнаго диѳирамба на Шиллерову оду есть единственная *основа цѣлой* Симфоніи. Вся она рядъ метаморфозъ, варіацій на одну тему. Но варіаціи эти, конечно, въ такомъ не-тѣсномъ размѣрѣ, какъ напримѣръ, въ природѣ — змѣя, орелъ, китъ и человѣкъ, не больше какъ «варіаціи» на одну и туже тему: на типъ «позвоночнаго» животнаго. Для поэтовъ, для литераторовъ, для мыслителей вообще — далекихъ отъ музыки — высказанный здѣсь «тезисъ» покажется до такой степени *простымъ*, до такой степени *логичнымъ* самъ-по-себѣ, что изъ нихъ никто вѣрить не захочетъ, чтобы такой фактъ, столько натуральный въ художникѣ-философѣ, какъ Бетховенъ, могъ бы въ наше время, 40 лѣтъ послѣ смерти художника, — оставаться еще *не затронутою проблемою* для музыкальнаго міра. «Да чегожъ музыканты-то глядѣли»!? Между тѣмъ дѣло *точно такъ*, какъ я вамъ объясняю. Въ самыхъ подробныхъ книгахъ о Бетховенѣ, напр. въ сочиненіи знаменитаго Берлинскаго теоретика *Маркса*, Beethoven, sein Leben und Schaffen. 1859 — нѣтъ ни намёка на этотъ *монотематизмъ*, безъ котораго истинное пониманіе *смысла* 9-й симфоніи, разумѣется, *невозможно*.

Напротивъ, Марксъ и не подозрѣваетъ этого единства мысли, оттого, конечно,—*восхваляя* 9-ю симфонію — всё-таки считаетъ *финалъ* (т. е. *голову* всего созданія, *цѣль, результатъ*) чѣмъ-то *извнѣ-присочиненнымъ*, вокальною кантатою *прибавленною* къ

Digitized by Google

инструментальной симфоніи. Хороша была бы *похвала* напримѣръ драмѣ «Отелло» — еслибъ считать 5-й ея актъ чѣмъ-то извнѣ-прибавленнымъ, присочиненнымъ: о критики! о знатоки! о наука музыкальная! Въ *комъ* искать ее, если знаменитѣйшіе профессора городятъ подобную постыдную чушь?

При современномъ положеніи музыкальной науки, то есть при *несуществованіи* ея, въ истинномъ значеніи слова, — очень понятно, что *мыслящій* человѣкъ, *не спеціалистъ* по музыкѣ, но очень-образованный и начитанный *вообще*, какъ напр. Д. Ф. Штраусъ, можетъ своимъ здравымъ взглядомъ окинуть музыкальный предметъ съ совершенно-новыхъ сторонъ и навести спеціально-мыслящихъ о музыкѣ на такіе пункты, на которые болтовня всѣхъ Марксовъ и ихъ учениковъ не наведетъ насъ никогда въ свѣтѣ.

Мы видѣли тотчасъ, какъ Марксъ, пресловутый коментаторъ именно Бетховена, спеціалистъ по части музыкальной «Эксегезы», желая превознести своего героя до-небесъ именно за 9-ю симфонію истолковываетъ ее какимъ-то желаніемъ Бетховена *попрощаться* съ міромъ инструментальныхъ силъ (!) и тому подобными вздориками, при этомъ клевещетъ на великаго симфониста, что будто бы финалъ симфоніи произвольно «прибавленъ» къ 3-мъ предъидущимъ частямъ— предположеніе нелѣпое до наивности и равносильное Улыбышевскимъ глупостямъ.

Совсѣмъ-на-оборотъ, Штраусъ, стоящій вовсе не въ лагерѣ поклонниковъ 9-й симфоніи, почти противникъ ея (кто не любитъ ея финала, тотъ ее *всю* не любитъ и не понимаетъ) мимоходомъ, желая порицать ее, высказываетъ объ ней такія вещи, которыя вытекаютъ прямо изъ дѣла и столько же обрадовали бы Бетховена (еслибъ онъ слышалъ такое толкованіе), сколько Марксъ со своей чепухой былъ бы для Бетховена возмутителенъ.

Штраусъ говоритъ, чтобы сказали о художникѣ, который сдѣлалъ бы ноги, корпусъ и руки человѣческой фигуры изъ безцвѣтнаго мрамора, а дойдя *до головы*, сказалъ бы себѣ: «нѣтъ, такъ не годится, *голова* должна быть въ краскахъ». Къ самому воззрѣнію этому, къ тому вѣрно ли оно или нѣтъ, мы еще возвратимся. Обращаю вниманіе ваше здѣсь только на сравненіе *финала* симфоніи съ *головою*. Оно очень просто, очень вѣрно и—замѣтьте—встрѣчается въ нѣмецкой критической литературѣ чуть ли не *первый* разъ! (Въ нѣкоторыхъ русскихъ статьяхъ оно не разъ встрѣчалось, болѣе 10 лѣтъ назадъ).

Digitized by Google

Музыкальный т. е, ex professo-музыкальный міръ, пріученный къ симфонійкамъ Гайдна и Моцарта, этимъ, по мѣткому сравненію Вагнера, «столовымъ музыкамъ» (Tafel Musiken) — требовалъ отъ симфоніи нѣкоторой серьозности въ 1-мъ Allegro, — нѣкоторой томной элегичности въ Adagio, и положительной веселости, шутливости въ менуэтѣ или скерцо (за жаркимъ) и въ финальномъ «рондо» (за десертнымъ блюдомъ). Вотъ почему «старожилы» музыкальные (куда принадлежалъ сибаритъ Улыбышевъ) рѣшительно остановились на *двухъ первыхъ* симфоніяхъ Бетховена, которыя обѣ, особенно первая, носятъ на себѣ еще кафтанъ XVIII вѣка, выкройки Моцарто-Гайдновской. Съ 3-й симфоніи, т. е. съ героической, Бетховенъ завелъ другіе порядки въ симфоническомъ хозяйствѣ. Томненькое Adagio или Andante превратилось въ грандіознѣйшій похоронный маршъ, веселенкій менуэтикъ преобразился въ какую-то величавую пляску гигантовъ, торжествующихъ свое освобожденіе отъ тираніи Зевса, наконецъ «финалъ» — резюмируя въ себѣ и первое аллегро, и скерцо, и маршъ, въ видѣ колосальныхъ варіацій на тему наивную чуть не до пошлости, — сдѣлался главнѣйшею частью симфоніи, т. е. сталъ вмѣсто почти лишняго *хвоста*, какъ прежде, вѣнцомъ всего созданія, его *головою*. Такъ и въ другихъ Бетхов. симфоніяхъ съ болѣе опредѣленною задачею. Такъ въ 5-й (Cmoll) въ 6-й (пасторальной, гдѣ, конечно, буря и гимнъ послѣ бури важнѣе всего). Такъ важнѣе прочихъ частей — финалъ и въ 7-й и въ 8-й и само собою разумѣется, въ *девятой*, словами осмысленной. И именно этихъ-то финаловъ, этихъ-то головъ Бетховенскихъ обыкновенные любители и полу-знатоки и недолюбливаютъ, какъ слѣдуетъ, а воображаютъ еще что любятъ и понимаютъ Бетховена! Въ другомъ мѣстѣ, желая доказать, что инструментальныя части 9-й симфоніи не могутъ считаться ни интродукцей къ ея финалу, ни увертюрой, Штраусъ высказываетъ ту мысль, что «внутреннее содержаніе 3-хъ первыхъ частей вовсе не то, что въ финалѣ. Первыя 3 части только стремятся къ финалу, — будто ищутъ его». Опять какъ глубоко-умно, какъ вѣрно! И этого опять *почти* никто не высказывалъ. Исключеніе—единственное—останется за Рихардомъ Вагнеромъ, который, въ своей поэтической программѣ къ этой симфоніи, беретъ эпиграфомъ состояніе внутренняго разлада съ самимъ собою въ первыхъ монологахъ Гетева Фауста «Entbehren sollst du! sollst entbehren!» Вѣчные отказы, вѣчныя лишенія, вѣчныя разочарованія — вотъ содержаніе *мрачныхъ*

Digitized by Google

инструментальныхъ частей симфоніи, пока не наступитъ свѣтлое *братство* всего человѣчества (финалъ). Толкованіе въ послѣдней половинѣ (развязкѣ) совсѣмъ вѣрное. Въ первыхъ частяхъ—не совсѣмъ; но все-таки ближе всѣхъ прочихъ къ дѣлу. Мѣткое выраженіе Штрауса, быть можетъ, безъ его вѣдома вылившееся на бумагу, еще *ближе къ дѣлу* нежели Вагнеровъ коментарій. Подробный разборъ собственно-*музыкальной* постройки (невозможный безъ нотныхъ примѣровъ) наглядно покажетъ истинное отношеніе всѣхъ предъидущихъ частей къ финалу. Все предъидущее есть дѣйствительно *исканіе* радости, которая вѣчно ускользаетъ, являясь только проблесками. Великій художникъ-философъ, олицетворивъ чувство «будущей радости» въ своей темѣ (Freudenlied. D dur, $^4/_4$) показываетъ ее въ предъидущихъ частяхъ только эпизодически (всякій разъ гдѣ *мажоръ*), на короткое время и въ разныхъ метаморфозахъ (въ ритмѣ $^2/_4$ въ 1-мъ Allegro); въ ритмѣ $^3/_4$, постоянно дактилическомъ — въ скерцо; въ видѣ грубо-народной пляски, нѣчто въ родѣ нашей комаринской или трепака, въ тріо скерцо (D dur, $^4/_4$, почти какъ въ финалѣ) — въ утѣшающихъ, кроткихъ мелодіяхъ въ $^3/_4$, эпизодами въ Adagio (D dur и G dur среди главной тональности — B dur) Простите за техническія подробности, не могъ отъ нихъ воздержаться, горя нетерпѣніемъ справедливость своего и Штраусовскаго взгляда доказывать неопровержимыми фактами изъ самой партитуры.

Другая тайна изумительно-органической и философски-продуманной постройки этой колоссальной симфоніи въ томъ, что и самое «исканіе радости», т. е. мрачныя, инструментальныя части въ своихъ длиннѣйшихъ развитіяхъ грунтомъ, основою имѣютъ опять туже тему радости, только—въ *минорѣ*; это какъ будто *оборотная* сторона того, что явится въ ослѣпительномъ блескѣ финала. Возвращаясь къ Штраусу, повторяю, что трудно такими немногими словами лучше очертить всю внутреннюю задачу, всю «суть» того громаднаго музыкальнаго организма. Вниканіе въ эту «суть» со стороны художественности должно было раскрыть для Штрауса вполнѣ «зачѣмъ» и «почему» Бетховенъ допустилъ такую *аномалію*, т. е. *вокальный* вѣнецъ произведенія *инструментальнаго*. Мы тотчасъ увидимъ, что и въ порицаніи этой аномаліи Штраусъ *весьма логиченъ*; увидимъ что такое исключеніе изъ обыкновеннаго порядка вещей, даже и Бетховену не удалось сдѣлать безъукоризненно-художественнымъ со стороны «внѣшней формы». Но нельзя не замѣтить также, что Штраусъ, — весьма-вѣрно опре-

Digitized by Google

дѣляя принципы», исходныя точки музыки вокальной и музыки инструментальной, — слишкомъ формалистично останавливается на ихъ разграниченіи. Это вина почти всѣхъ нѣмцевъ, кромѣ геніальныхъ реформаторовъ, какъ Бетховенъ, Вагнеръ. «Инструментальная музыка» для нѣмцевъ кажется чѣмъ-то чрезвычайно самостоятельнымъ, замкнутымъ въ самомъ себѣ. Тогда какъ на дѣлѣ этой разграниченности между міромъ звуковъ *вокальныхъ* и міромъ звуковъ *инструментальныхъ* вовсе нѣтъ и быть не можетъ. — Разграниченность эта, кажущаяся самостоятельность «инструментальной музыки», *нѣмецкими* (и почти только нѣмецкими) художниками разработанной въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ есть только *одинъ изъ фазисовъ* нашего искуства, *самаго юнаго* изъ всѣхъ изящныхъ искуствъ. Инструментальной музыкѣ въ томъ значеніи слова, какъ *здѣсь* оно должно быть понято, всего не больше ста лѣтъ! Нельзя ли, очень не рискуя, сознаться, что этотъ фазисъ — фазисъ *переходный*? Родившись изъ сопровожденія, изъ подмоги голосу въ пѣснѣ плясовой, изъ подмоги голосу въ церковномъ гимнѣ, инструментальная музыка возмечтала о своей самостоятельности захотѣла пойти своею дорогою.

Родились сюиты, сонаты, токкаты, серенады, квартеты, симфоніи. Но, въ сущности, не есть ли *каждая* мелодія — *пѣніе*? не есть ли каждая гармонія — *хоръ* голосовъ? Разница только въ частныхъ примѣненіяхъ, въ регистрахъ, въ степени бѣглости и силы, и такъ далѣе.

Въ сущности же, въ дѣйствіи на душу, въ органическомъ складѣ нѣтъ *никакой* разницы. И музыка безъ словъ, если она *выразительна*, можетъ точно также *драматически* увлекать слушателя, какъ драматическое *пѣніе*; и на оборотъ — и музыка со словами можетъ увлекать слушателя прелестью *звука*, прелестью мелодичности и тембра голоса или голосовъ, безъ малѣйшаго отношенія къ словамъ и ихъ смыслу. (Доказательство: *русская* публика въ *итальянскихъ* операхъ, безъ знанія языка, и безъ малѣйшей заботы о драмѣ на сценѣ). Дѣлая очень-вѣрное описаніе туманной картины драматической, передъ началомъ самой драмы, Штраусъ позабываетъ, что такая увертюра, напр. въ оперѣ «Фрейшюцъ» или въ оперѣ» «Оберонъ» составлена цѣликомъ изъ музыкальныхъ фразъ которыя послѣ *безъ всякаго измѣненія* поручены то одному, то другому *голосу* человѣческому. Инструменты оркестра *на время* заступаютъ роль пѣвцовъ и пѣвицъ. Кларнетъ, напр. въ увертюрѣ Фрейшюца исправляетъ

Digitized by Google

должность то Макса, то Агаты; сочетаніе глухихъ звуковъ низкихъ нотъ 2-хъ кларнетовъ съ тремоло скрипокъ и съ отрывистыми, подземными ударами литавры встрѣчается при явленіи *Самиэла* въ оперѣ точно также, какъ въ увертюрѣ. Для области *драматической* музыки *всѣ* средства вокальныя и *всѣ* средства инструментальныя могутъ поминутно смѣшиваться, И весьма-часто (напр. въ *комическихъ* сценахъ) главная роль поручается оркестру, а голоса — акомпанируютъ — говоркомъ. Имъ — сравнительно отведена *второстепенная* роль; что «a priori» для Штрауса должно казаться чѣмъ-то чудовищнымъ на дѣлѣ оказывается весьма — натуральнымъ и эстетическимъ. (Напр. многія части первой половины аріи «Лепорелло» съ каталогомъ красавицъ). Надобно только *одно*, чтобы въ большомъ музыкальномъ произведеніи *нигдѣ* не прерывалась *нить* музыкальнаго интереса. Чтобы музыкальное теченіе (Fluss) шло безостановочно (кромѣ промежутковъ отдыха, т. е. антрактовъ въ оперѣ, или паузъ между частями симфоніи. Иногда, при негромадномъ размѣрѣ произведенія, можно избѣжать даже этихъ промежутковъ),

Однородность (Homogeneitaet) впечатлѣнія—условіе эстетическое, необходимое — сильно страдало въ прежнихъ операхъ съ сухими речитативами между отдѣльныхъ музыкальныхъ пьесъ. (Въ Д. Жуанѣ, Фигаро, Севильскомъ Цирюльникѣ). Страдаетъ еще болѣе въ операхъ съ *разговорными* промежутками. Проза (и какая!) между лоскутками музыкальной поэзіи! Вотъ такого рода разнокалиберность близко подошла бы подъ сарказмы Штрауса, касательно статуй изъ мрамара съ головою выкрашенною au naturel. Еще ближе можно бы сравнить такого рода старинныя оперы и многія французскія современныя (!) съ картинами, гдѣ кое-что, по произволу, изображено красками, а кое-что карандашемъ или кистью, но одноцвѣтно, — en grisaille. Между тѣмъ этимъ анти-эстетическомъ качествимъ страдаютъ на нѣмецкихъ, русскихъ, англійскихъ и французскихъ сценахъ очень многія знаменитѣйшія оперы (Фиделіо, Фрейшюцъ, Оберонъ, Волшебная Флейта, Водовозъ, Медея, Іосифъ, — *всѣ* комическія оперы Боальдье, Обера и т. п.).

Въ соединеніи инструментальной музыки съ вокальною, такъ какъ это встрѣчается въ 9-й симфоніи есть, правда, нѣкоторая неожиданность, нѣкоторая странность, — въ слѣдствіе чего нѣкоторая чудовищность въ формѣ цѣлаго, — но «страданіи» для слуха никакого нѣтъ. *Была* музыка въ 1-мъ Аллегро, въ Скерцо, въ Адажіо, — въ вступительной части финала, — *эта же* музыка продолжаетъ

Digitized by Google

свое органическое теченіе, только въ *тому*, что мы уже слышали безъ звука голоса человѣческаго, безъ словъ: присоединяется *пѣніе соло* и *хоромъ*. Инструментальная мысль уясняется — придвигается къ душѣ нашей — вотъ и все! Никакого тутъ salto mortale въ впечатлѣніи нѣтъ,—никакого самасшедшаго опрокидыванія всего произведенія головой книзу, — все это со стороны Штрауса — преувеличеніе въ пользу заранѣе принятаго имъ убѣжденія (невѣрнаго) о разграниченности областей музыки инструментальной (!) и музыки вокальной. Искать этой границы, мнимой, — это еще остатокъ рутинно эстетическихъ убѣжденій, выработавшихся именно въ современникахъ «Бетховена» и не иначе, какъ вслѣдствіе высокаго значенія, которое «онъ» придалъ симфонической музыкѣ. Но въ самомъ Бетховенѣ, чрезвычайно глубоко постигавшемъ всѣ тайны своего искуства— точно какъ въ другомъ великомъ заклинателѣ музыкальныхъ силъ, въ Себастіанѣ Бахѣ—этой рѣзкой границы между областью вокальной и областью инструментальной, этого будтобы необходимаго подчиненія одной области другой — никогда не существало. 9-я Симфонія (Ор. 125) принадлежитъ къ *послѣднимъ* произведеніямъ великаго симфониста, — но еще гораздо раньше, еще на ногахъ Гайдно-Моцартовской музыки Бетховенъ сдѣлалъ экспериментъ *точно такого* сліянія вокальныхъ элементовъ съ инструментальными, какъ въ 9-й симфоніи. Именно — въ фантазіи для фортепіано съ оркестромъ и *хоромъ* (Ор. 80). Произведеніе это изъ весьма-не-сильныхъ въ многихъ формахъ, служа элементу концертному (этой *язвѣ* нашего искуства) довольно-устарѣло.—Но во внѣшнемъ планѣ, въ *распорядкѣ* частей это маленькая 9-я симфонія. Для Бетховена это было пробой пера, experimentum «in anima vili». Главная мысль этой фантазіи (на слова довольно—незначущаго поэтика) соединеніе сердецъ посредствомъ *гармоніи*, это—«воспѣваніе прелестей *музыки*», что *тогда* было въ модѣ.

Главная смѣсь эта выражена *темой*, на которой построена вся фантазія. Тему, разумѣется, въ полномъ ея видѣ, со словами—поетъ *хоръ*. Но этотъ хоръ составляетъ только *развязку*, *финалъ* фантазіи. Все предъидущее—т: е: *самая* фантазія есть длинная «*прелюдія*» или «*интродукція*» къ этому хору. Сперва начинаетъ фортепіано свое соло *мрачными* аккордами. Сквозь нихъ, какъ свѣтъ между темныхъ, облаковъ начинаетъ являться тема. Потомъ идетъ длинная вереница варіацій на эту тему уже *оркестромъ*, въ перемѣшку съ

Digitized by Google

фортепіано, — наконецъ является *хоръ*, которому оркестръ и фортепіано, конечно, только аккомпанируютъ. Не та ли же самая форма,— колоссальной *прелюдіи* или *интродукціи къ хоровой темѣ*,—прелюдіи, такъ сказать, *террасами* расположонной, составляетъ весь планъ 9-й симфоніи?—И мы видѣли, что *въ обоихъ случаяхъ* цѣлость произведенія покоится на весьма-прочномъ основаніи, на строжайшемъ единствѣ *музыкально-поэтической* темы. Только не вникая *въ это* единство, только не замѣчая изумительнаго *монотематизма* 9-й симфоніи, можно дѣлать Бетховену разные, болѣе или менѣе къ дѣлу *неотносящіеся* упреки.

Гдѣ законы, «jus scriptum» которые бы гласили художнику «иди до сихъ поръ, не далѣе»? Напротивъ такіе художники, какъ Бетховенъ именно вслѣдствіе могучей геніальности призваны на безконечныя, и всегда—логическія и органическія *новизны* въ мысли и формѣ; это смѣлые мореходы, которымъ суждено плыть дальше, для того чтобъ открывать новыя земли, цѣлые новые міры! Бетховенъ, повторяю, преглубоко вникалъ *въ основные* законы музыкальныхъ организмовъ, распоряжался ими точно такъ какъ природа распоряжается своими живыми организмами. Въ природѣ, напримѣръ есть звѣрь тигръ. Это— какъ намъ знакомо—кошка въ колоссальныхъ размѣрахъ, или наоборотъ звѣрь кошка—тигръ въ уменьшонномъ масштабѣ; есть кабанъ— и тотъ же кабанъ увеличенный до колосса—«носорогъ». Типъ, тема— одни и тѣже. Легонькія варацiи касательно размѣра, ритма продолжительности. Такъ поступалъ и Бетховенъ. Въ Гайдно-Моцартовской музыкѣ на каждомъ шагу встрѣчается звуко-сочетаніе изъ аккорда доминанты, въ то время какъ въ басу звучитъ уже тоника. Это бываетъ обыкновенно при концѣ длинной музыкальной фразы, оттого всего чаще, въ послѣднихъ тактахъ напр. 1-го аллегро сонаты или симфоніи. Бетховенъ въ финалѣ своей пасторальной—*точь въ точь такое* звукосочетаніе помѣстилъ *при началѣ* пьесы и продолжилъ его на 8 *тактовъ*, что привело въ ужасъ Фетисовъ и Улыбышевыхъ. Они порѣшили, что Бетховенъ или съ ума сошелъ, или *не зналъ* музыкальной грамматики. Это все равно, что обвинить природу, зачѣмъ она *осмѣлилась* лѣса Бенгаліи населить кошками въ сажень длиной, тогда какъ наша, всѣмъ извѣстная домашная Гайдно-Моцартовская кошка не достигаетъ длиной и аршина. Идемъ за Бетховеномъ далѣе. Кому не извѣстно, что передъ каждой пѣсенкой для голоса, передъ каждой *вокальной* пьеской, какова бы она нибыла, обыкновенно встрѣчается —

Digitized by Google

ритурнель, прелюдія, маленькое чисто-инструментальное подготовленіе. Почемужъ—въ искуствѣ времени, какъ музыка—не сдѣлать и нѣкоторыхъ модификацій касательно мѣры продолжительности такого сорта подготовленій, почему не сдѣлать такъ, чтобы главная тема *сперва* была развита инструментально, въ большой прелюдіи, прежде нежели выступитъ, въ полномъ своемъ блескѣ—*вокальнымъ* выраженіемъ мысли? Зная что никакихъ запретовъ для этихъ дѣлъ нѣтъ и быть не можетъ, Бетховенъ и написалъ, какъ мы видѣли, свою фантазію съ хоромъ именно по такому плану. А впослѣдствіи по этому самому плану задумалъ величайшее и—по смыслу—важнѣйшее изъ *всѣхъ* своихъ созданій—9-ю симфонію. Тамъ все рядъ *прологовъ* къ *финалу*, опять цѣликомъ повтореніе того же склада т: е: послѣ мрачныхъ прелюдій въ оркестрѣ звучитъ тема и развивается въ длинномъ рядѣ варіацій, пока наконецъ—вступятъ голоса человѣческіе. (Форма *финала* положительный «сколокъ» съ формы всей фантазіи съ хорами). Въ послѣднюю половину своего творчества, Бетховенъ постоянно былъ преслѣдуемъ мыслью (чрезвычайно-логической по существу музыки), чтобы въ каждомъ произведеніи послѣдняя часть была рѣшительно *главной*, а все предъидущее—подготовкой. Штраусъ замѣчаетъ: «для того, чтобы развязать узелъ, завязанный въ предѣлахъ чисто-инструментальной музыки, вовсе не требуется «deus ex machina» средствъ музыки вокальной. Если же это такъ, т. е. требуется, то почему же, *Бетховенъ самъ не написалъ вокальныхъ финаловъ для своей симфоніи C—tol* или *A—dur?*» Замѣчаніе это справедливо опять только со внѣшней стороны. Въ сущности—въ главныхъ симфоніяхъ Бетховена (героической, пасторальной Cmoll-ной, еще не говоря о девятой); вездѣ въ *главной* части, т: е: въ финалѣ—слышится *потребность хора*. Голоса оркестра такъ распредѣлены, что совершенно вызываютъ въ воображеніи хоръ голосовъ человѣческихъ; мысль его гребуетъ. И онъ тамъ *есть*, statu latente; чѣмъ серьознѣе мысль, тѣмъ необходимость *пѣнія* ощутительнѣе; еще одинъ шагъ—хоръ является *реально*, statu pátente. Вотъ вамъ и девятая симфонія. Но со стороны *внѣшней красоты*, со стороны гармоничности всѣхъ частей, 9-я симфонія далеко не удовлетворительна въ цѣломъ впечатлѣніи. *И съ этой именно стороны* Штраусъ совершенно правъ. 9-я симфонія никакъ не аттическое произведеніе, напоминаетъ не статуи эллинскихъ ваятелей, а напротивъ въ своемъ глубочайшемъ символизмѣ *нѣсколько—чудовищна*, именно въ томъ родѣ какъ изваянія египетскихъ и ассирій-

Digitized by Google

скихъ божествъ. Это можетъ показаться «профанаціею», но только показаться можетъ. Это—не профанація. Искуство звуковъ, музыкальный языкъ только *начинаетъ* переживать историческіе фазисы своего развитія. Фазисы эти, быть можетъ, отвѣчаютъ только цивилизаціи—древнѣйшей, эмбріонической. До эллинскаго примиренія *всѣхъ* элементовъ, музыкѣ еще куда не близко! Эманципація музыки инструментальной и выработанность этой музыки на *своемъ* полѣ нашла уже себѣ предѣлъ въ Бетховенѣ. *Онъ* довелъ симфонію до ея высшаго разцвѣта, но *онъ* же и почувствовалъ, что собственно-говоря, *вся инструментальная* музыка, всею массою, *тяготѣетъ* опять къ сліянію со словомъ человѣческимъ, съ пѣніемъ. Вся инструментальная музыка, со своими безконечными развитіями, все-таки только *прелюдія* и *подмога* главнымъ музыкально-поэтическимъ впечатлѣніямъ неразлучнымъ съ *мыслію* и съ живою, *человѣческою* музыкою, т: е: съ *пѣніемъ*, отъ котораго *мысль* (слово) не отдѣляется. Инструментальная музыка — эпоха переходная, законченная Бетховеномъ. Заключу геніальными словами Вагнера:

«Можете себѣ писать сколько угодно симфоніи, симфоніи—кантаты и т. д. но помните, что все это уже *ни къ чему. Послѣдняя симфонія уже написана.* Въ ней понадобилось сліяніе инструментальной музыки съ *пѣніемъ*, съ *рѣчью* человѣческою. Колумбъ хотѣлъ только найти путь въ Восточную Индію и открылъ новые полсвѣта. Бетховенъ почувствовалъ необходимость въ *вокальномъ* финалѣ для инструментальнаго произведенія и этимъ самымъ показалъ *несостоятельность* симфонической музыки. Въ сущности она только могучее *подготовленіе* для музыкальной драмы».

А. Сѣровъ.

Digitized by Google

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

Нѣчто о кругѣ «домашнихъ дѣлъ». — Недостаточность содержанія духовно-учебныхъ заведеній и мысли, къ которымъ неизбѣжно ведетъ это обстоятельство.—Постановленіе вятскихъ крестьянъ объ улучшеніи быта ихъ духовенства.—Будущее рѣшеніе вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи.—Начатіе работъ южной желѣзной дороги.—Нѣмая мольба косарскихъ ногъ.—Подарокъ крестьянина Волкова его односельцамъ.

Обозрѣвая ходъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, мы не считаемъ себя въ правѣ дѣлать строгій выборъ предметовъ, къ которымъ относятся замѣчаемыя явленія,—обходить умышленно одни и сильнѣе напирать на другіе по своему одиночному разумѣнію: въ домашней жизни общества, какъ во внутренней жизни отдѣльнаго человѣка, всякое явленіе дорого и важно, и—кто знаетъ, которое изъ нихъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, сильнѣе отразится на организмѣ и поведетъ къ болѣе важнымъ результатамъ?.. Сидя въ четырехъ стѣнахъ и предавась чистому умозрѣнію, можно изобрѣсть много прелестнѣйшихъ мыслей, составить стройную систему домашней жизни и по этой системѣ начать сортировать явленія. Но можетъ также въ окно къ уединенному мыслителю подуть вольный воздухъ съ полей и разнести въ прахъ стройную систему, такъ что подъ его вліяніемъ мыслитель, сбиравшійся говорить о воздушныхъ замкахъ, вдругъ, самъ того не замѣчая, заговоритъ о черноземѣ или о чемъ нибудь подобномъ. Бываютъ такія вещи, что какой-нибудь журналъ, долго усиливавшійся всячески тѣшиться и глумиться надъ тѣми, кто звалъ къ землѣ людей, уносящихся въ океанъ воздушный, вдругъ, по неотразимому велѣнію

Digitized by Google

текущей своимъ путемъ жизни, остановится напримѣръ на средствахъ къ устроенію нашего матеріальнаго общественнаго благосостоянія и скажетъ такія слова:

«...Пока силы наши слабы и средства не велики, намъ надо стремиться къ общественнымъ цѣлямъ не врозь, не въ разбивку, а посредствомъ ассоціацій, соединяя свои силы и средства въ одну сумму. Это облегчитъ намъ борьбу со множествомъ тѣхъ преградъ, которыя лежатъ на пути всякаго промышленнаго прогресса. Но чтобы придать жизнь общинному началу *надо отбросить излишнія взаимныя антипатіи, сойтись ближе людямъ, разрозненнымъ историческими перегородками, узнать получше другъ друга и примириться другъ съ другомъ. Въ этомъ отношеніи сближеніе съ народомъ становится для насъ не пустой фразой славянофиловъ и почвенниковъ, а практическимъ дѣломъ*».

Что же это значитъ? Пока славянофилы и почвенники толковали о необходимости сближенія съ народомъ, о необходимости «узнать получше другъ друга», — все это было — пустая фраза; а какъ только повторилъ то же кто-нибудь другой, хотя бы то была птица попугай, тотчасъ пустая фраза и запахла «практическимъ дѣломъ»? Нѣтъ, это было бы совсѣмъ невозможно: пустая фраза не запахнетъ практическимъ дѣломъ оттого только, что произнесешь ее иначе, не человѣческимъ внятнымъ языкомъ, а птичьимъ, картавя и пришепетывая; дѣло въ томъ, что не можетъ выйдти пустоты и непрактичности, если не будемъ отрывать глазъ отъ жизненной практики, которая вся вытекаетъ извнутри и требуетъ нашего вниманія и... уваженія. Не можетъ быть ничего практичнѣе того дѣла, когда будемъ относиться съ уваженіемъ къ каждому дѣйствительному явленію, къ какой бы области жизни оно ни принадлежало, и раскрывая внутреннія силы общественнаго организма, отъ которыхъ зависитъ явленіе, будемъ стараться помочь наибольшему и наиболѣе-правильному дѣйствію этихъ силъ... Поразительный образчикъ такого практическаго дѣла есть у насъ въ виду.

Славянофильская, какъ ее называютъ, газета «День» остановилась на перепечатанномъ въ «Сѣверной Почтѣ» циркулярѣ епископа Смоленскаго, приглашающемъ духовенство и церковныхъ старостъ усилить средства на содержаніе духовныхъ семинарій и училищъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что семинаріи и училища содержатся на счетъ свѣчного сбора каждой епархіи, къ которому иногда прибавляетъ еще св. Синодъ нѣкоторую сумму изъ процентовъ съ духовно-учебнаго капитала. Этихъ источниковъ, какъ они до сихъ поръ поступали, оказывается мало для покрытія расходовъ по послѣдней смѣтѣ на содержа-

Digitized by Google

ніе Смоленскихъ семинаріи и училищъ, и вотъ—преосвященный приглашаетъ представить отъ каждой церкви *добросовѣстно* составленную вѣдомость: сколько ежегодно получается кружечнаго, кошельковаго, свѣчного и разныхъ другихъ доходовъ, и затѣмъ обозначить, сколько именно впредь каждая церковь ежегодно въ состояніи вносить на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній? Дальше въ циркулярѣ говорится: «Такъ какъ извѣстно, что доселѣ свѣчной сборъ почти вездѣ показывался не *весь*, а только часть его, другая же часть его или обращалась въ кошельковый сборъ, или, нигдѣ не записанная, составляла *секретную* сумму,—то преосвященный убѣждаетъ отнынѣ и всегда показывать въ отчетахъ весь свѣчной сборъ, какъ онъ есть, *безъ всякой утайки*, святительскимъ словомъ завѣряя, что болѣе надлежащаго ни одной копѣйки отъ церкви не потребуется». Оканчивается же циркуляръ такими словами: «Если духовенство откажется удвоить денежный взносъ отъ церквей, то представится печальная необходимость *уменьшить* въ училищахъ, равно какъ и въ семинаріи, *число учащихся*, уничтожить паралельные классы и *лишить содержанія и пособія значительную часть воспитанниковъ*».

Вотъ какое явленіе дѣйствительное! вотъ какое практическое дѣло! А духовныя училища кажется ужь и такъ не богато содержатся. Было напримѣръ, 12-го іюля, публичное испытаніе учениковъ Арзамасскаго духовнаго училища. Посторонній посѣтитель, воротясь съ этого испытанія, подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго, говоритъ: «Средства училища весьма скудны; зданіе, гдѣ оно помѣщается, разваливается, а на поправку духовное вѣдомство денегъ не даетъ, и сколько, съ одной стороны, было утѣшительно видѣть, что въ бѣдной, некрасивой залѣ собралось такъ много почтенныхъ лицъ изъ всѣхъ сословій и званій, съ явнымъ уваженіемъ къ дѣлу образованія духовнаго юношества,—столько же съ другой стороны эти голыя, бѣдныя стѣны взывали къ участію болѣе существенному... Отвѣты учениковъ были очень удовлетворительны, особенно принимая въ соображеніе *отсутствіе всякихъ учебныхъ пособій, книгъ, библіотеки*; учебники старые, учителей всего четверо, а учениковъ около пяти сотъ... и учителя получаютъ жалованья только *десять рублей* въ мѣсяцъ. По истинѣ жаль было смотрѣть на мальчиковъ; ихъ дѣтскія блѣдныя личики, робкій взглядъ, худая одежда краснорѣчиво говорили о состояніи нашего духовенства, а въ иныхъ глазахъ свѣтилось столько ума... и можетъ быть эти способности погибнутъ подъ гнетомъ нужды и горя! Грустно при этомъ вспомнить» и пр.

Отъ бѣднаго состоянія духовныхъ училищъ мысль естественно и невольно перешла къ состоянію самаго духовенства; а отсюда она так-

*

Digitized by Google

же естественно пойдетъ и дальше тѣмъ же путемъ дѣйствительныхъ явленій и фактовъ. Изъ города Вязьмы (что̀ Смоленской губерніи) нѣкто пишетъ въ газету «Голосъ»: «Когда коснулись вопроса объ улучшеніи быта духовенства, и нужно было узнать, что̀ могутъ тутъ пособить мѣстныя общества, то здѣшнее городское общество не выразило притомъ того сочувствія и готовности, которыхъ можетъ быть ожидали... Нельзя не замѣтить, между прочимъ, и особенной разрозненности между бытомъ прихожанъ и бытомъ духовенства. Кажется ужъ какъ близко живутъ между собою, а иногда обнаруживается нѣчто въ родѣ большого взаимнаго незнакомства. Духовенство жалуется на крайнюю бѣдность, что̀ и понятно, а вокругъ слышатся часто толки совсѣмъ противоположные, которые составляютъ въ свою очередь одну изъ важныхъ причинъ общественнаго равнодушія. Мнѣніе о состоятельности духовенства, несмотря на очевидные признаки противнаго, и даже невозможность ея,—довольно безъискусственно, и причину его слѣдуетъ искать не въ чемъ другомъ, какъ въ той же самой разрозненности духовенства съ приходомъ, которая вредитъ такъ много, и въ вопросѣ объ улучшеніи быта духовенства дѣлается рѣшительнымъ затрудненіемъ.... Фактъ нынѣшняго равнодушія общества къ нуждамъ духовенства не новъ и встрѣчается часто. Тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ вниманія. Это—послѣдствіе того положенія духовенства въ средѣ прихода, которое устроилось за долго, поддерживалось въ послѣднихъ вѣкахъ и укрѣпилось. Тутъ неминуемо должна была явиться черта, разрѣзывавшая прежнюю непосредственную близость съ народомъ и обособившая одно отъ другого. Преданіе укрѣпило все это. Духовенство все болѣе устанавливалось отдѣльно отъ народа, на попеченіи однихъ государственныхъ средствъ. Всѣ послѣдствія такого отдѣленія были неизбѣжны. Теперь мы видимъ, что живая связь съ народомъ незамѣнима, и что безъ нея плохо клеятся средства поправить и улучшить дѣла».

Такимъ образомъ и здѣсь дѣло доходитъ до потребности въ «живой связи съ народомъ», потому что настаетъ надобность въ его сочувствіи, безъ котораго, говорятъ, ничего не подѣлаешь. Гдѣ же взять его? Газета «День», возбужденная смоленскимъ циркуляромъ, прилежно занялась этимъ вопросомъ, т. е. дѣломъ сближенія духовенства съ народомъ, причта съ приходомъ; отъ таковаго сближенія чается, какъ видите, и улучшеніе быта духовенства, и усиленіе средствъ къ образованію духовнаго юношества. И это—«не пустая фраза».

Чтобы придти къ практическому указанію, нужно было прежде разъяснить, откуда произошло настоящее положеніе дѣла. Въ одной

Digitized by Google

статьѣ «Дня» говорится, что если право поставлять священниковъ принадлежало всегда только епископамъ, то право избирать въ приходъ того или другого священника всегда принадлежало самимъ прихожанамъ. У насъ въ Россіи сами прихожане отыскивали себѣ священника; въ иныхъ мѣстахъ заключали съ ними контракты, а избраннымъ лицамъ, еще не имѣющимъ священническаго сана, давали *заручныя*, *выборы*, или другіе документы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что они избранное лицо желаютъ имѣть у себя священникомъ. «О томъ, продолжаетъ авторъ, какимъ образомъ ослабъ обычай выбора прихожанами своихъ священниковъ, я слышалъ отъ старыхъ священниковъ вотъ что: прихожане выбирали такихъ кандидатовъ на священническія мѣста, которыхъ они знали,—своихъ или сосѣднихъ діаконовъ или причетниковъ, заслужившихъ ихъ расположеніе. Большая часть священниковъ были не болѣе учены, чѣмъ причетники, а малое число выходившихъ изъ семинарій учениковъ не представляло возможности къ тому, чтобы всѣ священники были изъ кончившихъ курсъ въ семинаріяхъ. Архіереи должны были по необходимости признавать достойными священническаго сана выбранныхъ, хотя и неучившихся. Но когда увеличивалось число выходящихъ изъ семинарій, и представилась возможность замѣщать всѣ или почти всѣ мѣста священниковъ вышедшими семинаристами, тогда архіереи переставали признавать достойными священнаго сана выбираемыхъ неучей, и вмѣсто ихъ стали ставить священниками ученыхъ семинаристовъ, «хотя бы объ нихъ приходскіе люди и не били челомъ», какъ указано въ опредѣленіи св. Синода 22 октября 1722 года... Но съ тѣхъ поръ, какъ представленіе «заручныхъ» или «выборовъ» отъ прихожанъ перестало быть непремѣннымъ условіемъ для полученія священническаго мѣста, самый обычай составлять «заручныя» ослабѣлъ и потерялъ свою правильность. Нерѣдко случается, что діаконы или семинаристы, извѣстные прихожанамъ, представляютъ «заручныя» за подписью далеко не большинства прихожанъ, а только за подписью своихъ пріятелей и тѣхъ, которыхъ они успѣютъ уговорить такую заручную подписать» и пр.

Это было началомъ разрозненности приходскаго духовенства съ прихожанами; но кромѣ того, какъ говорится въ другой статьѣ, особенный элементъ офиціальности и формальности, — неизбѣжный, вполнѣ законный и умѣстный въ сферѣ государственныхъ отправленій, — охарактеризовалъ собою у насъ, къ сожалѣнію, съ XVIII вѣка, и отношенія приходскихъ церквей (какъ церковныхъ административныхъ единицъ) къ своему церковному начальству»... «Общія начала церковной администраціи, принятыя со временъ Петра, были въ противорѣчіи иногда съ ея собственными лучшими стремленіями, парализиро-

Digitized by Google

вали благія усилія самаго церковнаго правительства. Такъ напримѣръ, на основаніи указа Петра I-го, 1721 г., учреждены при церквахъ церковные старосты, сначала «для продажи свѣчъ», а въ послѣдствіи, по опредѣленіямъ Синода 1723 и 1747 гг., имъ-же поручены: «сборъ доброхотнаго подаянія, покупка церковныхъ потребностей, храненіе церковной суммы, записываніе прихода и расхода» и пр., наконецъ въ Высочайще утвержденной 17 октября 1808 г. «Инструкціи церковнымъ старостамъ», обязанности послѣднихъ, равно какъ и церковная отчетность, опредѣлены точными правилами... Эти правила не устраняютъ по видимому участія общества: старосты, какъ на основаніи указовъ, такъ и по инструкціи дожны быть *избираемы* всѣмъ приходомъ, — они суть «повѣренные прихожанъ», назначаются по подписанному ими приговору; мало того, по §§ 9 и 10 инструкціи, по прошествіи каждаго мѣсяца должно происходить свидѣтельствованіе прихода и расхода церковной суммы, завѣдываемой старостою, въ присутствіи всего причта *и прихожанъ*, «буде они отъ сего не отрекутся», прибавлено въ 9-мъ § инструкціи. Эта оговорка свидѣтельствуетъ какъ о предусмотрительности составителей инструкціи, такъ и объ ослабленіи церковной общинной жизни: прихожане не воспользовались своимъ правомъ или, вѣрнѣе сказать, обязанностью, — да по правдѣ сказать и священники никогда имъ о томъ не напоминали. (Они по дѣламъ церковно-хозяйственнымъ имѣютъ уже только въ виду свои офиціальныя отношенія къ высшему церковно-административному начальству, которому обязаны формальной отчетностью; отъ приходской-же общины считаютъ себя совершенно независимыми, такъ какъ сама община въ эти дѣла вовсе не входитъ и участія къ нимъ никакого не оказываетъ). Такимъ образомъ и сложился тотъ неудобный порядокъ, который мы видимъ нынче: церкви, вообще говоря, богаты, а благотворительныхъ учрежденій и школъ при церквахъ почти не существуетъ, — содержать духовныя училища и семинаріи нечѣмъ, — въ отчотахъ показывается неправда, — водятся *секретныя* суммы и *секретные* расходы»...

Суммами церковныхъ сборовъ и всѣми расходами изъ нихъ завѣдуютъ церковные старосты, и если нѣтъ основанія подвергать ихъ общему обвиненію въ не строгомъ «прохожденіи» должностей, то часто случается (какъ разсказываетъ приводимая статья), что «староста-*секретный* остатокъ отъ свѣчного сбора или даже отъ другихъ статей дохода, представляетъ въ церковь какъ *свое* личное приношеніе или употребляетъ хоть на церковь, но по *своему* личному усмотрѣнію. Мы слышали множество разсказовъ о томъ, какъ церковные (изъ ку-

Digitized by Google

печества) старосты двухъ приходовъ въ Москвѣ, перенося личное тщеславіе на свои приходскія церкви, соперничали другъ съ другомъ въ наружномъ благолѣпіи храма, въ объемѣ, вѣсѣ, въ качествѣ и силѣ звона колоколовъ, и доводили это соревнованіе чуть не до сумасбродства».

Наконецъ — еще обстоятельство: теперь каждый приходъ представляетъ въ консисторію опредѣленную сумму (не ниже извѣстной цифры) свѣчного сбора на содержаніе училищъ, и — «такъ какъ эта сумма сосредоточивается въ Петербургѣ, въ вѣдомствѣ центральнаго духовно-учебнаго управленія, то излишекъ, оставшійся отъ одной епархіи (за покрытіемъ смѣтныхъ расходовъ на училища и семинарію), передается иногда другой епархіи, въ сущности нисколько не бѣднѣйшей, а представляющей меньшую сумму сбора... Кромѣ того, учрежденіе центральнаго духовно-учебнаго управленія по необходимости требуетъ издержекъ и содержанія значительнаго числа чиновниковъ. «Имѣя въ виду эти посторонніе для нашей епархіи расходы, (такъ признаются, по словамъ «Дня», нѣкоторые священники), мы и не показываемъ сполна всей суммы свѣчного сбора, но мы охотно платили бы вдвое и втрое, еслибы знали, что наши деньги идутъ на содержаніе именно нашихъ епархіальныхъ училищъ, т. е. тѣхъ мѣстъ, гдѣ воспитываются наши дѣти; мы бы еще охотнѣе содѣйствовали всяческому усовершенствованію духовно-учебной части въ нашей эпархіи, если бы могли видѣть собственными глазами, какъ и куда расходуются приходскія приношенія».

Теперь кажется совершенно понятенъ смыслъ Смоленскаго циркуляра. И вотъ какія практическія указанія извлекли мы изъ статей, занявшихся этимъ предметомъ.

Чтобы возстановить близость приходскаго духовенства съ прихожанами, слѣдуетъ, говорятъ, установить правильный способъ опредѣленія на священнослужительскія мѣста, а для этого — установить повсемѣстно церковныя братства или приходскіе совѣты, которые-бы представляли единеніе всѣхъ прихожанъ для удовлетворенія общимъ приходскимъ духовнымъ нуждамъ, и которыхъ «заручныя» и «выборы» могли бы дѣйствительно всегда приниматься въ уваженіе, какъ выраженіе желанія цѣлаго прихода. Сверхъ того, слѣдуетъ такъ поставить мѣста причетниковъ, чтобы окончившіе курсъ въ семинаріяхъ могли ихъ занять охотно и могли служить приходамъ извѣстными на дѣлѣ кандидатами на мѣста священниковъ... При избраніи такимъ образомъ самими приходами своихъ священниковъ, обезпеченіе ихъ матеріальными средствами уже будетъ естественно лежать на самихъ приходахъ...

Digitized by Google

Далѣе: «полезно было-бы освободить по возможности систему церковнаго управленія, хоть-бы только въ данномъ случаѣ (т. е. въ отношеніи денежной отчетности и содержанія училищъ и семинарій на счотъ приходскихъ церквей) отъ казенности и вообще формализма»... «Предположимъ, что обязательное доставленіе въ консисторію выручки за продажу свѣчей вмѣстѣ съ офиціальной отчотностью — было-бы отмѣнено, и что соображенія епархіальнаго начальства о нуждахъ епархіи по духовно-учебному вѣдомству — предоставлены были бы на усмотрѣніе всѣмъ епархіальнымъ приходамъ. Напримѣръ для Смоленской епархіи необходимо 40 т. р., для Московской 108 т. р. Всѣ Смоленскіе и Московскіе приходы, если бы не были связаны формальной отчотностью, если бы сознавали себя полными хозяевами въ экономическихъ дѣлахъ своей приходской церкви, — сдѣлали бы безъ сомнѣнія раскладку между собою (съ помощію установленія общихъ собраній мірянъ и духовенства всей епархіи, въ лицѣ избранныхъ отъ приходскихъ общинъ), и изъ свѣчного-ли, изъ другого-ли сбора непремѣнно удовлетворили нуждамъ епархіи. Если бы старосты отдавали главный отчотъ въ церковныхъ суммахъ не начальству собственно, но своимъ прихожанамъ, въ общемъ приходскомъ собраніи, и если бы приходскія общины знали, что безъ ихъ вѣдома и согласія не можетъ быть израсходована или взята у нихъ ни *одна копѣйка*, какъ выражается преосвященный Антоній (епископъ Смоленскій); то всѣ статьи доходовъ и всѣ статьи расходовъ были-бы явны и гласны, не было бы надобности ни въ *секретныхъ* суммахъ, ни въ неправильныхъ показаніяхъ суммъ въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ, ни вообще въ той тайнѣ и въ той неправдѣ, которыя такъ несовмѣстны съ значеніемъ церкви».

А что бы все это не назвалъ кто нибудь «пустою фразой» или по крайней мѣрѣ отдаленными и трудно-исполнимыми мечтами, то вотъ чѣмъ оканчиваетъ газета «День» одну изъ своихъ статей объ этомъ дѣлѣ:

«Въ заключеніе позволимъ себѣ предложить тѣмъ читателямъ, которые согласны съ этою нашею статьею, попытаться привести немедленно въ исполненіе 9 и 10 §§ инструкціи церковнымъ старостамъ. Не найдутъ-ли они удобнымъ теперь-же, въ урочные дни, назначенные этими параграфами, предложить священно и церковно-служителямъ и церковнымъ старостамъ своихъ приходскихъ церквей произвести освидѣтельствованіе суммъ, повѣрку книгъ, статей прихода и расхода, въ своемъ присутствіи, и за тѣмъ не потрудятся-ли они сообщить свѣдѣнія о результатахъ этой ихъ первой попытки — къ намъ въ редакцію для напечатанія въ нашей газетѣ»??..

Digitized by Google

Остается, разумѣется, желать, чтобъ этотъ вызовъ не остался безотвѣтнымъ, т. е. окончательно перешолъ-бы въ «практическое дѣло».

Въ ожиданіи, чѣмъ разрѣшится вызовъ, мы приведемъ одну корреспонденцію изъ Вятской губерніи, напечатанную въ «Православномъ Обозрѣніи». Извѣстно, что для разрѣшенія вопроса о средствахъ къ улучшенію быта духовенства собираются теперь всюду на мѣстахъ свѣдѣнія и данныя по распоряженію правительства. Дошло это распоряженіе до села Мостоваго, Вятской губерніи; сельской причтъ, по предложенію мѣстнаго благочиннаго, созвалъ въ воскресный день, послѣ обѣдни, сходку и предложилъ на разсужденіе прихожанъ объ улучшеніи быта духовенства... Не правда-ли, читатель, что очень любопытно послушать это разсужденіе, — разсужденіе крестьянъ села Мостоваго о предметѣ, надъ которымъ трудятся столько учрежденныхъ по всей Руси комитетовъ? Корреспондентъ говоритъ, что крестьяне сначала удивились: они думали, что это дѣлается по жалобѣ на нихъ причта, и стали спрашивать: неужели причтъ недоволенъ ими, прихожанами, и средствами, какія они ему доставляютъ? Имъ объяснили, что никакой жалобы не было, но что Государю угодно «освободить духовенство отъ нареканій и униженія, какія оно обыкновенно терпитъ при сборѣ руги и другихъ добровольныхъ подаяній». Послѣ этого причтъ удалился и сходка осталась разсуждать на просторѣ. Чрезъ нѣкоторое время причтъ былъ позванъ для выслушанія постановленія и выслушалъ слѣдующее: «Священникамъ прихожане обязываются, вмѣсто земли, руги и всѣхъ добровольныхъ подаяній, платить жалованье въ такомъ размѣрѣ, какой будетъ опредѣленъ (начальствомъ, какъ выражалась сходка), собирая это жалованье въ податяхъ и разверставъ на души. Отъ землепашества они рѣшительно освобождаютъ священниковъ, потому что для успѣшнаго хозяйства нужно быть постоянно на работѣ самому, а между тѣмъ въ священникѣ можетъ случиться нужда въ самое горячее, страдное время. Діакону и причетникамъ жалованья не полагаютъ, а считаютъ для нихъ возможною обработку земли или, вмѣсто того, прихожане будутъ платить имъ ругу и давать добровольныя приношенія по старому, платить отдѣльно отъ священниковъ добровольную плату за требоисправленія. Строить дома, давать прислугу, подвозить къ домамъ дрова — прихожане не обязываются, хотя не отказываются помогать причту изъ усердія, какъ было и прежде».

«Такое умное постановленіе, признается корреспондентъ (который никто иной, какъ священникъ села Мостоваго), удивило причтъ». Дѣйствительно, если оно не каждаго удивитъ, то каждый непременно дол-

Digitized by Google

женъ согласиться, что въ немъ много здраваго практическаго смысла и есть какое-то благодушное спокойствіе. Крестьянскіе постановленія и приговоры вообще были недавно предметомъ сильнаго разногласія и спора; подверглась со стороны нѣкоторыхъ мыслителей сомнѣнію способность нашихъ сельскихъ людей дѣлать умныя и справедливыя постановленія. Теперь этотъ споръ умолкъ, кажется за невозможностью разрѣшить его путемъ высшихъ политическихъ соображеній, и только корреспонденты продолжаютъ изъ разныхъ мѣстъ доставлять матеріалы для разрѣшенія его инымъ путемъ—неотразимою силою фактовъ. И пусть продолжаютъ! Мы съ своей стороны намѣрены пособрать сколько можно такихъ матеріаловъ, освѣтить ихъ тономъ и взглядами самихъ корреспондентовъ, какъ ближайшихъ свидѣтелей и очевидцовъ, и въ такомъ видѣ представить все дѣло на разсмотрѣніе и заключеніе читателямъ. У насъ и теперь есть въ виду нѣсколько подходящихъ данныхъ, но это дѣло не такого рода, чтобы торопиться съ нимъ и представлять его по частямъ и въ отрывкахъ. При томъ время не заглушаетъ, а только больше и больше разъясняетъ его; каждый день подвигаетъ его впередъ и рельефнѣе выставляетъ то ту, то другую его сторону... И такъ—до другого раза о крестьянскомъ самоуправленіи...

Есть огромная новость, обѣщающая лишній сильный толчокъ къ развитію внутреннихъ силъ русской земли. Это — начало сооруженія такъ называемой *южной* желѣзной дороги, т. е. изъ Москвы къ Черному морю. Очень долго ждали всѣ, съ самыми теплыми желаніями, этого начала, и вотъ наконецъ—15 и 18-го іюля отпразднована закладка и работы открыты на протяженіи 92-хъ верстъ. «Словно какой-то животворный геній пронесся внезапно по всему девяностодвухъверстному разстоянію отъ Москвы до Серпухова, гдѣ уже высыпали на работу тысячи землекоповъ-юхновцевъ», — такъ сказано въ «Сѣверной Пчелѣ». Москва, говорятъ, невыразимо рада этому событію, а въ особенности тому, что дѣло начато домашними средствами, а не съ помощью англійской компаніи, которая брала всю линію на югъ, но на очень дорогихъ условіяхъ: 100.000 руб. съ версты, съ гарантіею $6^1/_4$ %. Теперь главное управленіе путей сообщенія открыло работы своими средствами, *пока*, т. е. до окончанія данной англичанамъ льготной отсрочки, которая кончится нынѣшней осенью. Мы не знаемъ, въ какихъ именно видахъ сдѣлано это начало: вслѣдствіе-ли плохой надежды на англійскую компанію, или просто чтобы не упускать

Digitized by Google

даромъ времени и потомъ произведенныя работы передать компаніи но во всякомъ случаѣ не можетъ-же быть, чтобы при окончаніи означенной льготной отсрочки осталось безъ вниманія и послѣдствій то; обстоятельство, что по расчоту, дѣлаемому на основаніи условій, заключенныхъ теперь съ русскими подрядчиками (Гладинымъ, Бусуринымъ и Епишкинымъ), каждая верста дороги отъ Москвы до Серпухова, въ окончательной отдѣлкѣ и вмѣстѣ съ подвижнымъ составомъ, должна обойтись въ 50 и никакъ не дороже 60-ти тысячь рублей, т. е. вдвое дешевле того, что проситъ англійская компанія. Вѣдь наглядный, уже сдѣланный опытъ долженъ быть очень убѣдителенъ для какой-бы то нибыло компаніи! Правда, съ помощію компанейскихъ капиталовъ дорога можетъ быть скорѣе была-бы сооружена, нежели одними нашими домашними силами; но—и то неизвѣстно: какъ знать, на сколько эти домашнія силы развернутся при дальнѣйшемъ развитіи уже начатаго дѣла?

Вскорѣ послѣ этого радостнаго для Москвы (какъ и для всей Руси, разумѣется) событія, ей, т. е. Москвѣ, послала судьба еще подобное удовольствіе. Это—послѣдовавшее 26 августа открытіе вновь оконченнаго участка желѣзной дороги отъ Коломны до Рязани, составляющаго окончаніе укороченной линіи, первоначально называвшейся Московско-Саратовскою, а потомъ переименованной въ Московско-Рязанскую. Но это второе удовольствіе конечно далеко не могло сравниться съ первымъ: значеніе Московско-Рязанской линіи еще не опредѣлилось, и многіе не признаютъ за ней большой важности, тогда какъ объ огромной важности южной дороги даже странно и говорить. Даже... мы не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь премилой и прегривой пѣсенки нѣкоего домосѣда, который, домосѣдничая гдѣ-то, должно полагать на югѣ, въ уѣздной глуши, поетъ эту пѣсенку, по его словамъ, для того только, чтобы заявить о своемъ существованіи, и шутливо уподобляетъ свое желаніе заявить о себѣ съ извѣстнымъ желаніемъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Воспѣвъ благоприличное положеніе дѣлъ въ высшихъ сферахъ своего уѣзднаго убѣжища, домосѣдъ такъ продолжаетъ свою пѣсню:

«А между тѣмъ, на дальнемъ фонѣ нашей городской и уѣздной жизни, гдѣ вверху такая тишь и гладь, и только кой-гдѣ зарябитъ и пойдутъ круги и кружки по зеркальной поверхности тихой стоячей воды,—между тѣмъ и здѣсь по базарной городской сценѣ пробѣгаютъ мутныя волны народной жизни. Толпы косарей, возвращаясь съ дальней проходки, по неотысканію работъ, проходятъ усталые, обношен-

Digitized by Google

ные, тысячами ежедневно. Эти своего рода — вольные, невольные-ли туристы, Богъ вѣдаетъ, какъ ихъ назвать,—не одинъ нынѣшній годъ задаютъ гонку изъ средней Россіи въ Черноморье, въ Крымъ и на Донъ,—авось работу найдутъ. И вотъ уже третье лѣто тянутъ въ маѣ длинной вереницей назадъ: травъ тамъ нѣтъ, косить нечего, и съ пустою мошной, съ пустыми желудками пробираются бѣдные домой. И куда несмѣтлива, подумаешь, эта русская рабочая сила! тянетъ себѣ съ весны тысячами, и все подъ телеграфными столбиками шествуетъ, а вверху проволока заморская гудитъ; чтобы кажется по струнѣ-то спросить: есть-ли тамъ травы на Дону да въ Черноморьѣ; будетъ-ли что косить? Да по пословицѣ «не всякому слуху вѣрь», — не слишкомъ русскому человѣку и въ телеграфные слухи вѣрится, да и кого спросить?! -Притомъ думаетъ себѣ рабочій людъ, протаптывая окольныя тропинки по большимъ дорогамъ: пока-то доберемся, — какъ травамъ не вырости? еще какъ успѣютъ! Вотъ и валитъ ихъ несмѣтная сила, и дойдутъ до степей обѣтованныхъ; травъ не найдутъ и потянутъ тѣмъже слѣдомъ назадъ. Только какъ на бѣду не разъ случалось,—уйдутъ косари, а дожди пошли и травы поднялись, да косить не кому. Косари-же, тѣмъ временемъ пробираясь обратнымъ путемъ, съ голоду, работы какъ милостыни просятъ; только работы нѣтъ. Эти-то невольные русскіе туристы и не прочь, если бы чугунка была,—по чугункѣ прокатиться, поспѣли-бы какъ разъ, когда травы поспѣваютъ, и хлѣбъ-бы убрать потрудились, и поѣхало-бы ихъ не сотня другая тысячь, какъ ходятъ теперь; поѣхало-бы ихъ вдвое и втрое. Не осталось-бы въ широкихъ степяхъ травы некошенной, хлѣба неубраннаго, и сѣять стали-бы въ нашихъ степяхъ вдоволь. Голодному Ирландцу столько-бы хлѣба наддали, что и картофель-то пожалуй-бы позабылъ. Не пропадалъ-бы даромъ косарской трудовой потъ; навезли-бы намъ за шерсть, за ленъ, за пшеницу золотомъ—серебромъ силу великую, и бумажкамъ-бы нашимъ почотъ былъ другой... Теперь-же посмотришь—мошны у косарей пустыя и желудки не сытые, а ногамъ куда какъ досталось; и грязь мѣсили, и по щебню прошлись, и солнцемъ ихъ припекло, и потрескались!—Кто пройдетъ или проѣдетъ, да посмотритъ на эти тысячи босыхъ, обтерпѣвшихся, кровью запекшихся ногъ, пойметъ нѣмую просьбу бѣдныхъ туристовъ.

«Да и какъ-же имъ о себѣ просить?—вѣдь и ревизора-то такого, Хлестакова, пожалуй теперь уже не сыщется, чтобы взялся министру о нихъ доложить: «что ходятъ, молъ, несмѣтною силою косарскіе ноги, работы ищутъ, и очень-бы желали эти ноги по чугункѣ прокатиться, да чугунки нѣтъ». Сапоги у нихъ цѣлы, за плечами висятъ; юфтовая

Digitized by Google

кожа хоть и смазная, а все противъ своей русской не вынесетъ. Да куда-бъ хорошо, кабы и сапоги цѣлы и ноги-то поцѣлѣй были, — великая-бы тому помощь отъ чугунки была.

«И не одни косарскія ноги нѣмою мольбой о томъ просятъ,—просятъ Новороссійскія, Крымскія черноземныя земли и цѣлинныя степи: «Дайте намъ живой водицы испить, трудомъ русскимъ обновиться, — не понутру намъ колоніи нѣмецкія, татары, греки, болгаре выписные. И зачѣмъ-же это насъ русская сила войной завоевала, татаръ прогоняла, когда свой русскій людъ къ намъ не шлетъ?» — А очень къ нимъ русскій людъ порывался, до рѣкъ до молочныхъ добирался и безъ паспорту пускался,—да все ворочали»...

Безъ паспорту къ молочнымъ рѣкамъ... Вотъ воспоминаніе! А вѣдь многимъ еще живо-памятно это время рьянаго порыванья въ какую-то обѣтованную землю, время мгновенно поднявшагося движенія, за которое увлекшимся золотой мечтой пришлось такъ недешево поплатиться; между тѣмъ — гдѣ это время? гдѣ теперь самая возможность такого безпаспортнаго движенія? — Ея уже нѣтъ на нашей русской землѣ; она умерла вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, и отъ той и другого остались только подлежащіе постепенному вывѣтриванію на вольномъ воздухѣ, слѣды въ общественныхъ нравахъ, да еще любопытные и странные анекдоты въ родѣ того, что недавно былъ напечатанъ въ «Журналѣ Министерства Юстиціи»,—именно о томъ, какъ одна помѣщица продала другому помѣщику себя съ мужемъ и дѣтьми.

Мы однако, забывшись, не простились должнымъ порядкомъ съ «нѣмою мольбою» косарскихъ ногъ и новороссійскихъ черноземныхъ пространствъ. Да! вѣсть о начатіи работъ по постройкѣ южной дороги должна пронестись между косарями и по всѣмъ новороссійскимъ и крымскимъ пространствамъ такимъ-же «животворнымъ геніемъ», какой, по выраженію «Сѣверн. Почты», пронесся по линіи отъ Москвы до Серпухова. Эта вѣсть такъ хороша, что она въ состояніи смягчить отчасти скорбь, наводимую другими, противоположными, т. е. совсѣмъ печальными вѣстями... Мы разумѣемъ пожары. Огонь опять прошолся нынѣшнимъ лѣтомъ по многимъ мѣстамъ. О пожарахъ впрочемъ мы теперь много говорить не будемъ; потому что что-же, кромѣ изліяній скорби, теперь о нихъ скажешь? О необходимости помочь погорѣльцамъ — знаетъ каждое русское сердце... Вотъ, взамѣнъ того и въ заключеніе, извѣстіе изъ Каширскаго уѣзда (Тульской губерніи). Выписываемъ его слово въ слово изъ Газеты «Голосъ»:

«Каширскаго уѣзда, участка Фроловской волости, деревни Смедов-

Digitized by Google

ской, временно-обязанный крестьянинъ Петръ Ивановъ Волковъ, проживающій въ Москвѣ по паспортамъ, прислалъ къ празднику св. Пасхи *въ подарокъ своему сельскому обществу* пожарную трубу, стоящую 50 рублей сер., которая по изслѣдованіи оказалась совершено удовлетворительною, дѣйствуя съ большою силою перекидывая воду чрезъ самыя высокія крестьянскія строенія».

Digitized by Google

ТОКЕА ИЛИ БѢЛАЯ РОЗА.

ГЛАВА XXVIII.

> Господы! Господы! Друзьямъ часто бываетъ трудно свидѣться вновь; но горы могутъ быть сдвинуты землетрясеніемъ и встрѣтиться опять.
>
> *Шекспиръ.*

Загородный домъ, въ которомъ такъ безцеремонно распоряжался нашъ сквайръ, и въ которомъ онъ, повидимому, былъ какъ у себя дома, принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ многихъ плантацій на р. Миссисипи, блестящія богатства которыхъ, почти всегдашній удѣлъ владѣтелей, выказываются не столько въ величественной наружности зданій, сколько въ пышномъ великолѣпіи ихъ внутренней обстановки. Домъ этотъ состоялъ только изъ двухъ этажей и покоился на сваяхъ, вѣроятно для свободнаго теченія воздуха, а можетъ быть и по причинѣ ежегоднаго разлитія Миссисипи; онъ былъ построенъ очень легко, и очевидно скорѣе для защиты отъ палящаго зноя, чѣмъ отъ зимняго холода. Восемь ступеней изъ бѣлаго мрамора вели къ *піацца* и къ перистилю, украшавшему передній фасадъ дома; въ промежуткахъ коллонады находились высокія окна съ жалюзи, устроенными также для поддержанія свободнаго теченія воздуха, въ продолженіи жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

На заднемъ планѣ находились два другія, довольно боль-

Digitized by Google

шія зданія; одно изъ нихъ, повидимому, было предназначено для помѣщенія должностныхъ лицъ плантаціи, а другое для складки колоніальныхъ произведеній. Къ этимъ двумъ зданіямъ примыкали два ряда меньшихъ, но удобообитаемыхъ блокгаузовъ, для *чернаго* народонаселенія плантаціи, а за ними, по направленію къ кипарисовымъ лѣсамъ, раскидывалась обширная площадь, разбитая на продолговатые четвероугольники, на которой торчали огромныя, высохшія, голыя деревья, лишенныя листьевъ, коры и вѣтвей. Широкіе промежутки между этими деревьями засажены были высокими и уже разросшимися кустами; на высохшихъ цвѣточныхъ вѣнчикахъ ихъ мѣстами видны были растрескавшіяся сѣмянныя капсюли, изъ которыхъ выглядывала нѣжная, бѣлая, такъ называемая хлопчатая бумага, посаженная на поляхъ попеременно съ маисомъ. Большая часть этихъ хлопчатыхъ и маисовыхъ полей очевидно была отнята у кипариснаго болота и осушена посредствомъ рвовъ; контрастъ, представляемый роскошнымъ, непроницаемымъ первобытнымъ лѣсомъ и бездонными болотами, давалъ ясное понятіе о томъ, какія надобно было употребить усилія, чтобъ изъ этой дикой, страшной пустыни образовать такую прелестную плантацію, и такимъ образомъ мало по малу изъ притона хищныхъ звѣрей создать почти царское владѣніе.

Видно было, что всѣмъ этимъ управлялъ человѣкъ съ сильною энергіею, который, переходя постепенно отъ самаго необходимаго, къ роскоши и комфорту, съ полнымъ сознаніемъ силъ своихъ соединялъ желѣзную волю. Но если съ одной стороны человѣколюбивому наблюдателю больно было видѣть эти явные слѣды тягостной барщины, то съ другой стороны онъ мирился опять съ нею, при видѣ этого веселаго и беззаботнаго маленькаго населенія; рѣзво возясь и суетясь по улицѣ опрятной деревушки, оно доказывало покрайней мѣрѣ, что если желѣзная воля господина принуждала его къ постоянной дѣятельности, онъ въ тоже время дѣлала ихъ соучастниками въ пользованіи плодами этой дѣятельности, въ такой мѣрѣ, что многія тысячи обитателей стараго свѣта могли бы смотрѣть на это завистливымъ окомъ.

Если бы кто видѣлъ этихъ людей съ курчавыми головами,

Digitized by Google

какъ они рѣзвились и забавными прыжками мчались вдоль улицы, между двумя рядами хижинъ; стройныхъ дѣвушекъ, съ ихъ пестрыми, живописными головными уборами изъ свѣтлозеленыхъ или яркокрасныхъ шелковыхъ платковъ, свитыхъ жгутомъ, — какъ онѣ, смѣясь и балагуря, выплясывали съ молодыми парнями; или стариковъ и старухъ, откормленныхъ и хорошо одѣтыхъ, съ наслажденіемъ потягивающихъ изъ своихъ коротенькихъ трубочекъ, — если бы кто видѣлъ все это, тотъ напрасно искалъ бы вокругъ себя тѣ сердцераздирающія страданія, которыя пристрастное невѣжество такъ щедро приписывало этому, конечно угнетенному классу, и которыя, если иногда и существуютъ, то, къ чести американскаго характера, далеко не повсемѣстны.

Законъ и чувство справедливости достойнаго гражданина юга во многомъ улучшили жребій этого класса жителей, и если съ одной стороны покажется тяжкимъ, что несчастные негры, оторванные отъ своей родины, и ихъ потомки принуждены работать на чужихъ господъ, то съ другой стороны мы не должны забывать, что эти господа, не виноватые въ этой барщинѣ, сами страдаютъ отъ наслѣдованнаго гнета невольниковъ.

Солнце между тѣмъ поднялось изъ за кипарисовыхъ лѣсовъ, огромнымъ вѣнкомъ окаймляющихъ плантацію съ восточной стороны, и лучи его мало по малу разрѣдили густой туманъ, покрывавшій всю мѣстность; только надъ рѣкою носился онъ еще громаднымъ слоемъ, а за нимъ, на противоположномъ берегу, плантаціи и лѣса ограничивали горизонтъ.

Прелестная дѣвушка, въ изящномъ утреннемъ платьѣ, выбѣжала на піаццу передъ домомъ и стала со вниманіемъ смотрѣть по направленію къ *байю*, откуда черезъ лугъ, сквозь группы китайскихъ тюльпановъ, апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ, открывался обширный видъ на западъ, на р. Миссисипи. Далѣе къ сѣверу видъ этотъ ограничивался *блоффами* или нагорьемъ, котораго крутые глинистые обрывы, покрытые жасминомъ и виноградными лозами, тянулись не въ далекѣ отъ *байю*, извивающагося вдоль плантаціи.

Digitized by Google

Стройный ростъ, прекрасная головка, которая по временамъ вскидывалась съ нѣкоторою гордостію, нѣжное, подернутое легкимъ румянцемъ лицо, въ мимикѣ котораго выражалось не столько живость, сколько то, что французы называютъ piquant, проницательные темноголубые глаза,—были рѣзко характеристическія черты этой интересной дѣвушки. Она стояла прислушиваясь и устремивъ взоры на *байю*, какъ вдругъ выбѣжала другая дѣвушка, которая, обвивъ ее рукою, весело повлекла къ чугунной рѣшеткѣ мраморной піаццы.

— А знаешъ ли ты, *сисси* (*), сказала она,—что у насъ гости? да еще премилыя гости, говоритъ Полли.

— Да, двѣ индіанки, ск-сквовы, отвѣчала *сисси*, насмѣшливо искривляя губки, точно боясь, чтобы это неуклюжее слово не расширило до неприличія ея прелестнаго ротика;— ты вѣдь знаешь haut gout нашего сквайра.

— Нѣтъ, нѣтъ, Верджи (**). *Па* самъ пригласилъ ее и, говорятъ, онъ отъ нея въ совершенномъ восторгѣ. Она еще спитъ, но Полли говоритъ, что она дивно хороша. Полли только что пошла взглянуть на нее.

— Послушай, Габріеля! перебила гордая красавица свою болѣе нѣжную сестру, простодушно веселые глазки которой и бѣлокурая кудрявая головка, повидимому, нѣсколькими годами позже явились на свѣтъ Божій, — вонъ скрипнула дверь парка, а *Па* пригласилъ *его* къ завтраку. И отчего *онъ* не идетъ?

— Да, странно, *сисси*; а вѣдь ты ждала его еще вчера, прошептала Габріеля съ нѣсколько плутовскимъ выраженіемъ, которое очень шло къ ея платьицу à l'enfant. — А тамъ опять, прибавила она, надувши губки,—ему придется снова отправиться къ этому отвратительному старому генералу!

— И на войну противъ непріятеля, со вздохомъ сказала Виргинія, поспѣшая къ портику, между тѣмъ какъ Габріеля осталась на своемъ мѣстѣ.

(*) Sissi, Pa, Ma—сокращенныя Sister (сестра), Papa, Mama.
(**) Vergy, уменьшительное Virginie.

Digitized by Google

— Ахъ, это ординарецъ, прошептала послѣдняя, догоняя *сисси* и выводя ее опять на піаццу, къ которой въ это время подошелъ ординарецъ, и, кланяясь обѣимъ дѣвушкамъ, прошелъ мимо ихъ во внутренность дома.

— Ахъ, посмотри *сисси*, какъ хорошо! продолжала она, указывая на облака тумана, висѣвшія надъ Миссисипи. Разрываясь отъ усиленнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, они слагались въ самые фантастическіе образы; громадные слои отдѣлялись и изчезали въ пространствѣ, между тѣмъ какъ другіе, сгущаясь, свивались на подобіе опрокинутыхъ конусовъ; въ ихъ промежуткахъ открывался видъ на отдаленные лѣса, которые, казалось, приближались и быстрымъ бѣгомъ спѣшили навстрѣчу рѣкѣ. Миссисипи просвѣчивалъ по временамъ во всѣмъ своемъ величіи сквозь серебристую мглу, и появляющіеся на его широкой поверхности одинокіе челны и судна, то мчась стрѣлою внизъ по теченію, то медленно поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, сверкали съ своими снѣжнобѣлыми парусами, какъ лебеди, на зеркальной поверхности водъ.

— Ахъ, какъ хорошо! произнесъ позади ихъ нѣжный мелодическій голосъ; въ то же время двѣ руки, ослѣпительной бѣлизны, обвили шею обѣихъ дѣвушекъ, и между ними очутилось дивно-прелестное существо.

— Добраго утра, мои сестры!

Двѣ дѣвушки отпрянули назадъ, устремивъ изумленные взоры на это дивное явленіе, потомъ обѣ разомъ бросились къ ней и, обвивъ ее руками, покрыли безчисленными поцѣлуями ея прелестные уста и щеки.

— Кто же ты, милый, очаровательный ангелъ? спросила Виргинія.

— Прелестное дитя, какъ ты здѣсь очутилось? перебила ее Габріеля.

— Мое милое, прелестное, божественное дитя! подхватила опять первая, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ и покрывая ее поцѣлуями.

Это была Роза, которая въ суматохѣ этой пріятной нечаянности не имѣла еще времени произнести ни слова.

Digitized by Google

— Они зовутъ меня Розой, милыя, прелестныя сестры, прошептала она наконецъ.

— Роза, моя нѣжная, милая Роза! прекраснѣйшая, прелестнѣйшая изъ розъ!

И снова онѣ обвили руками восхитительную дѣвушку и почти задушили ее своими ласками. Картина эта была плѣнительна: прелестное дитя природы между двумя изящно воспитанными очаровательными дѣвушками поочередно переходила изъ объятій одной въ объятія другой, и въ одно мгновеніе завоевала сердца обѣихъ. Онѣ, казалось, не могли наглядѣться на нее и налюбоваться ею. Даже врожденная женщинамъ слабость, которая такъ невольно и такъ извинительно возникаетъ въ душѣ красавицъ при видѣ женщины, еще болѣе прекрасной, въ настоящемъ случаѣ замолкла. Чистая, безъискуственная природа разомъ взяла верхъ надъ слабостями и холодными, бездушными формами общественной жизни.

— Посмотри, братъ, что у насъ тутъ! радостно крикнула Габріеля изящно одѣтому юношѣ, который въ эту минуту съ не меньшимъ изумленіемъ подошолъ къ прелестной группѣ.

— Братъ мой! прошептала Роза, довѣрчиво взявъ его за руку и устремивъ на него изумленные взоры.

— Пойдемъ къ *Ма*, милое дитя! вскричали обѣ, схватывая ее подъ руки и подводя къ почтенной дамѣ, которая очень ласково привѣтствовала милую дѣвушку.

— Какой ты очаровательный ангелъ! вскричала Виргинія, которая теперь только, когда Роза находилась въ объятіяхъ матери, имѣла время разглядѣть ея одежду.—И право, продолжала она съ забавнымъ изумленіемъ, — одѣта по послѣдней модѣ! Посмотри-ка, Габріеля, на это прелестное черное шелковое платье, какъ оно идетъ къ ней! А эти изящныя прюнелевыя ботинки, этотъ хорошенькій поясъ, эта брошка и браслеты! Право, милое дитя, самая лучшая парижская модистка не могла бы одѣть себя съ большимъ вкусомъ. И неужели ты въ самомъ дѣлѣ пришла съ индѣйцами?

— Въ самомъ дѣлѣ, милая сестра.

Digitized by Google

— И ты жила въ ихъ—какъ бишь это называется...?

— Въ ихъ вигвамѣ, помогла ей Роза.

Въ эту минуту въ комнату вошолъ полковникъ вмѣстѣ съ майоромъ Коплендомъ и капитаномъ Перси. Кротко и наивно, но въ то же время съ нѣкотораго рода величіемъ, она подошла къ новоприбывшимъ и привѣтствовала обоихъ штабъ-офицеровъ именемъ дорогихъ отцевъ, а молодого капитана назвала братомъ.

— Однако у тебя что-то много отцевъ, вскричалъ сквайръ со смѣхомъ и цѣлуя ее отъ души.—Право, изъ тебя вышла великолѣпная дѣвушка, да благословитъ тебя Богъ! Индѣецъ былъ для тебя истиннымъ отцомъ. Вотъ ужъ никакъ не думалъ, чтобы старый, лютый Токеа такъ хорошо держалъ тебя. Вѣдь ты такъ нѣжна, какъ будто всю жизнь сохранялась въ какомъ нибудь ларчикѣ.

— Пожалуй насмѣхайся, отецъ мой, отвѣчала она.—Сквовы и дѣвушки насмѣхались надъ нѣжностію моихъ рукъ и ногъ, Канонда никогда не позволяла мнѣ работать въ полѣ; однако вотъ, не смотря на это, я совершила длинный, предлинный путь.

— Но вѣдь не пѣшкомъ же?

— Нѣтъ, отвѣчала она. Но въ эту минуту взоры ея обратились уже къ другому предмету: она съ ласковою улыбкою смотрѣла на то, что происходило между Виргиніею и капитаномъ.

Послѣдній, несмотря на довольно серіозную ссору, происшедшую, какъ мы видѣли, между нимъ и полковникомъ, находился повидимому въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ его дому. Засвидѣтельствовавъ свое почтеніе хозяйкѣ и сдѣлавъ общій поклонъ всѣмъ остальнымъ, онъ тотчасъ же подошелъ къ Виргиніи, которая покраснѣла до ушей при его появленіи, но такъ же быстро оправилась; она силилась принять серіозное, нѣсколько гордое выраженіе и отдернула руку, которою онъ тщетно старался овладѣть. Роза попеременно смотрѣла, то на молодого человѣка, то на новую свою сестру. Наконецъ она подошла къ послѣдней и посмотрѣла на нее съ многозначительною улыбкою.

— Посмотри, сказала она,—какимъ умоляющимъ взоромъ

Digitized by Google

онъ глядитъ на тебя. Онъ начальникъ, но нѣженъ и кротокъ какъ голубь.

— Хорошъ голубь! смѣясь сказала Виргинія;—еслибы ты знала, что это за голубь.

— Сестра моя, прошептала Роза,—любовь забываетъ о самой себѣ, лишь бы вызвать радостную улыбку на лицѣ любимаго брата.

— Чудное дитя мое, сказала Виргинія,—для тебя я прощаю ему.—И она протянула капитану свою руку.

— Милые мои! сказалъ полковникъ, который оставался нѣмымъ свидѣтелемъ этой любопытной сцены,—не забудьте, что мы опять должны ѣхать, и что насъ ждетъ завтракъ. Пойдемъ, прелестная роза пустыни.

И взявъ ее подъ руку, онъ отправился вслѣдъ за сквайромъ, который съ полковницею открылъ шествіе.

— Все это еще представляется мнѣ какъ будто во снѣ, началъ послѣдній, усаживаясь за столъ.—Я скорѣе представилъ бы себя умершимъ, чѣмъ то, что увижусь опять съ тобою. Когда тебя не стало, тогда только мы почувствовали, какъ ты была дорога для всѣхъ насъ. Да, да, Роза. Въ продолженіи многихъ лѣтъ мы постоянно все говорили о тебѣ. А сегодня, разговариваю я съ этимъ лютымъ Токеа, глядь—а она вылѣзаетъ изъ своего шерстянаго одѣяла, такъ дружески—нѣжно беретъ меня за руку и называетъ отцемъ, тогда какъ я вовсе и не знаю объ этомъ.

— И это названіе, кажется, очень понравилось вамъ? перебилъ его полковникъ, — такъ что вы даже забыли разспросить индѣйскаго начальника о его отношеніяхъ къ британцу

— Къ британцу? спросила Роза, которая вдругъ стала слушать со вниманіемъ.

— Да, милая Роза, отвѣчалъ сквайръ. — Развѣ ты его знаешь?

— Знаю. А братъ мой былъ здѣсь?

— Да, сказалъ сквайръ. — Но у тебя ужъ черезъ чуръ много отцевъ и братьевъ. Да! бѣдовая птица, несмотря на его молодость; шпіонъ, который еще во время успѣлъ уд-

Digitized by Google

рать, а то бы ужъ висѣлъ давно. Но висѣлицы ему не миновать.

Дѣвушка слушала съ удивленіемъ.

— Но вѣдь то же самое думалъ и Мико, который поднялъ боевой ножъ на свою дочь и Розу, потому что ему казалось, что онѣ привели въ его вигвамъ шпіона. Развѣ британецъ можетъ въ одно и то же время быть шпіономъ и у красныхъ и у бѣлыхъ воиновъ? наивно спросила она.

Всѣ устремили на нее вниманіе.

— Такъ ты его знаешь, милая Роза? спросилъ сквайръ.

— Знаю, подтвердила она вторично.—Тридцать солнцевъ тому назадъ онъ прибылъ къ намъ въ каноэ, около нижней опушки лѣса. Онъ бѣжалъ отъ морскаго разбойника и былъ слабъ и утомленъ, и большая водяная змѣя укусила его, когда онъ хотѣлъ выйдти изъ лодки, и Канонда пришла къ нему на помощь и убила змѣю, и мы отнесли его въ дупло, а потомъ перенесли въ вигвамъ, и тамъ Канонда заботилась о немъ, пока онъ не выздоровѣлъ.

— А потомъ? спросилъ сквайръ, который, повидимому принималъ участіе въ судьбѣ молодаго человѣка, и даже забылъ, что вѣроятно не часто случалось, о куриной грудинкѣ на своей тарелкѣ.

— Когда онъ выздоровѣлъ, продолжала она тѣмъ же наивнымъ тономъ,—онъ сталъ безпокоиться. Онъ боялся Мико, который въ то время съ своими воинами былъ на охотѣ; онъ говорилъ, что долженъ идти къ своимъ, которые находятся въ войнѣ противъ бѣлыхъ этого края. Съ каждымъ солнцемъ онъ становился все безпокойнѣе. Тогда мнѣ сдѣлалось страшно за несчастнаго брата, и сердце во мнѣ готово было разорваться. Я просила Канонду, умоляла и заклинала, чтобы она не удерживала его долѣе и отпустила его къ его братьямъ, потому что если бы Мико засталъ его, то онъ убилъ бы его своимъ томагоукомъ, въ той увѣренности, что онъ лазутчикъ бѣлыхъ.

— А потомъ? спросилъ Сквайръ.

— Канонда не соглашалась, продолжала она, — и Роза принуждена была грозить ей, что она сама укажетъ ему путь, или утонетъ съ нимъ въ болотѣ. Утонуть она бы съумѣ-

Digitized by Google

ла, но тропинки не нашла бы; она узка и извѣстна только начальникамъ и дочери Мико; даже сквавы не знаютъ ея. Канонда, плача, уступила просьбамъ Розы, и накинула на бѣлаго брата шерстяное одѣяло, къ ногамъ его подвязала мокоссины и опоясала его вампумомъ; потомъ она окрасила его кожу, чтобы обмануть преслѣдователей, и повела его по узкой тропинкѣ на противоположный берегъ второй рѣки. Это причинило Канондѣ и Розѣ много горя: когда Мико возвратился и услышалъ отъ сквавъ, что въ вигвамѣ былъ бѣлый незнакомецъ, лицо его омрачилось какъ у свирѣпой пантеры, потому что онъ думалъ, что британецъ шпіонъ. Ужъ онъ занесъ руку, чтобы вонзить боевой ножъ въ грудь дочери и Розы; но милосердый Богъ удержалъ его руку.

— И британецъ не видѣлся съ Мико? спросилъ сквайръ

— Мико поспѣшилъ за нимъ по его слѣдамъ; видѣлъ ли онъ его, этого я не знаю.

— А зачѣмъ пришелъ сюда Мико съ своими индѣйцами?

— Онъ видѣлъ сонъ, который онъ долженъ исполнить, потому что такъ повелѣлъ ему великій Духъ. Онъ идетъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ къ могущественнымъ Куманчамъ; народъ его уже отправилося туда, и онъ съ немногими только возвратился къ поселеніямъ бѣлыхъ, а великій начальникъ Куманчіевъ не хотѣлъ, чтобъ отецъ его жены шолъ одинъ. Бѣдный Мико потерялъ свою дочь, и Роза пошла съ нимъ; вѣдь иначе, прибавила она въ невинной простотѣ,— глаза его ослѣпли бы отъ слезъ.

Съ удивленіемъ и чувствомъ присутствовавшіе слушали безъискусственный разсказъ прелестной повѣствовательницы; для нихъ, конечно, онъ былъ гораздо важнѣе, чѣмъ подозрѣвала сама разскащица, потому что онъ объяснялъ внезапное и подозрительное появленіе британца и индѣйцевъ. Во всякое другое время появленіе это осталось бы незамѣченнымъ; но въ настоящую минуту, когда защитники страны готовились идти за двѣсти миль внизъ по теченію противъ внѣшнихъ враговъ, обстоятельство это казалось очень важнымъ. И небольшая орда индѣйцевъ, при ихъ образѣ войны, и та могла бы не только распространить безконечныя бѣдствія между поселеніями, разсѣянными по ту сторону рѣки,

Digitized by Google

но могла бы даже дать неблагопріятный оборотъ и самому ходу военныхъ дѣйствій: видя своихъ домашнихъ оставленными въ жертву смертоноснымъ томагоукамъ, ополченцы весьма естественно должны были лишаться мужества, а можетъ быть рѣшились бы даже покинуть и безъ того уже слабую армію, и спѣшить на помощь къ своимъ семействамъ. Поэтому безъискусственный разсказъ Розы, носившій на себѣ отпечатокъ несомнѣнной истины, былъ настоящимъ благодѣяніемъ для озабоченныхъ отцевъ.

— А почему, немного погодя спросилъ сквайръ, — дуралей этотъ не сказалъ намъ, откуда онъ досталъ свой вампумъ и мѣховой камзолъ?

— Канонда, отвѣчала Роза,—заставила его поклясться великимъ Духомъ, что онъ никому не откроетъ, гдѣ находился. Мико очень боится бѣлыхъ и потому поселился въ странѣ, гдѣ онъ надѣется никогда не встрѣчаться съ ними.

— Да, это такъ, сказалъ сквайръ послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіи котораго онъ старался наверстать то, что пропустилъ во время разсказа.

Габріеля и Роза между тѣмъ кончили свой завтракъ, и шутя и смѣясь выбѣжали изъ залы.

— Но все-таки вы не должны забывать, началъ опять полковникъ,—что хотя мы нисколько не сомнѣваемся въ истинѣ того, что намъ разсказала эта милая дѣвушка, все-таки индѣйцы, еслибы они затѣвали что-нибудь, ни въ какомъ случаѣ не сдѣлали бы Розу своею повѣренною. Хотя сны имѣютъ у нихъ большое значеніе, но это дальнее путешествіе вслѣдствіе сновидѣнія мнѣ все-таки кажется страннымъ.

— А мнѣ нисколько, возразилъ сквайръ. Они отправляются за тысячи миль, если это нашептываетъ имъ великій Духъ, какъ они выражаются. Вспомните при этомъ, что индѣйцы прямо пришли къ нашимъ поселеніямъ. Если бы они затѣвали что-нибудь недоброе, то неужели вы думаете, что они такъ открыто, безъ оглядки, переправились бы черезъ Атчафалая? Да притомъ неужели они взяли бы съ собою это дитя? А развѣ вы не видѣли, какъ испугался индѣецъ, когда я ему объявилъ, что вы приглашаете къ себѣ его пріемыша? Я едва вѣрилъ глазамъ своимъ, когда увидѣлъ его

Digitized by Google

въ такомъ волненіи. А ея одежда и драгоцѣнныя украшенія вѣдь явно доказываютъ, какъ высоко онъ ее ставитъ. Самой богатой наслѣдницѣ не стыдно было бы показаться въ такомъ нарядѣ.

— Именно этотъ нарядъ, возразилъ полковникъ, — еще болѣе запутываетъ дѣло въ моихъ глазахъ. Откуда индѣецъ могъ достать такія вещи?

— Вы забываете, что онъ тесть Куманча, который сіяетъ золотомъ. Отъ нашихъ гражданъ, которые имѣютъ торговыя сношенія съ Санта-Фе и Мексикою, я слыхалъ, что Куманчи богатые дикари, что они находятся въ безпрерывной войнѣ съ испанцами, отъ которыхъ имъ часто достается богатая добыча.

— Покрой этого платья англійскій, и отдѣлка этихъ драгоцѣнныхъ вещей также англійская, любезный сквайръ, замѣтила полковница,—да еще и въ самомъ лучшемъ, новѣйшемъ вкусѣ.

— И это конечно подозрительно, прибавилъ полковникъ.— Вы знаете, Джонъ Булль, какъ онъ ни хвастается своимъ карманомъ, не такъ глупъ, чтобъ опорожнить его, если не надѣется при этомъ выиграть въ десятеро. Загадка наша не только не разгадана, но предоставляется мнѣ напротивъ еще болѣе запутанною.

— Мы скоро найдемъ на крючекъ приманку, сказалъ сквайръ;—намъ и безъ того предстоитъ свиданіе съ индѣйцами, и развѣ ужъ какое-нибудь особенное несчастіе помѣшаетъ намъ вывѣдать истину.

Въ эту минуту звуки фортепіано прервали разговоръ, становившійся довольно серіознымъ. Какъ бы предвидя обворожительное дѣйствіе, какое должна была произвести музыка на это дитя природы, все общество встало изъ-за стола и вышло въ залу.

Съ наивнымъ любопытствомъ ребенка и съ изумленіемъ, Роза разсматривала пышное убранство комнаты, великолѣпные ковры, блестящіе шолковые занавѣсы, мебель изъ благоухающаго розоваго дерева, мраморныя статуи, и въ милой простотѣ своей порхала отъ одного предмета къ другому, какъ вдругъ Габріеля сѣла къ фортепіано и извлекла изъ него

Digitized by Google

нѣсколько звуковъ. Роза стала прислушиваться съ удивленіемъ, когда нѣжные пальчики забѣгали по клавишамъ и раздалось нѣсколько стройныхъ, звучныхъ аккордовъ. Она подбѣжала къ инструменту, съ дѣтски-наивною простотою начала заглядывать внутрь его, распростерла къ нему объятія, какъ бы желая схватить эти нѣжные звуки, и держалась за него, какъ будто боясь, чтобы звуки эти не улетѣли. Мало по малу, когда Габріеля, послѣ нѣжной прелюдіи, перешла къ романсу изъ «Трубадура», на лицѣ ея изобразился нѣмой, неизъяснимый восторгъ, глаза заблистали невыразимымъ блаженствомъ, все существо ея казалось проникнуто было электрическимъ огнемъ. Она начала кружиться какъ прелестная бабочка, и распростерла руки, какъ бабочка свои крылья, какъ будто желая обнять эти нѣжные звуки; ноги ея отдѣлялись отъ земли и она едва прикасалась къ ковру; каждое ея движеніе было исполнено дивной поэзіи; все существо ея дышало неземнымъ блаженствомъ.

Все общество вошло въ залу въ ту самую минуту, когда звуки музыки стали обнаруживать на Розу такую дивную силу. Всѣ остановились и начали съ изумленіемъ смотрѣть на это чудное проявленіе натуры. Никогда никому не случалось видѣть такого восхитительнаго танца. Наконецъ, подавленная избыткомъ ощущеній, со слезами на глазахъ, бросилась она Габріелѣ на шею.

— Ради Бога, сестра, не убивай меня! Я умираю; душа моя улетаетъ вмѣстѣ съ дивными звуками.

Потомъ она сѣла, и крупныя капли слезъ, одна за другою, покатились по ея щекамъ.

— Ахъ, шептала она,—зачѣмъ я не умерла! зачѣмъ я не умерла!

Digitized by Google

ГЛАВА XXIX.

Твое божество блещетъ, — мое справедливость; а такіе противники не заключаютъ прочныхъ союзовъ.

Гёте.

Милая дѣвушка много выиграла въ продолженіе двухъ недѣль, въ которыя мы потеряли ее изъ виду. Она сдѣлалась увѣреннѣе въ себѣ, непринужденнѣе; взоры ея прояснились, во всемъ существѣ ея стала обнаруживаться какая-то самостоятельность. Совершенное отсутствіе самостоятельности, или, лучше сказать, чувство совершенной безпомощности, а главное, возмутительная мысль, что ей суждено быть жертвой человѣка, которымъ гнушалась ея чистая душа, придавали прежде всему ея существу что-то болѣзненно-покорное, безнадежное. Это состояніе было тѣмъ болѣе мучительно, что странныя ея отношенія, для нея самой не вполнѣ ясныя, налагали на нее печать какой-то неестественной таинственности. Съ уничтоженіемъ этого неестественнаго отношенія къ мерзкому разбойнику, подавленный духъ ея видимо оживился; да и самая катастрофа, постигшая индѣйцевъ, и въ особенности Мико, измѣнила ея положеніе въ такой степени, что при всемъ горестномъ воспоминаніи объ ужасной смерти подруги, переворотъ этотъ не могъ не произвести на нее благодѣтельнаго вліянія. Мико, погруженный въ тупую безчувственность смертію близкихъ его сердцу, утратилъ многое изъ прежняго деспотическаго, упрямаго, непреклоннаго своего нрава, и впалъ теперь нѣкоторымъ образомъ самъ въ ту безпомощность, которая повидимому въ одной только Розѣ и ея чистой, дѣтской душѣ находила отраду, опору и успокоеніе. Только она была иногда въ состояніи прояснять его мрачное настроеніе; оцѣпенѣлый его духъ чувствовалъ, казалось, потребность ухватиться за нее и утѣшать себя воспоминаніемъ минувшаго. Это постепенное признаніе со стороны Мико, равно какъ и нѣжная внимательность къ ней молодого начальника, возвысили эту

Digitized by Google

благородную, чистую душу, забывавшую о себѣ и жившую только для блага другихъ, и придали ей болѣе высокое значеніе. До сихъ поръ она все еще была ребенкомъ, съ нѣжной, невинной душой; но катастрофа эта сдѣлалась пробнымъ камнемъ ея жизни, и дала послѣдней болѣе высокое направленіе. Въ ней стало пробуждаться сознаніе о высокомъ назначеніи женщины.

Слѣдствіемъ этого сознанія было то, что она мало по малу пріобрѣла нѣнотораго рода господство, которому съ видимымъ наслажденіемъ подчинились всѣ ея приближенные; явленіе это столько же можетъ быть объяснено обворожительною прелестію дѣвушки, сколько и превосходствомъ бѣлой расы, котораго не можетъ не признать и самый гордый изъ индѣйцевъ. Даже самъ Мико въ послѣднее время не могъ не чувствовать къ ней какой-то робкой почтительности. Эль Соль, казалось, смотрѣлъ на нее какъ на существо высшаго разряда, и приближался къ ней съ такою робостію, съ такою предупредительностію, которыя пристыдили бы и самаго образованнаго дамскаго кавалера. Въ продолженіе всего путешествія онъ съ какимъ-то радостнымъ трепетомъ исполнялъ каждое малѣйшее ея желаніе, съ самою нѣжною заботливостію охранялъ каждый шагъ ея лошади, старался прочесть въ ея глазахъ малѣйшій знакъ или намекъ, и жилъ почти только для услугъ ея. Если такое признаніе ея нравственнаго достоинства имѣло вліяніе на развитіе ея духа, то съ другой стороны развлеченія во время дальняго путешествія, разнообразныя, пышныя картины природы и чистый воздухъ безпредѣльныхъ луговъ Аттакапа и Опелюзаса благотворно подѣйствовали на ея тѣло и придали ей какую-то живость и свѣжесть, которыя чрезвычайно шли къ ея воздушной фигурѣ.

Трудно было представить себѣ что-нибудь трогательнѣе этого прелестнаго существа, когда она ласкала угрюмаго, оцѣпенѣлаго дикаря, и самыми нѣжными, дѣтскими приголубливаніями старалась пробудить его къ новой жизни. Постоянными усиліями она дѣйствительно умѣла возвратить его мало по малу къ нѣкоторому сознанію. Но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ стала обнаруживаться какая-то тоска, какая-то бо-

Digitized by Google

язливость, которыя росли по мѣрѣ приближенія его къ поселеніямъ бѣлыхъ. Съ каждымъ шагомъ маленькаго каравана, лицо стараго начальника становилось угрюмѣе и сердитѣе, и нетерпѣніе его усиливалось. Казалось, отупѣніе оставляло его только для того, чтобы уступить мѣсто сварливому, бранчивому расположенію духа. Какъ будто предчувствуя тѣ униженія, которыя, по его мнѣнію, ожидали его среди бѣлыхъ, онъ старался напередъ закалить себя противъ нихъ, и ободрить себя. По цѣлымъ часамъ онъ велъ съ самимъ собою сварливые, задорные разговоры, влагая въ уста бѣлыхъ такія рѣчи, на которыя потомъ самъ же отвѣчалъ дерзостію и издѣваніями.

Такимъ образомъ они, верхомъ (кромѣ Мико и его Оксніевъ, которые, оставаясь вѣрными обычаю своего племени, шли рядомъ съ лошадьми), приблизились къ р. Атчафалая, по той самой дорогѣ, по которой индѣецъ велъ нашего британца, т. е. по *пути Кашатаевъ*. Прибывъ къ Атчафалая выше Опелюзаса, они отправили назадъ Паніевъ съ лошадьми, а сами начали строить каноэ изъ коры, какъ вдругъ посреди этого занятія ихъ замѣтили двое изъ гражданъ, высланныхъ Опелюзскимъ магистратомъ, а вслѣдъ затѣмъ въ расплохъ засталъ ихъ небольшой отрядъ милиціи, который увелъ ихъ съ собою въ плѣнъ.

Хотя индѣйцы не дѣлали никакой попытки, ни къ сопротивленію, ни къ бѣгству, и преспокойно оканчивали свою лодку, но отрывистый, повелительный тонъ, какимъ бѣлые приказывали имъ немедленно слѣдовать за собою, и враждебные, недовѣрчивые взоры, какими измѣряли ихъ эти бѣлые, такъ чувствительно оскорбили ихъ гордость, что еслибы не убѣдительныя просьбы Мико, то вѣроятно дѣло дошло бы до рукопашнаго боя. Точно боясь малѣйшаго соприкосновенія съ надменными, смертельными своими врагами, Мико поспѣшилъ стать возлѣ Розы, которая сидѣла на пнѣ, закутанная въ шерстяное одѣяло. Между тѣмъ какъ она ласково разговаривала съ старикомъ, къ нимъ подошолъ Эль Соль, съ тѣмъ чтобы проводить ее къ лодкѣ. При этомъ движеніи покрывавшее ее одѣяло отчасти распахнулось. Видъ бѣлой, богато одѣтой дѣвушки, ласково и весело разговари-

Digitized by Google

вающей съ старымъ индѣйцемъ, произвелъ, точно по волшебному мановенію, внезапную перемѣну въ обращеніи залѣсцевъ. Грубый, повелительный тонъ и видъ ихъ вдругъ уступили мѣсто самой предупредительной вѣжливости. Всѣ почтительно отступили, когда дѣвушка, кланяясь, подошла къ нимъ; предводитель бѣлыхъ учтиво предложилъ ей свою руку, чтобы помочь ей войти въ лодку, но начальникъ Куманчіевъ оттолкнулъ его. Залѣсецъ терпѣливо снесъ эту обиду, къ немалому удивленію Мико, отъ котораго не ускользнуло ни одно движеніе враговъ его, несмотря на то, что онъ повидимому весь былъ погруженъ въ самого себя, и не видѣлъ, что происходило вокругъ него. Въ продолженіе всего плаванія бѣлые обходились съ ними съ необыкновенною деликатностію, такъ рѣзко отличавшеюся отъ грубаго, дерзкаго ихъ обращенія во время нападенія, что Эль Соль не могъ не обратить на это вниманія. Хотя по прибытіи въ депо ихъ отвели прямо въ караульню, но предводитель отряда почтительно подошелъ къ дѣвушкѣ и просилъ позволенія проводить ее пока въ гостинницу. Она любезно поблагодарила за это, но осталась съ индѣйцами въ караульнѣ, гдѣ наконецъ сомнѣнія ихъ разрѣшились по прибытіи офицеровъ, и въ томъ числѣ сквайра, зоркій глазъ котораго тотчасъ же узналъ Мико. Послѣдній также узналъ бывшаго торговца, съ которымъ нѣкогда поступилъ не совсѣмъ справедливо, и, слегка вздрогнувъ, всталъ, когда тотъ началъ съ нимъ разговаривать. Въ эту минуту выступила впередъ Роза и сбросивъ съ себя одѣяло, кинулась на шею изумленному сквайру, который, едва вѣря глазамъ своимъ, смотрѣлъ на нее неподвижно, пока она наконецъ словами: «твоя Роза» не воскресила въ его памяти образъ бывшей его воспитанницы. Тогда онъ и самъ обнялъ ее съ такою чистосердечною радостію, которая на время заставила его забыть все вокругъ себя.

Особенное уваженіе съ какимъ и остальные офицеры привѣтствовали это милое дитя; краткое, но серіозное совѣщаніе между ними; ласковая рѣчь сквайра, въ которой онъ высказалъ свою увѣренность, что Токеа пришелъ въ мирѣ и дружбѣ; а также и то обстоятельство, что ихъ, въ качествѣ гостей правительства, тотчасъ же перевели изъ караульни въ

Digitized by Google

гостиницу, поручивъ ихъ особенной заботливости хозяина,— все это объяснило наконецъ Мико, такъ давно уже знакомому съ различнымъ обращеніемъ бѣлыхъ съ его племенемъ, внезапную перемѣну образа мыслей заклятыхъ его враговъ. Причина этой перемѣны образа мыслей заключалась отчасти въ почтительномъ обращеніи американца съ женщинами и еще болѣе въ той мысли, что индѣйцы, явившіеся въ сопровожденіи прилично одѣтой дамы, никакъ не могли имѣть враждебныхъ намѣреній. Этотъ солнечный лучъ посреди мрака судьбы его былъ отраденъ для старика, который уже приготовилъ себя къ оскорбленіямъ и униженіямъ всякаго рода. Удрученный, сломанный, изнемогающій подъ бременемъ судьбы своей, Мико сталъ уже слабъ. Съ горькимъ прискорбіемъ онъ чувствовалъ, что уже нѣтъ въ немъ силы противиться врагу, который давилъ его въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ. Поэтому великодушіе бѣлыхъ показалось ему утоляющимъ бальзамомъ для смертельной, гноящейся его раны.

Итакъ весьма естественно, что онъ съ болью и горестію разставался съ тою, которую теперь считалъ своимъ ангеломъ хранителемъ, и только увѣренія сквайра, что онъ ручается за Розу и за то, что она не будетъ отнята у него, могли склонить его на согласіе отпустъ ее съ полковникомъ, который очень почтительно пригласилъ ее въ свой домъ. Но при разставаньи упорный индѣецъ потерялъ все присутствіе духа. Онъ пристально всматривался ей въ лицо, какъ будто желая врѣзать въ своей памяти ея образъ, чтобы ее не подмѣнили у него. Крѣпко обхватилъ онъ ее; голосъ его прерывался, когда онъ, благословляя, положилъ ей на голову руку. Когда она уже вышла изъ двери, онъ бросился вслѣдъ за нею, обнялъ и вторично благословилъ ее.

Молодой начальникъ выразилъ ей свою почтительность не менѣе необыкновеннымъ образомъ для этого гордаго дикаря. Вмѣстѣ съ индіанкою, которая несла узелокъ съ ея платьями, и съ обоими своими Команчами, онъ проводилъ Розу до самаго порога дома.

— Бѣлые преклоняются передъ Розою, шепталъ онъ ей унылымъ, глухимъ голосомъ,—а братъ ея умретъ за нее.

Digitized by Google

И опустивъ голову на грудь, онъ молчалъ нѣсколько времени, а потомъ разстался съ нею.

Разставшись съ Розою, оба начальника погрузились опять въ прежнее оцѣпенѣніе и въ прежнее мрачное, роковое молчаніе, изъ котораго ихъ вырвалъ только барабанный бой, подававшій сигналъ къ сбору войскъ.

Видъ милиціи, состоявшей приблизительно изъ тысячи человѣкъ и выстраивавшейся въ то время въ два баталіона, внезапно возбудилъ съ новою силою ту невыразимую ненависть Мико, которая составляла несчастіе всей его жизни. Съ какимъ-то тупымъ изумленіемъ, даже съ нѣкотораго рода ужасомъ слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ, за каждымъ шагомъ войскъ, и притомъ съ такимъ вниманіемъ, въ которомъ высказывалось невыразимо-горькое ощущеніе. Команда изъ Опелюзаса, которую офицеры распредѣляли еще только по взводамъ и отдѣленіямъ, повидимому менѣе занимала его, вѣроятно потому, что онъ чувствовалъ себя въ силахъ, съ своими Оконіями, справиться съ этой буйной, безпорядочной толпой. Но когда выступили сомкнутыя колонны того баталіона, которымъ командовалъ полковникъ Паркеръ, и начали производить различныя построенія и эволюціи, тогда лицо старика приняло выраженіе страшной горести, злобы и ненависти.

— Посмотри, мой сынъ, произнесъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, на нарѣчіи Павніевъ, какъ будто боясь, чтобы враги не услышали его двусмысленной похвалы,—посмотри, мой сынъ, какъ бѣлые хитры. Никогда красные воины не окрасятъ свои томагоуки ихъ кровью; они неукротимы и горды какъ буйволы, но когда подымаютъ бранный крикъ, то дѣлаются тихи и покорны, и повинуются не одному предводителю, какъ красные воины, а многимъ, которые всѣ находятся подъ начальствомъ одного.

— И, смѣясь, ногами попираютъ красныхъ воиновъ, какъ стадо буйволовъ топчетъ охотника, отвѣчалъ Эль-Соль такъ же тихо, не спуская глазъ съ движеній войскъ, приближавшихся къ нимъ въ эту минуту боевымъ маршемъ.

— Токеа, произнесъ Мико послѣ долгаго молчанія,—часто разговаривалъ съ своею душою, отчего это бѣлые воины

Digitized by Google

такъ дерзки и непокорны, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ послушны? Красные же воины бываютъ только непокорны: никогда не будетъ имъ удачи.

— И зачѣмъ это, продолжалъ онъ немного погодя,—великій Духъ сдѣлалъ красныхъ воиновъ слѣпыми? Зачѣмъ столько лѣтъ закрываетъ онъ ликъ свой? Великій Духъ оставилъ красный народъ; онъ сталъ отчимомъ для красныхъ въ ихъ собственной странѣ; они должны проклинать жизнь, которую онъ даровалъ имъ.

— Отецъ мой произноситъ слова тьмы, сказалъ Эль-Соль съ упрекомъ;—ликъ великаго Духа покроется тучами.

— Онъ уже покрылся ими. Пусть онъ поражаетъ громомъ изъ своихъ тучъ: Токеа благословитъ Его.

Молодой начальникъ отступилъ въ ужасѣ.

— Да, продолжалъ старикъ, въ разладѣ съ самимъ собою,—великій Духъ подобенъ прекрасной женщинѣ: Онъ любитъ гладкую кожу бѣлыхъ, младшихъ сыновъ своихъ, а старшихъ онъ отвергнулъ; они исчезаютъ съ лица земли, наслѣдія отцовъ своихъ; вѣтромъ своимъ онъ гонитъ ихъ къ соленымъ водамъ, къ заходящему солнцу. Когда красные воины перейдутъ на ту сторону скалистыхъ горъ, тогда Ему незачѣмъ будетъ толкать ихъ въ соленыя воды: уже ни одного не останется.

— Старикъ, не произноси хулы противъ великаго Духа! закричалъ ему Эль-Соль съ угрозою.

— Не хулить, не поносить! повторилъ индѣецъ, ропща на судьбу свою,—развѣ Токеа поносилъ? Развѣ вся жизнь его не есть поношеніе великаго Духа? Зачѣмъ, ворчалъ онъ съ озлобленіемъ,—зачѣмъ съ самаго рожденія преслѣдуетъ онъ Токеа и народъ его? Какое преступленіе сдѣлали они? За что поражаетъ онъ ихъ? Развѣ Токеа согрѣшилъ въ чемъ нибудь? За что онъ караетъ дѣтей его? Зачѣмъ онъ далъ врагамъ его хитрость красной собаки, силу буйвола, а краснымъ воинамъ слѣпоту совы, которая среди бѣлаго дня ходитъ ощупью?

— Красные воины прозрятъ снова и пробудятся къ новой жизни въ странахъ Сонарары и Сеновгары. Это пророчилъ вѣщій Блэкигль! утѣшалъ его Эль-Соль.

Digitized by Google

Лучъ надежды судорожно пробѣжалъ по лицу старика.

— Сынъ мой правъ, сказалъ онъ и погрузился въ прежнее оцѣпенѣніе.

Въ такой мрачной бесѣдѣ, сопровождавшейся порывами изступленія, прошло нѣсколько часовъ; приближенные Мико едва могли уговорить его принять участіе въ роскошномъ обѣдѣ, устроенномъ для него гостепріимствомъ бѣлыхъ. Какъ будто умышленно желая мучить самого себя видомъ этихъ ненавистныхъ бѣлыхъ и ихъ превосходствомъ въ числѣ и военномъ искусствѣ, онъ поспѣшно выбѣжалъ на площадь, нѣсколько времени смотрѣлъ неподвижнымъ взоромъ на ихъ ученіе, и воротился еще безутѣшнѣе, съ тѣмъ, чтобы черезъ полчаса повторить то же самое. Наконецъ, когда распустили баталіонъ, и старшіе офицеры подошли къ гостиницѣ и вошли въ залу, въ которую въ эту минуту ввели и индѣйцевъ, старикъ съ такою душевною тоскою взглянулъ на бѣлыхъ, что невольно поразилъ ихъ, мало или вовсе незнакомыхъ съ ужаснымъ состояніемъ его духа, и эта душевная скорбь безъ сомнѣнія содѣйствовала тому, чтобы съ обѣихъ сторонъ вызвать нѣкотораго рода довѣрчивое настроеніе. Когда офицеры усѣлись, индѣйцы также опустились на устланный коврами полъ, скрестивъ по своему обыкновенію ноги.

— Желаютъ ли мои красные братья говорить языкомъ красныхъ воиновъ, или они хотятъ сообщить намъ свою вѣсть на языкѣ бѣлыхъ? спросилъ сквайръ.

— Мико Оконіевъ далекъ отъ своихъ, и глаза его видятъ передъ собою много бѣлыхъ; онъ хочетъ говорить на языкѣ бѣлыхъ, отвѣчалъ старикъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Воины наши, началъ генералъ,—увидѣли слѣды нашихъ красныхъ братьевъ, передъ тѣмъ какъ они вошли въ каноэ, чтобы плыть къ великой рѣкѣ; они донесли это нашему брату, начальнику Копленду, и онъ велѣлъ привести сюда красныхъ воиновъ, чтобы бѣлые ихъ братья могли узнать, зачѣмъ они пришли къ намъ и не нуждаются ли они въ нашей помощи?

Слова эти генералъ произнесъ тономъ довѣрчивости и достоинства, очевидно съ тою цѣлью, чтобы поддержать въ индѣйцахъ доброе расположеніе духа. Едва замѣтная горькая

Digitized by Google

улыбка искривила уста старика въ продолженіе рѣчи генерала. Послѣ обычнаго молчанія онъ отвѣчалъ:

— Токеа видѣлъ много лѣтъ, и въ продолженіе половины ихъ свободный, могущественный Мико ходилъ отъ р. Окони къ безконечной рѣкѣ, и никто не разставлялъ ему сѣтей. Почему же теперь Мико съ своими воинами не можетъ свободно идти куда хочетъ? Неужели бѣлые стали такъ трусливы, что ихъ пугаетъ тѣнь шести красныхъ воиновъ и двухъ дѣвушекъ?

— Мико знаетъ лучше всякаго другого, что бѣлые воины не боятся своихъ красныхъ братьевъ, возразилъ генералъ;—къ тому же онъ слишкомъ великій начальникъ, чтобы не знать, что если томагоукъ вырытъ изъ земли, то глаза должны быть широко раскрыты, чтобы считать тѣхъ, которые приближаются къ стану.

— Бѣлый начальникъ поднималъ когда-нибудь томагоукъ противъ красныхъ воиновъ? спросилъ индѣецъ немного погодя.

— Нѣтъ; но онъ подымалъ его противъ сыновъ великаго отца обѣихъ Канадъ. Я начальникъ вотъ этихъ почтенныхъ гражданъ, которые бились во многихъ сраженіяхъ.

— Такъ пусть бѣлый начальникъ спроситъ своихъ братьевъ, возразилъ индѣецъ послѣ долгаго молчанія;—они скажутъ ему, что красные воины не берутъ съ собою своихъ сквавъ, когда идутъ подымать бранный крикъ. Мико, съ своимъ сыномъ, могущественнымъ начальникомъ Куманчіевъ, пришолъ съ миромъ. Токеа состарѣлся, прибавилъ онъ многозначительно.

— И бѣлые воины протягиваютъ состарѣвшемуся Мико и его братьямъ открытыя свои ладони въ знакъ мира и дружбы, возразилъ генералъ.—Но красные воины умны, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—и очень любятъ свои вигвамы и охотничьи мѣста,—зачѣмъ предприняли они такой дальній путь.

Индѣецъ смотрѣлъ на него нѣсколько времени молча и вопросительно.

— Если великій отецъ говоритъ что-нибудь съ своею душою, развѣ онъ этого не оставляетъ для себя?

Digitized by Google

— Великій отецъ, возразилъ генералъ, — находится въ своей странѣ, и его сограждане видятъ всѣ его пути. А Мико развѣ не спрашиваетъ чужеземца, котораго найдетъ въ своемъ вигвамѣ?

— Развѣ Мико чужеземецъ въ странѣ своихъ отцевъ? спросилъ индѣецъ съ невыразимо унылою горечью. — Да, онъ чужой! Онъ уже многіе годы не подымалъ томагоука противъ бѣлыхъ враговъ своихъ. Томагоукъ его зарытъ въ землю и заржавѣлъ. Токеа пришелъ по широкому пути, а не какъ воръ; но онъ сталъ чужимъ на землѣ своей.

— Однако красные воины не безумцы какіе-нибудь, которые не знаютъ, что дѣлаютъ. Не шепнулъ ли отецъ обѣихъ Канадъ чего-нибудь на ухо Токеа черезъ своего посланнаго? спросилъ генералъ, который можетъ быть съ умысломъ не обратилъ вниманія на унылое настроеніе индѣйца. Послѣдній вдругъ наострилъ уши.

— Развѣ сынъ великаго отца обѣихъ Канадъ былъ у моихъ бѣлыхъ братьевъ?

— Его поймали наши и привели сюда, отвѣчалъ генералъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Оба они приготовлялись повидимому къ дальнѣйшимъ преніямъ.

— И бѣлые воины схватили и заперли сына великаго отца обѣихъ Канадъ? спросилъ индѣецъ.

— Да, отвѣчалъ генералъ.

— И что рѣшили начальники бѣлыхъ воиновъ?

— А что дѣлаютъ красные воины съ тѣми, которыхъ ловятъ какъ шпіоновъ?

— Развѣ молодой сынъ великаго отца обѣихъ Канадъ пришолъ какъ шпіонъ къ бѣлымъ воинамъ? спросилъ индѣецъ, качая головою.

— Онъ пришолъ отъ Токеа, начальника Оконіевъ, произнесъ генералъ внезапно и рѣзкимъ голосомъ.

— Развѣ молодой бѣлый братъ мой сказалъ, что онъ былъ у Токеа? спросилъ старикъ тѣмъ же холоднымъ, безстрастнымъ тономъ.

— Неужели Токеа думаетъ, что у бѣлыхъ воиновъ нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, когда молчитъ языкъ? Они умѣютъ

Digitized by Google

отличить враговъ отъ друзей своихъ. Если красные воины желаютъ поднять противъ насъ свои томагоуки, то пусть поднимаютъ: мы съумѣемъ встрѣтить ихъ; но если они позволяютъ другимъ натравливать себя, какъ охотникъ натравливаетъ собаку на дичь, тогда пусть не пеняютъ, если ихъ убьютъ какъ собакъ.

— Развѣ бѣлый начальникъ, быстро прервалъ его Мико,—думаетъ, что Токеа такъ глупъ, что позволитъ дѣвушкѣ натравливать себя какъ собаку, для того, чтобы поймать дичь для ея котла? Бѣлый начальникъ мало слышалъ о Токеа.

— Великій отецъ обѣихъ Канадъ хитеръ, возразилъ генералъ, — онъ посылаетъ иногда и дѣвушекъ, потому что знаетъ, что красные воины любятъ нѣжныя бѣлыя лица.

— Токеа воинъ, начальникъ, сказалъ индѣецъ;—онъ презираетъ нѣжныя лица. Пусть бѣлый начальникъ спроситъ бѣлую Розу. *Она* привела въ вигвамъ сына великаго отца обѣихъ Канадъ, съ помощію *другой*, которой уже нѣтъ.

При этихъ словахъ голосъ измѣнилъ ему, и онъ вдругъ замолчалъ, но тотчасъ же оправился и продолжалъ:

— Онъ ушолъ изъ сѣтей морскаго разбойника, и Токеа увидѣлъ его уже тогда, когда онъ былъ по ту сторону второй рѣки. Тогда Мико далъ ему одного изъ своихъ воиновъ, чтобы провести его къ его братьямъ.

— Мико Оконіевъ не сдѣлалъ бы этого для кого-нибудь изъ нашихъ. Мико слишкомъ добръ и милостивъ къ нашимъ врагамъ, замѣтилъ генералъ.

— Токеа поступилъ такъ, какъ поступали и отцы его съ отцами бѣлыхъ, которые мирно приходили въ ихъ вигвамы и также мирно уходили. Только врагамъ своимъ онъ разставляетъ сѣти.

— Мы не сомнѣваемся въ вашей дружбѣ къ сынамъ такъ называемаго великаго отца обѣихъ Канадъ; ничего мы не имѣемъ и противъ того, если вы принимаете отъ него подарки. Но не забывайте при этомъ, что если великій отецъ обѣихъ Канадъ даритъ вамъ бусы, то онъ за это беретъ у васъ головы молодыхъ вашихъ воиновъ.

— Токеа презираетъ бусы бѣлыхъ.

— Но онъ беретъ ихъ для дѣтей своихъ, возразилъ ге-

Digitized by Google

нералъ,—и видитъ съ удовольствіемъ, когда на нихъ блеститъ желтый металлъ.

Индѣецъ, который послѣ каждой своей рѣчи или отвѣта опускалъ голову на грудь, при этихъ словахъ вздрогнулъ отъ негодованія.

— Пусть бѣлый начальникъ спроситъ своего брата, сказалъ онъ, указывая на сквайра.—Онъ разжирѣлъ отъ бобровыхъ и оленьихъ шкуръ, которые приносили ему красные воины за огненную воду: онъ скажетъ ему, какъ добывается блестящій металлъ. Бѣлая Роза — дочь Мико; Токеа собралъ много бобровыхъ и медвѣжьихъ шкуръ, а дочь его, Канонда, выкурила много *калебасс* огненной воды, чтобы вызвать радость въ глазахъ бѣлой Розы. Токеа оттолкнулъ бы ногою блестящій металлъ великаго отца обѣихъ Канадъ.

— А зачѣмъ дочь Токеа замкнула уста сыну великаго отца обѣихъ Канадъ?

— Токеа самъ связалъ его языкъ, отвѣчалъ индѣецъ.

— А для чего сдѣлалъ это начальникъ? Развѣ Окони сдѣлались ворами, которые боятся дневнаго свѣта.

— А развѣ братъ мой любитъ, чтобы воры видѣли то, что ему дорого? Окони скрываютъ свои вигвамы не отъ бѣлыхъ воиновъ, а отъ бѣлыхъ воровъ, которые приходятъ красть ихъ скотъ и хлѣбъ. Окони хотятъ мира.

— И Токеа возвратился затѣмъ, чтобы видѣть свой народъ? спросилъ генералъ.

Индѣецъ отрицательно покачалъ головою.

— Мико уже не знаетъ Мускоджіевъ, отвѣчалъ онъ.— Токеа пришолъ съ миромъ, потому что великій Духъ шепталъ ему въ уши. Когда онъ исполнитъ то, что повелѣлъ ему великій Духъ, тогда онъ пойдетъ туда, гдѣ его не увидитъ уже ни одинъ бѣлый.

Генералъ и офицеры остались, повидимому, довольны тѣми свѣдѣніями, какія почерпнули изъ этихъ переговоровъ. Они еще нѣсколько минутъ совѣщались между собою, послѣ чего генералъ заключилъ свиданіе слѣдующими словами:

— Красные мои братья—желанные гости въ вигвамахъ бѣлыхъ воиновъ, и бѣлые будутъ заботиться, чтобы у нихъ въ избыткѣ была огненная вода и дичь. Но они должны

Digitized by Google

оставаться въ вигвамѣ, въ которомъ теперь находятся, пока великій бѣлый отецъ не будетъ извѣщенъ о ихъ прибытіи. Мико знаетъ, что великій отецъ справедливъ, и что ни ему ни дѣтямъ его нечего бояться, если они пришли съ миромъ.

— Хорошо, сказалъ индѣецъ.

Тогда обѣ стороны встали и, съ достоинствомъ и важностію подавъ другъ другу руки, разстались. Индѣйцы возвратились въ свою комнату, а офицеры, за исключеніемъ капитана, остались въ залѣ, которая быстро стала наполняться для вторичнаго митинга.

ГЛАВА XXX.

> Вы очень хорошо постигли его, угадали чего онъ стоитъ и какъ мы въ немъ нуждаемся.
>
> *Шекспиръ.*

— Добро пожаловать, капитанъ! сказала жена полковника, когда первый вошелъ въ *дрессинг-румъ*.—Садитесь; дѣти у себя наверху. Этимъ милымъ ангеломъ вы сдѣлали намъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Мнѣ все представляется, что она для насъ должна быть вѣстникомъ побѣды, ангеломъ міра и добрымъ предзнаменованіемъ для нашихъ, которые завтра идутъ противъ непріятеля. Мы цѣлое послѣобѣда плакали съ нею, когда она разсказывала намъ о прекрасной своей жизни и о несчастной смерти дочери Мико. Какая высокая, прекрасная и покорная душа! Она вся дышетъ любовью! Мы должны оказывать всевозможное вниманіе этому индѣйцу; онъ должно быть очень несчастливъ. У васъ было съ нимъ совѣщаніе? Я заключила это изъ вашего долгаго отсутствія.

Капитанъ небрежно бросился на диванъ и съ досадою провелъ рукою по чернымъ кудрямъ своимъ.

— Это—безутѣшная, до глубины потрясенная душа, ска-

Digitized by Google

залъ онъ,—въ которой еще кипитъ только одна страсть: ненависть, жгучая, съѣдающая ненависть ко всему американскому,—ненависть, которая выражается въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ мускулѣ. Да правду сказать, и есть за что: эти залѣсцы—самый эгоистическій, самый черствый, самый упрямый и грубый народъ.

Полковница покачала головою.

— Капитанъ! вы смотрите глазами предразсудка. Вы чувствуете себя здѣсь какъ-то неловко.

— Неловко! вскричалъ капитанъ съ горькимъ смѣхомъ.— Когда я сегодня вышелъ передъ фронтъ,—майоръ разговаривалъ еще съ штабъ-офицерами втораго баталіона,—вся эта толпа обернулась ко мнѣ спиною! Отъ этого можно сойдти съ ума!

Онъ вскочилъ и скрежеща зубами, началъ бѣгать по комнатѣ.

— А вы что? спросила полковница.

— Что же вы, милая мама̀, сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ послѣ такого аффронта?

— Я серьозно, дружески спросила бы ихъ, что̀ они хотятъ выразить этимъ поступкомъ. А что же сдѣлалъ майоръ?

— Майоръ? Курилъ, пилъ и кутилъ съ ними потомъ цѣлый день, отвѣчалъ капитанъ.—Я оставилъ ихъ и ушолъ въ комнату.

— Капитанъ Перси! сказала полковница серьознымъ тономъ; еще вчера, или лучше сказать сегодня утромъ, поведеніе ваше нашли очень страннымъ, и всѣ удивлялись, ка́къ вы, военный человѣкъ, осмѣлились прервать народныя совѣщанія!

Капитанъ вспыхнулъ.

— Осмѣлился прервать ихъ народныя совѣщанія! клянусь небомъ! всѣхъ ихъ слѣдовало бы предать военному суду! Плѣнникъ бѣжалъ; не прошло и часа, какъ онъ ушолъ. Я спѣшу, бѣгу какъ угорѣлый; приказываю людямъ, прошу, заклинаю генерала, прошу не больше двадцати человѣкъ. А они стоятъ, развѣсивъ уши, вылупивъ глаза, и не трогаются съ мѣста, слушая то, что уже тысячу разъ было напечатано во всѣхъ нашихъ газетахъ.

Digitized by Google

— Однако, любезный капитанъ, какое вамъ до этого дѣло, если народъ находитъ необходимымъ совѣщаться? И вы при этомъ сказали нѣсколько словъ, совершенно не въ американскомъ духѣ. Слова эти переходятъ изъ устъ въ уста.

— Тѣмъ лучше. Пусть они знаютъ, что объ нихъ думаютъ.

— И вы осмѣливаетесь возвысить вашъ голосъ противъ этого великана съ милліонами рукъ, называемаго народнымъ духомъ! Отваживаетесь идти на перекоръ гражданамъ нѣсколькихъ графствъ!

— Я не народный офицеръ, а капитанъ линейныхъ войскъ.

— А кому принадлежатъ эти линейныя войска? спросила полковница.—А потомъ, эти несогласія, продолжала она,— эти раздоры въ такое и безъ того тяжелое время; къ чему поведетъ все это, когда тѣ, которые должны вести народъ противъ непріятеля, ссорятся съ нимъ изъ за ложно понятой гордости?

— А кто вызвалъ эти раздоры, милая мама? Ужъ никакъ не капитанъ Перси. Кто затѣялъ эту оппозицію противъ главнокомандующаго?

— Капитанъ Перси! сказала полковница съ озабоченнымъ видомъ,—вы слишкомъ долго были вдали отъ родины; вы не знаете здѣшней народной жизни и ея могущества. Вы представляете себѣ народъ нашъ такимъ, каковъ онъ въ Старой Англіи, въ этомъ земномъ раю аристократовъ. Но здѣсь, напротивъ, рай народа, и какъ тамъ аристократы, такъ здѣсь народъ имѣетъ въ рукахъ своихъ всю силу и власть.

— Къ несчастію такъ! сказалъ капитанъ.

Полковница бросила на него взглядъ, въ которомъ выражались и жалость и негодованіе, и потомъ съ неудовольствіемъ отвернулась отъ него. Въ это время растворились двери и въ комнату вошли полковникъ и майоръ Копленд, очень любезно привѣтствуя хозяйку и раскланиваясь сухо довольно съ капитаномъ.

— Вы уже воротились? спросила мистриссъ Паркеръ.

— Да, моя милая, отвѣчалъ полковникъ. — Этимъ мы обязаны сквайру. Дѣло кончилось прекрасно, и я теперь съ

Digitized by Google

увѣренностію отправляюсь туда внизъ. Сквайръ Коплендъ— просто волшебникъ: резолюціи приняты единодушно. Нѣкоторые хотѣли было возражать, но перемѣнили свое намѣреніе.

— Это были тенесцы; они только еще въ прошедшемъ году поселились здѣсь, сказалъ сквайръ. Это еще грубое вещество, сырой матеріалъ; не отвыкли еще отъ фехтованія и *гунгма*. Но тамъ внизу они теперь какъ разъ будутъ въ пору.

— Маневры вашихъ стрѣлковъ, майоръ, достойны всякой похвалы, и порядокъ между ними замѣчателенъ,—конечно для перваго дебюта.

— Нѣсколько разъ имъ все еще хотѣлось повольничать, замѣтилъ сквайръ, — но когда я у другого, у третьяго вынулъ изо рта сигары, они на цѣлый день оставались спокойны. Ну, конечно, это не нью-іоркскіе и не лондонскіе джентльмены; но повѣрьте, благо родины они ставятъ выше всего на свѣтѣ. Теперь у насъ собраны четыре роты стрѣлковъ, которые шутя одолѣютъ дюжины британскихъ ротъ.

Небрежно развалившись на диванѣ, капитанъ улыбаясь прислушивался къ рѣчамъ сквайра.

— Майоръ Коплендъ, замѣтилъ онъ наконецъ насмѣшливымъ тономъ, — ставитъ, какъ видно, враговъ своихъ ниже того, что они стóятъ. Это показываетъ покрайней мѣрѣ самосознаніе.

— И это самосознаніе никогда не бываетъ лишнимъ въ народѣ, возразилъ сквайръ. — Кто надѣется исполнить невозможное, тотъ и исполняетъ.

— Я не разъ слыхалъ, что тотъ, кто презираетъ своего врага, уже вполовину побѣжденъ, замѣтилъ капитанъ.

— Можетъ быть это такъ въ старомъ свѣтѣ, сухо отвѣчалъ сквайръ.—У насъ есть еще лучшая пословица: уважай самого себя, тогда и враги твои не будутъ тебя презирать. Впрочемъ, капитанъ, мы живемъ въ свободной странѣ, и вы можете приводить пословицъ сколько душѣ угодно; только я совѣтовалъ бы вамъ, когда вы имѣете дѣло съ гражданами, то и сами должны быть гражданиномъ, и ни на іоту больше.

— И идти въ Опелюзасъ, въ науку къ сквайру Копленду, замѣтилъ капитанъ съ горькой усмѣшкой.

Digitized by Google

— Можетъ быть это и лучше было бы для васъ, чѣмъ то, что вы провели лучшіе годы своей молодости въ испорченной до основанія Англіи. Въ полномъ восторгѣ отъ послушнаго народа Старой Англіи, вы, какъ видно, забыли, что послушанія здѣсь требуетъ народъ. Оно, конечно, какъ-то пріятнѣе сказать: «*иди, сюй,*» но у насъ на этотъ случай есть другое правило, и ваша величественная важность и благородно гордыя манеры остаются у насъ даже и незамѣченными. Мало того, вамъ не позволятъ даже взглянуть на кого нибудь пристально или косо; въ противномъ случаѣ къ вамъ тотчасъ же повернутся спиною. Ужъ нечего дѣлать, вамъ придется сносить наши манеры; если же это покажется вамъ стыдно, то, повѣрьте мнѣ, люди наши еще больше будутъ стыдиться вашихъ иностранныхъ манеръ. Они мужи, и притомъ самые свободные мужи въ мірѣ, и слишкомъ горды, чтобы покориться чужимъ манерамъ.

— Это нравоученіе, майоръ.... какъ прикажете принять его? вспылилъ капитанъ, быстро подходя къ майору.

Молодого, прекраснаго, блестящаго офицера, одѣтаго въ богатый, золотомъ шитый мундиръ, и усвоившаго себѣ самыя изящныя свѣтскія манеры, возмутила повидимому не столько рѣчь сквайра, сколько его наружность. Наружность эта, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, была далеко не изящна. Порыжѣлый рединготъ изъ толстаго сукна, хотя и не столь знаменитый, но не менѣе испытавшій разныя превратности, чѣмъ сѣрый его родственникъ, находившійся въ то время на островѣ Эльбѣ; такіе же панталоны; нѣчто въ родѣ черной шелковой веревки вокругъ шеи; квакерская шляпа, на которой на подобіе пугала торчалъ извѣстный уже намъ шутовской султанъ; полукруглые башмаки, отъ самого появленія своего на свѣтъ не видѣвшіе ваксы: все это вмѣстѣ составляло костюмъ дюжаго сквайра, который въ свою очередь важно и строго приблизился къ капитану.

— Ни больше, ни меньше, какъ добрый совѣтъ, капитанъ, отвѣчалъ онъ. — Вы прекрасный, достойный молодой человѣкъ; да проститъ Господь тѣхъ, которые, вмѣсто того чтобы сдѣлать изъ васъ гордость нашей страны, отправили

Digitized by Google

васъ въ Англію и возвратили намъ англійскаго фешенебля. Но тамъ, на озерахъ, вы вели себя какъ храбрый воинъ. Если бы не это, то майоръ Коплендъ право не бросилъ бы изъ за васъ на словечка.

— Капитанъ Перси, гордо выразилъ молодой офицеръ,— не нуждается ни въ чьемъ заступничествѣ, а тѣмъ менѣе въ...

— Вы молоды, капитанъ, холодно и сухо перебилъ его майоръ,—не забудьте, что вы мой подчиненный. Завтра, какъ уже рѣшено, мы отправляемся туда *внизъ* съ восьмью ротами. Двѣсти человѣкъ остаются здѣсь. Вамъ теперь представится случай показать, что̀ для васъ дороже: англійскія манеры, или благо вашей родины. Не забудьте также, что если вамъ случится съ кѣмъ нибудь изъ вашихъ согражданъ выкурить сигару или выпить стаканъ *тодди*, то такое довѣріе послужитъ къ вашей чести и ни на волосъ не уронитъ вашего достоинства. Не забудьте и того, что эти же самые граждане сумѣютъ справиться съ людьми и почище васъ.

Сказавъ это, онъ кивнулъ головой и исчезъ въ другой половинѣ *дрэвингъ-рума*. Въ тонѣ сквайра, при добродушной умѣренности, слышалась въ то же время какая-то безпощадная суровость, отъ которой нѣсколько разъ яркая краска выступала на лицѣ капитана. Онъ собирался уже броситься вслѣдъ за майоромъ, когда полковникъ остановилъ его словами:

— Что вы хотите, капитанъ Перси?

— Потребовать объясненія у этого грубіяна.

— Садитесь, я вамъ дамъ за него это объясненіе. Знаете ли вы, что вся команда безъ исключенія, до того раздражена вашимъ поведеніемъ во время вчерашняго митинга, вашими неприличными словами и сегоднишнимъ поступкомъ, что немедленно нарядила коммиссію изъ офицеровъ?

— И? спросилъ капитанъ, нѣсколько озадаченный.

— И эта коммиссія требовала, чтобы все это было донесено главнокомандующему и чтобы васъ устранили пока отъ всѣхъ служебныхъ сношеній съ нашими гражданами.

Капитанъ поблѣднѣлъ.

— Тогда, продолжалъ полковникъ, — вышолъ впередъ

Digitized by Google

майоръ Коплендъ и съ свойственнымъ ему увлекательнымъ краснорѣчіемъ представилъ гражданамъ всю необходимость оставить васъ въ настоящей вашей должности. Ничего не забылъ онъ: ваши заслуги, ваши блистательные подвиги при Платсбургѣ—все изобразилъ онъ яркими красками. Онъ хорошо васъ знаетъ. Долго все было напрасно, но наконецъ ему удалось успокоить всеобщее негодованіе. Рѣшеніе пока отложено; понимаете ли? только отложено.

— Я дѣйствовалъ по порученіямъ моего начальника, и если въ пылу досады у меня вырвались слова...

— Которыя никогда не должны вырываться у человѣка, призваннаго начальствовать надъ другими, перебилъ его полковникъ.—Вы прибыли сюда по порученіямъ генерала. Хорошо! въ такомъ случаѣ вамъ слѣдовало исполнить эти порученія и потомъ молчать. Но вы налетѣли на насъ, какъ стрѣла, пущенная изъ лука, думая вѣроятно, что если генералъ тамъ внизу такъ мало церемонится съ креолами, то вы въ правѣ такимъ же образомъ поступать и здѣсь. Но начальникъ вашъ лучше понимаетъ это дѣло и, посылая васъ на удачу съ громовою своею вѣстію, самъ пишетъ прелюбезное письмо къ сквайру и проситъ его: нельзя-ли ему какъ можно скорѣе прибыть туда съ своимъ баталіономъ, и прибавляетъ, что онъ самъ приготовилъ для него квартиру.

— Почемъ же онъ знаетъ, что сквайръ Коплендъ будетъ выбранъ майоромъ?

— Если бы графства, лежащія по ту сторону рѣки, могли располагать мѣстомъ президента, то президентство досталось бы сквайру Копленду, который своею опытностію, познаніями, популярностію и даже по своему состоянію, пользуется тамъ всеобщимъ уваженіемъ. Онъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей демократической партіи въ Штатѣ и пользуется всемогущимъ вліяніемъ въ нѣсколькихъ графствахъ. Какъ могли вы рѣшиться говорить такимъ тономъ съ человѣкомъ, который имѣетъ шесть, уже поселившихся и устроившихся сыновей, съ человѣкомъ, который проливалъ свою кровь, когда васъ не было еще на свѣтѣ?

— Капитанъ нѣсколько разъ прошелся быстро взадъ и впередъ по залѣ; наконецъ онъ сказалъ:

Digitized by Google

— Генералъ предчувствовалъ нѣчто въ родѣ оппозиціи; онъ поручилъ мнѣ употребить всѣ средства, чтобы помѣшать ей.

— И вы пришли и подумали, что мы такъ вотъ сейчасъ и испугаемся? Будьте увѣрены, что вашъ громоносный генералъ съ самой сладкой гримасой проглотитъ страшную пилюлю, которою вы обожгли себѣ ротъ и можетъ быть на всегда повредили военной своей карьерѣ, и что онъ своею любезностію будетъ стараться отвратить отъ себя дальнѣйшій гнѣвъ народа.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Завтра, какъ вамъ извѣстно, мы отправляемся внизъ съ обученными уже войсками и стрѣлками; вы останетесь еще на нѣсколько дней, пока не выучится здѣшняя команда. Но одно я долженъ вамъ замѣтить, продолжалъ полковникъ серіознымъ тономъ;—вашему сватовству за моею дочерью, капитанъ Перси, я не мѣшалъ, хотя оно мнѣ и несовсѣмъ по душѣ. Но я не хочу мѣшать счастію своей дочери. Не забудьте однако же, что вмѣстѣ съ дочерью я не намѣренъ терять своей популярности между моими согражданами.

Капитанъ устремилъ на него неподвижный взоръ. Нѣсколько разъ онъ быстро прошолся взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ съ запальчивостію схватилъ киверъ и перчатки. Онъ стоялъ еще въ нерѣшимости, какъ вдругъ встала жена полковника и произнесла съ достоинствомъ:

— Согласіе и единодушіе въ дѣйствіяхъ! пойдемте, капитанъ, вы были виноваты. Вамъ слѣдуетъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію.

Капитанъ взялъ предложенную ему руку и отправился вслѣдъ за дамой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, рука объ руку съ сквайромъ и Виргиніей.

— Она уже легла въ постель, сказалъ смягчившійся сквайръ,—милый ангелъ! жаль, очень хотѣлось бы еще разъ видѣться съ нею.

— Оставьте ее, сказала полковница,—ей отдыхъ необходимъ. Она не спала двѣ ночи. Завтра мы возьмемъ ее туда съ собою.

Digitized by Google

На всемъ семействѣ отразилась какая то унылая важность, и какъ будто вмѣстѣ съ этимъ милымъ ребенкомъ исчезла и веселость. Это были послѣдніе часы разлуки, которая могла длиться недѣли, мѣсяцы, а можетъ быть и вѣчно; а потому очень естественно, если часы эти проводились въ какомъ то важномъ настроеніи духа. Совѣщанія о важныхъ дѣлахъ отечества и весьма обширномъ хозяйствѣ полковника были причиною, что поздній чай тянулся почти до самаго ужина. Было уже далеко за полночь, когда убрали со стола, и невольниковъ посемейно ввели въ столовую, гдѣ плантаторъ произнесъ имъ внушительную рѣчь, убѣждая ихъ исполнять вѣрно свои обязанности, а потомъ трогательно простился съ ними. О снѣ никто и не подумалъ. Среди разнообразныхъ заботъ по хозяйству и приготовленій къ походу прошла ночь, и уже начала заниматься заря, когда громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ о прибытіи пароходовъ. Вскорѣ послѣ того въ залу вошла Роза и Габріеля. Еще нѣсколько минутъ семейная группа стояла вмѣстѣ, а потомъ оставила домъ и *байю* и направилась къ берегу рѣки.

Туманъ висѣлъ еще такъ густо надъ рѣкою и берегомъ, что нельзя было различить ни одного предмета, и только слышался глухой гулъ говора. Отрядъ стоялъ уже на берегу, а съ нимъ тысячи женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ проститься съ родными. Охотникъ до зрѣлищъ вѣроятно не нашолъ бы здѣсь достаточной пищи для своей страсти: тутъ не было и помину о томъ блескѣ и великолѣпіи, о той оглушительной музыкѣ, какая бываетъ въ европейскихъ государствахъ тутъ не было и помину о тѣхъ пѣсняхъ, шумѣ и попойкахъ, которыя въ такихъ случаяхъ характеризуютъ подобныя прощанія. Напротивъ, здѣсь царствовала глубокая тишина или, скорѣе, тихій шопотъ, прерываемый только громкими голосами носильщиковъ и негровъ. Всѣ стояли важно и степенно, разговаривая съ своими родными съ такимъ спокойствіемъ, которое непреложно доказывало высокую степень самоуваженія, американцевъ. Въ американскомъ народѣ нѣтъ собственно черни, а каждый членъ этого огромнаго тѣла, самостоятельно и съ политическою важностію, обдумываетъ важ-

Digitized by Google

дый свой шагъ, и идетъ на встрѣчу событіямъ съ полнымъ сознаніемъ и силою. Еще разъ полковникъ обнялъ всѣхъ дорогихъ его сердцу, и потомъ велѣлъ подать знакъ къ выступленію. Вслѣдъ за нимъ сынъ его на скоро обнялъ мать и сестеръ, схватилъ руку Розы и съ лихорадочнымъ жаромъ прижалъ ее къ сердцу. Сквайръ пожалъ руку дамамъ и обнялъ Розу.

— Молись за насъ, Роза, сказалъ онъ ей шопотомъ. Всевышній внимаетъ молитвѣ невинныхъ; мы по истинѣ будемъ нуждаться въ этомъ.

И сильнѣе прежняго раздался трескъ и грохотъ барабановъ, оглушительнѣе зазвучали флейты, и посреди всего этого заревѣлъ громъ пушекъ съ пароходовъ. Сквайръ вырвался изъ объятій Розы и семейства полковника.

Передъ ними стали проходить отрядъ за отрядомъ. Послышался глухой унылый шопотъ, сперва тихое, потомъ постепенно усиливавшееся рыданіе женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей.

— Благослови васъ Богъ! Да хранитъ васъ владыка силъ небесныхъ! раздалось изъ тысячи устъ. Не забывайте женъ и дѣтей вашихъ! Будьте тверды, какъ истинные мужи! кричали другія.

Вдругъ Роза вздрогнула.

— Боже милосердый! вскричала она и въ оцѣпенѣніи бросилась въ объятія новой своей матери. Она прижала лицо къ груди мистриссъ Паркеръ и съ трепетомъ указала позади себя на толпу мущинъ, которые, въ сопровожденіи не большаго конвоя милиціи, шли по направленію къ пароходу.

— Что такое? что такое? вскричала испуганная полковница.

— Мать моя! ради Бога спаси меня! Спаси твою Розу! Больше она не въ силахъ была говорить: полумертвая отъ испуга, она повисла на рукахъ дамы; всѣ члены ея дрожали; она была поражена невыразимымъ ужасомъ.

Вдругъ позади ихъ, подобно привидѣнію, явилась длинная, исполинская, высохшая фигура, бросилась въ самую середину группы дамъ, вырвала Розу изъ объятій полковницы и обхватила ее своими длинными, сухими руками, уподобляясь

Digitized by Google

болѣе адскому привидѣнію, нежели обитателю земнаго шара. Мать и дочери съ криками ужаса отскочили назадъ.

— Что такое? вскричалъ капитанъ, подбѣгая съ обнаженною шпагою.

Индѣецъ уставился на него, поворачивая глазами, какъ бѣшеный, потомъ судорожно прижалъ къ себѣ Розу и страшно вытянулъ длинную свою шею по направленію парохода, устремивъ туда страшно сверкающіе глаза.

— Начальникъ соленыхъ водъ! простоналъ онъ. Роза подняла глаза и начала озираться во всѣ стороны.

— Мико! вскричала она, — его уже нѣтъ. Успокойся, Мико, убійца Канонды и твоихъ воиновъ уже на рѣкѣ.

Мало по малу взоры его стали успокоиваться. Руки, которыми онъ держалъ дѣвушку, опустились, еще разъ устремилъ онъ неподвижный взоръ на рѣку, и потомъ медленно и шатаясь направился къ своимъ.

— Ради Бога, дитя мое, что это такое? съ ужасомъ вскричала полковница.

— Морской разбойникъ, милая мать, отвѣчала Роза, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Дитя мое, ты ошибаешся, вскричала озабоченная дама. Какимъ образомъ зашолъ бы сюда морской разбойникъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Роза, — Мико также видѣлъ его.

И опять она со страхомъ устремила взоръ на пароходы, изъ трубъ которыхъ сильнѣе сталъ клубиться дымъ. Еще нѣсколько разъ неистово зашипѣли пары; съ обѣихъ сторонъ изъ тысячей устъ раздалось: «да благословитъ васъ Богъ!» корабли поднялись, повернули и понеслись въ роковую даль.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXI.

Благоволите, ваша честь, принять мои бѣдныя услуги. Хотѣлось бы очень отвѣдать вашего хлѣба, какъ бы онъ ни былъ черенъ, и вашего питья, какъ бы оно ни было водянисто, и за сорокъ шиллинговъ я буду такъ усердно служить вамъ, какъ другой за три фунта.

Гринъ.

— Отправились? спросилъ кто-то тихимъ голосомъ, какъ бы не желая мѣшать окружающимъ въ ихъ горестномъ созерцаніи.

— Какъ видите, отвѣчалъ другой:—вы изъ числа стрѣлковъ, Бобъ; вамъ еще вчера слѣдовало быть здѣсь; вашъ капитанъ уже отправился.

— Damn! сказалъ первый. Да и были бы здѣсь, если-бъ вотъ эти не задержали насъ.

При этихъ словахъ онъ указалъ на группу изъ пяти человѣкъ, съ которыми онъ только что прибылъ съ противоположнаго берега и которые казались удивленными, увидя себя внезапно посреди густой толпы мущинъ, женщинъ и дѣтей, изъ коихъ нѣкоторые прислушивались къ отдалявшемуся шипѣнію пароходовъ, другіе стояли погруженные въ глубокое размышленіе, или же закрывали глаза платками. Было что-то поражающее въ этомъ гробовомъ молчаніи нѣсколькихъ сотъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, которые, не издавая ни малѣйшаго звука, силились по видимому уловить слухомъ хоть шипѣніе пароходовъ. Хотя послѣднія слова были произнесены тихо, но вниманіе окружающихъ устремилось на упомянутую группу, изъ которой двухъ привѣтствовали какъ сосѣдей, въ третьемъ узнали бѣжавшаго негра полковника Паркера, а на четвертаго посмотрѣли нѣсколько мгновеній и потомъ оставили въ покоѣ, какъ человѣка, не заслуживающаго особаго вниманія; но видъ пятаго возбудилъ вдругъ всеобщее движеніе и ропотъ, который быстро сталъ усиливаться.

Digitized by Google

— Шпіонъ! раздалось вдругъ со всѣхъ сторонъ, и слово это стало переходить изъ устъ въ уста.

— Клянусь Язусомъ! вскрѣчалъ рѣзкимъ, дребезжащимъ, сиплымъ голосомъ парень, котораго мы назвали четвертымъ; по выговору въ немъ тотчасъ можно было узнать одного изъ сыновъ Эрина.

— Клянусь Язусомъ! мэстеръ Джемсъ, вотъ веселая ватага! вотъ тревога-то! когда мы причалили, можно было слышать шаги мыши, и едва мы ступили на берегъ, какъ поднимается тревога и суматоха, точно фрегатъ янки собирается нагрянуть на королевскій пятидесяти пушечный корабль.

Мэстеръ Джемсъ, который, какъ вѣроятно догадывается читатель, былъ опять никто иной, какъ нашъ злополучный британецъ, не отвѣчалъ ни слова. Стиснувъ зубы и уста, онъ стоялъ какъ статуя, устремивъ въ пространство неподвижный, безсмысленный, полудикій взоръ, который если и не оправдывалъ даннаго ему названія «шпіонъ», то указывалъ покрайней мѣрѣ на тяжелые удары, перенесенные имъ въ продолженіи тридцати часового бѣгства. Ропотъ: «шпіонъ, шпіонъ» становился между тѣмъ все громче и и громче. Ирландецъ осмотрѣлъ сперва себя съ ногъ до головы, потомъ обоихъ своихъ спутниковъ, и вскричалъ весело:

— Шпіонъ! клянусь Уинго! кто же по вашему мнѣнію шпіонъ? сынъ моего отца? Да это умереть можно со смѣху. Мэстеръ Джемсъ? этотъ юноша, кровь съ молокомъ? при этихъ словахъ онъ взглянулъ еще разъ на британца. Негръ-джентльменъ? Чортъ меня возьми, если вы въ своемъ умѣ. Въ семействѣ нашемъ, семействѣ Мурфи въ Кильдорѣ нѣтъ въ живыхъ ни одного, который бы хоть разъ былъ повѣшенъ. Шпіонъ! убирайтесь къ чорту! вы съ ума сошли.

И онъ разразился неудержимымъ смѣхомъ.

— Да вѣдь братъ твой въ Дублинѣ обвѣнчанъ съ веревкой, закричалъ ему одинъ изъ оставшихся ополченцевъ.

— Вы говорите, какъ проклятый хвастунъ, брякнулъ на него ирландецъ. Это былъ мой сводный братъ, маминъ уродъ; спрыгнулъ съ доски въ казармѣ Грингуза. Если бы

Digitized by Google

въ этомъ чортовомъ гнѣздѣ не сидѣлъ ея камартажскій кузенъ, онъ бы и до сихъ поръ еще носилъ свою куртку. Да только куртки-то у него не было; еще въ тюрьмѣ спустилъ ее за бутылку виски; повѣсили въ рубашкѣ.

— Твоя правда, Подди, вскричалъ другой, которому не хотѣлось прекращать шутки. — А отецъ твой, Дави Мурфи?

— Застрѣленъ Констэблемъ Мейгеомъ изъ-за какого-нибудь несчастнаго бочонка желудочнаго эликсира. Проклятый дуракъ! такая честная смерть, какой и желать лучше не надо.

— Ну, а твоя сестра, въ Коркѣ, вѣдь *конфискована* за покражу овцы! закричалъ ему третій.

— Въ Коркѣ? клянусь Язусомъ! захохоталъ ирландецъ.— Въ Коркѣ? Да у нихъ въ цѣломъ Коркѣ нѣтъ ни овечки. Они рады, коли могутъ прокормить козу. Коли останется травинка, они дѣлаютъ изъ нея чай. Бѣдная Мери! вскричалъ онъ комически:—когда я въ другой разъ увидѣлъ ее, то она сказала мнѣ: ты, Дэви, сказала она, будь уменъ, сказала она, и, сказала она...

Къ видимому сожалѣнію опелюзскихъ гражданъ, веселый ирландецъ былъ прерванъ въ семейной своей исповѣди приходомъ двухъ ополченцевъ, которые съ ружьями въ рукахъ прибыли изъ караульни, чтобы принять его и двухъ его товарищей въ свое распоряженіе. Нѣсколько мгновеній онъ смотрѣлъ на нихъ съ видомъ изумленія и потомъ, присѣвъ на корточки, закричалъ съ дурацкимъ хохотомъ:

— Мэстеръ Джемсъ Годжесъ! Мэстеръ Джемсъ Годжесъ! Parleh fouhs frenseh Monsiehour?

И опять онъ расхохотался такимъ неудержимымъ смѣхомъ, что наконецъ у него захватило духъ.

— Ну, мэстеръ Джемсъ! продолжалъ онъ хихикая:—когда насъ вчера тамъ выпроваживали метлами и дубинами, кто бы подумалъ, что на другой день окажутъ намъ такую честь и дадутъ намъ почетную стражу?

— Мнѣ кажется, вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ: — за всѣмъ этимъ скрывается больше чѣмъ обыкновенный шутъ.

Digitized by Google

— Parleh fouhs frenseh Monsiehour? снова закричалъ ирландецъ съ отчаяннымъ хохотомъ.

— Вотъ уморительный чудакъ, вскричало нѣсколько ополченцевъ. — Пусть себѣ забавляется.

И вся толпа мущинъ, женщинъ и дѣтей присоединилась къ шествію.

— Parleh fouhs frenseh Monsiehour? закричалъ онъ опять, останавливаясь и хохоча какъ сумашедшій. — Да вы ничего не знаете, продолжалъ онъ на своемъ ирландскомъ жаргонѣ.— Чортъ возьми, вонъ дураки говорятъ, что въ Лунзіонѣ на половину французы, на половину янки. Damn ye! попъ нашъ, патеръ Киркпатрикъ, больше смыслитъ, и сынъ моего отца отъ него научился этому; но гдѣ я ни заговаривалъ по французски, ни кто меня не понимаетъ.

— Ты смѣлый парень, закричалъ ему одинъ изъ офицеровъ:—но нѣсколько сутокъ на хлѣбѣ и на водѣ уймутъ твой бродяжническій языкъ.

Ирландецъ смотрѣлъ на него нѣсколько мгновеній съ видомъ сомнѣнія; потомъ выжидающіе его взоры обратились къ окружавшимъ, которыхъ очевидно забавляли его выходки, и потомъ снова закричалъ, вытаскивая изъ своей голубой куртки бумагу:

— Parleh fouhs frenseh Monsiehour? Вотъ, съ позволенія вашей чести, свидѣтельство моряка съ брига «Сара», капитана Морондъ, моего земляка, который однако пошелъ въ янки, и, чортъ меня возьми, я и самъ пойду въ янки! нѣтъ насвѣтѣ лучше янковъ. Parleh fouhs frenseh Monsiehour, мэстеръ Джемсъ Годжесъ? обратился онъ вдругъ, къ послѣднему.—Ахъ, мэстеръ Джемсъ! лучше бы намъ быть тамъ, гдѣ были вчера; метла и палки вовсе не такъ опасны, какъ эти штуцера.

Веселый шутъ опять присѣлъ на корточки и захохоталъ пуще прежняго. Parleh fouhs frenseh Monsiehour?

— Твой пашпортъ въ должномъ порядкѣ, сказалъ офицеръ:—но какъ же ты сошелся съ плѣнникомъ?

— Parleh fouhs frenseh? вскричалъ опять ирландецъ.— Чортъ меня возьми, если я самъ это знаю, и могу сказать. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ городъ, языкъ мой такъ

Digitized by Google

выюхъ, какъ будто пропустилъ черезъ себя цѣлыхъ четыре штофа *гороховой воды.*

И онъ снова остановился и лукаво улыбался.

Плутовское лицо его, на которомъ, при нѣкоторомъ добродушіи отражалась порядочная доза ирландской наглости и невозмутимой веселости, привело мало по малу весь конвой, несмотря на прежнюю мрачность и важность, въ такое настроеніе, что всѣ едва были въ состояніи подавить смѣхъ. Шествіе приближалось въ это время къ караульному дому, но ирландецъ останавливался черезъ каждые десять шаговъ. Одинъ изъ офицеровъ вынулъ изъ кошелька полъ-доллара и держалъ его между пальцами.

— Ахъ, наимилостивѣйшій, сладчайшій, милѣйшій, прекраснѣйшій, наипрелестнѣйшій, наипревосходнѣйшій, наипочтеннѣйшій сквайръ, майоръ, полковникъ, генералъ, поручикъ, а можетъ даже и капралъ! вскричалъ ирландецъ, протягивая руку къ монетѣ и дѣлая при этомъ такую забавную рожу, что всѣ покатились со смѣху.

— Ба! старуха съ своимъ капоромъ и орелъ съ своими звѣздами въ тысячу кратъ умнѣе сумасшедшаго капитана Морондъ. Всѣми силами хотѣлъ завербовать меня въ отрядъ волонтеровъ, чтобы сражаться противъ этихъ красныхъ мундировъ. Чортъ меня возьми, если я это сдѣлалъ. Ну, пожалуй, если бы дѣло шло покрайней мѣрѣ объ акцизѣ, или еслибъ можно было заработать при этомъ штофъ виски. Послушайте-ка, вашъ виски ни къ чорту не годится. Ага, прибавилъ онъ, лукаво прищуриваясь: — Дэви не дуракъ; если бы онъ попался въ руки сиръ Эдварда, то ужъ висѣлъ бы. Вотъ еще человѣчекъ, этотъ сиръ Эдвардъ! Женился на желто-красной! проклятый апельсинникъ! Ну, мистеръ, а теперь выпьемъ-ка за здоровье мэстеръ Джемсъ Годжеса.

— Оставайся-ка пока здѣсь, отвѣчалъ офицеръ. — Ты пойдешь съ нами въ караульню; но тебѣ тамъ ничего не сдѣлаютъ.

— Силы небесныя! закричалъ ирландецъ:—въ караульню! за что же это? что я не хотѣлъ служить въ волонтерахъ, такъ за это меня сажаютъ въ караульню?

Digitized by Google

— Падди, закричалъ ему одинъ изъ окружавшихъ, сынъ твоего отца ужасный дуракъ.

— Чортъ возьми, это правда, вскричалъ веселый ирландецъ. — Однако все таки не такой дуракъ, чтобы окунуть пальцы въ горшокъ съ кипяткомъ. Отправился въ вашу сторону на заработки, и вотъ я, какъ видите. Не нуженъ ли вамъ тертый калачъ? умѣю дѣлать все на свѣтѣ, кромѣ денегъ: плотничать, столярничать, починять башмаки, сучить веревки. Чортъ меня возьми, если между Коркомъ и Дублиномъ найдется хоть одинъ, который бы могъ равняться съ Дэви Мурфи. «Дэви,» сказалъ его честь, сквайръ въ Комортэнѣ, «Дэви,» сказалъ онъ, «если изъ тебя не выйдетъ прокъ, то назови меня чѣмъ хочешь.» Но вчера вамъ надо было видѣть меня, вчера! Клянусь Язусомъ, вотъ я разсердился-то! Проклятый *Же-нанктангна* (*). Damnhion! Нѣтъ! сбросилъ меня съ лѣстницы, да еще и выругалъ *Же-нанктангна!* Не скажетъ ли мнѣ кто нибудь изъ васъ, что это за *же-нанктангна?* Если бъ я зналъ, то тотчасъ же пошолъ бы и свернулъ шею этому лежебокѣ, хоть бы даже пришлось за это болтаться на воздухѣ.

— Да ты раскажи-ка лучше, какъ попалъ къ этому *Же-нанктангна.*

До сихъ поръ британецъ нашъ съ нѣмою яростію выслушивалъ нескончаемыя сумасшедшія выходки своего товарища въ бѣдѣ; но наконецъ терпѣніе его повидимому достигло послѣднихъ предѣловъ; онъ вдругъ схватилъ ирландца за плечо и запальчиво сталъ трясти его.

— Если ты не замолчишь, проклятый бездѣльникъ, то я сверну тебѣ...

Онъ не успѣлъ кончить, потому что въ эту минуту два человѣка оттащили его отъ ирландца.

— Тише, молодой человѣкъ! сказалъ одинъ изъ нихъ съ такимъ серьёнымъ видомъ, что у разгорячившагося юноши послѣднее слово замерло на устахъ.

— Терпѣніе, мэстеръ Джемсъ, вскричалъ нѣсколько озадаченный ирландецъ: — вы видите, янки не слишкомъ-то ува-

(*) Je n'entends pas.

Digitized by Google

жаютъ англійскихъ джентльменовъ; покоритесь-ка лучше своей судьбѣ. Не ожидалъ я этого, продолжалъ онъ:—но ужъ объ этомъ и бабушка моя говорила своей дочери. Слушай, Дэви, сказала она, Дэви, сказала она, ты ловкая бестія, сказала она, ходи только почаще въ школу къ патеру Мурдоху, сказала она, ты далеко пойдешъ, сказала она. А проклятый-то креолъ вѣдь ни слова не знаетъ по французски!

— А ты развѣ говорилъ съ нимъ? смѣясь спросили его нѣсколько человѣкъ.

— Говорилъ съ нимъ? конечно говорилъ; говорилъ съ господами и почище этого паршиваго креола, и будь я проклятъ, если это не правда. Разговаривалъ съ нимъ такъ ясно, такъ внятно, какъ только можно разговаривать. Спросите-ка мэстеръ Джемса. Ахъ, бѣдный мэстеръ Джемсъ! Посмотрите, какая у него печальная рожа,—ожальтесь надъ нимъ. Я подцѣпилъ его за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ: вижу, все высматриваетъ съ этимъ чернымъ джентльменомъ около опушки лѣса и не рѣшается ни входить, ни выходить: я и думаю про себя: у этого то же что-то не ладно; дай-ка посмотрю, что они тамъ затѣваютъ; но ужъ на лицѣ прочиталъ въ чемъ сила: едва взглянулъ, и уже зналъ который часъ. Эй, мэстеръ, сказалъ я, посмотримъ-ка вмѣстѣ, не натянемъ-ли носа этимъ янкамъ и не проберемся-ли къ Нью-Йорку или къ Филадельфіи. Это должно быть не далеко отсюда.

— Бездѣлица, захохатали всѣ;—двѣ тысячи пять сотъ миль.

— Янкскихъ миль? спросилъ ирландецъ, лукаво прищуриваясь,—такихъ идетъ пятнадцать на одну англійскую.

— Онъ еще и остритъ, закричало нѣсколько человѣкъ.

— Нѣтъ шутки, въ сторону, неужели двѣ тысячи?

— И сверхъ того пятсотъ, да еще и добрыхъ.

— Язусъ! вскричалъ ирландецъ, крестясь, если такъ, то сынъ моего отца былъ таки страшный дуракъ, что такъ размѣнялъ свои тридцать шесть долларовъ, точно они жгли ему карманъ. И если тутъ всѣ таковы, какъ этотъ *же нанг-танпа*—представьте себѣ: когда мы вотъ такъ сошлись съ мэстеромъ Джемсомъ и вотъ этимъ чернымъ джентльменомъ, мы и пустились въ путь втроемъ; вы знаете зачѣмъ и для

Digitized by Google

чего: въ желудкахъ нашихъ уже два раза прозвонило къ обѣду. Ну хорошо, вотъ мы и направились съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ къ одному дому, да еще и славный какой домъ! видимъ, стоитъ передъ дверью вотъ эдакая сухопутная крыса, съ двумя *ледіями*, и преспокойно смотритъ, какъ мы одинъ за другимъ подползаемъ къ дому. Мэстеръ Джемсъ оставался однако назади, да и меня не хотѣлъ пускать впередъ; но Дэви не дуракъ, и смѣло взялся за дѣло. Да и пора было: въ желудкѣ у меня шумѣло, точно на нашей «Сарѣ», когда приближается Сѣверо-западный вѣтеръ. Жаль только ловкаго поклона и славныхъ комплиментовъ, которые я отмахнулъ. Но дамы были хороши; лучшихъ не найдешъ и въ Дублинѣ, а это много значитъ.

Между тѣмъ ирландецъ, съ своей свитой, подъ которою мы разумѣемъ всѣхъ оставшихся ополченцевъ, подошолъ къ караульному дому. Часть свиты остановилась передъ входомъ, выражая такимъ образомъ молча желаніе, еще далѣе слушать этого веселаго чудака, прежде чѣмъ отведутъ его въ караульню. Его необыкновенно веселый нравъ и неизсякаемый запасъ забавно наглыхъ выходокъ постоянно поддерживали въ его слушателяхъ охоту къ смѣху.

— Ну хорошо, джентльмены, продолжалъ онъ, вотъ я и подъѣхалъ, съ шапкой въ рукѣ, къ этому господину и къ двумъ *ледіямъ*, и спросилъ его на такомъ прекрасномъ французскомъ языкѣ, какъ вамъ едва ли когда приходилось слышать: «Parleh fouhs frenseh Monsiehour!» сказалъ я: «Wui», сказалъ онъ; вотъ я и обрадовался. «Мы два бѣдные странствующіе джентльмены съ моря, и съ нами еще черный джентльменъ съ суши (я разумѣлъ негра); намъ бы хотѣлось тотчасъ же отправиться въ Нью-Йоркъ или Филадельфію, или пожалуй въ Бостонъ, если это ближе, «сказалъ я. Вдругъ эта проклятая сухопутная крыса замахала руками и такъ посмотрѣла на меня, какъ будто отъ роду не видала *детя*, и сердито назвала меня «*женангтангпа*».

— «Parleh fouhs frenseh Monsiehour», ты спросилъ по французски, а все остальное на своемъ тарабарскомъ ирландскомъ жаргонѣ? смѣясь замѣтилъ одинъ изъ окружавшихъ его.

Digitized by Google

— Силы небесныя! А какъ же по вашему долженъ говорить сынъ моего отца, какъ не на языкѣ своего отца?

При этихъ словахъ со всѣхъ сторонъ раздался такой неистовый, такой оглушительный хохотъ, что женщины и дѣвушки, отошедшія уже на значительное разстояніе, остановились въ изумленіи. Только британецъ бросалъ свирѣпые взгляды на несчастнаго ирландскаго своего товарища.

— Ну а что же ты? спросило его нѣсколько человѣкъ.

— Damn ye! продолжалъ ирландецъ, когда нѣсколько утихла суматоха,—неужели вы думаете, что я такъ скоро отстану отъ него, когда пары изъ кухни такъ пріятно щекотали мои ноздри? я еще разъ спросилъ его: «Parleh fouhs frenseh Monsiehour?» сказалъ я, а лысая голова опять отвѣчаетъ «Wui;» а когда я опять сталъ растолковывать ему нашу бѣду, онъ опять сталъ смотрѣть на меня, какъ сумасшедшій. Розиня этотъ опять не понялъ ни слова по французски; а когда я дальше сталъ объяснять ему, онъ разозлился и опять выругалъ меня *женантангпа*.

— Ну, а ты? заревѣли десятки голосовъ.

— Спросилъ еще разъ: «Parleh fouhs frenseh monsiehour?» а потомъ сказалъ ему, чтобы чортъ его взялъ, когда онъ можетъ такъ равнодушно видѣть, какъ два джентльмена терпятъ нужду. Но онъ опять язвительно назвалъ меня *женантангпа*.

— Ну, однако ты вѣрно не снесъ терпѣливо эту обиду? закричали ему нѣсколько человѣкъ съ неистовымъ хохотомъ.

— Мало же вы знаете Дэви Мурфи, когда думаете, что тотъ отдѣлается отъ него такъ дешево; я уже началъ сердиться и громкимъ голосомъ закричалъ ему въ самое ухо: Parleh fouhs frenseh Monsiehour? Но тутъ вамъ надо было взглянуть на него: онъ взбѣсился не хуже капитана Морандъ во время шквала, когда ему приходится разстаться съ ромовою бутылкою; задрожалъ отъ злости и бросился на меня. Черезъ чуръ много ихъ было, такъ я и давай Богъ ноги. Проклятая сухопутная крыса.

— А что же было съ вами дальше? спросило нѣсколько человѣкъ.

— Послушайте-ка, продолжалъ ирландецъ, — въ вашей

Digitized by Google

янкской сторонѣ право не знаешь, сварятъ ли тебя или изжарятъ. Но если мы вчера, мэстеръ Джемсъ Годжесъ, не были въ разбойническомъ вертепѣ, то я позволю себя заклепать какъ пушку. Язусъ! а старая-то вѣдьма передъ дверью!

— Собака! вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ, — я сверну тебѣ шею, коли ты будешъ такъ величать мою мать.

— Ба, мать! у капитана Рокъ также была мать, а у Джемса Киркпатрикъ, который въ Гринвичѣ виситъ въ цѣпяхъ на морскомъ берегу, какъ разъ подъ гошпиталемъ, еще и теперь можете слышать какъ стучатъ его кости, когда дуетъ вѣтеръ,—полагаю и у него была мать?

— Ничего, дальше, стали его успокоивать другіе; — не бойся.

— Проклятый пустомеля! закричалъ ему британецъ, который едва могъ владѣть собою,—если ты не удержишъ свой языкъ, то я сверну тебѣ шею.

Онъ уже собирался привести свою угрозу въ исполненіе, но это повидимому не произвело никакаго дѣйствія на своенравнаго ирландца, напротивъ гнѣвъ его прежняго товарища еще болѣе подстрекалъ его къ болтливости, въ особенности когда на лицахъ толпы онъ увидѣлъ свое торжество.

— Смотрите только, какъ самимъ вывернуться, вскричалъ онъ,—и предоставьте мнѣ заботу о моемъ языкѣ. Мой языкъ такой добрый языкъ, какой когда либо бывалъ въ Ирландіи; никому онъ не дѣлалъ зла, мой языкъ; не кормили вы его, моего языка; стало быть вамъ нечего и запрещать ему говорить, моему языку.

— Браво, Подди! закричали ему со всѣхъ сторонъ,—ты въ свободной сторонѣ.

— Вотъ то-то и есть, продолжалъ ирландецъ; — однако самъ чортъ далъ бы тягу, еслибъ былъ на нашемъ мѣстѣ. Ну хорошо, джентльмены, какъ мы вотъ такъ бѣжали, а негры за нами.

— Даже негры! запищала ему дюжина курчавыхъ головъ, изъ крайнихъ рядовъ.

— Не давай себя сбивать съ толку, Дэви!

— Ну хорошо, продолжалъ ирландецъ,—вотъ мы и давай бѣжать (мэстеръ Джемсъ не отставалъ) по нивамъ и кочкамъ,

Digitized by Google

по лѣсамъ и полямъ, я и самъ не знаю какъ долго мы бѣжали такъ, какъ только могутъ удирать два честныхъ подданныхъ его британскаго величества, когда видятъ за собою янковъ.

— Не дурно сказано, Подди, замѣтилъ одинъ изъ слушателей,—вотъ тебѣ за это полдоллара.

— Благослови васъ Богъ, сказалъ ирландецъ; — еслибъ только виски вашъ не былъ такъ скверенъ!—Ну хорошо; бѣжали мы вотъ такъ нѣсколько часовъ, вдругъ видимъ передъ собой домъ, или хижину, или блокгаузъ, какъ вы тамъ называете. Передъ дверью сидитъ старуха, и я опять спрашиваю: «Parleh fouhs frenseh Mensiehour»? а она покачала головою. Хотѣлъ было уже идти дальше; думаю себѣ: тутъ тоже не поживишься; однако спросилъ: не найдется ли какой подстилки для нашихъ мятежныхъ желудковъ и костей, и чортъ меня возьми, она говоритъ: «да», и еще такъ чисто по англійски, какъ когда-либо слышали въ Кольдарэ; однако дорого обошлись намъ ея маисовые блины, ветчина и чай. Ухъ, страшно было въ комнатѣ! въ одномъ корытѣ человѣческая голова и ноги, въ другомъ корытѣ руки, а потомъ этотъ гробовой свѣтъ! Мы сидѣли за нашимъ ужиномъ, точно въ трюмѣ.

Британецъ становился все сердитѣе и раздражительнѣе.

— Почтеннѣйшіе джентльмены! продолжалъ ирландецъ. Дэви не дуракъ; онъ знаетъ что знаетъ; старая вѣдьма не даромъ пригласила насъ такъ ласково къ себѣ въ домъ. Ну, а потомъ точеніе ножей въ глухую полночь, а? развѣ мы не слышали собственными ушами?

Три молодые человѣка, которые привели обоихъ плѣнниковъ и ихъ веселаго спутника, стали тихо разговаривать съ ополченцами, и снова раздался неистовый хохотъ.

— Такъ стало быть они покушались на вашу драгоцѣнную жизнь? спросило его нѣсколько человѣкъ.

— Смѣйтесь, пожалуй, закричалъ ирландецъ,—но еслибы вы были на нашемъ мѣстѣ, то у васъ право прошла бы охота смѣяться. Вотъ мы эдакъ лежимъ въ постели, мэстеръ Джемсъ и я, а тѣ тамъ за дверью начали шептаться между собою: «эти два не уйдутъ отъ насъ, держите только ножи

Digitized by Google

на готовѣ; теперь ночь, и пули могли бы только ранить ихъ; пусть они пока лежатъ, а вы перерѣжьте имъ колѣнные составы.» Да, вотъ что они говорили; вотъ что они тихонько шептали, увѣрялъ ирландецъ;—ну, а что же вы на это скажете? спросилъ онъ окружающихъ.

— Однако вѣдь это ужасно, вскричало нѣсколько человѣкъ съ ужасомъ, который кончился опять взрывомъ хохота.

— Конечно ужасно; но мы, какъ только услышали эти слова, оба разомъ соскочили съ постели, точно въ нее ударилъ громъ. Мэстеръ Джемсъ не хотѣлъ сначала вѣрить; но потомъ онъ самъ сталъ прислушиваться у двери, и сквозь щель увидѣлъ, что ихъ тамъ трое, въ рукахъ штуцера и ножи, и смотрѣли они на нашу дверь такъ свирѣпо. Тогда ужъ мы на удачу оба разомъ выскочили въ окно.

— И вы, олухи, не шутя приняли мистрисъ Блунтъ за злодѣйку, а ея сыновей за разбойниковъ? спросило нѣсколько человѣкъ.

— Силы небесныя! съ изумленіемъ вскричалъ озадаченный ирландецъ,—какъ вы это понимаете?

— А себя вы приняли за оленей, которыхъ они собирались травить ночью? спросили другіе,—а заколотыхъ свиней сочли зарѣзанными людьми? А твой разумный товарищъ, мичманъ на «Громоносцѣ» его наипревосходительнѣйшаго британскаго величества, спасся также въ окошко? спросили третьи.

— Да еще и какъ спасался! вскричалъ ирландецъ въ туманномъ мозгу котораго мало по-малу стало разсвѣтать;— онъ улепетывалъ такъ, какъ будто громъ ударилъ въ мачту его фрегата. Въ одинъ прыжокъ онъ очутился за окномъ; но бѣдный джентльменъ попалъ изъ огня въ полымя, и кричалъ такъ, какъ будто его рѣзали: онъ попалъ прямо въ пасть медвѣдя.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXII.

Какъ птичка порвавши силокъ,
Возвращается въ лѣсъ,
Унося за собой конецъ нитки,—
Такъ и онъ влачитъ за собою поворъ темницы.
Онъ ужъ не прежняя свободная птичка.

Гёте.

Читатели наши слишкомъ хорошо знакомы съ важною, величаво неподложною особою *брата Іонатона* (или, какъ онъ сталъ называться въ послѣднее время, *дяди Сэма*), чтобы не перечувствовать вмѣстѣ съ нимъ ту нѣсколько грубую шутку, которую ему теперь представился случай разыграть съ почтеннымъ своимъ родственникомъ. Хотя *дядя Сэмъ* вообще мало склоненъ къ шалостямъ, но настоящій случай заключалъ въ себѣ такую сильную дозу истинной соли, что онъ не могъ не сложить съ себя на время свою республиканскую важность и не дать воли своимъ органамъ смѣха. И дѣйствительно, это была новая преоригинальная выходка Джонъ Булля, со всѣми необходимыми оттѣнками спѣси, упрямства и паническаго страха, которые такъ часто одурачиваютъ нашего родственника, когда онъ посѣщаетъ страну брата Іонатона, и придаютъ ему тѣ траги-комическія свойства, которыя однѣ могутъ довершить его характеристику. Казалось, сама судьба рѣшилась дать порядочный урокъ нашему заносчивому молодому британцу. Изъ запутанной реляціи ирландца читатели наши конечно поняли, что герой нашъ, въ то самое время, когда онъ съ чернымъ своимъ товарищемъ собирался скрыться снова въ лѣсу, былъ замѣченъ ирландцемъ, который съ свойственною его народу навязчивостію, никакъ не хотѣлъ выпускать его изъ рукъ своихъ, тѣмъ болѣе что и самъ онъ имѣлъ честь называться великобританцемъ. Они пошли вмѣстѣ. Во время этого странствованія, ирландецъ, съ истинно ирландскою наглостію, пошолъ приступомъ на первую попавшуюся на дорогѣ плантацію, съ тѣмъ, чтобы съ помощію своего знанія французскаго языка, промыслить себѣ и двумъ своимъ товарищамъ маленькую,

Digitized by Google

какъ онъ выражался, *подстилку* для желудка. Во французской рѣчи къ креолу, ирландецъ конечно запнулся на своемъ «parlez-vous français», и на дальнѣйшую свою тарабарщину, произнесенную на грубомъ ирландскомъ нарѣчіи, получилъ въ отвѣтъ: «je n'entends pas». Когда онъ становился ужъ черезъ чуръ навязчивымъ, креолъ, полагая, что его дурачатъ, приказалъ, какъ и слѣдовало ожидать, вытолкать его изъ дома. Забавнѣе же всего было то, что чудакъ этотъ все еще не могъ понять, какимъ образомъ креолъ не хотѣлъ его грубой ирландской тарабарщины принять за чисто-французскій языкъ, тогда какъ вѣдь его *parleh fouks frenseh Monsiehour*, крѣпко засѣвшее въ мозгу ирландца, онъ понялъ какъ слѣдуетъ.

Вторая попытка нашихъ искателей приключеній имѣла не менѣе печальныя послѣдствія. Они прибыли къ одному залѣсскому домику, гдѣ ихъ приняли съ радушіемъ; но взволнованное ихъ воображеніе представило имъ заколотыхъ свиней зарѣзанными людьми, а разговоръ сыновей хозяйки, собиравшихся на ночную оленью охоту, до того перевернулъ вверхъ дномъ ихъ мозгъ, что они въ ужасѣ, желая спасти свою шкуру, въ глухую полночь выскочили изъ постели въ окно, причемъ нашъ мичманъ имѣлъ еще несчастіе попасть въ лапы молодому медвѣдю, который, какъ это часто бываетъ, содержался на цѣпи для откормленія, и который не выпускалъ его изъ своихъ объятій, пока отчаянные крики несчастнаго не привлекли къ нему на помощь трехъ сыновей хозяйки.

Приключеніе это произвело необыкновенное дѣйствіе на нашего британца. Читателямъ нашимъ извѣстно, что кромѣ храбрости, онъ обладалъ также значительнымъ запасомъ той холодной, насмѣшливой кичливости, которую аристократическіе юноши старой Англіи такъ несравненно умѣютъ выказывать въ словахъ и жестахъ; той холодной эгоистической кичливости, съ которою такъ носится Джонъ Буль, и которая, по правдѣ сказать, принесла ему можетъ быть больше пользы въ его насильственныхъ и мирныхъ сношеніяхъ съ его уступчивыми и простодушными сосѣдями, нежели дѣйствительная его храбрость; послѣдняя обыкновенно пасуетъ

Digitized by Google

при его столкновеніяхъ съ холоднымъ, упрямымъ его родственникомъ. Какъ ни любилъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и даже иногда довольно грубо, посмѣяться надъ такъ называемыми янками, однако по его мнѣнію изъ этого не слѣдовало, что и онъ въ свою очередь обязанъ съ достоинствомъ перенесть маленькое наказаніе, которое самъ навлекъ на себя. Ужъ одно то, что онъ, мичманъ на «Громоносцѣ» приведенъ къ допросу передъ пестрою толпою янковъ, привело въ ужасъ нашего британца, который никогда не могъ себѣ представить своихъ судей иначе, какъ въ форменныхъ парикахъ, или покрайней мѣрѣ въ золотыхъ эполетахъ. Но мысль, что эти самые янки, въ плебейской своей наглости, зашли такъ далеко, что осмѣлились обратить его самого въ предметъ насмѣшки, его, британскаго офицера, у котораго лейтенантство находилось такъ сказать уже въ карманѣ,— мысль эта до того превосходила всѣ его понятія и произвела такой переворотъ въ бѣдномъ юношѣ, который до сихъ поръ во всѣхъ хорошихъ и дурныхъ положеніяхъ оказывался такимъ добрымъ и веселымъ, что мы едва узнали бы его, еслибы не видѣли ключа къ такому странному превращенію въ національномъ характерѣ почтеннаго Джонъ Булля.

Въ эту минуту его опять повели къ допросу въ комиссію, которую тотчасъ послѣ ученія начальникъ депо нарядилъ, вслѣдствіе бѣгства британца и объясненій, данныхъ Розою и индѣйцами. Хотя капитанъ и былъ убѣжденъ въ его невинности, но при допросѣ этомъ не могъ не поступить со всею точностію и строгостію, необходимыми какъ для оправданія юноши, такъ и для того, чтобы доказать свое собственное безпристрастіе. Быстрое производство этого дѣла было тѣмъ болѣе необходимо, что, несмотря на очевидную невинность подсудимаго, при дальнѣйшемъ замедленіи грозила опасность. Уже и то обстоятельство, что въ бѣгство его запутанъ былъ одинъ изъ жителей городка, представляло тѣмъ болѣе значенія, что дѣйствительно открыто было нѣсколько опасныхъ заговоровъ между иностранцами въ главномъ городѣ. Однако, капитанъ, въ человѣколюбивомъ своемъ стремленіи вырвать его какъ можно скорѣе изъ критическаго положенія, встрѣтилъ не малыя препятствія въ самомъ

*

Digitized by Google

юношѣ, который какъ будто умышленно старался повредить своему дѣлу. Молодой человѣкъ совершенно потерялъ голову, и еще при входѣ въ допросную комнату выразилъ это такимъ упорствомъ и пренебреженіемъ всякихъ приличій, что всѣ присутствовавшіе офицеры исполнены были глубокаго негодованія. Нѣсколько разъ въ продолженіи допроса капитанъ принужденъ былъ дѣлать ему строгія замѣчанія. Допросъ продолжался уже нѣсколько часовъ, но безъ всякаго результата. Даже на вопросъ: имѣлъ ли онъ сообщникомъ кого нибудь изъ жителей городка, онъ, несмотря на убѣдительныя просьбы послѣднихъ, не хотѣлъ давать никакого отвѣта. Нѣсколькимъ изъ нихъ даны были съ нимъ очныя ставки, и въ томъ числѣ содержателю трактира, извѣстному уже намъ подъ именемъ Бенито. Теперь офицеры приступили къ послѣднему пункту, то-есть къ очной ставкѣ съ индѣйцами. Сначала ввели Розу.

— Такъ вы не сознаетесь, что находились въ сношеніяхъ съ Токеа и его народомъ? спросилъ капитанъ Перси.

Плѣнникъ сердито отвѣчалъ: нѣтъ!

— Знаете вы эту молодую даму? продолжалъ допрашивать капитанъ.

Въ растворенную дверь вошла Роза въ сопровожденіи двухъ офицеровъ. Она скромно поклонилась присутствовавшимъ, которые также встали съ своихъ мѣстъ, и просили ее сѣсть въ кресло, поставленное для нее однимъ изъ офицеровъ. Но лишь только она увидѣла плѣнника, какъ тотчасъ подошла къ нему и, взявъ его за руку, сказала:

— Мой братъ, ты очень блѣденъ; кто тебя обидѣлъ?

Видъ встревоженной дѣвушки, съ участіемъ и грустію смотрѣвшей ему въ глаза, вызвалъ его на мгновеніе изъ мрачнаго оцѣпенѣнія. Онъ смотрѣлъ на нее нѣкоторое время испытующимъ взоромъ, холодно, почти съ досадою.

— Ахъ, Роза, это вы? извините.—И снова онъ уставилъ глаза въ землю.

Офицеры желали слышать отъ молодыхъ людей объясненія болѣе подробныя; но плѣнникъ молчалъ съ такимъ мрачнымъ упорствомъ, что Розѣ, нѣсколько минутъ смотрѣвшей на него съ изумленіемъ, становилось наконецъ страшно.

Digitized by Google

— Братъ мой! сказала она умоляющимъ голосомъ:—зачѣмъ ты такъ сердитъ? Ужъ не сердишься ли ты на сестру свою?

— Братъ мой! продолжала она:—отвѣчай же что нибудь! Ахъ, зачѣмъ ты не остался у Мико! Видишь, Канонда тебѣ говорила, что бѣлые убьютъ тебя. Ахъ, можетъ быть и многое не случилось бы. Братъ мой! не правда ли, бѣлые безчувственны? прошептала она.

Скрежетъ зубовъ былъ единственнымъ отвѣтомъ британца. Она отошла отъ него въ испугѣ.

— Не угодно ли вамъ будетъ, миссъ Роза, сказалъ капитанъ, послѣ долгаго и напраснаго ожиданія:—отвѣтить намъ на нѣсколько вопросовъ?

— О, да, конечно, мой братъ, отвѣчала она.

— Вы знаете плѣнника? продолжалъ онъ, указывая на британца.

— Знаю, мой братъ.

— Какъ попалъ онъ въ вигвамъ индѣйцевъ?

— Онъ явился больной и раненый.

— Кто его принялъ?

— Каконда, дочь Мико, по просьбѣ Розы. Мико былъ въ то время на большой охотѣ.

— Видѣлся ли онъ съ Мико во время своего пребыванія въ вигвамѣ Оконіевъ?

— Нѣтъ, мой братъ. Онъ дрожалъ отъ страха при одной мысли, что увидитъ его. Когда онъ выздоровѣлъ, и прежде чѣмъ вернулся Мико, онъ день и ночь стремился уйти изъ вигвама. Онъ не видѣлся съ Мико.

— Такъ онъ съ индѣйцами, какъ съ мужчинами, такъ и съ женщинами, не имѣлъ рѣшительно никакихъ сношеній?

— Нѣтъ, мой братъ. Онъ говорилъ только съ Канондою, которая приносила ему пищу, и съ Розою.

— Какъ долго оставался онъ въ вигвамѣ?

— Семнадцать солнцевъ.

Взоры плѣнника были неподвижно устремлены въ землю; по временамъ онъ дѣлалъ нетерпѣливое движеніе, обращалъ взоры на говорящихъ и снова впадалъ въ прежнее оцѣпенѣніе.

Digitized by Google

Капитанъ всталъ и взявъ Розу за руку, отвелъ ее въ сторону, очень вѣжливо прося ее сѣсть на приготовленный стулъ. Въ эту самую минуту вошолъ Мико, въ сопровожденіи двухъ Оконіевъ.

— Токеа! вскричалъ юноша, нѣсколько мгновеній неподвижно смотрѣвшій на индѣйца, и потомъ снова опустилъ глаза въ землю. — *Damn* вашъ вигвамъ! пробормоталъ онъ глухо: — втянулъ меня въ славную исторію!

Нѣсколько минутъ старикъ смотрѣлъ со вниманіемъ на плѣнника и потомъ сказалъ:

— Токео говорилъ своему брату, когда прощался съ нимъ, что бѣлые поймаютъ его, какъ шпіона; ему слѣдовало бы оставаться у красныхъ воиновъ.

— *Damn* бѣлыхъ и красныхъ воиновъ! пробормоталъ британецъ сквозь зубы.—Лучше бы я попалъ въ адъ, чѣмъ къ вашъ вигвамъ и къ прокл...

Индѣецъ слушалъ все съ большимъ вниманіемъ.

— Токеа! спросилъ капитанъ: — этотъ молодой человѣкъ тотъ самый, который двѣ недѣли жилъ въ вашемъ вигвамѣ?

— Да, отвѣчалъ индѣецъ: — тотъ самый, котораго бѣлая Роза, и *другая*, которой уже нѣтъ, привели въ вигвамъ Мико.

— И дочь ваша дала ему одежду, которая теперь на немъ?

Индѣецъ кивнулъ головою.

— И онъ ушолъ изъ вигвама безъ вашей воли и вѣдома? продолжалъ спрашивать капитанъ.

— Мнѣ кажется, капитанъ, замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ: — вамъ слѣдовало бы уличать обоихъ, а не класть слова въ ротъ индѣйцу.

— Токеа, произнесъ индѣецъ:—уже два раза открывалъ ротъ и говорилъ правду своимъ бѣлымъ братьямъ; Мико спалъ, когда пришолъ его бѣлый молодой сынъ, и онъ былъ на охотѣ, когда сынъ этотъ ушолъ опять.

А зачѣмъ, спросилъ милиціонеръ плѣнника:—зачѣмъ вы это раньше не сказали?

Британецъ не отвѣчалъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ индѣецъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и потомъ сказалъ:

— Пусть братъ мой говоритъ; пусть онъ языкомъ своимъ

Digitized by Google

подтвердитъ то, что сказалъ Токеа; Мико уже не связываетъ его языка.

Плѣнникъ все еще молчалъ.

— Мико, проговорилъ онъ наконецъ угрюмо, знаетъ, что онъ долженъ дѣлать, а я дѣлаю то, что мнѣ угодно.

— Когда мой бѣлый братъ оставилъ вигвамъ Оконіевъ, сказалъ индѣецъ, качая головой,—Токеа связалъ ему языкъ, потому что хотѣлъ сохранить въ чистотѣ путь къ своему вигваму. Теперь вигвамъ уже не существуетъ: морской разбойникъ сжегъ его, и Токеа обратился къ тому мѣсту спиной. Пусть сынъ мой говоритъ. Сынъ мой долженъ говорить, продолжалъ онъ, немного погодя;—иначе бѣлые братья и великій отецъ подумаютъ, что Токеа и его народъ идутъ по одному пути съ сыновьями великаго отца обѣихъ Канадъ.

— Полагаете ли вы, капитанъ, что все это такъ? замѣтилъ опять одинъ изъ засѣдателей.

— Я полагаю, что все это справедливо, отвѣчалъ капитанъ. Изъ протокола, составленнаго вчера со словъ индѣйцевъ, мы видѣли, что Токеа взялъ съ плѣнника честное слово, ни кому не открывать положенія его вигвама.

Индѣецъ между тѣмъ со вниманіемъ смотрѣлъ на плѣнника.

— Братъ мой, сказалъ онъ,—подобенъ буйволу, попавшему въ яму. Неустрашимость его осталась въ ямѣ. При этихъ словахъ онъ повернулся къ нему спиною.

— Джемсъ Годжесъ, сказалъ капитанъ,—мы требуемъ, чтобы вы объяснили намъ ваше пребываніе въ вигвамѣ. При этомъ я не могу не отдать вамъ полной справедливости въ той вѣрности, съ какою вы сдержали честное слово, данное вами индѣйцу.

— Вѣдь вы слышали его, а также и дѣвушку. Пишите, что хотите, дѣлайте, что вамъ угодно.

— Вы хотите сказать: «миссъ Розу», молодой человѣкъ? съ упрекомъ замѣтилъ молодой офицеръ,—ту самую молодую даму, которая съ опасностію собственной жизни выпустила васъ изъ вигвама.

Плѣнникъ покраснѣлъ; нѣсколько минутъ онъ оставался въ смущеніи, и потомъ опять опустилъ глаза въ землю.

Digitized by Google

— Продолжайте, сказалъ капитанъ.—Не забывайте однако, что дѣло ваше нисколько отъ того не пострадаетъ, если вы будете съ почтительностію говорить о лицахъ, которымъ ни одинъ джентльменъ не откажетъ въ уваженіи, и которыя менѣе всего отъ васъ заслужили неуваженія.

— Мнѣ нечего прибавлять, отвѣчалъ плѣнникъ болѣе тихимъ голосомъ и повидимому пристыженный. Я не нуждаюсь въ вашемъ помилованіи и снисхожденіи, прибавилъ онъ угрюмо.

— Молодой человѣкъ! Вы ошибаетесь, если думаете, что дѣло это касается только васъ однихъ. Честь вашей страны, вашихъ согражданъ, вашего флота, къ которому, судя по словамъ вашимъ, вы принадлежите, требуетъ отъ васъ, чтобы вы сложили съ себя тяготѣющее на васъ подозрѣніе.

— Англія и ея флотъ сами съумѣютъ отстоять свою честь, сказалъ плѣнникъ съ гордостію. Кажется вамъ очень пріятно, продолжалъ онъ,—что вамъ удалось захватить въ свои когти британца, на котораго вы можете безнаказанно излить свой гнѣвъ. Дѣлайте, что хотите.

— Мнѣ кажется, у этого молодаго человѣка не все благополучно, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ милиціи. Я думаю, не прекратить ли намъ пока допросъ?

Капитанъ повидимому колебался и снова обратился къ плѣннику.

— Такъ вы не хотите отвѣчать?

Сердито-упорное качаніе головою было его единственнымъ отвѣтомъ.

Офицеры встали, а плѣнника увели изъ комнаты. Не поднимая глазъ, онъ повернулся и вышолъ. Индѣйцевъ отпустили очень ласково, а Розу опять двое офицеровъ почтительно проводили домой.

— Вотъ глупый и грубый малый! началъ наконецъ одинъ изъ присутствовавшихъ при допросѣ,—во всю жизнь мнѣ еще не случалось встрѣчать подобнаго.

— Да, трудно встрѣтить такое собачье ожесточеніе, замѣтилъ другой. Какъ будто нечистая совѣсть не позволяетъ ему поднять глазъ.

— Я не знаю, перебилъ его капитанъ, прежде онъ велъ

Digitized by Google

себя очень учтиво и какъ настоящій джентльменъ. Меня право очень удивляетъ происшедшая въ немъ перемѣна.

— Я не знаю толку въ джентльменахъ, да и самъ я не джентльменъ, а простой плантаторъ, замѣтилъ залѣсецъ въ свѣтло-зеленомъ фракѣ и въ красныхъ панталонахъ à la Pompadour, стоявшій ближе другихъ къ линейному капитану и представлявшій собою одного изъ капитановъ Опелюзскаго ополченія;—а вижу только то, что этотъ молодой человѣкъ никому не уступитъ въ упрямствѣ. Это—Джонъ Булль, истинный молодой *буллъ* (*), съ котораго сбили спѣсь. Я хорошо присмотрѣлся къ нему въ Опелюзасѣ. Каждое слово его было насмѣшка, каждое движеніе—шалость и своеволіе; издѣваніямъ не было конца. А знаете ли вы, что́ съ него сбило эту спѣсь? Исторія у мистриссъ Блунтъ. Никогда онъ не проститъ ни себѣ, ни намъ, что онъ показалъ себя такимъ трусомъ и позволилъ загнать себя въ бараній рогъ. Повѣрьте мнѣ, онъ теперь и не хлопоталъ бы о сохраненіи жизни и былъ бы даже радъ, еслибы мы его повѣсили.

— Это и мое мнѣніе, сказалъ другой. Отнимите вы у Джонъ Булля его кичливость, и передъ вами останется быкъ, какимъ мы и видимъ теперь этого молодого человѣка. Онъ потерялъ голову и не далъ бы и *левиса*, чтобы сохранить свою жизнь. Я и самъ думаю, что онъ былъ бы радъ, если бы мы его повѣсили.

— Такъ повѣсьте его, сказалъ третій. Я съ своей стороны не понимаю, зачѣмъ мы такъ церемонимся съ этимъ дуралеемъ. Пусть себѣ разбиваетъ голову, коли есть охота. Цѣлый день то на ученьи, то на слѣдствіи! Уже половина девятаго. Не сидѣть же намъ до полуночи.

— Если нужно, поручикъ Вельсъ, сказалъ одинъ молодой человѣкъ,—то посидимъ и далѣе. Мало принесло бы чести и намъ и странѣ нашей, еслибы мы воспользовались упрямствомъ этого молодого человѣка, чтобы насолить Джонъ Буллю. Это имѣло бы такой неблагородный видъ, что намъ, право, было бы стыдно. Мы собрались сюда для того, чтобы разобрать, какъ слѣдуетъ, это дѣло.

(*) Bull быкъ.

Digitized by Google

Капитанъ Перси молчалъ. У него повидимому были свои особенныя причины какъ можно менѣе вмѣшиваться въ это щекотливое дѣло; онъ хотѣлъ, чтобы оно говорило само за себя. Вѣроятно поэтому онъ и пригласилъ къ допросу большее число офицеровъ, чѣмъ сколько ихъ обыкновенно присутствовало въ подобныхъ случаяхъ.

— Вотъ военные законы сказалъ опять первый. — По § 22 плѣнникъ подлежитъ военному суду; по § 43 онъ оказывается виновнымъ въ неуваженіи къ наряженной надъ нимъ слѣдственной коммиссіи. Еслибы даже одно только последнее обстоятельство дошло до свѣдѣнія *того*, кто тамъ внизу, то да сохранитъ его Богъ.

— Предоставьте это мнѣ, сказалъ опять молодой человѣкъ;—я думаю, мнѣ удастся заставить его говорить. Велите еще разъ привести его сюда, вмѣстѣ съ ирландцемъ.

— Хорошо, мистеръ Копландъ, если вы это находите нужнымъ, отвѣчали остальные. Намъ это было бы очень пріятно.

Черезъ нѣсколько минутъ привели обоихъ.

— Дэви Мурфи! сказалъ молодой человѣкъ, устремивъ на ирландца ободряющій взглядъ,—нѣкоторые изъ насъ еще не слыхали исторіи бѣдствій, случившихся съ тобою и съ твоимъ товарищемъ. Разскажи-ка намъ ее. Какъ-бишь это было съ *женанитангпа* и съ разбойничьимъ вертепомъ?

— Капитанъ Перси! закричалъ британецъ внѣ себя, — умоляю васъ ради Бога!

— Ваша милость! вскричалъ ирландецъ, почесывая за ухомъ.—Сынъ моего отца порядочный чудакъ; но со времени этой исторіи, джентльменъ совсѣмъ рехнулся. Если прикажите, я пожалуй разскажу, но повѣрьте мнѣ, онъ совсѣмъ съ ума сглятитъ.

— Все это ни къ чему не послужитъ вамъ, возразилъ офицеръ, искоса посматривая на плѣнника, лицо котораго попеременно, то вспыхивало яркимъ румянцемъ, то покрывалось смертною блѣдностію. — Но если вы, продолжалъ онъ, обратившись къ британцу:—намѣрены развязать свой языкъ, то избавите насъ отъ труда слушать вашего сумасшедшаго

Digitized by Google

соотечественника. Отвѣчайте только на то, о чемъ васъ спрашиваютъ; тогда можетъ быть мы уволимъ васъ отъ остального.

Плѣнникъ все еще молчалъ, видимо борясь съ самимъ собою; потомъ взоры его обратились на ирландца, а когда послѣдній вышолъ изъ комнаты, тогда развязался и языкъ его. Но еще не скоро онъ былъ въ состояніи отвѣчать на предложенные ему вопросы. Наконецъ, когда онъ кончилъ, капитанъ сказалъ:

— Молодой человѣкъ! на этотъ разъ вы нашли лучшихъ судей, чѣмъ заслуживаете. Теперь я надѣюсь, что дѣло ваше можно будетъ поправить.

ГЛАВА XXXIII.

> Дѣвушки, которыя хорошо перелѣтовали и содержались въ теплѣ — слѣпы какъ мухи передъ Вареоломеемъ, хотя и есть у нихъ глаза: съ ними можно дѣлать что угодно, тогда какъ прежде онѣ не позволяли даже и взглянуть на себя.
>
> *Шекспиръ.*

Въ Розѣ произошла какая-то перемѣна; въ ней замѣтно было нѣкотораго рода безпокойство и какое-то легкое смущеніе. Причина такой перемѣны заключалась можетъ быть въ серьёзномъ настроеніи, царствовавшемъ всюду со времени выступленія милиціи. Съ другой стороны этому могли способствовать и особенности семейства, въ которомъ она теперь находилась: несмотря на всѣ свои достоинства, оно едва ли могло служить переходною ступенью, и примирить это дитя природы съ натянутыми свѣтскими отношеніями и условіями образованнаго міра. Плантаторъ нашъ происходилъ отъ одной изъ тѣхъ аристократическихъ фамилій, которыя при своемъ переселеніи переносили также на новую, свободную почву особенности англійской аристократіи, и которыя, несмотря на то, что отказались отъ своихъ титуловъ,

Digitized by Google

такъ же мало забыли родословное свое дерево, какъ и титулованные ихъ родственники, оставшіеся въ отечествѣ. Правда, политическія убѣжденія полковника были чисто демократическія, и мистеръ Паркеръ былъ однимъ изъ первыхъ, которые со времени переселенія присоединились къ партіи послѣдняго президента и основателя новѣйшей демократіи, сдѣлавшейся господствующею въ штатѣ; къ тому же усердіе, съ какимъ онъ принялъ сторону своего друга Копленда противъ капитана Перси, доказывало повидимому искренность этихъ убѣжденій. Но болѣе знакомые съ этимъ семействомъ утверждали, что онъ присоединился къ господствующему, демократическому большинству только по необходимости, и отчасти потому, что старыя понятія Виргиніи здѣсь совершенно устарѣли. Утверждали даже, что полковникъ не только глубоко затаилъ въ душѣ своей высказанныя въ 1789 году принципы власти, обратившіеся такъ сказать въ idée fixe у каждаго истаго виргинца, но и глубоко сочувствовалъ ложному ученію стараго Адамса, выраженному въ извѣстной его перепискѣ съ Кунингамомъ. Самое усердіе, съ которымъ онъ заботился о собраніи митинга и о составленіи на немъ извѣстныхъ уже намъ опредѣленій, приписывали его зависти, которая будто бы не позволяла старому аристократическому виргинцу терпѣливо сносить своевольныя притязанія какого нибудь выскочки, едва извѣстнаго по имени, обязаннаго своимъ возвышеніемъ единственно случаю, и происшедшаго, какъ говорили, отъ совершенно незначительной ирландской фамиліи. Носились слухи, что этой политической гибкости полковника не мало содѣйствовала мистриссъ Паркеръ. Говорили, что она поддерживала сношенія съ предводителями аристократической партіи нетолько въ Англіи, но и въ родственномъ янкскомъ городѣ, все еще не теряя надежды обратить господствующій демократическій образъ мыслей въ аристократическія тенденціи ея родины или по крайней мѣрѣ родного штата, Виргиніи,— тенденціи, по ея мнѣнію болѣе достойныя.

Эти политическія мнѣнія, какъ нерѣдко случается, имѣли значительное вліяніе и на домашній бытъ семейства, и вызвали въ немъ тотъ аристократическій этикетъ, тотъ натя-

Digitized by Google

нуто-важный и въ тоже время легкій тонъ, который даже у ближайшихъ сосѣдей отбивалъ охоту къ болѣе тѣсной связи съ семействомъ мистера Паркеръ. Хотя сосѣди и жили съ нимъ въ добромъ согласіи, но они казалось вовсе и не замѣчали его стремленія къ популярности; ибо уже нѣсколько разъ полковникъ хлопоталъ, чтобы его избрали въ нѣкоторыя общественныя должности, требующія народнаго довѣрія, но всѣ эти домогательства оставались тщетными, несмотря на значеніе, какимъ онъ пользовался по случаю давняго поселенія въ этомъ краю.

Прошло уже десять лѣтъ со времени его переселенія изъ штата Виргиніи. Ничто, какъ извѣстно, такъ легко не сближаетъ, не связываетъ гражданъ другъ съ другомъ, какъ подобное переселеніе, и въ особенности раннее. Разнообразныя услуги, какія можетъ оказать иногда богатому даже послѣдній бѣднякъ, разнаго рода лишенія, которымъ по крайней мѣрѣ на первый разъ должны покориться всѣ безъ исключенія, такъ сближаютъ даже самые крайніе слои общества и такъ тѣсно связываютъ ихъ другъ съ другомъ, что достаточно извѣстной степени взаимнаго довѣрія и готовности на услугу, чтобы изъ новыхъ сосѣдей сдѣлать прочныхъ друзей. Образъ дѣйствій мистриссъ Паркеръ, изнѣженной, привыкшей къ роскоши и удобствамъ жизни, нашолъ въ то время всеобщее сочувствіе. Она переносила всѣ лишенія залѣсной жизни съ такою твердостію, которой не могли не удивиться даже самые бѣдные сосѣди. Всегда готовая помогать и утѣшать, развлекая и ободряя своего мужа, она даже самыя эти лишенія умѣла обращать въ наслажденія. Еще цѣла была хижина, въ которой она съ мужемъ и дѣтьми провела первые годы. Съ чувствомъ указывала она на уголъ единственной комнаты, гдѣ стояло фортепіано, на которомъ она по окончаніи дневного труда разыгрывала для своего семейства благочестивыя мелодіи своего обожаемаго Генделя. Съ гордостію показывала она изношенныя платья, хранившіяся, какъ воспоминаніе, въ той же комнатѣ и сшитыя ею самой. Вообще она была женщина прекрасныхъ правилъ и съ высокимъ умственнымъ развитіемъ; но несмотря на то, что она, при огромномъ своемъ богатствѣ, держала себя очень

Digitized by Google

просто и повидимому безъ всякихъ претензій, въ ней было много того барства, которымъ дамы нашихъ, такъ называемыхъ хорошихъ фамилій стараются задавать тонъ передъ своими согражданками. Хотя она была далека отъ того, чтобы обнаруживать такое обидное барство, но это-то именно и поставило ее въ какое-то ложное положеніе къ ея согражданамъ и придавало ея обращенію нѣчто искуственно холодное. Во всякомъ другомъ мѣстѣ такая холодная важность можетъ быть не обратила бы на себя большого вниманія, но въ странѣ, гдѣ частная жизнь такъ тѣсно связана съ общественною, она не могла не возбудить недовѣрія.

Мы ограничимся пока этими замѣчаніями касательно семейства, которое, какъ мы уже замѣтили, дѣйствительно пользовалось высокимъ и заслуженнымъ уваженіемъ всѣхъ, знавшихъ его короче, но которое въ самомъ себѣ заключало зародышъ какого-то неудовольствія и находилось въ слишкомъ неестественныхъ отношеніяхъ, чтобы вполнѣ понравиться такой безыскуственно-простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь воспріимчивой, впечатлительной натурѣ, какова была наша Роза.

Жизнь въ этомъ образованномъ, утонченно-свѣтскомъ кругу имѣла на нее особенное дѣйствіе. Сначала казалось, что она какъ будто проснулась отъ глубокаго и долгаго сна: такъ все ей улыбалось, такъ прелестно отражалось все ея существо въ этой новой обстановкѣ. Съ другой стороны, контрастъ этотъ былъ такъ нѣженъ, она была такъ очаровательна даже въ маленькихъ ошибкахъ, въ которыя впадала въ первое время, что представлялась истинною загадкою для новыхъ своихъ подругъ, не знавшихъ ея отношеній къ индѣйцамъ. Чистый материнскій нравъ Канонды, которая, какъ ангелъ хранитель, старалась усыпать ея путь цвѣтами, и тонкая деликатность, съ какою она отстраняла ее отъ всякихъ грубыхъ прикосновеній съ сквавами, придали и Розѣ своего рода барство; но оно было совершенно другаго рода и выражалось скорѣе какимъ-то величіемъ, какою-то сосредоточенностію, которая, такъ сказать, облекала все ея существо. Это было скорѣе какое-то отраженіе *царственности Мико*, нѣкотораго рода отголосокъ индѣйской

Digitized by Google

придворной жизни или, вѣрнѣе сказать, поэзіи этой жизни, и это-то *нѣчто* овладѣвало ею не рѣдко посреди самыхъ живыхъ изліяній, и въ особенности замѣтно было при какомъ нибудь негармоническомъ прикосновеніи къ ея нѣжно воспріимчивой душѣ. Такое негармоническое прикосновеніе не могло не происходить иногда, несмотря на нѣжно-деликатное обращеніе съ нею; ибо такова уже особенность нашей свободной жизни, что она иногда нѣкоторымъ образомъ оскорбляетъ того, кто жилъ прежде въ стѣсненныхъ отношеніяхъ и вслѣдствіе этого сдѣлался болѣе гибкимъ и уступчивымъ. Даже и утонченные нравы нашей, такъ называемой аристократической или великосвѣтской жизни, тѣмъ менѣе могутъ избавить отъ подобныхъ оскорбленій, что натянутыя, холодныя формы этой жизни сами по себѣ уже установлены на деспотическихъ началахъ. При каждомъ такомъ прикосновеніи Роза наша робко скрывалась въ самое себя, подобно мимозѣ, которая вздрагиваетъ и свертывается отъ прикосновенія грубой руки. Мало по малу послѣдствія этихъ прикосновеній, производившихъ на душу этого ребенка такое лихорадочное дѣйствіе, стали обнаруживаться въ какой-то постоянной, робкой боязливости. Особенности цивилизованной жизни, выступая болѣе и болѣе ясно въ ея сознаніи, казалось горько напоминали ей отсталость ея въ образованіи. Часто она сидѣла въ уныніи, опустивъ голову, и на глазахъ ея не разъ показывались слезы. Но подобныя ощущенія продолжались обыкновенно не долго; природная упругость и разсудокъ скоро опять возвращали ей бодрость. Вообще она была одарена необыкновенно вѣрнымъ и яснымъ взглядомъ на вещи. Она опредѣлила, можно сказать, съ перваго дня характеры лицъ, окружавшихъ ее. Безъ всякихъ напоминаній она въ нѣсколько дней усвоила себѣ различныя формы обращенія, принятыя въ общежитіи. Языкъ ея болѣе всего обнаруживалъ отчужденіе, въ какомъ она провела жизнь. Она была бѣдна словами, и часто боролась съ мучительнымъ затрудненіемъ, не будучи въ состояніи выразить свои мысли. Со вниманіемъ прислушивалась она ко всему, что говорили, и по обычаю индѣйцевъ, обдумывала нѣсколько времени, прежде чѣмъ отвѣчала на вопросъ. Но если она что нибудь

Digitized by Google

разсказывала, тогда уже ничто ни могло ей противиться; тогда она была воплощенная поэзія.

— Ахъ, Боже мой! со вздохомъ сказала Виргинія въ одно длинное, скучное послѣобѣда, полулежа на диванѣ. Восклицаніе это относилось къ ея *ма*, которая сидѣла на другомъ диванѣ, передъ столомъ, покрытымъ разными хозяйственными книгами и бумагами; тутъ же у стола сидѣлъ молодой человѣкъ, о которомъ уже слышали наши читатели, какъ о смотрителѣ плантаціи и какъ о сынѣ сквайра Копленда, такъ щедро надѣленнаго дѣтьми. — Ахъ *Ма*! снова вскричала миссъ, бросая на диванъ недавно вышедшій въ свѣтъ романъ шотландскаго незнакомца и подходя къ окну;—все мертво и пусто. Невидно даже ни одного изъ прелестныхъ нашихъ яликовъ. Право, можно умереть отъ скуки, продолжала она съ комическимъ нетерпѣніемъ, надувъ губки и посылая безъутѣшный взоръ своей матери, которая между тѣмъ продолжала разговаривать съ смотрителемъ.

— Такъ вы полагаете, мистеръ Коплендъ, что Помпея не слѣдуетъ отправлять туда внизъ? Да вѣдь и здѣсь мы не можемъ его оставить?

— Онъ кажется поумнѣлъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.— Разбойники порядочно его проучили и можетъ быть его еще можно будетъ исправить. По моему мнѣнію лучше оставить его пока *на верху*. Сюда онъ конечно ужъ негодится: онъ привыкъ къ кочующей жизни, и только испортилъ бы намъ плантацію. Теперь у насъ тридцать такихъ смирныхъ сесействъ, какихъ лучше желать нельзя.

— Ахъ Боже мой! продолжала вздыхать Виргинія. — Только и слышно, что о Помпеяхъ, Цезаряхъ, Катонахъ, Кайяхъ и о хлопчато-бумажныхъ тюкахъ! — Сказавъ это, она опять опустилась на диванъ, принявъ нѣсколько томную позу, опершись головкой на руку и устремляя милостивый взоръ на шотландскаго волшебника, какъ онъ самъ себя назвалъ. Къ довершенію картины, Роза и Габріеля, танцуя, вошли въ эту минуту въ Drawing-room, а за ними молодая горничная, негритянка, таща на себѣ огромный глобусъ.

— Мы немножко озябли въ библіотекѣ, вскричала миссъ,

Digitized by Google

обращаясь къ своей *Ма*,—и я хочу теперь объяснить Розѣ все, не хуже самой мистрисъ Макъ Леодъ.

Ма одобрительно кивнула головою, а дочка, говоря въ носъ, какъ содержательница пансіона, начала свою лекцію:— Теперь ты знаешь Америку, и стало быть знаешь, гдѣ надо отъискивать нашу страну; ну покажи, гдѣ она?

— Вотъ здѣсь, указала Роза.

— Какъ разъ мимо, захохотала Габріеля. — Ахъ, какая ты невнимательная! Вѣдь это новый южный Валлисъ. Вотъ гдѣ наша страна; замѣть хорошенько, продолжала она съ важностію.—Вѣдь это главная страна Америки, понимаешь? а мы составляемъ главную націю и поэтому предпочтительно называемся Американцами, тогда какъ остальныхъ называютъ просто Мексиканцами, Перувіанцами, Бразиліанцами.

— Да вѣдь вы также и *Янки?* замѣтила Роза.

— Фи, кто же такъ говоритъ, дрянная дѣвчонка! откуда ты это взяла? Янками называются только вотъ эти, — она указала пальцемъ на шесть штатовъ Новой Англіи.—Вотъ они такъ янки. Мы ихъ такъ называемъ потому, что они вмѣсто мушкатныхъ орѣховъ продаютъ намъ орѣховое дерево, вмѣсто ветчины—дубъ, а неграмъ нашимъ вмѣсто лекарства отпускаютъ илъ изъ Миссисипи; вообще потому, что они похожи на жидовъ.

— Ахъ, чего ты только не знаешь, вскричала съ своего дивана Виргинія, нѣсколько уязвленная.

— Молчи, *сисси!* мы живемъ въ свободной странѣ, сказала Габріеля, смѣясь и грозя сестрѣ пальцемъ.—Очень натурально, что ты заступаешься за янковъ. Но я капитана Перси вовсе не...

— Однако ты право несносна, Габріеля, вскричала Виргинія, разсердившись не на шутку.

— Сисси, сисси! вскричали и наставница и ученица и подбѣгая къ разгнѣванной красавицѣ, бросились къ ней на шею; а потомъ Габріеля бросилась къ окну и начала утѣшать ее:

— Онъ скоро явится, а мы до тѣхъ поръ должны еще покончить урокъ.

Digitized by Google

И она опять засеменила къ своему глобусу и продолжала:

— Теперь ты знаешь, гдѣ мы находимся? ну, гдѣ же мы?

— Вотъ гдѣ, сисси.

— Хорошо, дитя мое! подтвердила наставница, старшая тремя мѣсяцами.

— Ну, а знаешь ли ты, гдѣ Европа? Посмотри, вотъ она гдѣ; а вотъ тутъ Азія, а вонъ тамъ внизу Африка. Эти три части свѣта называются старымъ свѣтомъ, а наша новымъ.

— А почему же ихъ зовутъ старымъ, а нашу Америку новымъ свѣтомъ? спросила внимательная ученица.

— Почему? Почему? Почему? Ну, да потому, что она новая, а слѣдовательно и лучшая часть свѣта. Все что ново— лучше стараго. Да, также и потому, что ее позднѣе открыли.

Ученица кивнула головою.

— Посмотри, вотъ это маленькое пятнышко, вотъ это крошечное, называется Великобританіею, а вотъ еще меньшее— Ирландіею; это—два острова.

— Которые принадлежатъ тому глупому начальнику, что владѣетъ обѣими Канадами?

— Да, мое дитя! подтвердила наставница.—А вотъ здѣсь Франція, тутъ Германія, тутъ Испанія, а вонъ тамъ на верху Россія и множество другихъ государствъ и королевствъ.

— Королевствъ, что это такое? спросила Роза.

— Это такія земли, которыя имѣютъ своихъ королей или начальниковъ, такихъ какъ Мико, только гораздо могущественнѣе. И они не дикіе. Да у нихъ и больше людей, которымъ они приказываютъ, и великолѣпный придворный штатъ. *Ма* тебѣ разскажетъ объ этомъ. Она была въ Drawing room королевы, конечно англійской, а до другихъ намъ дѣла нѣтъ; такъ вотъ она разговаривала съ нею. Видишь ли, эти народы и страны имѣютъ своихъ королей.

— А что же короли съ ними дѣлаютъ?

— Ну, да тоже самое, что и Мико дѣлаетъ съ своими подданными, отвѣчала наставника, которую эти вопросы нѣсколько начали приводить въ замѣшательство. Они управляютъ ими, объявляютъ войну, заключаютъ миръ.

Digitized by Google

— Однако, Габріеля, ты говорила, что старый свѣтъ находится еще въ дѣтствѣ; вѣдь этого быть не можетъ; если онъ старъ, то какъ же онъ можетъ быть въ дѣтствѣ?

— Очень можетъ быть,—отвѣчала Габріеля. Старые люди опять дѣлаются дѣтьми. Развѣ ты этого не знаешь? Видишь ли, такъ какъ мы молоды, то мы все еще учимся. У нихъ мы переняли цивилизацію, а между тѣмъ уже опередили ихъ. Они же у насъ ничего не перенимаютъ. Мы уже восемь лѣтъ тому назадъ изобрѣли пароходы (*), а когда *Ма* и *Па* были въ Англіи, то они не видѣли тамъ еще ни одного.

— Дѣти, напомнила полковница изъ первой комнаты, — подождите, пока подадутъ свѣчи, а то испортите себѣ глаза.

Въ эту минуту въ гостинную вошолъ чорный слуга, неся въ рукахъ серебряные подсвѣчники. Онъ зажогъ стѣнныя лампы и потомъ тихо сказалъ что то госпожѣ.

— Пусть она войдетъ сюда, сказала послѣдняя.

Въ комнату робко вошла молодая женщина, довольно приличной наружности, но одѣтая нѣсколько вычурно; она осмотрѣлась во всѣ стороны и поклонившись, быстро подошла къ полковницѣ, намѣреваясь поцѣловать у нея руку.

— Оставьте это, госпожа Мадіедо, вскричала мистрисъ Паркеръ.—Вы знаете, что у насъ нѣтъ этого обычая.—Вы имѣете ко мнѣ какое нибудь дѣло?

— Madame, сказала женщина на ломанномъ англійскомъ языкѣ,—вы знаете, я пришла умолять васъ о милосердіи.

— Мнѣ очень жаль, любезная госпожа Мадіедо, отвѣчала полковница, но по моему мнѣнію я не имѣю права вмѣшиваться въ дѣла вашего мужа.

— Madame! сказала француженка запинаясь. — Вамъ можетъ быть неизвѣстно, что мужъ мой вовсе не имѣлъ никакихъ сношеній съ вашимъ негромъ?

— Тѣмъ болѣе онъ имѣлъ сношенія съ дурными людь-

(*) Изобрѣтены Фультономъ въ 1805 году, и первый опытъ сдѣланъ въ Гудзоновскомъ заливѣ. Въ 1809 году вошли въ употребленіе на р. Миссисипи. Въ настоящее время на этой рѣкѣ ходитъ болѣе четырехъ сотъ пароходовъ.

*

Digitized by Google

ми, перебила ее полковница. — Онъ даже освободилъ изъ подъ ареста государственнаго плѣнника.

— Однако, сударыня, робко возразила француженка,—однако, сударыня, вѣдь это...

— Что вы хотите сказать, любезная госпожа Мадіедо?

— Это такое дѣло, продолжала француженка тихо и запинаясь,—которое касается только правительства и въ которое намъ, извините меня, не слѣдовало бы и вмѣшиваться.

— Такъ думаете вы, моя милая, перебила ее жена полковника. — Васъ, какъ иностранки, дѣло это дѣйствительно касается только потому, что въ него замѣшанъ вашъ мужъ; но я американка, и потому имѣю побольше дѣла съ правительствомъ.—Мнѣ было бы очень жаль, если бы черезъ меня остановился ходъ общественнаго правосудія, а никогда я не соглашусь помогать преступнику, такъ тяжело провинившемуся противъ общественной безопасности.

Француженка поблѣднѣла при этихъ словахъ, произнесенныхъ хотя и спокойно, но въ то же время весьма холоднымъ тономъ.

— О, не будьте такъ равнодушны, такъ жестоки! Будьте милосерды! Не отсылайте меня отъ себя въ такой безнадежности! умоляла француженка.

Роза между тѣмъ уже нѣсколько разъ порывалась подойти къ нимъ изъ другой комнаты, но Габріеля постоянно удерживала ее. Наконецъ она приблизилась къ полковницѣ.

— О чемъ проситъ эта бѣдная женщина? спросила она.

— Мужъ ея освободилъ изъ подъ ареста британца, подозрѣваемаго въ шпіонствѣ и происках съ индѣйцами, а за это его посадили въ тюрьму.

— Да вѣдь то же самое сдѣлала и Роза.

— Нѣтъ, миссъ! возразила полковница. То, что сдѣлали вы, было подвигомъ самопожертвованія противъ дикаго, грубаго произвола. Вы спасли, или думали спасти, человѣческую жизнь; поступокъ вашъ былъ благороденъ, хотя и не совсѣмъ законный; всегда похвально — возставать противъ произвола, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ онъ ни проявлялся. Но мужъ этой женщины съ вреднымъ намѣреніемъ и ради собственной выгоды поступилъ противъ мудрыхъ за-

Digitized by Google

коновъ, учрежденныхъ нашими гражданами для собственной ихъ безопасности.

Это нѣсколько длинное объясненіе было опять произнесено тѣмъ спокойнымъ, но въ настоящемъ случаѣ не совсѣмъ деликатнымъ тономъ, который казалось изобличалъ скорѣе наружную, чѣмъ истинную добродѣтель. Бѣдная француженка начинала терять терпѣніе.

— Боже мой! пробормотала она про себя,—она говоритъ какъ судья въ трибуналѣ своемъ, тогда какъ у меня сердце разрывается на части. О! какое у этихъ людей холодное сердце.

Полковница казалось услышала эти слова; но не обративъ на нихъ вниманія, она продолжала тѣмъ же поучительнымъ тономъ:

— Страна наша, не справляясь о прежнемъ поведеніи вашего мужа, предложила ему убѣжище съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ повиновался тѣмъ же законамъ, подъ которыми состоимъ и мы, а главное, чтобы онъ никогда ничего не предпринималъ противъ безопасности страны, которая его *терпѣла*, — (она сдѣлала особое удареніе на послѣднемъ словѣ). Полковникъ Паркеръ приказалъ арестовать господина Мадіедо; вы знаете, за что. Мнѣ не слѣдуетъ противодѣйствовать его распоряженіямъ.

— Моего мужа арестовали только потому, что не кому было за него поручиться, рыдая сказала француженка.—Одно только ваше слово, и его освободятъ. Сжальтесь надъ нами. Съ тѣхъ поръ, какъ его арестовали, мы не продали и десяти *пинтовъ*. Всѣ насъ чуждаются и бѣгутъ отъ насъ. Это жестокая страна. Вмѣсто того, чтобы помочь въ несчастіи, они еще больше угнетаютъ насъ.

— Конечно это не Франція и не Испанія, съ важностію возразила полковница.

— Увы, нѣтъ! простонала француженка.

— Тамъ, можетъ быть, освобожденіе государственнаго преступника народъ счолъ бы похвальнымъ поступкомъ. Здѣсь же это называютъ измѣною и меня радуетъ, что наши американцы на столько обладаютъ общественною добродѣтелью, что всѣми способами гласно выказываютъ свое отвращеніе.

Digitized by Google

Сказавъ это, полковница встала съ своего мѣста и слегка кивнувъ головою, дала замѣтить женщинѣ, что аудіенція кончилась.

Какъ ни вѣрны были вообще высказанныя здѣсь понятія и правила, но примѣненіе ихъ повидимому не совсѣмъ понравилось ни молодому Копленду, ни Розѣ, хотя и по совершенно различнымъ причинамъ.

Послѣдняя тихо подошла къ окну и стала смотрѣть въ слѣдъ за удалявшеюся француженкою.

— Ахъ, милая мать! не отпускай такъ отъ себя эту безутѣшную женщину, умоляла она, сложивъ руки съ огорченнымъ видомъ.

— Милая Роза! отвѣчала дама съ нѣкоторою важностію, не угодно ли вамъ,—она указала на Габріелю, къ которой тотчасъ и подошла оробѣвшая дѣвушка.

— Какіе ужасные люди эти иностранцы и какъ глубоко испорчены! со вздохомъ сказала полковница, садясь опять на свое мѣсто. Когда наконецъ затворятся эти врата милосердія, такъ часто и такъ страшно употребляемаго во зло? Это убѣжище, которое свобода наша, искупленная кровью....

Она остановилась и испытующимъ взоромъ посмотрѣла на молодаго Копленда.

— Этого я бы не желалъ, быстро перебилъ послѣдній.- Люди эти нисколько не вредятъ нашимъ гражданамъ; они не подаютъ дурного примѣра, потому что никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Но затворить для нихъ наши двери значило бы исключить и добрыхъ, или другими словами, ввести опять въ употребленіе *Allien bill*, со всѣми его махинаціями. Это было бы какъ разъ по душѣ нашимъ торіямъ.

При этихъ словахъ онъ устремилъ пронзительный взглядъ на полковницу.

— Давайте продолжать наши счоты, замѣтила она съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Смущеніе это, происшедшее отъ того, что у нея, въ присутствіи молодаго Копленда, сорвалось съ языка одно изъ самыхъ пламенныхъ желаній торіевъ, не оставляло ее до тѣхъ поръ, пока не вошолъ въ комнату капитанъ. Роза, все еще

Digitized by Google

думавшая о несчастной француженкѣ, пошла къ нему на встрѣчу.

— Братъ мой, сказала она,—лицо твое весело. Ты несешь намъ радостныя вѣсти. А что, британца совсѣмъ освободили? онъ ужъ не сердится? и....

— Миссъ Роза! перебила ее полковница, вы спрашиваете слишкомъ много для молодой дѣвицы. Къ тому же вы опять забыли....

— Увы! сказала послѣдняя, Роза никакъ не можетъ привыкнуть говорить своему брату такъ, какъ будто ихъ двое.

— Кажется, отвѣчалъ капитанъ, я дѣйствительно могу сообщить миссъ Розѣ, что тотъ, въ которомъ она принимаетъ такое незаслуженное участіе, совершенно свободенъ.

— Вы кажется очень заняты были вашимъ кліентомъ, насмѣшливо замѣтила Виргинія. Дорогая старая Англія будетъ вамъ за это очень благодарна.

— Надѣюсь, что и Новая, отвѣчалъ капитанъ, съ нѣкоторою важностію, и даже сама миссъ Виргинія отдастъ мнѣ справедливость, а можетъ быть даже и поблагодаритъ меня.

— Я вполнѣ американка, возразила она нѣсколько жеманно, и то, что я знаю о старой Англіи, право не въ состояніи заставить меня меньше гордиться своей родиной. Я берегу свою благодарность для своихъ соотечественниковъ.

— Въ этомъ отношеніи, перебилъ ее молодой Коплендъ, капитанъ Перси дѣйствительно пріобрѣлъ право, какъ на вашу благодарность, миссъ Виргинія, такъ и на всеобщую нашу признательность: онъ избавилъ насъ отъ стыда.

— Я исполнилъ только свою обязанность, мистеръ Коплендъ, отвѣчалъ ему капитанъ нѣсколько свысока. Но кажется есть и такіе, которые сдѣлали больше, чѣмъ сколько требовала ихъ обязанность.

— Охранять честь своего края, полагаю я, обязанность каждаго; для этого намъ не нужно нанимать особыхъ людей. Мы и сами можемъ это сдѣлать, сухо отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Какъ это понимать? спросила полковница, обратившись къ капитану.

— Вы знаете, дорогая мама, отвѣчалъ послѣдній, что рѣ-

Digitized by Google

шеніе главнокомандующаго получено здѣсь третьяго дня, т. е. меньше чѣмъ черезъ три дня послѣ того, какъ мы окончили слѣдствіе.

— Мнѣ кажется, этого времени довольно, чтобы два раза приказъ прошолъ взадъ и впередъ.

— Да, въ обыкновенное время, но не теперь, отвѣчалъ капитанъ многозначительно. Молодой человѣкъ нашолъ тамъ друзей, и кажется въ большой милости, такъ что даже капитанъ Перси могъ осмѣлиться, не подавая повода къ соблазну...

— Оказать ему нѣкоторое снисхожденіе, перебилъ его молодой Коплендъ. Онъ и заслуживаетъ его. По крайней мѣрѣ поступки его относительно индѣйцевъ и бѣднаго Помпея доказываютъ, что онъ чувствительный и благородный молодой человѣкъ. И если вы оказали ему нѣкоторое добро, капитанъ, то это право не самый дурной изъ вашихъ поступковъ.

Сказавъ это, юноша собралъ свои книги и счоты и вышолъ изъ гостиной, слегка поклонившись дамамъ.

— Все загадки и загадки, сказала полковница. Скажите пожалуйста, что у васъ такое съ молодымъ Коплендомъ, и что у него съ британцемъ.

Капитанъ молча и качая головою смотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Я и самъ не знаю, чего хочетъ этотъ молодой человѣкъ. Впрочемъ эти господа офицеры, мои товарищи (по лицу его невольно пробѣжала язвительная улыбка) для меня загадка. Послушайте, пожалуйста; капитанъ Мико Брумъ самъ своей высокой особой удостоилъ вчера за столомъ представить молодого британца, и всѣ очень щедро стали предлагать ему свои кошельки и вспомоществованія.

— Кажется я могу объяснить вамъ причину этой внимательности, сказала полковница. Сколько мнѣ извѣстно, братъ нашего смотрителя, поручикъ Коплендъ, написалъ своему отцу о результатахъ послѣдняго допроса.

— Ага! перебилъ ее капитанъ. Теперь я понимаю, и всемогущій майоръ всемилостивѣйше просилъ за него, и вотъ теперь молодой британецъ пользуется высокимъ покровительствомъ его сыновей и конечно всего почтеннаго ополченія любезнаго Опелюзаса.

Digitized by Google

— Хорошее мнѣніе согражданъ стóитъ многаго, любезный капитанъ, сказала дама, невольно вздохнувши. Капитанъ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ въ комнату вошолъ ординарецъ, и вручилъ ему запечатанный пакетъ. Въ то же время распахнулись двери, и возгласъ: «Дядя! кузины»! встрѣтилъ молодыхъ дамъ, вошедшихъ въ залу, въ сопровожденіи пожилого мужчины. Полковница приняла ихъ, хотя и радушно, но нѣсколько церемонно. Не обращая вниманія на подвижность трехъ черезъ чуръ великолѣпныхъ дамъ и на нетерпѣніе дяди, она весьма добросовѣстно исполнила весь обрядъ нѣсколько чиннаго представленія Розы и капитана, хотя гости повидимому и не удостоили обоихъ особеннаго вниманія.

ГЛАВА XXXIV.

Какъ вѣдь каждый глупецъ умѣетъ играть словами! Я думаю скоро дойдетъ до того, что молчаніе будетъ самымъ лучшимъ средствомъ выказать свой умъ.

Шекспиръ.

— Да, вотъ и мы, стоналъ между тѣмъ дядя, жирный, круглый человѣчекъ, съ завиднымъ мѣднокраснымъ носомъ и сѣрыми, прищуренными глазками, которые, можно было бы побожиться, впервые увидѣли свѣтъ гдѣ-нибудь въ Конектикутѣ или въ Массачузетѣ.—Такъ вы ничего и не слышали о пароходѣ? мы только что пристали къ берегу.

— Вотъ это очень мило, вскричала Виргинія, что вы насъ не забыли и хотите провести съ нами сочельникъ Рождества. Ахъ! мы сидимъ ужъ цѣлую недѣлю, какъ арабскія принцессы.

— Ваша вина, возразилъ дядя, стирая потъ со лба. Зачѣмъ вы не отправились внизъ, какъ мы. Намъ стало тѣсно дома. Вотъ мы и сѣли на пароходъ, и маршъ внизъ. Да теперь рады, что опять убрались оттуда.

Digitized by Google

— Рады!. вскричала одна изъ трехъ миссъ. Ахъ, *Па*, какъ вы можете говорить это? мы бы съ радостію остались тамъ, но вамъ стало страшно.

— Да, представьте себѣ, любезная невѣстка, сказалъ дядя, эти сумасшедшія дѣвушки хотѣли непремѣнно остаться тамъ. Ахъ, любезная невѣстка! Вы не имѣете никакого понятія о томъ, что тамъ внизу дѣлается. Увѣряю васъ, у меня волосы становятся дыбомъ: никакого торга, ни аферъ...

— За то партій довольно, перебила его одна изъ миссъ.

— Должно быть тамъ очень свободное обращеніе, миссъ Георгіона, довольно серіозно замѣтила полковница.

— Очень свободное, милая тетушка; старинныя, натянутыя манеры совершенно исчезли. On est tout á fait sans gêne.

— Чего я вовсе не одобряю, миссъ, возразила полковница.

— Слышишь, миссъ? вмѣшался *Па*. Ахъ, Боже мой! продолжалъ онъ, только и слышно, что барабаны, да флейты. На *Леве* ничего, кромѣ палатокъ да войскъ: учатся, барабанятъ, свистятъ, шумятъ; а дальше внизъ, за *Леве* — Боже мой, Боже мой! повозка на повозкѣ, телѣга на телѣгѣ, съ аммуниціей, порохомъ, провіантомъ, негры, ополченцы, офицеры и команды, матросы и генералы—все это перемѣшано другъ съ другомъ. Пришлось даже къ пароходу идти пѣшкомъ. Но это все еще ничего, мистрисъ Паркеръ, продолжалъ онъ, раздражаясь все больше и больше,—все это ничего! вскричалъ онъ снова, утирая лобъ. Но не видно ни одного корабля, ни одного брига, и даже ни одной несчастной какой-нибудь шкуны. Повыше предмѣстья «Annunciation» лежитъ нѣсколько разснащенныхъ судовъ, да и все тутъ. А ѣдятъ-то и пьютъ на нашъ счотъ! какъ будто и конца этому не будетъ! Сердце разрывается на части. Если еще полгода продолжится такимъ образомъ, мы всѣ разоримся.

Одышливый плантаторъ весь ожилъ, описывая свои и всеобщія бѣдствія.

— Ахъ! вздохнулъ онъ снова, бѣдная, бѣдная моя хлопчатая бумага! Представьте себѣ. Вонъ тамъ въ прессѣ *Bilieux* у меня около двухъ тысячъ тюковъ, сборъ послѣднихъ трехъ лѣтъ. И что же вышло? Генералъ, ни съ того, ни съ другаго, приказалъ взять оттуда пятьсотъ тюковъ, не сказавъ

Digitized by Google

мнѣ ни слова. Пятьсотъ тюковъ! Тридцать тысячъ долларовъ! *Prime Cotton!* Неужели этотъ глупый генералъ воображаетъ, что вата моя приплываетъ ко мнѣ съ древесными пнями по теченію Миссури?

— Теперь понимаю, сказала мистрисъ Паркеръ. Вы затѣмъ отправились внизъ, чтобы спасти вашу вату изъ когтей генерала. Ну, вы могли бы обойтись и безъ этого. Мы также отдали пятьсотъ тюковъ. Ихъ оцѣнили и дадутъ за нихъ вознагражденіе.

— Къ тому же, какъ попадетъ нѣсколько ядеръ въ вашу вату, тѣмъ больше будетъ въ ней вѣсу, утѣшалъ его капитанъ, который по временамъ отрывалъ взоръ отъ своихъ депешъ, и посматривалъ на человѣка.

Плантаторъ слушалъ обоихъ съ нетерпѣніемъ.

— Обойтись? оцѣнятъ? вознагражденіе? Но я вамъ говорю, что это—страшное посягательство на право собственности. Развѣ онъ не долженъ былъ сперва дождаться моего согласія и...

— И попросить въ то же время непріятеля, чтобы онъ обождалъ, пока мистеру Боудичу угодно будетъ прислать это согласіе, насмѣшливо перебилъ его капитанъ.

— Ужъ я ему покажу, увѣрялъ мистеръ Боудичъ. Представьте себѣ, этотъ quasi-плантаторъ изъ Ногивиля, который, при всемъ своемъ генеральствѣ, едва можетъ собрать полторасто тюковъ сквернѣйшей ваты (Upland-Cotton) рѣшается показать дверь такому человѣку, какъ я! Я протѣснился сквозь эту толпу, съ своими дочерьми; онѣ хотѣли видѣть укрѣпленіе лагеря. Три часа пришлось намъ идти; а когда мы наконецъ добрались до главной квартиры, онъ вдругъ велѣлъ мнѣ сказать, что ему некогда заниматься моимъ дѣломъ.

— Это было очень невѣжливо, тетушка,—увѣряемъ васъ, въ одинъ голосъ заговорили всѣ три миссъ.

Нашъ экземпляръ, одинъ изъ тѣхъ республиканцевъ, какихъ у насъ найдется не мало, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, и которые, еслибы на то пошло, согласились бы скорѣе видѣть, чтобы въ Вашингтонѣ засѣдалъ персидскій шахъ, нежели потерять хоть одинъ процентъ своихъ акцій или одинъ тюкъ хлопчатой бумаги, пришолъ въ сильное волненіе, т. е.

Digitized by Google

на столько, на сколько позволяли его комплекція и афера въ тридцать тысячъ долларовъ. Приготовленія къ чаю умѣрили нѣсколько его справедливое ожесточеніе, и онъ успокоился немного; но лишь только вышли слуги, онъ разразился снова:

— Представьте себѣ только, любезная невѣстка; вы знаете, за крайнимъ загороднымъ домомъ, въ которомъ онъ расположилъ свою главную квартиру, шагахъ въ двухъ стахъ отъ него, лежитъ моя хлопчатая бумага, и еще кромѣ того около десяти или двѣнадцати тысячъ тюковъ. И все это онъ употребилъ на брустверъ! Этотъ брустверъ, вышиною въ человѣческій ростъ, тянется на полмили поперекъ края, отъ Миссисипи до кипарисныхъ болотъ. Сверхъ ваты насыпана была земля, а передъ нею ровъ, шириною въ восемъ, глубиною въ шесть футовъ. На флангахъ стоятъ батареи изъ шестнадцати фунтовыхъ орудій.

— Мистеръ Боудичъ, перебилъ капитанъ, вы такъ отчетливо описали намъ укрѣпленіе лагеря, что и самый искусный инженеръ не нашолъ бы, что возразить вамъ.

Нашъ плантаторъ взялъ чашку чаю и продолжалъ:

— Я пробовалъ уговорить мистера Паркеръ собрать митингъ, уговаривалъ Флойда и Бавера. Но пушечная лихорадка такъ вскружила всѣмъ головы, что нечего и думать объ этомъ.

— Я право удивляюсь, какъ вамъ самимъ могло придти это въ голову въ такой критическій моментъ, замѣтила полковница, видимо недовольная грубымъ эгоизмомъ своего зятя.

— Какъ? что? спросилъ послѣдній,—а вашъ митингъ, а?

— Цѣль его была поддержать неотъемлемое гражданское право.

— Неотъемлемое гражданское право! э, э, дорогая невѣстушка! или можетъ быть заблаговременно подставить ножку доброму человѣку, на случай, еслибы ему захотѣлось жить *въ бѣломъ домѣ*. Но я ничего противъ этого не имѣю. *Бѣлый домъ* находится во владѣніяхъ старой Виргиніи, и по этому обитателями его должны быть одни истые виргинцы.

— Мнѣ очень жаль, если вы можете думать о насъ такія вещи, сказала мистриссъ Паркеръ тономъ, по которому

Digitized by Google

видно было, какому тяжолому испытанію подвергалось ея хладнокровіе.

— Думать! перебилъ ее зять. Я ни о чемъ не думаю; совершенно ни о чемъ. Такъ гораздо лучше. Я ни о чемъ не думаю, кромѣ своей ваты. Пусть думаютъ тѣ, которымъ нечего больше дѣлать. Прошу васъ налить мнѣ другую чашку.

— И генералъ такъ и пропустилъ вамъ ваши старанія, или, какъ вы называете, вашъ протестъ противъ его насилія? спросилъ капитанъ.

— Пропустилъ? возразилъ изумленный плантаторъ. Какъ вы это понимаете?

— Я никакъ не могу найдти болѣе мягкаго выраженія.

— Такъ вы полагаете, что ему слѣдовало бы отвести мнѣ комнатку вблизи соборной церкви, въ государственной тюрьмѣ?

Капитанъ смотрѣлъ на него съ многозначительной улыбкой.

— Капитанъ Перси! сказалъ толстенькій, кругленькій человѣчекъ, и вдругъ сталъ необыкновенно важенъ. Мы называемъ свою страну свободною, потому что каждый можетъ открыто выражать свое мнѣніе и вполнѣ высказываться; что касается дѣйствій, то уже рѣшаетъ законъ, т. е. большинство, а меньшинство должно уступать. Если же вы полагаете, что объявленіе генерала относительно военныхъ законовъ и осаднаго положенія хоть на іоту стѣсняетъ, или можетъ стѣснить меня въ моихъ правахъ, то вы очень ошибаетесь. Я виргинецъ; но въ этомъ случаѣ противъ администраціи, а слѣдовательно и противъ войны, и вполнѣ одобряю дѣйствія Горфордскаго конвента; я выражалъ свое мнѣніе и по этому предмету.

Сказавъ это, онъ всталъ и вышелъ въ другую комнату, куда молодыя дѣвицы отправились еще въ то время, когда разговоръ этотъ сталъ принимать такой серьозный оборотъ. Капитанъ также быстро всталъ и раскланялся.

Вообще этотъ молодой человѣкъ, съ которымъ мы правда еще мало ознакомились, но который уже не разъ, и даже въ дѣлѣ британца, показалъ доброжелательство и деликатность, казалось совершено превратно понялъ свои есте-

Digitized by Google

ственныя отношенія къ своимъ согражданамъ. Въ немъ было что-то воинственно-рѣзкое, что-то повелительное, джентльментское, и въ то же время какое-то чувство собственнаго достоинства, которое только нехотя покорялось разсудительнымъ, разсчитаннымъ формамъ общественной и частной жизни, и при всякомъ случаѣ враждебно сталкивалось съ самостоятельнымъ характеромъ его согражданъ. Но чего въ особенности у него не доставало, такъ это уваженія къ мнѣнію этихъ согражданъ. Онъ показывалъ имъ нѣкотораго рода пренебреженіе, которое нерѣдко переходило въ ѣдкую насмѣшливость. Этою особенностію онъ былъ вѣроятно обязанъ своему воспитанію въ истинно-аристократическомъ государствѣ, въ то время крайне не благоволившемъ къ американцамъ, а можетъ быть и привычкѣ повелѣвать.

Но нигдѣ такой недостатокъ уваженія къ общественному мнѣнію, а въ особенности пренебреженіе, не наказываются такъ жестоко, какъ въ Америкѣ. Каковы бы ни были недостатки американца, уваженіе къ мнѣнію каждаго человѣка у него врожденное; политическая или религіозная нетерпимость ему чужды и ненавистны. Всѣ мнѣнія, всѣ принципы могутъ у него высказываться открыто и безъ обиняковъ; всѣ правила и вѣроисповѣданія мирно живутъ и процвѣтаютъ другъ возлѣ друга и черезъ эту именно терпимость съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сливаются въ одно гармоническое цѣлое. Онъ питаетъ не преодолимое отвращеніе не только ко всякаго рода преимуществамъ и привилегіямъ, но и такъ называемыя величественныя, страстныя ощущенія противны ему, ибо онъ убѣжденъ, что они омрачаютъ и волнуютъ общественную жизнь. Поэтому, какъ ни ограниченъ былъ нашъ мистеръ Боудичь, въ головѣ котораго вмѣщалось одно только помышленіе — его вата, но довольно было одного предположенія капитана объ ограниченіи его свободы, чтобы возмутить его хлопчато-бумажную душу гораздо больше, нежели сколько могла бы это сдѣлать потеря пятисотъ тюковъ; да и самое порицаніе мистриссъ Паркеръ доказывало, что она сочувствуетъ его образу мыслей.

Между тѣмъ въ кружкѣ дѣвицъ, въ другой комнатѣ, начались сердечныя изліянія.

Digitized by Google

— Итакъ *Ма* не позволяетъ вамъ даже играть на фортепіано, пока дядя и Чарльзъ сражаются противъ непріятеля? спросила старшая изъ трехъ грацій.—А тѣ тамъ внизу не унываютъ такъ. Безпрестанно гости съ обоихъ береговъ. Вотъ и Лонги, и Бродгиды, и Джонсоны, и Смиты, — всѣ они теперь тамъ.

— А англійскіе офицеры, перебила ее вторая,—увѣряю тебя, Верджи, ничего не можетъ быть очаровательнѣе. Какъ разъ въ то время, когда мы были въ лагерѣ, прибылъ туда парламентеромъ одинъ майоръ. Онъ ужасно жалѣлъ, что дамъ Луизіаны такъ стѣсняютъ въ ихъ святочныхъ увеселеніяхъ, и очень любезно просилъ позволенія бывать, съ своими товарищами, на нашихъ балахъ.

— Но генералъ хорошо его срѣзалъ, вмѣшался *Па*. — Онъ отвѣчалъ, что танцевъ и баловъ онъ имъ доставитъ вдоволь, и даже больше, чѣмъ бы имъ хотѣлось. Онъ подразумѣвалъ чугунные *балы* (ядра).

— А сколько составилось партій! начала опять первая.

— Да, представьте себѣ, вмѣшался снова плантаторъ,— Мелли выходитъ за мужъ за капитана Варбуртона. Послѣ банкрутства отца она не стóитъ и двадцати долларовъ. Онъ ничего не стóитъ, кромѣ своего жалованья, она тоже ничего,—о чемъ только думаютъ эти люди.

Роза, которой повидимому не очень нравились гости, сѣла, при ихъ прибытіи, рядомъ съ Габріелею. Теперь она тихо спросила ее:

— Отъ чего бѣдная Мелли ничего не стóитъ?

— Она ничего не стóитъ потому, что бѣдна, отвѣчала Габріеля.

— Отъ того что бѣдна, такъ она ничего и не стóитъ, задумчиво повторила Роза, сознававшая, что она еще гораздо бѣднѣе Мелли.

— Ну, а теперь я вотъ что скажу вамъ, продолжала неугомонная кузина.—*Па* хотѣлъ завтра отправиться въ Начезъ; но если вы обѣщаете быть любезными и доставлять намъ развлеченіе, то мы пробудемъ у васъ нѣсколько дней. Не правда ли, *Па*?

— О несчастіе! смѣясь вскричала Виргинія. — Онѣ прі-

Digitized by Google

ѣхали на полсутки и уже хотятъ, чтобы ихъ развлекали! Признаюсь комплиментъ, не слишкомъ для насъ пріятный. Но чтобъ доказать вамъ, что мы за зло плотимъ добромъ, я согласна сдѣлать вамъ нѣсколько предложеній.

— Мы слушаемъ съ величайшимъ вниманіемъ, вскричали три фешенебельныя красавицы.

— И такъ, завтра утромъ смотръ индѣйскимъ львамъ.

— Фи, съ вашими грязными индѣйскими львами! вскричали всѣ три съ отвращеніемъ.

— Слушайте-же, настаивала Виргинія,—между ними, говорятъ, есть одинъ истинно царскій левъ.

Разговоръ происходилъ въ томъ легкомъ свѣтски-пріятномъ тонѣ, который если и не могъ быть названъ пустымъ, но при настоящихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ могъ казаться нѣсколько легкомысленнымъ. Полковница уже нѣсколько времени прислушивалась съ нетерпѣніемъ.

— Миссъ, сказала она наконецъ съ нѣкоторою строгостію, вы очень веселы, и это меня конечно радуетъ; но я бы желала, чтобы вы нѣсколько умѣрили свою веселость. Это было бы нелишнимъ въ такую минуту, когда наши заняты такою серьозною борьбою.

Розу повидимому также оскорблялъ этотъ рѣзвый тонъ бесѣды.

— Львы? спросила она Габріелю. — У васъ есть тутъ львы? Это должно быть страшныя животныя, если они похожи на тѣхъ, которыхъ я видѣла на картинѣ въ столовой.

— Да вѣдь ты съ ними пришла къ намъ, отвѣчала Габріеля.

— Я! съ изумленіемъ вскричала Роза. Она подумала съ минуту.—Неужели ты разумѣешь... Она замолчала и страшно поблѣднѣла.

— Индѣйцевъ, улыбаясь договорила Габріеля.—Мы называемъ львомъ каждое необыкновенное иностранное явленіе. У насъ такое обыкновеніе.

— Какое жестокое обыкновеніе! сказала Роза съ глубокимъ вздохомъ.—Вы жестоки, и даже въ минуту веселости вы глубже вонзаете жало своего языка въ сердце бѣднаго

Digitized by Google

старца, чѣмъ дикіе въ страшной ярости вонзаютъ боевые ножи свои.

Сказавъ это, она съ негодованіемъ отошла отъ нихъ. Габріеля обняла ее:

— Не сердись, *сисси*; вѣдь здѣсь нѣтъ стараго начальника.

— Но дочь его здѣсь, сказала Роза.

— Дочь его? спросилъ мистеръ Боудичъ, который, прогуливаясь взадъ и впередъ по обоимъ отдѣленіямъ *дрэвингрумъ*, услышалъ послѣднія слова. — Кто эта молодая дама? спросилъ онъ мистрисъ Паркеръ.

— Миссъ Роза, нашъ милый гость.

— Миссъ Роза, — Роза, повторилъ плантаторъ голосомъ, по его мнѣнію тихимъ, но который громко раздавался въ обѣихъ комнатахъ.

— Я уже представляла вамъ ее, но мистеръ Боудичъ былъ кажется слишкомъ занятъ другими предметами, сказала полковница съ легкимъ упрекомъ.

— А, теперь припоминаю. А propos!... Переваливаясь, поспѣшилъ онъ къ сонеткѣ и позвонилъ.

— Принесите-ка изъ передней мой сюртукъ, сказалъ онъ вошедшему слугѣ.— Вотъ съ полдюжины писемъ для васъ, мистрисъ Паркеръ; немножко опоздалъ, но хорошія вѣсти никогда не приходятъ слишкомъ поздно. Ну-ка, посмотрю.

Сказавъ это, онъ безъ церемоніи напялилъ себѣ на носъ очки и сталъ развертывать одну изъ привезенныхъ газетъ. Полковница взяла письма и, извиняясь передъ гостями, вышла вмѣстѣ съ Виргиніей.

— Каковы наши журналисты!—А вѣдь, правду сказать, не дурна, нѣтъ,—вскричалъ онъ, осматривая дѣвушку сквозь очки,—съ меньшимъ впрочемъ участіемъ, нежели какое онъ оказалъ бы чужому хлопчато-бумажному тюку, ошибкою очутившемуся на его фабрикѣ.

— Посмотри-ка, продолжалъ онъ, — вотъ тутъ подробно описана вся ваша жизнь.

— Въ этихъ бумагахъ есть что нибудь о Розѣ? спросила дѣвушка.

Плантаторъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

Digitized by Google

— Вѣдь вы знаете, что журналисты эти во все суются съ своимъ носомъ.

— Вы мнѣ позволите? спросила Роза.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, подавая ей газету.

Она взяла ее, быстро сѣла въ углу дивана и начала читать слово за словомъ. Съ каждой строчкой она все сильнѣе качала головою, потомъ измѣнилась въ лицѣ; опять стали читать; слеза скатилась съ глазъ ея и она, спустивъ голову, забыла казалось все вокругъ себя. Такимъ образомъ сидѣла она нѣсколько времени, съ листкомъ на колѣняхъ, не говоря ни слова. Дѣвицы подошли къ ней и смотрѣли на нее съ изумленіемъ. Негодованіе, оскорбленное чувство собственнаго достоинства попеременно казалось боролось въ душѣ ея; небрежность, какую позволили себѣ съ нею, повидимому глубоко оскорбила ее. Плантаторъ подошолъ къ ней.

— Отецъ мой! вскричала она, вставая съ своего мѣста, и на лицѣ ея изобразилось негодованіе; — вѣдь все это неправда, что тутъ напечатано! Бѣлый, который сдѣлалъ это, вѣрно очень злой человѣкъ.

— Ба, отецъ! повторилъ плантаторъ. — Благодарю васъ покорно, миссъ! Довольно съ меня и этихъ трехъ. Вы не повѣрите, чего онѣ мнѣ стоятъ. Вотъ понадобились три шали, новое изобрѣтеніе какого нибудь празднаго ткача въ Китаѣ, который самъ по себѣ стоитъ намъ большихъ денегъ. Вотъ эти три вещицы стоютъ мнѣ двѣ тысячи долларовъ; за это можно было бы купить четыре добрыхъ негра, по пятисотъ долларовъ за штуку, а каждый изъ нихъ долженъ принесть по пятидесяти процентовъ, что составило бы тысячу долларовъ *per annum*. Но вы этого не понимаете, бѣдное дитя, продолжалъ онъ, устремивъ на нее сострадательный, почти презрительный взглядъ.—Да, вотъ онѣ всѣ теперь у меня на шеѣ. Георгіона...ну, тутъ еще можно будетъ, я думаю, кое-что сдѣлать съ Чарльзомъ. Еще слава Богу, что теперь война: покрайней мѣрѣ избавимся на эту зиму отъ этихъ проклятыхъ обѣдовъ и баловъ. Послѣдній стоитъ мнѣ чистыхъ десять тысячъ долларовъ. Еслибъ дѣлалось по моему, то я бы Амалію оставилъ еще на годъ въ пансіонѣ. Оно приличнѣе; а то какъ-то странно, какъ вдругъ

Digitized by Google

разомъ двухъ выведешь на показъ; молодые люди не знаютъ, за которую сперва взяться, и только ходятъ да облизываются. О, я старый воробей.

Держа руки въ карманахъ и прогуливаясь взадъ и впередъ по обѣимъ комнатамъ, маленькій человѣкъ проговорилъ все это съ самодовольствомъ, которое повидимому очень забавляло трехъ миссъ; но бѣдное наше дитя природы изъ всей рѣчи поняло только то, что съ нею обращались съ безпощаднымъ неуваженіемъ и даже пренебреженіемъ. Грудь ея стала подыматься все съ большимъ и большимъ стѣсненіемъ.

— Однако, продолжалъ плантаторъ, взявшись опять за газету: — статья хорошо написана, и если она попадется на глаза какому нибудь благодѣтельному старому добряку, то еще пожалуй можетъ составить ваше счастіе. Да вы читали ли ее?

Онъ началъ:

«Мы не рѣшились бы помѣстить въ нашей газетѣ нижеслѣдующаго разсказа»—это такъ, принятая формула, прервалъ онъ себя,—не рѣшились бы, эти дурачье не рѣшились бы!—«если бы упоминаемые въ немъ факты не были подтверждены самыми почтенными авторитетами, и если бы мы не надѣялись разглашеніемъ ихъ принести пользу и распространить свѣтъ надъ однимъ не совсѣмъ обыкновеннымъ событіемъ».

— Распространить свѣтъ надъ однимъ событіемъ, сталъ онъ дѣлать свои комментаріи: — онъ хочетъ распространить надъ нимъ свѣтъ! Впрочемъ, это совершенно справедливо, и противъ этого ничего нельзя сказать. Только надъ нашими неграми не надобно желать распространять свѣтъ.

Роза слушала его со вниманіемъ.

— Слова его сладки, но въ сердцѣ своемъ онъ говоритъ очень горько, сказала она тихо и съ негодованіемъ.

— Ну, что касается индѣйцевъ, то съ ними онъ конечно не церемонится; да и кто будетъ церемониться съ дикаремъ? Вѣдь это была бы нелѣпость.

Онъ продолжалъ читать:

«Лѣтъ около четырнадцати тому назадъ, въ бурную де-

Digitized by Google

кабрьскую ночь, шайка индѣйцевъ, племени *криковъ*, ворвалась въ жилище одного изъ нашихъ гражданъ, жившаго въ то время въ штатахъ Георгіи, около рѣки Куза, въ качествѣ мѣховаго торговца съ дозволенія правительства. — Пробужденный отъ сна, онъ успѣлъ еще во время отпереть дверь, чтобы предупредить насильственное вторженіе. Это была шайка знаменитаго Токеа, который съ своими гнусностями и злодѣйствами такъ долго утомлялъ терпѣніе нашихъ гражданъ и правительства и, продавши свои земли, насиліями разнаго рода приводилъ въ трепетъ западную Георгію. Семейство означеннаго торговца, хорошо зная неукротимый нравъ этого дикаря, ожидало неминуемой смерти; но, или хищничество его и кровожадность насытились прежними жертвами, или...

— Мико, перебила его Роза съ такою запальчивостію, что маленькій человѣчекъ остолбенѣлъ: — Мико не воръ, не разбойникъ, не убійца. Онъ не продавалъ своей земли, ее у него украли. Онъ не приставлялъ ножа къ груди моей молочной матери. Онъ платилъ ей мѣхами за воспитаніе Розы Онъ не укралъ Розы. Никогда онъ не вонзалъ такъ глубоко въ ея сердце жала горькаго издѣванія, какъ...

— Ну, я не буду спорить, миссъ. Во всякомъ случаѣ это прекрасно, что вы заступаетесь даже за дикаря. Да, да—гмъ,—но окончаніе очень хорошо:

«Мы удерживаемся отъ дальнѣйшихъ замѣчаній, пока судебнымъ порядкомъ не разъяснится это таинственное событіе, но искренно желаемъ, чтобы открыты были родственники этого несчастнаго ребенка, осиротѣлаго, безпомощнаго и брошеннаго на произволъ судьбы, или, если изъ нихъ никого уже нѣтъ въ живыхъ, чтобы какая нибудь сострадательная душа сжалилась надъ нимъ. По этому мы покорнѣйше просимъ господъ редакторовъ газетъ, въ особенности французскихъ и испанскихъ, помѣстить это объявленіе на страницахъ своихъ журналовъ, и такимъ образомъ дать гласность событію, вызвавшему вѣроятно неизъяснимую печаль и вопли въ какомъ нибудь французскомъ или испанскомъ семействѣ креоловъ.

— Роза бѣдна, произнесла трепещущая дѣвушка. — Она

Digitized by Google

ничего не стоитъ въ глазахъ бѣлыхъ. Но для Мико она мила и дорога. Она пойдетъ къ нему и не будетъ больше въ тягость бѣлымъ.

— Какъ? миссъ возвратится къ индѣйцамъ, сдѣлается дикаркою? Право, это было бы жаль. Такъ вы намѣрены? спросилъ изумленный плантаторъ.

— Боже мой, что у васъ такое? вскричала мистрисъ Паркеръ, которую въ страхѣ призвала Габріеля.

— Ничего, увѣрялъ дядя: — только вотъ этотъ листокъ газеты надѣлалъ кутерьмы. Она хочетъ возвратиться къ индѣйцамъ, а я ей говорю, чтобы она лучше постаралась гдѣ нибудь пристроиться.

— Однако, мистеръ Боудичь, съ негодованіемъ вскричала полковница:—какъ вы можете позволять себѣ такія фамиліярности съ нашими гостями!

— Но я не понимаю, изъ-за чего вы такъ хлопочете. Вѣдь она не что иное, какъ бѣдное дитя, и полковникъ Паркеръ самъ говорилъ мнѣ...

Въ эту минуту вошолъ слуга.

— Сударыня, сказалъ онъ: — странное посѣщеніе — два индѣйца.

— Они пришли за Розой, вскричала послѣдняя. Прощай, дорогая мать! Прощайте, Виргинія и Габріеля!

— Миссъ! куда вы? закричала испуганная полковница. Но Роза уже исчезла. Какъ будто кто гнался за нею, она полетѣла по корридору на встрѣчу двумъ Куманчамъ, поспѣшно переправилась съ ними черезъ *Байю* и побѣжала къ гостинницѣ. Стремглавъ взлетѣла она вверхъ по ступенькамъ и съ невыразимымъ страхомъ бросилась на шею Мико, какъ будто желая удержать его, чтобы его не отняли у нея.

— Бѣдный, пойманный левъ! шептала она. — Бѣдная Роза! Она ничего не стоитъ; бѣлые отвергли ее съ насмѣшкою. Бѣдная Роза!

Нѣсколько разъ вырвались у нея эти слова, такъ что наконецъ старый начальникъ обратилъ на это вниманіе и сталъ смотрѣть на нее испытующимъ взоромъ.

— Какъ понимаетъ это, моя бѣлая Роза? спросилъ онъ.— Что такое левъ? кто онъ?

Digitized by Google

— Левъ—лютая, дикая кошка, которая все убиваетъ и которую бѣлые ловятъ, запираютъ въ желѣзную клѣтку, и потомъ издѣваются надъ ея мученіями въ неволѣ. Всѣхъ плѣнниковъ они называютъ львами. У нихъ такое обыкновеніе.

— И Роза ничего не стóитъ? спросилъ Эль-Соль. Какъ понимаетъ это, моя дорогая сестра?

— У бѣлыхъ ничего не стóятъ всѣ тѣ, у которыхъ нѣтъ много долларовъ или много золота.

— Въ такомъ случаѣ пусть сестра моя скажетъ бѣлымъ, что она больше стóитъ, чѣмъ они; что ей принадлежитъ все золото и всѣ доллары Куманчіевъ, что Эль-Соль и его братья съ радостію отдадутъ весь желтый и бѣлый свой металлъ, чтобы вызвать улыбку на ея лицѣ. Пусть Роза скажетъ бѣлымъ, что у нея больше серебряныхъ долларовъ, больше золота, чѣмъ могутъ на себѣ нести многія лошади. Какъ мало Мико и Эль-Соль похожи на плѣнныхъ дикихъ кошекъ, такъ же мало и Роза ничего не стóитъ. Она больше стóитъ, чѣмъ бѣлые.

Дѣвушка съ чувствомъ посмотрѣла на молодаго начальника, который говорилъ съ необыкновеннымъ жаромъ.

— Эль-Соль—мой братъ, прошептала она ему; Роза хочетъ быть его дорогою сестрою.

Старикъ между тѣмъ всталъ и нѣсколько разъ прошолся по комнатѣ. Онъ прислушивался, быстро подходилъ къ двери, къ окну, и былъ вообще въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи. Въ смѣжной комнатѣ слышалось нѣсколько голосовъ, а шумъ съ берега и барабанный бой возвѣщали о какомъ-то движеніи между оставшимися ополченцами, которые всѣ стояли въ полномъ строю. Вдругъ они тронулись съ мѣста и направились къ берегу. Шипѣніе паровъ показывало, что они собираются отплывать на пароходѣ. Глаза старика засверкали. Онъ жадно всматривался въ темныя массы, подвигавшіяся впередъ при свѣтѣ факеловъ, потомъ бросился опять къ двери и сталъ прислушиваться. Казалось почти, что онъ вошолъ въ роль царя животныхъ, когда онъ, запертый въ своей желѣзной клѣткѣ, безъ отдыха бѣгаетъ взадъ и

Digitized by Google

впередъ и высматриваетъ сквозь отверстія своей темницы, отыскивая изъ нея выхода.

— Бѣлые воины ушли, вскричалъ онъ вдругъ, и глаза его засверкали отъ радости. Слышишь-ли, мой сынъ, кипѣніе огнедышущаго каноэ? Токеа пойдетъ теперь исполнить то, что шепнулъ ему великій Духъ. Эту ночь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Розѣ, красные воины оставятъ вигвамъ бѣлыхъ; ужъ слишкомъ долго они содержались въ ихъ клѣткѣ.

— Поспѣшимъ же, вскричала Роза.

— Нѣтъ, дочь моя не можетъ идти съ нами, отвѣчалъ онъ; путь шероховатъ, а Мико долженъ спѣшить исполнить повелѣніе великаго Духа. Ноги моей дочери нѣжны.

— Не идти? Мико хочетъ покинуть свою дочь? съ ужасомъ вскричала дѣвушка.

Старикъ покачалъ головою.

— Токеа очень любитъ бѣлую Розу; но ее несъ на себѣ конь на пути, который ведетъ отъ Начеза къ безконечной рѣкѣ. Терніи пути, по которому пойдетъ ея отецъ, изранили бы ея ноги.

— Онѣ окрѣпнутъ, настаивала Роза.

— Роза, сестра моя, должна остаться, пока не возвратится Мико и его сынъ. Братья Эль-Соля, начальника Куманчіевъ, будутъ охранять и защищать ее.

— Токеа и Эль-Соль въ самомъ дѣлѣ хотятъ идти, не взявъ съ собою Розы? сказала она почти съ негодованіемъ. Отецъ мой! умоляла она, бросаясь на шею старому Мико, возьми съ собою Розу, твою Розу!

— Пищу для Мико, отвѣчалъ старикъ, будетъ приготовлять Эль-Кота. Но Роза должна оставаться у бѣлыхъ, пока онъ не воротится. Токеа знаетъ, продолжалъ онъ, что сердца у нихъ бьются не такъ, какъ у красныхъ воиновъ: они звѣнятъ, потому что въ нихъ находятся одни доллары; бѣлые считаютъ куски, которые дочь моя кладетъ себѣ въ ротъ. Но Роза можетъ остаться у продавца *огненной воды*. Токеа будетъ платить долларами. У Охт-ит-лана есть для нее много долларовъ, а желтый металлъ...

Въ эту минуту постучали въ дверь; вошолъ хозяинъ и переговорилъ съ Розой, которая вмѣстѣ съ нимъ вышла изъ

Digitized by Google

комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась; въ ней замѣтна была необыкновенная важность и какое-то волненіе.

— И такъ Роза должна остаться? спросила она снова.

— Дочь моя знаетъ, какъ дорога она для Мико. Она единственная изъ бѣлыхъ, которая дорога его сердцу. Но Роза не можетъ идти по тому пути, по которому онъ теперь пойдетъ.

— Въ такомъ случаѣ Роза возвратится опять къ бѣлымъ. Она не должна оставаться у продавца огненной воды, гдѣ находятся одни мужчины. Дѣвушкѣ не прилично оставаться между ними. Бѣлые холодны, но они умны и знаютъ, что прилично.

— Дочь моя мудра, сказалъ старикъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ; великій Духъ бѣлыхъ говоритъ въ ней; она послѣдуетъ его голосу и сдѣлаетъ то, что онъ повелитъ ей, и сохранитъ свое сердце для стараго отца.

— Да напутствуетъ тебя великій Духъ, отецъ мой! шептала она старику. Ты дорогъ для Розы. Ты все, что осталось ей отъ Канонды. Роза будетъ просить великаго Духа, чтобы онъ очистилъ твой путь отъ терніевъ.

Глубоко растроганная, она упала къ нему на грудь, а старикъ склонилъ свою голову на голову Розы. Потомъ онъ выпрямился и, положивъ на нее обѣ руки, произнесъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Великій Духъ да сохранитъ тебя, дочь моя! Эль-Соль стоялъ въ почтительномъ молчаніи. Когда мико произнесъ свое благословеніе, онъ схватилъ ея руки и, прижавъ ихъ къ сердцу, смотрѣлъ нѣсколько времени ей въ глаза; потомъ быстро отвернулся.

Роза взглянула на него съ удивленіемъ и въ раздумьи оставила комнату.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXV.

Если ты хочешь вполнѣ узнать, что́ прилично, то спроси объ этомъ у благородныхъ дамъ.

Гёте.

Роза возвратилась домой съ важнымъ, почти торжественнымъ видомъ; во всемъ ея существѣ было что-то такое, что поразило полковницу и даже вѣтреныхъ ея племянницъ. Всѣ однако молчали; но на другой день, когда гости выѣхали, полковница взяла ее за руку и, устремивъ на нее испытующій взоръ, сказала кроткимъ, но внушительнымъ тономъ:

— Милая миссъ Роза! Вы вчера сдѣлали одну вещь, которая всѣхъ насъ очень огорчила.

— Роза сдѣлала вещь, которая причинила вамъ горе? спросила дѣвушка, складывая руки.

— И вы еще спрашиваете, миссъ? возразила полковница, тогда какъ вы ночью, не говоря ни слова, убѣжали изъ дома, убѣжали къ дикимъ.

Она сдѣлала особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Дорогая мать, прошу тебя не называй ихъ дикими. Это благородные люди. Вы причинили имъ много зла.

— Миссъ Роза, возразила полковница, объ этомъ вы теперь не можете еще судить; со временемъ вы будете въ состояніи. Пока отложите вашъ приговоръ и вѣрьте моему слову, что жребій, подавляющій этихъ дикарей, не совсѣмъ не заслуженъ. Судьба каждаго человѣка въ его собственныхъ рукахъ. Ваша судьба, Роза, зависитъ также отъ васъ самихъ. Поэтому я прошу васъ никогда не забывать, что вы молодая дѣвица, которая не должна ронять своего достоинства, и менѣе всего нарушать приличія до такой степени, чтобы посѣщать дикарей въ ночное время.

— Но вѣдь они пришли за Розою, и Роза должна была идти къ Мико, къ своему отцу.

— Отцу! вскричала полковница съ негодованіемъ.—Миссъ, какъ вы можете называть своимъ отцемъ этого дикаго, гадкаго индѣйца?

Digitized by Google

— Роза никогда не будетъ называть его иначе. Онъ отецъ Канонды. Роза никогда не оставитъ его, произнесла она тихимъ, покорнымъ, но рѣшительнымъ тономъ.

— Какъ, вы хотите идти къ дикимъ? вскричала полковница съ такимъ явнымъ отвращеніемъ, какъ будто одна изъ ея собственныхъ дочерей объявила ей объ этомъ странномъ намѣреніи. — Къ дикимъ? повторила она съ возрастающимъ негодованіемъ.—Вы хотите оставить нашъ домъ, наше образованное общество? Возможно ли?

Она устремила на дѣвушку долгій, испытующій, почти недовѣрчиный вглядъ

Полковница наша, какъ вѣроятно уже замѣтилъ читатель, была дама высокаго образованія; но хотя она и не раздѣляла предразсудковъ, какія обыкновенно питаютъ противъ индѣйцевъ, намѣреніе Розы должно было по крайней мѣрѣ казаться ей чрезвычайно страннымъ. Судя по ея взгляду, она готова была приписать это странное намѣреніе другому, не столь чистому побужденію, нежели какимъ оно было на самомъ дѣлѣ.

— Миссъ Роза! сказала она торжественнымъ тономъ: — самое благородное созданіе, вышедшее изъ рукъ природы— женщина. Она терпитъ, она страдаетъ тамъ, гдѣ мущина только наслаждается.—Даже радости ея нераздѣльны съ горечью. Но за то въ рукахъ ея хранится судьба рода человѣческаго, и добродѣтельная дѣвушка, которая согласно своему призванію, готовится быть супругой, есть явленіе, достойное полнаго уваженія. Но самаго глубокаго презрѣнія заслуживаетъ бѣлая, свободно-рожденная дѣвушка, когда она унижается до того, что добровольно отдаетъ себя варвару, хуже— дикарю. Это скотское униженіе, продолжала она съ возрастающимъ негодованіемъ: — потому что только скотская страсть...

Она замолчала, замѣтивъ испугъ дѣвушки.

— Роза очень несчастлива, сказала послѣдняя.—Ты говоришь, что отдавать себя дикимъ—самое глубокое униженіе; куда же должна идти Роза? У васъ она ничего не стоитъ, прибавила она со вздохомъ.—У нея нѣтъ золота. Она

Digitized by Google

бѣдна. Вы отдаете ее на общественное состраданіе; объявляете объ ней, какъ торговецъ о своей огненной водѣ.

Полковница съ изумленіемъ посмотрѣла на дѣвушку, вѣрный взглядъ которой такъ глубоко постигъ и почувствовалъ неделикатность газетной статьи.

— Конечно, они поступили неловко, сказала она: — но при всей неделикатности желали вамъ добра, дочь моя. Не разъ приходится намъ терпѣть такія вещи, которыя намъ кажутся жестокими, потому что мы не вникаемъ въ причины ихъ.

— Мать моя! сказала дѣвушка:—въ сердцѣ моемъ говоритъ голосъ, который меня никогда не обманывалъ. Онъ велитъ мнѣ слѣдовать за Мико. Этотъ голосъ научитъ меня, какъ должна я поступать и теперь. Но у васъ бѣдная Роза была бы покинута. Когда Мико, продолжала она тихимъ голосомъ: — рѣшился идти къ бѣлымъ, въ душѣ моей стало вдругъ свѣтло. Я просила, чтобы онъ взялъ меня съ собою. Роза пошла. Но ахъ! продолжала она со вздохомъ: — Роза чужая между вами. Когда она жила въ хижинѣ бѣлаго торговца, ей давали пищу, потому что Мико платилъ за это мѣхами. Тогда она была чужая, и теперь она чужая. Но у Мико она была дочерью. Мать моя! вскричала она, изнемогая подъ бременемъ ощущеній:—не будь жестока! Не отнимай у бѣдной Розы одного, что ей принадлежитъ на свѣтѣ: отрады—называть Мико отцомъ. Роза никогда не знала своего отца; никогда она не лежала на груди матери. Она такъ мало проситъ у тебя.

Растроганная полковница съ нѣмымъ чувствомъ смотрѣла на дѣвушку, погруженную въ глубокое горе.

— Милое, осиротѣвшее дитя мое! сказала она:—я буду твоею матерью. Настоящая мать конечно никогда и ни кѣмъ неможетъ быть замѣнена; но я вполнѣ буду твоею матерью—другомъ, твоимъ защитникомъ.

Несчастной сиротѣ мало по малу стали ясны ея утраты, лишеніе материнской груди, отеческой защиты въ превратностяхъ, испытанныхъ въ теченіи краткой ея жизни. Но не одна только душевная тоска по неизвѣданнымъ родительскимъ объятіямъ выражалась теперь такъ сильно въ бѣд-

Digitized by Google

номъ ребенкѣ. И въ хижинѣ Мико она уже чувствовала свое одиночество; но никогда она не сознавала его такъ ясно, такъ болѣзненно, какъ при настоящей обстановкѣ, при свободной подвижности и въ тоже время принужденныхъ формахъ ея новой среды. Она привыкла къ сурово-отеческому обращенію Мико, и оно сдѣлалось потребностію для ея покорной, такъ легко привязывающейся природы, дышащей любовью и преданностію; теперь же она чувствовала себя совершенно одинокою и покинутою.

До сихъ поръ въ домѣ полковника съ нею обходились совершенно какъ съ дорогимъ гостемъ, со всею внимательностію и уваженіемъ, какія могутъ быть оказываемы молодой дѣвушкѣ въ ея положеніи; но ея природный умъ, въ долгомъ одиночествѣ привыкшій къ размышленію, далъ ей понять въ этой предупредительности всю ту холодность, которая нѣкоторымъ образомъ вошла въ обычай въ нашихъ такъ называемыхъ хорошихъ домахъ.—Правда, въ первые дни ея пребыванія и въ особенности въ продолженіи присутствія сквайра, ей оказывали сердечное радушіе; но съ отъѣздомъ сквайра контрастъ сдѣлался еще разительнѣе.—Можетъ быть тутъ участвовало отчасти и нѣкотораго рода отчужденіе отъ дѣвушки, прожившей такъ долго среди индѣйцевъ.

— Да, Роза! сказала полковница, которая между тѣмъ уходила, и въ эту минуту снова возвратилась въ комнату:—ты будешь моею дочерью. Мнѣ сейчасъ сказали, что индѣецъ исчезъ. Дай Богъ, чтобы онъ никогда не возвращался.

— Онъ возвратится, съ увѣренностію вскричала дѣвушка.—Онъ придетъ за Розою.

— Сомнѣваюсь, возразила полковница, которой казалось, можетъ быть, не совсѣмъ умѣстнымъ противорѣчить тому, что она считала упрямствомъ въ дѣвушкѣ.—Намъ, правда, очень мало дѣла до него; но онъ сдѣлалъ слишкомъ много зла, чтобы рѣшиться предстать еще разъ передъ своими справедливыми, но строгими судьями.

— Онъ непремѣнно возвратится, продолжала настаивать Роза.

— А зачѣмъ онъ ушолъ? спросила полковница.—Можетъ

Digitized by Google

быть мнѣ не слѣдовало бы спрашивать, потому что онъ, какъ видно, ближе къ твоему сердцу, чѣмъ мы. Но только странно то, что онъ исчезъ въ такое время. Роза! я надѣюсь, ты подаришь мнѣ свое довѣріе, полное дѣтское довѣріе? Внезапное отсутствіе индѣйца произвело нѣкоторое безпокойство Повторяю еще разъ, я надѣюсь, что ты въ своей привязанности, которую я впрочемъ уважаю, не переступишь за предѣлы долга, и не употребишь во зло довѣріе, которое мы къ тебѣ имѣли.

Произнеся эти слова кроткимъ, но важнымъ и внушительнымъ тономъ, она вышла изъ комнаты. Дѣвушка стояла въ глубокомъ размышленіи, обдумывая эти странныя слова. Таинственное и внезапное бѣгство четырехъ индѣйцевъ дѣйствительно произвело нѣкоторое безпокойство около *Байю* и въ окрестностяхъ, и мѣстные жители просили полковницу выпытать у воспитанницы этого опаснаго крамольника причину его внезапнаго удаленія. Но открытый, увѣренный тонъ ея служилъ достаточнымъ доказательствомъ, что она не участвуетъ въ этой тайнѣ; да и трудно было предполагать, чтобы индѣйцы открыли ей свое намѣреніе, если бы они дѣйствительно имѣли какой нибудь злой умыселъ. Скоро исчезло и это небольшое опасеніе въ великомъ дѣлѣ, которое стало теперь занимать всѣхъ безъ исключенія, и которое заставляло забывать все остальное. Пока двѣ роты, подъ начальствомъ капитана Перси, находились еще около *Байю*, спокойствіе повидимому не нарушалось. Какъ ни незначительно было число оставшихся ополченцевъ, мысль, что ихъ не отзываютъ, внушала окрестнымъ жителямъ какое-то чувство безопасности и довѣрія, которое теперь сильно поколебалось внезапнымъ приказомъ къ выступленію. Наступило какое-то лихорадочное волненіе, какое-то судорожное напряженіе, которое обыкновенно съ особенною силою овладѣваетъ умами въ то время, когда опасность еще далека и мрачному воображенію предоставляется тѣмъ большій просторъ рисовать печальные образы,—родъ какого-то трепетнаго ощущенія, которое болѣе или менѣе обнаруживало свое вліяніе на оставшихся. Ощущеніе это выражалось на важныхъ, сосредоточенныхъ лицахъ, въ сомнительныхъ, вывѣдывающихъ взо-

Digitized by Google

рахъ, въ частомъ забвеніи всѣхъ личныхъ интересовъ и отношеній, въ суетливомъ стеченіи жителей при всякомъ появленіи парохода, въ боязливомъ поглощеніи ими газетъ, таинственный лаконизмъ которыхъ никогда еще не былъ для нихъ такъ мучителенъ. Семейство полковника также не избавилось отъ этихъ лихорадочныхъ волненій, и если дѣйствіе ихъ было не столь замѣтно въ подвижной дѣятельности, царствовавшей въ плантаціи, то это происходило не отъ недостатка участія или чувства, а скорѣе отъ самоотверженія достойной женщины; управлявшей всѣмъ хозяйствомъ въ качествѣ матери и распорядительницы.

— Мужья и сыновья наши, говорила она своимъ дочерямъ и Розѣ,—сражаются за насъ и за страну нашу. Намъ природа дала не менѣе почетное назначеніе: своею домашнею дѣятельностію содѣйствовать нашимъ мужьямъ и сыновьямъ къ выполненію ихъ высокаго назначенія; это—самое достойное участіе, какое можетъ обнаруживать женщина.

Но несмотря на эти мужественные, сильные доводы, испытаніе становилось мало по малу и для нея слишкомъ тяжолымъ и, странно, она стала искать утѣшенія и опоры въ нашей молодой, любящей дочери природы, въ Розѣ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, она привязывалась къ ней все больше и больше, и взаимное созвучіе горя и лишенія, казалось, дѣйствительно дѣлало Розу членомъ семейства. Такимъ образомъ прошла недѣля.

Былъ прекрасный, ясный полдень. Роза въ тихомъ созерцаніи стояла около *Байю*, прислушиваясь къ отдаленному пѣнію негровъ, работавшихъ на хлопчато-бумажной фабрикѣ. Они пѣли свое унылое «Talla-ihoe», меланхолическій напѣвъ котораго, своими низкими басовыми и жалобными теноровыми звуками глубоко проникаетъ въ душу. Мало по малу голоса замолкли одинъ за другимъ, и вдругъ хоръ изъ двадцати слишкомъ мущинъ грянулъ прекрасную негритянскую пѣсню «Bulla-tai». Замолкла и эта пѣсня, а Роза все еще стояла неподвижно, не замѣчая, какъ къ ней подошла полковница съ своими дочерьми.

— Знаешь ли, милая Роза, сказала послѣдняя,—что печаль, которой ты предаешься, эгоистична; что мы никогда

Digitized by Google

не должны вполнѣ предаваться грусти, снѣдающей наши душевныя силы?

— Это не печаль, мать моя; это совсѣмъ не то. Нѣчто великое, нѣчто важное должна тебѣ сообщить Роза.

— Нѣчто великое? повторила полковница, съ озабоченнымъ видомъ; ибо на ясныхъ, идеальныхъ чертахъ лица дѣвушки изображалось необыкновенное волненіе.

— Да, сказала Роза,—теперь настала важная минута, которая рѣшитъ многое. Богъ дастъ она будетъ утѣшительна для тебя. Мать моя, *Онъ* милосердъ и кротокъ. Будь и ты такою, мать моя! прошу тебя.

— Что же я могу сдѣлать, милая Роза? спросила растроганная полковница.

— О, ты можешь. Будь милосерда къ бѣдной женщинѣ, мужъ которой томится въ темницѣ. Часъ, въ которой Роза проситъ тебя, оченъ важенъ. Обѣщай, тогда она тебѣ скажетъ...

— А что скажетъ Роза? спросила полковница дѣвушку, прислушивавшуюся въ размышленіи.—Просьба твоя будетъ исполнена; я сама поручусь за него.

Дѣвушка радостно прижала къ груди своей руку полковницы.

— Роза благодаритъ тебя, дорогая мать! сказала она съ достоинствомъ.—За это она скажетъ тебѣ нѣчто. Въ эту минуту ваши сражаются, прошептала она тихо, но съ увѣренностію.

Мать и дочери улыбнулись недовѣрчиво.

— Пойдемте, сказала она;—здѣсь намъ ничего не слышно.

Она побѣжала впередъ, къ нижнему, южному концу парка, поставила трехъ дамъ полукругомъ и потомъ нагнулась впередъ, по направленію вѣтра.

Въ это утро надъ всею окрестностію разстилался необыкновенно густой туманъ. Но къ полудню, со стороны рѣки поднялся сильный южный вѣтеръ, и дѣйствіе солнца, которое въ этой странѣ даже январскіе дни дѣлаетъ такими дивнопрелестными явленіями, мало по малу привело атмосферу въ какое-то трепетно-эластическое движеніе. Изъ отдаленныхъ плантацій доносилось еще пѣніе негровъ. Мало по ма-

Digitized by Google

лу замолкли и ихъ голоса, и казалось для природы, вмѣстѣ съ бѣдными невольниками, наступилъ часъ отдыха.

— Я ничего не слышу, сказала полковница.

— Кромѣ движенія воздуха, прибавила Виргинія.

— И дребезжащаго карканія старой Биди, замѣтила Габріеля.

— Вы не жили въ молчаливомъ, тихомъ вигвамѣ около Начеза, сказала Роза улыбаясь.

Опять она стала прислушиваться, и вдругъ вздрогнула

— Какіе страшные выстрѣлы! прошептала она.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ что нибудь слышишь? блѣднѣя вскричали три дамы.

— Какъ же, я слышу каждый выстрѣлъ, множество выстрѣловъ; пятнадцать, двадцать вдругъ. Каждый изъ нихъ уподобляется отдаленнымъ перекатамъ грома.

— Не можетъ быть, замѣтила полковница,—Вѣдь отсюда около ста восьмидесяти миль. Вѣтеръ, правда, дуетъ со стороны *бализа*, мѣстность ровная, берега открыты...

— Я только что отъ рѣки, сказалъ молодой Коплендъ, подходя къ нимъ съ легкимъ поклономъ.—Странное приключеніе: оба индѣйца, которыхъ мы принуждены были арестовать послѣ бѣгства старика, вдругъ ушли изъ подъ ареста, — но вмѣсто того, чтобы скрыться, они стоятъ теперь на берегу и выдѣлываютъ самыя странныя кривлянія. Мнѣ кажется, эти люди слышатъ что-то.

— Это сраженіе, милая мать. Пойдемъ, милая мать! пойдемте, Виргинія и Габріеля, къ Охтитлану; а братъ мой пусть возвѣститъ свободу бѣдному узнику.

— Пусть будетъ по твоему, сказала полковница, увлеченная натуральною живостію Розы.—Мистеръ Коплендъ! пойдите къ мистеру Броунъ и скажите ему, что я ручаюсь за Мадіедо.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Ступай, ступай, ступай, милый братъ! гнала его Роза,—а потомъ приходи опять.

— Очень охотно, сисси, сказалъ онъ, быстро направляясь по дорогѣ къ городку, между тѣмъ какъ дамы поспѣшили къ рѣкѣ. Еще издали они увидѣли индѣйцевъ, окру-

Digitized by Google

женныхъ толпою мущинъ, женщинъ и дѣтей. Одинъ изъ нихъ лежалъ на землѣ, на самой оконечности косы, образуемой на этомъ мѣстѣ отъ соединенія *Байю* съ Миссисипи, между тѣмъ, какъ другой разставлялъ полукругомъ любопытныхъ, стекавшихся все въ большемъ и большемъ количествѣ. Тихій, едва замѣтный вѣтерокъ вѣялъ съ юга, но онъ совершенно заглушался шумомъ волнъ. Мало по малу это странное, нѣмое зрѣлище привлекло значительную толпу людей. Лишь только индѣйцы увидѣли Розу, они съ изъявленіемъ живѣйшей радости бросились къ ней на встрѣчу, и съ жаромъ страсти сказали ей нѣсколько словъ на нарѣчіи Павніевъ. Во всемъ ихъ существѣ выражалось какое-то воинственное вдохновеніе.

— Это битва, сказала Роза, — Куманчи явственно слышатъ ее. Они говорятъ, что бѣлые вступили въ страшный бой. Нѣсколько тысячъ большихъ и малыхъ пушекъ извергаютъ свои чугунныя и свинцовыя ядра.

Индѣецъ бросился опять на землю и сталъ дѣлать разные знаки.

— Они стоятъ все еще на томъ же мѣстѣ, объясняла Роза.—Теперь пушки ревутъ не такъ сильно.

— Вотъ теперь они заревѣли опять сильнѣе, вскричала она черезъ минуту.—Земля дрожитъ. Двадцать самыхъ огромныхъ орудій заревѣли разомъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, сеньора! вскричалъ вдругъ позади ихъ чей-то голосъ. Это былъ испанецъ или мексиканецъ Мадіедо, иначе Бенито, съ своей женой?

Полковница сдѣлала имъ знакъ, чтобы они молчали, и указала на Розу.

— Вотъ кого благодарите, сказала она тихо.

Бенито нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на дѣвушку; нѣмое изумленіе казалось сковало его языкъ.

— Ради Бога, кто вы, миссъ? извините меня.

— Я Роза, сказала дѣвушка съ удивленіемъ.

— Роза! повторилъ онъ.—Боже мой, какъ живая! Непонятно! вскричалъ онъ.

Въ продолженіи этого разговора индѣйцы стали обнаруживать нетерпѣніе. Лежавшій на землѣ поднялся на ноги,

Digitized by Google

стоялъ равнодушно, не продолжая уже своихъ наблюденій. Хотя разговоръ этотъ происходилъ въ полголоса, но онъ не позволялъ имъ слушать далѣе.

— Сраженіе, мистрисъ и мои прекрасныя миссъ? вскричалъ молодой человѣкъ, въ англійскомъ офицерскомъ мундирѣ, но на скрипучемъ ирландскомъ нарѣчіи. Клянусь святымъ Патриціемъ! Кто это говоритъ, у того должны быть уши Мидаса. Знаете ли, мои прекрасныя дамы, что мы полныхъ восемнадцать часовъ плыли оттуда на одномъ изъ нашихъ пароходовъ, а скорость ихъ не уступаетъ лучшимъ англійскимъ почтовымъ лошадямъ Прекрасное изобрѣтеніе, мистрисъ, которое дѣлаетъ вамъ честь.

Полковница посмотрѣла съ изумленіемъ и негодованіемъ на наглаго молодаго человѣка.

— Лейтенантъ Коннаутъ! сказалъ молодой Коплендъ,— позвольте васъ побезпокоить на пару словъ.

— Въ другой разъ, вскричалъ ирландецъ, который повидимому чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ, несмотря на то, что всѣ дамы повернулись къ нему спиною.—Впрочемъ, продолжалъ онъ,—у этихъ дикарей претонкій слухъ, и я готовъ держать пари, что мы до сихъ поръ уже взяли главный городъ, и что наши уже подвигаются сюда. Въ такомъ случаѣ, сударыни мои, вы можете положиться на покровительство лейтенанта Коннаута. Вы мнѣ позволите предложить вамъ руку, прекрасная миссъ? сказалъ онъ, обратившись къ Виргиніи.

Вмѣсто молодой дамы, мистеръ Коплендъ предложилъ ему свою руку и повлекъ его къ группѣ военно-плѣнныхъ офицеровъ, которые, болѣе скромные, стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи на берегу рѣки.

Лишь только ирландецъ удалился, Куманчи бросился опять на землю и сталъ по прежнему дѣлать знаками правильныя донесенія о ходѣ сраженія; по временамъ онъ шепталъ Розѣ нѣсколько словъ которыя она передавала полковницѣ и собравшейся толпѣ. Окружающіе стояли неподвижно, притаивъ дыханіе. Съ каждой минутой толпа увеличивалась; они подходили на цыпочкахъ, уходили, опять приходили и стояли, забывая все вокругъ себя. Такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ прошло нѣсколько часовъ. Солнце опускалось уже за западными лѣсами, а толпа все еще не расходилась. Вдругъ индѣецъ вздрогнулъ и вскочилъ со всѣми признаками ужаса.

— Это былъ страшный громъ, вскричала Роза.

Опять онъ бросился на землю, полежалъ еще съ четверть часа и потомъ спокойно поднялся на ноги. Оба индѣйца простились съ Розою и послѣдовали за стражею, которая снова отвела ихъ подъ арестъ.

— Сеньора! сказалъ трактирщикъ Мадіедо, обратившись къ полковницѣ, которая съ своими дочерьми и Розою собиралась идти домой.—Смѣю ли просить васъ выслушать меня?

— Только не сегодня, monsieur Мадіедо, отвѣчала полковница.

— Только десять, только пять минутъ. Дѣло касается этой молодой дамы, прибавилъ онъ, указывая на Розу.

— Ну, такъ приходите черезъ полчаса.

ГЛАВА XXXVI.

> Я не пожалѣлъ бы сорока шиллинговъ, еслибы здѣсь со мною была моя книга съ пѣснями и сонетами. Ну, Симпль, гдѣ ты пропадалъ? Видно мнѣ самому придется прислуживать себѣ?
>
> *Шекспиръ.*

Могильная тишина царствовала на другое утро въ столовой гостинницы «Байю-Сара», гдѣ гости только что сѣли за завтракъ, какъ вдругъ раздался громкій голосъ: пароходъ! Кресла разлетѣлись во всѣ стороны, и всѣ, блѣдные какъ смерть, бросились вонъ изъ комнаты и побѣжали къ берегу рѣки. Только четыре молодые человѣка, судя по богатымъ, шитымъ золотомъ, краснымъ мундирамъ, англійскіе офицеры, преспокойно оставались, вмѣстѣ съ нашимъ мичманомъ, за установленнымъ блюдами столомъ.

— Вонъ они пошли, достославные янки, со смѣхомъ сказалъ капитанъ Муррай.

Digitized by Google

— Ихъ только трое, а остальные наши французскіе и нѣмецкіе спаржевые сторожа, возразилъ лейтенантъ Форбесъ.

Эти спаржевые сторожа, какъ ихъ называлъ веселый англичанинъ, были жители городка, изъ которыхъ, со времени выступленія милиціи, составили особый отрядъ, въ родѣ муниципальной гвардіи, и между которыми находились и господа Гибъ и Пренцлау. Эти послѣдніе, мимоходомъ сказать, не мало гордились тѣмъ, что ихъ, предпочтительно передъ менѣе почтенными господами Мерксъ и Штокъ, удостоили чести участвовать во всеобщей защитѣ края, вслѣдствіе чего они и отказались вполнѣ отъ прежняго своего мнѣнія относительно царствующаго у насъ безпорядка.

— Какіе скучные люди! вскричалъ опять капитанъ Муррай. Невыносимо скучные люди, эти янки, увѣрялъ онъ снова, взявшись за куропатку и съ анатомическою точностію отдѣляя съ обѣихъ сторонъ грудинку. Еслибъ вотъ эта птичка, продолжалъ онъ, была изжарена на вертелѣ, а не на рошперѣ, клянусь Зевесомъ! даже отель Лонга не могъ бы предложить вамъ ничего подобнаго.

— Я все-таки однако думаю, что наши Нортумберландскіе филеи нѣжнѣе, возразилъ лейтенантъ Девонъ, который, признавая прежде всего преимущество своихъ отечественныхъ филейныхъ частей, тѣмъ не менѣе удостоилъ американскую глубокаго надрѣза.

— Извините, сказалъ капитанъ Муррай, я говорю о куропаткахъ или *quails*, какъ ихъ тутъ называютъ, вашего же кушанья отвѣдаю послѣ.

— Не знаю, перебилъ его лейтенантъ Форбесъ, который также придерживался филея, но я скажу только то, джентльмены, что желудокъ мой такъ высохъ отъ этой проклятой соленой кислоты, что не отказался бы и отъ щавеля. При этихъ словахъ онъ осторожно осмотрѣлся во всѣ стороны. Проклятіе! четыре мѣсяца питаться солью! чортъ меня возьми, если мужичье эти не заслуживаютъ, чтобы ихъ всѣхъ до одного перевѣшали! Вотъ мы пришли сюда изъ прелестной Франціи, изъ знойной Испаніи, въ той надеждѣ, что эти тунеядцы будутъ имѣть здравый смыслъ, покорятся своему жребію, и вдругъ они насъ на шесть недѣль заперли меж-

Digitized by Google

ду моремъ и болотами, такъ что намъ даже не пришлось видѣть ни одного дома. Ни взадъ, ни впередъ, а въ ротъ ничего, кромѣ солонины и картофеля предпрошедшаго года, который, какъ мадера, уже три раза совершилъ путешествіе въ Остиндію. Мальчикъ! прошу мнѣ дать стаканъ мадеры. Чортъ возьми! Да тутъ и слуги-то нѣтъ!

— И повѣрите-ли, сказалъ лейтенантъ Коннаутъ, обратившись къ нашему мичману, что эти мошенники не доставили намъ даже ни одной свѣжей картофелинки? Да еслибы мы давали по гинеѣ за каждую, то и тогда не пришло бы къ намъ туда ни одного изъ проклятыхъ чудовищъ, которыя они называютъ ковчегами или плоскодонными судами. Низкія душонки! Въ нихъ нѣтъ и тѣни рыцарскаго духа испанцевъ и французовъ. Увѣряю васъ, мистеръ Годжесъ, даже во Франціи насъ на рукахъ носили.

— Клянусь Зевесомъ! Моя прелестная донна Изабелла-и Ирунъ-и Кальдеваи-и Мадагаскаръ-и Бальтазаръ и чортъ знаетъ какъ еще... сказалъ со смѣхомъ лейтенантъ Девонъ.

— Довольно, довольно! захохотали всѣ, у нихъ больше титуловъ чѣмъ долларовъ.

— Я желалъ бы однако, чтобы она была здѣсь со мною, моя прелестная Изабелла, сказалъ лейтенантъ Девонъ.

— Ни къ чему бы это вамъ не послужило. Эти пуританскіе янки не позволяютъ подобнаго препровожденія времени, увѣрялъ лейтенантъ Форбесъ.

— Ну, теперь попрошу у васъ кусокъ вашего оленьяго филея, перебилъ его капитанъ Муррай. Однако, куда же вы дѣвали это прелестное созданье?

— Ба! уступилъ ее капитану Ричли за ящикъ настоящихъ гаванна, преспокойно отвѣчалъ лейтенантъ, отрѣзывая и подавая ему кусокъ оленьяго филея. Тотъ держалъ ее у себя, пока въ Опорто не сѣлъ на корабль; а потомъ оставилъ ея старому кабаллеро, у котораго она вѣроятно и теперь, если не отмаливаетъ свои прекрасные грѣхи въ которомъ нибудь изъ ихъ дѣвственныхъ хранилищъ.

— Ха, ха, ха! разразился капитанъ Муррай, мы таки порядочно покуралѣсили съ этими доннами, кондессами и сеньорами! Однако, знаете ли, продолжалъ онъ, обратившись къ

Digitized by Google

нашему мичману, что мы имѣемъ полное право быть недовольны вашимъ флотомъ, или лучше сказать, вашими товарищами? Вмѣсто того, чтобы подвозить намъ припасы, они отправились въ Ямайку и позволили янкамъ захватить себя. Вообще вы, господа, пріобрѣли въ эту войну мало славы: Ява къ чорту, Македоніанъ тоже, и на придачу съ полдюжины фрегатовъ; теперь уже не показывайся ни одинъ королевскій пятидесятидвухпушечный корабль.

— Мнѣ кажется, мы ни въ чемъ другъ другу не уступаемъ, отвѣчалъ мичманъ, задѣтый за живое этимъ намекомъ.

— Конечно, мистеръ Годжесъ, увѣрялъ лейтенантъ Девонъ, мы спасемъ честь королевскаго оружія; мы отомстимъ за наглость, которую позволили себѣ относительно васъ эти подлецы тунеядцы. Я право думаю, что они не на шутку повѣсили бы васъ, несмотря на голубой вашъ мундиръ.

— Такъ же точно, какъ они повѣсили майора Андре, несмотря на его красный мундиръ, отвѣчалъ нашъ мичманъ.

— Это ужъ такъ давно, съ хохотомъ возразилъ лейтенантъ, что скоро обратится въ неправду. Однако шутки въ сторону, мистеръ Годжесъ, это было бы вовсе не такъ дурно. Какая завидная смерть! Когда нашъ братъ окачурится (а эти грубіаны мѣтятъ прежде всего въ золотые наши эполеты), то ни одинъ пѣтухъ не запоетъ объ насъ. Васъ же воспѣли бы и Томъ и Колериджъ, и оплакивали бы всѣ дамы. Чортъ возьми! Шестью пенсами (а больше этого не стоитъ веревка), достигнуть безсмертія—право не бездѣлица. Ваши смертные останки вырыли бы изъ земли, какъ сдѣлали съ останками Андре, и канонизировали бы въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, а надъ ними положили бы мраморную доску, съ золотою надписью: *James Hodges Esq*.

— *Damn* Вестминстерское аббатство и ваше шутовство! вскричалъ мичманъ, которому стали наконецъ надоѣдать шутки, которыя офицеры позволяли себѣ на его счотъ.

— Нѣтъ, джентльмены, увѣряю васъ, сказалъ капитанъ Муррай, я вполнѣ вхожу въ положеніе нашего пріятеля, мистера Годжесъ. Однако вы должны еще радоваться, что вышли цѣлы и невредимы. Въ Европѣ конечно не позволили

Digitized by Google

бы себѣ подобныхъ вещей съ британскимъ офицеромъ; здѣсь же эти мужичье...

— Однако, что ни говори, перебилъ его лейтенантъ Форбесъ, увѣряю васъ, по моему вовсе не дурно быть американцемъ, и право, еслибы я не былъ англійскимъ джентльменомъ, то желалъ бы быть свободнымъ американцемъ.

— Будьте увѣрены, замѣтилъ нашъ мичманъ, если вы пробудете здѣсь еще съ недѣлю, они вамъ внушатъ должное уваженіе. Два урока вы уже получили.

— Ха, ха! Коннаутъ, это на вашъ счетъ, захохоталъ лейтенантъ Девонъ. Какъ-бишь онъ сказалъ? Да онъ кажется капитанъ спаржевыхъ сторожей? Оставьте-ка этого сумасшедшаго пока у себя, и если онъ осмѣлится еще разъ оскорблять дамъ, то мы ему найдемъ другое мѣстечко.

— А я найду мѣсто тому, кто осмѣлится повторять грубости этого неотесаннаго янки, вскричалъ горячій ирландецъ. Клянусь св. Патрикіемъ, я это сдѣлаю.

— Ну, ну, вотъ ужъ и разгорячился, примирительно вмѣшался капитанъ Муррай. Жаль, что съ нами нѣтъ пистолетовъ, а то онъ право стрѣлялся бы послѣ этого прекраснаго завтрака, не дожидаясь пищеваренія.

— Нѣтъ, замѣтилъ лейтенантъ Девонъ, свѣтской учтивости отъ нихъ не жди. Вотъ мы здѣсь сидимъ уже дней шесть. Сначала я и самъ думалъ, что нашъ плѣнъ вовсе не такое большое несчастіе: мы первые, и можемъ свободно выбирать.

— А дѣвушки богаты, вмѣшались остальные.

— Но вотъ именно поэтому и спѣсивы какъ чортъ; ни одна объ насъ и не подумаетъ. А вѣдь мы право не дурные ребята, прибавилъ онъ, самодовольно охорашиваясь.

— Мы должны отмстить имъ, закричали всѣ.

— Джентльмены! вскричалъ капитанъ Муррай, имѣю честь возвѣстить, что я превосходно позавтракалъ; что же мы теперь начнемъ для пищеваренія? *Ecarté* и *rouge et noir* запрещены съ тѣхъ поръ, какъ нашъ пуританскій хозяинъ такъ безцеремонно бросалъ въ огонь наши карты.

— Ну, что же бы намъ такое затѣять, чтобы побѣсить этихъ янки?

Digitized by Google

Читатели видятъ, что наши четыре военноплѣнные переносили свой горькій жребій съ тѣмъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какія мы обыкновенно видимъ у британцевъ, когда они знаютъ, что обезпечены въ своихъ тѣлесныхъ нуждахъ, и при этомъ пользуются свободою говорить, что взбредетъ на умъ. Они, можетъ быть, съумѣли бы оцѣнить эту свободу, еслибы апатія янковъ, какъ они выражались, отдавала побольше справедливости ихъ свѣтскимъ преимуществамъ и дарованіямъ. Но этого не было, и наши пять кавалеровъ принуждены были довольствоваться своею гостинницею и кое-какими прогулками, безъ малѣйшей надежды на одну изъ тѣхъ интересныхъ связей, которыя такъ пріятно разнообразили ихъ прежнія кампаніи. Впрочемъ ихъ сѣтованія на неправильныя движенія янковъ, которые въ числѣ тысячи шестисотъ человѣкъ такъ безцеремонно двинулись противъ восьмитысячнаго корпуса такъ называемыхъ британскихъ ветерановъ, и такъ чисто по-янкски отрѣзали отъ главнаго отряда и захватили въ свои руки почти двѣ роты королевскихъ гренадеръ, эти сѣтованія ихъ были повидимому не искренни; напротивъ, даже нашему мичману казалось, что это равнодушіе его воинственныхъ соотечественниковъ къ лаврамъ, которыя такъ легко можно было бы пріобрѣсть надъ американцами, заходило уже слишкомъ далеко. Это равнодушіе не мало способствовало и къ выздоровленію нашего молодого человѣка, послѣ дважды перенесеннаго имъ кризиса, т. е. къ возвращенію его разсудка, и онъ мало по малу сталъ понимать, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ позорное его бѣгство изъ окна мистриссъ Блунтъ не заставитъ краснѣть всю Англію, и что такъ называемые янки далеко не безчеловѣчные полудикари, хотя и не заблагоразсудили понять его пресыщеніе жизнію. Онъ былъ, правда, все еще отчасти склоненъ приписать счастливый исходъ своего дѣла спасительному страху передъ местію его соотечественниковъ, и тѣмъ же самымъ объяснить и великодушное предложеніе молодаго Копленда, поставившее его въ возможность обновить свой гардеробъ; но въ то же время въ немъ стали возникать опять сомнѣнія, которыя представляли по крайней мѣрѣ ту выгоду, что не возвратилась

Digitized by Google

его прежняя болѣзнь, и что онъ гораздо выгоднѣе сталъ думать о странѣ и ея жителяхъ, нежели во всю свою прежнюю жизнь; но тѣмъ больше старался на будущее время держаться этого образа мыслей, что замѣтилъ, что это сблизило его съ американцами, становившимися мало по малу для него страшными.

— Туманъ разсѣялся, замѣтилъ лейтенантъ Девонъ, который съ своими товарищами между тѣмъ всталъ изъ-за стола и подошолъ къ окну.

— Солнце выступаетъ, какъ будто въ одинъ изъ нашихъ лондонскихъ майскихъ дней, прибавилъ лейтенантъ Форбесъ. Какъ жаль, что эта прелестная страна не принадлежитъ британцамъ!

— Надѣюсь, скоро будетъ принадлежать, замѣтилъ лейтенантъ Девонъ; главный городъ до сихъ поръ ужъ въ нашей власти. А не хотите-ли, джентльмены, на *блоффы* (Bluffs)?

— Блоффы! смѣясь закричали всѣ. Право, эти янки скоро изобрѣтутъ свой особый англійскій языкъ. Однако посмотрите, вонъ идетъ одинъ изъ ихъ дѣйствительно великолѣпныхъ пароходовъ.

— Послушаемъ, нѣтъ ли чего новенькаго. Замѣтили-ли вы, какъ они поблѣднѣли и дали тягу? Это хорошее предзнаменованіе, замѣтилъ лейтенантъ Девонъ.

При этихъ словахъ герои наши двинулись впередъ.

Громъ пушекъ раздавался съ парохода «Миссури», на шканцахъ котораго развѣвался флагъ Соединенныхъ Штатовъ. Весь пароходъ кишѣлъ красными мундирами. Когда онъ присталъ къ берегу, съ него сошолъ лейтенантъ Паркеръ, а за нимъ цѣлая толпа милиціонеровъ и британскихъ военно-плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ.

— Майоръ Варденъ! вскричали наши пять британцевъ.— Что это значитъ?

— Мы разбиты на голову, сэръ Эдвардъ, всѣ генералы и почти всѣ штабъ и оберъ офицеры убиты или смертельно ранены; двѣ тысячи легли на мѣстѣ, а весь остатокъ войскъ въ полномъ отступленіи, тихо отвѣчалъ военноплѣнный, раненый майоръ.

Digitized by Google

— Вотъ производства-то будутъ! утѣшалъ ихъ лейтенантъ Девонъ.

Американскій лейтенатъ устремилъ на британца взглядъ самаго глубокаго презрѣнія, и потомъ молча бросился въ объятія ожидающей его матери и сестеръ.

— Несу вамъ вѣсть о побѣдѣ, закричалъ онъ собравшейся толпѣ;—правое дѣло восторжествовало.

И дѣйствительно правое дѣло восторжествовало, и такъ великолѣпно, какъ не могло пожелать и самое смѣлое воображеніе. Прекрасное побѣдоносное войско опытныхъ ветерановъ, съ избыткомъ снабженное всѣми военными снарядами; армія, приковавшая къ своимъ знаменамъ побѣду въ теченіи десятилѣтней борьбы съ храбрѣйшимъ войскомъ стараго свѣта,—армія эта такъ совершенно была разбита на голову горстію американцевъ что принуждена была обратиться въ бѣгство. Никогда еще сумасбродная кичливость не была такъ страшно наказана, какъ этимъ послѣднимъ ударомъ, который поразилъ гордаго непріятеля въ такое время, когда ужъ онъ заблагоразсудилъ предписывать мирныя условія.

Ни ликованій, ни радостныхъ возгласовъ не слышно было въ этой собравшейся толпѣ, состоявшей большею частію изъ женщинъ и дѣтей. Но когда лейтенантъ Парнеръ и его товарищи разсказали имъ подробности этого дѣла, всѣ они молча, какъ будто сговорившись, направили свои шаги къ храму Всевышняго, чтобы принести Ему свое благодареніе за побѣду, которая была тѣмъ блистательнѣе, что стоила странѣ только не много жертвъ.

Мы предоставимъ теперь обитателей этой области ихъ радостнымъ, набожнымъ чувствамъ, а сами послѣдуемъ за замѣчательнымъ человѣкомъ въ его путешествіи, предпринятомъ имъ въ такую эпоху, когда такъ страшно разразился надъ нимъ самый тяжелый ударъ его горькой судьбы,—въ путешествіи, которое хотя и замедлилось вмѣшательствомъ бѣлыхъ, но отъ котораго онъ все таки не отказался.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXVII.

Послушай! кто такъ стонетъ въ этой страшной долинѣ? Не дятелъ ли?—Нѣтъ, нѣтъ.—Виппорвиль? Нѣтъ, нѣтъ.— Не сова ли ночная? — Нѣтъ, нѣтъ. — Это Мико: кровью своею онъ орошаетъ могилу отца своего.

Жалоба Мускоджи.

Напрасно было бы доискиваться причинъ, заставившихъ стараго начальника оставить *Байю* въ такую эпоху, которая, придавая еще болѣе вѣроятности взведеннымъ противъ него обвиненіямъ въ тайныхъ казняхъ, должна была снова возбудить подозрѣнія его мнимыхъ гонителей. Въ дикой своей непреклонности и апатіи, онъ вѣроятно не обращалъ вниманія ни на то, ни на другое, и движимый велѣніемъ духа своего отца, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы уйдти отъ мнимыхъ своихъ враговъ, которые, хотя и заботились о его содержаніи, но по его мнѣнію, не упускали ни одного случая, чтобы нанести ему всемозможныя оскорбленія, какія только могла придумать ихъ кичливость. Въ своемъ несчастномъ заблужденіи онъ приписывалъ эти оскорбленія такой же разсчитанной враждебной системѣ. какой самъ придерживался въ продолженіи всей своей жизни. Онъ все еще смотрѣлъ на американцевъ сквозь мрачную ненавистную призму своего собственнаго воображенія, и это ослѣпленіе заставляло его въ каждомъ случайномъ выраженіи бѣлыхъ, въ самыхъ маловажныхъ поступкахъ ихъ видѣть тотъ же самый систематически-враждебный образъ дѣйствій, который онъ избралъ путеводною звѣздою своей собственной жизни. При его уединенномъ образѣ жизни и скрытномъ характерѣ, подобное заблужденіе было конечно извинительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно неминуемо должно было обратиться въ неизсякаемый источникъ безпрерывныхъ оскорбленій и нескончаемой вражды. Если его мрачной гордости льстило съ одной стороны вниманіе, оказываемое ему бѣлыми въ присутствіи его сына, то съ другой стороны пре-

Digitized by Google

небреженіе, съ какимъ обходились съ нимъ въ послѣдствіи, какъ червь глодало его душу. Ужъ одно приказаніе дожидаться прибытія великаго воина бѣлыхъ, почти истребившаго его народъ, казалось ему страшнымъ оскорбленіемъ. Многіе приходили смотрѣть на него, какъ на свирѣпаго звѣря, котораго наконецъ удалось поймать, и дѣйствительно при такихъ посѣщеніяхъ пріемъ и движенія его мало разнились отъ движеній запертаго хищняго звѣря.

Читатели наши вѣроятно еще помнятъ характеръ этого замѣчательнаго человѣка, который, рядомъ съ необыкновенною высотою души, представлялъ и страшныя пропасти, а потому всякія дальнѣйшія объясненія были бы лишними.— Преданіе его народа сохранило намъ подробности этого таинственнаго путешествія. Слѣдуя въ точности этому преданію, мы перенесемся вслѣдъ за нимъ въ первобытныя лѣса нынѣшняго штата Миссисипи, выше города Начеза, мимо котораго вела его дорога.

Прошла уже недѣля съ того времени, какъ Мико оставилъ *байю*, и въ продолженіи всего этого времени онъ еще не сказалъ ни одного слова своимъ спутникамъ. День за днемъ стремился онъ впередъ, безъ устали и отдыха, скрытный, мрачный, погруженный въ глубокія размышленія; а спутники его слѣдовали за нимъ. какъ собаки за своимъ господиномъ, не издавая ни малѣйшаго звука. Дичь лѣсная служила имъ пищею, мерзлая земля ложемъ, шерстяныя одѣяла постелью. Они тщательно избѣгали жилья бѣлыхъ, и наконецъ на четырнадцатый день безпрепятственно стали приближаться къ одному изъ тѣхъ громадныхъ еловыхъ лѣсовъ, которые отъ самой южной оконечности Аппалахскаго хребта простираются къ штату Миссисипи. Чѣмъ ближе начальникъ подходилъ къ этимъ лѣсамъ, тѣмъ легче, говоритъ преданіе, становилось у него на душѣ, тѣмъ яснѣе становились его взоры, тѣмъ болѣе увѣренности выражалось на лицѣ его. Смѣшанное чувство грусти и радости, боязливой печали и страстнаго желанія влекло его впередъ, въ страну его дѣтства, его возмужалости, въ страну, которую онъ принужденъ былъ покинуть, которая изгнала его. И когда онъ подошолъ къ рѣкѣ, на противоположномъ берегу которой воз-

Digitized by Google

выпялись дремучіе еновые лѣса его родины, душа его расширилась; вся сила минувшихъ дней снова ожила въ немъ; и молча поднялъ онъ руки и указалъ на другую сторону,— и медленно, торжественно переступилъ онъ черезъ легкій ледяной покровъ рѣки. Достигнувъ противоположнаго берега, онъ бросился на землю и долго лежалъ безъ всякаго движенія. Вѣтеръ поднялъ его сѣдые волосы, такъ что они стояли дыбомъ, какъ трава, пораженная морозомъ; холодный, суровый сѣверный вѣтеръ былъ для него шопотомъ тѣней его предковъ: шопотъ этотъ говорилъ ему, онъ понималъ его и отвѣчалъ ему. Борясь самъ собою и съ своимъ злополучіемъ, онъ стоналъ и наконецъ разразился слѣдующими словами:

— О ты, земля! которая видѣла сына того, кто далъ жизнь сыну великаго *Шеіа*! Токеа привѣтствуетъ тебя! Властелиномъ твоихъ безпредѣльныхъ лѣсовъ родился онъ; векій народъ избралъ его своимъ Мико. Бѣглецомъ стоитъ онъ теперь на твоей границѣ, отверженнымъ, чуждымъ тебѣ и могиламъ отцовъ своихъ. Великій духъ! Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Въ теченіи безчисленныхъ солнцевъ, Мико съ своими воинами охотился на берегахъ своей рѣки; надъ могущественнымъ народомъ господствовалъ онъ; зачѣмъ Токеа долженъ былъ скрыться въ безконечную ночь пустыни? Зачѣмъ онъ долженъ былъ обратиться спиною къ землѣ отцовъ своихъ? Зачѣмъ онъ и память объ немъ должны исчезнуть съ лица земли твоей? Отвѣчай, великій Духъ! Дай Токеа знакъ, чтобы онъ могъ понять твою волю!

Умоляющій старецъ устремилъ тоскующій взоръ на обширный небесный сводъ: небо было покрыто облаками; сѣверный вѣтеръ страшно завывалъ въ густотѣ лѣса. На лицѣ старика изобразилось уныніе и радость. Опять онъ бросился на землю. Лихорадочная дрожь трясла его.

— Великій Духъ, прости! бормоталъ онъ. — Чело твое покрыто тучами, и око твое мрачно смотритъ на Токеа, потому что онъ говоритъ, какъ боязливое дитя.

Тогда онъ всталъ и, сдѣлавъ знакъ своимъ спутникамъ, чтобы они подошли къ нему, поблагодарилъ сперва начальника Куманчіевъ за его вѣрную любовь, и потомъ въ слѣ-

Digitized by Google

дующихъ словахъ открылъ имъ причину своего дальняго, тысячемильнаго путешествія.

— Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Мико Оконіевъ обратился спиною къ странѣ, гдѣ находились вигвамы его предковъ. Два раза въ теченіи этого времени онъ переправлялся черезъ безконечную рѣку, одинъ, невидимый ничьимъ окомъ, чтобы отдохнуть на могилахъ своихъ отцовъ. Какъ кровожадную пантеру травили его, какъ за голоднымъ волкомъ гнались за нимъ бѣлые по слѣдамъ его; теперь послѣдній разъ нога его ступила на ту землю, гдѣ жили его предки. На другую ночь послѣ той, которая похитила у него все, что было дорого для очей его, когда голова его, безъ сна и въ отчаяніи, не могла найти покоя, когда глаза его не могли сомкнуться, — въ ту ночь явилась ему тѣнь отца его, обитающая въ вѣчно-зеленыхъ лугахъ. Душѣ Токеа стало страшно, и тѣнь отца его также устрашилась. «Иди! сказала она,—иди къ моей могилѣ, и собери кости того, кто далъ тебѣ жизнь, и той, которая кормила тебя своею грудью; исторгни ихъ изъ мрачнаго ихъ жилища, изъ оскверненной земли тѣхъ, которые ихъ презираютъ! Пусть онѣ покоятся въ той самой землѣ, гдѣ нѣкогда будетъ покоиться мой сынъ и его народъ, и зарой ихъ между костями красныхъ воиновъ. Не страшись вынимать ихъ изъ могилы! Проклятіе не падетъ на тебя.»

— Токеа, продолжалъ старикъ, — поднялся съ своего ложа, когда духъ шепталъ ему эти слова; душа его была полна печали. Снова онъ легъ на свое ложе. «Копыта лошадей, плугъ бѣлыхъ,» произнесъ опять духъ его отца, «прошли надъ могильнымъ холмомъ, подъ которымъ погребенъ отецъ Токеа; пройдетъ не много времени, и кости его будутъ разсѣяны надъ землею, и унесутся вѣтрами.»

— Эль-Соль! продолжалъ старикъ, обратившись къ своему сыну,—Токеа долженъ исполнить то, что повелѣлъ ему духъ его отца. Онъ долженъ взять останки своего отца, чтобы они могли мирно покоиться. Онъ долженъ на три солнца покинуть начальника Куманчіевъ, и идти къ той долинѣ, гдѣ погребенъ его отецъ.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ со вниманіемъ выслушалъ слова старика.

— Духъ отца шепталъ Мико? спросилъ онъ глухимъ но громкимъ голосомъ.

— Два раза онъ явственно проговорилъ слова эти, отвѣчалъ старикъ.

— Въ такомъ случаѣ Мико долженъ повиноваться голосу, сказалъ Эль-Соль, и невольный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу.—Страшно проклятіе, падающее на тѣхъ, которые тревожатъ прахъ умершихъ. Народъ съ ужасомъ отворачивается отъ нихъ, и имена ихъ предаются проклятію изъ рода въ родъ. Но если повелѣлъ духъ отца, то сынъ долженъ повиноваться. Эль-Соль пойдетъ съ своимъ отцемъ.

— Эль-Соль, отвѣчалъ старикъ, качая головой,—сынъ Мико, и дорогъ его сердцу; онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ кровь Токеа; но очи его не должны видѣть оскверненнаго холма, подъ которымъ погребенъ отецъ Токеа.

— Эль-Соль не будетъ смотрѣть на стыдъ своего отца; но онъ послѣдуетъ за Мико, и вдали отъ могильнаго холма Шеіа будетъ ожидать, пока Мико возвратится.

Старикъ молча далъ свое согласіе, и небольшая группа двинулась по направленію къ востоку. Съ наступленіемъ слѣдующаго дня они подошли къ подножію горы, за которою равнины Георгіи необозримо тянутся къ Атлантическому океану. Старикъ съ торжественною важностію поднялся на гору.

— Видитъ ли мой сынъ, сказалъ онъ, когда они достигли вершины, съ которой имъ открывался видъ на отдаленные холмы, увѣнчанные лѣсомъ, и мѣстами посеребренные инеемъ,—видишь ли мой сынъ тѣ высокіе холмы, которые извиваются цѣпью, и подножія которыхъ вѣчно купаются въ блестящей рѣкѣ? Они еще облечены теперь туманомъ. За ними та долина, гдѣ покоится прахъ отца Токеа.

— И такъ пусть отправляется мой отецъ, сказалъ Эль Соль.

— Нѣтъ, сынъ мой, возразилъ старикъ.—Когда тѣло отца Токеа глубоко опустили въ землю, тогда великій пророкъ его народа произнесъ проклятіе на того, кто выставитъ его

Digitized by Google

кости на свѣтъ и заставитъ ихъ побѣлѣть отъ стыда. Свѣтило небесное никогда уже не должно видѣть ихъ; онѣ были преданы темной ночи, въ темную-же ночь онѣ должны быть извлечены изъ мрака. Токеа будетъ ждать пока блестящій шаръ не скроется за землею.

Тогда онъ сталъ говорить съ Оконіями, которые тотчасъ же ушли, но черезъ нѣсколько минутъ возвратились, неся на плечахъ древесную кору. Они сѣли съ старикомъ на землю и начали сшивать кору на подобіе маленькаго гроба, котораго наружныя и внутреннія стѣнки стали потомъ выкладывать мѣхомъ оленей, убитыхъ ими наканунѣ. Лучь удовольствія блеснулъ въ угасшихъ взорахъ старика, когда онъ увидѣлъ гробъ оконченнымъ. Къ обоимъ концамъ его онъ прикрѣпилъ широкій ремень.

— Въ корѣ твоихъ родныхъ лѣсовъ и въ одеждѣ тѣхъ самыхъ оленей, на которыхъ ты охотился, будешь ты покоиться, прахъ моего отца! произнесъ онъ.

Потомъ онъ легъ отдыхать. Когда наступила ночь, онъ всталъ, прикрѣпилъ гробъ къ груди своей и сдѣлалъ знакъ обоимъ Оконіямъ, чтобы они слѣдовали за нимъ.

Была полночь, когда три индѣйца достигли долины. До сихъ поръ плыла полная луна, прорѣзывая по временамъ прозрачную пелену легкихъ, серебристыхъ облаковъ, но теперь она опустилась за мрачную, свинцовосѣрую снѣговую тучу. Въ мертвомъ молчаніи подвигались индѣйцы впередъ, между безлиственными орѣховыми деревьями, вдоль берега рѣки. Легкая дрожь овладѣла бѣднымъ старикомъ, когда онъ такимъ образомъ прокрадывался сквозь хорошо-знакомые лѣса своей родины; онъ заглядывалъ вверхъ неподвижнымъ взоромъ, робко, боязливо, какъ будто надъ нимъ носились тѣни его предковъ. Онъ прислушивался, какъ будто различалъ ихъ голосъ. Чѣмъ далѣе онъ углублялся въ долину, тѣмъ болѣе ускорялись его шаги. Вдругъ отдаленный звукъ коснулся его слуха. Это былъ лай собакъ.

— Духъ моего отца! застоналъ онъ: — бѣлые близки къ твоей могилѣ.

Тогда онъ бѣгомъ понесся, полетѣлъ къ могильному холму. Вмѣсто холма взорамъ его представилось маисовое поле, об-

Digitized by Google

несенное грубосколоченною изгородью. Прелестный сумракъ пустыни исчезъ; стебли маиса, шелуха и пенька валялись кругомъ на землѣ. Деревья стояли безъ листьевъ и большею частію высохли; бѣлые стволы ихъ, лишенные коры, торчали передъ взорами содрагающегося индѣйца подобно великанамъ, облеченнымъ въ саваны.

— Духъ моего отца! вскричалъ онъ:—Духъ моего отца! стоналъ онъ въ невыразимой скорби.—Гдѣ твои кости, которыя составляли твою силу, и отъ которыхъ произошли кости Токеа?

Почва вокругъ деревьевъ, которыхъ голые сучья, при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца простираясь къ небу, какъ бы жаловались на это опустошеніе, была взрыта плугомъ. Старикъ безъ памяти упалъ на землю. Спутники его подбѣжали, чтобы поднять его.

— Прочь! прочь! бормоталъ онъ глухимъ голосомъ. — Прочь съ того мѣста, гдѣ погребенъ могущественный Мико! Токеа одинъ выроетъ его прахъ.

И онъ сталъ руками взрывать полузамерзшую землю. Кремни врѣзывались ему въ руки, кровь лилась по пальцамъ и изъ подъ ногтей, кожа клочками сваливалась съ рукъ; но какъ будто изъ боязни, чтобы кто нибудь не отнялъ у него его сокровища, поспѣшность его росла вмѣстѣ съ его ранами, и онъ копалъ до тѣхъ поръ, пока не взрылъ всей массы земли и не собралъ бренныхъ останковъ своего отца. Въ первый и единственный разъ во всю свою жизнь онъ громко рыдалъ и проливалъ горячія слезы. Потомъ онъ побѣжалъ къ могилѣ своей матери. Здѣсь плугъ проникъ глубже. Только нѣсколько дюймовъ земли покрывали еще ея кости. Онъ вырылъ ихъ и положилъ къ останкамъ своего отца. Луна полнымъ свѣтомъ обливала старца, когда онъ на мерзлой землѣ лежалъ передъ открытымъ гробомъ.

— Духъ моего отца! стоналъ онъ: — ты сказалъ правду. Копыта лошадей бѣлыхъ прошли по могильному твоему холму и сгладили его. Посмотри внизъ съ высоты твоей обители. Сынъ твой исполнилъ твое велѣніе. Онъ отнесетъ твои кости туда, гдѣ ничья дерзкая, святотатственная рука не коснется ихъ, туда, гдѣ будетъ покоиться его собственный

Digitized by Google

прахъ. Онъ погребетъ ихъ среди своего народа. Духъ моего отца, моли великаго Духа, дабы онъ милосердымъ окомъ взглянулъ на дѣтей своихъ, чтобы ты нѣкогда опять могъ радоваться ихъ дѣяніямъ. Сынъ твой подобенъ истлѣвшему дубу. Многія бури сломили его силу, сучья его раздроблены, духъ его изнываетъ.—Духъ моего отца! Когда ты увидишь ликъ великаго Духа, моли его за твоего сына, за его дѣтей!

Лай собакъ раздался снова.

— Я слышу голосъ предвѣстника враговъ моего народа. Прости, моя отчизна! Прости, родина! Простите, деревья, въ тѣни которыхъ Токеа такъ часто прохлаждался въ продолженіи лѣтняго зноя, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ долгой охоты! Прости, рѣка, гдѣ онъ такъ часто освѣжалъ усталые свои члены, гдѣ онъ впервые поднялъ весло! — Простите, холмы, на которыхъ отецъ впервые пріучалъ его слабыя руки натягивать лукъ.

Мѣсяцъ снова сталъ разливать серебристый свѣтъ изъ-за нѣжныхъ, прозрачныхъ облаковъ. Лай послышался въ третій разъ.

— Великій Духъ! молвилъ онъ: — ты свѣтлымъ окомъ смотрѣлъ на дѣянія ребенка; открой уши его братьевъ, чтобы они выслушали то, что онъ хочетъ сказать имъ теперь!

Потомъ онъ всталъ и, накинувъ на шею ремень, прикрѣпилъ гробъ къ груди своей и возвратился къ Куманчамъ. Обоимъ Оконіямъ, онъ сдѣлалъ знакъ рукою, и они тотчасъ же удалились по разнымъ направленіямъ.

— Духъ моего отца сказалъ правду, произнесъ старикъ, обратившись къ своему сыну.—Плугъ прошолъ надъ могильнымъ холмомъ, заключавшемъ въ себѣ его кости. Самый холмъ сглаженъ и исчезъ.

— Токеа поступилъ какъ благочестивый сынъ, какъ великій Мико, возразилъ молодой человѣкъ. — Но Куманчи, Павніи и Окони осиротѣли; путь, который предстоитъ Токеа и Эль Солю, длиненъ; бѣлой Розѣ будетъ страшно.

Онъ вдругъ замолчалъ. Старый начальникъ устремилъ на него испытующій взоръ и потомъ сказалъ:

— Красные воины знаютъ, что Токеа пошолъ исполнить

Digitized by Google

велѣніе великаго Духа. Но у сына моего лежитъ что-то на сердце; пусть онъ развяжетъ свой языкъ.

Эль Соль молчалъ, и они сѣли завтракать. Окончивъ свой завтракъ они пустились въ обратный путь. Но это была не та дорога, по которой они пришли; теперешній ихъ путь лежалъ болѣе на юговостокъ. Молодой начальникъ сталъ обнаруживать нѣкоторое нетерпѣніе. Молча, но съ свойственнымъ индѣйцамъ самоотверженіемъ, послѣдовалъ онъ за сѣдымъ начальникомъ въ мѣстность, совершенно отличную отъ той, по которой они шли до сихъ поръ. Растенія, деревья, почва, разсѣянныя плантаціи, попадавшіеся имъ на дорогѣ, даже заборы вокругъ садовъ и около домовъ представляли совершенно иной видъ. Вдоль этихъ заборовъ имъ часто попадались остовы животныхъ, незнакомыхъ мексиканцу; длинные, ужасные остовы, съ страшною пастію и зубами, которые все еще скалились на прохожаго, какъ будто хотѣли проглотить его. Наши путники были въ Алабамѣ, такъ изобилующей аллигаторами, гдѣ плантаторы обыкновенно въ видѣ трофей развѣшиваютъ этихъ животныхъ вдоль заборовъ, такъ какъ мы развѣшиваемъ на своихъ амбарахъ орловъ и другихъ хищныхъ птицъ для предостереженія этихъ курокрадовъ. Съ каждымъ часомъ шаги ихъ становились осторожнѣе. Они нетолько боязливо избѣгали жилища бѣлыхъ, но и всякой случайной встрѣчи съ ними. Полный опасностей путь ихъ велъ черезъ дремучіе лѣса, сквозь неприступныя чащи, черезъ непроходимыя болота; а между тѣмъ они подвигались впередъ такъ скоро и съ такою увѣренностію, которая какъ будто чуетъ опасность и инстинктивно умѣетъ избѣжать ее. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, они достигли обширной, глубокой долины, окружонной со всѣхъ сторонъ довольно высокими холмами, и расположенной въ самомъ скрытомъ уединеніи. Старикъ поставилъ свой гробъ на землю, сдѣлалъ знакъ своему сыну, чтобы онъ остался, и самъ оставилъ обоихъ своихъ спутниковъ.

Черезъ нѣсколько времени послышался пронзительный, долгій свистъ, такой рѣзкій и оглушительный, что сотни ночныхъ совъ разразились дикимъ, продолжительнымъ хохотомъ; потомъ наступило глубокое молчаніе. Опять раздался

*

Digitized by Google

свистъ, сопровождавшійся раздирающимъ сердце звукомъ, въ которомъ казалось не было ничего ни человѣческаго, ни животнаго, и снова наступила продолжительная тишина. Въ третій разъ раздался свистъ, еще рѣзче и пронзительнѣе чѣмъ прежде, и вслѣдъ за тѣмъ послышалось какъ будто шипѣніе, свистъ, смѣсь какихъ-то звуковъ и голосовъ, и все это такъ жалобно, съ такимъ завываніемъ, какъ вой волка, когда онъ мечется въ долгихъ, страшныхъ, предсмертныхъ мукахъ. Скоро послѣ того явился старикъ Мико, и молча сѣлъ возлѣ своего сына.

ГЛАВА XXXVIII.

Всѣ они отвѣчаютъ въ одинъ голосъ,
что все въ упадкѣ, что нужны деньги,
что нельзя всего, какъ хочется.
Гете.

Вдругъ стало свѣтло. Яркіе, дико пылающіе огни, пробиваясь сквозь кусты, озарили страшный мракъ лѣса. Съ разныхъ сторонъ, припрыгивая подбѣгали къ обоимъ начальникамъ множество фигуръ, преклоняли передъ ними голову, складывали руки на груди, и потомъ, не говоря ни слова, садились на землю обыкновеннымъ своимъ способомъ. Число ихъ простиралось до пятидесяти, но оно росло съ каждою минутою, такъ что ихъ наконецъ набралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Большая часть дикихъ пришельцевъ была закутана въ шерстяныя одѣяла, подъ которыми была у нихъ надѣта охотничья рубаха, вампумъ и небедренникъ. — Многіе изъ нихъ однако были уже одѣты отчасти по американски, хотя въ такой нестрой смѣси, что днемъ или при менѣе страшной обстановкѣ легко могли бы возбудить смѣхъ. Такимъ образомъ, на однихъ были панталоны, но безъ чулковъ и башмаковъ; у другихъ были шляпы, на тульѣ которыхъ въ широкій жестяной обручъ были вставлены свинцовыя картинки. У другихъ опять были сюртуки безъ ши-

Digitized by Google

талонъ, или жилетки, безъ всякой другой одежды кромѣ охотничьей рубахи и шерстянаго одѣяла. Только не многіе были вполнѣ одѣты по американски. Въ ихъ манерѣ, какъ они подходили къ обоимъ начальникамъ, было также нѣчто особенное. Казалось, они подходили съ отвращеніемъ; ихъ дикія черты лица, полуизсохшія отъ неумѣреннаго употребленія огненной водки, не выражали ни радости, ни участія, а скорѣе какую-то боязнь, какое-то невольное, полуокрытое содроганіе. Старикъ сидѣлъ съ поникшею головою, не перемѣняя прежняго своего положенія. Наконецъ, когда онъ поднялъ глаза, и взоры его пробѣжали по собравшейся толпѣ, дикари уставили на него глаза съ такимъ тупымъ выраженіемъ, какъ будто были проникнуты ужасомъ при видѣ своего бывшаго начальника. Тогда лице его болѣзненно омрачилось, и горькая, почти язвительная улыбка подернула его уста. Пожилой, совершенно по американски одѣтый мужчина, котораго цвѣтъ лица переливался въ мѣднокрасный, дерзко подошолъ къ старому начальнику, посмотрѣлъ на него съ ядовитою насмѣшкою и, воткнувъ въ землю свой сосновый факелъ, сѣлъ между передними въ полукружіи.

— Іосифъ Окони, пробормотали всѣ, послѣ чего опять наступило продолжительное молчаніе.

Всѣ дикари воткнули свои факелы въ землю и отблескъ огня, отражаясь багровымъ цвѣтомъ на ихъ звѣрскихъ лицахъ, придавалъ собранію какой-то особенный характеръ, который можно было бы назвать дико-живописнымъ, если бы лоскутья американской одежды не искажали его, придавая ему комическое выраженіе.

— Собрались ли мои братья, чтобы слышать голосъ того, чей глазъ давно уже не видѣлъ ихъ? спросилъ Мико.

— Собрались, сказалъ одинъ старый индѣецъ;—Мускоджи пришли издалека, чтобы услышать рѣчь великаго Мико; уши ихъ открыты и руки распростерты.

— Воины Мускоджіевъ зарыли свои томагоуки, запальчиво вскричалъ начальникъ Іосифъ. Они поклялись великимъ Духомъ, прибавилъ онъ сварливымъ, крикливымъ голосомъ.

Digitized by Google

Раздался ропотъ, который также точно могъ означать одобреніе, какъ и неудовольствіе.

— Обоняніе мое слышитъ дыханіе измѣнника, сына бѣлаго и обманутой скваваы, дочери начальника Мускоджіевъ, сказалъ Мико.

При этихъ словахъ снова раздался ропотъ негодованія.

— Дыханіе мое язвительно, отвѣчалъ *Halfblood* (*) Іосифъ, слышитъ присутствіе волка, изгнаннаго его собственнымъ стадомъ, потому что онъ привелъ его въ тенета охотниковъ. Іосифъ, прибавилъ онъ съ торжествующимъ видомъ, родился отъ крови красныхъ и бѣлыхъ родителей. Отецъ его былъ бѣлый, а мать была дочь сестры Мико Токеа. Но развѣ онъ, подобно Токеа, приставлялъ къ затылку красныхъ воиновъ длинный ножъ бѣлыхъ? Нѣтъ, онъ отстранялъ этотъ ножъ отъ ихъ груди. Онъ ходилъ съ ними на охоту; онъ поднималъ вмѣстѣ съ ними томагоукъ противъ Чероніевъ и Чоктавъ шести племенъ.

Онъ замолчалъ и испытующимъ взоромъ окинулъ сидѣвшихъ вокругъ.

— Если рѣчь моя нравится моимъ братьямъ, то я буду продолжать, но если они закрываютъ передъ нимъ свои уши, то и начальникъ Іосифъ съумѣетъ удержать свой языкъ.

Одинъ старый индѣецъ перебилъ его.

— Онъ какъ красная собака скрылся въ свою нору, когда Мускоджи подняли топоръ противъ бѣлыхъ. Онъ былъ лазутчикомъ бѣлыхъ.

— И принесъ миръ своимъ братьямъ, дерзко перебилъ его полукровный. Еслибъ не Іосифъ, гдѣ были бы теперь Мускоджи? Они были бы стерты съ лица земли.

— Лучше бы они пали на кровавомъ полѣ, сказалъ другой, чѣмъ быть проданными собственными своими братьями.

Мико скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ негодованіемъ, слушалъ эти различные взрывы неудовольствія, столь противные принятымъ при собраніи обычаямъ.

— Неужели глаза Токеа, произнесъ онъ наконецъ, дѣйствительно видятъ передъ собою Мускоджіевъ, тѣхъ вели-

(*) Полукровный, который происходитъ отъ бѣлой и индѣйца, или наоборотъ.

Digitized by Google

нихъ Мускоджіевъ, которыхъ величайшими начальниками были его отецъ и онъ самъ? Тѣхъ Мускоджіевъ, которые были еще страшны бѣлымъ, когда уже всѣ красныя племена по эту сторону безконечной рѣки исчезли, или вполовину были истреблены? Да! вскричалъ онъ съ болѣзненнымъ удареніемъ, это дѣйствительно Мускоджи, но не тѣ Мускоджи, которыми правили Мико, Шеіа и Токеа; это люди съ красными и красноватыми лицами, но въ одеждѣ бѣлыхъ. Выслушайте, красные люди, послѣднія слова Токеа, и не наполняйте его ушей бабьими ссорами. Воины Мускоджіевъ! тотъ, кого глаза ваши видятъ рядомъ съ Токеа,—Эль-Соль, великій начальникъ Куманчіевъ.

Нѣкоторые изъ дикарей тотчасъ же встали и подошли къ молодому мексиканцу; они стали привѣтствовать его, протягивая ему открытую ладонь правой руки. Остальные, ворча, не трогались съ своего мѣста.

— Мико Оконіевъ оторвался отъ своего народа, сказалъ полукровный. Онъ пошолъ въ соленую пустыню по ту сторону безконечной рѣки. Зачѣмъ его путь привелъ его опять сюда? Языкъ его подобенъ водѣ рѣки Окони, уже смѣшавшейся съ великими солеными водами: онъ горекъ, остръ и ядовитъ. Неужели братья мои хотятъ слушать его и принять ядъ его въ свое сердце?

Снова поднялся сильный ропотъ.

— Неужели братья мои хотятъ слушать его и покрыть облаками чело бѣлыхъ? кричалъ полукровный. Тотъ, кто разсѣвалъ ихъ трупы, какъ зерна маиса, живъ еще, и воины его съ нимъ. Онъ только на нѣсколько дней пути отъ вигвамовъ Мускоджіевъ.

— Го, го! раздалось въ рядахъ съ страшнымъ завываніемъ, между тѣмъ какъ другіе разразились громкимъ ропотомъ. Нѣкоторые одобряли, казалось, оратора, но глаза многихъ были обращены на Мико, который сидѣлъ равнодушно и повидимому въ совершенномъ спокойствіи.

— Сынъ бѣлаго сказалъ правду, началъ онъ наконецъ. Языкъ Токеа горекъ; онъ не сталъ проворнѣе съ тѣхъ поръ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, въ этой же самой долинѣ, говорилъ къ своимъ воинамъ. Онъ даже сталъ еще болѣе

Digitized by Google

горекъ, ибо глаза его видѣли, а уши слышали многое, что опечалило его душу. Глаза его видѣли, какъ народъ его позволялъ, подобно собакамъ, натравливать себя противъ красныхъ же людей, противъ братьевъ.

При этихъ словахъ онъ дунулъ въ сжатый кулакъ, открылъ его и выкинулъ впередъ.

— Глаза его видѣли, продолжалъ онъ, какъ красные воины поднимали томагоукъ противъ красныхъ своихъ братьевъ, потому что этого хотѣли коварные бѣлые, которые потомъ издѣвались надъ глупцами, какъ они другъ другу вонзали въ грудь ножи. Глаза его видѣли, какъ коварные братья тайно пробирались въ вигвамы бѣлыхъ, и получали отъ нихъ много долларовъ, нѣкоторые потомъ поили до пьяна красныхъ воиновъ и, когда они валялись въ грязи, шептали имъ въ уши, чтобы они продали землю отцовъ своихъ. Глаза его видѣли, какъ они продали его владѣнія бѣлымъ, въ то время, когда Мико воевалъ противъ Чоктавовъ шести племенъ, на которыхъ томагоукъ былъ поднятъ противъ его воли. Глаза его видѣли и доллары, которые онъ долженъ былъ получить за свои владѣнія, но онъ ихъ оттолкнулъ ногою. Уши его, продолжалъ онъ, слышали, какъ натравливали ослѣпленныхъ красныхъ воиновъ, чтобы они подняли свои томагоуки противъ бѣлыхъ, когда было уже слишкомъ поздно, и они такимъ образомъ попали въ западню. Ихъ разбили въ кровавыхъ сраженіяхъ, и пройдетъ много лѣтъ, пока красные воины могутъ осмѣлиться снова поднять свои томагоуки противъ притѣснителей. Но слушайте, красные воины Мускоджіевъ! продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ, бѣлые побѣдили красныхъ воиновъ своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и длинными ножами. Ихъ уже немного, но бѣлымъ хотѣлось бы, чтобы ихъ было еще меньше. Слушайте, красные воины! У бѣлыхъ есть много ядовъ. У нихъ есть огненная вода, которая медленно убиваетъ. У нихъ есть бѣлые лазутчики, которыхъ они посылаютъ къ краснымъ воинамъ, и которые больше нравятся вашимъ сквавамъ и дочерямъ, потому что кожа у нихъ нѣжнѣе; но у нихъ есть предательскіе языки и между красными людьми. Эти предательскіе языки сдѣлались начальниками. Они взяли себѣ тѣ доллары, которые

Digitized by Google

Мико оттолкнулъ ногою. Они ходятъ на охоту съ моимъ народомъ; они живутъ на его землѣ, говорятъ его языкомъ. Но они говорятъ двойнымъ языкомъ, потому что въ нихъ течетъ двойная кровь. Знаютъ ли мои братья этихъ людей?

При этихъ словахъ онъ вперилъ пронзительный взглядъ на начальника Іосифа. Послѣдній кипѣлъ неукротимымъ бѣшенствомъ, и только приближонные могли его удержать отъ взрыва.

— Воины Мускоджіевъ! кричалъ онъ визгливымъ голосомъ, вскочивъ съ своего мѣста. Я ничего больше не скажу вамъ, какъ только то, что великій воинъ бѣлыхъ живъ еще, и что бѣглый, изгнанный Токеа шепчетъ вамъ въ уши. Послушайте его только, и слова его заведутъ васъ туда, куда самъ онъ изгнанъ: въ соленыя пустыни.

Мико сидѣлъ съ опущенною на грудь головою. Но при послѣднихъ словахъ онъ поднялъ ее къ верху и устремилъ на полукровнаго сострадательно-презрительный взглядъ.

— Развѣ Токеа поднялъ бранный крикъ? спросилъ онъ. Развѣ онъ шепталъ въ уши своимъ братьямъ, чтобы они подняли бранный крикъ? Красные воины знаютъ, чего хотѣлъ Токеа. Они закрыли свои уши и не хотѣли слышать его голоса. Душа Токеа исполнилась печали, когда уши услышали объ этомъ. Онъ былъ далеко отъ нихъ. Но онъ сковалъ новую цѣпь, которая будетъ блестѣть и для нихъ: великій начальникъ Куманчіевъ приметъ ихъ, какъ своихъ братьевъ, какъ своихъ сыновей. Токеа пришолъ, чтобы еще разъ увидѣть свой народъ. Онъ прошолъ чрезъ вигвамы бѣлыхъ. Они дрожатъ передъ воинами великаго отца обѣихъ Канадъ, которые во множествѣ, какъ деревья въ лѣсу, приплыли въ большихъ каноэ, съ ревущими огненными жерлами.

Дикіе вдругъ замолчали, устремивъ испытующіе взоры на стараго начальника. Глаза ихъ дико вращались, а глухой шопотъ, раздававшійся въ ихъ рядахъ, доказывалъ, что старикъ затронулъ струну, которая сильно зазвучала въ душѣ ихъ.

— Что велитъ намъ сдѣлать великій Мико?

— Мико пришолъ по пути мира, уклончиво отвѣчалъ послѣдній. Его вѣрные воины далеко отсюда. Красные братья

Digitized by Google

его уже многіе годы не слышали его голоса. Они выбрали себѣ другихъ начальниковъ и должны повиноваться имъ.

При этихъ словахъ онъ испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ на индѣйцевъ и сталъ прислушиваться къ ропоту, возникшему съ разныхъ сторонъ.

— Глаза его уже не видятъ Мускоджіевъ, продолжалъ онъ. Они видятъ переряженныхъ красныхъ людей, которые навѣшиваютъ на себя выброшенные лоскутья бѣлыхъ, которые стыдятся вампума отцевъ своихъ и надъ которыми издѣваются бѣлые. Сердце его говоритъ ему, что подъ узкою одеждою бѣлыхъ бьются и лживыя сердца бѣлыхъ, и что слова его передаются въ уши его враговъ и ихъ враговъ. Мико покинулъ свой народъ, когда ядовитый зубъ вонзился въ ихъ внутренности; ядъ распространился, и онъ теперь ничего не видитъ, кромѣ гноящихся ранъ. Онъ видитъ начальниковъ, одѣтыхъ въ платья бѣлыхъ, и воиновъ въ одеждѣ Мускоджіевъ и брошенныхъ лоскутьяхъ бѣлыхъ; душа его погружена въ печаль.

— Мико Оконіевъ мудрый начальникъ, сказалъ одинъ изъ самыхъ старыхъ индѣйцевъ. Въ немъ течетъ кровь многихъ Мико. Воины Мускоджіевъ хотятъ выслушать его рѣчь. Они пришли изъ далека, за много солнцевъ, чтобы избѣжать зорнаго глаза бѣлыхъ. Неужели они пришли напрасно?

— Мускоджи мудры, сказалъ Мико съ ироническимъ удареніемъ и съ горькою, насмѣшливою улыбкою. Они обманули лазутчиковъ бѣлыхъ, но своихъ собственныхъ лазутчиковъ привели съ собою. Только глупецъ говоритъ два раза, продолжалъ онъ; Мико пришолъ, чтобы навсегда проститься съ своимъ народомъ.

— Въ такомъ случаѣ Мико напрасно предпринялъ такой дальній путь, замѣтилъ другой, болѣе молодой индѣецъ. Мускоджи хотятъ покоя, а Мико никогда не дастъ покоя.

— Да, отвѣчалъ старикъ, братъ мой сказалъ правду; Мико безпокоенъ, какъ свободный, дикій буйволъ, который видитъ, что охотники загнали его стадо въ загороду. Бѣлые оставляютъ теперь въ покоѣ красныхъ людей, потому что стѣснены воинами великаго отца обѣихъ Канадъ. Но когда удалятся красные мундиры, тогда пусть бѣдные Мускоджи

Digitized by Google

считаютъ, сколько годовъ имъ останется жить въ своей странѣ. Немного они насчитаютъ этихъ лѣтъ. Воины Мускодженъ! Вы не хотѣли слушать голосъ вашего великаго и старшаго начальника. Вы изгнали его кровь. Вы взмутили ручей въ самомъ его источникѣ, смѣшали кровь вашихъ начальниковъ съ нечистою тиною огненной воды бѣлыхъ. Никогда уже она не очистится. Начальники ваши наполняютъ свои мѣшки долларами. Они торгуютъ черными людьми и покупаютъ ихъ, чтобы они обрабатывали ихъ поля. Мускодженъ! Мико говорилъ съ духомъ своего отца.

При этихъ словахъ всѣ насторожили уши.

— Духъ не хочетъ, чтобы кости его оставались среди вырождающагося народа, среди народа предавшаго кровь его.

— Го! го! снова раздалось съ страшнымъ воемъ.

— Мико исполнилъ велѣніе своего отца, продолжалъ старикъ. Онъ пришолъ, чтобы зарыть его прахъ въ свободной странѣ великихъ Куманчіевъ.

При этихъ словахъ онъ снялъ крышку съ гроба, вокругъ котораго съ страшнымъ воемъ стали тѣсниться дикіе.

— Мико великій, знаменитый начальникъ, началъ одинъ изъ старыхъ индѣйцевъ. Великій Шеіа прошепталъ ему, чтобы онъ взялъ у Мускодженъ его кости?

— Да, отвѣчалъ Мико.

— Го! го! раздалось опять изъ глубины груди всѣхъ дикихъ, которые съ глухимъ воемъ и въ страшномъ смятеніи стали бѣгать взадъ и впередъ.

— Мико пришолъ, сказалъ старикъ, чтобъ исполнить повелѣніе отца своего. Красные воины уже не могутъ удержать его. Но они могутъ придти въ прекрасныя равнины Куманчіевъ. Токеа и его сынъ, великій Эль-Соль, протянутъ имъ свои руки.

Сказавъ это, онъ поднялся съ своего мѣста и оставилъ собравшуюся толпу, не удостоивъ ее даже взглядомъ. Неистовый вой еще нѣкоторое время раздавался ему въ слѣдъ и потомъ мало по малу потерялся въ ущеліяхъ горъ. Оба начальника, съ своими Оконіями, которые между тѣмъ опять присоединились къ нимъ, направились по дорогѣ къ Миссисипи.

Digitized by Google

Что́ было настоящимъ поводомъ этой странной сходки, рѣшить трудно. Въ натурѣ стараго начальника преобладала въ особенности та непостижимая двойственность, которою вообще обладаетъ всякій индѣецъ въ такой высокой степени, что онъ иногда въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ можетъ самыя важныя предпріятія покрывать непроницаемою завѣсою. И если, какъ онъ говоритъ, повелѣніе его отца, или лучше сказать, его сонъ побудилъ его къ этому дальнему путешествію, то намъ не менѣе вѣроятнымъ кажется и то, что онъ съ этимъ путешествіемъ соединилъ впослѣдствіи еще и другую цѣль, именно въ то время, когда онъ около *Байю* ближе ознакомился съ мнимымъ критическимъ положеніемъ своихъ враговъ. Была ли это послѣдняя попытка склонить свой народъ къ возстанію противъ враговъ, или онъ котѣлъ только вывѣдать его, чтобы быть готовымъ на всякій случай, объ этомъ не упоминается ни въ преданіи, ни въ историческихъ документахъ. Но состояніе, въ какомъ онъ нашолъ свой народъ, заставило его навсегда отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ. Политика центральнаго правленія (или лучше сказать, постепенное приближеніе американцевъ) придумала въ продолженіи многолѣтняго его изгнанія одно изъ тѣхъ средствъ, которыми вѣрнѣе и скорѣе всего можно денаціонализировать и обуздать какъ дикіе народы, такъ и цивилизованные, но находящіеся еще въ состояніи политическаго дѣтства, именно браки между красными и бѣлыми, посредствомъ которыхъ вліяніе самыхъ главныхъ начальниковъ постепенно переходило къ такъ называемымъ *полукровнымъ*, которые, сочувствуя болѣе интересамъ американцевъ, умѣли вовлечь въ нихъ и остальной народъ. Это удалось тѣмъ легче, что значительныя суммы, выплачиваемыя индѣйцамъ за ихъ земли, подстрекнули многихъ молодыхъ искателей приключеній забыть красныя дѣвъ дочерей начальниковъ, и втереться такимъ образомъ во владѣніе, которое было тѣмъ привлекательнѣе, что такою женитьбою они пріобрѣтали значительное вліяніе между дикими. Вслѣдствіе одной такой женитьбы, какъ намъ извѣстно, и Мико лишился своихъ владѣній и вліянія. Очень естественно, что чѣмъ чаще американцы слѣдовали этой поли-

Digitized by Google

тинѣ, тѣмъ шире становилась пропасть между нимъ и его народомъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ попытка эта, какъ и вся жизнь этого историческаго человѣка, достопримѣчательны и представляютъ, можетъ быть, болѣе интереса, чѣмъ даже знаменитыя кровопролитныя войны какого нибудь Филиппа, Логана, Текумзе и всѣхъ тѣхъ славныхъ воиновъ, которыхъ исполинскія души въ продолженіи болѣе столѣтія оспаривали у своихъ бѣлыхъ враговъ владѣніе этою страною.

Оба начальника, говоритъ преданіе, направились опять къ *Бейю*, съ такою поспѣшностію, какую только допускало изнеможеніе старика. Но уже на слѣдующее утро они, съ нѣкорымъ безпокойствомъ, замѣтили свѣжіе слѣды Макассиновъ. Чѣмъ далѣе они подвигались впередъ, тѣмъ болѣе они убѣждались, что нѣсколько Мускоджіевъ передъ ними отправились по той же дорогѣ. Мико, казалось, менѣе безпокоился, но молодой начальникъ все болѣе и болѣе становился озабоченнымъ. Онъ однако молчалъ съ привычнымъ самоотверженіемъ. Но когда они на шестой день послѣ *талько* или сходки расположились для ночлега на томъ же самомъ мѣстѣ, которое за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ было занято лазутчиками, Эль Соль не могъ долѣе удержать свой языкъ.

— Мико, сказалъ онъ, — поступилъ какъ благочестивый сынъ, когда исполнялъ велѣніе отца своего; но не какъ умный начальникъ поступилъ онъ, когда говорилъ своему народу. Онъ повиновался кипящему пылу, который гложетъ его сердце. Мико не слѣдовало бы это дѣлать, если онъ намѣренъ идти къ бѣлымъ.

— Когда красные воины отказались выслушать голосъ Мико, развѣ они оттого менѣе сдѣлались дѣтьми его? спросилъ старикъ.

— А развѣ Токеа говорилъ Мускоджіямъ голосомъ отца? спросилъ Эль Соль многозначительно.

Мико молчалъ.

— Эль Соль — начальникъ, продолжалъ молодой Команчи; — сердце его все еще не забыло той раны, какую нанесли ему бѣлые убійствомъ его отца; но онъ отецъ многихъ дѣтей. Еслибы онъ одинъ могъ отмстить за злодѣяніе бѣлыхъ, онъ бы это исполнилъ: но это стоило бы крови его

Digitized by Google

братьевъ. Поэтому онъ предоставляетъ месть Вакондѣ и живетъ для своего народа. Мико долженъ поступать такъ же. Если бѣлые узнаютъ, продолжалъ онъ, указывая на слѣды, оставленные индѣйцами, — что Мико шепталъ на ушко своему народу, чело ихъ омрачится; можетъ быть даже, прибавилъ онъ, опустивъ взоръ къ землѣ, — они удержатъ залогъ, который оставилъ имъ Мико.

Послѣднія слова онъ произнесъ тихо, почти со страхомъ.

— Бѣлая Роза—дочь Мико. Онъ платилъ за нее бобровыми и медвѣжьими мѣхами. Онъ не оставилъ бы ее бѣлымъ, если бы они предлагали многія тысячи долларовъ.

Сердце молодого начальника забилось.

— Сынъ мой долженъ развязать свой языкъ, продолжалъ старикъ.—Онъ знаетъ, что отецъ его очень любитъ.

— Вакондa, произнесъ Куманчи едва слышнымъ голосомъ,—взялъ къ себѣ дочь Мико...

Онъ замолчалъ, щеки его пылали, и онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Роза—дочь Мико, вскричалъ старикъ.—Эль Соль вторично будетъ сыномъ Токеа.

— Отецъ мой! было все, что могъ произнесть молодой человѣкъ. Онъ бросился къ старику на грудь, и страшное волненіе, съ какимъ онъ вскочилъ и почти насильно увлекъ за собою старика, обнаружило невыразимую любовь, овладѣвшую молодымъ индѣйцемъ.

Быстро и нигдѣ не останавливаясь, они спѣшили къ *Байю*, куда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, они прибыли безъ особенныхъ приключеній.

— Видитъ ли мой отецъ? вскричалъ Эль Соль, когда они стояли на высотѣ *блоффовъ*, устремляя взоры на рѣку и на великолѣпную долину.—Токеа не могъ не уступить въ своей борьбѣ. Да поможетъ ему только великій Духъ, уйти теперь счастливо отъ враговъ.

Они стояли нѣсколько времени, какъ будто приросли къ землѣ, а потомъ тихо и мрачно направились къ долинѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXIX.

> Вотъ идетъ британецъ. Пусть пріемъ ему будетъ таковъ, какой подобаетъ отъ человѣка вашего образованія въ отношеніи къ чужеземцу его сословія.
>
> *Шекспиръ.*

Зрѣлище, представившееся дикарямъ было великолѣпно, хотя и поразительно для нихъ. Природа, въ первые весенніе мѣсяцы уже красовалась во всемъ пышномъ великолѣпіи, которое въ болѣе сѣверныхъ странахъ является только нѣсколькими мѣсяцами позже. Изъ свѣтло—и темнозеленыхъ древесныхъ группъ, выглядывали безчисленныя плантаціи и домики по обѣимъ сторонамъ далекаго берега Все цвѣло и зеленѣло, а въ синей дали колыхались лѣса западнаго берега, охранявшіе плантаціи подобно громадному, вѣчно зеленому валу. Но самое великолѣпное зрѣлище представляла величественная рѣка, опоясанная великолѣпными домиками и текущая такъ побѣдоносно, точно ей поднесли титулъ всемірной властительницы; на ея волнахъ качались сотни большихъ и малыхъ лодокъ, приплывшихъ изъ за тысячи миль, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ прибытія милиціи. Именно вскорѣ послѣ вѣсти о побѣдѣ, пришла не менѣе радостная вѣсть о заключеніи мира, такъ что та важная побѣда, которая была одержана, случилась уже долго спустя послѣ заключенія мира.

Бо́льшая часть защитниковъ отечества уже возвратилась домой; остальные-же плыли теперь на пароходѣ по рѣкѣ и еще издали до ихъ слуха долетѣло громкое ура товарищей, вышедшихъ встрѣчать своихъ согражданъ въ полномъ вооруженіи. Всѣ обмундировались на свой собственный счетъ и твердая увѣренная маршировка, свобода съ которой они держались, ни мало не напоминала той безпомощности, которую мы прежде часто имѣли случай замѣтить. Когда подошолъ пароходъ, его привѣтствовали тысячи голосовъ. Милиціонеры становились въ ряды, въ томъ порядкѣ какъ высадились, за ними слѣдовали дамы въ сопровожденіи офице-

Digitized by Google

ровъ. Между послѣдними была и жена полковника съ дочерьми и Розой; за нею шолъ полковникъ съ сыномъ и майоромъ Копленодомъ. Когда прошли офицеры, выступила депутація отъ вновь прибывшей милиціи и одинъ изъ ея представителей сталъ держать рѣчь, въ которой, отъ имени всѣхъ согражданъ, благодарилъ офицеровъ за дѣятельность, умъ и заботливость, выказанные въ эту критическую эпоху и заявлялъ, что сограждане находятъ ихъ вполнѣ достойными возложеннаго на нихъ довѣрія.

Полковникъ отвѣчалъ на эту рѣчь тономъ глубокаго достоинства, благодарилъ согражданъ отъ имени всѣхъ офицеровъ за довѣріе, просилъ ихъ не лишить его и его товарищей этого довѣрія и уваженія и теперь, когда они возвратились къ домашнему очагу и гражданской жизни.

Это была краткая, не пышная, но исполненная достоинства сцена. Уваженіе и согласіе между временными начальниками и подчиненными, возвратившимися снова къ прежнему гражданскому равенству, выразилось такъ несомнѣнно и мужественно сильно, что еще долго послѣ сказанныхъ словъ царствовала глубокая тишина. Наконецъ, болѣе чѣмъ тысяча голосовъ воскликнуло: майора Копленда!

Майоръ, молча стоявшій подлѣ дамъ и, между нами сказать, не мало таки напоминавшій слона, зашитаго въ кожанный мѣшокъ, въ своемъ блестящемъ мундирѣ и треугольной шляпѣ съ перомъ, выступилъ впередъ.

«Сограждане! началъ онъ, хотя мой батальонъ теперь уже дома и вѣроятно наслаждается домашнимъ спокойствіемъ, но такъ какъ вы дѣлаете мнѣ честь, желая еще разъ выслушать мое мнѣніе, то я скажу вамъ: мы исполнили свой долгъ и обязаность, какъ офицеры; но вы сдѣлали еще болѣе. Потому, да будетъ вамъ честь и слава отъ дѣтей и внуковъ. Честь и слава! воскликнулъ растроганный майоръ, снимая и подбрасывая вверхъ свою треугольную шляпу. И еслибы пришлось послѣднему изъ васъ нуждаться въ помощи и защитѣ, пусть придетъ къ старому сквайру Копленду, потому что майора мы теперь уже повѣсимъ пока на гвоздикъ.»

— Ура! майоръ Копленду! раздалось еще разъ съ тиной

Digitized by Google

силой, что заглушены были пушечные выстрѣлы и трубы съ парохода.

Однако нашъ майоръ, съумѣвшій не только пріобрѣсть, но и удержать за собою популярность, не растерялся отъ всего этого, а подошолъ, пожалъ каждому руку, сказалъ нѣсколько словъ и прошолъ по рядамъ, называя каждаго по имени.

— Ба! вдругъ вскричалъ онъ, дойдя до послѣдняго на флангѣ и оглянувъ своимъ соколинымъ взглядомъ стоящую поодаль группу англійскихъ офицеровъ, которые не безъ удивленія присутствовали при этомъ исполненномъ достоинства зрѣлищѣ. «Ба, дѣти! глаза мои видятъ здѣсь стараго знакомаго! — И онъ зашагалъ къ группѣ британцевъ, забывая о злобныхъ штукахъ, которыя могла съиграть съ нимъ его третья нога, т. е. шпага.

— Джентльмены! сказалъ онъ смѣясь, очень радъ васъ здѣсь видѣть! Милости просимъ, будьте нашими гостями! только между вами есть одинъ молодецъ, съ которымъ я желалъ-бы еще на нѣсколько минутъ продолжить знакомство. Милѣйшій юноша, не желаешь-ли ты отправиться со мной въ Опелюзасъ? Сегодня, мы съ тобой будемъ гостями у полковника Паркера. Однако берегись, тамъ есть орудія, наносящія болѣе вреда, чѣмъ пули и картечи!

Эта рѣчь относилась къ Джемсу Годжесу, который быстро схватилъ руку майора и отъ души пожалъ ее.

— Съ большимъ удовольствіемъ, майоръ! отвѣчалъ удивленный юноша.

Офицеры окружили майора, чтобы выразить ему свое уваженіе. Онъ пожалъ имъ всѣмъ руки и сказалъ съ свойственной ему тонкой улыбкой!

— Джентльмены, вы исполнили свой долгъ.—А вы, майоръ, вскричали офицеры, исполнили болѣе чѣмъ свой долгъ.

— А, ба! отвѣчалъ онъ. Нужно-же какъ нибудь выжить незванныхъ гостей. А, знаете ли что, джентльмены? раньше недѣли вы не уѣдете отсюда. Кто желаетъ пріѣхать денька на два, поохотиться на медвѣдя на плантаціи стараго сквайра Копленда? Я буду душевно радъ.

— Майоръ! вскричали всѣ, приглашеніе такъ заманчиво, что никто не откажется.

Digitized by Google

— Ну, милости прошу всѣхъ; всѣмъ достанетъ мѣста на моей плантаціи, къ тому же здѣсь въ городской ратушѣ тѣсновато, какъ извѣстно вотъ этому юношѣ. Вы вѣдь также будете, полковникъ Веддингъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ; отвѣчалъ баронетъ. —Завтра или можетъ быть и сегодня пріѣдетъ генералъ ан-шефъ, а послѣ завтра, мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ. Ну, а этого молодца, извините, я уведу у васъ сегодня-же.

Съ этими словами, онъ распростился съ очарованными предстоящей медвѣжьей охотой британцами.

— Послушайте, майоръ Коплендъ, вскричалъ Джемсъ Годжесъ, какъ попали эти гуси въ такое благоустроенное общество?

Онъ указывалъ на людей, которые тянулись позади дамъ къ городу, по берегу *Байю*.

— О комъ ты говоришь? спросилъ майоръ.

— Клянусь честью, это морскіе разбойники! — Ну! сказалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ майоръ, ты опять съ ума сходишь! и онъ потащилъ его къ дамамъ, не давая ему времени бросить вторичнаго взгляда на идущихъ.

— Мистрисъ Паркеръ! позвольте мнѣ представить вамъ одного юношу, самаго браваго изъ всѣхъ, которыхъ вамъ случалось видѣть, увѣряю васъ; въ одномъ мизинцѣ у него столько чистой крови, сколько не будетъ въ лучшей лошади. Вотъ, мой ангелочокъ, обратился онъ къ Розѣ, вы вѣдь съ нимъ старые знакомые.

— Мистеръ Годжесъ, сказала она слегка краснѣя, давно уже мы не видались.

— Миссъ Роза! вскричалъ поражонный юноша.

— Да, скоро кажется придется тебѣ называть ее ужъ не миссъ Розой. Ей нашли какое-то другое имя тамъ, гдѣ-то въ мексиканскихъ земляхъ и—ну, да ты пойдешь съ нами и останешься у меня подъ арестомъ, такъ какъ мистрисъ Паркеръ не въ состояніи устоять противъ моей навязчивости... Здѣсь ужъ слыхали о твоихъ геройскихъ подвигахъ, какъ это было дѣло съ мистрисъ Блунтъ?

— Однако, сквайръ, сказала Виргинія, вы отъявленный варваръ.

Digitized by Google

Юноша покраснѣлъ до ушей.

— Нѣтъ, майоръ Коплендъ, сказала полковница, вы не должны такъ шутить съ нашимъ гостемъ, иначе ему опротивѣетъ нашъ домъ прежде чѣмъ онъ успѣетъ дойти до порога.

— Онъ не такой недотрога, увѣряю васъ, и уже доказалъ это. Вѣдь сдержалъ-же онъ какъ честный человѣкъ слово, данное индѣйцу и спасъ жизнь вашему Помпею, какъ храбрый, славный юноша. Послѣ завтра, онъ поѣдетъ ко мнѣ и Роза также — вѣдь ты пріѣдешь, если за тобой заѣдетъ мистрисъ Коплендъ?

— Вотъ чудеса-то ты увидишь, милая Роза, сказала Виргинія. Эти добрые люди въ Опелюзасѣ очень милые простяки со своимъ корнгускингомъ и гопсесою.

— Ну, моя мучительница опять меня преслѣдуетъ, сказалъ майоръ; но у меня есть средство умирить ее.

— Ну, я согласна на миръ, отвѣчала Виргинія.

— Чтобы нарушить его черезъ четверть часа?

— Такъ ужъ всегда бываетъ на свѣтѣ, отвѣчала миссъ, съ комическимъ вздохомъ.

Такъ шутя и смѣясь, дошли до дома полковника, гдѣ хозяинъ встрѣтилъ Годжеса словами:

— Вы здѣсь у себя дома, любезный мистеръ Годжесъ, и чѣмъ больше мы будемъ пользоваться вашимъ обществомъ, тѣмъ пріятнѣе это намъ будетъ. Другъ вашъ покажетъ вамъ примѣръ того, какъ здѣсь нужно избѣгать всякихъ церемоній.

— О, съ удовольствіемъ! вскричалъ майоръ. А для начала, пойду сниму этотъ проклятый камзолъ съ золотомъ и шнурами и избавлюсь отъ шляпы, которую безпрестанно рискуешь надѣть задомъ напередъ. Представь себѣ, душа моя, они засадили меня въ такой узкій мѣшокъ, что я долженъ былъ испускать тысячу тяжкихъ вздоховъ въ секунду. Да и дрянь эта стоила мнѣ триста долларовъ; на эти деньги можно-бы поставить на ноги какого нибудь честнаго малаго и доставить ему клочокъ земли; но они не хотѣли ничего слышать. Хорошо-же, когда пріѣду домой, непремѣнно пока-

Digitized by Google

жусь такъ своимъ тридцати неграмъ; вотъ-то вытаращатъ глаза. И такъ, по волѣ Божіей, ты таки поживешь у насъ.

— А пароходъ? сказалъ британецъ.

— Обойдется и безъ тебя. Твоя карьера уже и безъ того недурна. По моему, лучше-бы тебѣ отложить въ сторону свою военную жизнь.

— Посмотримъ; сказалъ улыбаясь британецъ.

— Ну, сударыня, поручаю вамъ этого мальчика, чтобы часа на два, передъ баломъ, броситься въ объятія менѣе воинственнаго гардероба.

— Мистеръ Годжесъ, сказалъ полковникъ, вы пріобрѣли расположеніе майора какимъ нибудь особенно достойнымъ уваженія образомъ.

— Какъ не лестно мнѣ это, полковникъ, но право не знаю чѣмъ и объяснить это пріобрѣтеніе.

— Оно дѣлаетъ вамъ честь. Вы узнаете одного изъ достойнѣйшихъ людей, который безконечно много сдѣлалъ для своей страны.

— Однако, мистеръ Годжесъ, сказала полковница, вамъ также не мѣшаетъ приготовиться къ нашему балу. Такъ какъ вы взяты не съ оружіемъ въ рукахъ, то мы и поступимъ съ вами какъ съ своимъ. Мой сынъ, лейтенантъ Паркеръ, совершенно вашего роста и вы съ нимъ устроите все что нужно.

Въ эту минуту вошолъ лейтенантъ. Онъ дружески поздоровался съ британцемъ и молодые люди очевидно понравились другъ другу. Быстрый поворотъ счастливой звѣзды, сдѣлавшій его изъ человѣка служившаго цѣлью насмѣшкамъ, предметомъ участія въ семействѣ, богатству котораго онъ не могъ не удивляться, снова привелъ молодого человѣка въ веселое и ясное настроеніе. Сквайръ Коплендъ, вошедшій въ комнату въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, тотчасъ замѣтилъ это.

— Не правда-ли, дружище! здѣсь хорошо живется? Когда поближе познакомишься съ нами, такъ увидишь что и мы умѣемъ жить не хуже вашихъ герцоговъ и маркизовъ. У васъ господствуютъ всего тысячи двѣ семействъ, а у насъ милліонъ. Мы всѣ, подобно нашимъ предкамъ норманнамъ,

Digitized by Google

завоевали старую Англію, съ той только разницей, что вы выгоняете побѣжденныхъ обработывать ваши поля и сдѣлали ихъ почти рабами, а мы умѣемъ поддержать при случаѣ мечомъ свои завоеванія, сдѣланныя посредствомъ плуга. Не говорилъ-ли я тебѣ, что мы побьемъ васъ? Радуйся, что тебя при этомъ не было. Посмотрѣлъ-бы ты нашихъ! Нѣтъ, даже у меня кровь холодѣла въ жилахъ. Точно стѣны стояли они, когда напали ваши, и толковали точно объ оленяхъ: Томъ, я потрафлю прямо въ носъ этому крайнему; Джонъ, а я попаду въ правый глазъ тому, что стоитъ рядомъ; а я въ лѣвый его сосѣду; и такъ говорилось во всѣхъ рядахъ и они дѣлали что говорили; отъ каждаго выстрѣла падалъ человѣкъ, а они хладнокровно брали другое ружье и продолжали свое дѣло. При первомъ нападеніи, у васъ погибло тысячу человѣкъ и командиръ съ ними. Тогда бѣдняки побѣжали, точно стадо овецъ безъ пастуха. Наши не сдѣлали-бы этого, еслибъ и десять генераловъ погибло. При второмъ нападеніи, подъ начальствомъ какого нибудь Ричарда, Петра или Павла — жаль мнѣ было бѣдняжекъ, — человѣкъ пятьсотъ осталось на мѣстѣ и командиръ также. Оставался еще одинъ генералъ лейтенатъ и тотъ пришолъ получить свою долю; собралъ бѣглецовъ и остался на мѣстѣ еще съ пятью стами; тогда, разумѣется, ваши ужъ побѣжали такъ, словно у нихъ земля горѣла подъ ногами и возвращаться не думали. Всѣ генералы и оберъ-офицеры легли на мѣстѣ, но исполнили свой долгъ. Видишь-ли, побѣдителями остались мы и хотя нашему генералу принадлежитъ честь побѣды, мы ничего не подарили ему. У васъ ему поднесли бы подарокъ на счотъ націи и возвели бы его въ полу-бога; мы-же, тотчасъ по заключеніи мира, сдѣлали ему процессъ, чтобы наказать его за нарушеніе конституціи.

А какъ ты думаешь, чѣмъ это кончилось? Онъ отдѣлался денежной пѣней въ двѣ тысячи долларовъ. Это предостереженіе нашимъ временнымъ начальникамъ, чтобъ они не злоупотребляли властью, для своей пользы.

Фактъ разсказанный сквайромъ дѣйствительно совершился какъ извѣстно читателямъ. Знаменитый побѣдитель присужденъ былъ къ денежной пенѣ за нарушеніе Habeas cor-

Digitized by Google

pus acte во время своего начальствованія, и даже охотно покорился этому наказанію.

Молодой британецъ не безъ удивленія выслушалъ послѣднюю часть разсказа сквайра, такая необыкновенная настойчивость въ приговорѣ при подобныхъ обстоятельствахъ была для него новымъ явленіемъ.

— Ну майоръ, сказалъ онъ смѣясь, если вы такъ обходитесь съ своими великими людьми, то у васъ лучше ужъ быть маленькимъ.

— Нѣтъ, милый юноша, возразилъ сквайръ; мы столько же уважаемъ своихъ великихъ людей какъ и вы, если еще не больше; но у насъ самый маленькій имѣетъ возможность сдѣлаться великимъ. Вотъ генералъ былъ такимъ-же бѣднякомъ какъ я; но понимаешь-ли, у насъ есть люди, какъ и въ старомъ свѣтѣ, которые не прочь осѣдлать своихъ согражданъ. Спусти имъ это одинъ разъ, они попробуютъ и во второй.

— Бьюсь объ закладъ, майоръ, сказалъ британецъ, что съ вами не случилось бы ничего подобнаго. Вы, я вижу, держите таки въ рукахъ добрыхъ людей Опелюзаса.

— Напрасно ты такъ думаешь! отвѣчалъ сквайръ. Увѣряю тебя, что первый ошибочный шагъ въ какомъ нибудь щекотливомъ пунктѣ, напримѣръ склонность къ федерализму, тотчасъ лишилъ-бы меня всего кредита. У насъ притворство невозможно, мой милый, но открытое, чистое, горячее для общественнаго блага сердце дѣлаетъ многое. Вотъ я три года въ Опелюзасѣ. Въ это время, я поселилъ около пятидесяти способныхъ молодыхъ гражданъ, доставилъ имъ домъ и землю и все наилегчайшимъ образомъ. Когда я поселился здѣсь, то купилъ пятнадцать тысячъ акровъ хорошей земли. Когда я встрѣчалъ нуждающагося молодца, то не спрашивалъ сколько у него денегъ, а взглядывалъ ему въ лицо и если онъ казался честнымъ, давалъ ему двѣ или три сотни акровъ и столько-же долларовъ и такимъ образомъ мы оба оставались въ выигрышѣ. Теперь всѣ пятьдесятъ поженились, сдѣлались хорошими гражданами, богатѣютъ сами и страна съ ними. Видишь, какимъ путемъ я пріобрѣлъ здѣсь вліяніе?

Digitized by Google

Юноша отъ души пожалъ руку честному человѣку, который прямо безъискуственно каждый часъ дѣлалъ какое нибудь истинно полезное дѣло. Словоохотливый сквайръ все время крѣпко держалъ его за пуговицу и они, сами того незамѣчая, давно уже были одни въ гостинной.

— Ба, да они всѣ ушли и вонъ полковница стоитъ и болтаетъ (онъ увидѣлъ это въ окно). Странно! кто-бы это могъ быть; если не ошибаюсь, это тотъ самый молодецъ, который выручалъ тебя, молодой вѣтреникъ. И съ этими словами, онъ пошолъ къ разговаривающимъ.

— Не помѣшаю я? спросилъ онъ у полковницы. — Мы только что хотѣли позвать васъ, сказала она. Мистеръ Паркеръ внизу у *Байю*, дѣлаетъ распоряженія для пріема генерала вмѣстѣ съ распорядительнымъ комитетомъ. Monsieur Мадіедо опять долженъ былъ принять подозрительныхъ гостей.

Вы хорошо вели себя въ отношеніи Розы, сказалъ майоръ, обращаясь къ трактирщику, и это доказываетъ, что добро беретъ верхъ въ вашей натурѣ. Я скажу вамъ, что дѣлать. Подозрительныхъ мародеровъ нужно сбыть какъ можно скорѣе, однако принуждать ихъ мы не имѣемъ права, потому что страна наша свободна; они въ правѣ оставаться сколько хотятъ, только нужно имѣть вѣрнѣйшія извѣстія обо всѣхъ ихъ поступкахъ.

Это вы будете имѣть, господинъ майоръ. — Ну, а этого только и нужно. Пока они пробудутъ здѣсь, мы позаботимся имѣть до тридцати вооруженныхъ людей. Теперь ступайте.

— Хорошо г-нъ майоръ. И трактирщикъ раскланялся и переправившись черезъ *Байю*, быстро пустился къ своему заведенію.

Digitized by Google

ГЛАВА XL.

> Однимъ словомъ, не вѣшайся такъ на меня; я вѣдь не твоя висѣлица. Запасись короткимъ ножомъ и порядочной шайкой.
>
> *Шекспиръ.*

Какъ и при первомъ, нашемъ посѣщеніи, сидѣли тѣже три личности въ томъ же уголку, откуда Monsieur Мадісдо, Бенито тожъ, отправленъ былъ съ опаснымъ порученіемъ. Замѣчательно, что—несмотря на стеченіе народа, со всѣхъ сторонъ столпившагося у *Байю*, такъ что сосѣднія плантаціи должны были пріютить у себя на ночь часть вновь прибывшихъ милиціонеровъ — въ заведеніи не было ни души, кромѣ троихъ мародеровъ. Очевидно Monsieur Бенито былъ жестоко наказанъ за свою слишкомъ большую снисходительность. Однако онъ съ полной покорностью переносилъ это нѣмое выраженіе общественнаго презрѣнія; даже отношенія его къ гостямъ были совершенно другого рода и онъ принялъ съ ними болѣе увѣренный тонъ. Войдя въ комнату, гдѣ жена его стояла за выручкой, онъ заложилъ руки за спину и заходилъ по комнатѣ; подходя къ окну, онъ каждый разъ взглядывалъ на многочисленныя группы мужчинъ и покачивалъ головою.

— Да, вскричалъ онъ наконецъ, всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ. Умирай теперь съ голода съ женою и ребенкомъ, да тяни самъ свое вино и коньякъ, чтобы не прокисли!

— Мы поможемъ тебѣ, Бенито, хоть Бордо у тебя и прежалкое, сказалъ одинъ изъ троихъ. Да здравствуетъ наша амнистія!

— Хозяинъ ничего не отвѣчалъ говорившему, но обратился къ мужчинѣ, котораго мы видѣли завязаннымъ при первомъ его появленіи въ *Байю* и у котораго еще и теперь черная повязка закрывала лобъ и лѣвый глазъ.

— Говорю вамъ, что прощеніе ваше на хорошей дорогѣ и вы его заслужили, но со всѣмъ этимъ, чѣмъ скорѣе вы уберетесь, тѣмъ лучше для васъ. Здѣсь, въ Соединенныхъ

Digitized by Google

Штатахъ вамъ не посчастливится, хоть плачьте вы слезами Магдалины.

— Это я слишкомъ ясно вижу, отвѣчалъ завязанный, скрежеща зубами. Знай я это впередъ...

— Чтожъ было-бы тогда? спросилъ трактирщикъ. То что вы пріобрѣли стоитъ чего нибудь. Вѣдь не можете-же вы требовать, чтобы вамъ предложили почетное мѣсто и службу.

— Чортъ побери ихъ службу, лучше ужъ...

— Хорошо! продолжалъ хозяинъ, вы собрали таки себѣ порядочное состояньице и можете спокойно дожить остатокъ жизни.

Да, вскричалъ обвязанный, это былъ лучшій день въ моей жизни, великолѣпная месть, месть до того божественная, что я сожалѣю только, что не могъ подѣлиться ею. Еслибы хотя тысяча нашихъ храбрецовъ присутствовали при томъ, какъ мы гнали этихъ торгашей. Клянусь, это былъ удивительный день!

— Вы хорошо вели себя; сказалъ хозяинъ.—Обвязанный взглянулъ на него презрительно: отъ тебя слышать себѣ похвалу, Бенито! Придержи свой языкъ или—адъ и черти!— каждый сержантъ, каждый капралъ былъ расхваленъ въ газетахъ, только его позабыли, его, который можетъ быть болѣе содѣйствовалъ побѣдѣ съ своими тридцатью храбрецами, чѣмъ ихъ десять баталіоновъ.

— Неблагодарность обыкновенная награда въ этомъ мірѣ, сказалъ Бенито,—выжавши сокъ изъ лимона, кожу выбрасываютъ вонъ. Они въ шутку называютъ себя властителями, но въ дѣйствительности отличаются тѣмъ-же холоднымъ безсердечіемъ и величественнымъ спокойствіемъ.

— Когда я вчера просилъ позволеніе представиться, меня впустили въ заднія ворота дома, черезъ конюшни. Лафиттъ, сказалъ онъ, то что вы сдѣлали заслуживаетъ благодарности. Вы загладили часть своихъ преступленій, а остальное мы позабудемъ; только вы должны покинуть страну, спокойствіе которой такъ долго нарушали, что она едвали въ состояніи будетъ забыть. И въ благодарность за все, онъ бросилъ мнѣ жалкую пачку билетовъ на три тысячи долларовъ.

Digitized by Google

— Но это еще не такая жалкая сумма, сказалъ хозяинъ и на нее вы легко можете устроиться въ Мексикѣ. Одно это и остается вамъ впрочемъ. Можетъ быть, тамъ мы опять увидимся. Здѣсь, видно намъ не рука. Они не хотятъ употреблять насъ даже какъ дрожжи, а выливаютъ въ помойную яму. Будь я умнѣе и отправь къ чорту Патера Гидальго съ его музыкантами, не то-бы вышло. Все глупо на свѣтѣ. Одинъ этотъ народъ умѣетъ жить для себя. Мы мексиканцы, французы, испанцы и всѣ сколько ихъ тамъ ни на есть, всѣ какъ будто не вполнѣ люди.

— Да, сказалъ обвязанный, потолкавшись лѣтъ сорокъ по свѣту, увидишь наконецъ, что здѣсь настоящая философія. Здѣсь умѣютъ разумно жить. Въ восемь недѣль моего пребыванія здѣсь, я научился болѣе чѣмъ во всю остальную жизнь. Впрочемъ, какая изъ этого польза. Когда я только что прозрѣлъ и сталъ слышать, меня опять выталкиваютъ за двери. Адъ и черти! они одержали побѣду, которой могъ-бы похвалиться Наполеонъ, а ни одинъ мускулъ на ихъ лицахъ не шевельнулся; точно все это въ порядкѣ вещей и они преспокойно возвращаются къ своему плугу.

— Это-же можете сдѣлать и вы, сказалъ хозяинъ, такъ какъ вы уже твердо рѣшились бросить свою бурную жизнь.

— Хозяинъ! крикнилъ кто-то въ двери.

— Что надо; отвѣчалъ Бенито, выходя изъ комнаты.

— Пришли гости! вскричалъ онъ съ удовольствіемъ, только не знаю какъ вы сойдетесь. Это ваши старые знакомые. Онъ шепнулъ что-то на ухо обвязанному.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ чортъ побери! вскричалъ обвязанный.

— Не хотите-ли выйти на нѣсколько минутъ? спросилъ хозяинъ.

— Ба! пусть войдутъ. Мы вѣдь въ свободной странѣ, какъ говорятъ здѣсь.

Вошолъ сержантъ, а вслѣдъ за нимъ индѣйцы въ сопровожденіи двухъ милиціонеровъ.

— Хотя они и добровольно явились, шепнулъ сержантъ хозяину, но вы должны нѣкоторымъ образомъ поручиться за нихъ; кромѣ того, оба Куманча тоже здѣсь.

Digitized by Google

— Не безпокойтесь, увѣрялъ его хозяинъ, мы будемъ беречь ихъ пуще глаза. Стража была-бы безполезна и только возбудила-бы подозрѣніе.

Между тѣмъ, старый Мико осматривался въ темной, освѣщенной двумя сальными свѣчами комнатѣ, бѣдность которой повидимому поражала его. Горькая улыбка скользнула по его губамъ, когда онъ увидѣлъ выбѣленныя извѣстью стѣны, жалкіе ковры и дубовые столы и стулья. Смотри Эль-Соль, шепнулъ онъ молодому Куманчѣ, какъ сердца бѣлыхъ стали холодны. Когда индѣйцы пришли въ первый разъ, ихъ ввели въ красивый вигвамъ. Здѣсь...

Куманча также внимательно осматривалъ комнату, когда его проницательный взглядъ упалъ на тотъ уголъ, гдѣ сидѣли троё чужестранцовъ. Вдругъ глаза его начали метать пламя, ноздри расширились, какъ у дикой лошади, пѣна показалась у рта и онъ съ страшной яростью кинулся къ столу, за которымъ сидѣли чужестранцы.

— Развѣ для того, заговорилъ онъ громовымъ голосомъ, петля Куманчей и копье Павніевъ пощадило вора, чтобы онъ еще разъ отравилъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ лицо несчастнаго отца, у котораго укралъ дочь и сродниковъ? И онъ бросился-бы съ кинжаломъ на Лафитта, если-бы его не удержали милиціонеры.

— Остановись, во имя закона! сказалъ сержантъ, или я сейчасъ сведу васъ въ тюрьму.

— Сынъ мой, сказалъ многозначительно Мико, мы въ вигвамѣ бѣлыхъ.

Морской разбойникъ, потому что это былъ онъ какъ читатели вѣроятно давно догадались, хладнокровно допивалъ стаканъ, въ то время какъ дикой обнажалъ свой кинжалъ.

— Даю голову на отсѣченіе, шепнулъ милиціонеръ своему товарищу, если въ жилахъ этого человѣка кровь не холоднѣе чѣмъ у всѣхъ алигаторовъ вмѣстѣ.

— Это-то въ немъ и есть самое лучшее. Онъ съ такимъже хладнокровіемъ перерѣжетъ горло и вамъ. Знаете вы его?

— Прахъ его побери. Пока его счотъ похеренъ, но надуй онъ еще разъ, тогда ужъ висѣть ему непремѣнно.

Digitized by Google

Лафиттъ, не удостоивъ никого изъ присутствующихъ особеннаго вниманія, налилъ еще стаканъ и продолжалъ спокойно пить, когда дверь во второй разъ растворилась и оба Куманча бросились къ своему начальнику. Ни какой сынъ, вырванный изъ объятій матери и возвращенный ей послѣ долгаго отсутствія, не могъ-бы съ большимъ восторгомъ броситься въ ея объятія, какъ эти два дикаря бросились на грудь молодого Куманча. Всѣ трое одѣлались настоящими дѣтьми. Они обнимались, осматривали и ощупывали другъ друга, точно не довѣряя однимъ глазамъ. Восторгу ихъ конца не было. Спустя нѣсколько минутъ, они отошли отъ начальника, скрестили на груди руки и остановились въ почтительной позѣ; онъ, въ свою очередь, принялъ повелительный видъ, съ важностью выслушалъ докладъ и извѣстіе объ ихъ судьбѣ во время его отсутствія. Скоро это спокойствіе замѣнилось однакожъ сильными симптомами горя, ярости, стыда и гнѣва на его подвижной физіономіи. Вдругъ онъ разразился громкимъ восклицаніемъ скорби; руки его тяжело опустились, и точно стыдясь присутствующихъ, онъ вышолъ съ обоими Куманчами изъ комнаты.

Разговоръ индѣйцевъ былъ веденъ на языкѣ Павніевъ и возбудилъ общее вниманіе. Вѣроятно случилось что нибудь особенное, если души этихъ привыкшихъ къ самоотверженію людей были такъ глубоко потрясены. Даже и на строгихъ чертахъ Мико промелькнула горькая усмѣшка. Милиціонеры, видя что недождутся объясненія, удалились.

Мико сѣлъ у огня и просидѣлъ тамъ долгое время, не подавая и признака жизни; потомъ началъ постепенно поднимать голову и взглядъ его упалъ на морского разбойника, все еще сидѣвшаго въ углу. Казалось старику припало любопытство узнать, что привело сюда его врага и только гордость и отвращеніе мѣшали ему сдѣлать первый шагъ къ сближенію.

Наконецъ морской разбойникъ проломилъ лёдъ, вставая и подходя къ Мико.

— Вотъ мы и опять встрѣтились, Мико, началъ онъ не безъ участія, тремя мѣсяцами старше, опытнѣе, но не счастливѣе.—Гдѣ то время, когда мы такъ мирно сиживали вмѣ-

Digitized by Google

стѣ въ вигвамѣ Начеза? Онъ произнесъ послѣднія слова съ такимъ выраженіемъ горести, что индѣецъ пристально поглядѣлъ на него.

— Да, Мико, еслибы вы тогда не такъ настойчиво прогоняли меня и я былъ-бы не такъ глупъ, чтобы все поставить на карту ради дѣвушки... Да, Мико, у меня были хорошія намѣренія. Мы могли бы вести счастливую жизнь. Мы основали-бы великолѣпную колонію и никакой врагъ на свѣтѣ не посмѣлъ-бы оскорбить насъ. Это былъ чудный сонъ.

Старикъ все еще молчалъ. Какъ случилось, началъ онъ съ очевиднымъ усиліемъ надъ собою, что тотъ, котораго великій отецъ бѣлыхъ оцѣнилъ во столько долларовъ, показывается теперь въ его вигвамахъ?

— Помните-ли вы то утро, Мико, когда я сказалъ вамъ, что Лафиттъ будетъ защищать васъ и что вамъ нечего бояться? Мико, еслибы вы тогда послушали моего голоса, все могло-бы быть лучше. Уже и тогда созрѣлъ планъ, который могъ примирить меня со свѣтомъ. Но теперь уже ничего не поможетъ.

И начальникъ соленыхъ водъ другъ бѣлыхъ? спросилъ индѣецъ.

— На сколько можно быть другомъ, отвѣчалъ горько усмѣхаясь разбойникъ, если окажешь такую большую услугу, что за нее нельзя заплатить деньгами. Они благосклонно разрѣшили мнѣ пользоваться ихъ пушками и цѣлыхъ семь часовъ подвергаться опасности быть убитымъ. За это, я получилъ нѣчто въ родѣ прощенія и милостивое приказаніе убираться какъ можно скорѣе.

Роль, которую игралъ морской разбойникъ, слишкомъ извѣстна, чтобы вдаваться въ объясненія. Менѣе должно быть извѣстно то, что образъ мыслей этого страннаго авантюриста дѣйствительно походилъ на тотъ, который онъ здѣсь высказываетъ.

— И начальникъ соленыхъ водъ пошолъ къ бѣлымъ, чтобы вмѣстѣ съ ними поднять томагоукъ на сыновъ отца Канады? спросилъ удивленный индѣецъ.

Digitized by Google

— Я только что вернулся изъ этого дѣла. Бѣлые одержали блистательную побѣду.

— И онъ дрался въ большой битвѣ бѣлыхъ? спросилъ почти испуганно индѣецъ.

— Да, отвѣчалъ морской разбойникъ все съ той-же горько насмѣшливой улыбкой, и за это-то онъ получилъ позволеніе или лучше сказать добрый совѣтъ какъ можно скорѣе избавить страну отъ своего присутствія.

— Индѣецъ до сихъ поръ усиленно подавлявшій свои чувства, не былъ наконецъ въ состояніи превозмочь внутренней бури. Грудь его поднялась, глаза засверкали, точно впились въ врага на сраженіи; онъ громко простоналъ и безъ чувствъ упалъ на полъ.

— Мико! вскричалъ морской разбойникъ, поднимая его. Мико, что это значитъ?

Старикъ осмотрѣлся мутнымъ взглядомъ. Духи моихъ Оконіевъ! Духъ моей дочери! Я хотѣлъ принести вамъ очистительную жертву; воръ обманулъ васъ и меня. Нѣтъ! вскричалъ онъ съ горестію, бѣлые обманули меня.

— Начальникъ! сказалъ хозяинъ, указывая на накрытый столъ, ѣшьте и пейте и выкиньте изъ головы все другое. Пейте! чѣмъ больше; тѣмъ лучше, все поставится на счетъ правительства.

Индѣецъ взялъ предложенный стаканъ, опорожнилъ его и подалъ знакъ налить еще; выпилъ и этотъ, потомъ третій, четвертый, пятый, шестой и наконецъ упалъ безъ памяти на полъ.

— Все таки это индѣйская скотина; сказалъ Бенито.

— Ты хочешь сказать король; возразилъ сурово морской разбойникъ. Король, въ жилахъ котораго течетъ самая благородная кровь. Еслибы ты испыталъ тысячную долю страданій, которыя перенесъ онъ, то уже давно сидѣлъ-бы въ сумасшедшемъ домѣ или висѣлъ на висѣлицѣ. Онъ взглянулъ на дикаря съ крещенными руками: унеси его отсюда, самое горькое еще ждетъ его впереди.

— Но что это? Девять салютовъ съ парохода. Девятикратное ура. Пріѣхалъ генералъ аншефъ. Покойной ночи, Мико, завтра ты еще и не то услышишь.

Digitized by Google

ГЛАВА XLI.

Не ходи въ судъ, мы всѣ грѣшны.
Шекспиръ.

Барабанный бой возвѣстилъ на слѣдующее утро оборъ, когда индѣйцевъ провели сквозь густые ряды милиціонеровъ къ гостинницѣ, которую главнокомандующій избралъ своей временной квартирой. Въ корридорѣ, ведущемъ въ залу, въ которой уже принято было столько рѣшеній, стоялъ многочисленный корпусъ офицеровъ въ богатыхъ новыхъ мундирахъ Всѣ они дружески раскланялись съ только что вышедшими изъ залы британскими офицерами. «Индѣйцевъ! раздался голосъ.» «Пусть введутъ индѣйцевъ!» Они вошли.

Тогда поднялся съ кресла высокій, худощавый, но сильно-атлетически сложонный старикъ. Лѣвая рука его была на перевязкѣ. Черты его были рѣзки, выпуклы и выражали твердое, непоколебимое спокойствіе. Голубые, нѣсколько впалые глаза изобличали огонь, котораго не смогли потушить ни лѣта, ни тѣлесныя страданія. Походка его была медленна, но исполнена достоинства. На немъ былъ генеральскій мундиръ первой степени въ Штатахъ. Сабля и шляпа лежали на послѣднемъ столѣ. Его проницательный взглядъ, казалось, насквозь пронизывалъ вошедшихъ индѣйцевъ.—Послѣ краткой паузы, онъ опять опустился на кресло и знакомъ пригласилъ индѣйцевъ занять мѣста.

— Токеа! сказалъ майоръ Коплендъ. Вы стоите передъ главнокомандующимъ генераломъ, великимъ воиномъ, который во многихъ битвахъ побивалъ сыновъ великаго отца Канады, передъ уполномоченнымъ великаго отца краснокожихъ.

Индѣйцы, послѣ этого нѣсколько напыщеннаго, но здѣсь совершенно умѣстнаго вступленія, съ смущеніемъ взглянули на генерала и склонивъ головы, протянули впередъ ладони.

— Токеа, послѣдній Мико Оконіевъ, пришолъ съ своимъ

Digitized by Google

сыномъ Эль-Соль, могущественнымъ начальникомъ Куманчей и простираетъ руки въ знакъ мира и дружбы.

— Токеа, Мико Оконіевъ! Повторилъ генералъ, покачивая головою. Мы многое, слишкомъ многое слышали объ этомъ Токеа. А кто этотъ молодой человѣкъ?

— Эль-Соль, молодой начальникъ Куманчей. Генералъ взглянулъ на молодого человѣка съ нѣсколько меньшей подозрительностью.

— Скажите начальнику, что ему рады въ вигвамѣ его бѣлыхъ братьевъ. Когда Мико перевелъ эти слова, молодой куманча приложилъ правую руку къ груди и склонилъ голову.

Оба начальника выказали много спокойствія и даже уваженія въ своихъ манерахъ. Они ни разу не поморщились и почтительно устремивъ глаза на генерала, ждали дальнѣйшихъ послѣдствій свиданія. Генералъ, въ свою очередь, повидимому рѣшился дать индѣйцамъ полную возможность высказаться сентенціями.

— Да, Токеа, началъ онъ послѣ небольшой паузы, втеченіе которой далъ время индѣйцамъ собраться съ духомъ. Мы о васъ слышали, но хотимъ похоронить прошедшее въ рѣкѣ забвенія.

— Мико остался-бы далеко, отъ бѣлыхъ; сказалъ индѣецъ. Онъ знаетъ, что онъ бѣльмо у нихъ на глазахъ. Они задержали его на тропинкѣ, по которой онъ шолъ, чтобы исполнить заповѣдь великаго Духа.—Онъ указалъ на гробъ, который и сюда принесъ съ собою.

Генералъ опять покачалъ головою.—Для этого Токеа нечего было заходить такъ близко къ Алабамѣ, Оконія и священное поле далеко оттуда.

Старый начальникъ съ удивленіемъ взглянулъ на генерала.

— Токеа! Токеа! На этотъ разъ пусть все забудется. Но какъ ни хитры ваши пріемы, мы видимъ ихъ насквозь.

— Токеа видѣлъ по дорогѣ слѣды Мокасиновъ; онъ зналъ, что его враги будутъ шептать въ уши великому отцу; онъ долженъ былъ еще поговорить съ своимъ народомъ. Еслибы мой отецъ слышалъ *только* Токеа, то онъ не морщилъ-бы

Digitized by Google

своего лба. Мико пойдетъ теперь туда, гдѣ его уже не увидятъ бѣлые. Топоры бѣлыхъ людей дѣлаютъ сильный шумъ въ ушахъ Токеа.

— А знаетъ-ли объ этомъ великій отецъ? спросилъ генералъ.

— Люди Оконія семь лѣтъ прожили на охотничьихъ грунтахъ Мексики. Они хотятъ опять назадъ, туда, куда не могутъ послѣдовать за ними плуги и топоры бѣлыхъ.

— И старый Токеа оставилъ хорошую землю своихъ отцовъ и пошолъ въ худую, гдѣ раковины и кора будутъ рѣзать ему ноги?

— Когда красному воину попадется красивая жена, которая не захочетъ варить ему обѣда и шить охотничьихъ рубашекъ, онъ посылаетъ ее назадъ къ отцу и беретъ безобразную, которая дѣлаетъ все что нужно, Токеа жилъ на землѣ своихъ отцовъ и между бѣлыми съ своимъ народомъ. Когда ихъ лошади или скотъ переходили границу, онъ не смѣлъ ловить ихъ, потому что когда онъ это дѣлалъ, его бросали въ темный вигвамъ или стрѣляли въ него изъ огненныхъ орудій; но когда скотъ красныхъ воиновъ переходилъ границы бѣлыхъ, они брали его, а если красные воины сердились, то отнимали сверхъ того и ихъ жизнь. Токеа не могъ дольше оставаться между такими людьми.

— А развѣ между красными воинами не бываетъ злыхъ братьевъ?

— Красные воины наказываютъ своихъ злыхъ дѣтей, угрюмо продолжалъ индѣецъ, и изгоняютъ ихъ въ пустыню; а бѣлые дѣлятъ украденное у красныхъ воиновъ. До великаго отца далеко и онъ не слышитъ зова своихъ красныхъ дѣтей, а языкъ его пословъ очень лживъ. Поэтому Токеа хочетъ идти туда, гдѣ больше не увидитъ бѣлыхъ.

— Это значитъ къ куманчамъ и съ ними спаять цѣпь, которую его безпокойный духъ разорвалъ съ его братьями и съ нами? продолжалъ генералъ.

Конечно красные воины въ нѣкоторомъ отношеніи пострадали отъ насъ; но во всякомъ случаѣ, они перенесли отъ насъ не болѣе чѣмъ мы отъ нихъ. Впрочемъ мы не будемъ здѣсь пускаться въ разъясненія. Только Токеа долженъ

Digitized by Google

замѣтить, что мы сильнѣйшіе и земля принадлежитъ намъ. Мы могли-бы взять у Токеа его землю, потому что она досталась намъ по праву войны, но мы купили ее у него и поступили съ нимъ какъ съ братомъ.

— Великій духъ, продолжалъ Токеа, создалъ большихъ пауковъ въ той странѣ, гдѣ жилъ Мико и каждый изъ нихъ могъ-бы умертвить маленькую птицу. Эти пауки сказали птицамъ: «Слушайте, мы оставимъ васъ въ покоѣ, однѣхъ, и не будемъ обижать васъ, но и вы также не должны разорять нашихъ сѣтей. Бѣдныя птички сидѣли нѣкоторое время въ своихъ гнѣздахъ, но когда голодъ принудилъ ихъ искать пищи, они вылетѣли и нашли всѣ лѣса опутанные сѣтями пауковъ. Птички запутались въ нихъ и были отравлены ядовитыми пауками; изъ нихъ высасывали кровь и морили медленной смертью. Красные воины—бѣдныя птички, а бѣлые—пауки. Племена ихъ были многочисленны, но исчезли съ лица земли. Многіе умерли отъ длинныхъ ножей бѣлыхъ, но еще большее число умерло отъ ихъ хитрости и огненной воды. Токеа уйдетъ далеко отъ нихъ.

— Можете сдѣлать какъ найдете лучшимъ. Мы не будемъ ставить вамъ препятствій на пути.

— Великій духъ провелъ безконечную рѣку, отъ того мѣста гдѣ падаетъ снѣгъ, до того, гдѣ горячо свѣтитъ солнце. Онъ съ избыткомъ надѣлилъ землею красныхъ и бѣлыхъ людей, но бѣлые, продолжалъ индѣецъ жалобно, никогда не бываютъ довольны, захватываютъ все дальше и протягиваютъ руку за тѣмъ, что принадлежитъ краснымъ воинамъ; каждое солнце они отнимаютъ часть ихъ земли.

— Бѣлые купили землю красныхъ воиновъ и потому она ихъ законная собственность, отвѣчалъ генералъ.

— Они напоили красныхъ воиновъ огненной водою и обманули ихъ, возразилъ упорный индѣецъ.

— Токеа, началъ генералъ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое всего скорѣе смущаетъ индѣйца именно потому, что онъ самъ обладаетъ имъ въ нѣкоторой степени. Великій духъ создалъ землю для бѣлыхъ и красныхъ людей съ тѣмъ, чтобы они ее обрабоватыли и жили ея плодами, онъ создалъ ее не охотничьимъ полемъ, для того чтобы нѣсколько сотенъ

Digitized by Google

красныхъ воиновъ лѣниво жило на томъ пространствѣ, гдѣ могутъ быть счастливы милліоны трудолюбивыхъ. Еслибы вы захотѣли обработывать тѣ земли, которыя теперь еще равняются иному королевству стараго свѣта, въ которомъ могли-бы процвѣтать милліоны людей; еслибы вы занялись этими землями, то были-бы богаче и счастливѣе милліона гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Но такъ какъ ваши начальники дѣлятъ между собою годовую плату, которую получаютъ отъ насъ за землю, а своему народу бросаютъ какую нибудь пару долларовъ на пропитіе, а потомъ оставляютъ ихъ бѣдствовать; такъ какъ, вмѣсто того чтобы заняться ими и помогать нашимъ человѣколюбимымъ усиліямъ пріохотить ихъ къ земледѣлію, они только доводятъ ихъ до униженія, заставляютъ выпрашивать кусокъ хлѣба у дверей нашихъ гражданъ и валяться въ грязи нашихъ улицъ, то нечего и укорять этихъ гражданъ, если имъ въ тягость подобное общество. Я знаю васъ, начальники, какіе вы кровопійцы своихъ.

— Токеа ногами отталкивалъ доллары, возразилъ индѣецъ.

— Знаю я и васъ, Токеа, и имѣю точнѣйшія извѣстія. Но спрошу я васъ, что дѣлаютъ ваши, когда имъ попадетъ въ руки красный шпіонъ племени, съ которымъ вы живете въ мирѣ, а онъ между тѣмъ спѣшитъ шептать въ уши шести нацiямъ, чтобъ онѣ подняли томагоукъ и напали на васъ, какъ пантера на другое животное?

Индѣецъ въ смущеніи молчалъ.

— Вы снимаете его скальпъ. Неправда-ли? А когда Токеа, съ сердцемъ исполненнымъ мести и ярости пошолъ къ Шаунезамъ, тогда его земля была продана его собственнымъ народомъ, которому надоѣло постоянно потакать его вѣчнымъ смутамъ и который хотѣлъ отдѣлаться отъ своего неугомоннаго начальника. Мы могли-бы сдѣлать вамъ процессъ, какъ шпіону и возмутителю, и ваши-же люди сдѣлались бы вашими палачами. Мы этого не дѣлали. Мы отняли у васъ возможность быть впередъ опаснымъ и отпустили васъ. Если вы отталкиваете деньги, которыя вамъ платятъ за землю, это ужъ ваша вина; за то что вы сдѣлали тогда,

Digitized by Google

вы заслуживали-бы смерти. Судьба красныхъ воиновъ, продолжалъ съ достоинствомъ генералъ, тяжела во многихъ отношеніяхъ, но есть возможность измѣнить ее; варварство всегда должно уступать въ борьбѣ съ просвѣщеніемъ, какъ ночь уступаетъ дню; но у васъ въ рукахъ средства присоединиться къ этому просвѣщенію и вступить въ нашу гражданскую жизнь. Если-же вы этого не хотите и предпочитаете остаться дикими легитоматами, вмѣсто того, чтобы быть уважаемыми гражданами, то и не жалуйтесь на судьбу, что она отбрасываетъ васъ, какъ ненужныя игрушки, послѣ того какъ вы прошли свой темный путь.

Истина убѣдительной и возвышенной рѣчи генерала вдругъ заставила умолкнуть индѣйца.

— Токеа! началъ опять генералъ, послѣ довольно долгой паузы, я уже сказалъ, что мы ничего не имѣемъ противъ вашего желанія уйти, и я отдамъ необходимыя приказанія по своей военной дивизіи, чтобы наши офицеры пропустили васъ безпрепятственно. Но прежде, вы должны дать намъ объясненіе еще по одному пункту. Хотя ваши различныя племена и считаются у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отдѣльными народами, въ внутреннія распоряженія которыхъ мы не мѣшаемся и даже позволяемъ имъ вести между собою войны: но наше милостивое соизволеніе не можетъ заходить такъ далеко, чтобы давать вамъ право нападать на нашихъ мирныхъ гражданъ и присвоивать себѣ нашихъ дѣтей, жестоко умертвивши напередъ ихъ родителей.

Старикъ началъ прислушиваться.

— Токеа привезъ сюда дочь бѣлаго отца и бѣлой матери. Онъ держалъ ее какъ свое дитя. Какъ досталась ему та молодая дѣвица, которую онъ называетъ Бѣлой Розой?

Индѣецъ встрепенулся. Онъ взглядывалъ то на генерала, то на сквайра Копленда. Губы его дрожали и, пошептавшись съ Эль-Соль, онъ отвѣчалъ:

— Бѣлая Роза дочь Мико. Онъ давалъ ей много бобровыхъ и медвѣжьихъ шкуръ. Она сдѣлалась его дочерью вскорѣ послѣ того, какъ увидала свѣтъ.

— Но какъ она попала въ ваши руки? спросилъ еще разъ генералъ.

Digitized by Google

— Токеа отнялъ ее у красныхъ воиновъ шести деревень, которые живутъ на безконечной рѣкѣ. Еслибы не его рука, то мозгъ ея уже нѣсколько солнцевъ сушился-бы на деревѣ, о которое хотѣлъ раздробить ея голову красный воинъ.

— Это также не отвѣтъ, возразилъ генералъ, какъ попала эта дѣвица въ ваши руки?

— Великій отецъ, продолжалъ уклончиво индѣецъ, выигралъ большую битву, въ которой пало много его враговъ. Развѣ добыча и плѣнники принадлежатъ не ему?

— Я послѣ буду отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ, сказалъ генералъ. Молодая дѣвица дочь бѣлыхъ родителей — нечего толковать о красныхъ воинахъ, Токеа! Я требую, чтобы вы сказали мнѣ чистую истину!

Взглядъ начальника встрѣтился съ пронизывающимъ взглядомъ генерала и дикарь не въ состояніи былъ выдержать.

— Великій отецъ справедливъ, началъ онъ, онъ не отниметъ у Токеа цвѣтка, который онъ холилъ впродолженіи многихъ солнцевъ и который составляетъ его единственную радость,—послѣднія слова онъ произнесъ тихо и глухимъ голосомъ.

— Справедливость будетъ вамъ оказана, но сперва вы должны доказать свои права.

— Токеа владѣлъ Бѣлой Розой четырнадцать солнцевъ, отвѣчалъ индѣецъ съ нѣсколько бо́льшей довѣрчивостью, онъ спасъ ее отъ красныхъ воиновъ, которые хотѣли раздробить ей черепъ.

— Дальше, сказалъ генералъ.

— Токеа будетъ говорить и его великій отецъ его выслушаетъ. Четырнадцать солнцевъ и зимъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Мико Оконіевъ поднималъ томагаукъ противъ жителей шести деревень. Сердце его было съ нами, но народъ его поднялъ воинственный крикъ и онъ пошолъ противъ шести націй. На десятую ночь послѣ поднятія томагоука, Мико лежалъ по близости верхней деревни своихъ враговъ, ожидая чтобы они заснули, вдругъ его уши услыхали воинскій крикъ своихъ, вышедшихъ на осмотръ. Онъ бросился къ своимъ, но прежде чѣмъ онъ подоспѣлъ, они обратили враговъ уже въ бѣг-

Digitized by Google

ство и онъ пришолъ только затѣмъ, чтобы увидѣть, какъ они снимали скальпы съ плѣнниковъ. Между ними было четверо бѣлыхъ мужчинъ и три женщины. Одна изъ этихъ женщинъ была очень молода и нѣжна и держала на рукахъ Бѣлую Розу, держала крѣпко даже и тогда, когда размозжили ей голову. Мико пришолъ слишкомъ поздно чтобы спасти нѣжную женщину, но онъ слышалъ плачь ребенка, въ то время какъ отецъ Ми-ли-мача хотѣлъ ударить его объ дерево, вырвалъ его изъ его рукъ и отнесъ къ бѣлому посреднику—при этихъ словахъ, онъ взглянулъ на сквайра Копленда и далъ много шкуръ за молоко, которымъ кормила его жена Бѣлую Розу. У Мико сберегается еще все, что было на Розѣ, когда онъ избавилъ ее отъ смерти.

При этихъ словахъ, генералъ пристально взглянулъ на индѣйца, который заикнулся и замолчалъ.

— Токеа долженъ показать все, что у него есть отъ его пріемной дочери; это важно и необходимо, чтобы открыть истину.

Старикъ тотчасъ сдѣлалъ знакъ одному изъ Оконіевъ, который въ мигъ выбѣжалъ изъ залы.

Во время наступившей паузы къ генералу подошолъ какой-то человѣкъ и подалъ ему бумагу, которую тотъ внимательно прочолъ и положилъ на сосѣдній столикъ.

Оконій воротился съ узелкомъ и генералъ передалъ его незнакомцу и сквайру Копленду.

— Вотъ цѣпочка, воскликнулъ Коплендъ, изящная цѣпочка извѣстной мексиканской работы, и медальонъ еще на ней съ буквами *И. К. Р.*

Тотъ самый, ваше превосходительство, описаніе котораго вы найдете въ объявленіи, имя и фамилію ребенка. Одежда не могла быть описана такъ вѣрно, потому что отецъ не присутствовалъ при ужасномъ событіи, а всѣ слуги погибли.

Одежда ребенка порядочно устарѣла. Брюссельское кружево на рубашечкѣ пожелтѣло, шубка вся вытерлась, да и все остальное залежалось и сгнило.

— Хотя индѣецъ и завладѣлъ ребенкомъ при такихъ обстоятельстахъ, которыя, какъ онѣ ни ужасны, но по нашимъ законамъ дѣлаютъ его права нѣкоторымъ образомъ со-

Digitized by Google

новательными, разумѣется до тѣхъ поръ, пока отецъ не докажетъ своихъ притязаній; но судя по предъявленнымъ доказательствамъ, нельзя далѣе сомнѣваться, что дѣвица, прозванная Бѣлою Розою, одно и тоже лицо съ ребенкомъ упомянутымъ въ этой бумагѣ и должна быть возвращена отцу, какъ скоро онъ заявитъ свои требованія и удовлетворитъ индѣйца за его попеченіе и издержки.

— Безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, отвѣчалъ незнакомецъ и высокоблагородный родитель молодой дѣвицы, у котораго я имѣю честь быть повѣреннымъ по дѣламъ въ Веракруцѣ, десятирицею вознаградитъ за все, лишь-бы возвратили ему такъ долго оплакиваемое, единственное дитя. Я уже тринадцать лѣтъ уполномоченъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ показалъ вторую бумагу.

Участіе присутствующихъ къ судьбѣ интереснаго ребенка начало выражаться вслухъ.—Мнѣніе присутствующихъ офицеровъ, между которыми были свѣдущіе юристы, было не возвращать дѣвушки дикарю, но оставить ее подъ опекою майора Копленда или полковника Паркера, пока будутъ обсуживаться требованія индѣйца касательно вознагражденія за издержки.

Дикари все время находились въ напряжонномъ состояніи, которое усиливалось съ каждой минутой и составляло контрастъ съ ихъ обычной апатіей. Они повидимому распознали что дѣло идетъ о Розѣ, но такъ какъ разговоръ присутствующихъ былъ имъ очень мало понятенъ, то недоумѣніе ихъ выразилось лихорадочной тревогой, въ особенности у старика.

— Токеа, сказалъ генералъ, вы болѣе не нужны—ваша пріемная дочь пока останется здѣсь. Однако, вы вольны предявить въ нашемъ судѣ свои права на нее, въ особенности-же на вознагражденіе за издержки по воспитанію. До тѣхъ поръ, она останется подъ опекой, которая тотчасъ-же и будетъ назначена.

Индѣецъ, ничего не понявшій въ рѣчи генерала, протянулъ руку къ узелку.

— Какъ сказано, это останется здѣсь, сказалъ еще разъ

Digitized by Google

генералъ. Вы видите здѣсь много свѣдущихъ юристовъ, которые всѣ того мнѣнія, что дочь слѣдуетъ возвратить отцу.

— Бѣлые люди справедливы, вскричалъ индѣецъ, языкъ великаго отца говоритъ, какъ языкъ великаго воина.

— Впрочемъ, вы вольны предъявлять свои права и пока вы останетесь здѣсь, о васъ будутъ заботиться.

Онъ подалъ знакъ индѣйцамъ и они удалились, выразивши уваженіе къ нему по своему обыкновенію.

лъ вашу волю? спросилъ генералъ нашего сквайра.

— Да благословитъ васъ Богъ за это! отвѣчалъ сквайръ.

— Ваше одобреніе мнѣ очень дорого, сказалъ генералъ, снова опускаясь въ кресло, чтобы подписать нѣкоторыя депеши поданныя ему адъютантомъ. Ну, нѣтъ-ли еще чего? спросилъ онъ улыбаясь.

— Вы знаете, что граждане собрались выразить вамъ свое уваженіе и ожидаютъ только васъ, чтобы начать маневры. Затѣмъ послѣдуетъ общественный обѣдъ и балъ.

— Прошу васъ, увольте меня, сказалъ генералъ. Я думалъ, что ужъ съ насъ довольно маневровъ.

— На этотъ разъ мы не можемъ пощадить васъ, сказалъ сквайръ и пристально посмотрѣлъ на него.

Генералъ указалъ на свою раздробленную руку. Повѣрьте, что когда въ кости сидитъ два лота свинца, то право не думаешь ни о маневрахъ, ни о балахъ.

Граждане едва-ли повѣрятъ, что вы отказываетесь по причинѣ этой раны. Они припишутъ отказъ другому.

Генералъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— Дѣлайте какъ хотите, продолжалъ тотъ тихо. Одно только скажу вамъ. Народъ есть самый щепетильнѣйшій изъ королей относительно своего этикета. Вы дѣлали великія вещи, но самое великое, что пріобрѣло вамъ болѣе уваженія чѣмъ всѣ ваши побѣды, это смиреніе, съ которымъ вы склонили голову и какъ мужчина выдержали наказаніе.

— Ну вотъ, смотрите-же! сказалъ смѣясь генералъ. Креолы, до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, давали мнѣ балы и увѣнчали меня, а наши, за которыхъ я проливалъ

Digitized by Google

кровь и сдѣлался калѣкой, въ благодарность заставляютъ меня платить двѣ тысячи долларовъ и не будь у меня этихъ денегъ, я можетъ быть сидѣлъ-бы въ тюрьмѣ. Даже и эту пеню хотѣли внести креолы.

— Вы хорошо сдѣлали, что недопустили ихъ заплатить, шепнулъ ему сквайръ. Впрочемъ, генералъ, не сердитесь на меня, но въ васъ былъ таки излишекъ усердія и пылкости, нѣкоторое охлажденіе было полезно. А такъ какъ теперь все благополучно кончилось, будьте нашимъ вполнѣ. Хотите остаться и принять отъ насъ выраженіе уваженія — на которое, какъ вамъ извѣстно, мы также не очень щедры; да или нѣтъ?

— Хочу, отвѣчалъ генералъ, пожимая руку сквайру, хотя у васъ здѣсь настоящее гнѣздо Тори и, если я не ошибаюсь, обѣдъ будетъ именно въ той самой залѣ, гдѣ меня проклинали какъ тирана.

— Всему свое время! отвѣчалъ сквайръ. Теперь, признаюсь вамъ, я очень радъ что вы остались и выдержали испытаніе. Уѣзжайте вы, и тѣже самые Тори насмѣялись-бы вдоволь надъ вами. Нѣтъ, генералъ, нужно умѣть встрѣчаться съ своими врагами.

Оба пожали другъ другу руки и сквайръ ушолъ. Да! сказалъ онъ, вернувшись еще разъ, маневры начинаются вѣдь еще не сейчасъ? я приглашонъ къ своей пріемной дочери, которая желаетъ сдѣлать визитъ своему дикому пріемному отцу. Онъ, говоритъ, сейчасъ-же отправляется, да тѣмъ и лучше! Съ этими словами, онъ отправился къ своей пріемной дочери, которая пріѣхала съ семействомъ полковника украсить маневры и остальныя празднества своимъ присутствіемъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XLII.

Дама Валерія пришла навѣстить васъ.
Шекспиръ.

— Ну, мое милое дитя, вотъ я и къ твоимъ услугамъ. Теперь у тебя есть отецъ и благодареніе Богу! Хорошо-бы было сказать тоже и о матери. Однако дикарь ни мало не виноватъ въ ея смерти и хотя дикій — то что ты хочешь сдѣлать, дѣлаетъ тебѣ честь. Но гдѣ-же нашъ мичманъ? А, вотъ онъ! хочешь идти съ нами, дружище, прощаться съ старымъ знакомымъ?

— А умный должно быть отецъ у тебя, продолжалъ сквайръ, обращаясь къ Розѣ, я вижу это изъ того, что онъ положилъ милліонъ долларовъ въ нашъ банкъ. Вотъ, такъ-то вы всѣ мало по малу перейдете къ намъ, сказалъ онъ, обращаясь къ мичману. До сихъ поръ вамъ довѣряли больше; теперь-же у васъ заколодило и вы преисправно кладете къ намъ свои деньги. — Видишь-ли Роза, дитя мое, газетная статья, которая такъ всполошила твое сердечко, отправилась съ Мадіедо въ Вера-круцъ къ твоему отцу и надѣлала много добра. Конечно журналистъ подбавилъ своего краснорѣчія вмѣсто того, чтобы сказать чистую истину, но въ сущности онъ не совсѣмъ неправъ, хотя шутка эта и пришлась тебѣ не понутру. Всетаки, ты ужасно растрогала меня, дорогое мое дитя, и хотя твой дикарь Мико занимаетъ не совсѣмъ приличное помѣщеніе, но есть случаи, въ которыхъ посѣщеніе такого дома дѣлаетъ болѣе чести, чѣмъ сосѣди въ Drawing Room бѣлаго дома, который сожгли у насъ красные кафтаны. А кажется у тебя начинаетъ проходить желаніе жить съ дикарями? спросилъ старикъ съ задушевнымъ смѣхомъ. Вѣрю, дитя мое, что нужда заставитъ жить и съ дикарями, но лучшее всегда лучше, а лучшее-то у насъ. Повѣрь мнѣ, дитя мое, когда ты проживешь съ нами шесть мѣсяцевъ, то хоть перенеси тебя ко двору самаго блистательнѣйшаго изъ королей, ты всетаки пожелаешь опять вернуться къ нашей веселой, счастливой и единственно просвѣщенной гражданской жизни. Въ первыя недѣли, тебѣ могло

Digitized by Google

въ насъ кое-что и не понравиться; но мы—какъ настоящій здоровый ростбифъ и хорошій хлѣбъ; чѣмъ больше его ѣсть, тѣмъ вкуснѣе кажется. У васъ, сказалъ онъ обращаясь къ мичману, есть нѣчто похожее на нашу свободную жизнь. У васъ лорды и джентльмены также свободны какъ мы, но остальные бѣдняки говорятъ о свободѣ, какъ слѣпой о краскахъ. Но у васъ это естественно. Вы, или скорѣе ваши и наши предки, завоевали землю у Англосаксовъ и старыхъ Британцевъ и владѣтельныя фамиліи раздѣлили между собой побѣжденныхъ, какъ рогатый скотъ, да по сіе время и владѣютъ ими. Мы-же сдѣлали свои завоеванія у двухъ сотъ тысячъ Индѣйцевъ и посредствомъ плуга, первые побѣжденные исчезли по своей винѣ, а послѣднее завоеваніе дѣлаетъ всѣхъ желающихъ работать независимыми людьми, которые, при случаѣ, смогутъ и должны постоять за свою страну. Когда у меня всего на всего было только пятьдесятъ долларовъ, я былъ также свободенъ, какъ и теперь, когда имѣю сотни тысячъ. Все это пріобрѣтено совершенно честно, безъ всякихъ ловкихъ штукъ, просто обыкновеннымъ путемъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до заведенія Мадіедо.

Обоихъ начальниковъ они нашли по обыкновенію сидящими на полу и однихъ. Эль-Соль всталъ, когда они вошли и сдѣлалъ къ нимъ нѣсколько шаговъ; Розу онъ взялъ за руку и подвелъ къ скамьѣ, съ которой она впрочемъ тотчасъ-же бросилась къ Мико и съ дѣтской нѣжностью обняла его. Мико смотрѣлъ на нее пристально, но холодно.

— Мико, сказалъ сквайръ, ваша прежняя воспитанница, Миссъ Роза, пришла съ вами проститься, такъ какъ вы хотите идти, и поблагодарить васъ за все добро, которое вы ей сдѣлали. Впрочемъ, вы сами назначите цѣну въ вознагражденіе за издержки и попеченія.

— Токеа, началъ индѣецъ, очевидно не много понявшій изъ словъ сквайра, охотно заплатитъ все, что потребуетъ бѣлый начальникъ за пищу и питье бѣлой Розы.

— Вы ошибаетесь, сказалъ сквайръ, плата слѣдуетъ вамъ. Собственно это дѣло суда, но требуйте и ручаюсь вамъ, что всякое справедливое требованіе будетъ удовлетворено.

Digitized by Google

— Бѣлый начальникъ можетъ взять сколько хочетъ, отвѣчалъ Токеа.

— Говорю вамъ, что не вы, а мы должны платить.

— Простилась-ли моя дочь съ своимъ молочнымъ отцомъ? спросилъ индѣецъ Розу, встревожившуюся отъ этихъ словъ.— Розѣ пора уйти изъ вигвама бѣлыхъ; путь Мико далекъ Бѣлые очень опротивѣли Мико.

— Неужели Мико непремѣнно уйдетъ? спросила Роза. О, отецъ моей Канонды, останься; бѣлые полюбятъ тебя какъ брата.

— Индѣецъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее, — какъ? сказалъ онъ — что хочетъ сказать Роза? Бѣлые, ядовитые бѣлые, полюбятъ Токеа какъ брата? Что сдѣлалось съ Бѣлой Розой? онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее и, указывая на шерстяную занавѣсъ — Бѣлая Роза найдетъ тамъ все, что нужно. Токеа очень опротивѣли бѣлые; онъ хотетъ идти.

— Мико, начала она нѣсколько боязливо, потому что теперь ясно было, что индѣецъ ошибочно истолковалъ ея приходъ, — Роза пришла просить тебя остаться еще нѣсколько времени у бѣлыхъ; но если тебѣ нужно идти, то она...

— Мико отецъ своего народа; народъ зоветъ его и онъ долженъ идти; Роза его дочь и Роза Оконіевъ; она будетъ Роза куманчіевъ, сквавой великаго начальника.

— Дѣвушка покраснѣла и невольно отступила. Мико, ты дорогой отецъ моей Канонды, который спасъ мнѣ жизнь и воспиталъ меня, благодарю тебя съ дочерней нѣжностью; но Мико, на твое предложеніе я не могу и не должна согласиться (тутъ дѣвушка задрожала). Я принадлежу больше не тебѣ; я принадлежу своему отцу, своему долго оплакиваемому отцу.

— Роза говоритъ правду; она принадлежитъ своему отцу; продолжалъ все еще неразубѣдившійся Мико. Ноги моей дочери слабы; но она будетъ сидѣть въ каноэ пока не дойдетъ до вигвама Павніевъ, а у Павніевъ много коней.

— Клянусь Богомъ! вскричалъ сквайръ, здѣсь есть ошибка; индѣецъ думаетъ увести Розу. Дружище! сказалъ онъ юношѣ, ступай какъ можно скорѣе къ полковнику Паркеру и приведи съ собой нѣсколько человѣкъ. Только передъ

Digitized by Google

штыками они и чувствуютъ нѣкоторое уваженіе. Роза, милое дитя, замолчи! дикарь смотритъ на меня совсѣмъ свирѣпо, шепнулъ онъ Розѣ.

— Дѣйствительно, въ дикарѣ произошла внезапная, только для проницательнаго взгляда замѣтная перемѣна. По видимому и онъ чувствовалъ, что у него отнимутъ Розу. Безпокойство выразилось на его сухомъ, безжизненномъ, мрачномъ лицѣ.

— Бѣлая Роза, началъ онъ, бросивъ на нее испытующій взглядъ, добрая дочь; она будетъ приготовлять мясо для отца.

— Охотно сдѣлала бы я это для отца моей Канонды, отвѣчала она робко, но еще важнѣйшій долгъ призываетъ меня къ дорогому родителю. Отецъ моей Канонды, Роза пришла проститься съ тобою.

Индѣецъ встрепенулся.

— Я не могу идти съ тобою, но мой отецъ сторицею вознаградитъ тебя за то, что ты сдѣлалъ для его дочери.

— Что хочетъ сказать моя дочь? спросилъ дикарь, все еще не разобравшій дѣла.

— Мико, сказала дѣвушка, отецъ, который далъ мнѣ жизнь, опять нашолся. Роза должна спѣшить къ нему, потому что онъ ищетъ и оплакиваетъ ее уже четырнадцать лѣтъ.

— Токеа далъ жизнь Розѣ; онъ отнялъ ее изъ рукъ отца Ми-ли-мача, онъ давалъ шкуры за молоко, которымъ кормили Розу.

— Но у Розы есть другой отецъ, который ей ближе, потому что его далъ ей Великій Духъ и онъ далъ жизнь Розѣ; къ нему-то она и должна идти. Я должна оставить тебя, Мико, сказала она уже съ бо̀льшей рѣшимостью.

— Индѣецъ бросилъ на дѣвушку взглядъ, въ которомъ закипѣли всѣ страсти ада. Повязка наконецъ упала съ его глазъ; но даже въ эту минуту не покинулъ онъ своей страшной холодности. Внутренняя буря выражалась лишь въ измѣненіяхъ его физіономіи.

— Мико, сказалъ сквайръ, не безъ боязни слѣдившій за

Digitized by Google

этими симптомами готовой разразиться бури. Мико, вы слышали, что вамъ сказалъ великій воинъ?

Индѣецъ не удостоилъ его ни одного взгляда, все его тѣло лихорадочно затряслось, рука протянулась за боевымъ ножомъ и онъ взглянулъ на Розу такъ, что сквайръ невольно очутился подлѣ нея. Къ удивленію майора, къ дѣвушкѣ возвратилась вся ея рѣшимость и въ ней обнаружилось даже нѣкоторое величіе.

— Мико, сказала она, раскрывая объятія и готовясь броситься къ нему, я должна тебя покинуть!

— Что сказала моя дочь? твердилъ Токеа, какъ-бы не довѣряя своимъ ушамъ. Токеа не ея отецъ? Она не хочетъ— и тутъ его голосъ принялъ такой неестественно свистящій тонъ, что трактирщикъ и его жена съ крикомъ подбѣжали къ двери — она не хочетъ слѣдовать за Мико?

— Она не можетъ,—отвѣчала Роза съ необыкновенной рѣшимостью.

— Остановись, Токеа! остановись, если тебѣ дорога жизнь! вскричалъ сквайръ, и посмотри мнѣ въ лицо. Въ тебя опять вселился дьяволъ.

— Моя дочь говоритъ, продолжалъ Индѣецъ, не удостоивая сквайра отвѣта, что она нашла другого отца?

— И она хочетъ остаться у бѣлыхъ?

— Роза должна.

— И Роза, продолжалъ онъ съ той-же наружной-холодностью, хочетъ оставить Мико? Пустить его одного въ далекій путь?

Говоря это съ тѣмъ-же притворнымъ спокойствіемъ, онъ снялъ съ плечь ремни за которые привязанъ былъ гробъ, въ одинъ прыжокъ очутился подлѣ Розы и, схвативъ ее на руки, бросился къ двери въ сосѣднюю комнату, такъ что стекла въ этой двери разлетѣлись на тысячу кусковъ.

— Такъ бѣлая змѣя думаетъ, что Мико дуракъ! кричалъ онъ съ гнѣвно сверкающими глазами, держа дѣвушку лѣвой рукою, а правой хватаясь за ножъ.

— Мико! вскричалъ молодой начальникъ, сидѣвшій все время молча и безучастно, но теперь вскочилъ, пораженный необычайнымъ выраженіемъ ярости и подбѣжалъ къ старику.

Digitized by Google

— Такъ бѣлая змѣя думаетъ, кричалъ разъяренный дикарь, насмѣшливо-свистящимъ голосомъ, съ пѣною у рта, — Такъ бѣлая змѣя думаетъ, что Мико кормилъ ее, платилъ за нее шкурами, лелѣялъ какъ цвѣтокъ для бѣлыхъ, ядовитыхъ бѣлыхъ, на которыхъ онъ плюетъ? онъ съ отвращеніемъ плюнулъ.

— Именемъ всемогущаго Бога, остановитесь! Вы всѣ умрете, если сдѣлаете этому ребенку какой нибудь вредъ! вскричалъ сквайръ, схватившій стулъ и силой прокладывая себѣ дорогу, хотя Куманчій и Оконій отталкивали его.

— Такъ для этого-то бѣлая змѣя хотѣла идти къ бѣлымъ. Знаетъ-ли мой сынъ, что Бѣлая Роза измѣнила своему отцу, продала его бѣлымъ? крикнулъ онъ Куманчію. Хочетъ-ли бѣлая змѣя слѣдовать за своимъ отцомъ?

— Не могу! отвѣчала она, голосъ моего бѣлаго отца зоветъ меня.

Смертельная ненависть выразилась на минуту на лицѣ дикаря, пока онъ держалъ на рукахъ почти безчувственную дѣвушку.

— Токеа оставитъ Бѣлую Розу бѣлымъ, сказалъ онъ съ язвительнымъ смѣхомъ, занося ножъ надъ ея грудью.

— Боже, онъ убьетъ ее! вскрикнулъ майоръ, какъ безумный пробившись къ дикимъ; но молодой Мексиканецъ предупредилъ его въ эту рѣшительную минуту. Въ одинъ прыжокъ, очутившись между ножомъ дикаря и его жертвой, онъ вырвалъ Розу изъ его рукъ и такъ толкнулъ Токеа въ дверь, что она разлетѣлась.

— Токеа въ самомъ дѣлѣ дикая кошка! вскричалъ онъ съ отвращеніемъ; онъ забываетъ, что онъ начальникъ своего народа, отецъ, который можетъ навлечь стыдъ на имя красныхъ воиновъ. Эль-Соль стыдится такого отца!

Эти слова, произнесенныя на языкѣ Павніевъ, произвели неописанное дѣйствіе на дикаря. Онъ выпрямился, но тотчасъ-же упалъ какъ безчувственный. Эль-Соль подбѣжалъ и поднялъ его.

Между тѣмъ, пришли ополченцы съ примкнутыми штыками.

Digitized by Google

— Не отвести-ли индѣйцевъ въ тюрьму? спросилъ лейтенантъ Паркеръ.

Майоръ все еще стоялъ безмолвно, обнявъ Розу обѣими руками.

— Лейтенантъ Паркеръ, сказалъ онъ, возьмите пока Розу; Всемогущій самъ защитилъ ее и намъ не подобаетъ искать мести. Но Токеа, сказалъ онъ, подходя къ дикарю и обѣими руками прижимая его къ стѣнѣ. Токеа, по нашимъ законамъ, ты заслужилъ смерть и петля была-бы для тебя легчайшимъ наказаніемъ; но ступай отсюда, только сію-же минуту. Не намъ творить судъ надъ такимъ существомъ какъ ты. Предоставляемъ тебя наказанію твоей совѣсти!

Роза лежала почти безъ сознанія на рукахъ сквайра. Теперь она осмотрѣлась и приподнялась. Онъ былъ моимъ отцомъ, моимъ несчастнымъ отцомъ! умоляла она и обвилась руками вкругъ шеи дикаря. «Отецъ моей Канонды! Роза никогда не оставила-бы тебя, но ее зоветъ голосъ ея родного отца; простишь-ли ты своей бывшей дочери?»

Индѣецъ не издалъ ни одного звука. Она съ минуту посмотрѣла на него глазами полными слезъ, потомъ обратилась къ Эль-Соль, почтительно преклонилась передъ нимъ по ихъ обычаю и удалилась съ своими проводниками.

Молодой начальникъ все еще стоялъ какъ во снѣ, между тѣмъ какъ Роза, майоръ и ополченцы уже далеко ушли отъ гостинницы. Вдругъ, онъ явился около нихъ, остановился передъ Розой, схватилъ ея руки, прижалъ ихъ къ своей груди и такъ грустно склонилъ голову, что всѣ остановились безмолвно.

— Эль-Соль, прошепталъ онъ чуть слышнымъ голосомъ, видѣлъ Розу и никогда не забудетъ ее.—Потомъ ушолъ не взглянувъ ни на кого болѣе.

— Право, онъ плакалъ, этотъ благородный дикарь! сказалъ растроганный сквайръ.

Digitized by Google

ГЛАВА XLIII.

Въ индѣйской землѣ стоитъ высокій
камень,
Много уже столѣтій, каждому въ тя-
гость,
На его вершинѣ завываетъ буря,
Внизу извивается червь.

Пѣсня наѣздниковъ.

Спустя часъ, индѣйцы покидали *Байю* въ томъ-же самомъ каноэ, въ которомъ прибыли. На десятый день пути, очутились они на высокой равнинѣ, гдѣ сходятся границы Луизіаны и Арканзаса съ западной Мексикой. Передъ ними лежали еще покрытыя снѣгомъ вершины горъ, за которыми тянулись необозримыя степи.

Солнце только что скрылось за снѣговыми горами, когда они пристали къ лѣвому берегу Красной рѣки. Выйдя изъ каноэ, они пошли къ одному утесу, который высится невдалекѣ отъ берега, въ пустой соляной степи и въ срединѣ котораго находится пещера, довольно похожая на каменный сводъ. Тамъ они расположились на ночлегъ. Этотъ утесъ представляетъ воображаемую пограничную линію, которую Павніи и другія два племени назначили для своихъ охотничьихъ областей. Молодой начальникъ велѣлъ своимъ развести огонь, потому что старикъ, только что покинувшій жаркій климатъ Луизіаны, дрожалъ отъ холода. Тотчасъ послѣ скуднаго ужина, старикъ начальникъ съ своими Оконіями растянулся передъ огнемъ и заснулъ. Эль-Соль слушалъ еще легенду, которую разсказывалъ одинъ изъ его Куманчіевъ, какъ вдругъ отдаленный звукъ долетѣлъ до его слуха. Три воина тотчасъ вскочили на ноги и наклонили головы по направленію вѣтра, донесшаго звукъ до ихъ ушей.

— Собаки! проворчалъ молодой куманча, они гонятся за врагомъ, который ихъ только ранилъ, когда въ его власти было ихъ уничтожить. И разбудивши спящихъ, онъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ каноэ. Онъ подалъ знакъ Мико и троимъ Оконіямъ сѣсть въ него, между тѣмъ какъ

Digitized by Google

самъ, съ своими Куманчіями, поползъ по узкому берегу вдоль рѣки. Проплывъ около мили, каноэ остоновился и молодой начальникъ съ товарищами вошолъ въ него, обломавъ напередъ нѣсколько вѣтвей у прибережныхъ кустарниковъ. Они доплыли до края утеса, гдѣ молодой куманча оставилъ старика и его людей, а самъ съ остальными дикарями поползъ къ степямъ. Труппа въ двадцать или двадцать пять всадниковъ остановилась у подножія утеса. Нѣкоторые дикари слѣзли и осматривали мѣстность, гдѣ останавливались передъ этимъ наши индѣйцы. Когда они, при лунномъ свѣтѣ ползая, мѣркли слѣды, можно было усумниться, что это люди, а не амфибіи, выползшія ночью изъ водяной глубины. Половина дикихъ все еще сидѣла на лошадяхъ.

Молодой начальникъ съ напряжоннымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми движеніями своихъ враговъ и, приложивъ ухо къ утесу, стоялъ какъ каменная статуя. Вдругъ, онъ далъ знакъ своимъ товарищамъ и пятеро индѣйцевъ поползли съ такимъ усердіемъ и осторожностью къ оставшимся въ степи, что самое привычное ухо не было-бы въ состояніи схватить ни малѣйшаго звука. Только тихая волнистая поверхность отдѣляла ихъ отъ враговъ. Эль-Соль поднялся, взглянулъ при лунномъ сіяніи на темныя фигуры дикарей, далъ знакъ и черезъ минуту пятеро дикихъ упали на землю. Поднялся страшный вой. Быстрый какъ молнія, мексиканецъ напалъ на испуганныхъ противниковъ, которые отшатнулись съ новымъ воемъ. Только при необыкновенномъ искусствѣ молодого Куманчія и его товарищей возможно было поймать шестерыхъ полу-дикихъ коней. Движенія ихъ было такъ быстры, что уздечки, или скорѣе путы лошадей, почти перешли изъ рукъ враговъ въ руки побѣдителей; остальныя животныя въ испугѣ становились на дыбы, покружились на мѣстѣ и понеслись въ далекую, темную степь.

— Куманчіи вскочили на отнятыхъ лошадей и быстро поскакали къ берегу. Едва успѣли они сѣсть въ каноэ, таща за собою лошадей по рѣкѣ, какъ пули и стрѣлы стали свистать у нихъ надъ головами.

— Обѣщаетъ-ли мнѣ сынъ мой быть добрымъ отцомъ

Digitized by Google

Оконіевъ? Спросилъ старый начальникъ глухимъ голосомъ, между тѣмъ какъ послѣднія пули еще пролетали мимо ихъ.

— Отцомъ и братомъ, отвѣчалъ Куманчій. Но къ чему этотъ вопросъ, отецъ мой? Мой отецъ будетъ еще долго радоваться на своихъ дѣтей.

— Поклянется-ли Эль-Соль Великимъ Духомъ? Повторилъ старикъ настойчивѣе и хриплымъ голосомъ.

— Поклянется, отвѣчалъ молодой начальникъ.

— Ну такъ они не посмѣются надъ тѣломъ его и его отца, простоналъ онъ; но такова воля Великаго Духа, что Токеа не увидитъ земли Куманчіевъ; онъ осужденъ умереть на землѣ бѣлыхъ.

Онъ захрипѣлъ, пробормоталъ еще нѣсколько отрывистыхъ словъ въ уши своихъ Оконіевъ, разразившимся самымъ дикимъ воемъ и упалъ на руки Эль-Соля, даже въ предсмертныхъ судорогахъ все еще прижимая къ груди гробъ, но мало по малу, руки его разжались и онъ бездыханный упалъ въ каноэ. Молодой начальникъ въ нѣмой скорби бросился на его трупъ. Пуля попала Мико въ шею сзади. Каноэ давно уже присталъ къ противоположному берегу, а Эль-Соль все лежалъ на трупѣ, пока шопотъ его вѣрныхъ товарищей не извѣстилъ его объ опасности. Тогда, онъ поднялъ на плеча тѣло, положилъ его на лошадь, вспрыгнулъ самъ и направился съ своими печальными спутниками къ вигваму Павніевъ племени Тобасковъ. На другой день, съ дикими погребальными пѣснями, похоронили дикарей.

ПОСТСКРИПТУМЪ.

Между многими газетными объявленіями того изъ Штатовъ, гдѣ произошли описанныя событія, мы нашли подъ рубрикою о бракосочетаніяхъ слѣдующія строки, способныя заинтересовать нашихъ читателей и выписываемъ ихъ цѣликомъ:

Достопочтенный Исаія Симпкинсъ соединилъ брачными узами, сегодня 13 марта 1816 года, достойнѣйшую и высо-

Digitized by Google

непросвѣщенную миссъ Марію Копленд, дочь уважаемаго Джона Копленда изъ того-же графства и жены его Юдиѳи Копленд, съ господиномъ Іаковомъ Геджесомъ, прежде служившимъ въ британскомъ королевскомъ флотѣ, а нынѣ находящимся въ Hodges-Seat того-же Штата.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JUN 11 1976

Digitized by Google

Digitized by Google